№ 9
сентябрь
2026 г.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

LAW and MANAGEMENT

scientific and legal journal

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам гражданского, административного права,судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности, а также правовому мониторингу гражданского законодательства в России и мире

Monthly analytical scientific and legal journal on topical issues of civil, administrative law, judicial power, law enforcement and human rights activities, as well as legal monitoring of civil legislation in Russia and the world

Председатель редакционного совета:
доктор юридических наук, профессор
Василий Васильевич Гущин
Главный редактор:
доктор юридических наук, профессор
Светлана Анатольевна Иванова
Заместитель главного редактора:
доктор юридических наук, доцент
Марат Селирович Шайхуллин
Заместитель главного редактора
по научному развитию:
Руслан Гандалоев
кандидат политических наук, доцент
Корректор:
Вера Ивановна Козлова
Компьютерная верстка и дизайн:
Марина Владимировна Горячева

Chairman of the Editorial Board:
doctor of law sciences, professor
Vasily Vasilievich Gushchin
Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, professor
Svetlana Anatolyevna Ivanova
Deputy Editor-in-Chief:
doctor of law sciences, associate professor
Marat Selyovich Shaikhullin
Deputy Editor-in-Chief
for Scientific Development:
Ruslan Gandaloev
candidate of Political Science, Associate Professor
Corrector:
Vera Ivanovna Kozlova
Computer layout and design:
Marina Vladimirovna Goryacheva

Учредитель и издатель:
Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84981, ПИ № ФС77-46150 от 12 августа 2011 г.)
Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Адрес редакции (для писем): 111397,
г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

Founder and Publisher:
Publishing house «YURKOMPANI»

Registered with the Federal Supervision Service in communications, information technology and mass communications (EL Media Registration Certificate No. FS 77-84981, PN FS77-46150 dated August 12, 2011)
Included in the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and registered with the Scientific Electronic library e-LIBRARY.RU.
ISSN: 2224-9133

Editorial address (for letters): 111397, Moscow,Green Avenue, 22-302.
Home page: www.law.law-books.ru
E-mail: mail@law-books.ru

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Право и управление» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

When using published materials, the link to the magazine “Right and Control” is mandatory. Materials published in the journal can be placed in electronic legal databases and reference systems. All manuscripts sent are subject to mandatory review. The author of the manuscript is informed of the decision. The editorial opinion may not coincide with the opinion of the author.

Индекс подписки в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46148

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **В.В. Гущин** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности

Заместитель Председателя: **Р.М. Мырзалимов** - доктор юридических наук, советник Председателя Верховного Суда Кыргызской Республики, профессор кафедры административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына

Е.В. Богданов - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

А.В. Барков - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

А.П. Галоганов - доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.П. Камышанский - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Российского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

В.В. Комарова - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Российской Федерации Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В.В. Сангаджиев - ученый секретарь секции, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Ткачев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.В. Химичева - руководитель секции, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель СевероКавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

EDITORIAL BOARD

Chairman: **V.V. Gushchin** - Doctor of Law, Professor, Department of Copyright, Related Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property

Deputy Chairman: **R.M. Myrzalimov** - Doctor of Law, Advisor to the Chairman of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic, Professor, Department of Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University

E.V. Bogdanov - Scientific Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

A.V. Barkov - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia

A.P. Haloganov - Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers

V.P. Kamyshansky - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Kuban State Agrarian University, Head of the Department of Civil Law and Process of the Institute of International Law, Economics, Humanities and Management named after K.V. Russian, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

V.V. Komarova - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy)

V.V. Sangadzhiev - Academic Secretary of the Section, Doctor of Law, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Judicial Power, Law Enforcement and Human Rights Activities of the RUDN Law Institute

V.N. Tkachev - Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russia, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov

O.V. Khimicheva - Section Head, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V.Ya. Kikotya

L.A. Tkhabisimova - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Consti ¬ Tutsionnaya and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the R ussian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.А. Иванова - председатель, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН.

М.С. Шайхуллин - первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Е.Г. Багреева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.И. Глушков - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Л.Ю. Грудцына - доктор юридических наук, профессор, профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН

И.В. Дойников - доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Р.А. Каламкарян - доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

Т.А. Сошникова - доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

Д.П. Стригунова - доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

М.Д. Давитадзе - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики международно-правового факультета Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Открытого гуманитарно-экономического университета

М.М. Дикажев - доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

Ю.В. Николаева - доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

В.Е. Усанов - доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова

Е.Н. Щербак - доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета

Н.Д. Эриашвили - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники

Э.Г. Юзиханова - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России

EDITORIAL BOARD

S.A. Ivanova - Chairman, Editor-in-Chief, Doctor of Law, Professor, Deputy First Vice-Rector for Academic and Methodological Work, Professor of the Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Russian Academy of Sciences.

M.S. Shaikhullin - First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems

Scientific specialty: 5.1.3. Private law (civil) sciences

E.G. Bagreeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation"

A.I. Glushkov - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

L.Yu. Grudtsyna - Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State Academy of Intellectual Property," Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia)," Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

I.V. Doinikov - Doctor of Law, Professor, Moscow City University of Management, Moscow Government

A.A. Dorskaya - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

R.A. Kalamkaryan - Doctor of Law, Professor, Leading Researcher of the International Legal Research Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Law of the Peoples' Friendship University of Russia

A.N. Levushkin - Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice

T.A. Soshnikova - Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Procedure and Social Branches of Law, Moscow University of the Humanities

D.P. Strigunova - Doctor of Law, Associate Professor, Department of International and Integration Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

G.G. Shinkaretskaya - Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Scientific specialty: 5.1.4. Criminal Law Sciences

M.D. Davitadze - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics the International Law Faculty of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Odintsovo Branch, Head of the Department of Criminal Law and Process of the Open Humanitarian and Economic University

M.M. Dikazhev - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Ingush State University

Yu.V. Nikolaeva - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation

G.B. Pronchev - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University named after M.V.

Lomonosov, Senior Researcher, Federal Research Center of Chemical Physics named after N.N. Semenov of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Russia, Moscow

V.E. Usanov - Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University Economics named after G.V. Plekhanov

E.N. Shcherbak - Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities

N.D. Eriashvili - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

E.G. Yuzikhanova - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Preliminary Investigation, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ПОЛИТИКА И ПРАВО
Исаев А.А. * Патриотизм и эгоизм: две гражданские позиции. 15
Власенко Е.Е. * Дискредитация вооруженных сил Российской Федерации как правовая категория: проблемы доктринального осмысления и законодательной регламентации. 19
Амиров Р.З. * Правовые системы постсоветских государств: место в мировой классификации. 24
Шестак В.А., Колбасенков А.О. * К вопросу о координационной деятельности органов военной прокуратуры. 28
Гребенников Д.В. * Необходимое совершенствование уголовно-правовых мер ответственности за организацию деятельности экстремистской организации. 32
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Демченко Н.В., Корчагина К.А., Таранин М.А. * Обеспечение права на защиту в производстве по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации доказательств. 37
Гарифуллина А.Р., Хабибуллина Э.Р. * Защита прав человека в сфере донорства и их трансплантации. 44
Ковалев О.Г., Мельникова О.В.* Социальная гарантия сотрудников уголовно-исполнительной системы на получение материальной помощи: нормативное регулирование и порядок оказания. 52
ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
Бадамшин Д.Н. * Соотношение преддоговорной ответственности и ответственности за недостоверные заверения об обстоятельствах в российском гражданском праве. 58
Засимов А.А. * Формы российского государственно-частного партнерства: регулирование и недостатки. 67
ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА
Зубенко Ю.С. * К вопросу о земельных участках с объектами археологического наследия: баланс частных и публичных интересов. 71
Никитина М.Ю. * Цифровое взаимодействие в сфере регистрации недвижимости: электронная подпись как правовой инструмент и источник рисков. 75
ПРАВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ
Кулаков П.Н. * Разграничение противоправного поведения и вины в поведенческом подходе. 83
Баутин А.Г., Федоренко В.И. * Правовая неопределенность статуса стейблкоинов в Российской Федерации: проблемы идентификации и пути дифференциации правового режима. 86
Пивненко Д.Л. * Положение о зонах охраны объектов культурного наследия как предпосылка изменения подходов к регламентации состава лиц, управомоченных выступать заказчиками проектов иных режимов объектов культурного наследия. 94
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО
Цховребова К.А. * Судебный нормоконтроль как элемент конституционной системы сдержек и противовесов. 98
Чепурных Н.К. * Правовые и технические аспекты экспертизы дорожных условий в рамках судебной автотехнической экспертизы. 102
Сорочкин Р.А. * Арест имущества в УПК РФ: путь к стандартам арбитражного процесса. 105
Мурсалимов А.Т. * Обзор судебной практики и статистических данных о мошенничестве в сфере кредитования. 114
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И АДВОКАТУРА
Омелин В.Н. * Условия причинения вынужденного вреда в оперативно-розыскной деятельности. 119
ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
Шестак В.А., Савенков Д.С. * Генезис прокурорского надзора в сфере оборонно-промышленного комплекса: историко-правовое исследование. 124
ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА
Харина О.Д., Пантелеева А.А. * Амнистия и помилование по российскому уголовному законодательству. 129
Лонщакова А.Р. * Частные принципы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений. 137
ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ
Полякова Я.Н. * Педагогическое управление формированием духовно-нравственных ценностей. 146
Клюев Я.Д. * Правовое регулирование деятельности органов законодательной власти в условиях использования информационных технологий. 149
ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ
Гребенников Д.В. * Криминологические меры предупреждения организации деятельности экстремистской организации и участия в деятельности такой организации. 156

Купряшин В.С. * Актуальные проблемы квалификации и разграничения преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов в Российской Федерации. 165
Дятчина В.П. * Международно-правовое регулирование ответственности за цифрового насилие и вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей. 173
Майстренко Г.А. * Кража в условиях цифровой трансформации: новые подходы к предмету и квалификации хищения в свете постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 19. . 177
Домовец С.С. * О некоторых особенностях выявления фактов хищения чужого имущества и денежных средств в сфере экспресс-доставки товаров и грузов. 185
Богданов Д.Е., Гореев Д.Э., Егоров И.А. * Мошенническое использование обхода технических средств защиты авторских прав: пересечение составов ст. 159 УК РФ и ст. 1299–1300 ГК РФ. 190
Быкова Е.А., Марковский М.С., Таранин М.А. * Использование генеративного искусственного интеллекта при совершении преступлений: проблемы определения роли ИИ в механизме преступного деяния. 198
Караваев Е.С., Медведева Т.В., Темиркаяева Л.Н. * Механизмы уголовной ответственности за содействие террористическим организациям и экстремистским группам. 204
Сергеев В.В., Попов А.Д. * О некоторых особенностях проведения осмотра места происшествия по факту хищения имущества на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры. 210
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
Карабанов Р.М. * Воспитательная работа в контексте психолого-педагогического процесса исправления осужденных к лишению свободы. 213
Царькова Е.Г. * Идентификация осужденных по частоте шага в системах охраны учреждений УИС: технологические возможности и правовые ограничения. 220
Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Особенности индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними осужденными в условиях трансформации уголовно-исполнительной системы. . 225
Лукашенко Д.В. * Теоретические представления о понятии социально-психологического климата исправительных учреждений. 231
Гумерова Р.Р. * Принцип объективности как средство, обеспечивающее эффективность уголовно-процессуальной деятельности следователя в уголовном судопроизводстве России. 234
Карабанов Р.М. * Проблемные вопросы организации адаптации осужденных к лишению свободы в начальный период отбывания наказания. 239
Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Аттестация сотрудников уголовно-исполнительной системы как правовой механизм обеспечения их прав и законных интересов, эффективности профессиональной деятельности. 245
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
Кубиясова А.М., Злищева Л.А., Синяева И.Г. * Административная деятельность полиции по профилактике правонарушений в цифровой среде. 251
ДИСКУССИЯ
Кашкина Е.В. * Особенности системы отношений. 257
Дмитриев Г.Г. * Профессиональная этика в системе исполнения наказаний. 262
Фиалковская Е.В. * Социальная значимость стрессогенности личности сотрудников ФСИН России 267
Пивненко Д.Л. * Некоторые дискуссионные аспекты потенциального правового регулирования состава и содержания проектной документации по сохранению и изучению объектов культурного наследия. 271
Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Характеристика отдельных этических требований к сотрудникам уголовно-исполнительной системы. 276
Мухлынина М.М. * Принцип in dubio pro natura как фундамент экологического конституционализма 282
Патюлин Г.С. * Аксиология конституционных принципов в контексте суверенитета и современного государствоведения. 288
МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО
Бутба А.Э. * Цифровые технологии в здравоохранении: правовой аспект. 297
Сидиропуло И.Г. * К вопросу о понятии и системе преступлений в сфере медицинской деятельности в контексте современной уголовной политики. 302
ТРУДОВОЕ ПРАВО
Моисеева Е.Н. * Трансформация сферы трудовых отношений под влиянием искусственного интеллекта (правовой аспект). 307

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ
Булавкин А.А., Косовская Д.В., Четвероус А.Н. * Уголовно-правовые проблемы противодействия дропперству: разграничение неправомерного оборота средств платежей, мошенничества и соучастия в преступлении. 312
Дмитриев Г.Г., Бодяков В.Н. * Преступления против личности и современный киберпреступник. . 319
Слободенюк М.А. * Проблемные аспекты правового регулирования предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних. 323
Рудь М.Л., Шапошникова Н.С., Юзьвак С.А. * Цифровая валюта и цифровые права как предмет хищения: современные проблемы уголовно-правовой квалификации. 330
ЦИФРОВОЕ ПРАВО
Ефремова О.С. * Цифровая криминология: предпосылки формирования и перспективы развития.337
Тарасов А.А. * Экономические основы современного терроризма в цифровой сфере: уголовно-правовой аспект противодействия. 341
Ковалев О.Г., Мельникова О.В. * Основные категории цифровых прав осужденных к лишению свободы и особенности их реализации в условиях исправительного учреждения. 348
Старикова М.К. * Особенности правового регулирования гибридной формы занятости в условиях цифровизации экономики. 354
Осташев А.А. * Доктрина противодействия ИКТ-правонарушениям 2026 года: проблемы правового регулирования цифровых доказательств и пути их решения. 361
ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
Никулина А.В. * Частноправовая модель предпринимательской охранной деятельности. 370
Пивненко Д.Л. * Некоторые дискуссионные аспекты гражданской правоспособности разработчиков проектов режимов объектов культурного наследия. 376
Калинина Е.В. * Смарт-контракт в механизме цифрового исполнения договорных обязательств. . 380
Чердакова Л.А., Репина В.В. * Наследование цифровых активов: сравнительно-правовой анализ правового регулирования института (на примере норм гражданского законодательства Российской Федерации и стран Англо-Саксонской правовой системы). 388
Панов А.Е. * К вопросу о месте государственной пошлины, уплаченной залоговым кредитором в рамках дела о банкротстве, в реестре требований кредиторов. 394
ЭКОНОМИКА И ПРАВО
Плеходанов В.Д., Балашов К.Г. * Организованные формы посредничества в незаконных финансовых операциях (дропперство): детерминанты, механизм функционирования и проблемы противодействия. 400
ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
Майстренко Г.А. * Эволюция уголовного наказания в России XVI-XVIII веков: от публичного устрашения к государственно-утилитарной модели. 406
Назарли М.А. * Местные советы народных депутатов в СССР и РСФСР середины 1980-х гг.: противоречия правового статуса и предпосылки реформирования местного управления. 415

POLICY AND LAW
Isaev A.A. * Patriotism and egoism: two civic positions. 15
Vlasenko E.E. * Discreditation of the armed forces of the Russian Federation as a legal category: problems of doctrinal understanding and legislative regulation. 19
Amirov R.Z. * Legal systems of post-soviet states: place in the world classification. 24
Shestak V.A., Kolbasenkov A.O. * On the issue of coordinating activities of military prosecutor's offices. 28
Grebennikov D.V. * Criminal liability measures for organizing the activities of an extremist organization need to be improved. 32
HUMAN RIGHTS AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES
Demchenko N.V., Korchagina K.A., Taranin M.A. * Ensuring the right to defence in administrative offence proceedings amid the digitisation of evidence. 37
Garifullina A.R., Khabibullina E.R. * Human rights protection in the field of organ donation and transplantation. 44
Kovalev O.G., Melnikova O.V. * Social guarantee of employees of the penitentiary system for financial assistance: regulatory regulation and provision procedure. 52
CIVIL LAW THEORY
Badamshin D.N. * The relationship between pre-contractual liability and liability for inaccurate representations in russian civil law. 58
Zasimov A.A. * Forms of russian public-private partnership: regulation and shortcomings. 67
TITLE AND OTHER PROPERTY RIGHTS
Zubenko Yu.S. * On the issue of land plots with archaeological heritage objects: balancing private and public interests. 71
Nikitina M.Yu. * Digital interaction in the field of real estate registration: electronic signature as a legal tool and a source of risks. 75
LAW AND ENFORCEMENT
Kulakov P.N. * Distinction between unlawful conduct and fault in the behavioral approach. 83
Bautin A.G., Fedorenko B.I. * Legal indefiniteness of the status of stealth coins in the Russian Federation: identification problems and differentiation of the legal treatment. 86
Pivnenko D.L. * Regulations on protection zones for cultural heritage objects as a prerequisite for changing approaches to regulating the list of persons authorized to act as customers for projects of other regimes for cultural heritage objects. 94
JUDICIAL POWER AND PROCEEDINGS
Tskhovrebova K.A. * Judicial review as an element of the constitutional system of checks and balances. 98
Chepurnykh N.K. * Legal and technical aspects of the expertise of road conditions within the framework of forensic automotive technical expertise. 102
Sorochkin R.A. * Seizure of property in the criminal procedure code of the Russian Federation: the path toward the standards of arbitration procedure. 105
Mursalimov A.T. * Review of jurisprudence and statistics about credit fraud. 114
LAW ENFORCEMENT AND ADVOCACY
Omelin V.N. * Conditions for causing unintentional injury in operational and investigative activity. 119
PROSECUTORIAL SUPERVISION
Shestak V.A., Savenkov D.S. * The genesis of prosecutorial supervision in the sphere of the defence industrial complex: a historical and legal study. 124
CRIMINAL LAW THEORY
Kharina O.D., Panteleeva A.A. * Amnesty and pardon under russian criminal law. 129
Lonshchakova A.R. * Particular principles of forensic support for crime prevention. 137
CONTROL THEORY
Polyakova Ya.N. * Pedagogical management of the formation of spiritual and moral values. 146
Klyuev Ya.D. * Legal regulation of the activities of legislative bodies in the context of the use of information technologies. 149
CRIME AND PUNISHMENT
Grebennikov D.V. * Criminological measures to prevent the organization of an extremist organization and participation in the activities of such organizations. 156
Kupryashin V.S. * Current problems of classification and delineation of crimes related to illegal trafficking of pornographic materials and items in the Russian Federation. 165
Dyatchina V.P. * International legal regulation of liability for digital violence and the involvement of minors in illegal activities through information and telecommunication networks. 173

Maistrenko G.A. * Theft in the context of digital transformation: new approaches to the object and legal classification of misappropriation in light of resolution no. 19 of the plenum of the supreme court of the Russian Federation of 16 june 2026. 177
Domovets S.S. * About some features of identifying cases of theft of other people's property and money in the field of express delivery of goods and cargo. 185
Bogdanov D.E., Goreev D.E., Egorov I.A. * Fraudulent use of circumvention of technical means of copyright protection: crossing the compositions of art. 159 of the criminal code of the Russian Federation and st. 1299-1300 civil code of the Russian Federation. 190
Bykova E.A., Markovsky M.S., Taranin M.A. * Use of generative artificial intelligence in crime: determining the role of AI in the mechanism of a criminal act. 198
Karavaev E.S., Medvedeva T.V., Temirkayeva L.N. * Mechanisms of criminal liability for assistance to terrorist organizations and extremist groups. 204
Sergeev V.V., Popov A.D. * On certain aspects of conducting a crime scene examination regarding the theft of property at transport facilities and transport infrastructure. 210
CRIMINAL PROCEDURE
Karabanov R.M. * Educational work in the context of the psycho-pedagogical process of correcting those sentenced to imprisonment. 213
Tsarkova E.G. * Identification of convicts based on step frequency in security systems of penitentiary institutions: technological capabilities and legal restrictions. 220
Kovalev O.G., Melnikova O.V. * Features of individual preventive work with juvenile convicts in the context of the transformation of the penal enforcement system. 225
Lukashenko D.V. * Theoretical ideas about the concept of the socio-psychological climate of correctional institutions. 231
Gumerova R.R. * Principles of objectivity as a means of ensuring the effectiveness of the criminal procedural activities of the investigator in the criminal proceedings of Russia. 234
Karabanov R.M. * Problematic issues of the organization of adaptation of convicts to imprisonment in the initial period of serving the sentence. 239
Kovalev O.G., Melnikova O.V. * Attestation of employees of the penal enforcement system as a legal mechanism for ensuring their rights and legitimate interests, and the effectiveness of their professional activities. 245
ADMINISTRATIVE LAW
Kubiyasova A.M., Zlishcheva L.A., Sinyaeva I.G.* Administrative activities of the police in preventing offenses in the digital environment. 251
DISCUSSION
Kashkina E.V. * Features of the relationship system. 257
Dmitriev G.G. * Professional ethics in the penal system. 262
Fialkovskaya E.V. * Social significance of personal stress of employees of the federal penitentiary service of Russia. 267
Pivnenko D.L. * Some discussed aspects of potential legal regulation of the composition and content of project documentation for the preservation and study of cultural heritage objects. 271
Kovalev O.G., Melnikova O.V. * Characteristics of certain ethical requirements for employees of the penal enforcement system. 276
Mukhlynina M.M. * The principle of in dubio pro natura as the foundation of environmental constitutionalism. 282
Patiulin G.S.* Axiology of constitutional principles in the context of sovereignty and modern state studies 288
MEDICAL LAW
Butba A.E. * Digital technologies in healthcare: the legal aspect. 297
Sidiropulo I.G. * On the issue of the concept and system of crimes in the field of medical activities in the context of modern criminal policy. 302
EMPLOYMENT LAW
Moiseeva E.N. * Transformation of the labor relations sphere under the influence of artificial intelligence (legal aspect). 307
CYBERCRIME
Bulavkin A.A., Kosovskaya D.V., Chetverous A.N. * Criminal-law problems of combating dropper activity: distinguishing illegal circulation of payment instruments, fraud and complicity in crime. 312
Dmitriev G.G., Bodyakov V.N. * Cybercriminal committing crimes against the individual: a psychological and forensic portrait. 319

Slobodenyuk M.A.* Problematic aspects of legal regulation of prevention of cybercrime of minors. 323
Rud M.L., Shaposhnikova N.S., Yuzvak S.A. * Digital currency and digital rights as the subject of theft: current problems of criminal-law qualification. 330
DIGITAL LAW
Efremova O.S. * Digital criminology: precursors of formation and development prospects. 337
Tarasov A.A. * Economic foundations of modern terrorism in the digital sphere: the criminal-legal aspect of counteraction. 341
Kovalev O.G., Melnikova O.V. * Main categories of digital rights of persons sentenced to imprisonment and peculiarities of their implementation in a correctional institution. 348
Starikova M.K. * Features of the legal regulation of the hybrid form of employment in the context of the digitalization of the economy. 354
Ostashev A.A. * The 2026 doctrine on countering ict-related offenses: issues regarding the legal regulation of digital evidence and solutions. 361
CIVIL LAW ISSUES
Nikulina A.V. * Private law model of entrepreneurial security activity. 370
Pivnenko D.L. * Certain discussed aspects of the civil legal capacity of developers of projects regarding the treatment of cultural heritage sites. 376
Kalinina E.V. * The smart contract in the mechanism of digital performance of contractual obligations. . 380
Cherdakova L.A., Repina V.V. * Inheritance of digital assets: comparative legal analysis of the legal regulation of the institute (based on the norms of the civil law of the Russian Federation and the countries of the Anglo-Saxon legal system). 388
Panov A.E. * Regarding the issue of the status of the state fee paid by the secured creditor in the bankruptcy case in the register of creditors' claims. 394
ECONOMICS AND LAW
Plekhodanov V.D., Balashov K.G. * Organized forms of mediation in illicit financial transactions (droppery): determinants, mechanism and countermeasures. 400
HISTORICAL ARCHIVE
Maistrenko G.A.* The evolution of criminal punishment in Russia in the sixteenth-eighteenth centuries: from public deterrence to a state-utilitarian model. 406
Nazarli M.A. * Local soviets of people's deputies in the USSR and the RSFSR in the mid-1980s: contradictions of legal status and prerequisites for reforming local government. 415

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-15-18

ИСАЕВ Андрей Анатольевич,
начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уфимского юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент,
e-mail: mail@law-books.ru

ПАТРИОТИЗМ И ЭГОИЗМ: ДВЕ ГРАЖДАНСКИЕ ПОЗИЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются две противоположные гражданские позиции: патриота и эгоиста. Их анализ проведен на основе современных политических реалий, сложившихся в Российской Федерации. Проводится сравнение с политической ситуацией в нашей стране после образования советского государства. Делается вывод о необходимости патриотического воспитания российской молодежи.*

Ключевые слова: *патриот, эгоист, русская эмиграция, национальный менталитет, поддержка государства, идея патриотизма, молодежь.*

ISAEV Andrey Anatolyevich,
Head of the Department of Social Sciences, Humanities and Economics of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Philosophy, Associate Professor

PATRIOTISM AND EGOISM: TWO CIVIC POSITIONS

Annotation. *The article considers two opposing civic positions: patriot and egoist. Their analysis was carried out on the basis of modern political realities prevailing in the Russian Federation. A comparison is made with the political situation in our country after the formation of the Soviet state. It is concluded about the need for patriotic education of Russian youth.*

Key words: *patriot, egoist, Russian emigration, national mentality, support for the state, the idea of patriotism, youth.*

Размышляя о судьбе России и месте каждого гражданина нашего государства в ней, невольно приходишь к мысли, что политическая и гражданская идентичность личности сегодня либо тесно связана с патриотизмом, либо – с эгоизмом. Либо человек горячо любит свою Родину, либо – также любит себя. Это противопоставление, конечно, не является абсолютным. Нельзя сказать, что российское общество раскололось надвое: с одной стороны – патриоты, с другой – эгоисты. Социально-политическая структура нашего общества намного сложнее, но именно эти полярные точки зрения необходимо проанализировать, чтобы понять сегодняшнюю гражданскую ситуацию в России.

Определимся с содержанием понятий: патриот и эгоист, чтобы потом оперировать именно тем смыслом, каким мы их наделяем. Патриот – это человек, который беззаветно и бескорыстно любит свою Отчизну, свою Родину со всеми ее достоинствами и недостатками. Он может критиковать ее, указывая на ошибки в ее развитии, но он будет вместе с ней, даже в самые тяжелые времена. Показателен в этой связи пример русского мыслителя К.Н. Леонтьева. Описывая его жизненный и духовный путь в книге «Русские мыслители», Д.В. Матяш, Т.П. Матяш утверждают, что в конце своей жизни мыслитель пришел к трагическому для него выводу об ослаблении роли православия, монархии и соборности в русском народе, влекущем за собой усиление тлетворного влияния Запада. Далее они пишут: «В жизни мыслителя наступил самый трудный период: не переставая любить Россию «как мать», он од-

новременно начал презирать ее «как пьяную, бесхарактерную до низости дуру»» [1, с. 229]. Хотя в молодые годы он придерживался других взглядов о судьбе и предназначении России: «На будущее своей страны Леонтьев в 60-е годы смотрел с восторженным оптимизмом. Историческое призвание родного Отечества он видел в противопоставлении буржуазной прозе и бесцветности новейшего Запада поэзии преображенной жизни России, которая должна наполниться разнообразием и богатством» [2, с. 134].

И дело совсем не в том, что патриот остается в своей стране поневоле, не имея средств к существованию в другом государстве. Все дело в его вере в возрождение своей Родины и наступление светлых для нее времен. Об этом пел Игорь Тальков в песне «Я вернусь»: Я пророчить не берусь, но точно знаю, что вернусь, пусть даже через сто веков в страну не дураков, а гениев и, поверженный в бою, я воскресну и спою, на первом дне рождения страны, вернувшейся с войны [3].

Эгоист – это не просто противоположность патриота, это скорее человек равнодушный к судьбе своей Родины, потому что для него важнее всего собственный комфорт. Он не намерен терпеть какие-либо лишения, ожидая, что когда-то станет лучше. Ему надо все здесь и сейчас! Современный чилийский философ и писатель Д. С. Соммэр в своей книге «Мораль XXI века» пишет: «Эгоизм означает «безмерную любовь человека к самому себе, ведущую к безграничной заботе о собственных интересах и полному безразличию к другим людям»» [4, с. 168].

Иногда, эти люди прикрывают свою позицию красивыми эпитетами: «Я – гражданин мира!», «Я – космополит» и т.п. В самое тяжелое для страны время этот человек будет искать способы обезопасить свое собственное существование. Именно такие становятся предателями Родины, или, если они действуют в публичном информационном пространстве, иноагентами. Конечно, проблема эта очень сложна и неоднозначна. Можно ли осудить человека, который пошел на предательство ради спасения жизни своего любимого человека, или своих детей? Это не эгоизм привел его к данному решению, а безграничная любовь к родным людям. А как оценить эмиграцию русской интеллигенции после прихода к власти большевиков, когда Родине было тяжело и ее «лихорадило»? Но, находясь за границей, они до конца своей жизни переживали за судьбу России, не оставались равнодушными к тем событиям, которые происходили на их Родине. Об этом свидетельствуют статьи из философско-религиозного журнала «Путь», печатавшегося в Париже с 1925 по 1940 годы под редакцией Н.А. Бердяева. В № 1 от сентября 1925 года в статье «Духовные задачи русской эмиграции» (От редакции) мы читаем: «Русской эмиграции при длительном пребывании вне родины грозит распыление, денационализация, потеря связи с Россией, с русской землей и русским народом. Каждый может превратиться в оторванный атом, занятый исключительно сохранением своей жизни. Лишь напряженной духовной жизнью, лишь верностью идее России может русское рассеяние сохранить себя, как единый русский народ, органически связанный с русским народом, в советской России, сохранившим верность той же идее. Раскол между эмиграцией и Россией, оставшейся под большевизмом, должен быть преодолен. От этого зависит будущее русского народа. Процессы, происходящие в эмиграции, сами по себе не имеют значения, они имеют значение лишь в органической связи с теми процессами, которые происходят в самой России» [5, с. 10]. Эти слова красноречиво подтверждают неугасаемую любовь к России и искренние переживания за ее судьбу русской эмиграции. Физически находясь за границей своей родины, они не прерывали духовную связь с советской Россией, с русским народом. К сожалению, этого нельзя сказать о так называемых релокантах, покинувших нашу страну после начала специальной военной операции на Украине и объявления частичной мобилизации. Это как раз те «оторванные атомы», которые заняты исключительно обеспечением своего собственного комфорта и «сохранением своей жизни». Являясь гражданами Российской Федерации по паспорту, по сути – они таковыми не являются. Их либо совершенно не волнует судьба своего государства, либо волнует, но с негативной точки зрения. Куда катится Россия? В этой стране невозможно жить! Власть совершенно не думает о народе! Примерно такая характеристика дается современному российскому государству.

Русская послереволюционная эмиграция, конечно, тоже критиковала новую большевистскую власть, ее политику и решения, принимаемые ей. Но в этой критике сохранялось искреннее желание не разорвать духовную связь с русским народом, с родной землей. Современные критики, покинувшие страну, считают оставшийся народ, безвольно подчиняющейся действующей власти частью российского общества, марионетками правящего режима. В их затуманенном сознании в принципе не может возникнуть мысль о высокой любви к своей Родине, о безоговорочной ответственности за судьбу своей Отчизны, о братском единении всех народов нашей большой страны перед лицом сложившейся угрозы. Именно эти чувства, духовно-нравственные ценности и принципы [10] определяют сегодня поступки, поведение [12, с. 9] и в целом жизнедеятельность большинства россиян [11]. В этом заключается их воля, а не в слепом выполнении того, что хо-

чет власть. То, что российский народ в большинстве своем поддерживает власть, говорит лишь о единстве стремлений «верхов» и «низов». Об исторически присущем нам чувстве патриотизма с высокой трибуны сказал В. В. Путин: «Горжусь – думаю, что все мы гордимся, – что наш многонациональный народ, абсолютное большинство граждан заняли принципиальную позицию в отношении специальной военной операции, поняли, в чем смысл действий, которые мы делаем, поддержали наши действия по защите Донбасса. В этой поддержке прежде всего проявился настоящий патриотизм – чувство, которое исторически присуще нашему народу. Оно потрясает своим достоинством, глубоким осознанием каждым, я подчеркну, каждым неразрывной своей собственной судьбы с судьбой Отечества» [6].

Общаясь с гражданами нашей страны, периодически встречаешь людей, которые не совсем уверены в своей политической позиции, явно не выражают поддержку политике государства, порой критикуя действия властей. Но, когда речь заходит о внешних угрозах независимости и целостности России, эти люди однозначно встают на твердые позиции необходимости защиты Отечества и сохранения его суверенитета [9, с. 8]. Можно сказать, что такая ситуация есть отражение негативных черт российского национального менталитета, указанных С.Р. Аблеевым в его монографии: «Во-первых, это недостаточно развитое самосознание. Во-вторых, это отсутствие экзистенциального равновесия и склонность к различным крайностям. В-третьих, это высокая инерция массового сознания при дефиците активной жизненной позиции личного сознания» [7, с. 177].

Патриотизм не может привиться в результате одноразовой акции. Как заявил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в ходе встречи с активом Клуба лидеров по продвижению инициатив бизнеса, неформального объединения средних и мелких предпринимателей, представляющих разные отрасли экономики, еще в 2016 г., говоря об объединяющей идее патриотизма, – недостаточно один раз об этом сказать, надо говорить постоянно и на всех уровнях. Основной акцент, безусловно, необходимо направить на молодежь – будущее нашей страны.

В своем философском расследовании «Русская традиция» А.П. Андреев и А.И. Селиванов достаточно обоснованно раскрыли особенности русского народа, его менталитет и проиллюстрировали это цитатами из произведений русских писателей, философов и западных мыслителей, занимающихся проблемами России [8, с. 94-124]. «…Русский народ – народ сердца и совести» [8, с. 95], – пишут авторы данной работы. Эта особенность позволяет обнаружить «…его крайне противоречивый, даже полярный национальный менталитет» [8, с. 96]. А противоречивость, в свою очередь, есть следствие расположения России между Востоком и Западом. Основное противоречие русского национального характера И. Ильин видел в колебании между слабохарактерностью и высшим героизмом. Данная противоречивость нашла отражение в духовных исканиях самих русских мыслителей.

Но именно в русском народе мы находим потенциальные возможности вернуть человечеству то, чего лишил его Запад. Причем в этом уверены и сами западные мыслители. В этой связи авторы работы «Русская традиция» обращаются к немецкому исследователю В. Шубарту, которого они характеризуют как «знатока» России. Он считает, что именно Россия обладает теми силами, которые Европа утратила или разрушила в себе, поэтому она способна выполнить задачу возвращения людям души, потерянной Западом.

Список литературы:

[1] Матяш Д.В., Матяш Т.П. Сторонник особого пути России К.Н. Леонтьев // Русские мыслители. Ростов н/Д: «Феникс», 2003. С. 222-230.

[2] Хатунцев С.В. Общественно-политические взгляды и идейная эволюция К.Н. Леонтьева в 60-е - начале 70-х г.г. XIX века. // Вопросы философии. 2005. № 10. С. 130-139.

[3] Тальков И. Я вернусь // https://genius.com/Igor-talkov-ill-be-back-lyrics (дата обращения: 17.02.2026).

[4] Соммэр Дарио Салас Мораль XXI века: Пер. с исп. – М. : Издательство «Кодекс», 2018. – 480 с.

[5] Путь. Орган русской религиозной мысли. М.: Информ-Прогресс, 1992. Книга 1 (I-VI). 752 с.

[6] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565 (дата обращения: 12.03.2023).

[7] Аблеев С.Р. Евразийская Россия: философские смыслы метаистории и геополитики: монография / С. Аблеев. – М.: ИПЛ, 2023. – 296 с.

[8] Андреев А.П., Селиванов А.И. Русская традиция. М.: Алгоритм, 2004. – 320 с.

[9] Самигуллин В. К. Правопорядок и демократия // Право и государственность. 2026. № 2(11). С. 8-13. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.001. – EDN CCWJEC.

[10] Самигуллин В. К. Теория правового государства или правовая теория государства? // Право и государственность. 2026. № 1(10). С. 8-16. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.001. – EDN ZOTLDS.

[11] Осипян Б. А. История, правовая сущность, элементы, формы разделения и функци-

онального распределения единой государственной власти // Право и государственность. 2026. № 1(10). С. 17-27. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.002. – EDN UQAALC.

[12] Шайхуллин, М. С. Традиции в механизме социального действия права // Право и государственность. 2025. № 4(9). С. 8-13. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.001. – EDN SYWRUT.

References:

[1] Matyash D.V., Matyash T.P. Supporter of the special path of Russia K.N. Leontyev // Russian thinkers. Rostov n/a: "Phoenix," 2003. S. 222-230.

[2] Khatuntsev S.V. Socio-political views and ideological evolution of K.N. Leontyev in the 60s - early 70s. XIX century // Questions of philosophy. 2005. № 10. S. 130-139.

[3] Talkov I. I will return // https://genius.com/Igor-talkov-ill-be-back-lyrics (date of contact: 17.02.2026).

[4] Sommer Dario Salas 21st Century Moral: Per. with Spanish - M.: Publishing house "Codex," 2018. - 480 s.

[5] Path. Organ of Russian religious thought. M.: Inform-Progress, 1992. Book 1 (I-VI). 752 pp.

[6] Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of February 21, 2023 // Official website of the President of the Russian Federation. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565 (дата обращения: 12.03.2023).

[7] Ableev S.R. Eurasian Russia: philosophical meanings of metahistory and geopolitics: monograph / S. Ableev. - M.: IPL, 2023. - 296 p.

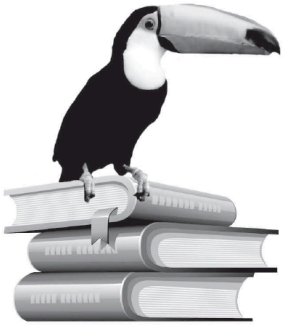
[8] Andreev A.P., Selivanov A.I. Russian tradition. M.: Algorithm, 2004. - 320 s.

[9] Samigullin V.K. Law and Order and Democracy // Law and Statehood. 2026. № 2(11). S. 8-13. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.001. – EDN CCWJEC.

[10] Samigullin V.K. Theory of the rule of law or legal theory of the state? // Law and statehood. 2026. № 1(10). S. 8-16. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.001. – EDN ZOTLDS.

[11] Osipyan B. A. History, legal essence, elements, forms of division and functional distribution of unified state power // Law and statehood. 2026. № 1(10). S. 17-27. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.10.1.002. – EDN UQAALC.

[12] Shaikhullin M. S. Traditions in the mechanism of social action of law // Law and statehood. 2025. № 4(9). S. 8-13. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.001. – EDN SYWRUT.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-19-23

ВЛАСЕНКО Елена Евгеньевна,
доцент кафедры безопасности дорожного движения Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук,
e-mail: vlasenko-elena123@yandex.ru

ДИСКРЕДИТАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются теоретические и законодательные аспекты института ответственности за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации. Анализируются доктринальные подходы к определению понятия «дискредитация» применительно к публичным действиям, направленным против использования ВС РФ. Рассматриваются проблемы юридической техники при конструировании составов административного правонарушения по ст. 20.3.3 КоАП РФ и уголовного преступления по ст. 280.3 УК РФ. Особое внимание уделяется вопросам разграничения смежных составов, а также конституционно-правовому балансу между защитой государственных интересов и свободой слова. На основе анализа законодательства, судебной практики и позиций Конституционного Суда РФ формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования в исследуемой сфере.*

Ключевые слова: *дискредитация, Вооруженные Силы Российской Федерации, административная ответственность, уголовная ответственность, публичные действия, квалификация, свобода слова, правовая категория.*

VLASENKO Elena Evgenievna,
Associate Professor of the Department of Road Safety of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences

DISCREDITATION OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A LEGAL CATEGORY: PROBLEMS OF DOCTRINAL UNDERSTANDING AND LEGISLATIVE REGULATION

Annotation. *The article examines the theoretical and legislative aspects of the institution of liability for discrediting the Armed Forces of the Russian Federation. It analyzes doctrinal approaches to defining the concept of "discrediting" in relation to public actions directed against the use of the RF Armed Forces. The problems of legal technique in constructing the elements of an administrative offense under Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and a criminal offense under Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered. Particular attention is paid to the issues of distinguishing between related elements, as well as the constitutional and legal balance between the protection of state interests and freedom of speech. Based on an analysis of legislation, judicial practice, and the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, proposals are formulated to improve legal regulation in the area under study.*

Key words: *defamation, the Armed Forces of the Russian Federation, administrative liability, criminal liability, public actions, qualification, freedom of speech, legal category.*

Проведение специальной военной операции в 2022 году стало катализатором существенных изменений, как во внешней, так и во внутренней социально-политической жизни современного российского общества [12, с. 2–6]. В условиях военно-политического и информационного противостояния особую значимость приобрели вопросы правовой охраны авторитета Вооруженных Сил Российской Федерации [10, с. 159–163]. В этой связи в целях противодействия распространению информации, способной причинить ущерб национальной безопасности, в апреле 2022 года в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс Российской Федерации были введены нормы, предусматривающие ответственность за публичную дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ [11, с. 59–61]. Однако, необходимо отметить, что вместе с тем оперативное реагирование законодателя обусловило возникновение ряда доктринальных и правоприменительных проблем, связанных с оценочным характером категории «дискредитация» и сложностью ее квалификации [6].

Настоящая статья посвящена комплексному анализу дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации как правовой категории, выявлению проблем ее доктринального осмысления и законодательной регламентации, а также поиску путей их разрешения и базируется на совокупности общенаучных и частно-научных методов познания, что обусловлено комплексным характером анализируемой правовой категории и необходимостью охвата как нормативных, так и правоприменительных аспектов. В основе работы лежит диалектический метод, позволивший рассмотреть дискредитацию Вооруженных Сил РФ как динамичное правовое явление, развивающееся под влиянием социально-политических изменений и нуждающееся в постоянном доктринальном переосмыслении. В качестве же основных принципов исследования выступали объективность, системность, историзм и принцип баланса.

Как мы уже упомянули выше, категория «дискредитация» до недавнего времени не имела устоявшегося легального определения, в доктрине под ней, как правило, понимается подрыв доверия, умаление авторитета либо отрицательная трансформация общественного восприятия соответствующего объекта. И именно это смысловое наполнение положено в основу законодательных конструкций, предусматривающих ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации [3]. В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях закреплена специальная норма — ст. 20.3.3, введенная федеральным законодателем весной 2022 года, которая устанавливает административную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил России в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, а также при исполнении государственными органами своих полномочий [1]. Уголовным кодексом за аналогичные по характеру деяния предусмотрена ст. 280.3 УК РФ, введенная одновременно с административной нормой [2], согласно которой уголовная ответственность наступает при условии повторного совершения публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ, после привлечения лица к административной ответственности. Квалифицированный же состав, предусмотренный частью второй ст. 280.3 УК РФ, устанавливает повышенную ответственность за те же действия, если они совершены с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [2]. То есть мы видим, что повторность выступает здесь ключевым признаком, разграничивающим административную и уголовную ответственность, тогда как способ совершения деяния имеет значение лишь для квалифицированного состава. В тоже время одним из наиболее дискуссионных вопросов в российской науке остается отсутствие четких критериев, позволяющих разграничить допустимую критику и противоправную дискредитацию [4]. Проблема усугубляется еще тем, что многие высказывания носят оценочный характер, а их квалификация зависит от контекста, формы выражения и восприятия правоприменителя. В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что свобода слова и выражения мнения не носит абсолютного характера и не может использоваться во вред конституционно значимым ценностям [9]. В Определении от 20 июля 2023 г. № 2113-О Суд подтвердил, что ст. 20.3.3 КоАП РФ направлена на охрану общественного доверия к Вооруженным Силам РФ и не исключает возможности критического обсуждения их деятельности, если такое обсуждение не приобретает форму публичных действий, объективно направленных на дискредитацию [3].

Нельзя обойти вниманием и разграничение рассматриваемых составов со ст. 207.3 УК РФ, поскольку если распространяются заведомо ложные сведения об использовании Вооруженных Сил РФ, приоритет должна иметь квалификация по специальной норме о распространении ложной информации, если же речь идет об оценочных суждениях, призывах или иных публичных действиях, подрывающих доверие к армии, вопрос подлежит решению в рамках ст. 20.3.3 КоАП

РФ либо ст. 280.3 УК РФ при наличии предусмотренных законом условий [4].

Хочется отметить, что в научной литературе обоснованно высказывается мнение о необходимости дальнейшей законодательной конкретизации категории «дискредитация», уточнения объективных признаков состава и выработки единообразных критериев квалификации [8, с. 136–140]. Поэтому нам представляется, что дальнейшее совершенствование законодательства должно идти не по пути расширения репрессивных механизмов, а по пути повышения определенности правовых норм и качества их толкования [7]. На наш взгляд, основная проблема рассматриваемых составов заключается не только в отсутствии легального определения понятия «дискредитация», но и в том, что законодатель закрепляет его через оценочную конструкцию, не позволяющую с достаточной определенностью отделить допустимую критику от противоправного поведения. В результате чего пределы ответственности во многом определяются не самим текстом нормы, а подходом правоприменителя к оценке контекста, формы высказывания и предполагаемой цели лица и именно это делает исследуемую сферу особенно чувствительной с точки зрения соблюдения принципа правовой определенности.

Анализируя изложенное можно придти к выводам, что ст. 20.3.3 КоАП РФ и ст. 280.3 УК РФ нуждаются в более четком разграничении по признакам состава, поскольку в действующей редакции ст. 280.3 УК РФ уголовная ответственность наступает не за использование сети Интернет как таковое, а при наличии повторности совершения деяния после привлечения к административной ответственности, но также при совершении действий с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, именно повторность выступает здесь ключевым критерием перехода от административной к уголовной ответственности, тогда как способ распространения информации имеет значение для квалифицированного состава, но не заменяет основной конструктивный признак. Разграничение же дискредитации и смежных составов, прежде всего предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, должно строиться на характере распространяемых сведений, ведь если речь идет о заведомо ложной информации, приоритет должен отдаваться квалификации по специальной норме о распространении ложных сведений. В тоже время если же деяние выражается в оценочных суждениях, воззваниях или иных публичных действиях, подрывающих доверие к использованию Вооруженных Сил, то вопрос должен решаться в рамках ст. 20.3.3 КоАП РФ либо же ст. 280.3 УК РФ при наличии предусмотренных законом условий.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым: во-первых, уточнить законодательные формулировки, исключив из них чрезмерно расплывчатые оценочные конструкции; во-вторых, выработать более единообразные критерии разграничения допустимой критики и противоправной дискредитации; в-третьих, ориентировать правоприменителя на анализ не только формы высказывания, но и его содержания, адресата, контекста и фактических последствий. При этом наиболее рациональным направлением развития правового регулирования представляется не расширение репрессивных механизмов, а повышение определенности нормы и качества ее толкования.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 17.06.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 17.06.2026).

[3] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2023 г. № 2113-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Е.Ю. Шамаевой на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision699540.pdf (дата обращения: 17.06.2026).

[4] Кумышева М. К. Актуальные проблемы привлечения к уголовной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации // Образование и право. – 2022. – № 7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-privlecheniya-k-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-publichnye-deystviya-napravlennye-na-diskreditatsiyu-ispolzovaniya (дата обращения: 17.06.2026).

[5] Ряпухина И. А., Степкин Р. М. О некоторых вопросах правоприменительной практики при привлечении к административной ответственности по части 1 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник БелЮИ МВД России. – 2022. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-pravoprimenitelnoy-praktiki-pri-privlechenii-k-administrativnoy-otvetstvennosti-po-chasti-1-stati-20-3-3 (дата об-

ращения: 17.06.2026).

[6] Шамаев А. М. Вопросы правоприменительной практики при квалификации деяний, подпадающих под ст. 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации» // Образование и право. – 2022. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-pravoprimenitelnoy-praktiki-pri-kvalifikatsii-deyaniy-podpadayuschih-pod-st-280-3-uk-rf-publichnye-deystviya-napravlennye (дата обращения: 17.06.2026).

[7] Лелетко В. В., Рудакова М. П. Вопросы квалификации публичных действий, направленных на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации (ст. 280.3 УК РФ) // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 34. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-kvalifikatsii-publichnyh-deystviy-napravlennyh-na-diskreditatsiyu-vooruzhennyh-sil-rossiyskoy-federatsii-st-280-3-uk-rf (дата обращения: 17.06.2026).

[8] Мартыненко Н. Э., Усачева Е. А. Актуализация вопросов юридической техники применительно к ст.ст. 207.3, 280.3 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. – № 7. – С. 136–140. – URL: https://journals.eco-vector.com/2072-3164/article/view/625633 (дата обращения: 17.06.2026).

[9] Харламова М. В. Проблемы привлечения к административной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию ВС РФ по статье 20.3.3 КоАП РФ // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 33. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-privlecheniya-k-administrativnoy-otvetstvennosti-za-publichnye-deystviya-napravlennye-na-diskreditatsiyu-vs-rf-po-statie (дата обращения: 17.06.2026).

[10] Чугунов А. А., Власенко Е. Р. Уголовная ответственность за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации и исполнения государственными органами своих полномочий // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 2. – С. 159–163. – DOI: 10.24412/2414-3995-2024-2-159-163. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-diskreditatsiyu-ispolzovaniya-vooruzhennyh-sil-rossiyskoy-federatsii-i-ispolneniya-gosudarstvennymi (дата обращения: 17.06.2026).

[11] Особенности квалификации административных правонарушений, связанных с публичными действиями, направленными на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2025. – № 9. – С. 59–61. – DOI: 10.18572/2071-1166-2025-9-59-61. – URL: https://lawinfo.ru/articles/11360/osobennosti-kvalifikacii-administrativnyx-pravonarusenii-svyazannyx-s-publicnymi-deistviyami-napravlennymi-na-diskreditaciyu-ispolzovaniya-vooruzennyx-sil-rossiiskoi-federacii (дата обращения: 17.06.2026).

[12] К вопросу об особенностях уголовной ответственности за дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации // Мировой судья. – 2025. – № 2. – С. 2–6. – DOI: 10.18572/2072-4152-2025-2-2-6. – URL: https://lawinfo.ru/articles/9165/k-voprosu-ob-osobennostyax-ugolovnoi-otvetstvennosti-za-diskreditaciyu-vooruzennyx-sil-rossiiskoi-federacii (дата обращения: 17.06.2026).

References:

[1] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended on December 28, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. - No. 1 (part 1). - Art. 1. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (access date: 17.06.2026).

[2] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on December 28, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: 17.06.2026).

[3] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 20, 2023 No. 2113-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen E.Yu. Shamaeva about violation of her constitutional rights by part 1 of Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" // URL: http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision699540.pdf (date of appeal: 17.06.2026).

[4] Kumysheva M.K. Actual problems of criminal prosecution for public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation // Education and law. – 2022. – № 7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-privlecheniya-k-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-publichnye-deystviya-napravlennye-na-diskreditatsiyu-ispolzovaniya (дата обращения: 17.06.2026).

[5] Ryapukhina I.A., R.M. Stepkin. On some issues of law enforcement practice when bringing to administrative responsibility under Part 1 of Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation // Bulletin of BelYuI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-pravoprimenitelnoy-praktiki-pri-privlechenii-k-administrativnoy-otvetstvennosti-po-chasti-1-stati-20-3-3 (дата обращения: 17.06.2026).

[6] Shamaev A. M. Issues of law enforcement practice in the qualification of acts falling under Art. 280.3 of the Criminal Code of the

Russian Federation "Public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation" // Education and law. – 2022. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-pravoprimenitelnoy-praktiki-pri-kvalifikatsii-deyaniy-podpadayuschih-pod-st-280-3-uk-rf-publichnye-deystviya-napravlennye (дата обращения: 17.06.2026).

[7] Leletko V.V., Rudakova M.P. Issues of qualification of public actions aimed at discrediting the Armed Forces of the Russian Federation (Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Issues of Russian justice. – 2023. – № 34. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-kvalifikatsii-publichnyh-deystviy-napravlennyh-na-diskreditatsiyu-vooruzhennyh-sil-rossiyskoy-federatsii-st-280-3-uk-rf (дата обращения: 17.06.2026).

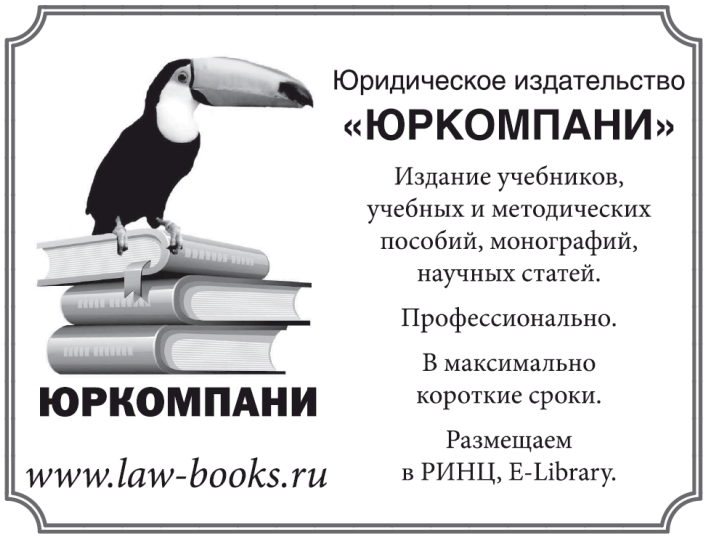
[8] Martynenko N. E., Usacheva E. A. Updating issues of legal technology in relation to Art. 207.3, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Gaps in Russian legislation. – 2023. - T. 16. – № 7. - S. 136-140. - URL: https://journals.eco-vector.com/2072-3164/article/view/625633 (access date: 17.06.2026).

[9] Kharlamova M.V. Problems of bringing to administrative responsibility for public actions aimed at discrediting the RF Armed Forces under Article 20.3.3 of the Administrative Code of the Russian Federation // Issues of Russian justice. – 2023. – № 33. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-privlecheniya-k-administrativnoy-otvetstvennosti-za-publichnye-deystviya-napravlennye-na-diskreditatsiyu-vs-rf-po-statie (дата обращения: 17.06.2026).

[10] Chugunov A. A., Vlasenko E. R. Criminal liability for discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation and the exercise by state bodies of their powers // Bulletin of Economic Security. – 2024. – № 2. - S. 159-163. – DOI: 10.24412/2414-3995-2024-2-159-163. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-diskreditatsiyu-ispolzovaniya-vooruzhennyh-sil-rossiyskoy-federatsii-i-ispolneniya-gosudarstvennymi (дата обращения: 17.06.2026).

[11] Features of qualification of administrative offenses related to public actions aimed at discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation // Administrative law and process. – 2025. – № 9. - S. 59-61. – DOI: 10.18572/2071-1166-2025-9-59-61. – URL: https://lawinfo.ru/articles/11360/osobennosti-kvalifikacii-administrativnyx-pravonarusenii-svyazannyx-s-publicnymi-deistviyami-napravlennymi-na-diskreditaciyu-ispolzovaniya-vooruzennyx-sil-rossiiskoi-federacii (дата обращения: 17.06.2026).

[12] To the question of the peculiarities of criminal liability for discrediting the Armed Forces of the Russian Federation // Magistrate. – 2025. – № 2. - S. 2-6. – DOI: 10.18572/2072-4152-2025-2-2-6. – URL: https://lawinfo.ru/articles/9165/k-voprosu-ob-osobennostyax-ugolovnoi-otvetstvennosti-za-diskreditaciyu-vooruzennyx-sil-rossiiskoi-federacii (дата обращения: 17.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-24-27

АМИРОВ Рустем Загирович,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России,
e-mail: amirov_rus@bk.ru

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ: МЕСТО В МИРОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности национальных правовых систем Российской Федерации и других постсоветских государств с позиций традиционной классификации правовых семей, а также основные подходы, сложившиеся по данной проблеме в современной компаративистике.*

Ключевые слова: *компаративизм, национальная правовая система, правовая семья, типология.*

AMIROV Rustem Zagirovich,
Associate Professor of the Department of State legal disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

LEGAL SYSTEMS OF POST-SOVIET STATES: PLACE IN THE WORLD CLASSIFICATION

Annotation. *The article examines the peculiarities of the national legal systems of the Russian Federation and other post-Soviet states from the standpoint of the traditional classification of legal families, as well as the main approaches that have developed on this issue in modern comparative studies.*

Key words: *comparativism, national legal system, legal family, typology.*

Вопрос о месте правовой системы Российской Федерации в мировой типологии права относится к числу наиболее оживлённо обсуждаемых в отечественной науке. Ответы на него варьируются от однозначного отнесения к романо-германской семье до выделения особой «славянской», «евразийской» или «постсоциалистической» правовой семьи.

Исторические корни российского права традиционно связывались с византийско-греческой традицией (через христианизацию Руси и рецепцию византийского церковного и светского права – Кормчей книги, Эклоги, Прохирона), а также со славянским обычным правом. В период империи (особенно с XVIII в.) происходила активная рецепция западноевропейского права – прежде всего в период кодификации М.М. Сперанского (Свод законов Российской империи 1832 г.) и в пореформенный период (Устав гражданского и уголовного судопроизводства 1864 г. – результат влияния французской и германской моделей). Советский период (1917–1991 гг.) радикально трансформировал российское право: оно стало классовым, социалистическим, идеологически ориентированным. Тем не менее юридико-техническая основа – кодифицированность, верховенство закона, академическая доктрина, деление на отрасли – оставалась унаследованной от романо-германской традиции. Постсоветский период (с 1991 г.) характеризуется возвращением российской правовой системы в русло романо-германской традиции: принятие Конституции 1993 г. с классическим каталогом прав человека, принятие новых кодексов; введение конституционного правосудия; признание международного права частью правовой системы Российской Федерации.

В современной российской доктрине сложились три основные позиции по вопросу типологической принадлежности российского права. Первая позиция (М.Н. Марченко, Л.А. Морозова, А.Х. Саидов, В.С. Нерсесянц и др.) – правовая система России принадлежит к романо-германской правовой семье. Основные аргументы: кодифицированность законодательства, верховенство закона как источника права, отсутствие официально признанного прецедента, абстрактно-теоретический характер юридического мышления и образования, деление права на публичное и част-

ное, академический тип юридической доктрины [3, 4, 5, 6]. Вторая позиция предполагает выделение «славянской» или «евразийской» правовой семьи. Сторонники (В.Н. Синюков и др.) указывают на особенности российской правовой культуры: соборность, общинность, нравственно-этическое начало [9], роль государства, специфику правосознания. Эти черты позволяют, по их мнению, говорить о самобытной правовой традиции [7]. Третья позиция – это переходный тип, «постсоциалистическая» правовая семья, сочетающая элементы романо-германской и остатки социалистической [1]. В настоящее время преобладающей в академической среде является первая позиция с учётом определённой специфики российского правопорядка. Большинство современных авторов признают, что по формально-юридическим критериям российская правовая система принадлежит к романо-германской правовой семье [10], однако характеризуется существенными особенностями, обусловленными:

федеративным устройством и многонациональным характером государства (что порождает определённый правовой плюрализм);

значительной ролью публично-правового начала;

особенностями правосознания и правовой культуры;

сохранением определённых элементов правовой традиции советского периода;

активным поиском собственных национальных правовых решений в последние десятилетия [4, с. 267].

Важной характеристикой российской правовой системы является особое место правовых позиций Конституционного Суда РФ – решения Конституционного Суда обладают нормативно-ориентирующим значением, толкования Конституции являются общеобязательными. Также возрастает роль постановлений Пленумов Верховного Суда РФ и обзоров судебной практики. Это приближает российское право к общеевропейским тенденциям конвергенции романо-германской и общеправовой традиций.

Правовые системы государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, представляют собой особый предмет исследования в сравнительном правоведении. После распада СССР в 1991 г. пятнадцать постсоветских государств вступили на собственный путь правового развития, и их правовые системы в настоящее время демонстрируют значительное разнообразие.

Общие черты постсоветских правовых систем:

наследование советской правовой традиции [12] (кодифицированность, понятийный аппарат, юридическое образование, структура правоохранительной системы);

переход от социалистической к рыночной экономике с соответствующими изменениями в частном праве;

принятие новых конституций с классическими каталогами прав человека;

восстановление частной собственности, свободы предпринимательства;

создание институтов конституционного правосудия;

активная рецепция европейского и международного права [5].

Наибольшая степень интеграции в континентальную правовую семью присуща бывшим советским прибалтийским республикам (Латвия, Литва, Эстония), обусловленная их вхождение в единое правовое пространство Европейского Союза. Незначительные отличия от правовых систем других стран континентальной Европы находят отражение в отдельных правовых институтах (например, институт негражданства). Сохранение в определенной степени советского правового наследия характерно для восточноевропейских республик (Украина, Беларусь, Молдова), среди которых в наибольшей степени элементы советской модели сохраняются в правовой системе. Беларуси. Определенные различия в правовых моделях демонстрируют закавказские республики (Грузия, Армения, Азербайджан). Подписание Грузией Соглашения об ассоциации с ЕС как следствие требует наиболее полного соответствия ее правовой системы европейским стандартам. Аналогичный путь выбрала и Армения, обозначившая курс на сближение с ЕС. Для Азербайджана характерно складывание смешанной системы, сочетающей черты романо-германского и традиционного азербайджанского права с сохранение элементов советского правового наследия. Наиболее сложную модель представляют правовые системы бывших советских центральноазиатских республик (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан). Формально они построены по романо-германской модели (кодификация, верховенство закона, деление на отрасли), унаследовали советский юридический инструментарий, однако их социокультурный фундамент в значительной мере связан с исламской и кочевой (обычной) традициями [11]. В сфере семейно-бытовых отношений существенную роль играют обычаи, местные формы разрешения споров (например, суды аксакалов в Кыргыской республике). Казахстан в последние десятилетия проводит масштабные правовые реформы (принятие новых кодексов, создание специализированных финансовых судов на английской модели в МФЦА – Астане – Международном финансовом центре Астаны), что свидетельствует о селективной рецепции и элементов общего права.

В современной компаративистике предла-

гались различные варианты типологической принадлежности постсоветских правопорядков:

отнесение их к «постсоциалистической» правовой семье как переходной;

включение их в «евразийскую» или «славянскую» правовую семью;

классификация по подгруппам в зависимости от региональной и культурной принадлежности (балтийская подгруппа, восточноевропейская, кавказская, среднеазиатская);

признание принадлежности большинства из них к романо-германской правовой семье с постсоциалистической спецификой [2, 8].

Таким образом можно констатировать, что правовые системы государств постсоветского пространства относятся к романо-германской правовой семье, обладая соответствующей спецификой, определяемой особенностями геополитической ориентации, правовыми (национальными, религиозными) традициями, темпами процессов правового реформирования. Таким образом такой феномен как постсоциалистическая правовая семья на современном этапе развития национальных правовых систем постсоветских государств, характеризующемся усилением их интеграции в общемировые правовые процессы, уже не имеет места. Правомерно говорить о формировании неких гибридных моделей, представляющих собой симбиоз континентальной правовой системы с элементами обычного, мусульманского, социалистического права как сравнительно нового объекта компаративистики. Глобализация и цифровизация в свою очередь влекут за собой тенденции сближения правовых систем, относящихся к различным семьям, порождая такой феномен как конвергеционные правовые системы.

Однако фундаментальные основы исторически сложившихся правовых систем, определяемые особенностями правовой культуры, правовой традиции стиля юридического мышления, позволяют констатировать относительную стабильность сложившейся сравнительно-правовой классификации. По основным формально-юридическим характеристикам Правовая система Российской Федерации принадлежит к романо-германской правовой семье, сохраняя при этом существенное национальное своеобразие. Национальные правовые системы постсоветских стран демонстрируют разнообразие моделей развития, что делает их ценным объектом для дальнейших сравнительно-правовых исследований.

Список литературы:

[1] Головина А.А. Конфликт правовых идей и концепций в странах постсоветского пространства // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 4. С. 21-31.

[2] Крюков А.В. Правовые системы современности в условиях цифровизации и глобализации: теоретико-правовой анализ. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 248 с.

[3] Марченко М.Н. Сравнительное правоведение: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. – 784 с.

[4] Морозова Л.А. Теория государства и права: Учебник. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2020. – 464 с.

[5] Нерсесянц В.С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2022. № 2. С. 162–174.

[6] Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): Учебник / Под ред. В.А. Туманова. – М.: Юристъ, 2003. – 448 с.

[7] Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2010. – 672 с.

[8] Тумурова А.Т. Традиционное право: сравнительно-правовое исследование. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2018. – 224 с.

[9] Самигуллин В. К. Патриархальная теория происхождения государства и права // Право и государственность. 2023. № 1(1). С. 6-12. – EDN SIRXSC.

[10] Головченко Ю. Р. Категория «народ» в конституционном праве // Право и государственность. 2024. № 2(3). С. 37-39. – EDN AVHAGR.

[11] Самигуллин В. К. Теологическая теория происхождения государства и права // Право и государственность. 2024. № 3(4). С. 8-20. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.001. – EDN MZISHE.

[12] Шайхуллин М. С. Традиции в механизме социального действия права // Право и государственность. 2025. № 4(9). С. 8-13. – DOI 10.70569/2949-5725.2025.9.4.001. – EDN SYWRUT.

References:

[1] Golovina A.A. Conflict of legal ideas and concepts in the countries of the post-Soviet space // Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2017. № 4. S. 21-31.

[2] Kryukov A.V. Legal systems of our time in the context of digitalization and globalization: theoretical and legal analysis. - M.: Yurlitinform, 2019. - 248 s.

[3] Marchenko M.N. Comparative jurisprudence: Textbook. 2nd ed., Revised and add. - M.: Prospect, 2015. - 784 s.

[4] Morozova L.A. Theory of State and Law: Textbook. 6th ed., Revised and add. - M.: Norm: INFRA-M, 2020. - 464 s.

[5] Nersesyants V.S. Comparative jurisprudence in the system of jurisprudence // State and law. 2022. № 2. S. 162-174.

[6] Saidov A.Kh. Comparative jurisprudence

(the main legal systems of our time): Textbook/Ed. V.A. Tumanova. - M.: Lawyer, 2003. - 448 s.

[7] Sinyukov V.N. Russian legal system. Introduction to general theory. 2nd ed., Add. - M.: Norma, 2010. - 672 s.

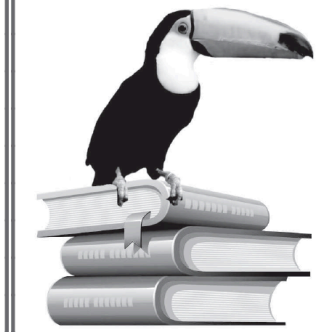
[8] Tumurova A.T. Traditional law: comparative legal research. - Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State. university, 2018. - 224 s.

[9] Samigullin V.K. Patriarchal theory of the origin of the state and law // Law and statehood. 2023. № 1(1). S. 6-12. – EDN SIRXSC.

[10] Golovchenko Yu. R. Category «people» in constitutional law // Law and statehood. 2024. № 2(3). S. 37-39. – EDN AVHAGR.

[11] Samigullin V.K. Theological theory of the origin of the state and law // Law and statehood. 2024. № 3(4). S. 8-20. – DOI 10.70569/2949-5725. 2024.4.3.001. – EDN MZISHE.

[12] Shaikhullin M.S. Traditions in the mechanism of social action of law // Law and statehood. 2025. № 4(9). S. 8-13. – DOI 10.70569/ 2949-5725.2025.9.4.001. – EDN SYWRUT.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-28-31

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru

КОЛБАСЕНКОВ Артем Олегович,
военнослужащий, Министерство обороны Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

К ВОПРОСУ О КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ

Аннотация. *В работе рассмотрена координационная деятельность военной прокуратуры как одна из форм обеспечения верховенства закона и укрепления законности в Вооружённых Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах. Проанализированы нормативно-правовые основы организации и проведения координационных совещаний правоохранительных органов в войсках. Предложено внести изменения в организационно-распорядительные документы Главной военной прокуратуры с целью введения расширенной системы контроля, анализа эффективности и возможности корректировки решений координационных совещаний.*

Ключевые слова: *координация; прокурорский надзор; контроль исполнения решений; военная прокуратура.*

SHESTAK Viktor A.,
Professor of the Criminology Department of the A. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Juridical Science, Associate Professor

KOLBASENKOV Artem O.,
Military personnel, The Ministry of Defense of the Russian Federation

ON THE ISSUE OF COORDINATING ACTIVITIES OF MILITARY PROSECUTOR'S OFFICES

Annotation. *The article examines the coordinating activities of the military prosecutor's office as one of the forms of ensuring the rule of law and strengthening legality in the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies. The regulatory and legal foundations for organizing and holding coordination meetings of law enforcement agencies in the troops are analysed. It has been proposed to make changes to the organizational and administrative documents of the Main Military Prosecutor's Office in order to introduce an expanded system of control, analysis of effectiveness, and the possibility of adjusting the decisions made at coordination meetings.*

Key words: *coordination; prosecutorial supervision; monitoring of decision implementation; military prosecutor's office.*

В соответствии с пунктом 2 статьи 1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [7] прокуратура осуществляет координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Координация деятельности органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, войск национальной гвардии, органов уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения, таможенных органов, следственных органов Следственного комитета и иных правоохранительных органов осуществляется путём разработки и реализации согласованных мер по выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению.

Указанная функция реализуется посредством организации различных форм координационной деятельности, одной из которых является проведение координационных совещаний, проводимых как на уровне руководителей правоохранительных органов, так и среди иных должностных лиц данных органов, руководителей федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, органов военного управления, общественных объединений, научных и педагогических работников, представителей средств массовой информации. В рамках в прокуратуры указанное полномочие принадлежит Главному военному прокурору, его заместителям, начальникам структурных подразделений Главной военной прокуратуры и прокурорам округов и флотов.

Порядок работы координационных совещаний регламентирован Указом Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» [6], приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 20.07.2017 № 499/475/409/98/229/1190/722/355 «О внесении изменений в регламент координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации» [3], распоряжением Главной военной прокуратуры от 10.05.2018 № 231/14/5р «О порядке организации заседаний координационного совещания руководителей правоохранительных органов в Вооружённых Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах» [2] (далее – Распоряжение), а также приказом заместителя Генерального прокурора Российской Федерации — Главного военного прокурора от 30.03.2018 № 180 [4]. Процедура подготовки, проведения координационных совещаний и контроль за реализацией принятых ими постановлений определяются Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Участниками координационных совещаний Генеральной прокуратуры являются руководители правоохранительных органов Российской Федерации; участниками совещаний Главной военной прокуратуры, являющейся структурным подразделением Генеральной прокуратуры, выступают руководители правоохранительных органов в Вооружённых Силах, других войсках, воинских формированиях и органах. На координационные совещания, проводимые начальниками структурных подразделений Главной военной прокуратуры и прокурорами окружного звена, приглашаются различные должностные лица правоохранительных органов и Вооружённых Сил, перечень которых определяется председателем координационного совещания.

Предмет координационных совещаний определяется планом основных мероприятий по координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в войсках на заданное полугодие. Прокурор (председатель координационного совещания), проанализировав состояние и результаты работы правоохранительных и контролирующих органов по противодействию преступлениям, выявляет проблематику, готовит материалы для обсуждения; ответственность за своевременность и качество подготовки возлагается на начальников структурных подразделений и заместителей Главного военного прокурора, к чьей компетенции относится рассматриваемая проблематика.

Несмотря на обширный перечень вопросов, вынесенных на заседания Координационного совещания Главной военной прокуратуры, количество преступлений в войсках показывает устойчивую тенденцию к росту. Статистические данные портала «Судебная статистика РФ», представленные Агентством правовой информации, свидетельствуют о последовательном увеличении в период с 2020 по 2024 гг. числа осужденных военнослужащих – с 3351 до 14377 человек за год, т.е. более, чем в 4 раза [5]. Данное обстоятельство свидетельствует об отдельных недостатках в актуальной организации координационной деятельности. Так, в существующем порядке реализации координационной деятельности органов военной прокуратуры полностью не урегулирован вопрос в части контроля за исполнением принятых решений.

Вместе с тем одной из форм совещательных органов военной прокуратуры является Коллегия Главной военной прокуратуры, статус и порядок деятельности которой определяется приказом за-

местителя Генерального прокурора Российской Федерации — Главного военного прокурора от 30.03.2018 № 180 «Об утверждении Регламента Главной военной прокуратуры» (далее – Регламент). Коллегия представляет собой созывной совещательный орган в составе Главного военного прокурора (председателя), его первого заместителя, заместителей по должности, а также иных прокурорских работников, назначаемых Главным военным прокурором. Основной функциональной обязанностью Коллегии выступает, на основе анализа уровня и характера правонарушений, оценка деятельности органов военной прокуратуры с указанием конкретных недостатков и идентификацией должностных лиц, допустивших нарушения. По результатам заседаний Коллегия выносит предложения об устранении выявленных нарушений закона, разрабатывает меры по укреплению законности с установлением сроков и ответственных исполнителей.

Согласно пункту 5.2 Регламента, на заседаниях Коллегии рассматриваются наиболее актуальные вопросы деятельности органов военной прокуратуры по обеспечению законности и правопорядка, обсуждаются проблемы прокурорского надзора, организации и осуществления уголовного преследования, подбора и расстановки кадров, заслушиваются отчёты начальников структурных подразделений Главной военной прокуратуры и военных прокуроров окружного звена. Так, за последние пять лет на рассмотрение Коллегии выносились вопросы о состоянии законности и практике надзора за исполнением органами военного управления законодательства при наборе граждан на военную службу по контракту; об эффективности прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремизму и терроризму, включая обеспечение антитеррористической защищённости военных объектов и выявление недостоверной общественно значимой информации в сети «Интернет»; о практике надзора за приостановлением уголовных дел о преступлениях против порядка прохождения военной службы и причинах роста реабилитирующих решений; о состоянии законности при розыске и привлечении к ответственности военнослужащих, уклоняющихся от службы в условиях проведения специальной военной операции, и меры по повышению эффективности данной деятельности. Тем не менее, вопрос о повышении результативности координационной деятельности, в частности координационных совещаний, в рассматриваемый период на заседаниях Коллегии не выносился [1].

В этой связи в целях возможного повышения результативности реализации решений координационных совещаний органов военной прокуратуры полагаем целесообразным внести предложение о введении расширенного порядка контроля за исполнением решений координационных совещаний, анализа их эффективности и процедуры пересмотра. Так, контроль за исполнением распоряжений координационного совещания, возложенный на заместителей Главного военного прокурора согласно пункту 6 Распоряжения, следует дифференцировать по рассматриваемым вопросам и возложить на начальников структурных подразделений Главной военной прокуратуры в соответствии с их направлениями деятельности. В свою очередь, порядок анализа эффективности принятых решений предлагаем возложить на организационное управление Главной военной прокуратуры, осуществляющее оценку на основе мониторинга статистических данных о состоянии преступности, результатов прокурорского надзора и следственной работы. Дополнительно – при отсутствии положительных изменений в течение шести календарных месяцев – обязать начальника организационного управления докладывать Главному военному прокурору о несостоятельности результатов, на основании чего выносить вопрос о возможной корректировке решений путём назначения внеочередного заседания координационного совещания. На уровне прокуратуры окружного звена вышеуказанные функции по контролю, анализу и предложению о пересмотре решений, полагаем возможным предусмотреть возможность возложить на первого заместителя военного прокурора округа.

Таким образом, несмотря на обширный перечень вопросов, регулярно рассматриваемых на заседаниях Коллегии Главной военной прокуратуры, уровень преступности в Вооружённых Силах, к сожалению, демонстрирует устойчивую тенденцию к росту, что, полагаем, может свидетельствовать о назревшей необходимости разработки дополнительных мер по повышению результативности существующих мер предупреждения преступности в войсках. Действующий порядок организации и проведения координационных совещаний четко урегулирован, однако, полагаем, содержит определенный пробел – в нём, по-нашему мнению, формируется потребность усиления оперативности механизм контроля за исполнением принятых решений. Так, текущая система контроля возложена исключительно на заместителей Главного военного прокурора без детализации по направлениям деятельности, что утяжеляет адресность и системность мониторинга реализации решений координационных совещаний на всех уровнях — от Главной военной прокуратуры до военных прокуратур окружного звена. В этой связи для повышения результативности координационной деятельности военной прокуратуры, полагаем, требуется внесение изменений в действующий нормативный порядок с введением диф-

ференцированного контроля между начальниками структурных подразделений, установлением функции анализа эффективности за организационным управлением Главной военной прокуратуры, определением полугодового мониторингового периода и введением процедуры внеочередных заседаний расширенных координационных совещаний соответствующих военных прокуратур для пересмотра решений, не отвечающих критериям высокой эффективности.

Список литературы:

[1] Главная военная прокуратура // Официальный сайт. – Электронный ресурс. – URL: https://gvp.gov.ru/cvo/news/view/7203?ysclid=mtptuko25z586144125 (дата обращения: 26.07.2026).

[2] КОНДРАТЬЕВ И.В. Особенности предупреждения незаконного оборота оружия в Вооруженных Силах Российской Федерации // Сборник материалов круглого стола. 25.09.2019. Москва, АГП РФ. 2020 С. 82-88.

[3] Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 20.07.2017 № 499/475/409/98/229/1190/722/355 «О внесении изменений в регламент координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации»– Электронный ресурс. – URL: https://docs.cntd.ru/document/553942022?ysclid=mtpw0bs1ys571286997 (дата обращения 31.08.2026).

[4] Приказ заместителя Генерального прокурора Российской Федерации — Главного военного прокурора от 30.03.2018 № 180 «Об утверждении Регламента Главной военной прокуратуры». – Электронный ресурс. – URL: https://gvp.gov.ru/vvo/documents/view/5?ysclid=mtpvsycetg 847086372 (дата обращения 31.08.2026).

[5] Уголовное судопроизводство. Показатели по контингенту осужденных. – Агентство правовой информации. Судебная статистика РФ. – Электронный ресурс. – URL: https://sudstat.ru/stats/ug/t/12/s/11 (дата обращения 31.08.2026).

[6] Указ Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью». – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_112962/?ysclid=mtpvqefnrm548267971 (дата обращения 31.08.2026).

[7] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». – Электронный ресурс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/?ysclid=mtpvp9grtx839448456 (дата обращения: 26.08.2026).

References:

[1] Chief Military Prosecutor's Office // Official website. - Electronic resource. - URL: https://gvp.gov.ru/cvo/news/view/7203?ysclid=mtptuko25z586144125 (access date: 26.07.2026).

[2] KONDRATYEV I.V. Features of the prevention of illegal arms trafficking in the Armed Forces of the Russian Federation // Collection of materials of the round table. 25.09.2019. Moscow, AGP RF. 2020 PP. 82-88.

[3] Order of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 20.07.2017 No. 499/475/409/98/229/1190/722/355 "On Amending the Regulations of the Coordination Meeting of Heads of Law Enforcement Agencies of the Russian Federation" - Electronic Resource. - URL: https://docs.cntd.ru/document/553942022?ysclid=mtpw0bs1ys571286997 (date of contact 31.08.2026).

[4] Order of the Deputy Prosecutor General of the Russian Federation - Chief Military Prosecutor dated 30.03.2018 No. 180 "On approval of the Regulations of the Main Military Prosecutor's Office." - Electronic resource. - URL: https://gvp.gov.ru/vvo/documents/view/5?ysclid=mtpvsycetg 847086372 (date of contact 31.08.2026).

[5] Criminal proceedings. Indicators by convict contingent. - Legal Information Agency. Judicial statistics of the Russian Federation. - Electronic resource. - URL: https://sudstat.ru/stats/ug/t/12/s/11 (date of contact 31.08.2026).

[6] Decree of the President of the Russian Federation of 18.04.1996 No. 567 "On the coordination of the activities of law enforcement agencies to combat crime." - Electronic resource. - URL: https://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_112962/?ysclid=mtpvqefnrm548267971 (date of contact 31.08.2026).

[7] Federal Law of 17.01.1992 No. 2202-1 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation." - Electronic resource. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/?ysclid=mtpvp9grtx839448456 (access date: 26.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-32-36

ГРЕБЕННИКОВ Дмитрий Владимирович,
начальник Управления по организации обеспечения установленного порядка деятельности судов Федеральной службы судебных приставов, Москва, Россия,
e-mail: d.berg72@yandex.ru

НЕОБХОДИМОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье анализируются основные направления совершенствования ответственности за организацию деятельности экстремистской организации. На основе комплексного теоретического осмысления научных концепций предлагаются к внесению в уголовный закон: основные легальные дефиниции для деяний, связанных участием в деятельности экстремистской организации, а также комплекс предложений, принятие которых послужат совершенствованию уголовно-правовых мер противодействия деятельности экстремистских организаций. Особое внимание уделяется анализу опыта применения специфических видов наказания, лишающих лицо не только свободы, но и социально-правового статуса, с целью имплементации и совершенствования законодательных механизмов противодействия экстремизму и организации деятельности экстремистских организаций.*

Ключевые слова: *экстремизм, организация, вовлечение, преступность, совершенствование, уголовный закон.*

GREBENNIKOV Dmitry Vladimirovich,
Head of the Department for the Organization of Ensuring the Established Procedure of the Activities of Courts, Federal Bailiff Service, Moscow, Russia

CRIMINAL LIABILITY MEASURES FOR ORGANIZING THE ACTIVITIES OF AN EXTREMIST ORGANIZATION NEED TO BE IMPROVED

Annotation. *This article analyzes the main areas for improving liability for organizing the activities of an extremist organization. Based on a comprehensive theoretical analysis of scientific concepts, the following are proposed for inclusion in criminal law: basic legal definitions for acts related to participation in the activities of an extremist organization, as well as a set of proposals, the adoption of which will serve to improve criminal law measures to counter the activities of extremist organizations. Particular attention is given to analyzing the experience of applying specific types of punishment that deprive individuals not only of freedom but also of their social and legal status, with the aim of implementing and improving legislative mechanisms to combat extremism and organize the activities of extremist organizations*

Key words: *extremism, organization, involvement, crime, improvement, criminal law.*

В декабре 2025 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин в видеообращении ко Дню работников органов безопасности отметил, что «Экстремизм — прямая угроза единству России, необходимо жестко пресекать любые проявления ксенофобии, социальной и религиозной вражды, а также не допускать вовлечения людей, особенно молодых, в противозаконную антигосударственную деятельность» [1].

Министр МВД РФ В. Колокольцев на заседании комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции рассказал, что количество экстремистских преступлений в 2025 году выросло более чем на 30%, было пресечено 2241

преступлений [2].

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации и Росфинмониторинга, за период с 2020 по 2025 год в России было признано экстремистскими около 570 организаций (далее – Перечень). Указанный Перечень охватывает огранизации, направленые против всех аспектов современной социальной, политической, правовой, национальной, религиозной, культурной, жизни страны.

Действительно, экстремистские организации заметно активизировались в последние годы. При этом численность группировок растет, расширяются масштабы их деятельности, усложняется характер самой экстермиской деятельности, которые становятся более изощрёнными и приобретают разнообразные формы. Расширяется номенклатура объектов и целей, происходит активное вовлечение молодых людей. Использование информационно-телекоммуникационных сетей способствует изменениям данных организаций, которые превращаются в сложноорганизованные разветвленные сетевые структуры, способные осуществлять как точечные акты антигосударственной деятельности, так и проводить масштабные акции. Имея стабильное и непрерывное финансирование, основанное как на собственных источниках, так и внешней помощи, дает возможность экстремистам проводить свои атаки на систематической основе, что ставит под угрозу идеологический аспект деятельности нашей страны.

Особую значимость теме придаёт решение Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2020 года, которым международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» («Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», «АУЕ») признано экстремистским, а его деятельность запрещена на территории России. Только в данной организации, как сообщают средства массовой информации, насчитывается до 34 тыс. активных приверженцев в 40 регионах России, до 40% из них составляют подростки. Данный судебный акт не только создал новый объект уголовно-правовой охраны, но и поставил перед теорией и практикой комплекс вопросов квалификации деяний, разграничения смежных составов преступлений и административных правонарушений.

Согласно статистической форме отчетности «Сводный отчет по России о преступлениях террористического характера и экстремистской направленности (сформирован с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429)» в 2019 г. задокументирована организация деятельности экстремистской организации 161 случай, в 2020 г. – 218, 2021 – 287, 2022 – 345, 2023 – 356, в 2024 г. – 311, за 2025 г. – 338, что свидетельствует о наличии стойкой тенденции роста преступности экстремистской направленности в исследуемой сфере [3].

28.12.2024 г. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным был подписан Указ № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации», в которой названы стоящие перед Российской Федерацией вызовы и угрозы, требующие «консолидацию усилий органов публичной власти, институтов гражданского общества (в том числе социально ориентированных и иных некоммерческих организаций), организаций и граждан в целях обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, пресечения экстремистской деятельности, укрепления гражданского единства, достижения межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия, сохранения этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, формирования в обществе атмосферы нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей».

Нормативное содержание ст. 282.2 УК РФ не является статичным, Федеральным законом от 23 июля 2025 г. № 216-ФЗ в указанную статью внесены существенные изменения: уточнён состав преступления в части определения адресата — общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Изменения коснулись всех трёх частей статьи, регламентирующих соответственно организацию деятельности, склонение, вербовку или иное вовлечение, а также участие в деятельности экстремистской организации. Указанные законодательные новеллы требуют комплексного теоретического осмысления: необходимо определить, каким образом новая редакция статьи влияет на квалификацию деяний, на разграничение смежных составов преступлений, а также на практику назначения наказания.

В этой связи автором разработан комплекс предложений, осуждение и принятие которых послужат совершенствованию уголовно-правовых мер противодействия деятельности экстремистских организаций.

Считаем необходимым установить, что организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности данной организации — это специфическое, обособленное явление, характеризующееся закрытостью и локализацией. Обладая организационной подвижностью, в качестве ключевой детерминанты отмечается преступно-пропагандийский эффект совер-

шения преступления, основанный на принципах группового превосходства и исключительности, характеризующийся насилием как основным инструментом, а также созданием и эксплуатацией негативного образа противника в лице государственных институтов или социальных групп.

Организация деятельности экстремистской организации и участия в деятельности данной организации формируется совокупностью объединённых усилий для достижения экстремистских родовых и специальных целей, где цель организатора — обеспечить продолжение экстремистской деятельности запрещённой организации в целом, что подразумевает системную координацию усилий для достижения экстремистских целей, определённых Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», а цель участника — сознательно содействовать своими действиями продолжению экстремистской деятельности запрещённой организации, независимо от конкретной выполняемой функции, преследуя общие экстремистские цели, либо, как минимум, зная о такой направленности деятельности и желая в ней участвовать.

Требуется признать, что объективными признаками совершения преступления является система целенаправленных, устойчивых и умышленных действий, направленных на продолжение или возобновление функционирования объединения, запрещенного судом.

Признаками, характеризующими организаторскую деятельность в экстремистской организации можно считать: управленческий аспект; кадровый аспект; юрисдикционный аспект; патронажный аспект; координационный аспект; идеологический аспект; финансовый аспект.

А к признакам, характеризующим участие в деятельности экстремистской организации отнести: исполнительский аспект; идеологический аспект; функциональный аспект; статусный аспект.

К особенностям субъективной стороны виновных в организации деятельности экстремистской организации относятся те, которые виновные используют на практике, учитывая различную их тактику поведения, в частности, направленные на поддержание среди участников политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении любых лиц, где используется материальное вознаграждение как поощрение участников.

Большей общественной опасностью обладают насильственные способы воздействия организатора на участников, принявших желание прекратить преступную деятельность, где используют как шантаж применение насилия в отношении близких родственников участника. Указанные способы психического воздействия должны получать самостоятельную оценку в суде.

Изучение зарубежного антиэкстремистского законодательства обосновано и практически востребовано использование в отечественной правовой системе опыта ликвидации имущественной и финансовой основы экстремистской деятельности. Особый интерес представляет институт расширенной конфискации, допускающий изъятие имущества, законность происхождения которого не может быть объяснена владельцем. Данный подход направлен на подрыв экономических основ экстремизма и обладает значительным криминологическим потенциалом, что совпадает с задачами повышения эффективности уголовно-правовых мер и системы предупреждения преступности.

Кроме того, в целях усиления индивидуальной ответственности участников экстремистских организаций предлагается использовать опыт применения специфических видов наказания, лишающих лицо не только свободы, но и социально-правового статуса. Данные меры, обладая выраженным криминологическим эффектом, ограничивают возможности дальнейшего участия осужденного в противоправной деятельности и снижают его общественную опасность, что соответствует задачам повышения эффективности уголовного наказания и постпенитенциарного контроля.

Анализ судебной практики позволил сделать вывод, что по уголовным делам об организации деятельности экстремистской организации и участия в деятельности данной организации проведение судебных экспертиз выступает не факультативным, а необходимым элементом доказывания, обусловленным спецификой предмета доказывания и сложностью установления юридически значимых признаков объективной и субъективной сторон преступлений, так судебная криминологическая позволяет устанавить наличие в материалах дела комплекса признаков состава преступления, организации деятельности экстремистской организации и участия в деятельности данной организации; судебная лингвистическая направлена на исследование устного и/или письменного текста, аудиоматериалов с целью идентификации лиц, обвиняемых в преступлении, а в ходе судебно- культурологической проводится изучение фактов наличия символики и атрибутики, сходных до степени смешения с символикой или атрибутикой экстремистской организации.

Говоря о криминологических аспектах процесса преобразования уголовно-правового регулирования противодействия экстремизму, следует выделить типологию личность преступника, совершающего преступления экстремистской направленности (в частности, по ст. 282.2 УК РФ), которая представляет собой устойчивую систему взаимодействия различных категорий граж-

дан асоциальной направленности, где действуют неформальные нормы, в том числе противоправного поведения, что и создает благоприятные условия для формирования экстремистской идеологии, содержащей в себе нравственные, этические и даже философские идеи, оправдывающие экстремизм и составляющие базу для субкультуры этой среды.

Следует учитывать, что личность организатора деятельности экстремистской организации представляет собой специфический тип правонарушителя, для которого характерен комплекс социально-демографических, морально-нравственных и психологических признаков, так при религиозном экстремизме основной контингент активных участников – молодежь 16-29 лет. Организаторы, осуществляющие идеологическое и финансовое руководство, обычно старше (25-38 лет и выше), имеют религиозное образование, состоят в браке и имеют на иждивении более двух детей. При политическом экстремизме среди активных участников значительна доля лиц зрелого возраста (25-45 лет). Организаторы, как правило, имеют имеющий высшее (чаще юридическое) образование, состоящий в браке и имеющий на иждивении одного ребенка.

Экстремизм криминальной направленности (АУЕ) отличается активным вовлечением несовершеннолетних и молодежи (с 14 лет), а также лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Организаторы, осуществляющие идеологическое и финансовое руководство, обычно старше (25-38 лет и выше), имеют высшее образование, состоят в браке, не имеют детей.

Считаем необходимым разработать и систематизировать предложения по основным направлениям предупреждения организации деятельности экстремистской организации и участие в деятельности данной организации. При этом, главным направлением следует считать устранение возможности финансирования экстремистских организаций, привлечения новых членов - молодых людей. К такого рода мероприятиям, относятся: разработка и реализация политики о создании негативного отношения к экстремизму через образование, медиаграмотность и информирование о мерах противодействия экстремизму; расширение сети киберволонтерств, внедрение искусственного интеллекта для мониторинга контента и повышение цифровой грамотности молодежи в целях формирования невосприимчивости к экстремистским нарративам.

Также считаем целесообразным внести в качестве превентивных мер следующие изменения в действующее законодательство: в Уголовный кодекс Российской Федерации: часть 3 ст. 282.2. УК РФ изложить в следующей редакции:

«Деяния, предусмотренные частями первой, первой.1 или второй настоящей статьи, совершенные в отношении несовершеннолетнего или лицом с использованием своего служебного положения», в часть 4 ст. 282.2 УК РФ включить следующее: «Пособничество в совершении деяний, предусмотренных частями первой, первой или второй настоящей статьи», а Примечание к ст. 282.2 УК РФ изложить в следующей редакции: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности при совокупности следующих условий: Добровольное и окончательное прекращение участия в деятельности организации, признанной в установленном законом порядке экстремистской. Фактического прерывания связи с организацией, что подтверждается: отсутствием каких-либо контактов (коммуникативных, организационных, финансовых) с её представителями или структурами; неисполнением поручений и отказом от дальнейшей деятельности в её интересах. Отсутствие в действиях лица иного состава преступления» Целесообразно и ст. 282.2 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Под пособничеством в настоящей статье понимаются умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы».

Автором предлагается пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации изложить в следующей редакции: «К лицам, использующим свое служебное положение, относятся, в частности, должностные лица, обладающие признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ, государственные или муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами, а также иные лица, отвечающие требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ, а также лица которые в силу своего служебного положения иди функциональных обязанностей способствовали совершению преступлений с признаками экстремистской деятельности».

Абзац 2 пункта 20 предлагается изложить в следующей редакции: «Под организацией деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана экстремистской (часть 1 статьи 282 2 УК РФ), следует понимать действия организационно-распорядительного и административно-хозяйственного характера, направленные на про-

должение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация вербовки новых членов, шествий, управление и распоряжение имуществом и (или) денежными средствами, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации).

Под участием в деятельности экстремистской организации следует понимать выполнении конкретных действий финансово-хозяйственного характера независимо от наличия или отсутствия взаимодействия с лицом, выполняющим организаторские функции, в целях продолжения или возобновления деятельности организации после запрета ее деятельности на территории Российской Федерации по решению суда и официального опубликования сведений о признании ее экстремистской. В участии учитываются пропаганда деятельности экстремистской организации, в том числе в использованием информационно-телекоммуникационная сети, активное выполнение действий финансово-хозяйственного характера, демонстрация символики и атрибутики, организация прохождения подготовки или обучения к осуществлению экстремистских акций, занятии инструкторской деятельностью и т. п.»

Указанные меры послужат совершенствованию ответственности за организацию деятельности экстремистской организации, дополнят уголовно-правовую и криминологическую науку об организации деятельности экстремистской организации и участия в деятельности такой организации.

Список литературы:

[1] Борьба с экстремизмом и терроризмом должна быть жесткой, заявил Путин URL: https://ria.ru/20260428/putin-2089470563.html?ysclid=mpllgms7j2294207463 (дата обращения 26.04.2026).

[2] Путин потребовал от МВД жестко реагировать на проявления экстремизма в РФ URL: https://www.kommersant.ru/doc/7552723?ysclid=mpllk7nk8j524899532 (дата обращения 26.04.2026).

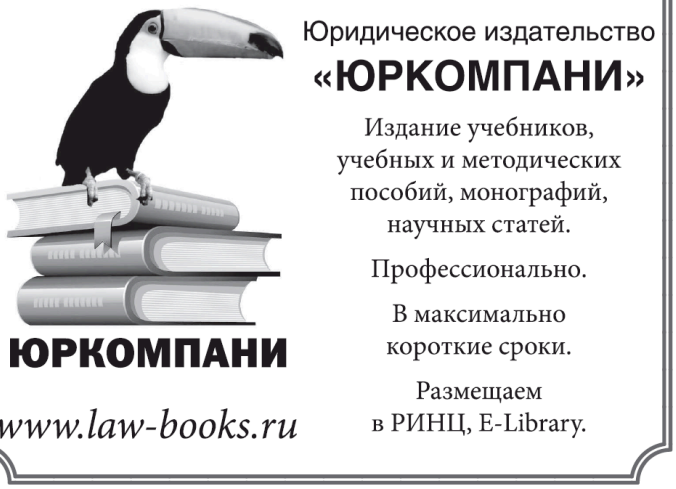
[3] Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2025 год: информационно аналитическая записка / под общ. ред. ректора Университета прокуратуры Российской Федерации д-ра юрид. наук, проф. И.М. Мацкевича. М.: Ун-т. прокуратуры Рос. Федерации, 2026. 160 с.

References:

[1] The fight against extremism and terrorism must be tough, Putin said. URL: https://ria.ru/20260428/putin-2089470563.html?ysclid=mpllgms7j2294207463 (accessed on April 26, 2026).

[2] Putin demanded that the Ministry of Internal Affairs respond harshly to manifestations of extremism in the Russian Federation. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7552723?ysclid=mpllk7nk8j524899532 (accessed on April 26, 2026).

[3] The state of law and order in the Russian Federation and the work of the prosecutor's office. 2025: information and analytical note / edited by the rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor I.M. Matskevich. M.: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2026. 160 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-37-43

ДЕМЧЕНКО Николай Викторович,
начальник кафедры административно-правовых дисциплин Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, к.ю.н., доцент, e-mail: nvdemchenko@yandex.ru.

КОРЧАГИНА Ксения Александровна,
доцент кафедры административного права ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции, e-mail:twins.86.2@mail.ru.

ТАРАНИН Михаил Александрович,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции, e-mail: v.shanko@mail.ru.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. *В статье исследуется процессуальное содержание права на защиту при обращении с электронными материалами в производстве по делам об административных правонарушениях. Рассматриваются изменения статей 25.1, 25.2 и 25.5 КоАП РФ, вступившие в силу 13 мая 2026 года, различия между просмотром записи, получением копии и технической проверкой ее достоверности. Определяются пределы обработки персональных данных третьих лиц, обязанности органа по обеспечению фактической доступности цифрового материала и последствия необоснованного ограничения ознакомления. Предлагается модель процессуального доступа, включающая сохранение оригинала, регистрацию ходатайства, предоставление воспроизводимой копии, фиксацию ограничений и предоставление реального времени для возражений. Обосновывается критерий существенности нарушения, связанный с утратой стороной возможности оспорить доказательство.*

Ключевые слова: *административное правонарушение, право на защиту, цифровые доказательства, видеозапись, ознакомление с делом, копирование, допустимость, состязательность, процессуальные гарантии.*

DEMCHENKO Nikolay Viktorovich,
Head of the Department of Administrative and Legal Disciplines at the I.D. Putilin Belarusian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor

KORCHAGINA Ksenia Aleksandrovna,
Associate Professor of the Department of Administrative Law at the Federal State Educational Institution of Higher Education, Ryutinsky Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Police Lieutenant Colonel

TARANIN Mikhail Aleksandrovich,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

ENSURING THE RIGHT TO DEFENCE IN ADMINISTRATIVE OFFENCE PROCEEDINGS AMID THE DIGITISATION OF EVIDENCE

Annotation. *The article examines the right to defence in administrative offence proceedings involving electronic materials. Amendments to Articles 25.1, 25.2 and 25.5 of the Russian Code of Administrative Offences effective 13 May 2026 are analysed. Access to a recording, receipt of a copy and verification of its technical reliability are distinguished. The paper addresses third-party personal data, actual accessibility and the legal consequences of unjustified restrictions. A procedural access model is proposed: preservation of the original, registration of a request, provision of a reproducible copy, recording of restrictions and sufficient time for objections. A materiality criterion is developed based on whether a party lost an effective opportunity to contest the evidence.*

Key words: *administrative offence, right to defence, digital evidence, video recording, case-file access, copying, admissibility, procedural safeguards.*

В современных условиях переход производства по делам об административных правонарушениях к электронным материалам изменяет фактическое содержание права на защиту, поскольку наряду с привычными документами доказательственную основу теперь образуют записи видеорегистраторов, файлы стационарных камер, сведения информационных систем, изображения экрана, выгрузки журналов событий, метаданные и т.д. То есть такие объекты, которые нельзя полноценно исследовать только посредством чтения бумажного описания, так как для их проверки необходимо воспроизвести файл, установить его происхождение и сопоставить с иными материалами. В связи с чем формально предоставленное право ознакомиться с делом утрачивает смысл, если участнику показывают распечатку одного кадра, тогда как юридически значимый эпизод содержится в непрерывной записи. Поэтому, можно сказать, что эффективность защиты определяется реальной технической доступностью информационного содержания.

Федеральный закон от 2 мая 2026 г. № 119-ФЗ внес изменения в статьи 25.1, 25.2 и 25.5 КоАП РФ, прямо закрепив право соответствующих участников знакомиться с аудио- и видеозаписями, делать выписки и снимать за свой счет копии материалов, в том числе с использованием технических средств [1; 2]. И хотя новелла не создала принципиально нового института доказательств, она конкретизировала процессуальные возможности участников применительно к цифровому способу фиксации, поскольку ее значение состоит в устранении неопределенности, когда возможность копирования зависела от организационной позиции конкретного органа или суда, а просмотр видео произвольно подменялся устным пересказом сотрудника. В то же время право знакомиться с аудио- и видеозаписями и право снимать копии сформулированы как самостоятельные элементы процессуального статуса, однако не следует автоматически выводить из закона безусловную обязанность органа изготовить за государственный счет копию в любом запрошенном формате, закон говорит о снятии копий за счет участника. В тоже время, необходимо отметить, что властный орган обязан обеспечить условия для реального осуществления предусмотренного права, такие как доступное помещение, работающую аппаратуру или иной законный способ воспроизведения, возможность применения совместимых технических средств и разумное время. поскольку в противном случае, гарантированная федеральным законом возможность станет зависеть от отсутствия у лица дорогостоящего оборудования.

Мы считаем, что научное исследование цифровых доказательств в административном процессе требует различать три уровня доступа. Во-первых, это информационный доступ, который означает ознакомление с содержанием файла, во-вторых, технический, то есть возможность исследовать параметры, продолжительность, последовательность кадров и свойства носителя и в-третьих, процессуальный, а именно право использовать сведения для ходатайств, объяснений, назначения экспертизы и обжалования. Поэтому участник, которому предоставлен только просмотр отобранного сотрудником фрагмента, реализует первый уровень лишь частично, в то

время как для эффективного оспаривания записи требуется достаточный объем информации о происхождении и сохранности файла и объем раскрытия должен соотноситься с обстоятельствами дела и законными ограничениями прав третьих лиц.

М. Г. Терехов, изучая применение цифровых доказательств в административном процессе, обращает внимание на вопросы их целостности, достоверности и процессуального использования [7]. А. В. Орлов подчеркивает, что технология представляет инструмент, тогда как основанием процессуальной оценки остается доказывание [8]. В предлагаемом нами подходе такие положения образуют критерий функциональной доступности, когда участнику следует предоставить не абстрактную техническую возможность увидеть изображение, а такие сведения и средства, которые позволяют содержательно поставить под сомнение доказательство. Право на защиту не тождественно здесь праву на получение любого закрытого программного кода комплекса, но включает возможность проверить существенные свойства записи.

Не маловажную проблему, на которой мы так же хотим заострить внимание, создает выбор между оригинальным цифровым объектом и производной копией, поскольку оригинал может храниться в памяти технического средства или ведомственном архиве, а в дело поступает экспортированный файл после сжатия, изменения контейнера, либо обрезки. А такие преобразования сами по себе не означают фальсификации, но способны уничтожить временные метки и другую диагностически значимую информацию, поэтому орган должен сохранять исходный экземпляр или неизменяемую контрольную копию, документировать технические преобразования и предоставлять участнику воспроизводимый файл с указанием его отношения к оригиналу, поскольку при обоснованных сомнениях в монтаже необходим доступ к более ранней версии или экспертная проверка.

Возможность ознакомиться с записью должна существовать до того, как позиция участника фактически предопределена решением, поздний допуск после рассмотрения дела не всегда устраняет нарушение, поскольку лицо могло бы представить свидетеля, указать на иной объект в кадре, потребовать проверку временных параметров либо оспорить идентификацию транспортного средства. Вот почему при заявленном ходатайстве о просмотре ключевого материала необходимо оценивать достаточность времени для подготовки возражений, поскольку отказ перенести заседание при одновременном предоставлении большого файла за несколько минут до рассмотрения может сделать предоставленное право сугубо формальным.

Отметим, что статья 24.1 КоАП РФ ориентирует производство по делу об административном правонарушении на всестороннее, полное, объективное и своевременное выяснение обстоятельств, а статьи 26.2 и 26.11 требуют использовать законно полученные доказательства и оценивать их по внутреннему убеждению на основе совокупности исследованных материалов. А такие установки несовместимы с заранее установленной силой видеозаписи, поскольку высокое качество изображения не гарантирует верность даты, идентификации лица, отсутствия сокращения или корректность интерпретации события, даже автоматическая фиксация подлежит проверке в пределах специального правового режима [5; 6]. И, следовательно, ознакомление является не техническим удобством, а условием эффективного оспаривания обвинительного вывода.

Показательно в этом плане постановление Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2026 г. № 32-АД26-4-К1, когда суд рассмотрел ситуацию, где после фиксации одного нарушения автоматическим комплексом произошла переквалификация на другой состав, для которого материалы и процедура не соответствовали установленным требованиям и процессуальные акты были отменены [6]. Данный пример вовсе не означает универсального запрета переквалификации по видеозаписи, он показывает другое, каждое вменяемое событие должно подтверждаться соответствующим способом фиксации, а выбор упрощенной процедуры не может подменять условия ее применения. То есть, возможность стороны увидеть не только кадр, но и характеристики записи приобретает здесь непосредственное защитное значение.

Не следует так же смешивать процессуальное право на копирование и режим персональных данных, поскольку видеозапись способна содержать лица посторонних, сведения о детях, государственные регистрационные знаки и детали частной жизни. Наличие таких элементов естественно может потребовать организационных мер при обращении с копией, но не должно автоматически оправдывать отказ выдать всю запись, если именно последовательность событий существенна для дела. Отметим, то закон о персональных данных [10] служит основанием для адекватной защиты информации, поэтому в рамках административного производства следует искать способ одновременной реализации права на защиту и охраны третьих лиц, к примеру, контролируемый просмотр оригинала и выдачу копии с закрытием исключительно несущественных фрагментов. При этом, затемнение изображения допустимо только после оценки того, не меняет ли оно смысл доказательства, поскольку если

посторонний прохожий является потенциальным свидетелем, его положение или движения объясняют дорожную ситуацию, удаление фрагмента нарушит возможность защиты. Нельзя объявлять сведения «лишними» лишь потому, что они не вошли в первоначальную версию должностного лица, предлагается обязанность мотивировать редактирование копии, какие участки скрыты, с какой целью, где хранится полная версия и каким образом суд либо вышестоящий орган может ее исследовать, а при споре следует обеспечить доступ к незатемненному оригиналу в контролируемых условиях.

Формат же копии требует на наш взгляд отдельного регулирования, поскольку предоставление видеоматериала в проприетарном контейнере, открываемом только ведомственной программой, фактически блокирует самостоятельное исследование, но в тоже время требовать перекодирования любого файла без учета риска изменения параметров также неправильно. Считаем, что практически целесообразно предоставлять либо копию в исходном формате с законно доступным проигрывателем, либо совместимый экспорт вместе с фиксацией преобразования и сохранением исходной версии, а в материалах дела важно отразить длительность, размер, формат, имя файла и контрольное значение, чтобы участник мог сопоставить изученный объект с тем, на который ссылается постановление.

Контрольное хэш-значение в данной ситуации является удобной гарантией идентичности копии определенному цифровому объекту, но не доказывает, что запись достоверно отражает событие до начала фиксации, поскольку если монтаж произведен до вычисления контрольной суммы, совпадение хэшей лишь подтверждает неизменность уже измененного файла. Поэтому проверка строится на совокупности происхождения, целостности и содержательной достоверности, и подобное разграничение особенно важно для записей из мессенджеров и файлов, представленных гражданином, так как право второй стороны оспорить источник не должно зависеть от того, кто первым представил материал [9].

В то же время при рассмотрении ходатайств сторон об ознакомлении необходимо различать объективную невозможность немедленного копирования и неправомерный отказ, поскольку если оригинал временно находится в экспертном учреждении, техника неисправна либо сведения содержат охраняемую тайну, орган вправе организовать законный альтернативный порядок, но должен сообщить причины, сроки и способ реализации права. Ведь неопределенное предложение «обратиться позднее» без фиксации даты и процессуального решения не обеспечивает проверяемости, поэтому важным элементом предлагаемой модели является регистрация ходатайства с указанием конкретного материала, заявленного способа ознакомления и результата его рассмотрения.

Хотим так же обратить внимание на тот факт, что реализация права на защиту не ограничивается интересами привлекаемого лица, Закон № 119-ФЗ уточнил также полномочия потерпевшего, защитника и представителя [2; 3]. Поэтому орган обязан строить процедуру доступа так, чтобы она не создавала неравенства в зависимости от процессуального статуса, так как объем раскрытия может различаться в силу специальных охраняемых интересов, но критерий должен быть правовым и мотивированным. К примеру, адвокат, заявляющий ходатайство о технической экспертизе видео, должен получить достаточные сведения о версии файла, а потерпевший возможность выявить обстоятельства, которые опровергают или дополняют первоначальную квалификацию.

Информационное неравенство особенно заметно в делах с автоматическими комплексами, когда административный орган располагает эксплуатационной документацией и архивами, а собственник транспортного средства получает постановление с ограниченным набором изображений, а для проверки принадлежности автомобиля, номера, временной синхронизации и режима работы комплекса ему могут требоваться дополнительные материалы. Хотя пункт 26 постановления Пленума Верховного Суда № 20 определяет признаки автоматического режима и обращает внимание на метрологические и программные характеристики применяемых средств [5], при конкретном мотивированном споре об автоматическом режиме целесообразно обеспечивать доступ к релевантным техническим сведениям, не подменяя его общей справкой о сертификации. В то же время уточним, что не всякий отказ в предоставлении дополнительного технического документа означает существенное нарушение права на защиту, поскольку если спор касается факта управления автомобилем, а участник уже располагает полным видео и не объясняет значение запрошенного внутреннего регламента программного обеспечения, требование может быть избыточным. Иная же ситуация возникает, когда постановление зависит от алгоритма распознавания конкретного состава, а лицо прямо указывает на невозможность установить, фиксирует ли комплекс данное нарушение. Здесь ограничение технического доступа может лишить возражение предметной основы, а критерий существенности должен быть связан с реальным влиянием непредоставленного материала на возможность оспаривания.

Так же отметим, что право на защиту предполагает и реальную возможность предло-

жить альтернативную интерпретацию цифрового эпизода. Один кадр может демонстрировать автомобиль за стоп-линией, но не раскрывать момент смены сигнала, наличие регулировщика или действие другого участника движения, поэтому сокращение записи допустимо лишь при сохранении достаточного контекста. По нашему мнению, орган должен определить начало и конец юридически значимого события, а сторона получить возможность ходатайствовать о просмотре соседних кадров и при наличии технической возможности суд будет исследовать более длинный фрагмент, не ограничиваясь снимком, приложенным к постановлению.

В связи с чем нами предлагается четырехчастная модель обеспечения доступа. Первая часть — идентификация и сохранение цифрового объекта, то есть источник, время, формат, место хранения и первичная контрольная копия. Вторая — процессуальная коммуникация, разъяснение прав, регистрация ходатайства, организация просмотра и копирования. Третья — защита законных интересов, а именно минимизация персональных данных третьих лиц, фиксация ограничений и сохранение полной версии. И четвертая — реальное использование, то есть срок для возражений, возможность назначения экспертизы, приобщения альтернативных записей и заявления ходатайств. И здесь же отметим, что нарушение любого элемента требует оценки последствий, но не автоматически означает недопустимость всего дела.

Для законодателя же представляется полезным уточнить порядок работы с электронными приложениями к делу, возможно закрепить, что при приобщении цифровой записи уполномоченное лицо фиксирует идентификатор носителя или файла, длительность, формат и способ сохранения, а при изготовлении производной копии указывает ее отношение к исходному объекту. Дополнительно следует предусмотреть мотивированное разрешение спора о возможности предоставления копии и требование сохранять первичный файл до окончательного разрешения дела и завершения предусмотренных законом процедур обжалования. Мы считаем, сто такие предложения не изменят виды доказательств, но повысят их проверяемость. На ведомственном же уровне необходимы единые инструкции по организации ознакомления, предусматривающие совместимые средства воспроизведения, журнал запросов, правила хранения и уничтожения копий, защиту персональных данных и своевременное предоставление носителей. Обучение сотрудников правоохранительных органов в этом контексте должно включать понимание разницы между исходным файлом, экспортом, скриншотом и распечаткой. Поскольку на практике, когда должностное лицо не может объяснить происхождение файла и ограничивается утверждением, что он поступил «из системы», не обеспечивает цели административного доказывания и техническая культура здесь становится частью культуры законности.

В данном контексте заслуживает внимания позиция В. В. Шанько, И. А. Ряпухиной и В. А. Сопиги, которые связывают обеспечение прав человека в административной деятельности полиции с наличием четко регламентированных процессуальных гарантий, мотивированностью принимаемых решений и надлежащей фиксацией действий сотрудников с использованием современных технических средств [12, с. 362]. Развивая данную позицию применительно к цифровизации административного производства, полагаем, что контроль законности должен охватывать не только соблюдение формальных процедур, но и техническую проверяемость доказательственной информации, включая сохранность исходного файла, возможность его воспроизведения и документирование ограничений доступа.

Не менее важна на наш взгляд и судебная практика оценки процессуальных нарушений. Здесь нами предлагается критерий утраты эффективного оспаривания, то есть нарушение признается существенным, если оно лишило участника возможности вовремя узнать юридически значимое содержание цифрового материала, проверить существенное свойство записи или использовать результаты проверки при рассмотрении дела. При таком подходе исправление несомненно возможно, если после устранения дефекта сторона получает реальное время и процессуальные средства для защиты. В противном же случае если же нарушение неустранимо, к примеру, оригинал удален до возможной проверки, вывод о достоверности производной копии требует особенно строгого обоснования.

Практически значимым остается и вопрос о доступности аудиозаписей для участников с нарушениями слуха и видеоматериалов для лиц с нарушениями зрения, здесь закон закрепляет право на ознакомление, но способ его реализации должен учитывать возможность содержательного восприятия доказательства. поскольку если участник не способен самостоятельно прослушать ключевую запись, надлежащим процессуальным решением могут быть участие защитника, специалиста, доступная расшифровка при сохранении исходного файла и возможность уточняющих вопросов. Расшифровка же в свою очередь не заменяет оригинал, особенно если спор касается интонации или длительности паузы, но расширяет реальность участия, поэтому органу следует фиксировать, какие адаптирующие средства предоставлены и позволили ли они подгото-

вить позицию, не объявляя формальный показ файла достаточным.

Отдельное значение на наш взгляд несомненно имеет техническая ошибка при передаче копии, поскольку файл может не открываться, оказаться неполным или содержать иной эпизод с похожим именем. В таких случаях если лицо своевременно сообщает о проблеме, орган обязан рассмотреть ее по существу, а не ссылаться на то, что носитель был вручен под расписку, поскольку факт передачи физической флеш-памяти не доказывает передачу пригодной к воспроизведению информации, в спорных случаях следует сверять размер, контрольные значения, длительность и состав каталога, а после исправления недостатка предоставлять разумный срок для ознакомления. Мы считаем, что такой подход снижает риск отмен постановлений из-за чисто организационных, но существенных для защиты ошибок.

Значительный потенциал имеет и предварительное раскрытие электронных приложений одновременно с уведомлением о месте и времени рассмотрения дела, хотя предоставление доступа через личный кабинет должно сопровождаться проверкой адресата, фиксацией открытия файла и сохранением возможности очного ознакомления, нельзя считать юридически достаточным размещение ссылки, если ее срок действия истек до момента обращения или электронная система не работала. При техническом же сбое доказательство должно быть доступно другим законным способом, поскольку цифровая форма не отменяет обязанность органов обеспечить участие человека, не располагающего устойчивым интернет-соединением или специальными программами.

Таким образом, мы видим, что цифровизация не снижает содержание права на защиту, а меняет его технические условия, изменения, действующие с 13 мая 2026 г., прямо закрепили доступ к аудио- и видеозаписям и копирование материалов, поэтому дальнейшая задача законодателя состоит в разработке воспроизводимого и проверяемого порядка реализации этого права и в этом контексте предлагаемая нами модель соединяет сохранение исходного объекта, доступность формата, мотивированное ограничение персональных данных и полноценное время для возражений, а ее центральный критерий это не формальное наличие записи в деле, но возможность участников содержательно проверить и оспорить юридически значимую цифровую информацию.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ, ст. 25.1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/0147088a5497571bd1de83d7a7f6ce9ea7504a22/ (дата обращения: 17.09.2026).

[2] Федеральный закон от 02.05.2026 № 119-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=505900&moduleId=1 (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Прокуратура Российской Федерации. Расширен перечень прав участников производства по делам об административных правонарушениях. 18.05.2026. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_glskfoyufo/activity/legal-education/explain/social-rights/e8494191/ (дата обращения: 17.09.2026).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении КоАП РФ» (действующая редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (дата обращения: 17.09.2026).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327611/649fd6e13e0475dd2dbee61b48811e6dd96345fd/ (дата обращения: 17.09.2026).

[6] Постановление Верховного Суда РФ от 23.07.2026 № 32-АД26-4-К1. URL: https://base.garant.ru/414690364/ (дата обращения: 17.09.2026).

[7] Терехов М. Г. Опыт зарубежных юрисдикций по применению цифровых доказательств в административном процессе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. С. 57–67. URL: https://www.vestnikspbmvd.ru/ru/nauka/article/104892/view (дата обращения: 17.09.2026).

[8] Орлов А. В. Доказательства и цифровизация: приоритеты развития административного процессуального права // Административное право и процесс. 2026. № 2. С. 73–77. DOI: 10.18572/2071-1166-2026-2-73-77. URL: https://lawinfo.ru/articles/12797/dokazatelstva-i-cifrovizaciya-prioritety-razvitiya-administrativnogo-processualnogo-prava (дата обращения: 17.09.2026).

[9] Грибачев А. А. Цифровые доказательства и автоматизация в практике возбуждения административных дел полицией: правовые гарантии и риски // Молодой ученый. 2026. № 4 (607). С. 256–258. URL: https://www.moluch.ru/archive/607/133058 (дата обращения: 17.09.2026).

[10] Федеральный закон от 27.07.2006

№ 152-ФЗ «О персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 17.09.2026).

[11] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 17.09.2026).

[12] Шанько В. В., Ряпухина И. А., Сопига В. А., Контроль и надзор за соблюдением прав человека в административной деятельности полиции // Право и управление. 2026. № 2. С. 359–363. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-359-363..

References:

[1] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ, Art. 25.1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/0147088a5497571bd1de83d7a7f6ce9ea7504a22/ (date of reference: 17.09.2026).

[2] Federal Law of 02.05.2026 No. 119-FZ "On Amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" URL: https://normativ.kontur.ru/document?documentId=505900&moduleId=1 (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Prosecutor's Office of the Russian Federation. The list of rights of participants in proceedings on cases of administrative offenses has been expanded. 18.05.2026. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_glskfoyufo/activity/legal-education/explain/social-rights/e8494191/ (дата обращения: 17.09.2026).

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24.03.2005 No. 5 "On some issues arising from the courts when applying the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" (current version). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/ (access date: 17.09.2026).

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.06.2019 No. 20 "On some issues arising in judicial practice when considering cases of administrative offenses provided for by Chapter 12 of the Administrative Code of the Russian Federation." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327611/649fd6e13e0475dd2dbee61b48811e6dd96345fd/ (access date: 17.09.2026).

[6] Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.07.2026 No. 32-AD26-4-K1. URL: https://base.garant.ru/414690364/ (access date: 17.09.2026).

[7] Terekhov M. G. Experience of foreign jurisdictions in the use of digital evidence in the administrative process // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. S. 57-67. URL: https://www.vestnikspbmvd.ru/ru/nauka/article/104892/view (access date: 17.09.2026).

[8] Orlov A.V. Evidence and digitalization: priorities for the development of administrative procedural law // Administrative law and process. 2026. № 2. S. 73-77. DOI: 10.18572/2071-1166-2026-2-73-77. URL: https://lawinfo.ru/articles/12797/dokazatelstva-i-cifrovizaciya-prioritety-razvitiya-administrativnogo-processualnogo-prava (дата обращения: 17.09.2026).

[9] Gribachev A. A. Digital evidence and automation in the practice of initiating administrative cases by the police: legal guarantees and risks // Young scientist. 2026. № 4 (607). S. 256-258. URL: https://www.moluch.ru/archive/607/133058 (access date: 17.09.2026).

[10] Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ "On Personal Data." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (access date: 17.09.2026).

[11] Federal Law No. 27.07.2006 of 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (access date: 17.09.2026).

[12] Shanko V.V., Ryapukhina I.A., Sopiga V.A., Control and supervision of human rights in the administrative activities of the police // Law and management. 2026. № 2. S. 359-363. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-2-359-363..

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-44-51

ГАРИФУЛЛИНА Алсу Ринатовна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственно-правовых
дисциплин Казанского филиала «Российского
государственного университета правосудия
им. В.М. Лебедева»,
e-mail: alsu_gar@list.ru

ХАБИБУЛЛИНА Эмилия Рафисовна,
студентка Казанского филиала «Российского
государственного университета правосудия
им. В.М. Лебедева»,
e-mail: habemi2014@gmail.com

ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ ДОНОРСТВА И ИХ ТРАНСПЛАНТАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы, связанные с защитой прав человека в области донорства и трансплантации органов. В последние годы трансплантация органов прибрела особое значение как эффективный метод лечения тяжких заболеваний. В ходе исследования были изучены основные принципы, на которых строится система донорства органов, в частности добровольность принятия решения о донорстве, соблюдения врачебной тайны и обеспечение равных возможностей для получения необходимой медицинской помощи. Отдельно рассмотрены гарантии защиты прав доноров и реципиентов, а также проблемы, возникающие при получении согласия на изъятие и пересадку органов. Данная работа подчеркивает важность разработки и соблюдения этических и правовых норм в сфере донорства органов и их трансплантации. Дальнейшие исследования могут быть направлены на улучшение законодательства и могут способствовать защите прав человека и обеспечению справедливого доступа к трансплантации органов.*

Ключевые слова: *право, защита прав человека, донорство, трансплантация, реципиент.*

GARIFULLINA Alsu Rinatovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of State and Legal
Disciplines at the Kazan Branch of the Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev

KHABIBULLINA Emilia Rafisovna,
Student at the Kazan Branch of the Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev

HUMAN RIGHTS PROTECTION IN THE FIELD OF ORGAN DONATION AND TRANSPLANTATION

Annotation. *This article examines issues related to the protection of human rights in the field of organ donation and transplantation. In recent years, organ transplantation has acquired particular importance as an effective treatment for serious illnesses. This study examined the fundamental principles underlying the organ donation system, including the voluntary nature of donation decisions, maintaining medical confidentiality, and ensuring equal access to necessary medical care. Guarantees for protecting the rights of donors and recipients, as well as challenges arising in obtaining consent for organ retrieval and transplantation, were examined separately. This work highlights the importance of developing and enforcing ethical and legal standards in the field of organ donation and transplantation. Further research can be aimed at*

improving legislation and can contribute to the protection of human rights and ensuring equitable access to organ transplantation.

Key words: *law, human rights protection, donation, transplantation, recipient.*

Защита прав человека является одной из главных задач для современного общества, и она распространяется на все сферы жизни. Одной из таких сфер является донорство органов и их трансплантация, которые имеют огромное значение для спасения жизни и улучшение качества жизни людей, страдающих тяжелыми заболеваниями. Однако, вместе с этим, эта сфера вызывает множество этических, социальных и правовых вопросов.

Исследованием вопросов, связанных с защитой пав в сфере донорства органов в России, занялись только в последние годы, первые упоминания относятся к 2017 году [1], а большая часть работ вышла в последние 2 года при этом значительная часть работ является выступлениями на конференциях и опубликованы в сборниках работ [12]. Исследования носят фрагментарный характер, раскрываются в основном отдельно взятые вопросы такие как трансплантация органов [2]; перспективы правового регулирования данной сферы [3]; исследуются международные и национальные источники правового регулирования [4]; правовой статус органов [5]; и др. Следует отметить, что донорство органов и трансплантация в России является малоизученным явлением как с медицинской, так и с юридической точки зрения.

Чтобы разобраться в данной теме, необходимо рассмотреть развитие донорства органов. В XX веке, с развитием научно-медицинских достижений, возникает необходимость в спасении жизни людей путем донорства органов. Первая успешная трансплантация была проведена в 1954 году, когда была пересажена почка между однояйцевыми близнецами. Этот прорыв вызвал интерес к донорству органов и стал началом новой эпохи развития этой сферы.

С развитием практики донорства органов возникают новые вызовы в контексте защиты прав и свобод человека. Пациенту должно быть предоставлено право на получение полной и достоверной информации о процессе донорства органов, сопряженных с этими рисками и возможных последствиях. Это предполагает не только информирование о медицинских аспектах процедуры, но и разъяснение юридических и этических нюансов, связанных с донорством.

Всеобщая декларация прав человека, утвержденная Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 году [13], является основополагающим международным документом в области защиты прав и свобод человека. Несмотря на отсутствие прямых норм, непосредственно регулирующих вопросы донорства органов, декларация закрепляет ряд принципов, имеющих важное значение для этой сферы. К ним относятся право на жизнь, запрет на жестокое и унижающее человеческое достоинство обращение, а также принцип недопустимости дискриминации. Эти фундаментальные принципы подразумевают, что донорство органов должно осуществляться исключительно на добровольной основе и исключать любое принуждение или давление на индивида. В последние годы государства и международное общество активно работают над совершенствованием правового регулирования трансплантации органов, стремясь обеспечить баланс между необходимостью развития трансплантационной медицины и защитой прав доноров и реципиентов. Вместе с тем отдельные проблемы в данной области сохраняют свою актуальность и требуют дальнейшего решения.

Одним из основополагающих принципов донорства является равенство граждан при оказании медицинской помощи. Предоставление возможности на проведение трансплантации не должно зависеть от пола, возраста, национальности, расы, имущественного положения или иных обстоятельств, не связанных с состояние здоровья пациента. Распределение донорских органов должно осуществляться на основе объективных медицинских критериев и с соблюдением принципа справедливости. Ограничения могут применяться лишь в случаях, когда имеются медицинские противопоказания либо инфе обстоятельства, способные существенно снизить эффективность трансплантации.

Серьезной проблемой для государства остается недостаточное количество донорских органов. Во многих государствах число пациентов, нуждающихся в пересадке, значительно превышает количество доступных органов. Это приводит к формированию длительных листов ожидания, а в некоторых случаях становится причиной смерти людей, так и не получивших необходимую медицинскую помощь.

Не менее опасным явлением является незаконный оборот человеческих органов. В ряде стран продолжают существовать преступные схемы, связанные с их куплей-продажей. Как правило, жертвами подобных действий становятся лица, находящиеся в тяжелом материальном состоянии и вынужденные соглашаться на продажу органов из-за отсутствия иных средств к существованию. Незаконная торговля органами представляет собой серьезную угрозу для жиз-

ни и здоровья человека, а также подрывает доверие общества к системе донорства. Эта форма эксплуатации человека относится к наиболее опасным видам нарушений прав и свобод, включая право на жизнь, уважение человеческого достоинства и неприкосновенность личности. Распространение нелегального оборота органов часто наблюдается в странах с низким социально-экономическим развитием, где бедность и недостаточная социальная защита способствуют уязвимости граждан. Операции, проводимые в нелегальных условиях, нередко сопровождаются серьезными медицинскими осложнениями и могут привести к гибели донора. Кроме того, несоблюдение медицинских стандартов на этапах изъятия и транспортировки органов может привести к их непригодности для трансплантации. Для борьбы с незаконной торговлей органами необходимо укрепление международного сотрудничества, совершенствование национального законодательства и координация действий государств, направленных на предотвращение и пресечение подобных преступлений.

Роль государства в обеспечении прав человека в сфере донорства органов является очень важной. Государство должно разрабатывать и внедрять законы, которые гарантируют права доноров и получателей органов. Это включает в себя право на информацию о донорстве органов, право на согласие или отказ от донорства, право на конфиденциальность и защиту персональных данных, а также право на безопасность и качество медицинской помощи.

В главе 5 ст.47 п. 7 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» [14] «Донорство органов и тканей человека и их трансплантации (пересадка)» регламентирует право заявить близким родственникам и своем несогласии на изъятие органов и тканей умершего. Но что делать в случае их отсутствия, не указано. Обратившись к Закону РФ от 22.11.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [15], который был принят более 33 лет назад, отметим, что в разделе 2, ст.8 «Презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей» говорится, что, если лицо не выразило явное несогласие при жизни, означает, что забор донорского материала разрешен. Этот закон не касается детей, достигших 18 лет, изъятие органов для донорства возможно только с согласия родителей или законных представителей.

Основные принципы донорства включают добровольность и информированность. Донор должен быть проинформирован о процессе донорства, его возможных последствиях, рисках и ожидаемой пользе для реципиента. На основании этой информации донор имеет право самостоятельно принимать решение об участии в донорстве органов. Согласие донора должно быть добровольным, осознанным и оформленным в письменной форме [6].

Донор также имеет право на защиту своего достоинства и физической неприкосновенности. В процессе донорства органов должны быть соблюдены все медицинские и этические нормы, чтобы предотвратить любые виды физического и психологического насилия над донором. Донор имеет право на качественное медицинские обслуживание в процессе процедуры донорства [7].

Важно отметить, что донор имеет право изменить решение о предоставление органа в любое время до начала процедуры трансплантации. Это право основано на свободе воли.

Необходимо отметить, что в случае установлении смерти мозга волеизъявление лица относительно посмертного донорства учитывается лишь тогда, когда оно было заранее оформлено надлежащим образом и зафиксировано в соответствующем документе. Если такое волеизъявление отсутствует, вопрос об изъятии органов решается в порядке, предусмотренном законодательством: учитывается наличие пожизненного письменного согласия либо отсутствие официально выраженного отказа от донорства.

И донор, и реципиент обладают правом на защиту частной жизни. Данные о трансплантации органов представляют собой конфиденциальную медицинскую информацию, доступ к которой ограничен в соответствии с законодательством. К такой информации относятся сведения о состоянии здоровья пациента, результаты диагностических исследований, медицинские документы, а также данные об операции и последующем лечении.

Особое место в системе правовых гарантий занимает обеспечение права реципиента на уважение достоинства личности и неприкосновенность частной жизни. Проведение трансплантации должно осуществляться с соблюдением установленных медицинских требований, норм профессиональной этики и принципов гуманного отношения к пациенту.

Определенные обязанности возлагаются как на донора, так и на реципиента. Потенциальный донор обязан сообщить медицинским работникам полную и достоверную информацию о состоянии своего здоровья, поскольку сокрытие действующих сведений может повлечь риск передачи заболеваний лицу, которому будет произведена трансплантация. Кроме того, донор должен соблюдать предписания медицинских специалистов на всех этапах подготовки к процедуре.

На реципиента возлагается обязанность выполнять рекомендации лечащих врачей как до проведения операции, так и после нее. Для сохра-

нения функционирования пересаженного органа ему необходимо придерживаться установленного режима лечения и принимать меры, направленные на поддержание состояния здоровья.

Одной из важнейших гарантий защиты прав участников отношений в сфере трансплантации является сохранение врачебной тайны. Доноры и реципиенты вправе рассчитывать на неразглашение сведений о своем состоянии здоровья и перенесенных заболеваниях. Соблюдение конфиденциальности позволяет предотвратить случаи дискриминации и исключить неправомерное использование персональных медицинских данных [8].

Не менее важным элементом правового регулирования выступает организация системы донорства и трансплантации органов. В большинстве государств данная сфера урегулирована специальными законами и подзаконными нормативными актами, устанавливающими требования к изъятию, хранению и транспортировке и пересадки органов, а также определяющими условия, которым должны соответствовать доноры и реципиенты [9].

Эффективное функционирование системы донорства органов невозможно без четкого нормативного регулирования порядка ее организации, обеспечивающего баланс интересов государства, медицинских организаций и участников трансплантационных правоотношений. В ряде государств действуют специальные учреждения и координационные центры, осуществляющие учет донорских органов и контроль за их распределением. На данные структуры возлагаются функции по соблюдению требований законодательства и этических норм, действующих в сфере трансплантации. Их деятельность направлена на обеспечение открытости процедур и защиту интересов как доноров, так и реципиентов.

В некоторых странах созданы национальные реестры потенциальных доноров, в которые граждане могут добровольно внести сведения о своем согласии на посмертное донорство. Наличие таких систем позволяет упростить процедуру подтверждения волеизъявления человека и способствует повышению доступности органов для трансплантации.

Одним из наиболее базовых принципов донорства выступает равный доступ к медицинской помощи. Каждый пациент должен иметь возможность претендовать на получение необходимого органа независимо от пола, национальности, имущественного положения, возраста или иных обстоятельств, не связанных с медицинскими показаниями. В связи с этим особое значение приобретает создание понятных и объективных критериев распределения донорских органов.

Не менее важным вопросом является обеспечение конфиденциальности информации. Сведения о донорах и реципиентах относятся к категории персональных данных и подлежат защите от неправомерного распространения. Разглашение такой информации допускается только в случаях, прямо предусмотренных законом или при наличии согласия заинтересованного лица.

Отельного внимания заслуживает пробелам дефицита донорских органов. В настоящее время она носит общемировой характер и затрагивает большинство государств. Одной из причин недостаточного количества доноров является настороженное отношение граждан к процедуре трансплантации, обусловленное существующими стереотипами и недостатком достоверной информации. Кроме того, на отношение общества к донорству нередко оказывают влияние религиозные и культурные традиции.

Во многих странах развитию трансплантологии препятствуют несовершенство нормативно-правовой базы, ограниченное финансирование системы здравоохранения, нехватка квалифицированных специалистов м недостаточная информированность населения о социальной значимости донорства органов. Одной из наиболее сложных этических проблем остается вопрос определения очередности получения трансплантата поскольку количество нуждающихся пациентов значительно превышает число доступных органов, возникает необходимость выработки справедливых критериев, позволяющих определить приоритетность оказания такой медицинской помощи. Важно, чтобы распределение органов основывалось исключительно на медицинских критериях, таких как срочность и вероятность успешного исхода трансплантации, а не на социальном или экономическом статусе пациента. Прозрачность и справедливость в процедуре распределения органов способствуют укреплению доверия общества к системе донорства и гарантируют равные шансы для всех нуждающихся в трансплантации [10].

Другой этической проблемой является вопрос о согласии донора, его близких на использование его органов после смерти. Согласно российскому законодательству, забор органов осуществляется с согласия самого донора или в случае отсутствия явного несогласия при жизни.

Важную роль в защите прав человека в сфере донорства играют международные и национальные механизмы. Один из основных международных документов является Всемирная декларация Генеральной Ассамблеи Всемирной организации здравоохранения в 2004 году. Эта декларация призывает государства разработать и реализовать национальные программы по донорству органов и трансплантации, основанные на этических принципах справедливости, прозрачности и

доступности. Она также подчеркивает необходимость защиты прав доноров и получателей органов, а также обучения и обмена опытом между странами [11].

Обратимся к опыту зарубежной азиатской страны – Китай. Трансплантационная медицина в Китае является одной из наиболее развитых в мире. Первые операции по пересадке органов были проведены в КНР в 1960-х годах. В отличие от России, в Китае отсутствует извлечение органов без добровольного согласия, так как по законодательству это считается незаконным. Хотя стоит отметить, что в соответствии с принятыми в 1984 году изменениями закона стало возможным извлечение органов у казненных преступников с предварительного согласия или с разрешения родственников. Несмотря на спорные вопросы по отношению к изъятию органов у казненных заключенных, на август 2009 года порядка 65% пересаженных донорских органов были осуществлены за счет приговоренных к смертной казни [16]. Однако на международном уровне возник вопрос о правомерности данного закона. В связи с этим 2 ноября 2013 года была принята резолюция Ханчжоу о прекращении извлечения органов у казненных заключенных [17].

Совсем недавно в сфере трансплантологии был совершен значительный прорыв: в марте 2024 года в Китае успешно была проведена операция по трансплантации свиной печени человеку с диагнозом смерти мозга. Это событие имело огромное значение для науки, открыв новые возможности для решения проблемы нехватки донорских органов и предоставления шанса на выздоровление пациентам, для которых трансплантация – единственный способ победить болезнь [18].

Обратимся к разъяснениям Конституционного Суда Российской Федерации о трансплантации. 6 декабря 2016 года Конституционный Суд РФ в разъяснении пришел к выводу, что презумпция согласия на изъятие органов не нарушает требования Конституции и направлена на развитие в стране донорства и трансплантации [19]. Такая правовая позиция содержится в определении Конституционного Суда РФ об отказе принять ку рассмотрению жалобу на неконституционность отдельных положений Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Поводом к обращению группы граждан в Конституционный Суд РФ послужила история столичной студентки Алины Саблиной, которая в январе 2014 гада стала жертвой ДТП. В состоянии комы она попала в реанимацию Городской клинической больницы № 1 имени Пирогова, где спустя пять дней, не приходя в сознание, скончалась. Через месяц после трагедии, знакомясь с материалами уголовного дела, возбужденного по факту аварии, мать погибшей обнаружила в заключении судебно-медицинской экспертизы информацию об изъятии некоторых органов ее дочери для последующей эксплуатации. В связи с этим она подала в суд иск о взыскании компенсации морального вреда с больницы. В качестве ответчика по делу выступили ГКБ имени Боткина и «Федеральный научный центр трансплантологии и искусственных органов имени Шумакова», куда поступили изъятые органы. Поскольку суды отказались удовлетворить исковые требования, истицы обратились в Конституционный Суд РФ, они указали на ущемление своих прав, усмотрев его положениях законодательства о трансплантологии, которое позволяет врачам не уведомлять родственников о планируемом изъятии органов у потенциального донора.

Конституционный Суд РФ напомнил, что аналогичный вопрос уже рассматривал в 2003 году. Тогда суд указал, что трансплантация органов или тканей человека является средством спасения жизни и восстановления здоровья людей. Презумпции согласия на изъятие органов направлена на развитие в стране донорства и трансплантации и основного закона страны не нарушает. При этом после смерти никто не может подвергаться данной процедуре, если известно отрицательное отношение к этому самого лица, его близких родственников, законных представителей. При этом еще в 2003 году Конституционный Суд РФ указывал на необходимость детальной проработки вопросов, связанных с реализацией лицом либо его родственниками или представителями права заявить о несогласии на изъятие органов, а также развития механизмов информирования граждан о действующем правовом регулировании. Предписание Конструкционного Суда Российской Федерации отразилось в Законе от 21 ноября 2011 года «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». «Вмешательство же Конституционного Суда России в этот процесс, учитывая осуждение законопроекта и перспективы его принятия, а также деликатность проблемы, было бы преждевременным», считают судьи [20].

Конституционный суд также указал, что существо требований заявителей фактически сводиться к необходимости перехода от существующей в России модели презумпции согласие на изъятие органов человека после его смерти к системе испрошенного согласия. Вместе с тем решение вопроса о выборе той или иной модели правового регулирования относится к полномочиям федерального законодателя и не входит в компетенцию Конституционного Суда РФ.

Таким образом, совершенствование системы трансплантологии невозможно без многостороннего подхода. Современные реалии требуют консолидации международных, государственных

и общественных ресурсов для выработки всеобъемлющих решений. Приоритетом должна стать разработка всеобъемлющих мер, направленных на недискриминационных доступ к донорскому материалу, юридическую безопасность всех участников процесса и пресечение злоупотреблений.

Список литературы:

[1] Картавченко В.В., Зуева К.А. Основные международные принципы трансплантации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2017. N 12. С. 190-194.

[2] Усова Е.В., Каабак М.М., Чжао А.В. Трансплантация поджелудочной железы // Трансплантология, 2015. N 1. С. 23-40; Рубан В.В. Трансплантация почек // Биология и интегративная медицина, 2026. N 2 (80). С. 49-69.; Камалов Ю.Р., Крыжановская Е.Ю., Филин А.В., Сандриков В.А. Ультразвуковые эластография/ эластометрия и стеатометрия при трансплантации печени // Трансплантология, 2026. том 18, N 1. С. 109-124.

[3] Сергацкий К.И., Улыбина Д.В., Кибиткин А.С., Ивачёв А.С., Инкин И.В. Юридические аспекты трансплантации почек: современное состояние проблемы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Медицинские науки, 2025. N 1 (73). С. 25-40.

[4] Пилькевич Н.Б., Марковская В.А., Яворская О.В., Хабибуллин Р.Р., Смирнова А.П. Международные и национальные источники правового регулирования трансплантации органов и тканей человека // Международный научно-исследовательский журнал, 2025. N 3 (153). С. 54.

[5] Кукреш Я.О., Шадрина А.В., Козяева В.А. Правовой статус органов и органических тканей в гражданском праве: анализ проблем и перспективы нормативного регулирования // Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2025. N 10-2 (109). С. 293-297.

[6] Семакина Е. А. Донорство человеческих органов: поиск баланса частных и публичных интересов // Интеллектуальный потенциал молодых ученых как драйвер развития АПК. – 2023. – С. 861-865.

[7] Гребенникова К. В. Донорство: принципы и модели правового регулирования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. - № 11. – С. 208-212.

[8] Серебрякова А. А., Арзамаскин М. М., Варюшин М. С. Государственно-правовое регулирование использования органов и тканей человека в целях трансплантации как особых объектов гражданского права (компаративистское исследование) // Власть. 2011. № 8.

[9] Козьякова Н. С. Правовое регулирование трансплантации органного донорства в России и зарубежных стран (компаративный анализ) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2017. - № №. – С. 99-114.

[10] Сальников Е. А., Стеценко С. Г. Правовая соманология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2014. - № 10. – С. 141-148.

[11] Ильяшенко А. В. Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека в европейских странах // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 1 (29).

[12] Согласно данным Электронной научной библиотеки. URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 01.07.2026).

[13] Всеобщая декларация прав человека // Принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.07.2026).

[14] Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (ред. От 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» (с изм. И доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. N 48. Ст. 6724.

[15] Закон РФ от 22.11.1992 № 4180-1 (ред. от 01.05.2022) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Российская гащта от 9 января 1993 г. N 4.

[16] China admits death row organ use // BBC News. 2009-08-26. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2009/08/090826_china_organs (дата обращения: 01.07.2026).

[17] The Hangzhou Resolution and Report Of Meeting With Minister Bin Li Of The National Health And Family Planning Commission Of The People's Republic Of China // 29.10.2013. URL: https://web.archive.org/web/20181004154421/http://www.declarationofistanbul.org/index.php?option=com_content&view=article&id=424:the-hangzhou-resolution-and-report-of-meeting-with-minister-bin-li-of-the-national-health-and-family-planning-commission-of-the-peoples-republic-of-china&catid=50:articles-relevant-to-the-declaration&Itemid=67 (дата обращения: 01.07.2026г.).

[18] ТАСС. В КНР успешно провели операцию по трансплантации печени свиньи человеку [Электронный ресурс] // ТАСС: [информ. агентство: сайт] — URL: https://tass.ru/nauka/20272725 (дата обращения: 01.04.2026г.).

[19] КС признал Конституционной презумпцию согласия на донорство органов // Новостное издательство ПРАВО.ru, 2016. – URL: https://pravo.ru/news/view/126881/ (дата обращения: 01.07.2026г.).

[20] Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 N 224-О "Об отказе в при-

нятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэлли Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации "О трансплантации органов и (или) тканей человека" // 2016. – ГАРАНТ. – URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10022016-n-224-o/ (дата обращения: 01.07.2026г.).

References:

[1] Kartavchenko V.V., Zueva K.A. Basic international principles of transplantation // Humanitarian, socio-economic and social sciences, 2017. N 12. C. 190-194.

[2] Usova E.V., Kaabak MM, Zhao A.V. Pancreatic transplantation // Transplantology, 2015. N 1. C. 23-40; Ruban V.V. Kidney transplantation // Biology and Integrative Medicine, 2026. N 2 (80). C. 49-69.; Kamalov Y.R., Kryzhanovskaya E.Yu., Filin A.V., Sandrikov V.A. Ultrasound elastography / elastometry and steatometry in liver transplantation // Transplantology, 2026. volume 18, N 1. C. 109-124.

[3] Sergatsky K.I., Ulybina D.V., Kibitkin A.S., Ivachev A.S., Inkin I.V. Legal aspects of kidney transplantation: the current state of the problem // News of higher educational institutions. Volga region. Medical Sciences, 2025. N 1 (73). C. 25-40.

[4] Pilkevich N.B., Markovskaya V.A., Yavorskaya O.V., Khabibullin R.R., Smirnova A.P. International and national sources of legal regulation of human organ and tissue transplantation // International Research Journal, 2025. N 3 (153). C. 54.

[5] Kukresh Y.O., Shadrina A.V., Kozyaeva V.A. Legal status of organs and organic tissues in civil law: analysis of problems and prospects for regulatory regulation // International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2025. N 10-2 (109). C. 293-297.

[6] Semakina E. A. Donation of human organs: the search for a balance of private and public interests // Intellectual potential of young scientists as a driver of the development of the agro-industrial complex. – 2023. - S. 861-865.

[7] Grebennikova K.V. Donation: principles and models of legal regulation // Actual problems of the humanities and natural sciences. – 2012. - № 11. - S. 208-212.

[8] Serebryakova A. A., Arzamaskin M. M., Varyushin M. S. State and legal regulation of the use of human organs and tissues for transplantation as special objects of civil law (comparative research) // Power. 2011. № 8.

[9] Kozyakova N. S. Legal regulation of organ donation transplantation in Russia and foreign countries (comparative analysis) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2017. - № №. - S. 99-114.

[10] Salnikov E.A., Stetsenko S.G. Legal somanology as an integral part of biojournalism // Legal science: history and modernity. – 2014. - № 10. - S. 141-148.

[11] Ilyashenko A. V. Legal regulation of transplantation of human organs and tissues in European countries // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 1 (29).

[12] According to the Electronic Scientific Library. URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (access date: 01.07.2026).

[13] Universal Declaration of Human Rights // Adopted by resolution 217 A (III) of the UN General Assembly of December 10, 1948. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.07.2026).

[14] Federal Law of 21.11.2011 N 323-FZ (ed. From 25.12.2023) "On the Basics of Protecting the Health of Citizens of the Russian Federation" (as amended and supplemented, entry as of 05.01.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. N 48. Art. 6724.

[15] Law of the Russian Federation of 22.11.1992 No. 4180-1 (as amended by 01.05.2022) "On Transplantation of Organs and (or) Human Tissues" // Rossiyskaya Gashta of January 9, 1993 No. 4.

[16] China admits death row organ use // BBC News. 2009-08-26. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2009/08/090826_china_organs (access date: 01.07.2026).

[17] The Hangzhou Resolution and Report Of Meeting With Minister Bin Li Of The National Health And Family Planning Commission Of The People's Republic Of China // 29.10.2013. URL: https://web.archive.org/web/20181004154421/http://www.declarationofistanbul.org/index.php?option=com_content&view=article&id=424:the-hangzhou-resolution-and-report-of-meeting-with-minister-bin-li-of-the-national-health-and-family-planning-commission-of-the-peoples-republic-of-china&catid=50:articles-relevant-to-the-declaration&Itemid=67 (дата обращения: 01.07.2026г.).

[18] TASS. In the PRC, they successfully performed an operation to transplant pig liver into humans [Electronic Resource] // TASS: [inform. Agency: Site] - URL: https://tass.ru/nauka/20272725 (Accessed 01.04.2026).

[19] The Constitutional Court recognized the Constitutional presumption of consent to organ donation // News Publishing House ПРАВО.ru, 2016. - URL: https://pravo.ru/news/view/126881/ (accessed 01.07.2026).

[20] Determination of the Constitutional Court

of the Russian Federation of 10.02.2016 N 224-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizens of Biryukova Tatyana Mikhailovna, Sablina Elena Vladimirovna and Sablina Nelli Stepanovna about violation of their constitutional rights by Article 8 of the Law of the Russian Federation "On transplantation of human organs and (or) tissues" // 2016. - GUARANTOR. - URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10022016-n-224-o/ (accessed 01.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-52-57

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ПОЛУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ: НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПОРЯДОК ОКАЗАНИЯ

Аннотация. *Целью исследования выступили нормативно-правовое регулирование и порядок оказания сотрудникам уголовно-исполнительной системы Российской Федерации материальной помощи в соответствии с законодательством РФ, ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России. Для ее достижения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались нормативно-правовые источники, а также научная и учебно-методическая литература по теме. Одной из социальных гарантий, которыми наделены сотрудники УИС является оказание им МП в соответствии с действующими нормативными правовыми актами. В теории права, экономики и управления МП рассматривается как разовая социальная выплата или компенсация, предоставляемая гражданам для их поддержки в случае трудной жизненной ситуации. Существуют виды МП, предметом классификации которых выступает источник (субъект) ее выплаты. В настоящее время создана и модернизируется нормативная правовая база, регламентирующая соблюдение социальной гарантии сотрудникам, проходящим службу в УИС в виде оказания МП. Данная гарантия имеет ярко выраженную современную практическую востребованность, является актуальным финансовым механизмом, оказывающим положительное влияние на эффективность профессиональной деятельности сотрудников УИС. Сотрудникам УИС оказывается МП в размере одного оклада месячного денежного содержания, для проходящих испытание – в размере месячного оклада в соответствии с занимаемой должностью, без учета размера оплаты за специальное звание. МП оказывается сотруднику УИС в размере одного оклада денежного содержания, если она не была оказана ранее, в случае увольнения по положительным мотивам. В целях защиты прав сотрудников УИС, соблюдения гарантированных им социальных гарантий, закон закрепил исчерпывающий перечень случаев, когда сотруднику не выплачивается МП при его увольнении со службы в УИС по отрицательным основаниям.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, сотрудники, социальная гарантия на материальную помощь, нормативно-правовое регулирование, порядок оказания материальной помощи.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

SOCIAL GUARANTEE OF EMPLOYEES OF THE PENITENTIARY SYSTEM FOR FINANCIAL ASSISTANCE: REGULATORY REGULATION AND PROVISION PROCEDURE

Annotation. *The purpose of the study was the legal regulation and procedure for providing financial assistance to employees of the penal enforcement system of the Russian Federation in accordance with the legislation of the Russian Federation, departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. To achieve this goal, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. Regulatory and legal sources, as well as scientific and educational literature on the topic were analyzed. One of the social guarantees that employees of the UIS are endowed with is the provision of MP services in accordance with current regulatory legal acts. In the theory of law, economics and management, MP is considered as a one-time social payment or compensation provided to citizens to support them in case of a difficult life situation. There are types of MP, the subject of classification of which is the source (subject) of its payment. Currently, a regulatory legal framework has been created and is being modernized to regulate the observance of social guarantees for employees serving in the penitentiary system in the form of medical services. This guarantee has a pronounced modern practical relevance, it is an actual financial mechanism that has a positive impact on the effectiveness of the professional activities of the employees of the management system. UIS employees receive an MP in the amount of one monthly salary, for those undergoing probation – in the amount of a monthly salary in accordance with their position, without taking into account the amount of payment for a special title. The MP is provided to the UIS employee in the amount of one salary, if it was not provided earlier, in case of dismissal for positive reasons. In order to protect the rights of employees of the penitentiary system and to comply with the social guarantees guaranteed to them, the law has established an exhaustive list of cases when an employee is not paid an MP upon his dismissal from service in the penitentiary system on negative grounds.*

Key words: *penal enforcement system, employees, social guarantee for financial assistance, regulatory and legal regulation, the procedure for providing financial assistance.*

Введение. В директивных документах, регулирующих деятельность уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее УИС) – разделе 18 Концепции ее развития на период до 2030 года, в качестве одной из задач указана на разработка и осуществление комплекса мер, направленных на повышение привлекательности службы в УИС, стимулирование ее сотрудников [1]. Данные меры предполагают реализацию правового статуса сотрудников УИС, составляющего его комплекса прав и социальных гарантий, регламентированных национальным законодательством и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России [2, с. 545-548]. Одной из социальных гарантий, которыми наделены сотрудники УИС является оказание им материальной помощи (далее МП) в соответствии с действующими нормативными правовыми актами [3, с. 88-90].

В теории права, экономики и управления МП рассматривается как разовая социальная выплата или компенсация, предоставляемая гражданам для их поддержки в случае трудной жизненной ситуации. Существуют виды МП, предметом классификации которых выступает источник (субъект) ее выплаты. К ним относятся:

работодатели при рождении или усыновлении сотрудником ребенка; свадьба, юбилей, выход сотрудника на пенсию; отпуск, тяжелая болезнь или смерть близкого родственника сотрудника; так называемая стандартная МП;

государство, которое оказывает МП малоимущим, многодетным семьям или гражданам, попавшим в чрезвычайную ситуацию (пожар, стихийное бедствие, дорогостоящее лечение. Она регулируется нормативными правовыми документами субъекта РФ;

учебное заведение, выплачивающее студентам очной формы обучения, обучающимся на бюджете, единовременную МП помощь из стипендиального фонда или профсоюзного бюджета.

Таким образом, МП является релевантной социальной гарантией для различных категорий работающих граждан, в том числе, сотрудников, служащих в учреждениях и органах УИС. Занима-

ет значительное место в их правовом положении, системе конкретных материальных прав, регулируемых законодательными и ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России [4, с. 81-86]. Она нуждается в специальном правовом анализе и изучении с учетом современных условий и критерий профессиональной деятельности сотрудников служб и подразделений УИС.

Методы и принципы исследования. Для изучения нормативно-правового регулирования и порядка оказания сотрудникам уголовно-исполнительной системы Российской Федерации МП в соответствии с законодательством РФ, ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России. Для ее достижения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Осуществлялся контент-анализ нормативно-правовых источников, а также научной и учебно-методической литературы по теме.

Основные результаты. В результате сравнительно-правового исследования определены нормативные источники, составляющие основу правового регулирования такой социальной гарантии как выплата МП сотрудникам, проходящим службу в УИС. К ним относятся:

Федеральный закон от 10.12.1995 г. № 195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения Российской Федерации», определивший в статье 8 основания и порядок ее предоставления гражданам. МП носит разовый характер и предоставляется гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, в виде денежных средств, продуктов питания, средств санитарии и гигиены, средств ухода за детьми, одежды, обуви и других предметов первой необходимости, топлива, а также специальных транспортных средств, технических средств реабилитации инвалидов и лиц, нуждающихся в постороннем уходе [5];

Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 283-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 30.09.2024 «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», определивший общие концептуальные подходы в порядке оказания гражданам МП;

Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»;

Приказ ФСИН России от 16.08.2021 г. № 703 «Об утверждении порядка оказания материальной помощи сотрудникам уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».

Таким образом, можно констатировать, что правовое регулирование порядка оказания сотрудникам УИС материальной помощи определено не только законодательными, но и ведомственным правовым актом ФСИН России. Оно имеет ярко выраженную современную практическую востребованность, является актуальным финансовым механизмом и социальной гарантией, оказывающей положительное влияние на эффективность профессиональной деятельности сотрудников УИС [6, с. 180-186]. Сотрудникам УИС оказывается МП в размере одного оклада месячного денежного содержания, для проходящих испытание – в размере месячного оклада в соответствии с занимаемой должностью, без учета размера оплаты за специальное звание [7]. Она выплачивается ежегодно при уходе сотрудника (в том числе зачисленного в распоряжение) в основной отпуск.

Законодатель предусмотрел формулу определения размера МП, состоящую в делении одного оклада денежного содержания, установленного на день ее выплаты, на количество календарных дней в году и умножения на количество календарных дней с даты приема на службу по 31 декабря включительно. МП оказывается сотруднику УИС в размере одного оклада денежного содержания, если она не была оказана ранее, в случае увольнения по следующим основаниям:

по достижении сотрудником предельного возраста пребывания на службе в УИС;

по выслуге лет, дающей право на получение пенсии;

по состоянию здоровья – на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в УИС и о невозможности исполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе либо при отказе сотрудника от перемещения по службе [8];

в связи с восстановлением в должности в УИС сотрудника, ранее замещавшего эту должность;

в связи с сокращением должности в УИС, либо при отказе сотрудника от перемещения по службе;

в связи с нарушением условий контракта уполномоченным руководителем, выразившимся в нарушении прав и законных социальных гарантий сотрудника УИС [9, с. 95-98].

Законодатель сформулировал исчерпывающий перечень случаев, когда МП не оказывается сотруднику, если она не была оказана ранее при увольнении сотрудника по следующим основаниям в связи с:

несоответствием сотрудника замещаемой должности в УИС на основании рекомендации аттестационной комиссии;

грубым нарушением служебной дисципли-

ны, установленных требований поведения сотрудника, сформулированных в законе и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России [10, с.373-378];

неоднократным нарушением служебной дисциплины при наличии у сотрудника дисциплинарного взыскания, наложенного в письменной форме уполномоченным руководителем [11, с. 459-464];

отчислением из образовательной организации высшего образования ФСИН России;

отказом сотрудника без уважительных причин от прохождения службы в УИС в соответствии со статьей 35 Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ [12];

нарушением сотрудником условий контракта;

несоблюдением сотрудником ограничений и запретов, установленных федеральными законами [13, с. 220-225];

прекращением допуска сотрудника к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну, если исполнение служебных обязанностей требует допуска к таким сведениям [14];

прекращением гражданства Российской Федерации или приобретением гражданства иностранного государства [15, с. 32-36];

представлением сотрудником подложных документов или заведомо ложных сведений при поступлении на службу в УИС;

осуждением сотрудника за преступление, прекращением в отношении его уголовного преследования за истечением срока давности;

совершением проступка, порочащего честь сотрудника;

нарушением сотрудником обязательных правил при заключении контракта;

признанием сотрудника, проходящего испытание, не выдержавшим его.

Таким образом, МП не выплачивается сотрудникам УИС, уволенным со службы по отрицательным основаниям.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

Всероссийской научно-практической конференции «Вклад правоохранительных органов в развитие Сибири», состоявшейся 28.09.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Особенности предупреждения коррупции как фактора обеспечения безопасности учреждений и органов УИС Сибирского федерального округа»;

XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся 18-19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

Всероссийском круглом столе «Воспитательная работа с работниками УИС», проведенном в ФКУ НИИ ФСИН России совместно с управлением кадров ФСИН России 25.10.2023. Доклад на тему: «Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС»;

Межвузовской научно-практической конференции «Перспективы развития профессиональной компетенции преподавателя высшей школы», состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28.11.2023. Доклад на тему: «К вопросу развития профессиональной компетенции преподавателя при проведении практико-ориентированного обучения курсантов»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов противодействии коррупции», состоявшейся в университете ФСИН России 8 декабря 2023 года с докладом на тему: «Прокурорский надзор в системе мер противодействия коррупции в УИС»;

Межрегиональном круглом столе «Патриотическое воспитание как основа духовно-нравственного формирования студенческой молодежи», состоявшемся 24 .04.2024 года в Вологодском институте права и экономики ФСИН России с докладом на тему: «Теоретико-методические аспекты патриотического воспитания курсантов и студентов образовательных организаций ФСИН России».

Заключение. Одной из социальных гарантий, которыми наделены сотрудники УИС является оказание им МП в соответствии с действующими нормативными правовыми актами. В теории права, экономики и управления МП рассматривается как разовая социальная выплата или компенсация, предоставляемая гражданам для их поддержки в случае трудной жизненной ситуации. Существуют виды МП, предметом клас-

сификации которых выступает источник (субъект) ее выплаты.

В настоящее время создана и модернизируется нормативная правовая база, регламентирующая соблюдение социальной гарантии сотрудникам, проходящим службу в УИС в виде оказания МП. Данная гарантия имеет ярко выраженную современную практическую востребованность, является актуальным финансовым механизмом, оказывающим положительное влияние на эффективность профессиональной деятельности сотрудников УИС.

Сотрудникам УИС оказывается МП в размере одного оклада месячного денежного содержания, для проходящих испытание – в размере месячного оклада в соответствии с занимаемой должностью, без учета размера оплаты за специальное звание. МП оказывается сотруднику УИС в размере одного оклада денежного содержания, если она не была оказана ранее, в случае увольнения по положительным мотивам.

В целях защиты прав сотрудников УИС, соблюдения гарантированных им социальных гарантий, закон закрепил исчерпывающий перечень случаев, когда сотруднику не выплачивается МП при его увольнении со службы в УИС по отрицательным основаниям.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 14.07.2026).

[2] Ковалев О.Г. Актуальные проблемы защиты прав сотрудников уголовно-исполнительной системы в свете реализации закона о прохождении службы в УИС // Образование и право. 2024. № 3. С. 545-548.

[3] Ковалев О.Г. Гарантии социальной защиты сотрудников подразделений безопасности учреждений УИС // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 84-5. С. 88-90.

[4] Ковалев О.Г. К вопросу классификации прав сотрудников уголовно-исполнительной системы // Международный научный вестник. 2026. № 4. С. 81-86.

[5] Федеральный закон от 10.12.1995 г. № 195-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания населения Российской Федерации» // Consultant.ru (дата обращения 14.07.2026).

[6] Ковалев О.Г. Особенности правового регулирования службы в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // Международный научный вестник. 2026. № 4. С. 180-186.

[7] Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 283-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 30.09.2024 «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Consultant.ru (дата обращения 14.07.2026).

[8] Приказ ФСИН России от 16.08.2021 г. № 703 «Об утверждении порядка оказания материальной помощи сотрудникам уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // Garant.ru (дата обращения 14.07.2026).

[9] Ковалев О.Г. Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС // Антропогогика. 2024. № 1 (13). С. 95-98.

[10] Ковалев О.Г. Требования к служебному поведению сотрудников в контексте реализации Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе»: правовой и психологический анализ // Российский научный вестник. 2026. № 4. С. 373-378.

[11] Ковалев О.Г. Особенности привлечения к ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2026. № 5. С. 459-464.

[12] Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-ис полнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Garant.ru (дата обращения 14.07.2026).

[13] Ковалев О.Г. Запреты и ограничения как условия прохождения службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Международный научный вестник. 2026. № 5. С. 220-225.

[14] Закон Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (с изменениями и дополнениями // Garant.ru (дата обращения 14.07.2026).

[15] Майдыков А.А., Ковалев О.Г. Регламентирование деятельности ФСИН России как организационно-правовая основа функционирования этой службы // Российский следователь. 2009. № 21. С. 32-36.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 No. 1138-r "On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant.ru (date of appeal 07/14/2026).

[2] Kovalev O.G. Actual problems of protecting the rights of employees of the penitentiary system in the light of the implementation of the law on military service in the UIS // Education and Law. 2024. No. 3.

pp. 545-548.

[3] Kovalev O.G. Guarantees of social protection of employees of security departments of penal institutions // Trends in the development of science and education. 2022. No. 84-5. pp. 88-90.

[4] Kovalev O.G. On the issue of classifying the rights of employees of the penal enforcement system // International Scientific Bulletin. 2026. No. 4. pp. 81-86.

[5] Federal Law No. 195-FZ of 12/10/1995 (as amended on 07/21/2014) "On the basics of social services for the Population of the Russian Federation" // Consultant.ru (date of appeal 07/14/2026).

[6] Kovalev O.G. Features of the legal regulation of service in the penitentiary system at the present stage of its development // International Scientific Bulletin. 2026. No. 4. pp. 180-186.

[7] Federal Law No. 283-FZ of 12/30/2012 (as amended on 12/25/2023, as amended dated 30.09.2024 "On Social guarantees for employees of certain Federal Executive authorities and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Consultant.ru (date of application 07/14/2026).

[8] Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 08/16/2021 No. 703 "On approval of the procedure for providing financial assistance to employees of the penitentiary system of the Russian Federation" // Garant.ru (accessed 07/14/2026).

[9] Kovalev O.G. Prosecutor's supervision in the system of measures to ensure the rights and social guarantees of prison staff // Antropogogika. 2024. No. 1 (13). pp. 95-98.

[10] Kovalev O.G. Requirements for official conduct of employees in the context of the implementation of Federal Law No. 197-FZ dated 07/19/2018 "On service in the penal enforcement system": legal and psychological analysis // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 4. pp. 373-378.

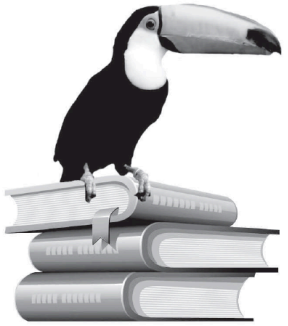
[11] Kovalev O.G. Features of bringing to justice employees of the penal enforcement system // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 5. pp. 459-464.

[12] Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 "On Service in the Penal Correction System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment" // Garant.ru (accessed 07/14/2026).

[13] Kovalev O.G. Prohibitions and restrictions as conditions of service in the penal system of the Russian Federation // International Scientific Bulletin. 2026. No. 5. pp. 220-225.

[14] The Law of the Russian Federation of 07/21/1993, No. 5485-1 "On State Secrets" (with amendments and additions // Garant.ru (accessed 07/14/2026).

[15] Maidykov A.A., Kovalev O.G. Regulation of the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia as the organizational and legal basis for the functioning of this service // Russian Investigator. 2009. No. 21. pp. 32-36.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-58-66

БАДАМШИН Динар Наилевич,
аспирант
кафедры гражданского права Автономная некоммерческая научно-исследовательская организация «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», Москва, Россия,
e-mail: badamshindinar@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ ПРЕДДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕДОСТОВЕРНЫЕ ЗАВЕРЕНИЯ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *В статье исследуется соотношение двух способов защиты доверия, формирующегося при подготовке и заключении гражданско-правового договора: ответственности за недобросовестное ведение переговоров по статье 434.1 ГК РФ и ответственности за недостоверные заверения об обстоятельствах по статье 431.2 ГК РФ. Актуальность исследования обусловлена частичным совпадением сфер действия названных норм. Недостоверные сведения могут быть сообщены в ходе переговоров, а заверение — предоставлено до заключения договора; вместе с тем основания ответственности, распределение бремени доказывания и состав возмещаемых потерь различаются. Цель работы состоит в разработке последовательных критериев квалификации поведения стороны, сообщившей контрагенту недостоверную или неполную информацию. Использованы формально-юридический, системный и сравнительно-функциональный методы, анализ постановлений Пленума и определений Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации. Обосновывается, что разграничение не может проводиться только по времени сообщения информации. Решающее значение имеют наличие ясно выраженного заверения, направленность информации на распределение договорного риска, факт заключения договора, разумное полагание получателя на сообщение и характер заявленного способа защиты. Если договор не заключен и вред состоит в бесполезных переговорных расходах либо утрате альтернативной сделки, применяется модель негативного интереса статьи 434.1 ГК РФ. Если договор заключен на условиях, сформированных под влиянием конкретного заверения, приоритет имеет статья 431.2 ГК РФ. Научная новизна заключается в предложении многоступенчатого квалификационного теста и в обосновании недопустимости механического сложения мер ответственности за одно информационное нарушение. Практическое значение выводов состоит в возможности точнее формулировать заверения, соглашения о порядке ведения переговоров и предмет доказывания по соответствующим спорам.*

Ключевые слова: *преддоговорная ответственность, недобросовестное ведение переговоров, заверения об обстоятельствах, недостоверная информация, разумное доверие, негативный договорный интерес, переговорные убытки, распределение рисков, добросовестность, бремя доказывания, недействительность сделки, свобода договора.*

BADAMSHIN Dinar Nailevich,
Postgraduate Student, Department of Civil Law Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration Moscow, Russian Federation Research

THE RELATIONSHIP BETWEEN PRE-CONTRACTUAL LIABILITY AND LIABILITY FOR INACCURATE REPRESENTATIONS IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. *The article examines the relationship between two mechanisms protecting reliance during the preparation and conclusion of a civil-law contract: liability for bad-faith negotiations under Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation and liability for inaccurate representations under Article 431.2. The relevance of the study arises from the partial overlap between the two provisions. Inaccurate information may be supplied during negotiations, while a representation may be made before the contract is concluded; nevertheless, the grounds for liability, the allocation of the burden of proof and the recoverable losses are different. The study aims to formulate consistent criteria for classifying the conduct of a party that has supplied inaccurate or incomplete information. The research employs formal legal, systemic and comparative-functional methods and analyses resolutions of the Plenum and rulings of the Commercial Chamber of the Supreme Court of the Russian Federation. The article argues that the distinction cannot depend only on the time at which the information was communicated. Decisive factors include an express representation, the allocation of contractual risk, whether the contract was ultimately concluded, reasonable reliance by the recipient and the remedy sought. Where no contract was concluded and the loss consists of wasted negotiation costs or a lost alternative transaction, Article 434.1 and the negative-interest model should apply. Where a contract was concluded on terms shaped by a specific representation, Article 431.2 should take priority. The scientific novelty lies in a multi-stage classification test and in the argument against mechanically cumulating remedies for the same informational misconduct. The conclusions may be used when drafting representations, negotiation agreements and the issues to be proved in litigation.*

Key words: *pre-contractual liability, bad-faith negotiations, representations, inaccurate information, reasonable reliance, negative contractual interest, negotiation losses, risk allocation, good faith, burden of proof, invalidity of transaction, freedom of contract.*

Российская реформа обязательственного права 2015 года одновременно закрепила несколько конструкций, рассчитанных на защиту участника оборота от информационной недобросовестности контрагента. Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ в Гражданский кодекс Российской Федерации были введены статья 431.2 о заверениях об обстоятельствах и статья 434.1 о переговорах о заключении договора [1]. Их появление решило давно обсуждавшуюся задачу: право стало прямо учитывать, что существенные потери возникают не только после нарушения заключенного договора, но и раньше — при проверке объекта, согласовании условий, предоставлении документов и принятии решения о самой сделке. Однако одновременное включение двух правил породило вопрос, который нельзя снять ссылкой на общий принцип добросовестности: какое из них подлежит применению, если недостоверная информация сообщена именно на стадии переговоров?

Пересечение видно уже из текста закона. Пункт 2 статьи 434.1 ГК РФ относит к предполагаемо недобросовестному поведению предоставление неполной или недостоверной информации, включая умолчание об обстоятельствах, которые должны быть доведены до другой стороны. Статья 431.2 ГК РФ, в свою очередь, говорит о заверениях, данных «при заключении договора либо до или после его заключения», если соответствующие обстоятельства имеют значение для заключения, исполнения или прекращения договора [2; 3]. Следовательно, один и тот же разговор, письмо или файл due diligence по внешним признакам способен оказаться и сообщением в переговорах, и заверением. Различие приходится искать не в носителе информации и не в календарной дате, а в юридической функции высказывания.

Проблема имеет не только теоретический характер. При квалификации по статье 434.1 ГК РФ потерпевший требует поставить его в положение, в котором он находился бы, если бы не вступал в переговоры с недобросовестным контрагентом. Пленум Верховного Суда Российской Федерации прямо связывает эту модель с расходами на переговоры, подготовку договора и утратой возможности заключить договор с третьим лицом [4]. При применении статьи 431.2 ГК РФ стороны обычно исходят из уже состоявшегося договора: получатель заверения просит взыскать убытки или согласованную неустойку, отказаться от договора либо оспорить его по правилам о заблуждении или обмане. Ошибка в выборе нормы поэтому меняет предмет доказывания и меру ответственности.

В литературе наложение сфер действия двух статей отмечалось практически сразу после реформы. И. З. Аюшеева связывала дальней-

шее развитие преддоговорной ответственности с необходимостью определить ее соотношение со статьями 431.2, 421, 178 и 179 ГК РФ [9]. Л. В. Шварц обращала внимание на самостоятельность квалификационного вопроса: ложное сообщение может быть частью переговорного правонарушения, однако может одновременно выполнять функцию заверения, рассчитанного на решение адресата заключить договор [11]. Е. М. Воронин на материале судебной практики показал, что суды нередко называют заверением любое включенное в договор утверждение, хотя не каждое описание факта означает принятие отдельного риска его недостоверности [12]. Эти наблюдения сохраняют значение, поскольку словесное совпадение еще не устанавливает правовую природу сообщения.

Исходной точкой разграничения следует признать различие охраняемых интересов. Статья 434.1 ГК РФ охраняет свободу и добросовестность самого переговорного процесса. Закон начинает с формулы о том, что стороны свободны в проведении переговоров и самостоятельно несут связанные с ними расходы [3]. Ответственность возникает не за то, что договор не появился, а за использование свободы переговоров вопреки ее назначению: вступление в обсуждение без намерения договориться, сокрытие существенной информации, искусственное поддержание ожиданий либо внезапный выход после создания у другой стороны разумной уверенности в завершении сделки. Объект защиты здесь — доверие к способу поведения контрагента на преддоговорной стадии.

Статья 431.2 ГК РФ выполняет другую функцию. Заверение позволяет одной стороне принять на себя риск того, что определенный факт окажется неверным. Пленум Верховного Суда указывает, что заверение должно быть ясным и недвусмысленным и тем самым дополняет установленную законом ответственность [5]. Адресат получает не общее обещание вести себя честно, а конкретное основание полагаться на названное обстоятельство: наличие лицензии, отсутствие скрытой задолженности, полномочия на заключение сделки, достоверность финансовой отчетности, отсутствие конфликта интересов. Поэтому заверение одновременно сообщает информацию и распределяет риск ее несоответствия действительности.

Из этого следует первый квалификационный критерий — степень определенности сообщения. Для статьи 431.2 ГК РФ недостаточно установить, что во время встречи один участник положительно описывал будущую сделку или выражал уверенность в успехе проекта. Необходимо выделить утверждение об обстоятельстве, которое адресовано другой стороне как основание для принятия договорного решения. Формулировки «по имеющимся данным задолженность отсутствует», «продавец заверяет, что задолженность отсутствует» и «предполагается погасить задолженность до сделки» различаются по юридической функции. Первое может остаться обычным информационным сообщением, второе прямо распределяет риск, третье относится к будущему исполнению и требует проверки на предмет наличия самостоятельного обязательства.

Д. А. Цуранов определяет заверения через сообщение утверждений о фактах прошлого или настоящего контрагенту для того, чтобы тот полагался на них при принятии решения [13]. Такое определение помогает отделить заверение от оценки и прогноза, но судебная практика не позволяет свести институт исключительно к уже завершившимся обстоятельствам. В определении от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 Верховный Суд признал юридически значимыми заверения продавцов долей об отсутствии нарушений в деятельности общества, последствия которых могли проявиться после перехода корпоративного контроля [7]. Обстоятельство-основание существовало до сделки, хотя требование государственного органа возникло позднее. Значит, будущее проявление скрытого риска не превращает заверение в обещание будущего результата.

Второй критерий — результат переговоров. Если договор так и не заключен, применение статьи 431.2 ГК РФ обычно лишается практической основы. Получатель информации не может отказаться от несуществующего договора, а его потери выражаются в расходах на проверку, консультантов, поездки, подготовку документов или в утраченной альтернативе. Такое положение соответствует статье 434.1 ГК РФ. Пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 прямо предусматривает: если неполная или недостоверная информация послужила основанием для отказа от заключения договора, потерпевшая сторона вправе требовать возмещения убытков по пункту 3 статьи 434.1 ГК РФ [4].

Обратное правило требует уточнения. Сам факт заключения договора не должен автоматически исключать статью 434.1 ГК РФ: пункт 7 этой статьи допускает ее применение независимо от того, был ли договор заключен. Например, одна сторона могла недобросовестно затянуть переговоры и причинить расходы, а затем договор все же был подписан на иных условиях. Однако когда основанием требования выступает именно несоответствие действительности конкретного заверения, побудившего адресата заключить договор, статья 431.2 ГК РФ является специальным правилом. Она точнее описывает распределение риска и предоставляет способы защиты, рассчитанные

на существующий договор. В такой ситуации обращение к статье 434.1 ГК РФ допустимо лишь для самостоятельного нарушения, не поглощенного недостоверностью заверения.

Третий критерий связан с формой фиксации. Для возникновения обязанности действовать добросовестно в переговорах отдельного документа не требуется. Суд исследует переписку, проекты, протоколы встреч, последовательность запросов и ответов, фактические расходы. Для заверения, напротив, особое значение имеет возможность установить его точное содержание и адресата. Пункт 34 постановления Пленума № 49 требует явного и недвусмысленного характера заверения, а свидетельские показания не заменяют письменное подтверждение его предоставления [5]. Это не означает, что заверение обязательно должно находиться в финальном тексте договора: оно может содержаться в отдельном письме, приложении, раскрывающем письме или ином документе, если связь с предполагаемым либо заключенным договором и расчет на доверие адресата доказаны.

Четвертый критерий — характер доверия получателя. Для обеих конструкций важна не абстрактная ложность сообщения, а его влияние на поведение адресата. При статье 434.1 ГК РФ истец показывает, что недостоверная или неполная информация побудила его продолжать переговоры, нести расходы либо отказаться от реальной альтернативы. При статье 431.2 ГК РФ требуется установить, что давший заверение исходил или имел разумные основания исходить из того, что другая сторона будет на него полагаться [2]. В предпринимательских и корпоративных отношениях закон усиливает ответственность лица, давшего заверение, однако защищаемое доверие получателя все равно не может быть фиктивным.

Именно поэтому результаты проверки контрагента нельзя оценивать одинаково во всех делах. Пленум № 49 разъяснил, что лицо, давшее заведомо недостоверное заверение, не освобождается от ответственности ссылкой на неосмотрительность получателя [5]. В определении от 26 июля 2024 г. № 305-ЭС24-4207 Верховный Суд подтвердил: упущенная возможность обнаружить ложность сама по себе не препятствует судебной защите. Но если получатель заведомо знает, что сообщение неверно, он на него не полагается и не имеет соответствующего защищаемого интереса [8]. Таким образом, непроведение due diligence и фактическое знание о недостоверности — разные обстоятельства.

Эта позиция особенно важна для сделок между участниками одного бизнеса. Покупатель, впервые получающий доступ к данным общества, и контролирующий участник, годами утверждавший отчетность и влиявший на хозяйственные решения, находятся в разном информационном положении. В деле № А40-79027/2022 Верховный Суд потребовал проверить, мог ли равноправный участник не знать о существенной задолженности общества, долю в котором он выкупал [8]. Правило статьи 431.2 ГК РФ не должно превращаться в средство перераспределения уже известных потерь под видом последствий недостоверного заверения. Однако и профессиональный статус покупателя сам по себе не снимает ответственности с того, кто сознательно сообщил ложный факт.

Пятый критерий касается вины и бремени доказывания. По общему правилу переговоры предполагаются добросовестными. Пункт 19 постановления Пленума № 7 возлагает на истца обязанность доказать недобросовестную цель ответчика, но для ситуаций, прямо названных в подпунктах 1 и 2 пункта 2 статьи 434.1 ГК РФ, действует презумпция недобросовестности и ответчик должен объяснить свое поведение [4]. Следовательно, истцу необходимо сначала показать фактическое основание презумпции: какая информация была неполной или ложной, почему соответствующее обстоятельство подлежало раскрытию либо почему прекращение переговоров было внезапным и неоправданным.

Для заверений предпринимателей режим жестче. Пункт 4 статьи 431.2 ГК РФ связывает последствия с объективной недостоверностью заверения независимо от того, было ли давшему лицу известно о ложности, если иное не предусмотрено соглашением сторон [2]. Верховный Суд в определении от 21 марта 2023 г. сформулировал этот подход как ответственность продавца за объективный факт недостоверности заверений [7]. Вместе с тем объективность не отменяет остальных элементов: необходимо установить содержание заверения, его недостоверность, расчет на доверие, нарушение защищаемого интереса и предусмотренное договором либо законом последствие. Иначе вся неблагоприятная информация о предмете сделки превращалась бы в основание безусловной выплаты.

Шестой критерий — состав возмещаемых потерь. Преддоговорная ответственность ориентирована на негативный договорный интерес. Потерпевшему возмещается не прибыль, которую он получил бы от незаключенного договора, а потери, вызванные самим вовлечением в недобросовестные переговоры. Это расходы на юридическую, техническую и финансовую проверку, подготовку проекта, командировки, резервирование ресурсов, а также доказанная утрата возможности заключить договор с третьим лицом [3; 4; 15; 17]. Если часть расходов была понесена до того, как поведение ответчика стало недобросовестным, причинная связь требует отдельной оценки: нормальные издержки свободных пере-

говоров нельзя переложить на контрагента задним числом.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19-19395 по делу № А40-98757/2018 стало ключевым для такого временного разграничения. Спор возник из длительных переговоров о приобретении бизнеса, которые завершились продажей актива другому покупателю. Верховный Суд указал на необходимость установить момент утраты ответчиками намерения заключить договор с истцом и оценить последующее продолжение переговоров [6]. Тем самым была задана корректная причинная модель: не вся стоимость участия в переговорах является убытком, а только расходы и потери, относимые к периоду и действиям, в которых свобода выбора контрагента использовалась недобросовестно.

При недостоверных заверениях расчет зависит от согласованного способа защиты. Стороны могут установить неустойку, предусмотреть уменьшение цены, отказ от договора либо потребовать убытки. В отличие от статьи 434.1 ГК РФ, здесь не всегда достаточно восстановить положение до начала переговоров. Получатель мог желать сохранить экономически выгодный договор, но потребовать компенсацию потерь, вызванных конкретным скрытым риском. В. Ю. Лимарев справедливо связывает сложность расчета с тем, что российская конструкция объединила информационную функцию заверения и договорные последствия его недостоверности [16]. А. А. Соскиева отмечает, что неопределенность методики возмещения приводит к смешению убытков, неустойки и иных механизмов распределения рисков [14].

Нельзя, однако, заранее отождествлять убытки по статье 431.2 ГК РФ с позитивным договорным интересом во всех случаях. Если недостоверное заверение повлияло на цену доли, размер потерь может определяться разницей между согласованной ценой и действительной стоимостью приобретенного актива. Если заверение касалось отсутствия требования третьего лица, убыток может проявиться в сумме удовлетворенного требования и необходимых сопутствующих расходах. Если же получатель отказывается от договора, расчет приближается к восстановлению положения до сделки. Вид заверения и выбранный способ защиты должны быть связаны между собой; взыскание условной «стоимости недостоверности» без объяснения причинной связи недопустимо.

Седьмой критерий — соотношение с правилами о недействительности сделки. Пункт 21 постановления Пленума № 7 указывает, что при заключении договора под влиянием неполной или недостоверной информации сторона может требовать признания сделки недействительной по статьям 178 или 179 ГК РФ либо использовать специальные способы защиты для соответствующего вида обязательства [4]. Статья 431.2 ГК РФ сохраняет возможность оспаривания сделки, но не делает его обязательной предпосылкой взыскания убытков или неустойки. Практический смысл заверений как раз состоит в том, чтобы получить средство защиты без разрушения всей договорной связи.

Различаются и требования к субъективной стороне. Обман по статье 179 ГК РФ предполагает намеренное введение в заблуждение, тогда как предпринимательская ответственность за недостоверное заверение способна наступить независимо от знания лица о его ложности [2]. Существенное заблуждение по статье 178 ГК РФ требует показать, что сторона не совершила бы сделку, если бы знала действительное положение дел. Для применения статьи 431.2 ГК РФ центральным становится полагание на конкретно предоставленное заверение и согласованный риск. Поэтому одни и те же факты могут давать потерпевшему выбор способов защиты, но составы требований не совпадают и не должны подменять друг друга.

Механическое сложение ответственности по статьям 431.2 и 434.1 ГК РФ за одно и то же ложное утверждение создает риск двойного возмещения. Если покупатель уже получил неустойку, рассчитанную сторонами как последствие недостоверности заверения, взыскание тех же потерь как переговорных убытков потребует доказать самостоятельный вред. И наоборот, возмещение расходов, вызванных фиктивными переговорами, не исключает отдельного требования по заверению, если впоследствии стороны заключили договор и заверение распределяло иной риск. Правильный подход состоит не в выборе одного «главного» института на все отношения, а в разложении фактического поведения на самостоятельные нарушения и последствия.

Для суда квалификация может быть выстроена как последовательный тест. Сначала устанавливается, имелись ли переговоры о конкретном договоре и в какой период они велись. Затем выделяется спорное сообщение: кто, кому, когда и в какой форме его передал. На третьем этапе определяется, являлось ли оно просто информацией, мнением, прогнозом, договорным обещанием либо ясным заверением о факте. Далее выясняется, был ли договор заключен и какое решение принял адресат под влиянием сообщения. После этого исследуются знание сторон, разумность полагания, причинная связь и вид потерь. Лишь завершив эту последовательность, можно определить применимую норму и способ защиты.

Предлагаемый тест позволяет объяснить

пограничные ситуации. Если продавец в ходе незавершенных переговоров направляет справку об отсутствии обременений, а покупатель, обнаружив ложность, прекращает переговоры и требует расходы на проверку, спор относится к статье 434.1 ГК РФ. Если та же справка прямо названа заверением, договор заключен, а обременение выявлено позднее, преимущественно применяется статья 431.2 ГК РФ. Если договор заключен, но ложная информация не была закреплена как заверение и обусловила существенное заблуждение, возможны статьи 178, 179 и специальные договорные способы защиты. Юридический результат определяется не названием файла, а функцией сообщения и последствиями доверия к нему.

Отдельного внимания заслуживает умолчание. Статья 434.1 ГК РФ прямо связывает недобросовестность с несообщением обстоятельств, которые в силу характера договора должны быть раскрыты [3]. Для статьи 431.2 ГК РФ молчание обычно недостаточно: заверение предполагает выраженное информационное содержание. Но отрицательная формулировка «иные обязательства отсутствуют» охватывает умолчание о существующей задолженности и становится полноценным заверением. Поэтому граница проходит между нарушением общей обязанности раскрыть существенную информацию и принятым стороной конкретным риском отсутствия неназванного обстоятельства.

Критерий «в силу характера договора» также требует осторожности. Он не означает общей обязанности контрагента раскрывать всю информацию, способную повлиять на цену. В предпринимательском обороте стороны сохраняют обязанность самостоятельно оценивать коммерческую выгодность сделки. Раскрытию подлежат обстоятельства, которые объективно существенны для предполагаемого договора, находятся преимущественно в сфере знания одной стороны и не могут быть разумно установлены другой без ее содействия. Чем профессиональнее участники и чем шире проведенная проверка, тем точнее суд должен определить, какая информация действительно ожидалась от контрагента, а какой риск оставался на стороне получателя.

Необходимо учитывать и договорную автономию. Пункт 5 статьи 434.1 ГК РФ разрешает заключить соглашение о порядке ведения переговоров, распределить расходы, установить требования к добросовестному поведению и неустойку. Стороны могут определить режим эксклюзивности, этапы согласования, круг лиц, уполномоченных давать обязательные сообщения, перечень раскрываемых документов и последствия прекращения переговоров [3]. Такое соглашение не должно лишать значения запрет умышленно недобросовестного поведения, но способно значительно сузить фактический спор: суд получает заранее согласованные ориентиры того, какие ожидания были разумными.

Заверения также нуждаются в технически точной формулировке. Следует отделять факты от обязательств на будущее, указывать момент, на который подтверждается достоверность, определять круг знаний давшего заверение лица, раскрывать известные исключения и согласовывать последствия нарушения. Слова «гарантирует» или «подтверждает» сами по себе не решают вопрос, если содержание документа показывает обычное описание предмета сделки. Напротив, отдельное раскрывающее письмо может ограничить заверение, если из договора ясно следует, что покупатель принимает перечисленные исключения. Правовая определенность достигается не количеством заверений, а связью каждого из них с риском и средством защиты.

Судебная практика последних лет показывает переход от формального поиска ложной фразы к анализу информационного положения сторон. В деле № А40-167835/2021 Верховный Суд сосредоточился на предмете заверений и последствиях выявления ранее допущенных нарушений после продажи долей [7]. В деле № А40-79027/2022 — на знании получателя, его статусе контролирующего участника и недопустимости извлекать преимущество из заведомо известной недостоверности [8]. В деле № А40-98757/2018 — на хронологии переговоров, параллельном поиске покупателей и моменте, с которого продолжение переговоров могло стать недобросовестным [6]. Эти позиции подтверждают необходимость функционального, а не формально-временного разграничения.

Преддоговорная ответственность и ответственность за недостоверные заверения не образуют отношение общей и специальной норм во всех возможных случаях. Их сферы пересекаются только в части информационного поведения до заключения договора. За пределами пересечения статья 434.1 ГК РФ охватывает фиктивное вступление в переговоры, стратегическое затягивание и внезапный неоправданный выход, а статья 431.2 ГК РФ действует и после заключения договора, включая заверения о его исполнении или прекращении. Поэтому формула «договор не заключен — статья 434.1, договор заключен — статья 431.2» полезна как первоначальный ориентир, но не заменяет анализа содержания нарушения.

Научная квалификация должна учитывать правовую природу обеих конструкций. Пленум № 7 распространяет на вред от недобросовестных переговоров нормы главы 59 ГК РФ с исключениями статьи 434.1 [4]. Заверения, напротив, включены Пленумом № 49 в договорный механизм ответственности и применяются наряду

с общими положениями об обязательствах [5]. Это различие объясняет особенности причинной связи, вины и расчета убытков. Вместе с тем обе конструкции основаны на защите доверия, созданного поведением самого нарушителя, и потому требуют проверки добросовестности обеих сторон, а не только буквального текста документа [10; 18].

Предлагаемое разграничение можно свести к четырем основным выводам. Во-первых, статья 434.1 ГК РФ защищает от недобросовестного процесса переговоров, статья 431.2 ГК РФ — от реализовавшегося риска недостоверности конкретного заверения. Во-вторых, заключение договора является важным, но не абсолютным критерием. В-третьих, ясность заверения и разумное полагание на него должны быть установлены самостоятельно. В-четвертых, способ защиты определяется тем положением, которое необходимо восстановить: до переговоров, до сделки либо в рамках сохраненного договора.

Такой подход не ослабляет свободу договора. Сторона сохраняет право отказаться от переговоров, вести параллельные обсуждения и самостоятельно оценивать коммерческую целесообразность сделки. Ограничивается лишь возможность создавать у контрагента ложное представление о фактах или намерениях и перекладывать на него предсказуемые расходы. Равным образом заверение не освобождает его получателя от всякой осмотрительности, но препятствует тому, чтобы давший конкретное подтверждение впоследствии ссылался на очевидность собственной недостоверности. Баланс достигается через защиту разумного, а не любого субъективного ожидания.

В результате статьи 431.2 и 434.1 ГК РФ следует применять не конкурирующим, а согласованным образом. Для несостоявшейся сделки и бесполезных расходов исходной является преддоговорная ответственность. Для заключенного договора и принятого стороной риска достоверности конкретного факта — ответственность за заверение. Кумуляция допустима только при наличии разных нарушений или разных, не перекрывающихся последствий. Предлагаемый многоступенчатый тест позволяет сделать квалификацию проверяемой, а судебный результат — более предсказуемым. Практическая задача сторон состоит в том, чтобы документально разделять переговорные правила, информационные сообщения, заверения и собственно договорные обязательства, не оставляя суду необходимость восстанавливать их назначение лишь по фрагментам переписки.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176165/ (дата обращения: 21.08.2026).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ст. 431.2 «Заверения об обстоятельствах». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/52b8ddfd2dcdeea14164157401daf099e5e09adb/ (дата обращения: 21.08.2026).

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): ст. 434.1 «Переговоры о заключении договора». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f5e55adcc2ef06ee9e5b7f57f0f3ca3d2ea8825c/ (дата обращения: 21.08.2026).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». URL: https://vsrf.ru/documents/own/8478/ (дата обращения: 21.08.2026).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора». URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/27540/ (дата обращения: 21.08.2026).

[6] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19-19395 по делу № А40-98757/2018. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29012020-n-305-es19-19395-po-delu-n-a40-987572018/ (дата обращения: 21.08.2026).

[7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21 марта 2023 г. № 305-ЭС22-17862 по делу № А40-167835/2021. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406490473/ (дата обращения: 21.08.2026).

[8] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2024 г. № 305-ЭС24-4207 по делу № А40-79027/2022. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2388760 (дата обращения: 21.08.2026).

[9] Аюшеева И. З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики // Lex russica. 2017. № 5. С. 136–147. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.126.5.136-147. URL: https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/335 (дата обращения: 21.08.2026).

[10] Саркисян В. В. Ответственность за недобросовестное ведение переговоров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2022. URL: https://swsu.ru/upload/iblock/baf/hrqke3to1qo5l4cunbmpbvupl9184f22/Avtoreferat-Sarkisyan-V.V.pdf (дата обращения: 21.08.2026).

[11] Шварц Л. В. К вопросу о квалификации преддоговорной ответственности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4. С. 50–54. URL: https://www.taljournal.ru/jour/article/view/69 (дата обращения: 21.08.2026).

[12] Воронин Е. М. Практика применения института заверений об обстоятельствах по ст. 431.2 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 193–208. URL: https://publications.hse.ru/view/282469186 (дата обращения: 21.08.2026).

[13] Цуранов Д. А. Заверения об обстоятельствах: вопросы теории и практики // Вопросы российской юстиции. 2023. № 28. С. 188–204. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zavereniya-ob-obstoyatelstvah-voprosy-teorii-i-praktiki (дата обращения: 21.08.2026).

[14] Соскиева А. А. К вопросу об ответственности за предоставление недостоверных заверений об обстоятельствах // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. № 2. С. 193–204. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otvetstvennosti-za-predostavlenie-nedostovernyh-zavereniy-ob-obstoyatelstvah (дата обращения: 21.08.2026).

[15] Плотников Е. В. Убытки в преддоговорных спорах // Вестник магистратуры. 2019. № 6-1 (93). С. 122–124. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ubytki-v-preddogovornyh-sporah (дата обращения: 21.08.2026).

[16] Лимарев В. Ю. Возмещение убытков за предоставление недостоверных заверений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-ubytkov-za-predostavlenie-nedostovernyh-zavereniy (дата обращения: 21.08.2026).

[17] Долгополов М. Н. Убытки от недобросовестного ведения переговоров (преддоговорные убытки) // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 4. С. 207–218. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ubytki-ot-nedobrosovesnogo-vedeniya-peregovorov-preddogovornye-ubytki (дата обращения: 21.08.2026).

[18] Щенникова Л. В. Институт заверений об обстоятельствах: научная дискуссия и судебная практика // Общество и право. 2024. № 1 (87). С. 95–102. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-zavereniy-ob-obstoyatelstvah-nauchnaya-diskussiya-i-sudebnaya-praktika (дата обращения: 21.08.2026).

References:

[1] Federal Law No. 42-FZ of March 8, 2015 "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176165/ (access date: 21.08.2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Art. 431.2 "Representations of Circumstances." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/52b8ddfd2dcdeea14164157401daf099e5e09adb/ (access date: 21.08.2026).

[3] Civil Code of the Russian Federation (part one): Art. 434.1 "Negotiations on the conclusion of a contract." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f5e55adcc2ef06ee9e5b7f57f0f3ca3d2ea8825c/ (access date: 21.08.2026).

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 24, 2016 No. 7 "On the application by the courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for violation of obligations." URL: https://vsrf.ru/documents/own/8478/ (access date: 21.08.2026).

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 25, 2018 No. 49 "On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract." URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/27540/ (access date: 21.08.2026).

[6] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of January 29, 2020 No. 305-ES19-19395 in case No. A40-98757/2018. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29012020-n-305-es19-19395-po-delu-n-a40-987572018/ (access date: 21.08.2026).

[7] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of March 21, 2023 No. 305-ES22-17862 in case No. A40-167835/2021. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406490473/ (access date: 21.08.2026).

[8] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of July 26, 2024 No. 305-ES24-4207 in case No. A40-79027/2022. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2388760 (access date: 21.08.2026).

[9] Ayusheeva I.Z. Pre-contractual liability: novels of civil law and judicial practice // Lex russica. 2017. № 5. S. 136-147. DOI: 10.17803/1729-5920.

2017.126.5.136-147. URL: https://lexrussica.msal.ru/jour/article/view/335 (access date: 21.08.2026).

[10] Sargsyan V.V. Responsibility for unfair negotiation: ref. dis.... cand. jurid. sciences. Kursk, 2022. URL: https://swsu.ru/upload/iblock/baf/hrqke3to1qo5l4cunbmpbvupl9184f22/ Avtoreferat-Sarkisyan-V.V.pdf (access date: 21.08.2026).

[11] Schwartz L.V. On the issue of qualification of pre-contractual liability // Theoretical and applied jurisprudence. 2020. № 4. S. 50-54. URL: https://www.taljournal.ru/jour/article/view/69 (access date: 21.08.2026).

[12] Voronin E. M. Practice of applying the institution of assurances about circumstances under Art. 431.2 of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2019. № 6. S. 193-208. URL: https://publications.hse.ru/view/282469186 (access date: 21.08.2026).

[13] Tsuranov D. A. Assurances about the circumstances: questions of theory and practice // Questions of Russian justice. 2023. № 28. S. 188-204. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zavereniya-ob-obstoyatelstvah-voprosy-teorii-i-praktiki (access date: 21.08.2026).

[14] Soskieva A. A. On the issue of responsibility for providing false assurances about the circumstances // Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. 2024. № 2. S. 193-204. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otvetstvennosti-za-predostavlenie-nedostovernyh-zavereniy-ob-obstoyatelstvah (access date: 21.08.2026).

[15] Plotnikov E.V. Losses in pre-contractual disputes // Bulletin of the magistracy. 2019. № 6-1 (93). S. 122-124. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ubytki-v-preddogovornyh-sporah (access date: 21.08.2026).

[16] Limarev V. Yu. Compensation for losses for providing false assurances // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmeschenie-ubytkov-za-predostavlenie-nedostovernyh-zavereniy (access date: 21.08.2026).

[17] Dolgopolov M.N. Losses from unfair negotiation (pre-contractual losses) // Legal policy and legal life. 2022. № 4. S. 207-218. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ubytki-ot-nedobrosovesnogo-vedeniya-peregovorov-preddogovornye-ubytki (access date: 21.08.2026).

[18] Schennikova L. V. Institute for Assurances of Circumstances: Scientific Discussion and Judicial Practice // Society and Law. 2024. № 1 (87). S. 95-102. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-zavereniy-ob-obstoyatelstvah-nauchnaya-diskussiya-i-sudebnaya-praktika (access date: 21.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-67-70

ЗАСИМОВ А.А.,
обучающийся 2 курса магистратуры очной формы обучения Института права и национальной безопасности, профиль «Юрист в государственном аппарате», Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
e-mail: andrewzasimov@gmail.com

ФОРМЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА: РЕГУЛИРОВАНИЕ И НЕДОСТАТКИ

Аннотация. *Статья посвящена формам государственно-частного партнерства, а также их правовому регулированию и возникающим из данной формы взаимодействия недостаткам. Государственно-частное партнерство нуждается в эффективном правовом и экономическом регулировании. Развитие в современной России инфраструктуры и ряда иных аспектов социальной сферы повели за собой возникновение множества проектов, которые требуют государственных и частных инвестиций для их реализации. В связи с чем необходимо качественное разграничение разных форм государственно-частного партнерства и проработка существующих недостатков.*

Ключевые слова: *Государственно-частное партнерство; государственные закупки; концессии; субсидии; взаимодействие концедента и концессионера; формы реализации государственно-частного партнерства.*

ZASIMOV A.A.,
2-year full-time master's degree student of the Institute of Law and National Security, profile "Lawyer in the State Apparatus," Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

FORMS OF RUSSIAN PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP: REGULATION AND SHORTCOMINGS

Annotation. *The article is devoted to the forms of public-private partnership, as well as their legal regulation and disadvantages arising from this form of interaction. Public-private partnership needs effective legal and economic regulation. The development of infrastructure and a number of other aspects of the social sphere in modern Russia has led to the emergence of many projects that require public and private investment for their implementation. Therefore, it is necessary to make a qualitative distinction between different forms of public-private partnership and to work out the existing shortcomings.*

Key words: *Public-private partnership; public procurement; concessions; subsidies; interaction between the grantor and the concessionaire; forms of public-private partnership implementation.*

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) в Российской Федерации представляет собой форму взаимодействия между государственными органами и частным сектором, направленную на реализацию инфраструктурных проектов, улучшение качества государственных услуг и привлечение частных инвестиций для решения общественно значимых задач. ГЧП активно развивается в России с конца 1990-х годов, и на сегодняшний день существует несколько основных форм и механизмов реализации этого типа партнерства. ГЧП является важным инструментом для обеспечения эффективного выполнения национальных проектов. С помощью ГЧП возможно не только привлечение частных инвестиций, но и внедрение инновационных технологий, что особенно актуально в условиях ограниченности бюджетных ресурсов [4].

Основными формами ГЧП в России являются: 1) Концессия — это соглашение, при котором частная сторона берет на себя обязанность финансировать, строить, реконструировать, эксплуатировать и обслуживать объект, в обмен на получение возмещения затрат, например, в виде платы за использование этого объекта. Концессия широко используется в сфере транспорта (строительство и эксплуатация дорог, мостов) и ЖКХ. Данная форма ГЧП регулируется Федеральным законом «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ. 2) Государственные контракты и государственные задания — государственные заказчики заключают контракты с частными компаниями для выполнения работ или предоставления услуг, связанных с социальными, инфраструктурными или другими важными проектами. Это одна из самых распространенных форм ГЧП, где частные компании выполняют работы на условиях государственного контракта. Данная форма подпадает под регулирование Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" и Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 № 44-ФЗ (далее – Законы о государственных закупках). 3) Проекты на основе долгосрочных аренды и лизинга — передача объекта государственной собственности в аренду или лизинг частной стороне с целью его эксплуатации и получения прибыли. Эти соглашения могут включать в себя также обязательства по модернизации объектов. 4) Публично-частные инвестиции (Public-private investments, PPI) — это форма партнерства, при которой государство и частный бизнес совместно инвестируют в проекты, целью которых является создание и эксплуатация инфраструктуры (например, строительство и эксплуатация аэропортов, спортивных объектов, заводов) [7]. 5) Модели ППП для предоставления социальных услуг — вовлечение частных компаний в сферу образования, здравоохранения, социальной защиты. Это может включать как проекты строительства и эксплуатации объектов социальной инфраструктуры, так и непосредственное предоставление частными операторами услуг в партнерстве с государственными учреждениями. 6) Гарантии и субсидии — формы поддержки частного сектора, когда государство обеспечивает гарантию возврата инвестиций или субсидирует часть затрат, чтобы стимулировать частные инвестиции в проект [2].

Несмотря на развитую нормативную базу, ГЧП в России сталкивается с рядом проблем. Законодательные проблемы регулирования форм государственного-частного партнерства (ГЧП) в России остаются важным вопросом для эффективной реализации таких проектов. Наиболее заметные проблемы связаны с неопределенностью норм, противоречиями между федеральными и региональными актами, а также недостаточной гармонизацией законодательства, регулирующего различные формы ГЧП.

Одной из основных проблем является отсутствие единого законодательного подхода к ГЧП в России. Разные формы ГЧП (концессии, аренда, лизинг, ППП и другие) регулируются разными законами и нормативно-правовыми актами, что затрудняет их комплексное использование. Концессии регулируются федеральным законом № 115-ФЗ "О концессиях". Этот закон регулирует процедуры заключения концессионных соглашений, однако он не охватывает все аспекты ГЧП, такие как аренда и лизинг, а также не предоставляет универсальных механизмов для применения в разных отраслях. Закон о ГЧП (Федеральный закон № 224-ФЗ от 13.07.2015) охватывает более широкий спектр отношений в рамках ГЧП, однако не регулирует все возможные формы взаимодействия. В нем рассматриваются только два типа договоров: государственные контракты и концессии. Другие формы, такие как государственные задания или аренда (лизинг), остаются в правовом поле, которое регулируется другими актами (например, Гражданским кодексом РФ или специализированными законами в каждой отрасли). Проблема заключается в том, что такие подходы не всегда взаимосвязаны между собой, что затрудняет использование одного типа ГЧП в рамках различных отраслей и проектов.

Противоречия и дублирование норм в законодательстве встречается, как и рамках иных отраслей, на практике часто возникают ситуации, когда одни и те же отношения регулируются несколькими различными законами или нормативными актами, что приводит к правовым конфликтам и правовой неопределенности. Противоречия между федеральными и региональными актами возникает в связи с тем, что в разных субъектах РФ могут существовать свои региональные законы и постановления, регулирующие отдельные аспекты ГЧП [2]. Эти законы могут противоречить федеральным нормам или дублировать их. Примером является ситуация с регулированием концессионных соглашений и муниципальных закупок, где могут существовать местные нормативы, не всегда соответствующие общегосударственным требованиям. Например, в некоторых случаях местные органы власти принимают свои нормативно-правовые акты, которые могут ограничивать или изменять условия, установленные федеральным законодательством. Так, например, Уставом субъекта может быть предусмотрена необходимость одобрения сделки компетентным

органом, в частности, законодательным собрание субъекта. В связи с тем, что большинство контрагентов полагаются исключительно на нормы федерального законодательства, не обращая внимания на нормы субъектов возникает практика оспаривания концессионных/прямых соглашений.

Дублирование норм о государственных закупках происходит из-за того, что Законы о государственных закупках (44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" и 223-ФЗ "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц") иногда пересекаются с нормами, касающимися ГЧП. Это может запутать как государственных заказчиков, так и частных инвесторов, поскольку они вынуждены ориентироваться на различные механизмы и процедуры, что повышает риски юридических ошибок и замедляет процессы [1].

Нестабильность и частые изменения законодательства, а также нестабильная судебная практика связана с частым изменением Законодательства о ГЧП в России, что приводит к правовой нестабильности, а также затрудняет долгосрочное планирование проектов и привлечение частных инвесторов. Незавершенность правовой базы также вызывает ряд дискуссий. Закон № 224-ФЗ о ГЧП был принят в 2015 году, но с тех пор было много изменений и дополнений, которые не всегда направлены на упрощение и систематизацию процедуры. Например, важнейшие изменения в закон о концессиях были внесены в 2020 году, когда была дополнительно введена возможность использования новых механизмов концессий. Это создает неопределенность для частных инвесторов, которые, возможно, будут вынуждены адаптировать свои планы в зависимости от изменений законодательства. Ярким примером противоречивости судебной практики, например, является факт того, что отсутствие в концессионном соглашении прямого указания на цель этого соглашения не всегда признается судом как основание для признания его недействительным, в том случае, если цель концессионного соглашения очевидна из иных его условий (характера объекта соглашения, обязательств сторон по осуществлению деятельности, связанной с использованием объекта, и т.п.) (Постановление ФАС ВСО от 21.11.2011 N А10-444/2011.)

Проблемы с регулированием ответственности сторон (например, концедента и концессионера) связаны с тем, что в законодательстве часто недостаточно четко прописаны механизмы ответственности сторон в случае неисполнения обязательств по ГЧП-проектам, что повышает юридические риски как для частных компаний, так и для государственных органов. При реализации тендерных процедур могут возникать сложности с реализацией проектов [3]. Одним из ключевых элементов ГЧП является выбор частного партнера через тендерные процедуры. Однако законодательство в сфере закупок и конкурсов не всегда эффективно работает в контексте ГЧП. Конкурсы и процедуры выбора партнеров по-прежнему нерешенная проблема отечественного ГЧП. Хотя и ФЗ № 44-ФЗ регулирует проведение конкурсов в рамках государственных закупок, в контексте ГЧП конкурсы часто подвергаются критике за сложность и продолжительность. Важно отметить, что критерии оценки предложений в рамках ГЧП не всегда соответствуют специфике таких проектов, что делает процедуру выбора партнеров длительной и не всегда оптимальной. Законодательство, регулирующее тендеры и конкурсы, ориентировано на обычные закупки товаров и услуг, но не всегда учитывает особенности ГЧП. Процедуры часто требуют избыточных документов и этапов согласования, что затрудняет быстроту и эффективность реализации проектов.

Финансовая составляющая проектов ГЧП также регулируется различными нормативными актами, но многие из них требуют дальнейшего уточнения и доработки. Государственные гарантии и субсидии также являются не до конца урегулированными, так как, Федеральный закон № 224-ФЗ о ГЧП предусматривает возможность предоставления государством гарантий и субсидий частным инвесторам, однако реализация этого механизма на практике сталкивается с трудностями [6]. Процедуры получения гарантий или субсидий не всегда прозрачны и могут быть затянуты, что повышает финансовые риски и снижает привлекательность ГЧП.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что законодательные проблемы, с которыми сталкивается система ГЧП в России, включают недостаточную координацию и унификацию норм, правовую неопределенность, частые изменения законодательства и проблемы с конкуренцией и тендерами. Для эффективного развития ГЧП в России необходимо продолжать совершенствование правовой базы, устранение противоречий и создание более гибкой системы, ориентированной на долгосрочные и успешные проекты, способствующие привлечению частных инвестиций. Помимо всего этого, явно необходимо формирование разъяснений Верховным судом Российской Федерации в части применения ряда норм, связанных ГЧП.

Список литературы:

[1] Айрапетян М.С. Зарубежный опыт использования государственно-частного партнерства // Государственно-частное партнерство

в России. URL: http://www.ppprussia.ru/analitica/item-1.html..

[2] Зельднер А.Г. Совершенствованию государственно-частного партнерства в России – системный подход. 2013 // Экономические науки 1(98). URL: http://ecsn.ru/files/pdf/201301/201301_7.pdf.

[3] Кунченко Н.Е., Точеная Т.И. Государственное частное партнерство как современный фактор регионального развития. URL: http://regec.rU/articles/2013/vol3/5.pdf..

[4] Оценка развития ГЧП в России. Мнение бизнеса: докл. Центра развития государственно-частного партнерства при поддержке Торгово-промышленной палаты РФ. URL: http://www.pppcenter.ru/assets/files/presentations/Opros.pdf..

[5] Ткаченко М.В., Долгов А.А., Борщевский Г.А., Шабаев Р.Э. Методические рекомендации по развитию институциональной среды в сфере государственно-частного партнерства в субъектах РФ «Региональный ГЧП-стандарт». М.: Центр развития государственно-частного партнерства. 2014. URL: http://pppcenter.ru/assets/docs/ppp.pdf..

[6] Былым Е.С. Финансовое стимулирование государственно-частного партнерства в инвестиционном комплексе: дис. канд. эк. наук. 08.00.10: Былым Евгений Сергеевич – Москва: РУДН, 2015 – 258 с.

[7] Рожкова С.А. Использование мирового опыта государственно-частного партнерства в России // ЭКО: Всероссийский экономический журнал. 2008. - № 2. - С. 104-111.

References:

[1] Hayrapetyan M.S. Foreign experience of using public-private partnership // Public-private partnership in Russia. URL: http://www.ppprussia.ru/analitica/item-1.html..

[2] A.G. Zeldner. Improving public-private partnership in Russia is a systematic approach. 2013 // Economic Sciences 1 (98). URL: http://ecsn.ru/files/pdf/ 201301/201301_7.pdf.

[3] Kunchenko N.E., Tocenaya T.I. Public private partnership as a modern factor of regional development. URL: http://regec.rU/articles/2013/vol3/5.pdf..

[4] Evaluation of PPP development in Russia. Business Opinion: doc. Center for the Development of Public-Private Partnership with the support of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation. URL: http://www.pppcenter.ru/assets/files/presentations/Opros.pdf..

[5] Tkachenko M.V., Dolgov A.A., Borshchevsky G.A., Shabaev R.E. Methodological recommendations for the development of the institutional environment in the field of public-private partnership in the constituent entities of the Russian Federation "Regional PPP-standard." M.: Center for the Development of Public-Private Partnership. 2014. URL: http://pppcenter.ru/assets/docs/ppp.pdf..

[6] Bylym E.S. Financial stimulation of public-private partnership in the investment complex: dis. cand. ek. sciences. 08.00.10: Bylym Evgeny Sergeevich - Moscow: RUDN University, 2015 - 258 p.

[7] Rozhkova S.A. Using the world experience of public-private partnership in Russia // ECO: All-Russian Economic Journal. 2008. - № 2. - S. 104-111. .

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ И ИНЫЕ ВЕЩНЫЕ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-71-74
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.

ЗУБЕНКО Юлия Сергеевна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: zubenkoyulia@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКАХ С ОБЪЕКТАМИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ: БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. *В работе рассматривается насущный вопрос согласования частных и публичных интересов в судебной практике по вопросам охраны и использования объектов археологического наследия. Исследователь изучает правовые инструменты, определяющие взаимодействие владельцев земли и государства в сфере сохранения исторического достояния. Особое внимание уделяется анализу прецедентов, демонстрирующих сложные юридические и этические дилеммы при реализации нормативной базы об объектах археологического наследия. По итогам исследования делается вывод о необходимости усиления частной ответственности за объекты археологического наследия для достижения оптимального баланса интересов. Также отмечается важность формирования общественного мнения о том, что такие объекты являются выгодными для инвестирования, а не обременением или ограничением права собственности.*

Ключевые слова: *объект археологического наследия, закон, судебная практика, земельные участки, частные и публичные интересы.*

ZUBENKO Yulia Sergeevna,
Associate Professor at the Department of Civil Law Disciplines of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

ON THE ISSUE OF LAND PLOTS WITH ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OBJECTS: BALANCING PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS

Annotation. *The paper examines the pressing issue of reconciling private and public interests in judicial practice regarding the protection and use of archaeological heritage sites. The researcher studies the legal instruments that define the interaction between landowners and the state in the field of preserving historical heritage. Special attention is paid to the analysis of precedents that demonstrate complex legal and ethical dilemmas in the implementation of the regulatory framework concerning archaeological heritage sites. Based on the study, the conclusion is drawn that it is necessary to strengthen private liability for archaeological heritage sites in order to achieve an optimal balance of interests. It is also noted that it is important to shape public opinion that such objects are beneficial for investment, rather than a burden or restriction on property rights.*

Key words: *archaeological heritage site, law, judicial practice, land plots, private and public interests.*

Введение

Тема баланса частных и публичных интересов в цивилистической науки не теряет актуальности на протяжении 25 лет [2, с.289] , судя по количеству научных работ. Давно устоялось мнение, что «проблема согласования публичного и частного интереса в нормах гражданского законодательства имеет особое значение, так как именно в гражданском праве наиболее полно прослеживается интеграция частноправовых и публично-правовых начал» [10,с.7].

Не смотря на ярко выраженный публичный интерес в отношении объектов археологического наследия, законодательство регулирующее, отношения связанные с объектами археологического наследия имеет межотраслевой характер. Отношения, возникающие по поводу объектов археологического наследия, носят комплексный характер. В последние годы тематика исследования объектов археологического наследия существенно повысилась именно в цивилистическом аспекте. В частности, высказано мнение, что: «Исследуемая проблема является многоаспектной, находящей свое отражение в различных сферах правовых и общественных отношений, выявляющейся в первую очередь в особой для цивилистов конституционно-правовой плоскости, которая представляется в сочетании обязанности по сохранению ОКН с возможностью свободной и не ограничиваемой произвольно реализацией принадлежащих субъектам прав» [9].

Соответственно, исследование этого вопроса требует внимания. Цель - выявить наиболее оптимальное согласование частных и публичных интересов в отношении объектов археологического наследия.

Проблемы, связанные с обнаружением на частном земельном участке объекта археологического наследия.

Основным законом, регулирующим отношения связанные с объектами археологического наследия является Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» от 25.06.2002 № 73-ФЗ [12]. В 2013 года вступил в силу Закон № 245-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» [11], которым были внесены существенные изменения, в частности, «объекты археологического наследия, а также все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся в государственной собственности». Законодатель усилил ответственность лиц уклоняющихся от передачи археологических предметов государству, обнаруженных в ходе строительных и иных хозяйственных работ.

Обнаружение на частной территории артефакта археологического наследия порождает правовой конфликт между частными и публичными интересами. Хотя право собственности самого находки на владельца земли не переходит, он становится её фактическим держателем. Это наделяет собственника обязанностью по охране объекта и возлагает на него часть расходов на его содержание. В итоге использование земельного участка осложняется дополнительными ограничениями, направленными на сохранение выявленного культурного наследия.

Обнаружение подобных объектов налагает на владельца или собственника земли строгие ограничения, способные сделать невозможным любое строительное использование участка. В связи с этим часто случается, что землевладельцы пытаются скрыть факт обнаружения объекта археологического наследия. Например, собственник заказал и оплатил экспертизу, которая выявила наличия объекта археологического наследия. Археологи должны сообщать о выявлении таких вещей в местный орган охраны культурного наследия. Но по требованию собственника они не выполнили свою обязанность. Собственник получил разрешение на строительство. Местные жители посёлка, зная об историческом значении этого места, пытались обжаловать такое разрешение. Собственник разрешил археологам сообщить о выявленном объекте археологического наследия. Решением Куйбышевского районного суда г. С.-Петербурга от 11 сентября 2014 г. по гражданскому делу № 2-336/2014 на основании пропуска срока исковой давности суд отказал гражданам в удовлетворении требований, но констатировал невозможность строительства на участке по причине имеющегося на нём объекта археологического наследия [7].

С одной стороны, частные интересы не ограничиваются, поскольку, у собственника есть право распорядиться таким участком: продать, сдать в аренду, подарить, обменять. Для этого потребуется найти заинтересованное лицо, которое примет земельный участок с такого рода обременениями. С другой стороны, у государства не возникает обязанности выкупать земли с объектами археологического наследия. Земельным законодательством предусмотрен механизм возмещения убытков или выкупа земельного участка на основании ограничения прав пользования (ст.57, 57.1 ЗК РФ [4]). Но только в том случае, если установлены зоны с особыми условиями использования территории (ст. 107 ЗК РФ), но земли с объектами археологического наследия к таким землям не относятся. Однако, такой земельный участок может быть выкуплен в случае безхозяйного отношения, если объект археологического наследия находится под угрозой уничто-

жения (ст. 240 ГК РФ [3]) или конфискован в случае уничтожения объекта археологического наследия (243 ГК РФ, п. 3 ст. 54 ФЗ № 73). Высказано мнение, что «в случае включения объекта в реестр памятников земельный участок или часть земельного участка с объектом должна переходить в разряд имущества, которое не может принадлежать другим лицам, кроме как государству. Но такое имущество не должно подлежать отчуждению собственником участка в порядке ст. 238 ГК РФ, а должно выкупаться государством по аналогии со ст. 107 ЗК РФ» [8]. Думается, что такое решение проблемы приведет к существенному нарушению баланса частных и публичных интересов. Такой подход применим в особых ситуациях, но выкуп государством всех земельных участков под объектами археологического наследия не только не соответствует принятому подходу государственной культурной политики, но и в целом рыночным отношениям. В России есть регионы с огромным количеством объектов археологического наследия (например, Республика Крым), в таком случае получается, что государство должно выкупить практически всю землю. Кроме того, потребуется отдельная статья в государственном бюджете. Целесообразнее введение льгот для участков такого рода. Например, налоговых. Видится, что такая мера наиболее применима в современных рыночных условиях и повысит рентабельность участков с таким обременением.

Заключение

Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года [9] прописана необходимость современного использования культурного наследия. К современному использованию может относится формирование инвестиционной привлекательности культуры, которая проявляется в различных ценностях. В современной научной литературе, прослеживается тенденция на коммерческих характер отношений по поводу объектов археологического наследия. Высказывается мнение, о необходимости «изменения отношения к культурному наследию - переходу от тезиса «культурное наследие как обременение» к пониманию культурного наследия как ценного актива» [1]. Ранее мной обосновывалось мнение, что «объекты археологического наследия, вызывающие особый общественный интерес, обусловленный культурно-исторической ценностью; имущественной ценностью, благодаря которой они становятся желаемыми для различных категорий обладателей, выступая выгодным объектом инвестирования. Возникает проблема в отсутствии правового механизма в обладании и использовании объектов археологического наследия в предпринимательской деятельности» [5, с.160].

Таким образом, для наиболее оптимального согласования частных и публичных интересов в отношении объектов археологического наследия необходимо усиление гражданско-правового регулирования, чтобы были условия для формирования мнения, что «объект археологического наследия это ценный объект для инвестиций».

Список литературы:

[1] Бандорин Л.Е., Башарин А.В. Актуальные вопросы правового регулирования использования территорий, подлежащих археологическим разведкам // Закон. 2024. № 5. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-прав.системы Консультант Плюс.

[2] Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий // Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 289.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-прав.системы Консультант Плюс.

[4] Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ.

[5] Зубенко Ю.С. Теоретические основы гражданско-правового режима археологических находок. // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 31. С. 160.

[6] Лаврентьев Н. В. Правовые последствия выявления объекта археологического наследия для собственника земельного участка // Гражданское право. 2024.№ 3. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-прав.системы Консультант Плюс.

[7] Лаврентьев Н. В. Правовые последствия выявления объекта археологического наследия для собственника земельного участка // Гражданское право. 2024.№ 3. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-прав.системы Консультант Плюс.

[8] Пивненко Д.Л. Правовой режим выявленного объекта археологического наследия // Цивилист. 2023.№ 6. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-прав.системы Консультант Плюс.

[9] Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 года № 2501-р [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-прав.системы Консультант Плюс.

[10] Суханов Е.А. Гражданский кодекс в поиске баланса частных и публичных интересов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2019. № 6. С. 7.

[11] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии» от 23.07.2013 № 245-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-прав.системы Консультант

Плюс.

[12] Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-прав.системы Консультант Плюс.

References:

[1] Bandorin L.E., Basharin A.V. Topical issues of legal regulation of the use of territories subject to archaeological exploration // Law. 2024. № 5. [Electronic resource]. Access from Consultant Plus.

[2] Venediktov A.V. The legal nature of state enterprises // Selected works on civil law: In 2 vols. M., 2004. VOL. 2. S. 289.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ [Electronic Resource]. Access from Consultant Plus.

[4] Land Code of the Russian Federation No. 136-FZ dated October 25, 2001.

[5] Zubenko Yu.S. Theoretical foundations of the civil law regime of archaeological finds. // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2019. № 31. S. 160.

[6] Lavrentiev N.V. Legal consequences of identifying an archaeological heritage site for the owner of a land plot // Civil Law. 2024.№ 3. [Electronic resource]. Access from Consultant Plus.

[7] Lavrentiev N.V. Legal consequences of identifying an archaeological heritage site for the owner of a land plot // Civil Law. 2024.№ 3. [Electronic resource]. Access from Consultant Plus.

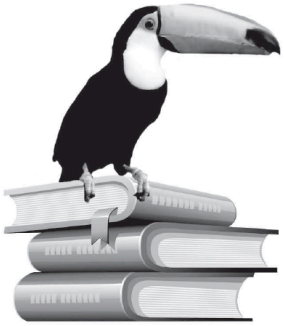
[8] Pivnenko D.L. Legal regime of the identified object of archaeological heritage // Civilist. 2023.№ 6. [Electronic resource]. Access from Consultant Plus.

[9] The strategy of the state cultural policy for the period up to 2030 was approved by order of the Government of the Russian Federation of September 11, 2024 No. 2501-r [Electronic resource]. Access from Consultant Plus.

[10] Sukhanov E.A. Civil Code in the search for a balance of private and public interests // Bulletin of Moscow University. Series 11: Right. 2019. № 6. S. 7.

[11] Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Suppression of Illegal Activities in the Field of Archeology" dated 23.07.2013 No. 245-FZ [Electronic Resource]. Access from Consultant Plus.

[12] Federal Law "On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation" dated 25.06.2002 No. 73-FZ [Electronic Resource]. Access from Consultant Plus.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-75-82

НИКИТИНА Мария Юрьевна,
магистрант Финансового университета при Правительстве РФ,
e-mail: 241181@edu.fa.ru

ЦИФРОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СФЕРЕ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОСТИ: ЭЛЕКТРОННАЯ ПОДПИСЬ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ И ИСТОЧНИК РИСКОВ

Аннотация. *Статья посвящена особенностям цифрового взаимодействия при регистрации сделок с недвижимостью на примере договоров участия в долевом строительстве (ДДУ) и уступки прав требования по ним. Электронная подпись рассматривается как ключевой элемент легитимации сделки в электронной форме и одновременно как фактор, порождающий специфические риски: от вопросов надлежащего удостоверения волеизъявления до технических и процедурных проблем при подаче документов в Росреестр. В работе проанализированы требования к электронным документам, порядок использования УКЭП, а также типичные основания для возврата документов без рассмотрения либо приостановления регистрации. На базе судебной и административной практики выделены проблемные зоны, связанные с идентификацией сторон и подтверждением полномочий, и предложены направления минимизации рисков при переходе на полностью электронный формат взаимодействия.*

Ключевые слова: *электронная подпись, цифровизация, государственная регистрация прав на недвижимость, долевое строительство, уступка прав требования, электронный документооборот, правоприменительная практика, риски электронных сделок.*

NIKITINA Maria Yurievna,
Master's Student at the Financial University under the Government of the Russian Federation

DIGITAL INTERACTION IN THE FIELD OF REAL ESTATE REGISTRATION: ELECTRONIC SIGNATURE AS A LEGAL TOOL AND A SOURCE OF RISKS

Annotation. *The article examines the specifics of digital interaction in the registration of real estate transactions, using as examples shared construction participation agreements (DDU) and the assignment of claims thereunder. The electronic signature is considered as a key element for legitimizing a transaction in electronic form and, at the same time, as a factor generating specific risks — ranging from issues related to the proper verification of the parties' expression of will to technical and procedural problems encountered when submitting documents to Rosreestr. The paper analyzes the requirements for electronic documents, the procedure for using an enhanced qualified electronic signature (EQES), as well as typical grounds for returning documents without consideration or suspending the registration process. Based on judicial and administrative practice, the study identifies problem areas related to the identification of parties and the confirmation of their authority, and proposes ways to minimize risks when transitioning to a fully electronic format of interaction.*

Key words: *electronic signature, digitalization, state registration of real estate rights, shared construction, assignment of claims, electronic document management, law application practice, risks of electronic transactions.*

Изменения в регистрационных процедурах в сфере недвижимости, в частности, перехода на цифровой формат — один из наиболее масштабных проектов государственного сектора России. По данным Росреестра, доля электронных услуг по сравнению с 2020 годом увеличилась втрое и к 2024 году составила порядка 60% от общего объёма ведомственных услуг [1]. Электронная регистрация договоров долевого строительства выросла ещё заметнее — в четыре раза, достигнув

90%. Е. С. Болтанова в своей монографии характеризует цифровизацию сферы градостроительства и недвижимости как системную трансформацию правового регулирования, затрагивающую принципы взаимодействия участников оборота и государства [12]. Л. Ю. Василевская и соавторы ставят проблему шире: цифровизация гражданского оборота требует переосмысления природы электронного волеизъявления, границ правовой ответственности при автоматизированных сделках и адаптации традиционных цивилистических институтов к цифровой среде [13].

В центре этого перехода находится усиленная квалифицированная электронная подпись (УКЭП). Именно она наделяет электронный документ юридической силой, равнозначной бумажному документу с собственноручной подписью, и открывает возможность дистанционной регистрации сделок. Однако тот же инструмент, который обеспечивает удобство и скорость, порождает целый комплекс рисков — от сложностей с идентификацией сторон до угроз неправомерного использования подписи и последующего оспаривания сделок.

Значимость этих вопросов резко возросла после вступления в силу с 1 марта 2025 года Федерального закона от 26.12.2024 № 487-ФЗ, установившего обязательное электронное взаимодействие между Росреестром и юридическими лицами и переведшего регистрацию договоров участия в долевом строительстве исключительно в электронную форму [2]. Логичным продолжением курса стала норма, действующая с 1 июля 2026 года: биометрия как дополнительный способ подтверждения личности при электронной подаче документов в Росреестр по сделкам с недвижимостью. Во всех случаях, когда документы направляются в ведомство онлайн, применяется биометрическая верификация [3].

Цель настоящей работы — проанализировать использование электронной подписи при регистрации сделок с недвижимостью (преимущественно на материале ДДУ и уступки прав требования), выявить практические риски и предложить направления их минимизации.

Закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее — Закон № 63-ФЗ) различает три вида подписи: простую (ПЭП), усиленную неквалифицированную (НЭП) и усиленную квалифицированную (УКЭП) [4]. Простая подпись — это код или пароль, подтверждающий факт её формирования конкретным лицом. Неизменность документа после подписания ПЭП не гарантирует, а её юридическая сила возникает только тогда, когда есть нормативный акт или соглашение между участниками обмена. НЭП сложнее, она создаётся криптографическими средствами, которые позволяют установить подписанта и обнаружить любые последующие изменения. Но есть нюанс: удостоверяющий центр, выдающий такую подпись, не обязан проходить государственную аккредитацию. Для внешнего документооборота этого недостаточно — нужно отдельное соглашение. Поэтому только усиленная квалифицированная подпись обладает той полнотой юридической силы, которая по закону делает её равнозначной собственноручной: УКЭП выдаётся исключительно аккредитованными удостоверяющими центрами, её сертификат отвечает требованиям ФСБ, а средства создания и проверки проходят сертификацию [4].

Для государственной регистрации прав на недвижимость в электронном виде законодательство требует использования только УКЭП. Часть 8 статьи 21 Закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Закон № 218-ФЗ) прямо предписывает подписывать электронные документы УКЭП уполномоченных лиц, сторон договора или определённых должностных лиц. Сформированный комплект визируется УКЭП заявителя (ч. 10 ст. 21) [5]. ПЭП и НЭП для этих целей не применяются. Статья 160 Гражданского кодекса РФ подкрепляет это требование: электронный документ признаётся равнозначным бумажному исключительно при подписании УКЭП [6].

Ключевой защитный механизм в условиях цифрового оборота заложен в статье 36.2 Закона № 218-ФЗ. Если в ЕГРН отсутствует специальная запись о том, что регистрация на основании документов с УКЭП допустима, заявление о регистрации перехода или прекращения права собственности физического лица вместе с приложениями возвращается заявителю без рассмотрения [7]. Для внесения такой записи собственнику необходимо подать заявление на бумаге, лично в МФЦ. Громоздкость этой процедуры — не прихоть законодателя, а прямая реакция на участившиеся случаи мошенничества с недвижимостью, где орудием преступления становилась незаконно полученная электронная подпись [8].

Закон предусматривает и исключения (ч. 6 ст. 36.2), когда отсутствие отметки не препятствует регистрации: подача документов органами власти и местного самоуправления, нотариусами, сторонами договора купли-продажи через кредитную организацию, а также использование УКЭП, выданной Федеральным казначейством. Статья 36 того же закона предоставляет собственнику право внести в ЕГРН запись о невозможности регистрации права без его личного участия. С появлением такой записи любые документы, поданные иным лицом, возвращаются без рассмотрения. Два механизма — отметка о возможности и запись о невозможности — формируют контур защиты прав собственников в

электронной среде [7].

С 1 марта 2025 года Федеральный закон № 487-ФЗ перевёл регистрацию ДДУ в исключительно электронный формат: договоры должны быть составлены как электронные документы и подписаны УКЭП застройщика и участника долевого строительства [2]. Существенный нюанс, на который Росреестр обращает особое внимание: скан-образ бумажного договора с собственноручными подписями, даже заверенный УКЭП, электронным документом не является. Застройщик не вправе просто отсканировать подписанный экземпляр — договор должен быть сформирован как электронный документ в соответствии с Приказом Росреестра от 17.06.2020 № П/0202, определяющим структуру, формат и перечень обязательных сведений [8]. Содержательная часть электронного ДДУ включает данные сторон, описание предмета сделки, срок передачи объекта, цену и порядок оплаты, гарантийный срок, условия привлечения средств участников (отчисления в компенсационный фонд или счета эскроу), ответственность сторон и условия расторжения [8].

Технически электронные документы направляются в Росреестр через личный кабинет на сайте ведомства, сервис прямого доступа (СПД-3), адаптер электронного взаимодействия, СМЭВ (систему межведомственного электронного взаимодействия), а также иными способами, предусмотренными п. 2 ч. 1 ст. 18 Закона № 218-ФЗ [2]. На практике застройщики редко используют сайт Росреестра напрямую, предпочитая специализированные платформы. ДомКлик — сервис ПАО Сбербанк, через который проходят ипотечные сделки и регистрация ДДУ, как для клиентов банка, так и для участников, не являющимися клиентами банка. М2 («Метр квадратный») — платформа банка ВТБ, обеспечивающая электронную регистрацию сделок, включая ДДУ, договоры уступки и иные регистрационные действия. SmartDeal — облачный сервис, применяемый банками, застройщиками и агентствами недвижимости для регистрации по защищённым каналам [11]. Как отмечают исследователи LegalTech-инструментов в сфере предпринимательства, появление подобных платформ отражает тенденцию к слиянию функций юридического сопровождения и технической инфраструктуры в единый сервис [14]. Платформы принимают на себя выпуск УКЭП для участников, подготовку пакета документов, оплату госпошлины и отправку в Росреестр, что существенным образом упрощает процедуру для участника долевого строительства. Застройщик при этом сохраняет право на собственные информационные системы, интегрированные с сервисами Росреестра через адаптер электронного взаимодействия. Стандартный срок регистрации ДДУ — три рабочих дня, при необходимости проверки дополнительных данных (разрешение на строительство, проектная декларация) он может увеличиться. С 1 марта 2025 года застройщик обязан самостоятельно направлять в Росреестр подписанные УКЭП заявления и документы для регистрации права собственности дольщика в течение 30 дней после подписания передаточного акта [2].

С 1 сентября 2024 года завершился переходный период, в течение которого допускалось подписание электронных документов без машиночитаемых доверенностей (МЧД). Теперь представитель юридического лица, подписывающий электронный документ, обязан действовать на основании МЧД в формате XML. Доверенность в формате PDF, даже подписанная УКЭП нотариуса, не принимается [9].

Соглашение об уступке прав требований по ДДУ, как и сам договор участия в долевом строительстве, подлежит обязательной государственной регистрации в Росреестре [8]. Формат подачи — бумажный или электронный — стороны выбирают самостоятельно. В случае бумажной регистрации соглашения ставятся собственноручные подписи, и подача обращения осуществляется через МФЦ или орган регистрации прав. При электронной — соглашение формируется в формате PDF/A, содержит все существенные условия, предусмотренные для ДДУ (предмет уступки, цену и порядок оплаты, срок передачи объекта, гарантийный срок, реквизиты сторон), и подписывается УКЭП обеих сторон — цедента и цессионария [8]. В случае трёхстороннего соглашения, когда дополнительно участвует представитель застройщика, документ подписывается УКЭП всех трёх сторон. Если от имени юридического лица действует представитель, электронный документ дополнительно заверяется МЧД в формате XML; скан-образ бумажной доверенности, даже заверенный УКЭП нотариуса, не допускается [9].

Регистрация уступки сопровождается рядом существенных особенностей. Прежде всего необходимо проверить, содержит ли ДДУ условие о получении согласия застройщика на уступку. Если такое условие предусмотрено, без письменного согласия застройщика Росреестр сделку не зарегистрирует. При неполной оплате ДДУ согласие застройщика требуется в любом случае, поскольку на цессионария переходит не только право требования, но и долг перед застройщиком.

Обременения требуют отдельного внимания. Если ДДУ заключён с привлечением кредитных средств и объект находится в залоге у банка, для регистрации уступки необходимо письменное согласие банка-залогодержателя. Без него Росреестр откажет в регистрации; в электронном документообороте согласие банка представляет-

ся как электронный образ документа, подписанный УКЭП уполномоченного сотрудника кредитной организации.

Если стороны сделки состоят в браке, потребуется нотариально удостоверенное согласие супруга на совершение сделки. В электронном документообороте такой документ подаётся как электронный образ, подписанный УКЭП нотариуса.

Электронная регистрация сопряжена со специфическими основаниями для отказа и приостановления, которых бумажный формат не знает: отсутствие отметки в ЕГРН о возможности электронной регистрации (ст. 36.2), «двойные» подписи (одновременно бумажная и электронная), отсутствие или недействительность МЧД, технические ошибки форматирования XML-документа, нарушение требований Приказа Росреестра № П/0202 к структуре электронного ДДУ.

К классическим проблемам можно отнести неполный пакет документов, аресты, расхождения в данных ЕГРН, одинаково актуальны для обоих форматов. Цифровизация устраняет одни барьеры, но формирует другие, и эти новые барьеры носят преимущественно технико-юридический характер.

Наиболее острый вопрос касается презумпции авторства подписи. УКЭП, будучи по закону равнозначной собственноручной подписи, создаёт презумпцию: документ подписан владельцем сертификата. На практике эта презумпция не всегда отражает реальное волеизъявление лица. Гражданин, не искушённый в вопросах рынка недвижимости, может не осознавать правовых последствий использования электронной подписи. Сертификат УКЭП иногда получается в удостоверяющем центре по поддельным документам — и собственник не подозревает, что от его имени совершается сделка. Механизм статьи 36.2 был введён именно для пресечения подобных ситуаций: собственник заранее заявляет о согласии на электронную регистрацию перехода права. Слабое место этого механизма — подача заявления исключительно на бумаге, что создаёт барьер для добросовестных собственников, но не исключает риск незаконного получения УКЭП и подачи заявления от имени правообладателя [7]. И. В. Гусаим на материале судебной практики показывает, что схемы мошенничества при сделках по распоряжению недвижимым имуществом с использованием электронно-цифровой подписи приобрели системный характер: преступники получают доступ к УКЭП через подставные удостоверяющие центры или путём социального инжиниринга, после чего от имени собственника совершают сделки по отчуждению имущества [15]. С. А. Вецкая и соавторы отмечают устойчивую тенденцию к усложнению уголовно-правовой характеристики преступлений в сфере оборота недвижимости, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: злоумышленники действуют в составе организованных групп, используя подставных лиц, поддельные документы и уязвимости в процедуре выдачи сертификатов электронной подписи [16].

Риски неправомерного использования УКЭП можно сгруппировать. Одна группа связана с физическим носителем: токен с закрытым ключом может быть похищен, скопирован или применён без ведома владельца. Несмотря на защищённость носителя, случаи несанкционированного доступа к ключам продолжают фиксироваться. Другая уязвимость — процедурная. Удостоверяющий центр выдаёт сертификат на основании документа, удостоверяющего личность. Подделка паспорта или представление чужого документа открывает злоумышленнику путь к получению подписи от имени другого лица. Наконец, существует и информационный риск: собственника можно ввести в заблуждение относительно сути подписываемого документа — особенно когда сделка оформляется через посредников и человек не до конца понимает, что именно он визирует.

При оспаривании электронной сделки возникает проблема распределения бремени доказывания. Закон исходит из того, что документ, завизированный УКЭП, равнозначен документу с собственноручной подписью [4]. Лицу, чья подпись была использована, приходится доказывать: документ он не подписывал и волю на совершение сделки не выражал. Защищать свои права в такой ситуации крайне затруднительно — особенно если сделка уже зарегистрирована в ЕГРН и право перешло к новому приобретателю. Электронный формат, в отличие от личного присутствия, не позволяет установить обстоятельства, которые в очной встрече были бы очевидны — состояние, в котором находился собственник, степень понимания им существа сделки [10].

Технологические риски также требуют учёта. Сбои и недоступность сервисов Росреестра, особенно в условиях обязательной электронной подачи, могут приводить к пропуску сроков. Ошибки форматирования XML-документов — причина возвратов и приостановлений. Утрата данных при передаче, несовместимость версий криптопровайдеров и средств проверки подписи — реальные проблемы, с которыми сталкиваются участники оборота. Законодательство оставляет возможность бумажной подачи при временной технической невозможности электронной, однако информация о такой невозможности должна размещаться Росреестром на официальном сайте и на практике не всегда обновляется оператив-

но [2].

Одно из направлений снижения рисков — усиление процедур идентификации при выпуске электронной подписи. Интеграция с Единой системой идентификации и аутентификации (ЕСИА) отчасти закрывает задачу для граждан, использующих портал Госуслуг. Приложение «Госключ», позволяющее применять УКЭП при наличии официально сданной биометрии, представляет следующий этап. С 1 июля 2026 года биометрия стала дополнительным способом подтверждения личности при подаче документов в Росреестр: купля-продажа жилья, продажа домов и земельных участков, дарение, регистрация перехода права собственности. Закон не переводит рынок недвижимости в полностью безличный формат и не закладывает отдельную плату за биометрию в тарифы Росреестра — госпошлина не должна возрасти. В ипотечных сделках биометрия применима, но банк вправе выдвинуть дополнительные требования, а для дистанционного оформления потребуется отдельное согласование. Аренда под действие нормы не подпадает [3]. Некоторые категории сделок, по всей видимости, останутся в очном формате или потребуют усиленной юридической проверки: операции с долями, наследственными активами, сделки с участием несовершеннолетних или со спорными объектами. Биометрическая идентификация — не замена, а дополнение существующих механизмов: дополнительный слой верификации, снижающий риски неправомерного использования УКЭП.

Для снижения рисков неправомерного использования электронной подписи можно предложить конкретные меры. Двухфакторная аутентификация при подписании документов, связанных с распоряжением недвижимостью, создала бы дополнительный барьер для злоумышленников. Обязательное уведомление собственника о поступлении заявления о регистрации перехода права уже предусмотрено ч. 5 ст. 36.2 Закона № 218-ФЗ, но механизм нуждается в доработке: уведомления должны приходить незамедлительно и через несколько каналов связи. Идея «периода охлаждения» — временного интервала между подачей заявления и регистрацией права, в течение которого собственник может отозвать заявление, — заслуживает законодательного закрепления.

Механизмы статей 36.2 и 36 требуют развития. Прежде всего — разрешить подачу заявления о согласии на электронную регистрацию через портал Госуслуг с использованием ЕСИА, то есть перевести процедуру из бумажной в электронную. Далее рассмотреть возможность автоматического внесения отметки при первой регистрации права собственности в электронной форме, с правом отзыва в любой момент. И наконец, напрашивается расширение перечня случаев, когда обязательно нотариальное удостоверение сделок в электронной форме.

Цифровизация решает и задачу хранения документов: электронный документооборот избавляет застройщиков, банки и регистрирующие органы от необходимости физического хранения огромных массивов бумажных дел. Однако возникает проблема обеспечения долговременной сохранности электронных документов. Критически важно хранение в доверенной среде (информационные системы Росреестра, аккредитованные операторы ЭДО), использование УКЭП для подтверждения неизменности содержания, а также соблюдение требований к срокам хранения и порядку передачи материалов в государственный архив.

Развитие страхования рисков, связанных с электронными сделками, требует отдельного внимания. Страхование титула, уже представленное на рынке, нуждается в адаптации к специфике электронных сделок. Создание государственного компенсационного фонда для возмещения ущерба добросовестным приобретателям в случаях, когда сделка совершена с использованием незаконно полученной УКЭП, — мера, требующая проработки.

Для совершенствования правового регулирования предлагается внести изменения в Закон № 63-ФЗ, предусмотрев более жёсткие требования к выдаче УКЭП физическим лицам, не имеющим действующей биометрической регистрации, — вплоть до обязательного личного присутствия при получении сертификата с биометрической верификацией. Дополнение Закона № 218-ФЗ нормой о «периоде охлаждения» — минимальном сроке между подачей электронного заявления и регистрацией перехода права, в течение которого собственник может безусловно отозвать заявление, — представляется целесообразным. Расширение использования МЧД для физических лиц, действующих через представителей, с обязательной проверкой действительности через единую государственную информационную систему также заслуживает внимания. На Росреестр следовало бы возложить обязанность направлять уведомления собственнику не только по электронной почте, но и через ЕСИА и SMS с подтверждением доставки.

Цифровое взаимодействие в сфере регистрации недвижимости приобрело необратимый характер. Доля электронных услуг Росреестра достигла 60%, а для юридических лиц и участников долевого строительства электронный формат стал обязанностью [1]. УКЭП остаётся центральным инструментом, обеспечивающим юридическую силу сделок в цифровой среде. Но именно она порождает и риски, которые действующие

механизмы защиты до конца не закрывают. Статьи 36 и 36.2 Закона № 218-ФЗ — это базовый фильтр, проблемные зоны, будь то идентификация, подтверждение полномочий, кража электронной подписи или технические сбои, нуждаются в системном подходе [7].

Цифровизация регистрационных процедур в долевом строительстве решает инфраструктурную задачу — устраняет необходимость формирования и хранения значительных массивов бумажных документов. Для застройщиков и банков, регистрирующих сотни и тысячи ДДУ, это означает снижение операционных издержек, упрощение учёта и минимизацию рисков утраты документов. Задача обеспечения долговременной сохранности электронных документов остаётся актуальной и должна решаться на уровне как нормативного регулирования, так и технической инфраструктуры.

Правовая база для полного перехода на электронный формат в целом подготовлена, но нуждается в доработке — прежде всего в части процедурных гарантий и механизмов защиты. Перспективы развития связаны с внедрением биометрической идентификации при подаче документов в Росреестр [3], совершенствованием уведомительных процедур, развитием страховых и компенсационных механизмов, законодательным закреплением «периода охлаждения» при регистрации электронных сделок. Сохранение очного формата для отдельных категорий сделок — с долями, наследственными активами, с участием несовершеннолетних — представляется оправданным компромиссом между цифровизацией и защитой прав.

Список литературы:

[1] Романовская О. В. Правовые основы цифровой трансформации государственного управления в сфере недвижимости / О. В. Романовская // Правовые вопросы недвижимости. — 2024. — № 1. — С. 14–20.

[2] Федеральный закон от 26.12.2024 № 487-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.08.2026).

[3] Волкова Н. С. Цифровые платформы — организационно-правовая форма взаимодействия в обществе : монография / Н. С. Волкова, А. С. Емельянов, А. А. Ефремов ; отв. ред. Л. К. Терещенко. — Москва : Инфотропик Медиа, 2025. — 244 с. — ISBN 978-5-9998-0480-8.

[4] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 14.09.2026).

[5] Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ред. от 28.12.2025). Ст. 21 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 01.09.2026).

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Ст. 160 // СПС «КонсультантПлюс».URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 14.09.2026).

[7] Статья 36.2 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СПС «КонсультантПлюс».URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (дата обращения: 20.08.2026).

[8] Приказ Росреестра от 17.06.2020 № П/0202 «Об утверждении требований к электронной форме договора участия в долевом строительстве, соглашения о внесении изменений в договор участия в долевом строительстве, соглашения (договора) об уступке прав требований по договору участия в долевом строительстве, в том числе требований к формату и заполнению форм таких документов» // ГАРАНТ. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74527308/ (дата обращения: 20.08.2026).

[9] Лысенко А. В. Машиночитаемая доверенность как инструмент цифрового представительства в гражданском обороте / А. В. Лысенко // Право и экономика. — 2024. — № 11. — С. 45–51.

[10] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025). Ст. 302 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 20.08.2026).

[11] ДомКлик — цифровая платформа ПАО Сбербанк для операций с недвижимостью: электронная регистрация ДДУ и сделок // Domclick.ru. — URL: https://domclick.ru/ (дата обращения: 14.09.2026); М2 — платформа банка ВТБ для электронной регистрации сделок с недвижимостью // M2.ru. — URL: https://m2.ru/ (дата обращения: 14.09.2026); SmartDeal — облачный сервис регистрации сделок в Росреестре // Smartdeal.pro. — URL: https://smartdeal.pro/ (дата обращения: 14.09.2026).

[12] Болтанова Е. С. Правовое регулирование цифровизации сферы градостроительства и недвижимости: монография / Е. С. Болтанова. — Москва: РИОР : ИНФРА-М, 2026. — 138 с. — (Научная мысль). — ISBN 978-5-369-02002-9.

[13] Василевская Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота: проблемы и тенденции раз-

вития (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. 1 / Л. Ю. Василевская, Е. Б. Подузова, Ф. А. Тасалов; отв. ред. Л. Ю. Василевская. — Москва: Проспект, 2021. — 300 с. — ISBN 978-5-392-34381-2.

[14] Ершова И. В. LegalTech в сфере предпринимательской деятельности: монография / отв. ред. И. В. Ершова, О. В. Сушкова. — Москва: Проспект, 2023. — 200 с. — ISBN 978-5-392-37691-9.

[15] Гусаим И. В. Мошенничество при сделках по распоряжению недвижимым имуществом с использованием электронно-цифровой подписи / И. В. Гусаим // Вестник Академии права и управления. — 2023. — № 4. — С. 112–118.

[16] Вецкая С. А. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере оборота недвижимости, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / С. А. Вецкая, В. В. Пушкарёв, М. М. Макаренко // Вестник экономической безопасности. — 2023. — № 4. — С. 28–33.

References:

[1] Romanovskaya O. V. Legal foundations of digital transformation of public administration in real estate / O. V. Romanovskaya // Legal issues of real estate. — 2024. — № 1. - S. 14-20.

[2] Federal Law of 26.12.2024 No. 487-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. - URL: http://www.pravo.gov.ru (access date: 15.08.2026).

[3] Volkova N. S. Digital platforms - the organizational and legal form of interaction in society: monograph N. S. Volkova, A. S. Emelyanov, A. A. Efremov; resp. ed. L.K. Tereshchenko. - Moscow: Infotropic Media, 2025. - 244 p. - ISBN 978-5-9998-0480-8.

[4] Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" (as amended by 31.07.2025) // SPS "ConsultantPlus" - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (access date: 14.09.2026).

[5] Federal Law of 13.07.2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate" (as amended on 28.12.2025). Art. 21 // SPS "ConsultantPlus." - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (access date: 01.09.2026).

[6] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 31.07.2025). Art. 160 // SPS "ConsultantPlus." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (contact date: 14.09.2026).

[7] Article 36.2 of the Federal Law of 13.07.2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate" // SPS" ConsultantPlus. "URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/ (date of reference: 20.08.2026).

[8] Order of Rosreestr dated 17.06.2020 No. P/0202 "On approval of the requirements for the electronic form of the agreement on participation in shared construction, agreement on amendments to the agreement on participation in shared construction, agreement (agreement) on the assignment of rights of claims under the agreement on participation in shared construction, including requirements for the format and filling out the forms of such documents" // GARANT. - URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74527308/ (access date: 20.08.2026).

[9] Lysenko A.V. Machine-readable power of attorney as an instrument of digital representation in civil circulation / A.V. Lysenko // Law and Economics. — 2024. — № 11. - S. 45-51.

[10] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 31.07.2025). Art. 302 // SPS "ConsultantPlus." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (access date: 20.08.2026).

[11] DomClick - Sberbank's digital platform for real estate transactions: electronic registration of preschool institutions and transactions // Domclick.ru. - URL: https://domclick.ru/ (access date: 14.09.2026); M2 - VTB Bank platform for electronic registration of real estate transactions // M2.ru. - URL: https://m2.ru/ (access date: 14.09.2026); SmartDeal - cloud transaction registration service in Rosreestr // Smartdeal.pro. - URL: https://smartdeal.pro/ (access date: 14.09.2026).

[12] Boltanova E. S. Legal regulation of digitalization of the sphere of urban planning and real estate: monograph / E. S. Boltanova. - Moscow: RIOR: INFRA-M, 2026. - 138 p. - (Scientific thought). — ISBN 978-5-369-02002-9.

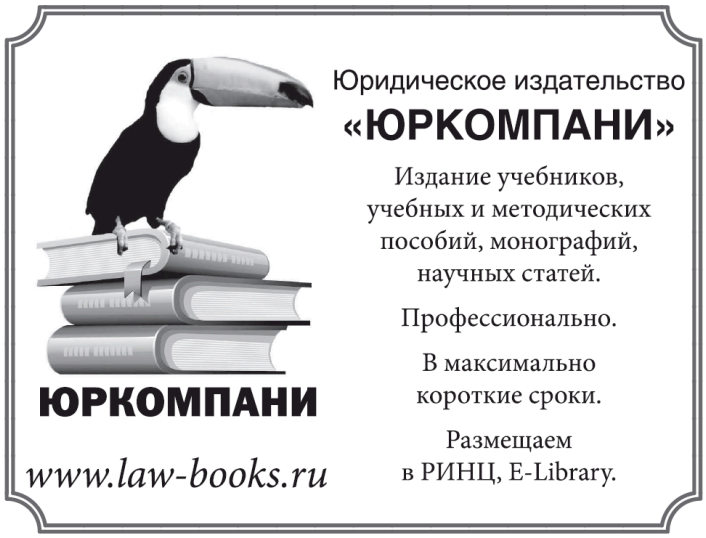
[13] Vasilevskaya L. Yu. Digitalization of civil circulation: problems and development trends (civil research): monograph: in 5 volumes T.1 L. Yu. Vasilevskaya, E. B. Poduzova, F. A. Tasalov; resp. ed. L. Yu. Vasilevskaya. - Moscow: Prospect, 2021. - 300 p. - ISBN 978-5-392-34381-2.

[14] Ershova I.V. LegalTech in the field of entrepreneurial activity: monograph ed. ed. I.V. Ershova, O.V. Sushkova. - Moscow: Prospekt, 2023. - 200 p. - ISBN 978-5-392-37691-9.

[15] Gusaim I.V. Fraud in real estate transactions using an electronic digital signature I.V. Gusaim // Bulletin of the Academy of Law and Management. — 2023. — № 4. - S. 112-118.

[16] Vetskaya S. A. Criminal law characterization of crimes in the field of real estate turnover committed using information and telecommunication technologies / S. A. Vetskaya,

V. V. Pushkarev, M. M. Makarenko // Bulletin of Economic Security. — 2023. — № 4. - S. 28-33.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-83-85

КУЛАКОВ Павел Николаевич,
Аспирант кафедры гражданского права,
ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия им. В. М. Лебедева»,
e-mail: paulku999@yandex.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ВИНЫ В ПОВЕДЕНЧЕСКОМ ПОДХОДЕ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме соотношения противоправного поведения и вины в договорном праве. Актуальность данного вопроса вызвана спецификой поведенческого подхода к определению вины, применяемого в гражданском праве России. Оценка вины, производимая исходя из поведения лица в конкретных обстоятельствах, порождает вопросы относительно самостоятельности вины как элемента правонарушения и ее слияния с противоправностью. На основании изученных позиций ведущих отечественных ученых-правоведов рассмотрены сущность поведенческого подхода, связь презумпции вины с указанным подходом, значение бездействия в договорном обязательстве, проанализированы элементы бездействия. Сделан вывод о самостоятельности вины и противоправности как элементов состава правонарушения: для определения наличия противоправности и вины поведение оценивается в разных отношениях.*

Ключевые слова: *гражданско-правовая ответственность, противоправное поведение, вина, поведенческий подход, бездействие.*

KULAKOV Pavel Nikolaevich,
Postgraduate student of the Department of Civil Law,
Russian State University of Justice

DISTINCTION BETWEEN UNLAWFUL CONDUCT AND FAULT IN THE BEHAVIORAL APPROACH

Annotation. *This article addresses the relationship between unlawful conduct and fault in contract law. The relevance of this issue stems from the specific nature of the behavioral approach to defining fault within Russian civil law. Assessing fault based on a person's conduct under specific circumstances raises questions regarding the independent status of fault as an element of a legal wrong and its potential conflation with unlawfulness. Drawing on the views of leading Russian legal scholars, the article examines the essence of the behavioral approach, the link of the presumption of fault on this approach, and the significance of inaction in contractual obligations, while also analyzing the elements of inaction. The author concludes that fault and unlawfulness constitute distinct elements of the legal wrong, as conduct is evaluated from different perspectives to establish the presence of each.*

Key words: *civil liability, unlawful conduct, fault, behavioral approach, inaction.*

Применяемый в гражданском праве поведенческий подход к определению вины, как и противопоставляемый ему психологический подход, имеет ряд ограничений и недостатков. Одной из наиболее значимых проблем в данном подходе является разграничение противоправного поведения и вины [3], являющихся самостоятельными элементами состава правонарушения. Данная проблема возникает в связи с самой сутью поведенческого подхода, оказывающей влияние на особенности определения субъективного отношения лица к своим обязанностям и последствиям поведения.

Поведенческий подход предполагает определение вины лица на основании сравнения его поведения с определенным ожидаемым в кон-

кретных обстоятельствах поведением, которое берется за образец, выступает «усредненным эталоном», мерилом [6]. Стоит отметить, что поведение отражает, и при этом в явном виде, внутреннее отношение лица к обязанностям и последствиям своего поведения. Так как оценке для определения вины при таком подходе подлежит поведение лица, на первый взгляд может показаться, что происходит смешение, размывание границ вины и противоправного поведения. В том числе поэтому поведенческий подход часто называют объективистским: противоправное поведение относится к внешней, объективной стороне правонарушения [5], и если с ним начинает смешиваться вина, становится неясной граница вины и объективной стороны правонарушения.

В договорных правоотношениях правонарушение осуществляется путем бездействия, сочетанием действия и бездействия или действием, обладающим «пороками», что отлично объясняет цивилистическую презумпцию вины лица, не исполнившего обязательство. Противоправным поведением в договорных обязательствах является неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, что обусловлено положениями п. 1 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Из факта такого неисполнения или ненадлежащего исполнения логически следует, что лицо бездействовало или действовало, не приняв все меры для надлежащего исполнения обязательства, что само по себе исходя из признаков абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ означает наличие вины лица, не исполнившего обязательство. Сама гражданско-правовая презумпция вины, таким образом, обосновывает применение поведенческого подхода в вопросе определения вины.

Противоправное поведение может выражаться как в активной, так и в пассивной форме, а также их сочетанием. Активная форма представляет собой действие, а пассивная выражена бездействием. Противоправные действия нарушают запрещающие нормы, в то время как противоправные бездействия нарушают нормы обязывающие [4]. Однако в договорном правоотношении обязывающие нормы могут быть нарушены и «ненадлежащими» действиями.

Стоит, однако, заметить: несмотря на логическое противопоставление, с юридической точки зрения бездействие в договорных правоотношениях не отличается принципиально от действия, так как тоже может приводить к противоправному результату [5]. К тому же, в контексте договорных отношений, бездействие как противоправное поведение имеет значительно большее распространение, чем в отраслях публичного права, что делает бездействие в рамках обязательственных отношений не редко встречающимся исключением, а широко распространенным явлением практики гражданского оборота [5].

Противоправное бездействие – это несовершение конкретного действия, предписанного договором или законом [1]. В свою очередь, один из признаков вины, выводимый из абз. 2. п. 1 ст. 401 ГК РФ - непринятие лицом всех мер, необходимых для надлежащего исполнения обязательства. Получается, что данный признак пересекается с противоправным бездействием, хотя и не совпадает. На первый взгляд может показаться, что в силу сказанного вина начинает смешиваться с противоправностью. Однако стоит заметить следующее.

Бездействие включает в себя объективный и субъективный элементы [2]. При этом только одновременное наличие двух этих элементов в бездействии означает существование возможности привлечения лица к ответственности.

Объективный элемент представляет собой наличие у лица обязанности совершить определенные действия, установленные договором или законом [3]. Доказать наличие объективного элемента чаще всего не составляет большого труда. Например, между сторонами был заключен договор поставки детского питания. Поставщик - продавец не осуществил поставку. У поставщика существовала обязанность по поставке товара, подтверждающаяся договором, которую он не исполнил, что означает наличие объективного признака бездействия.

Субъективный элемент представляет собой наличие у лица реальной возможности исполнить обязанности, возложенные договором или законом [3]. При этом реальная возможность исполнения может быть ограничена, в частности, обстоятельствами непреодолимой силы, гибелью индивидуально-определенной вещи, изданием акта органа государственной власти, запрещающего определенную деятельность и др. Отсутствие реальной возможности исполнить подлежит доказыванию лицом, нарушившим обязательство.

Отсутствие объективного элемента исключает противоправность бездействия. В таком случае субъективный элемент бездействия не подлежит исследованию, так как отсутствует обязанность лица совершить действия. При наличии же объективного элемента, возможность привлечения лица к ответственности может быть исключена в силу отсутствия субъективного элемента [2].

Противоправность поведения означает неисполнение лицом обязательства, установленного договором или законом, в то время как наличие вины означает несовершение лицом конкретных действий, ожидаемых в данных отношениях и направленных на исполнение обязательства. Между неиспонением обязательства и непринятием мер существует соотношение: они соотно-

сятся как результат и процесс [4]. К противоправному результату приводят виновные действия. Отсюда можно было бы сделать вывод, что противоправность и вина тоже соотносятся логически как результат и процесс, направленный на достижение такого результата, но подобное умозаключение будет логически неверно. Непринятие мер отражает субъективное отношение лица к своим обязанностям и результату своих действий, но само по себе не является виной, а лишь служит критерием для определения вины.

Таким образом, можно сделать вывод о некорректности утверждения о смешении противоправного поведения и вины в поведенческом подходе. При определении наличия состава правонарушения поведение подлежит оценке в двух разных отношениях: относительно соответствия результата поведения договору и/или закону (его правомерности или противоправности) и относительно соответствия поведения как процесса ожидаемому в данном обязательстве обычному поведению (наличие или отсутствие вины). То есть, поведение оценивается в разных аспектах для определения разных элементов состава правонарушения.

Список литературы:

[1] Гарамита, В. В. Вина как основание гражданско-правовой ответственности: 12.00.03 — Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право: диссертация ... кандидата юридических наук / Гарамита Валентин Валериевич; Российский государственный социальный университет. — Москва, 2008. — 155 с.

[2] Голубцова, Ю. А. Соотношение вины и противоправного поведения в гражданском праве / Ю. А. Голубцова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. — 2015. — № 2 (27). — С. 88–95.

[3] Голубцова, Ю. А. Юридическая конструкция вины в российском гражданском праве: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право: диссертация ... кандидата юридических наук / Голубцова Юлия Анатольевна; Казанский (Приволжский) федеральный университет. — Пермь, 2015. — 185 с.

[4] Кузнецова, О. А. Соотношение противоправности, вины и непреодолимой силы на примере ответственности сельхозпроизводителя / О. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 2(20). – С. 127-139.

[5] Матвеев, Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности / Г. К. Матвеев. — Москва: Юридическая литература, 1970. — 309 с.

[6] Цельникер, Г. Ф. Вина в российском праве: общетеоретический и исторический аспекты: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений: диссертация … кандидата юридических наук / Цельникер Григорий Феликсович; Нижегородская академия МВД России. – Самара, 2004. – 235 с.

References:

[1] Garamita, V.V. Wine as a basis for civil liability: 12.00.03 - Civil law; business law; family law; private international law: thesis... Candidate of Law / Garamita Valentin Valerievich; Russian State Social University. - Moscow, 2008. - 155 s.

[2] Golubtsova, Yu. A. The ratio of guilt and unlawful behavior in civil law / Yu. A. Golubtsova // Bulletin of Volgograd State University. Series 5, Jurisprudence. — 2015. — № 2 (27). - S. 88-95.

[3] Golubtsova, Yu. A. The legal construction of guilt in Russian civil law: 12.00.03 - Civil law; business law; family law; private international law: thesis... Candidate of Law / Julia Anatolyevna Golubtsova; Kazan (Volga) Federal University. - Perm, 2015. - 185 s.

[4] Kuznetsova, O. A. The ratio of illegality, guilt and force majeure on the example of the responsibility of an agricultural producer / O. A. Kuznetsov // Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2013. – № 2(20). - S. 127-139.

[5] Matveev, G.K. Grounds for civil liability / G.K. Matveev. - Moscow: Legal literature, 1970. - 309 s.

[6] Tselniker, G.F. Wine in Russian law: general theoretical and historical aspects: 12.00.01 - Theory and history of law and state; history of legal teachings: thesis... Candidate of Law / Tselniker Grigory Feliksovich; Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Samara, 2004. - 235 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-86-93

БАУТИН Александр Георгиевич,
аспирант, ФГБУ «Институт стандартизации», преподаватель кафедры частного права Юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, заместитель Председателя Комиссии по несостоятельности и реструктуризации МО Ассоциации юристов России,
e-mail: agbautin@gaugn.ru

ФЕДОРЕНКО Варвара Игоревна,
Студент 2 курса магистратуры Юридического факультета ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», Государственный академический университет гуманитарных наук,
e-mail: vfedorenko@gaugn.ru

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ СТАТУСА СТЕЙБЛКОИНОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ПУТИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА

Аннотация. *Актуальность рассматриваемого вопроса состоит в не только в недостаточном регулировании в российском законодательстве такой криптовалюты, как стейблкоин, но также в сформированных коллизий по обращению со стейблкоином. Стоит также отметить, что существует ряд проблем в обращении с рассматриваемым видом криптовалют, которые касаются не только оплаты, но и безопасности в обращении и контроле средств. Таким образом формируется научная проблематика исследования. Несмотря на популярность и распространение криптовалюты в финансовой сфере, российская юридическая практика не обеспечивает четкого правового регулирования такого вида цифровых активов, как стейблкоин. Данный факт ведет к возникновению неопределенности в вопросах легального статуса, порядка обращения, налогообложения и защиты участников рынка. В следствии данных действий возникают нарушения норм финансового права, вопросы по противодействию отмывания доходов и другая правовая проблематика. Целью исследования, исходя из актуальности и сформулированной научной проблемы, становится выявление основных недостатков существующего российского законодательства, относительно стейблкоина.*

Ключевые слова: *стейблкоин, цифровая валюта, правовое регулирование, пробелы в законодательстве, финансовое право.*

BAUTIN Alexander Georgievich,
postgraduate Student at the Federal State Budgetary Institution «Institute of Standardization» Lecturer at the Department of Private Law, Faculty of Law, State Academic University for the Humanities; Deputy Chairman of the Commission on Insolvency and Restructuring of the Moscow Regional Branch of the Association of Lawyers of Russia

FEDORENKO Barbara Igorevna,
2nd year Master's degree student at the Faculty of Law State Academic University of the Humanities

LEGAL INDEFINITENESS OF THE STATUS OF STEALTH COINS IN THE RUSSIAN FEDERATION: IDENTIFICATION PROBLEMS AND DIFFERENTIATION OF THE LEGAL TREATMENT

Annotation. *The relevance of the issue under consideration lies not only in the insufficient regulation of cryptocurrencies such as stablecoins in Russian legislation, but also in the conflicts that have arisen regarding the handling of stablecoins. It is also worth noting that there are a number of problems associated with handling this type of cryptocurrency, which concern not only payment but also the security of handling and control of funds. Thus, a scientific research problem is emerging. Despite the popularity and widespread use of cryptocurrencies in the financial sector, Russian legal practice does not provide clear legal regulation for this type of digital asset, such as stablecoins. This fact leads to uncertainty regarding the legal status, the procedure for circulation, taxation, and the protection of market participants. As a result of these actions, violations of financial law norms occur, along with issues related to combating money laundering and other legal problems. The aim of the study, based on its relevance and the formulated scientific problem, is to identify the main shortcomings of the existing Russian legislation regarding stablecoins.*

Key words: *stablecoin, digital currency, legal regulation, gaps in legislation, financial law.*

Регулирование стейблкоина в российском законодательстве является одной из актуальных тем в правовой сфере современного российского общества. Стоит обратить внимание, что развитие регулирования рассматриваемого объекта подтверждается рядом Указов Президента:

«О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 № 204;

«Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» от 01.12.2016 № 642;

«Стратегия развития информационного общества Российской Федерации на 2017-2030 годы» от 09.05.2017 № 203.

Для регулирования сфер, которые выделены в данных Указах создаются отдельные экспериментальные правовые режимы, которые будут рассмотрены в работе позже. Проблемы, которые выделяются в данной работе связаны с отсутствием определения понятия «стейблкоин», с возникающими проблемами в части включения криптовалюты в конкурсную массу должника при банкротстве. Далее будет более подробно рассмотрена каждая из проблем.

Возвращаясь к объекту, исследования стоит обратить внимание, что понятие «стейблкоин» в российском законодательстве не используется. От данного фактора возникает ряд пробелов в законодательстве и малом регулировании возникающих вопросов. Для понимания всей важности данной темы стоит рассмотреть не только историческую рамку возникновения и развития стейблкоина, но и политику Российской Федерации в рамках цифровых площадок и активов. В данной работе будет сделан анализ понятия «стейблкоин», а также будут выделены проблемные моменты в российском законодательстве в вопросах регулирования рассматриваемого предмета. Анализ понятия стоит начать с рассмотрения источников и соответствующего законодательства. В докладе Центрального Банка «Стейблкойны: опыт использования и регулирования»[15] рассматривается история возникновения стейблкоина, а также делаются попытки дать четкое определение и классификацию данному явлению. Таким образом, первый стейблкоин (Tether (Realcoin)) был разработан в 2014 году Броком Пирсом, Крейгом Селларсом и Ривом Коллинзом. В российской практике стейблкоин начинает регулироваться с начала применения Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Данный закон регулирует не стейблкоины, а схожие с ним по признакам и характеристикам цифровые активы. На основании представленного источника стейблкоин может быть определен как цифровой актив, обеспечивающий стабильность своей стоимости посредством привязки к высоколиквидным и низковолатильным ресурсам (включая фиатные валюты, нефть, золото и иные драгоценные металлы) либо за счет применения алгоритмических механизмов регулирования. Рассматриваемый цифровой актив имеет несколько разновидностей, которые различаются в сфере применения: обеспечение активами (включая фиантные активы), обеспеченные другими криптовалютами, необеспеченные стейблкоины (сеньораж).

Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» не выводит понятие «стейблкоин». Таким образом, закон не решает проблему отсутствия определения разновидностей цифровых валют. Однако

закон решает несколько других вопросов. Например, в документе есть определение цифровых валют, организации обращения цифровых валют, обращения цифровых валют, цифрового счета, адреса-идентификатора, цифровых финансовых активов, долговых финансовых активов, цифровых акциий, утилитарных цифровых прав, гибридных цифровых прав, информационной системы оператора, оператора информационной системы, эмитента цифровых прав, майнинга цифровых валют, майнинг-пула, иностранного цирофового инструмента.

Вернемся к определению стейблокина. Центральный Банк России в своем докладе пишет, что к стейблкоинам также применяются регулярные требования по аналогии с регулированием депозитов, фондов денежного рынка и ценных бумаг. Горбачева Т.А. [5] в своей работе «Понятие стейблкоинов и актуальное состояние рынка стабильных монет» приводит обобщенное определение стейблкоину: «это криптоактив, базирующийся на технологии блокчейн, но имеющий существенное преимущество, а именно отсутсвие высокой волатильности.». Существует научная дискуссия, где одна сторона относит стейблкоин (stablecoin – стабильная монет) к банковскому депозиту или ценной бумаге, а другая к криптовалюте. В зарубежной правовой и экономической доктрине стейблкоины классифицируются как категория цифровых активов, характеризующихся фиксацией их номинальной стоимости к курсу базового актива или корзине активов.

Стоит указать, что в некоторых юрисдикциях все же присутствует регулирование: Казахстан, Великобритания, ОАЭ. В США был подписан законопроект о стейблкоинах – Guiding and Establishing National Innovation fir U.S. Stablecoins Act (GENIUS Act). Данный нормативно-правовой акт будет регулировать выпуск стейблкоины, основанные на долларе США. Данный акт также обязывает эмитентов публиковать данные о резервах и проходить аудит. Подводя итог можно определить стейбкоин как цифровой актив, стоимость которого остается стабильной благодаря фиксации к ликвидным ресурсам как фиантная валюта, драгоценные металлы или иные активы. Особенность стейблкоина состоит в том, что в отличие от необеспеченных криптовалют они имеют эмитента, несущего обязательства перед держателями, что является сходством между ценными бумагами, депозитами и стейблкоинами.

В докладе Центрального Банка также присутствует сравнение признаков цифровых финансовых активов, цифровой валюты и стейблкоина. Сравнение данных признаков приведено ниже в таблице 1.

Признак/объект	Цифровые права	Цифровые валюты	Стейблкоин
Использование как средство платежа	Не могут использоваться как средства платежа на территории Российской Федерации	Могут быть использованы как средство платежа	«Использование стейблкойнов в качестве средства платежа между резидентами России недопустимо»
Регулирование на территории РФ	Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ	Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ	Применяются нормы о цифровых финансовых активах, если есть эмитент. Применяются правила о цифровых валютах, если рассматривается алгоритмический актив
Эмитент и ответственность	Централизованные (Есть эмитент)	Децентрализованные Для обеспечения используется технология блокчейн	Если эмитент у стейблкоина присутствует, то обязательства присутствуют.
Обеспечение	Не является обязательным	Обеспечения нет	Фиантное, товарное, алгоритмическое, гибридное, криптовалютное обеспечение

Таблица 1. Сравнение цифровых прав, валют и стейблкоинов

Рассматриваемые объекты на территории Российской Федерации регулируются не только Федеральным законом «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Существует Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ, данный нормативно-правовой акт рассматривает существующее законодательство в сфере цифровых инноваций, как экспериментальные правовые режимы. Данный закон связан с тем, что вектор развития государства сосредоточен на развитии технологий и предпринимательской линии. Закон выделяет сферы, в которых может быть введен экспериментальный правовой режим: медицина, транспорт, дистанционные продажи, сельское хозяйство, государственные и муниципальные услуги, связь, промышленное производство и строительство. В статье Бочкова С.С.[7] «Экспериментальный правовой режим как механизм внедрения цифровых инноваций в предпринимательскую деятельность» рассматривает необходимость проведения правовых исследований в условиях турбулентности экономики. В частности, автор отмечает, что Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.10.2020 № 1750 утвержден перечень технологий, допустимых к применению в рамках экспериментальных правовых режимов. Данный список включает технологии систем распределенного реестра (блокчейн). В данный список входят также технологии систем распределенного реестра. К данным технологиям относят и блокчейн, что подтверждает необходимость регулирования цифровых финансовых активов и валют на территории РФ. ФЗ № 258 открывает возможность тестирования инновационных технологий, использование или внедрение которых по тем или иным причинам запрещено действующим законодательством. Данные экспериментальные режимы С.С. Бочкова в своей работе называет «регуляторными песочницами».

Для рассмотрения характеристик, которые относятся к стейблкоину стоит рассмотреть Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Характеристики, которые относятся к стейблкоину в Федеральном законе содержаться в ч.1 статье 1, статье 3, статье 12. Статья 1 ФЗ от 31.07.2020 г. № 259 определяет предмет и сферу регулирования закона. Статья 3 Федерального закона устанавливает порядок выпуска цифровых финансовых активов, посредством решений, принимаемых эмитентом. Несмотря на то, что рассматриваемый ранее федеральный закон является правовой основой для регулирования цифровых активов, он не распространяется на обеспеченные стейблкоины, так как в указанном определении у цифровой валюты отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем цифровой валюты. Проблема регулирования обеспеченных стейблкоинов заключается в том, что у них есть эмитент, который поддерживает их стоимость, а также большая их часть выпущена и находится в обращении иностранных юрисдикций. Перечисленные причины противоречат определению цифровой валюты [16]. Правовая проблема заключается в том, что стейблкоин [13] не может быть отнесен к ценным бумагам, так как в статье 142 Гражданского кодекса обозначено, что ценные бумаги подлежат государственной регистрации, а также, что ценная бумага должна соответствовать установленным законом требованиям. Данным требованиям стейблкоин не соответствует, что приводит к выводу, что российской практике актив не может быть ценной бумагой. В академической среде получила распространение концепция, согласно которой стейблкоин рассматривается как аналог пая инвестиционного фонда. Обоснованием данной теории выступает экономическая природа транзакции: приобретение цифрового актива фактически представляет собой внесение инвестором капитала в общий пул под управлением эмитента (эмитирующей организации). Ключевое отличие исследуемого объекта от классического инвестиционного пая заключается в объеме прав держателей. Владельцы стейблкоина наделены правом требования погашения актива по номиналу при снижении его рыночной стоимости ниже установленного уровня привязки (de-pegging), тогда как пайщики инвестиционных фондов не обладают аналогичным императивным правом требования к управляющей компании исключительно на основании снижения расчетной стоимости пая вследствие рыночных колебаний.

Далее рассмотрим одну из проблем, возникающую вокруг регулирования криптовалюты: налогообложение. Работа Грошева С.А. «Цифровая валюта и стейблкоин: соотношение понятий для целей налогового регулирование» [6] поднимает проблему налогового регулирования операций со стейблкоинами. Автор рассматривает особенности правового статуса и выделяет необходимость выработки критериев отнесения данных цифровых активов к объектам налогообложения. 29.09.2025 Министерство финансов Российской Федерациив письме «О применении НДС в отношении операций с цифровой валютой» [10] не дало четкого ответа на поставленный вопрос, но обозначило, что операции по реализации цифровой валюте не признаются объектом налогообложения НДС. В связи с неопределенностью статуса криптовалют и цифровых валют в Российской Федерации формируется ряд проблем с регулированием и их включения в конкурентную массу должника. Цифровые валюты в соответствии с российским законодательством признаются имуществом и по данной причине могут быть включены в конкурсную массу должника. В статье «Цифровые финансовые активы и валюта в делах о несостоятельности (банкротстве)» Д. А. Гаврин [4] рассматривает проблематику включения цифровых финансовых активов и валюты в конкурентную массу должника. В настоящее время идут активные дискуссии на тему признания цифровой валюты имуществом. С одной стороны коллеги считают, что она является имуществом, а другие нет. Возникает вопрос: как все-таки законодатель относится к включению криптовалюты в конкурентную массу должника? В работе были рассмотрены проблема определения стейблкоинов в законодательстве РФ, а также вопрос включения криптовалюты в конкурсную массу должника.

Далее авторы предлагают рассмотреть судебную практику. Одним из первых дел, где возник вопрос отнесения криптовалюты к имуществу принято считать дело Царькова (№А40-124668/2017) [9], которое рассматривалось в 2017-2018 годах. Суть дела заключается в том, что должник сообщил о том, что у него есть некоторая сумма в биткоинах, которую можно включить в конкурсную массу. Суд отказался это делать, сославшись на то, что в российском законодательстве не урегулированы правоотношения по поводу криптовалюты. Однако вторая инстанция трактовала криптовалюту, как «иное имущество» и отказ от включения его в конкурентную массу должника нарушает права кредиторов. Девятый апелляционный арбитражный суд согласился с финансовым управляющим и включил биткойны в конкурсную массу. Рассмотрим дело, где криптовалюту не признали легальным объектом и не включили в конкурентную массу должника. Арбитражный суд Поволжского округа [12] в деле № А57-21957/2017 установил, что криптовалюта не относится к объектам гражданских прав и находится вне правового регулирования на тер-

ритории Российской Федерации. Таким образом, исполнение сделок с данным объектом не обеспечивается принудительной силой государства, также суд установил, что отсутствие единого контролирующего центра в системе криптовалют не позволяет установить конкретное лицо, которому она принадлежит. В 2026 году можно утверждать, что криптовалюта все-таки входит в состав конкурсной массы и первым правовым механизмом включения является запрос арбитражного управляющего. Статья 20.3. ФЗ

«О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 предусматривает запрос на информацию о должнике и о составе его имущества. В статье 213.9. того же закона предусмотрено обязательство гражданина предоставить любые сведения о своем имуществе по требованию арбитражного управлявшего. [18] В результате сложившейся практики и на основе ФЗ № 127 для включения криптовалюты в состав конкурсной массы должника необходимо наличие доказательств у арбитражного управляющего о наличии её у должника или же предоставление самим должником доказательств. В результате сложившейся судебной практики арбитражные управляющие все чаще сталкиваются с обнаружением у должника цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Арбитражные управляющие в настоящее время имеют права истребовать у должника сведения о наличии цифровых активов или иного. Однако возникают и другие проблемы: как истребовать криптовалюту у должника? Рассмотрим работу Хоменко Е.Г. «Возможности использования криптовалюты в банковской деятельности: правовой аспект» [17]. В работе автор утверждает, что криптовалюта не является объектом гражданских прав, по причине того, что законодательно не определено чем именно она является с правовой точки зрения. Проблема взыскания криптовалюты в процедуре банкротства также связана с тем, что анонимность пользователей криптовалюты не позволяет должным образом установить ее принадлежность к конкретному лицу. Елена Георгиевна также пишет, что в российском законодательстве отсутствует порядок исчисления налогов от операций с криптовалютой. Данные дискуссии подтверждают, что в российском законодательстве статус криптовалюты не позволяет использовать её в процедуре банкротства.

Эмпирическая часть данного исследования была проведена методом экспертного интервью, в котором приняли участие юристы в сфере цифрового и финансового права. Задача интервью состояла в том, чтобы понять, что простым предпринимателям не хватает в законодательстве Российской Федерации и с какими проблемами они сталкиваются. Экспертное интервью не обязывает проводить массовый сбор информации, поэтому было взято 10 интервью у представителей сферы. В процессе интервью респонденты делились опытом по работе со стейблкоином и сложностями в регулировании его российским законодательством. Также в рамках интервью были проанализированы вопросы лицензирования операторов, налогового законодательства и перспективы легального внедрения стейблкоинов в РФ. Один из респондентов отмечает, что стейблкоин является одним из основных платежных инструментов для международных платежей на момент 2025 года, поэтому вопросы легальности и регулирования данного актива являются крайне актуальными. Самой значимой проблемой респонденты выделяют запрет оплаты криптовалютой на территории Российской Федерации. Респонденты отмечают, что ранее запрет распространялся только на цифровые финансовые активы, но сейчас действует и на криптовалюту. На уточняющий вопрос «Не могли бы Вы привести пример противоречия между практикой и теорией в использовании стейблкоина?» в одном из интервью респондент ответил, что правовая коллизия может возникать при оплате международных поставок криптовалютой, которые поступают на российский рынок. Таким образом, поступающие товары оплачиваются незаконным для Российской Федерации образом. Исходя из этого, взаимодействовать с внешним рынком и осуществлять услуги является затруднительным процессом, и оплата поступает в виде криптовалюты, которая является имуществом. Таким образом, нельзя сказать, что компания получила оплату товара. В данном случае компания получает какую-то криптовалюту в виде стейблкоина. На вопрос «Как часто Вы сталкиваетесь с проблемами правового регулирования стейблкоина» респонденты выделили институциональную проблему в регулировании оборота криптовалют. Респондент приводит пример проблемы по оплате товара за рубежом с поступлением денежных средств на территорию Российской Федерации:

«даже если услуга выполнена, то есть мы представляем гипотетическую ситуацию, вернее, не гипотетическую, а реальную ситуацию, когда происходит, допустим, мы выполнили какие-то услуги, заплатили за рубежа, криптовалютой. Потом эту криптовалюту здесь, в России, поменяли на фиатный рубль. Получилось так, что за белые услуги, за белый, по сути, платеж, в конечном итоге возникает проблема, потому что 4 непосредственно рубль, который перевели за эту криптовалюту, может оказаться с сомнительным происхождением. Из-за отсутствия регулирования могут возникать трудности, которые могут привлечь больше проблемы с законодательством.»

Проведённое исследование позволило выявить системные пробелы в правовом регулиро-

вании стейблкоинов в Российской Федерации: отсутствие легального определения, неопределённость их места в системе объектов гражданских прав, коллизии между запретом на использование в качестве платёжного средства и фактическим применением в международных расчётах, а также неурегулированность вопросов налогообложения и включения в конкурсную массу при банкротстве.

Для устранения указанных недостатков авторы предлагают следующий комплекс мер.

Предлагается внести в Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дополнение в статью 1, изложив её в следующей редакции (дополнительный абзац):

«стейблкоин (стабильная цифровая валюта) – вид цифровой валюты, стоимость которого поддерживается на стабильном уровне путём привязки к одному или нескольким активам (фиатным валютам, товарам, иным цифровым валютам) либо с использованием алгоритмического механизма регулирования предложения; стейблкоин может иметь эмитента, несущего обязательства перед держателями, либо быть децентрализованным без обязанного лица. Правовой режим стейблкоина определяется в зависимости от наличия эмитента и механизма обеспечения стабильности его стоимости».

Одновременно целесообразно дополнить статью 128 Гражданского кодекса РФ, указав в перечне объектов гражданских прав после слов «иное имущество» слова», в том числе цифровая валюта и стейблкоины». Это позволит окончательно признать стейблкоины объектом гражданских прав и распространить на них общие правила об имуществе, включая возможность обращения взыскания.

Для единообразного применения законодательства предлагается классифицировать стейблкоины по трём основным критериям: наличие эмитента, механизм обеспечения стабильности и степень централизации (децентрализации). На основе этих критериев устанавливаются следующие правовые режимы, указанные в таблице 2.

Таблица 2. Критерии классификации стейблкоина

№	*Критерий*	*Вид стейблкоина*	*Рекомендуемый правовой режим*
1.	Наличие эмитента и обеспечение фиатными активами, товарами или иными ликвидными ресурсами	Обеспеченные стейблкоины (фиатные, товарные, криптовалютные)	Квалифицировать по аналогии с цифровыми финансовыми активами (ЦФА) с обязательной регистрацией эмитента, раскрытием состава и размера резервов, а также периодическим аудитом. При соответствии признакам ценной бумаги (ст. 142 ГК РФ) – применять режим ценных бумаг
2.	Отсутствие эмитента, поддержание стоимости исключительно алгоритмическими методами	Необеспеченные (алгоритмические) стейблкоины	Относить к цифровой валюте в понимании ФЗ № 259-ФЗ (децентрализованный актив без обязанного лица) с распространением на них правил о цифровой валюте, включая запрет на использование в качестве платёжного средства на территории РФ.
3.	Сочетание обеспеченного и алгоритмического механизмов	Гибридные стейблкоины	Применять режим в зависимости от преобладающшл механизма: если доля обеспечения превышает 50% - режим обеспеченных стейблкоинов; если алгоритмическая составляющая доминирует – режим цифровой валюты

Данный подход соответствует принципу «same activity, same risks, same regulation» (Перевод: Одна и та же деятельность, одни и те же риски, одно и то же регулирование) и позволяет гибко реагировать на появление новых видов стабильных монет без необходимости каждый раз менять законодательство.

Судебная практика признала возможность включения криптовалюты в конкурсную массу как «иного имущества», однако порядок её хранения и реализации законодательно не урегулирован.

В части хранения предлагается:

Закрепить в Законе о банкротстве правило об обязательном использовании «холодных» (аппаратных) кошельков для хранения криптовалюты, включённой в конкурсную массу.

Создать институт цифровых депозитариев – специализированных организаций, аккредитованных при арбитражных судах, которые принимают на хранение цифровые активы и обеспечивают их учёт.

В части реализации предлагается:

Определить порядок продажи криптовалюты через организаторов торгов, имеющих лицензию на работу с цифровыми активами, либо через конвертацию в фиатную валюту на российских криптобиржах, включённых в реестр ЦБ РФ.

Для стейблкоинов предусмотреть упрощённый порядок реализации: начальная цена устанавливается с использованием официального курса соответствующей валюты к рублю, установленного ЦБ РФ на день торгов, без привлечения оценщика.

Разрешить управляющему заключать договоры с кастодианами (профессиональными хранителями) для обеспечения безопасной передачи криптоактивов от должника к покупателю.

Предложенный подход не требует революционной перестройки законодательства, а основывается на уже существующих категориях (цифровая валюта, ЦФА, ценная бумага, имущество),

что делает его реализуемым в краткосрочной перспективе.

Список литературы:

[1] Абрамова Марина Александровна, Куницына Наталья Николаевна, Дюдикова Екатерина Ивановна Перспективы внедрения цифрового рубля в денежный оборот России: атрибуты и принципы формирования доверенной цифровой среды // Финансы: теория и практика. 2023. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-vnedreniya-tsifrovogo-rublya-v-denezhnyy-oborot-rossii-atributy-i-printsipy-formirovaniya-doverennoy-tsifrovoy-sredy (дата обращения: 20.11.2025);.

[2] Бочкова Светлана Сергеевна Экспериментальный правовой режим как механизм внедрения цифровых инноваций в предпринимательскую деятельность // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnyy-pravovoy-rezhim-kak-mehanizm-vnedreniya-tsifrovyh-innovatsiy-v-predprinimatelskuyu-deyatelnost (дата обращения: 27.06.2026);.

[3] Кузнецова Валентина Вильевна, Ларина Ольга Игоревна Эмиссия цифровых валют центральными банками: направления развития и ключевые риски // Финансы: теория и практика. 2023. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emissiya-tsifrovyh-valyut-tsentralnymi-bankami-napravleniya-razvitiya-i-klyuchevye-riski (дата обращения: 10. 12.2025);.

[4] Гаврин Денис Александрович цифровые финансовые активы и валюта в делах о несостоятельности (банкротстве) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-aktivy-i-valyuta-v-delah-o-nesostoyatelnosti-bankrotstve (дата обращения: 28.06.2026);.

[5] Горбачева Т. А. Понятие стейблкоинов и актуальное состояние рынка стабильных монет // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 1. С. 126–139. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-1-126-139..

[6] Грошев С.А. Цифровая валюта и стейблкоин: соотношение понятий для целей налогового регулирования // Налоги и налогообложение. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-065X.2024.6.72039 EDN: MDEDWUURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72039;.

[7] Криптовалюты: тренды, риски, меры // Центральный Банк России URL:https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

[8] Новоселова Л.А., Медведева Т.М. О формировании правового режима стейблкоинов // Банковское право. 2021. № 6;.

[9] О несостоятельности (банкротстве) организаций и граждан // Электронное правосудие URL: https://kad.arbitr.ru/Card/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a (дата обращения: 09.07.2026).

[10] Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 29 сентября 2025 г. N 03-07-11/93982 О применении НДС в отношении операций с цифровой валютой // Гарант.ру URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412811855/?ysclid=mjlspz1i2b96901228 (дата обращения: 25.12.2025).

[11] Понкин Игорь Владиславович, Куприяновский Василий Павлович, Понкин Дмитрий Игоревич FINTECH, REGTECH и регуляторные песочницы: понятие, цифровая онтология, перспективы // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2020. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fintech-regtech-i-regulyatornye-pesochnitsy-ponyatie-tsifrovaya-ontologiya-perspektivy (дата обращения: 28.06.2026);.

[12] Постановление от 18 октября 2018 г. по делу № А57-21957/2017 // Судебные и нормативные акты РФ URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/a6xjTVnOVk6a/ (дата обращения: 09.07.2026).

[13] Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.,2020.

[14] Сахаров Дмитрий Михайлович Цифровые валюты Центральных банков: ключевые характеристики и влияние на финансовую систему // Финансы: теория и практика. 2021. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-valyuty-tsentralnyh-bankov-klyuchevye-harakteristiki-i-vliyanie-na-finansovuyu-sistemu (дата обращения: 16.12.2025);.

[15] Стейблкоины: опыт использования и регулирования // Центральный Банк России URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/162005/analytical_report_10072024.pdf (дата обращения: 25.12.2025);.

[16] Федотова А.М. Стейблкоины: перспективы правового регулирования и доктринальное обоснование // Право и управление. - 2025. - № 6. - С. 460;.

[17] Хоменко, Е. Г. Возможности использования криптовалюты в банковской деятельности: правовой аспект / Е. Г. Хоменко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 10(50). – С. 97-103. – DOI 10.17803/2311-5998.2018.50.10.097-103. – EDN YPTJBZ;.

[18] Хорошавин М.Ю. К вопросу о включении криптовалюты в состав конкурсной массы должника при банкротстве // Цивилист. 2024. № 4. С. 66–73.

References:

[1] Abramova Marina Aleksandrovna, Kunitsyna Natalya Nikolaevna, Dyudikova Ekaterina Ivanovna Prospects for the introduction of the digital ruble

in the money turnover of Russia: attributes and principles of forming a trusted digital environment // Finance: theory and practice. 2023. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-vnedreniya-tsifrovogo-rublya-v-denezhnyy-oborot-rossii-atributy-i-printsipy-formirovaniya-doverennoy-tsifrovoy-sredy (дата обращения: 20.11.2025);.

[2] Bochkova Svetlana Sergeevna Experimental legal regime as a mechanism for introducing digital innovations in entrepreneurial activity // Economics. Taxes. Right. 2021. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnyy-pravovoy-rezhim-kak-mehanizm-vnedreniya-tsifrovyh-innovatsiy-v-predprinim atelskuyu-deyatelnost (дата обращения: 27.06.2026);.

[3] Kuznetsova Valentina Vilyevna, Larina Olga Igorevna Digital currency issue by central banks: directions of development and key risks // Finance: theory and practice. 2023. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/emissiya-tsifrovyh-valyut-tsentralnymi-bankami-napravleniya-razvitiya-i-klyuchevye-riski (дата обращения: 10. 12.2025);.

[4] Gavrin Denis Alexandrovich digital financial assets and currency in insolvency (bankruptcy) cases // Russian law: education, practice, science. 2023. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-aktivy-i-valyuta-v-delah-o-nesostoyatelnosti-bankrotstve (дата обращения: 28.06.2026);.

[5] Gorbachev T. A. The concept of stablecoins and the current state of the stable coin market // Financial Journal. 2022. T. 14. № 1. S. 126-139. https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-1-126-139..

[6] Groshev S.A. Digital currency and stablecoin: correlation of concepts for tax regulation purposes // Taxes and taxation. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-065X.2024.6.72039 EDN: MDEDWUURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72039;.

[7] Cryptocurrencies: trends, risks, measures // Central Bank of Russia URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (circulation date: 10.11.2025).

[8] Novoselova L.A., Medvedeva T.M. On the formation of the legal regime of stablecoins // Banking law. 2021. № 6;.

[9] On insolvency (bankruptcy) of organizations and citizens // Electronic justice URL: https://kad.arbitr.ru/Card/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a (date of appeal: 09.07.2026).

[10] Letter of the Tax Policy Department of the Ministry of Finance of Russia dated September 29, 2025 No. 03-07-11 / 93982 On the application of VAT in relation to transactions with digital currency // Гарант.ру URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412811855/?ysclid=mjlspz1i2b96901228 (date of reference: 25.12.2025).

[11] Ponkin Igor Vladislavovich, Kupriyanovsky Vasily Pavlovich, Ponkin Dmitry Igorevich FINTECH, REGTECH and regulatory sandboxes: concept, digital ontology, prospects // Modern information technologies and IT education. 2020. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fintech-regtech-i-regulyatornye-pesochnitsy-ponyatie-tsifrovaya-ontologiya-perspektivy (дата обращения: 28.06.2026);.

[12] Resolution of October 18, 2018 in case No. A57-21957/2017 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/a6xjTVnOVk6a/ (date of appeal: 09.07.2026).

[13] Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Digital assets: legal analysis: monograph. M., 2020.

[14] Dmitry Sakharov Digital currencies of central banks: key characteristics and impact on the financial system // Finance: theory and practice. 2021. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-valyuty-tsentralnyh-bankov-klyuchevye-harakteristiki-i-vliyanie-na-finansovuyu-sistemu (дата обращения: 16.12.2025);.

[15] Stablecoins: experience in use and regulation // Central Bank of Russia URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/162005/analytical_report_10072024.pdf (circulation date: 25.12.2025);.

[16] Fedotova A.M. Stablecoins: prospects for legal regulation and doctrinal justification // Law and management. - 2025. - № 6. - S. 460;.

[17] Khomenko, E. G. Possibilities of using cryptocurrency in banking: legal aspect / E. G. Khomenko // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). – 2018. – № 10(50). - S. 97-103. – DOI 10.17803/2311-5998.2018.50.10.097-103. – EDN YPTJBZ;.

[18] Khoroshavin M.Yu. On the issue of including cryptocurrency in the bankruptcy estate of the debtor in bankruptcy // Civilist. 2024. № 4. S. 66-73.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-94-97

ПИВНЕНКО Денис Леонидович,
заместитель председателя комитета государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области, старший преподаватель кафедры юриспруденции и психологии ВФ ВолГУ, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Волгоградский государственный университет,
e-mail: denispiv.2022@mail.ru

ПОЛОЖЕНИЕ О ЗОНАХ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ИЗМЕНЕНИЯ ПОДХОДОВ К РЕГЛАМЕНТАЦИИ СОСТАВА ЛИЦ, УПРАВОМОЧЕННЫХ ВЫСТУПАТЬ ЗАКАЗЧИКАМИ ПРОЕКТОВ ИНЫХ РЕЖИМОВ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. *Работа посвящена исследованию ряда дискуссионных аспектов регламентации состава лиц, обладающих правом выступать заказчиками разработки проектов предметов охраны, границ территорий и защитных зон объектов культурного наследия. Обоснованы положения о противоречивости названного регулирования, которому присуще одновременное сочетание неопределенного и исключительного узкого субъектного состава. Аргументировано, что текущая регламентация не в полной мере отвечает задачам охраны объектов культурного наследия, принципам гражданского права, а также не обеспечивает защиту прав правообладателей объектов культурного наследия и других вещей от недобросовестного поведения. По итогам исследования предложены корректировки законодательства, за основу которых принято измененное Положение о зонах охраны объектов культурного наследия, направленные на уточнение перечня субъектов, правомочных выступать заказчиками указанных выше проектов и соблюдение баланса публичных и частных интересов в сфере охраны объектов культурного наследия.*

Ключевые слова: *объекты культурного наследия, правовые режимы, заказчики работ, субъектный состав, добросовестность, баланс частных и публичных интересов.*

PIVNENKO Denis Leonidovich,
Deputy Chairman of the Committee for the State Protection of Cultural Heritage Sites of the Volgograd Region, Senior lecturer at the Department of Law and Psychology Volzhsky Branch of Volgograd State University, Candidate of the academic degree of Candidate of Legal Sciences Volgograd State University

REGULATIONS ON PROTECTION ZONES FOR CULTURAL HERITAGE OBJECTS AS A PREREQUISITE FOR CHANGING APPROACHES TO REGULATING THE LIST OF PERSONS AUTHORIZED TO ACT AS CUSTOMERS FOR PROJECTS OF OTHER REGIMES FOR CULTURAL HERITAGE OBJECTS

Annotation. *The work is devoted to the study of a number of controversial aspects of regulating the composition of persons who have the right to act as customers for the development of projects related to the objects of protection, the boundaries of territories, and the protective zones of cultural heritage sites. The provisions on the contradictory nature of the said regulation, which is characterized by a simultaneous*

combination of an undefined and an exceptionally narrow subject composition, are substantiated. It has been argued that the current regulations do not fully meet the objectives of protecting cultural heritage sites, the principles of civil law, and also do not ensure the protection of the rights of the owners of cultural heritage sites and other property from unfair behavior. Based on the study's findings, amendments to the legislation have been proposed, based on the amended Regulation on Protection Zones for Cultural Heritage Sites. These amendments are aimed at clarifying the list of entities authorized to act as customers for the aforementioned projects and at ensuring a balance between public and private interests in the field of cultural heritage protection.

Key words: *cultural heritage sites, legal regimes, work customers, subject composition, conscientiousness, balance of private and public interests.*

Актуальность темы исследования обусловлена нормами Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ и Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об ОКН), закрепляющими общие принципы взаимонаправленных действий частных и публичных субъектов по охране объектов культурного наследия (далее – ОКН) при гарантированной защите беспрепятственно осуществляемых гражданских прав от произвольного вмешательства.

Реализация вышеуказанных принципов, направленных на обеспечение баланса частных и публичных интересов, очевидно, должна проявляться не только в концептуальных положениях законодательства, но и во вполне конкретной регламентации конкретных правовых явлений, к которым надлежит причислить и разработку режимов ОКН, под которыми в целях настоящего исследования понимаются предметы охраны, границы территорий, защитные зон и зоны охраны ОКН.

Вместе с тем, анализ законодательства РФ показывает, что сфере охраны ОКН присуще наличие ряда дискуссионных аспектов относительно состава лиц, управомоченных на разработку проектов названных режимов, как не в полной мере отвечающих заявленным выше принципам, так и не получивших должного освещения в научной литературе.

В то же время, данные аспекты оказывают прямое воздействие на объем и пределы реализации гражданских прав правообладателей ОКН, а также вещей, не являющихся ОКН, осложняемых режимами ОКН, как обязательного элемента любой деятельности, связываемой с охраной любого объекта [1].

Общие требования к разработке проектов границ территорий ОКН (далее – ГТ ОКН), зон охраны ОКН (далее – ЗО ОКН), защитных зон ОКН, отличных от указанных в Законе об ОКН (далее – ЗЗ ОКН) закреплены, соответственно, в статьях 3.1, 34 и 34.1 Закона об ОКН, находящие свою конкретизацию в соответствующих подзаконных нормативных правовых актах (далее – НПА).

Имеются в виду постановления Правительства РФ от 12 сентября 2015 г. № 972 «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации» (далее – Постановление № 972), от 14 декабря 2016 г. № 1357 «Об утверждении Положения о принятии региональным органом охраны объектов культурного наследия решения, предусматривающего установление границ защитной зоны объекта культурного наследия на расстоянии, отличном от расстояний, предусмотренных пунктами 3 и 4 статьи 34.1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы с учетом историко-градостроительного и ландшафтного окружения такого объекта культурного наследия и о внесении изменений в Положение о государственной историко-культурной экспертизе» (далее – Постановление № 1357) и приказ Минкультуры России от 04 июня 2015 г. № 1745 «Об утверждении требований к составлению проектов границ территорий объектов культурного наследия» (далее – Приказ № 1745).

При этом, примечательным является тот факт, что разработка проектов предметов охраны ОКН (далее – ПО ОКН) находит свою регламентацию исключительно в приказе Минкультуры России от 13 января 2016 г. № 28 «Об утверждении Порядка определения предмета охраны объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в соответствии со статьей 64 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Приказ № 28).

Анализ представленных выше НПА показывает, что, как оказывается, заказчиками разработки проектов ПО ОКН (Приказ № 28) и ГТ ОКН

(Приказ № 1745), фактически, может выступать неограниченный круг субъектов, что также было характерно и для разработки проектов ЗО ОКН (Постановление № 972) до принятия соответствующего НПА – постановления Правительства РФ от 27 декабря 2024 г. № 1936 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 12 сентября 2015 г. № 972», которым был пересмотрен сформированный подход к составу субъектов, обладающих правом выступить заказчиком разработки данных режимов ОКН.

Исключение представляет разработка проектов ЗЗ ОКН (Постановление № 1357), заказчиками которых законодатель определил только лишь региональные органы охраны ОКН.

Вместе с тем, представляется, что как неограниченный, так и абсолютно ограниченный круг заказчиков вышеуказанных проектов не отвечает ни задачам охраны ОКН, ни принципам гражданского права [2], в сочетании которых и надлежит оформиться искомому балансу частных и публичных интересов [3].

В рассматриваемом аспекте ключевыми вопросами субъектного состава заказчиков ПО ОКН, ГТ ОКН, ЗЗ ОКН и ЗО ОКН видятся, с одной стороны, добросовестность их действий, с другой – оказываемое такими действиями влияние на права и обязанности других участников гражданских правоотношений.

Иными словами, если заказчиком разработки проектов режимов ОКН может являться любой субъект, в том числе не являющийся правообладателем ОКН либо вещи, осложняемой режимами ОКН, то всегда ли его действия добросовестны, что, однако, предполагается [4], и направлены именно на обеспечение охраны ОКН, а не на ограничение прав другого субъекта посредством легализованного ограничения прав режимами ОКН.

В то же время, если заказчиком разработки проектов режимов ОКН является исключительно один, хотя и публичный, субъект, который, собственно, впоследствии и утверждает данные режимы (Постановление № 1357), будет ли им на взаимообусловленной основе учтены публичные и частные интересы.

Сказанному, среди прочего затрудняемому рядом вопросов доступа к информации об ОКН [5], очевидно, возможно противопоставить тезис о презюмирующем характере добросовестности и возможности защиты нарушенных гражданских прав, в том числе посредством обжалования НПА, принятых на основании рассматриваемых проектов режимов ОКН [6].

Вместе с тем, данному утверждению, в свою очередь, следует возражение о том, что, при прочих равных условиях, судебная защита нарушенных прав все же весьма длительна и трудозатратна, в то время как соответствующая вещь уже наделена тем или иными правовым режимом, ограничивающим правоспособность ее обладателя.

В связи с этим, видится, что состав лиц, которым может быть предоставлено право выступить заказчиком проектов режимов ОКН, необходимо пересмотреть посредством реализации, казалось бы, взаимоисключающих друг друга подходов, предусматривающих, его одновременное сужение и расширение.

Так, обоснованным представляется, что в качестве заказчиков проектов ПО ОКН, ГТ ОКН, ЗО ОКН и ЗЗ ОКН должны быть определены: а) уполномоченные органы охраны ОКН в силу предоставленной им компетенции по государственной охране названных объектов; б) собственники ОКН, режимы которых, очевидно, напрямую оказывают влияние на объемы и пределы реализуемых в их отношении прав; в) собственники вещей, не являющихся ОКН, как только соответствующий правовой режим воздействует или может оказать воздействие на их права и обязанности (например, собственник объекта капитального строительства, не обладающего режимом ОКН, однако, располагающегося в ГТ ОКН или ЗО ОКН).

Именно такое понимание исследуемого вопроса, по мнению автора, во-первых, исключит саму потенциальную возможность недобросовестного поведения субъектов по отношению к не принадлежащим им вещам-ОКН, а также вещам, осложняемым режимами ОКН (возможность воздействия третьих лиц на гражданские права и обязанности их обладателей): разработка проектов ПО ОКН, ГТ ОКН и ЗО ОКН, и, во-вторых, устранит дисбаланс частных и публичных интересов, при котором ограничение гражданских прав ставится в зависимость исключительно от правореализационных возможностей уполномоченных в сфере охраны ОКН органов власти: разработка проектов ЗЗ ОКН.

В рассматриваемом аспекте примечательным является Постановление № 972 в его измененной и приведенной ранее редакции, закрепившее закрытый перечень субъектов, которым предоставлено право обратиться в уполномоченный орган власти с заявлением о выдаче решения о разработке ЗО ОКН, то есть, фактически, выступить заказчиком соответствующих работ, при видящейся дискуссионности включения в указанный перечень общественных объединений и самой процедуры получения названного разрешения.

Представляется, что реализованный в Постановлении № 972 концептуальный подход к субъектному составу заказчиков не только обоснован по вышеизложенным причинам, но и должен быть распространен на правовое регулиро-

вание разработки иных режимов ОКН как наиболее отвечающий задачам охраны ОКН, принципам гражданского права и обеспечивающий баланс частных и публичных интересов.

В связи с этим, предлагается использовать данный опыт состоявшейся регламентации в сфере охраны ОКН и определить соответствующий субъектный состав в Постановлении № 1357 (ЗЗ ОКН), а также приказах № 28 (ПО ОКН) и 1745 (ГТ ОКН).

Подводя итоги публикации, автор приходит к выводу о недостаточной обоснованности текущей регламентации состава лиц, обладающих правом выступить заказчиками проектов режимов ОКН (ПО ОКН, ГТ ОКН, ЗЗ ОКН), чему следует потенциальная возможность злоупотребления правом, а также отсутствие гарантированной защиты правообладателей ОКН и иных вещей, осложняемых режимами ОКН от недобросовестного поведения. Законодательство РФ требует внесения предложенных в работе корректировок, в основе которых лежит измененное Положение о ЗО ОКН, направленные на обеспечение объективного баланса публичных и частных интересов в области охраны ОКН.

Список литературы:

[1] Шаронов С.А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015. 445 с.

[2] Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Ем В.С. и др.]; отв. ред. – Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. 720 с.

[3] Гарбовский А.И. Баланс частного и публичного интересов в российском праве. Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 17 (4). С. 4-7.

[4] Плехова Ю.О., Шонгин М.А. Понятие, содержание и реализация принципа добросовестности в гражданском праве // Право и практика. 2023. № 1. С. 63-67.

[5] Пивненко Д.Л. Право на пользование информацией об объекте культурного наследия // Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах. Казань, 2024. С. 93-97.

[6] Кузнецова О.А. Признание актов, содержащих нормы гражданского права недействительными и недействующими // Пермский юридический альманах. 2020. № 3. С. 420-429.

References:

[1] Sharonov S.A. Civil and Legal Regulation of Security Activities in the Russian Federation: dis. … Dr. of Law. sciences. Volgograd, 2015. 445 s.

[2] Civil Law. In 4 vols. Vol. 1: General Part: textbook. for university students studying in the field of 521400 “Jurisprudence” and in the specialty 021100 “Jurisprudence” / [Em V.S. et al.]; ed. by E.A. Sukhanov. – 3rd ed., revised and expanded. – Moscow: Wolters Kluwer, 2006. 720 s.

[3] Garbovsky A.I. The balance of private and public interests in Russian law. Legal Bulletin of the Kuban State University. 2025. № 17 (4). S. 4-7.

[4] Plekhova Yu.O., Shongin M.A. The Concept, Content, and Implementation of the Principle of Good Faith in Civil Law // Law and Practice. 2023. № 1. S. 63-67.

[5] Pivnenko D.L. The Right to Use Information about a Cultural Heritage Site // Digital Technologies and Law. Collection of Scientific Papers of the III International Scientific and Practical Conference. In 6 volumes. Kazan, 2024. S. 93-97.

[6] Kuznetsova O.A. Recognition of acts containing norms of civil law as invalid and ineffective // Perm Legal Almanac. 2020. № 3. S. 420-429.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-98-101

ЦХОВРЕБОВА Карина Акимовна,
судья Верховного суда Республики Южная Осетия,
e-mail: evsfrf@gmail.com

СУДЕБНЫЙ НОРМОКОНТРОЛЬ КАК ЭЛЕМЕНТ КОНСТИТУЦИОННОЙ СИСТЕМЫ СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию судебного нормоконтроля как неотъемлемого элемента конституционной системы сдержек и противовесов. Рассматриваются правовая природа, функции и формы нормоконтроля, его роль в обеспечении верховенства Конституции и баланса между ветвями государственной власти. Автор анализирует конституционные основы судебного нормоконтроля в Российской Федерации, а также его взаимодействие с контрольными полномочиями законодательной и исполнительной властей. Особое внимание уделяется значению нормоконтроля для защиты прав и свобод граждан, устранения дефектов законодательства и предотвращения злоупотреблений властью. В работе обосновывается, что судебный нормоконтроль является не просто вспомогательной функцией судов, а фундаментальным институтом, достраивающим механизм разделения властей и обеспечивающим устойчивость конституционного строя.*

Ключевые слова: *судебный нормоконтроль, разделение властей, конституционное правосудие, баланс властей, правовые дефекты.*

TSKHOVREBOVA Karina Akimovna,
Judge of the Supreme Court of the Republic of South Ossetia

JUDICIAL REVIEW AS AN ELEMENT OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM OF CHECKS AND BALANCES

Annotation. *This article examines judicial review as an integral element of the constitutional system of checks and balances. It examines the legal nature, functions, and forms of judicial review, as well as its role in ensuring the supremacy of the Constitution and the balance between the branches of government. The author analyzes the constitutional foundations of judicial review in the Russian Federation, as well as its interaction with the oversight powers of the legislative and executive branches. Particular attention is paid to the importance of judicial review for protecting the rights and freedoms of citizens, eliminating legislative defects, and preventing abuses of power. The paper argues that judicial review is not simply an auxiliary function of the courts, but a fundamental institution that complements the mechanism of separation of powers and ensures the stability of the constitutional order.*

Key words: *judicial review, separation of powers, constitutional justice, balance of powers, legal defects.*

Судебный нормоконтроль представляет собой деятельность органов судебной власти, направленную на проверку соответствия нормативных правовых актов актам, обладающим более высокой юридической силой. В юридической литературе его сущность определяется с различных позиций: он рассматривается как функция, задача, средство, деятельность или процесс судебной власти. Однако наиболее точно отражает его природу понимание нормоконтроля как одной из ключевых функций судебной власти, через которую реализуется ее предназначение.

Функция нормоконтроля возводит суд в ранг одного из основных видов власти, превращает

его в элемент системы сдержек и противовесов, основанного на принципе разделения властей. Принцип разделения властей является одним из фундаментальных оснований современного конституционализма. Он лежит в основе организации государственной власти в подавляющем большинстве современных государств, исключающим возможность соединения законодательной, исполнительной и судебной власти в одних руках. Концепция разделения властей прошла длительный путь развития — от разрозненных античных идей и средневековых теорий смешанного правления до классической доктрины эпохи Просвещения и её последующей институционализации в конституционной практике различных государств. Теория разделения властей - одна из фундаментальных идей европейского Просвещения, связываемая в общественном сознании прежде всего с именами Дж. Локка и Ш. Монтескье. При этом, важно напомнить, что активизация внимания исследователей к российскому правовому наследию, «обуславливает особое внимание к отечественным источникам права, как способу сохранения своего цивилизационного кода» [1], демонстрация того, что Россия на протяжении столетий создавала для себя и предлагала миру оригинальные правовые концепции, основанные на идеях справедливости, державности, соборности [4].

Можно привети много примеров формирования российских концепций разделения властей [6], одна из них предложена С.Е. Десницким. Он полагал необходимым наличие трех ветвей власти – «законодательной, судительной и наказательной» (Кроме того, он обосновывал необходимость формирования «гражданской власти», понимая под ней «четвертую власть» – городское самоуправление). Его «проект конституционных преобразований, изложенный в работе «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» (1768), представляет собой уникальную попытку соединить политико-правовые идеи Просвещения с российской самодержавной традицией и заложить основы отечественного конституционализма» [1]. Главными, по мнению Десницкого, в государстве являются три власти: законодательная, исполнительная и судительная. Их основные функции – «законы делать, судить по законам и производить суд во исполнение» [3]. При этом он особо отмечал важное условие, которое состояло в том, чтобы «одна власть не выходила из своего предела в другую» [3].

В контексте системы сдержек и противовесов судебную власть характеризуют не столько правосудие в традиционном смысле, сколько юридическая возможность оказывать влияние на решения и действия законодательной и исполнительной властей, уравновешивать их. Институциональной формой, закрепившей эту новую функцию, стал судебный нормоконтроль.

Судебный нормоконтроль позволяет судам уравновешивать функции разных ветвей власти. Судебный нормоконтроль позволяет не допустить деформацию баланса властей, устанавливая барьер перед попыткой того или иного органа государственной власти деформировать сложившийся баланс. Благодаря наличию института нормоконтроля органы судебной власти могут поставить барьер перед попытками законодательного или исполнительного органа выйти за пределы своих полномочий.

Конституционный нормоконтроль является важнейшей функцией судебной власти по защите основ конституционного строя, гарантированию прав и свобод человека и гражданина, утверждению верховенства Конституции Российской Федерации.

Судебный нормоконтроль служит вовлечению общих и арбитражных судов в организацию конституционного правосудия посредством запросов в Конституционный Суд о проверке примененного или подлежащего применению в конкретном деле закона на предмет его конституционности. Судебная власть должна обеспечить защиту прав граждан от любых правонарушающих действий и решений, от кого бы они ни исходили, в том числе от должностных лиц, обладающих властными полномочиями, и от государства в целом.

Нормоконтроль становится инструментом, благодаря которому становится возможным исправить дефекты права, нарушающие права и свободы человека и гражданина.

Конституционные основы судебного нормоконтроля в Российской Федерации закреплены в ряде положений Основного закона. Полномочия, основы организации и деятельности судебных органов, осуществляющих нормоконтроль, определены в Конституции РФ (в ст. 118, 126, 127, 129) и в соответствующих федеральных конституционных законах.

Принцип верховенства права воспроизведен в структуре современного конституционного строя России в положениях, касающихся непосредственного прямого действия основных прав и свобод [5].

Судебный нормоконтроль осуществляется в различных формах:

Конституционный нормоконтроль, осуществляемый Конституционным Судом Российской Федерации который является необходимым звеном механизма сдержек и противовесов.

Общий нормоконтроль, осуществляемый судами общей юрисдикции и арбитражными судами в рамках гражданского, арбитражного и

административного судопроизводства.

Предварительный и последующий нормоконтроль. Предварительный нормоконтроль осуществляется до вступления нормативного акта в силу (например, проверка законов до их подписания Президентом), а последующий — после его принятия. Предварительный нормоконтроль принимаемых законов имеет вспомогательное значение в соотношении с оправдавшим себя последующим конституционным контролем [2].

Нормоконтроль не является монополией исключительно судебной власти. Существует множественность субъектов нормоконтроля, включая судебные органы, органы прокуратуры, Министерство юстиции РФ, глав субъектов РФ, Президента РФ. Это создает сложную систему взаимодействия между ветвями власти.

Противовесом конституционному контролю выступают контрольные полномочия, присущие законодательной (представительной) и исполнительной ветвям государственной власти. Тем самым достигается равновесие властей в тех субъектах Российской Федерации, в которых учреждены и реально функционируют региональные органы конституционной юстиции.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что судебный нормоконтроль занимает ключевое место в системе сдержек и противовесов современного правового государства. Он реализует триединую задачу:

Обеспечивает верховенство Конституции, выступая гарантом иерархии нормативных актов и недопущения принятия законов и подзаконных актов, противоречащих основному закону.

Служит эффективным инструментом уравновешивания ветвей власти, предоставляя судам механизм правового воздействия на решения законодателя и исполнителя, что не позволяет ни одной из ветвей выйти за пределы своих конституционных полномочий.

Выступает важнейшей гарантией прав и свобод человека, поскольку даёт гражданам и организациям возможность оспаривать неконституционные нормы, а судам — восстанавливать нарушенную справедливость путём признания таких норм недействующими.

Судебный нормоконтроль не является узкоспециализированной процедурой, а представляет собой системообразующий элемент конституционной архитектуры. Его существование превращает судебную власть из пассивного арбитра в активного участника политико-правовых отношений, способного корректировать законодательные и управленческие ошибки. В условиях российской правовой системы нормоконтроль, осуществляемый как Конституционным Судом, так и судами общей юрисдикции и арбитражными судами, выступает надёжным барьером против деформации баланса властей и важным условием стабильности правопорядка. Дальнейшее развитие института судебного нормоконтроля должно быть направлено на повышение его доступности, процессуальной эффективности и согласованности действий различных судебных инстанций.

Таким образом, судебный нормоконтроль является не просто одной из функций судебной власти. Он представляет собой фундаментальный элемент конституционной системы сдержек и противовесов. В рамках судебного нормоконтроля реализуется концепция разделения властей и принципы сдержек и противовесов, что повышает значимость этого института. Он позволяет обеспечивать верховенство Конституции, защищать права и свободы граждан, уравновешивать деятельность законодательной и исполнительной властей, а также своевременно устранять дефекты в законодательстве. Тем самым, судебный нормоконтроль выступает одним из важнейших инструментов обеспечения конституционной законности и стабильности правовой системы, а также гарантией того, что ни одна из ветвей власти не сможет выйти за пределы своих конституционных полномочий.

Список литературы:

[1] Виноградова Е.В. Российское Просвещение и истоки отечественного конституционализма: вклад С.Е. Десницкого в теорию разделения властей. // Правовая политика и правовая жизнь. 2026. № 2. С. 209-214.

[2] Виноградова Е.В., Данилевская И.Л. Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. конституционный контроль “ex ante” как институт отечественного и зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С.7-18.

[3] Десницкий С. Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века: в 2 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. Т. 1. С. 292–334.

[4] Евсеев А. В. Идеи просвещенной монархии и законотворчество в период царствования Екатерины II / А. В. Евсеев, А. О. Лядов, И. И. Мушкет // История государства и права. 2001. № 2. С. 20–25.

[5] Савенков А.Н. Ценности конституции РФ в изменяющемся мире // Государство и право. – 2019. – № 3. С. 5-16.

[6] Соколова Е. С. Надсословная монархия в идеологических и государственно-правовых практиках России (середина XVII – первая треть XIX в.). М.: Юрлитинформ, 2021. 300 с.

References:

[1] Vinogradova E.V. Russian Enlightenment and the origins of domestic constitutionalism: the contribution of S.E. Desnitsky to the theory of the separation of powers // Legal policy and legal life. 2026. № 2. S. 209-214.

[2] E.V. Vinogradova, I.L. Danilevskaya. 2020 Amendments to the Constitution of the Russian Federation. constitutional control "ex ante" as an institution of domestic and foreign constitutionalism // State and law. 2020. № 5. S.7-18.

[3] Desnitsky S.E. Idea of the establishment of legislative, judicial and punitive power in the Russian Empire // Selected works of Russian thinkers of the second half of the 18th century: in 2 volumes. M.: State Publishing House of Political Literature, 1952. VOL. 1. S. 292-334.

[4] Evseev A. V. Ideas of an enlightened monarchy and lawmaking during the reign of Catherine II / A. V. Evseev, A. O. Lyadov, I. I. Musket // History of the state and law. 2001. № 2. S. 20-25.

[5] Savenkov A.N. Values of the Constitution of the Russian Federation in a Changing World // State and Law. – 2019. – № 3. S. 5-16.

[6] Sokolova E. S. Proverbial monarchy in the ideological and state-legal practices of Russia (mid-17th - first third of the 19th century). M.: Yurlitinform, 2021. 300 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-102-104

ЧЕПУРНЫХ Наталия Камировна,
доцент кафедры Судебно-экспертной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат технических наук, доцент,
e-mail: leonata3@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКСПЕРТИЗЫ ДОРОЖНЫХ УСЛОВИЙ В РАМКАХ СУДЕБНОЙ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация. *В статье рассматривается роль исследования технического состояния автомобильных дорог в структуре судебной автотехнической экспертизы. Анализируются нормативно-правовые требования Российской Федерации к эксплуатационному состоянию дорог, методы диагностики и их значение для установления причинно-следственной связи между дорожными условиями и фактом дорожно-транспортного происшествия. Обосновывается необходимость внедрения современных инструментальных методов контроля (лабораторий-профилографов, лазерных систем сканирования, ГИС-технологий) для повышения объективности экспертных заключений.*

Ключевые слова: *судебная автотехническая экспертиза, техническое состояние автомобильных дорог, безопасность дорожного движения, ГОСТ Р 50597-2017, дорожные условия, причинно-следственная связь, диагностика дорог, коэффициент сцепления.*

CHEPURNYKH N.K.,
Associate Professor of the Department of Forensic Expertise of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

LEGAL AND TECHNICAL ASPECTS OF THE EXPERTISE OF ROAD CONDITIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF FORENSIC AUTOMOTIVE TECHNICAL EXPERTISE

Annotation. *The article examines the role of studying the technical condition of roads in the structure of forensic automotive engineering expertise. The regulatory and legal requirements of the Russian Federation regarding the operational condition of roads, diagnostic methods, and their significance for establishing a cause-and-effect relationship between road conditions and the occurrence of a traffic accident are analysed. The necessity of introducing modern instrumental control methods (laboratory profilographs, laser scanning systems, GIS technologies) to improve the objectivity of expert conclusions is substantiated.*

Key words: *forensic automotive engineering, technical condition of roads, road safety, GOST R 50597-2017, road conditions, cause-and-effect relationship, road diagnostics, coefficient of adhesion.*

Судебная автотехническая экспертиза (САТЭ) – это род судебной инженерно-технической экспертизы представляет собой комплексное исследование с целью установления обстоятельств и причин дорожно- транспортного происшествия процессуальное действие, направленное на установление фактических данных о механизме дорожно-транспортного происшествия (ДТП), техническом состоянии транспортных средств и дорожных условий. Согласно сложившейся экспертной практике, дорожные условия являются одним из трех ключевых элементов системы «водитель — автомобиль — дорога», наряду с действиями водителя и техническим состоянием транспортного средства.

Традиционно в экспертной среде существовал «автоцентричный» подход, при котором основное внимание уделялось исследованию транспортного средства. Однако анализ статистики ДТП убедительно показывает, что неудовлетвори-

тельные дорожные условия достаточно часто выступают сопутствующей или определяющей причиной большой части происшествий. Таким образом исследование технического состояния автомобильных дорог приобретает статус самостоятельного и обязательного компонента комплексного экспертного исследования.

Соответственно возникает потребность систематизировать правовые и методические основы исследования дорожных условий в рамках САТЭ, а также определить вектор развития инструментальных методов диагностики применительно к задачам судебной экспертизы.

Основным документом, который устанавливает требования к эксплуатационному состоянию дорог, является национальный стандарт ГОСТ Р 50597-2017 «Дороги автомобильные и улицы. Требования к эксплуатационному состоянию, допустимому по условиям обеспечения безопасности дорожного движения. Методы контроля». Данный стандарт (введен взамен устаревшего ГОСТ Р 50597-93) определяет перечень параметров, предельно допустимые значения которых подлежат контролю для обеспечения безопасности.

Для судебной экспертизы принципиальное значение имеют следующие группы требований:

Стандарт регламентирует продольную ровность покрытия, т.е. отсутствие просадок, проломов, выбоин и иных повреждений, затрудняющих движение. Предельные размеры отдельных повреждений (так называемый «частный дефект») четко определены: длина — до 15 см, ширина — до 60 см, глубина — до 5 см . Превышение этих параметров является юридическим фактом несоответствия дороги нормативным требованиям.

Коэффициент сцепления. Этот показатель является критическим для анализа возможности торможения. ГОСТ Р 50597-2017 требует обеспечения коэффициента сцепления не менее 0,4 при измерении шиной, имеющей рисунок протектора .

Ровность и геометрия. Показатели продольной и поперечной ровности (наличие колеи, уклоны) должны соответствовать допустимым значениям, так как их нарушение влияет на устойчивость транспортного средства.

Обустройство и видимость. Требования к наличию и состоянию дорожных знаков, разметки, освещения и обеспечению нормативной видимости (расстояние видимости поверхности дороги, встречного автомобиля).

Впервые в отечественной нормативной практике ГОСТ Р 50597-2017 ввел современный категорийный аппарат и термины, такие как «момент обнаружения дефекта» и «срок устранения дефекта», что имеет прямое процессуальное значение для определения вины дорожно-эксплуатационных служб.

Экспертное исследование автомобильной дороги осуществляется, как правило, ретроспективно – после произошедшего ДТП. Однако следы ДТП (следы юза, столкновения, разрушения) неразрывно связаны с дорожной обстановкой. Задача эксперта – методологически верно восстановить дорожную ситуацию на момент происшествия.

В процессе диагностики эксперт решает следующие типовые вопросы:

Соответствовало ли состояние дорожного покрытия (ровность, сцепление, отсутствие дефектов) в зоне ДТП требованиям ГОСТ Р 50597-2017?

Имелись ли на покрытии посторонние предметы, загрязнения, скользкость?

Обеспечивалась ли в данных дорожных условиях необходимая видимость для водителя?

Соответствует ли организация дорожного движения (знаки, разметка, ограждения) требованиям нормативных документов?

Отсутствие или несоответствие дорожного состояния нормам может трансформировать характер ошибки водителя в категорию дорожных условий, не обеспечивающих безопасность.

Современные методы и средства инструментального контроля, традиционные методы визуального осмотра и замера рулеткой («метод трехметровой рейки») в современных условиях уступают место высокоточным автоматизированным системам. Как показывает практика дорожной диагностики, изменение прочностных характеристик и ровности на небольшом участке дороги (1 км) может составлять 200-250%, что требует высокой точности измерений.

Для целей судебной экспертизы наиболее перспективными являются:

Высокоскоростные профилографы и дорожные лаборатории. Передвижные измерительные установки (например, КП-514-РДТ) позволяют фиксировать микропрофиль дороги, продольную ровность и поперечные уклоны на скорости транспортного потока. Данные, полученные с помощью таких лабораторий, обладают высокой повторяемостью результатов.

Системы ГНСС (ГЛОНАСС/GPS) в комплексе с гироскопическими системами. Комплексная обработка данных от спутниковых приемников и гироскопов позволяет снимать миллиметровые деформации рельефа (микрорельеф) с привязкой к конкретным координатам. Точность определения координат повышается в 1.5-2 раза по сравнению с традиционными методами.

Методы неразрушающего контроля. Георадиолокация (подповерхностное зондирование) позволяет выявить скрытые дефекты дорожной одежды (пустоты, зоны переувлажнения), которые не видны визуально, но ведут к быстрому разрушению покрытия и аварийности .

Цифровые технологии и искусственный интеллект. Внедрение алгоритмов машинного обучения для обработки цифровых видеоизображений позволяет автоматизировать процесс дефектовки покрытия (распознавание трещин, выбоин, сетки трещин) и существенно ускорить обработку больших массивов данных.

Проведение детального исследования дорожных условий с применением вышеуказанных методов позволяет в полной мере реализовать принцип «экспертной презумпции» невиновности водителя до момента установления всех объективных факторов. В современных судебных процессах все чаще назначаются комплексные автотехнические и дорожные экспертизы.

Установление факта несоответствия дороги требованиям ГОСТ Р 50597-2017 в зоне ДТП, позволяет перейти к вопросу о наличии причинно-следственной связи между выявленным недостатком и фактом происшествия (например, низкий коэффициент сцепления привел к невозможности остановки в пределах габаритной ширины полосы движения).

Является основанием для привлечения к гражданско-правовой или административной ответственности организаций, осуществляющих содержание данной дороги (дорожно-эксплуатационных предприятий).

Исследование технического состояния автомобильных дорог является не факультативным, а обязательным компонентом судебной автотехнической экспертизы при расследовании ДТП, обстоятельства которых могут быть связаны с качеством дорожного покрытия.

Внедрение в экспертную практику современных инструментальных методов диагностики (лазерного профилирования, ГНСС-сканирования и георадиолокации) в строгом соответствии с требованиями ГОСТ Р 50597-2017 позволит перевести экспертизу дорожных условий на качественно новый уровень — от субъективной оценки «яма/не яма» к объективным, документально зафиксированным и статистически верифицируемым показателям транспортно-эксплуатационного состояния. Это, в свою очередь, является залогом вынесения законных и обоснованных судебных решений.

Список литературы:

[1] ГОСТ Р 50597-2017. Дороги автомобильные и улицы. Требования к эксплуатационному состоянию, допустимому по условиям обеспечения безопасности дорожного движения. Методы контроля. — М.: Стандартинформ, 2017.

[2] Буланов М.Ю., Конкин А.В., Щербаков В.В. Разработка средств и методов диагностики автомобильных дорог // Сборник научных трудов СГУПС. — Новосибирск, 2004.

[3] Лукина В.А., Лукин А.Ю. Диагностика технического состояния автомобильных дорог: учебное пособие. — Архангельск: САФУ, 2015. — 172с.

[4] Rada A.O., Konkov N.Yu. Development of an Algorithm for Analysing the Condition of the Road Surface Using Artificial Intelligence // World of Transport and Transportation. — 2025. — № 2. — С. 40-46.

[5] Ефименко С.В., Ефименко В.Н., Чурилин В.С. Мониторинг, диагностика и оценка состояния автомобильных дорог: учебное пособие. — Томск: ТГАСУ, 2023.

References:

[1] GOST R 50597-2017. Roads and streets. Requirements for the operational condition allowed by road safety conditions. Control methods. - M.: Standartinform, 2017.

[2] Bulanov M.Yu., Konkin A.V., Shcherbakov V.V. Development of tools and methods for road diagnostics // Collection of scientific works of the State State Unitary Enterprise. - Novosibirsk, 2004.

[3] Lukina V.A., Lukin A.Yu. Diagnostics of the technical condition of highways: a textbook. - Arkhangelsk: SAFU, 2015. - 172s.

[4] Rada A.O., Konkov N.Yu. Development of an Algorithm for Analysing the Condition of the Road Surface Using Artificial Intelligence // World of Transport and Transportation. — 2025. — № 2. - S. 40-46.

[5] Efimenko S.V., Efimenko V.N., Churilin V.S. Monitoring, diagnosis and assessment of the state of roads: a textbook. - Tomsk: TGASU, 2023.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-105-113

СОРОЧКИН Роман Александрович,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук,
e-mail: roman4789@rambler.ru

АРЕСТ ИМУЩЕСТВА В УПК РФ: ПУТЬ К СТАНДАРТАМ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена цифровизацией экономики и усложнением структуры активов, при которых традиционный «статичный» подход к аресту имущества в уголовном процессе (ст. 115 УПК РФ) становится неэффективным. Существующая модель не учитывает динамическую природу современных прав (корпоративных, цифровых), что позволяет недобросовестным лицам обесценивать активы, формально соблюдая запрет на их отчуждение. Цель исследования – теоретическое обоснование необходимости конвергенции уголовно-процессуальных и арбитражных стандартов обеспечения иска для создания гибкого механизма защиты прав потерпевших и интересов государства. Научная новизна состоит в авторской концепции трансформации ареста имущества в систему «обеспечительных мер уголовного судопроизводства», позволяющих дифференцированно ограничивать не только вещные, но и корпоративные, управленческие и обязательственные права. Предмет статьи составляет сравнительно-правовой анализ институтов ареста имущества по УПК РФ и обеспечительных мер по АПК РФ и ГПК РФ по критериям целеполагания, стандартов доказывания, круга ограничиваемых прав и процессуальных гарантий. Результаты исследования представлены в виде конкретных предложений по реформированию ст. 115 УПК РФ, дополнению этого же кодекса новой статьей 115.2 и принятию руководящих разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ. Самостоятельность сделанных выводов подтверждается разработанным автором механизмом «точечных» ограничений и переходом от принципа «целостного ареста вещи» к ограничению конкретных полномочий владельца актива в зависимости от степени угрозы.*

Ключевые слова: *арест имущества; наложение ареста на имущество, цифровизация уголовного судопроизводства, меры процессуального принуждения.*

SOROCHKIN Roman Aleksandrovich,
professor of the department of criminal procedure and criminology, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), doctor of law

SEIZURE OF PROPERTY IN THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE PATH TOWARD THE STANDARDS OF ARBITRATION PROCEDURE

Annotation. *The relevance of the study is driven by the digitalization of the economy and the increasing complexity of asset structures, under which the traditional "static" approach to the seizure of property in criminal proceedings (Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) becomes ineffective. The current model fails to account for the dynamic nature of modern rights (corporate, digital), allowing unscrupulous persons to devalue assets while formally complying with the prohibition on their alienation. The purpose of the study is to provide a theoretical justification for the need for convergence between criminal procedural and arbitration standards for securing a claim to create a flexible mechanism for protecting the rights of victims and the interests of the state. The scientific novelty lies in the author's concept of transforming property seizure into a system of «interim measures of criminal proceedings», which allow for the differentiated restriction of not only property rights but also corporate, managerial, and obligational rights.*

The subject of the article is a comparative legal analysis of the institutions of property seizure under the Criminal Procedure Code (CPC RF) and interim measures under the Arbitration Procedure Code (APC RF) and the Civil Procedure Code (CPC RF) based on the criteria of goal-setting, standards of proof, the scope of restricted rights, and procedural guarantees. The research results are presented in the form of specific proposals for reforming Article 115 of the CPC RF, supplementing the code with a new Article 115.2, and adopting guidance clarifications by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The independence of the conclusions is confirmed by the mechanism of "targeted" (point-based) restrictions developed by the author and the transition from the principle of "integral seizure of an object" to the restriction of specific powers of the asset holder depending on the degree of threat.

Key words: *seizure of property; imposition of seizure on property; digitalization of criminal proceedings; measures of procedural coercion.*

В современной правовой доктрине и правоприменительной практике назрела необходимость переосмысления института ареста имущества (ст. 115 УПК РФ). Существующая модель этой меры процессуального принуждения, сформированная в условиях приоритета вещных правоотношений, обнаруживает свою концептуальную недостаточность в эпоху цифровизации экономики и усложнения структуры активов.

На сегодняшний день арест имущества в уголовном процессе ориентирован преимущественно на лишение собственника возможности распоряжаться объектом в гражданско-правовом смысле (продажа, дарение, залог). Однако во многих случаях «замораживание» титула собственности на долю в уставном капитале или пакет акций не препятствует совершению действий, обесценивающих этот актив.

Можно выделить следующие ключевые аспекты проблемы.

Во-первых, уголовно-процессуальный закон рассматривает имущество как статичный объект (вещь), в то время как современный актив – это динамический комплекс прав. Так, арест доли участия в хозяйственном обществе без возможности ограничения корпоративных прав (права голоса, права на смену единоличного исполнительного органа, права на принятие решений о реорганизации или одобрении крупных сделок) превращает процессуальное ограничение в фикцию. Подозреваемый или аффилированные с ним лица, формально соблюдая запрет на отчуждение доли, могут через корпоративные механизмы осуществить вывод ликвидных активов предприятия, оставляя следствию и суду «пустую оболочку» юридического лица [1, с. 57]. Напротив, в гражданском и арбитражном судопроизводстве истец обладает широким инструментарием обеспечительных мер (ст. 91 АПК РФ, ст. 140 ГПК РФ), позволяющих гибко реагировать на риски (вплоть до запрета совершать определенные управленческие действия). А потерпевший в уголовном процессе – субъект, пострадавший от более общественно опасных деяний, чем гражданско-правовые деликты – ограничен жесткими и малоэффективными рамками ст. 115 УПК РФ. Это препятствует достижению целей конфискации и возмещения ущерба.

Во-вторых, текущий порядок наложения ареста не предусматривает дифференцированного подхода к управлению арестованным имуществом. Если в арбитражном процессе обеспечительные меры могут быть направлены на сохранение существующего состояния (status quo) с учетом специфики бизнеса, то в уголовном процессе арест может привести к параличу законной предпринимательской деятельности, либо, напротив, к неконтролируемому расхищению активов из-за невозможности оперативного вмешательства в порядок пользования и управления ими.

Таким образом, назрела необходимость трансформации ареста имущества из механического запрета на распоряжение в систему уголовно-процессуальных норм об «обеспечительных мерах уголовного судопроизводства» (условное определение в рамках этого исследования). Такая мера должна позволять ограничивать не только имущественные, но и корпоративные, обязательственные, управленческие и иные права, обеспечивая баланс между презумпцией невиновности и гарантией исполнения итогового судебного решения [2, с. 211].

В настоящей работе предпринята попытка сопоставления между «классическим» арестом имущества (ст. 115 УПК РФ) и обеспечительными мерами, применяемыми в гражданском и арбитражном судопроизводстве (глава 13 ГПК РФ, глава 8 АПК РФ).

Выбор параметров сравнения обусловлен необходимостью декомпозиции обеспечительного механизма на составляющие, охватывающие весь «жизненный цикл» процессуального ограничения: от инициации и обоснования до исполнения и ответственности. Совокупность этих критериев позволяет выявить, на наш взгляд, системные недостатки уголовно-процессуального регулирования. Применение указанных ниже критериев позволяет выстроить методологическую базу для заимствования наиболее эффективных элементов частноправового регулирования в

публично-правовую сферу уголовного процесса. Это необходимо для создания универсального механизма уголовно-процессуального обеспечения исполнения конфискации и гражданского иска в уголовном судопроизводстве, способного эффективно функционировать в условиях современных рыночных отношений.

Целеполагание и функциональное назначение мер. Первым параметром сравнения является функциональное назначение рассматриваемых мер, которое предопределяет всю дальнейшую логику их применения. В российском праве цели наложения ареста на имущество в уголовном процессе и принятия обеспечительных мер в цивилистическом процессе имеют точки соприкосновения, но существенно различаются по своей глубине и охвату.

В уголовном судопроизводстве (ст. 115 и др. УПК РФ) целью наложения ареста является обеспечение исполнения приговора в части: гражданского иска, взыскания штрафа, возможной конфискации имущества, других имущественных взысканий.

Функционально арест в УПК РФ носит преимущественно «обеспечительный» характер. Его задача – физически и юридически «удержать» объект в распоряжении государства до момента постановления приговора. При этом закон акцентирует внимание на сохранении самого объекта как потенциального источника взыскания, зачастую игнорируя его функциональное состояние и экономическую ценность. В гражданском и арбитражном процессе (ст. 139 ГПК РФ, ст. 90 АПК РФ) обеспечительные меры преследуют более широкие и гибкие цели: обеспечение исполнения судебного акта (аналогично УПК), предотвращение причинения значительного ущерба заявителю (превентивная функция), сохранение существующего состояния отношений (status quo) между сторонами до разрешения спора.

В арбитражном процессе обеспечительная мера рассматривается не просто как «замок на имуществе», а как инструмент управления рисками. Цель состоит в том, чтобы к моменту вынесения решения истец не получил «пустую» победу. Именно поэтому арбитражный суд может запретить совершать действия, которые формально не являются отчуждением имущества, но ведут к утрате его ценности (например, запрет на допэмиссию акций, размывающую первоначальный пакет). Таким образом, функционал ст. 115 УПК РФ в настоящий момент является узконаправленным и статичным. В то время как гражданский и арбитражный процессы ориентированы на «защиту интереса» (права на получение удовлетворения), уголовный процесс до сих пор ориентирован на «удержание объекта».

Для эффективного уголовного преследования по экономическим составам необходимо расширить целеполагание ст. 115 УПК РФ. Она должна включать не только «обеспечение приговора», но и «предотвращение обесценивания активов, за счет которых может быть возмещен ущерб». Переход к такой функциональной модели позволит обосновать правомерность ограничений, выходящих за рамки простого запрета на отчуждение, – например, ограничение управленческих полномочий, если они используются для преднамеренного банкротства предприятия, имущество которого находится под арестом. Стандарты и бремя доказывания оснований применения. Основания для применения мер процессуального принуждения определяют ту «доказательственную планку», которую должен преодолеть инициатор меры для ограничения прав субъекта. В этом аспекте наблюдается существенное различие между формализованным подходом уголовного процесса и оценочным, риск-ориентированным подходом цивилистического процесса.

В уголовном процессе стандартом доказывания является наличие «достаточных оснований полагать». На практике этот стандарт зачастую интерпретируется судами упрощенно и формально. Для наложения ареста на имущество подозреваемого или обвиняемого следствию достаточно доказать два факта: наличие статуса субъекта в уголовном деле и принадлежность ему имущества на праве собственности. В отношении имущества «иных лиц» (ч. 3 ст. 115 УПК РФ) стандарт выше – требуется доказать, что имущество было получено в результате преступных действий либо использовалось в качестве орудия или средства совершения преступления.

Проблема заключается в том, что в уголовном процессе фокус доказывания направлен исключительно «в прошлое» (на происхождение имущества). Вопрос о том, существует ли реальный риск отчуждения или обесценивания актива «в будущем», часто остается за рамками судебного исследования, воспринимаясь как некая презумпция, вытекающая из самого факта совершения преступления. В арбитражном и гражданском процессе применяется стандарт «разумности и обоснованности» (prima facie). Заявитель обязан доказать, что непринятие мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта, либо причинить значительный ущерб. Здесь стандарт доказывания носит прогностический характер. Суд оценивает не только формальное право собственности, но и: соотношение меры и заявленного требования (пропорциональность); наличие реальной угрозы (например, действия по выводу активов, подготовка к продаже); баланс интересов сторон (не приведет ли мера к неоправданным убыткам).

В арбитражной практике бремя доказыва-

ния распределено более четко: заявитель должен представить конкретные доказательства подозрительного поведения оппонента. Уголовный же процесс, оперируя широким понятием «интересов правосудия», фактически освобождает следствие от детального обоснования необходимости конкретного ограничения (например, почему нужен именно запрет на голосование акциями, а не просто запрет на их продажу). Таким образом, действующий в УПК РФ стандарт доказывания оснований ареста имущества является избыточно жестким в части установления связи с преступлением (для третьих лиц) и одновременно избыточно формальным в части обоснования необходимости самой меры (для обвиняемых).

Для реформирования института можно было бы интегрировать в УПК РФ подход, характерный для АПК РФ. При наложении ограничений на корпоративные или управленческие права следствие должно доказывать не только «преступность» происхождения актива, но и наличие конкретной угрозы использования этих прав во вред целям уголовного судопроизводства. Это позволит избежать необоснованного вмешательства в экономическую деятельность при сохранении эффективности обеспечительного механизма. Круг и характер ограничиваемых прав. Центральным звеном в дивергенции рассматриваемых институтов является объем правомочий, которые могут быть ограничены в рамках процессуального обеспечения. Здесь наиболее ярко проявляется дефицит уголовно-процессуального регулирования, ограничивающего эффективность защиты прав потерпевших в делах об экономических преступлениях.

В уголовном судопроизводстве правовая природа ареста имущества традиционно сводится к ограничению классической триады собственника, при этом акцент делается почти исключительно на праве распоряжения. Согласно буквальному смыслу закона, арест имущества состоит в запрете собственнику или владельцу имущества распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение.

Проблема заключается в том, что «распоряжение» в уголовно-процессуальном понимании трактуется узко – как запрет на совершение сделок по отчуждению (продажа, мена, дарение) или обременению (залог). При этом за рамками правового поля ст. 115 УПК РФ остаются иные правовые возможности субъекта, которые не являются актами распоряжения имуществом в строгом гражданско-правовом смысле, но прямо влияют на его экономическую сущность. В первую очередь речь идет о корпоративных правах, вытекающих из владения долей или акциями, и обязательственных правах требования. В арбитражном и гражданском судопроизводстве перечень ограничиваемых прав является открытым. Законодатель позволяет суду налагать запрет на совершение определенных действий, касающихся предмета спора. Это позволяет ограничивать: корпоративные права (запрет голосовать по определенным вопросам повестки дня: например, о ликвидации, реорганизации, одобрении крупных сделок, запрет на смену единоличного исполнительного органа, запрет на выплату дивидендов); обязательственные права (запрет на уступку права требования (цессию), запрет на зачет встречных требований, запрет на изменение условий договоров, влекущих уменьшение активов); интеллектуальные права (запрет на предоставление лицензий, на государственную регистрацию перехода прав на товарные знаки или патенты).

Можно говорить о том, что действующая редакция ст. 115 УПК РФ исходит из того, что, ограничив титульное право собственности, государство достигает целей обеспечения. Однако в современной экономике владение активом (например, контрольным пакетом акций) ценно не само по себе, а через возможность реализации управленческих полномочий. Если обвиняемый сохраняет право голоса, он может легально обесценить арестованное имущество, приняв решение о выводе активов на дочерние структуры или о заключении кабальных сделок.

Для разрешения этой проблемы необходимо концептуальное расширение круга ограничиваемых прав в уголовном процессе. Арест имущества должен трансформироваться в комплексную обеспечительную меру, позволяющую суду дифференцированно ограничивать любые права – имущественные, корпоративные, интеллектуальные и управленческие – если их использование может привести к сокрытию активов или невозможности исполнения приговора. Речь идет о переходе от «ареста вещи» к «аресту правового статуса» владельца актива в части его полномочий, влияющих на ценность данного актива.

Объекты, на которые накладывается ограничение. Эффективность обеспечительного механизма напрямую зависит от того, насколько точно законодатель определяет перечень объектов, подлежащих ограничению. В условиях «цифровой» и «сервисной» экономики фокус смещается с материальных вещей на сложные имущественные комплексы, права требования и нематериальные активы. Сравнение УПК РФ и цивилистических кодексов выявляет серьезный разрыв в восприятии объекта правовой охраны.

В уголовном процессе объектом ареста традиционно выступает «имущество». Несмотря на широкое понимание этого термина в гражданском праве (ст. 128 ГК РФ), уголовно-процес-

суальная практика тяготеет к его материализованному восприятию. Основными объектами становятся: недвижимое имущество, транспортные средства, наличные денежные средства и средства на счетах (фактически – обязательственное право требования к банку), ценные бумаги (с установлением специфического порядка по ст. 116 УПК РФ).

Однако современная преступность в сфере экономики оперирует объектами, которые с трудом укладываются в «вещную» логику ст. 115 УПК РФ. Например, арест цифровых финансовых активов, криптовалют, прав на использование результатов интеллектуальной деятельности или доменных имен часто наталкивается на отсутствие четких процедур в УПК РФ. Более того, уголовный процесс не рассматривает в качестве самостоятельного объекта предприятие как имущественный комплекс (ст. 132 ГК РФ), предпочитая арестовывать отдельные его части, что может вести к утрате системной стоимости актива.

В арбитражном и гражданском процессе перечень объектов практически не ограничен, поскольку обеспечительные меры могут быть наложены на любое имущество или имущественные права, принадлежащие ответчику. Ключевые отличия заключаются в возможности воздействия на: имущественные права (права требования: дебиторскую задолженность, право на получение выплат по государственным контрактам или страховых возмещений и др.); цифровые права и нематериальные активы (например, доменные имена, аккаунты в распределенных реестрах и права на программное обеспечение); совокупность прав, связанных с участием в юридическом лице. Сегодня мы наблюдаем, как уголовно-процессуальное регулирование «сохраняет верность» материальным объектам, в то время как арбитражный процесс давно перешел к обеспечению в отношении любого актива, имеющего экономическую ценность. В уголовном процессе отсутствие четкой категоризации «невещных» объектов ведет к тому, что преступные доходы, переведенные в сложные финансовые инструменты или цифровые права, остаются вне зоны эффективного досегательства следствия.

Для модернизации УПК РФ необходимо закрепить возможность наложения ограничений на имущественные комплексы и имущественные права, включая цифровые. Объект ареста в уголовном процессе должен быть идентичен любому объекту гражданских прав. Только признание «права» (в том числе корпоративного) полноценным объектом уголовно-процессуального принуждения позволит блокировать схемы по легализации преступных доходов, где ценность актива заключается не в его физической форме, а в юридической возможности его реализации или обмена. Виды и содержание ограничительных мер. Данный параметр позволяет оценить внутреннее наполнение правового ограничения. Здесь наблюдается фундаментальное различие между характером ареста в уголовном процессе и набором инструментов в цивилистическом процессе.

В уголовном судопроизводстве содержание меры носит универсальный и преимущественно пассивный характер. Оно сводится к двум основным правовым состояниям: запрет на распоряжение (стандартный элемент любого ареста); запрет на пользование (применяется реже). УПК РФ фактически не предлагает следователю и суду «меню» различных запретов. Арест накладывается как единое, нерасчленяемое обременение. В постановлении суда обычно указывается общая формула: «наложить арест, выражающийся в запрете распоряжаться». Такая недифференцированность порождает проблемы в сложных делах: например, если для обеспечения иска достаточно запретить только одну конкретную сделку или только одно конкретное действие (допустим, передачу актива в субаренду), суд в рамках УПК РФ вынужден налагать полномасштабный арест, который может парализовать всю хозяйственную деятельность субъекта.

В арбитражном и гражданском судопроизводстве содержание мер характеризуется высокой степенью специализации. Законодатель прямо предусматривает возможность: запрещения ответчику совершать определенные действия, касающиеся предмета спора (например, запрет голосовать по вопросу ликвидации ООО); запрещения другим лицам совершать определенные действия (например, запрет регистратору вносить записи в реестр акционеров); возложения обязанности совершить определенные действия, направленные на предотвращение порчи или ухудшения состояния имущества.

В АПК РФ обеспечительные меры могут быть «хирургически» точными. Суд может запретить не «распоряжение долей вообще», а, например, только «голосование по вопросу одобрения сделки с недвижимостью предприятия». Это позволяет блокировать вредоносные действия, не прекращая нормальное функционирование бизнеса. Полагаем, что уголовно-процессуальный арест страдает от избыточной жесткости и отсутствия вариативности. Он действует по принципу «все или ничего». В то же время арбитражный процесс оперирует концепцией конкретных запретов и обязательств, что позволяет достигать целей обеспечения с минимально необходимым вмешательством в права субъекта.

Для совершенствования уголовного законодательства необходимо отойти от понимания ареста как единого запрета на распоряжение.

В ст. 115 УПК РФ следует закрепить перечень дифференцированных мер, аналогичный ст. 91 АПК РФ. Это позволит суду в уголовном процессе конструировать содержание ареста индивидуально: например, запретить обвиняемому-акционеру голосовать за смену директора, но оставить ему возможность получать дивиденды для оплаты услуг адвокатов, или запретить продажу лицензии на программное обеспечение, разрешив при этом его текущую эксплуатацию. Такой переход от «универсального замка» к «набору точечных ограничений» сделает уголовный процесс более современным и экономически адекватным.

Субъективный состав лиц, чьи права подлежат ограничению. Субъективный предел действия процессуального принуждения в уголовном праве традиционно жестко привязан к статусу участника дела, что в условиях современных экономических реалий создает существенные препятствия для правосудия.

В уголовном процессе круг лиц, чье имущество может быть арестовано, строго детерминирован. К ним относятся: 1) подозреваемый, обвиняемый; 2) лица, несущие по закону материальную ответственность за их действия (гражданский ответчик); 3) другие лица (ч. 3 ст. 115 УПК РФ), если есть достаточные основания полагать, что имущество получено в результате преступных действий либо использовалось как орудие или средство совершения преступления. Основная коллизия здесь кроется в категории «других лиц». Уголовно-процессуальный закон требует доказывания прямой связи конкретного имущества с преступлением для наложения ареста на активы лиц, не являющихся фигурантами дела. Однако современные преступные схемы предполагают использование номинальных владельцев, подконтрольных офшорных компаний и сложных фидуциарных структур, где доказать «преступность происхождения» конкретной доли в ООО или пакета акций на этапе предварительного следствия бывает крайне затруднительно. В результате реальные бенефициары активов, оставаясь в тени, сохраняют контроль над имуществом.

В арбитражном и гражданском процессе субъективный состав участников обеспечительного правоотношения значительно шире и гибче. Меры могут быть направлены на: ответчика; третьих лиц, даже если они не являются стороной спора, но у них находится имущество ответчика или они совершают действия, влияющие на предмет спора; органы управления юридического лица (в рамках корпоративных споров).

В цивилистическом процессе суд может запретить регистратору, депозитарию, налоговому органу или банку совершать определенные действия. Более того, концепция «контролирующего лица», активно развиваемая в праве банкротства и арбитражной практике, позволяет налагать ограничения на активы тех, кто фактически распоряжается имуществом, независимо от формального титула.

По нашему мнению, ограничение прав лиц, формально не причастных к преступлению, но контролируемых обвиняемым, в УПК РФ обставлено чрезмерными барьерами. В то же время арбитражный процесс исходит из приоритета фактического контроля и целесообразности обеспечения.

Для повышения эффективности борьбы с экономическими преступлениями необходимо интегрировать в УПК РФ возможность наложения обеспечительных мер на имущество и права любых лиц, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они действуют в интересах или под контролем подозреваемого/обвиняемого. Это позволит легально ограничивать корпоративные и управленческие права номинальных директоров и учредителей, через которых обвиняемый пытается вывести активы. Субъективный состав в УПК РФ должен сместиться от «процессуального статуса» к «фактическому обладанию ресурсом», способным обеспечить интересы потерпевшего.

Процессуальный порядок и сроки рассмотрения ходатайства. Скорость и внезапность применения ограничений являются критическими факторами эффективности любой обеспечительной меры. В условиях высокоскоростного оборота цифровых и корпоративных активов любая задержка в процессуальном оформлении запретов делает их бессмысленными. Сравнение УПК РФ с цивилистическими кодексами по параметру процессуального порядка выявляет существенные различия в уровне оперативности и механизмах принятия решений. В уголовном судопроизводстве процедура наложения ареста на имущество жестко регламентирована и вписана в общую логику судебного контроля за следственными действиями. Следователь с согласия руководителя следственного органа (или дознаватель с согласия прокурора) возбуждает перед судом ходатайство, которое должно быть рассмотрено судьей в течение 24 часов с момента поступления.

Несмотря на установленный краткий срок, уголовно-процессуальный порядок страдает от «институциональной неповоротливости». Цепочка «следователь – руководитель – суд» создает временные лаги. Кроме того, специфика судебного заседания в УПК РФ, даже проводимого без извещения сторон, зачастую требует представления объемных материалов уголовного дела для подтверждения обоснованности подозрения. В делах о сложных экономических преступлениях подготовка такого «пакета обоснования» может занимать дни и недели, в течение которых осве-

домленный о следственных действиях фигурант успевает совершить корпоративные маневры по выводу активов.

В арбитражном и гражданском процессе реализован стандарт максимальной процессуальной оперативности. Рассмотрение заявления об обеспечении иска осуществляется: без извещения сторон; не позднее следующего дня после поступления заявления в суд (а в арбитражном процессе зачастую и в день поступления); на основании минимально необходимого набора документов, подтверждающих вероятность причинения ущерба.

Уголовно-процессуальный порядок наложения ареста на имущество в его нынешнем виде является избыточно бюрократизированным и медленным для защиты от современных способов вывода капитала. Пока следователь согласовывает ходатайство, обвиняемый через удаленные сервисы может провести общее собрание участников, сменить директора и заключить кабальные сделки. Для реформирования УПК РФ можно заимствовать модель «незамедлительного судебного приказа», характерную для обеспечительных мер в АПК РФ. Порядок наложения ограничений (особенно в части корпоративных и управленческих прав) должен предусматривать возможность принятия судом решения в течение нескольких часов с момента фиксации угрозы выводу активов.

Гарантии прав лиц, чье имущество арестовано. Сравнение УПК РФ с цивилистическими кодексами по этому параметру демонстрирует фундаментальное различие между формальным судебным контролем и развитой системой материально-правовых гарантий и компенсаторных механизмов. В уголовном судопроизводстве система гарантий носит преимущественно процедурный характер. Основными инструментами защиты прав собственника являются: судебный порядок наложения ареста, предполагающий проверку обоснованности ходатайства следователя; право на обжалование постановления суда в апелляционном и кассационном порядке; установление и продление срока ареста, что было введено после вмешательства Конституционного Суда РФ для предотвращения «бессрочных» ограничений.

Однако в уголовном процессе полностью отсутствуют механизмы встречного обеспечения или ответственности за убытки, причиненные наложением ареста. Если в итоге лицо будет оправдано, а его бизнес за время ареста имущества и корпоративных прав пришел в упадок, механизм реабилитации (глава 18 УПК РФ) покрывает лишь прямой материальный ущерб и моральный вред, но крайне неэффективен в части компенсации упущенной выгоды или утраты стоимости бизнеса как действующего предприятия.

В арбитражном и гражданском процессе система гарантий сбалансирована и направлена на минимизацию рисков злоупотребления правом на обеспечение: встречное обеспечение (суд может обусловить принятие мер предоставлением заявителем гарантии (денежного залога на депозит суда) на случай причинения убытков ответчику); замена одной меры другой (ответчик имеет право ходатайствовать о замене ареста конкретного имущества на иную меру (например, залог денежных средств), что позволяет освободить операционный актив); ответственность заявителя (если в иске будет отказано, ответчик имеет право требовать от истца возмещения убытков или выплаты компенсации за сам факт нахождения под обеспечительными мерами).

Для реализации предложения о расширении ареста в УПК РФ до возможности ограничения корпоративных и управленческих прав, необходимо симметрично внедрить в уголовный процесс элементы цивилистических гарантий.

Во-первых, при наложении ограничений на управление бизнесом суд должен в обязательном порядке рассматривать вопрос о назначении временного управляющего (или сохранении полномочий директора под контролем), чтобы актив не обесценился.

Во-вторых, необходимо закрепить в УПК РФ право лица, на чье имущество наложен арест, на оперативную замену обеспечительной меры (предоставление эквивалентного залога), что в уголовном процессе на практике реализуется крайне сложно. Без внедрения таких «защитных фильтров» расширение полномочий следователя по ограничению корпоративных прав создаст чрезмерные коррупционные риски и угрозу «процессуального рейдерства».

Сроки действия, порядок модификации и отмены мер. Динамика ограничительной меры – её способность адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам дела – является индикатором зрелости процессуального института.

В уголовном судопроизводстве срок действия ареста на имущество носит производный характер от сроков предварительного расследования и судебного разбирательства. Несмотря на то, что закон обязывает суд устанавливать конкретный срок ареста и продлевать его, на практике эта мера носит статичный характер: наложенный на ранних этапах следствия арест зачастую сохраняется в неизменном виде до вступления приговора в законную силу.

Порядок изменения ареста в УПК РФ практически не развит. Если следователь наложил арест на имущество в определенном объеме, процедура «смягчения» ограничений (например, разрешения пользования частью активов или совершения конкретной управленческой сделки)

законодательно не детализирована и воспринимается правоприменителем как исключительное событие. Отмена же меры происходит либо при прекращении дела, либо при изменении статуса имущества (если доказано, что оно не связано с преступлением), что делает арест в УПК РФ инструментом «до окончательного решения».

В арбитражном и гражданском судопроизводстве (ст. 95, 96, 97 АПК РФ, ст. 144, 144.1 ГПК РФ) действует принцип динамичности обеспечительных мер. Так, законодательство предусматривает: отмену меры по ходатайству лица, если исчезли основания для его сохранения (например, ответчик представил доказательства своей платежеспособности или обеспечил иск иным способом); замену одного вида обеспечения другим (например, перенос ограничения с операционного актива (производственного оборудования или акций) на пассивный (денежные средства на депозите суда), что исключает убытки бизнеса).

Отсутствие в УПК РФ четкого механизма замены ареста имущества на предоставление банковской гарантии или денежного залога (эквивалентного стоимости имущества) лишает бизнес возможности маневра.

Для реформирования института можно было бы внедрить в УПК РФ полноценный механизм изменения и замены ограничений. В частности, суду должно быть предоставлено право по ходатайству собственника трансформировать «полный арест» в «ограниченное обременение» (например, разрешить продажу арестованного сырья при условии зачисления выручки на спецсчет), либо заменить арест корпоративных прав на залог иного имущества. Это позволит превратить арест из «консервирующего» средства в гибкий инструмент обеспечения, сопоставимый по эффективности с арбитражными процедурами.

Итоги анализа и предложения. Завершающим критерием нашего сравнительного исследования являются правовые последствия игнорирования установленных судом запретов.

Растрата, отчуждение, сокрытие или незаконная передача имущества, подвергнутого уголовно-процессуальному аресту, влечет наказание для лица, которому это имущество было вверено на хранение (ст. 312 УК РФ). Однако уголовный и уголовно-процессуальный закон наказывает «лицо», но далеко не всегда автоматически восстанавливает положение, существовавшее до нарушения. В УПК РФ отсутствуют прямые нормы о недействительности сделок, совершенных в нарушение ареста, что вынуждает потерпевших инициировать длительные гражданские процессы по признанию таких сделок недействительными (ст. 168, 174.1 ГК РФ).

В цивилистическом процессе последствия носят комплексный характер. Помимо процессуальных штрафов, ключевым инструментом является «материально-правовая неэффективность нарушения». Орган регистрации (Росреестр, ФНС, регистратор ценных бумаг), получив судебный акт об обеспечении иска, блокирует любые записи в реестрах. Сделка, совершенная в нарушение запрета, признается ничтожной или оспоримой с момента ее совершения, что обеспечивает более высокую степень защиты истца.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о концептуальном отставании института ареста имущества в уголовном процессе от современных потребностей правосудия. Уголовно-процессуальный арест остается слабо дифференцированным инструментом. В то же время арбитражное судопроизводство выработало модель гибких обеспечительных мер, способных защищать интересы сторон в сложных корпоративных и обязательственных правоотношениях.

Для обеспечения реальной защиты прав потерпевших и интересов государства можно осуществить сближение этих институтов. Арест в УПК РФ должен трансформироваться из простого запрета на распоряжение вещью в комплексную меру обеспечения гражданского иска и возможной конфискации в уголовном судопроизводстве, способную ограничивать не только имущественные, но и: корпоративные права (голосование, смена органов управления, реорганизация); обязательственные права (переуступка требований); интеллектуальные права (распоряжение исключительными правами); управленческие права (введение особого режима контроля за деятельностью предприятия).

Заключим наш анализ следующими предложениями.

Внести изменения в ст. 115 УПК РФ:

изложить ч. 2 ст. 115 УПК РФ в редакции, допускающей наложение ареста не только в виде запрета на распоряжение имуществом, но и в виде запрета на совершение определенных действий, включая реализацию корпоративных прав (права голоса на общих собраниях участников/акционеров по вопросам ликвидации, реорганизации, смены руководства и одобрения сделок);

предусмотреть возможность возложения на собственника или иное лицо обязанности совершить действия, направленные на сохранение стоимости арестованного актива.

Дополнить УПК РФ новой статьей 115.2 «Особенности обеспечения сохранности сложных активов»: установить механизм передачи арестованных имущественных комплексов или долей в уставных капиталах под временное доверительное управление (по решению суда), если сохранение контроля за ними со стороны обвиняемого создает риск их обесценивания или уничтожения.

Подготовить Постановление Пленума Вер-

ховного Суда РФ «О практике применения судами мер обеспечения в уголовном судопроизводстве»:

разъяснить судам правомерность и необходимость ограничения корпоративных прав обвиняемых (и аффилированных лиц), если такие права используются как инструмент для вывода активов;

указать на необходимость применения «теста пропорциональности» при выборе конкретного запрета (от менее обременительного к более строгому);

закрепить приоритет немедленного исполнения судебного решения о наложении ограничений на корпоративные права путем направления уведомления в ФНС и иные регистрирующие органы в электронном виде в день принятия решения.

Обеспечить корреляцию с ГК РФ: синхронизировать положения ст. 174.1 ГК РФ с УПК РФ, закрепив, что любая сделка, совершенная в нарушение запретов, установленных судом в рамках уголовного дела (включая корпоративные решения), является ничтожной.

Реализация данных предложений позволит повысить эффективность уголовно-процессуального ареста имущества в условиях современных вызовов современной экономики и повысить уровень реального восстановления прав лиц, пострадавших от преступлений.

Список литературы:

[1] Зеленская Т.В. Денежные и платежные средства как объекты имущества в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023№ 3.

[2] Кумышева М.К., Шигалугова М.Х. Некоторые проблемные вопросы наложения ареста на имущество как меры процессуального принуждения // Образование и право. 2022.№ 3.

[3] Ищенко Д.П., Ищенко Г.К., Шараева Я.А. Актуальные вопросы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Юристъ-Правовед. 2022. № 1 (100).

[4] Сычев А.Л., Антонов М.Е. Основания наложения ареста на имущество // Вестник Университета «Кластер». Электронный научный журнал. 2022. № 1 (1).

[5] Алимова А.И. Отдельные проблемы уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики наложения и обжалования ареста на имущество собственников (добросовестных приобретателей) // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2017. Т. 27. Вып. 5.

References:

[1] Zelenskaya T.V. Money and means of payment as objects of property in criminal proceedings // Siberian criminal procedure and forensic readings. 2023№ 3.

[2] Kumysheva M.K., Shigalugova M.Kh. Some problematic issues of seizure of property as a measure of procedural coercion // Education and law. 2022.№ 3.

[3] Ishchenko D.P., Ishchenko G.K., Sharaeva Y.A. Topical issues of seizure of property in criminal proceedings // Lawyer-Lawyer. 2022. № 1 (100).

[4] Sychev A.L., Antonov M.E. Grounds for seizure of property // Bulletin of the University "Cluster." Electronic scientific journal. 2022. № 1 (1).

[5] A.I. Alimova. Separate problems of criminal procedure regulation and law enforcement practice of imposing and appealing arrest on the property of owners (bona fide purchasers) // Bulletin of Udmurt University. Economics and law. 2017. VOL. 27. No. 5.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-114-118

МУРСАЛИМОВ Айнур Тагирович,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России,
e-mail: bagautdinov93@yandex.ru

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И СТАТИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы применения уголовно-правовой нормы (статьи 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). В рамках исследования осуществлен анализ статистических данных в целях выявления реального объема мошеннических действий в сфере кредитования. Кроме того, проанализированы данные судебной практики по применению статьи 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) и неоднозначной квалификации.*

Ключевые слова: *мошенничество в сфере кредитования, преступность, судебная практика, проблемы квалификации, правовая норма.*

MURSALIMOV Ainur Tagirovich,
Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

REVIEW OF JURISPRUDENCE AND STATISTICS ABOUT CREDIT FRAUD

Annotation. *The article discusses the problems of applying the criminal law norm (Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). As part of the study, statistical data were analyzed in order to identify the real volume of fraudulent activities in the field of lending. In addition, the data of judicial practice on the application of Article 159.1 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation) and ambiguous qualifications were analyzed.*

Key words: *credit fraud, crime, judicial practice, qualification problems, legal norm.*

Развитие современных технологий онлайн-банкинга кроме положительной тенденции ускорения и упрощения процедуры выдачи кредитов, к сожалению, используется преступными элементами в своих корыстных целях [1]. Суть мошеннических действий в сфере кредитования сводится к хищению денежных средств с банков и иных кредитных организаций путем предоставления заведомо ложных и недостоверных сведений [6].

29 ноября 2012 года Федеральным законом № 207-ФЗ были внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации, а именно была введена специальная уголовно-правовая норма, которая охраняла общественные отношения в сфере кредитования (ст. 159.1 – Мошенничество в сфере кредитования). С момента введения данной уголовно-правовой нормы прошло более 13 лет. За этот период уже сформировалась судебно-следственная практика, появилось множество разъяснений органов государственной власти и суда по порядку толкования диспозиции статьи 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако, до сегодняшнего дня сохраняются неоднотипный подход к квалификации деяний, связанных с мошенническими действиями в сфере кредитования, что подрывает уверенность правоприменителя в правильности своих действий и приводит к отказу от выявления и раскрытия такого рода преступлений.

В целях определения объема мошеннических действий в сфере кредитования обратимся к статистическим данным различных органов государственной власти и сопоставим их.

В 2024 году по данным Центрального банка России объем кредитного фрода составил 12,8 миллиардов рублей [1]. В течение 2024 года в органы внутренних дел Российской Федерации поступило более 522 тысяч сообщений по фактам

мошенничества в сфере кредитования, из них принято решений о возбуждении уголовных дел всего по 1866 фактам (квалифицировано по статье 159.1 УК РФ) — 0,35% [2]. Согласно отчету о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации, предоставленному Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, по статье 159.1 УК РФ осуждено 658 человек [3].

В 2025 году объем операций без добровольного согласия клиентов увеличился на 31,2%, объем похищенного достиг 29,3 миллиарда рублей [4]. Банки в 2025 году смогли предотвратить хищения на общую сумму 13,9 триллионов рублей [4]. По оценкам Центрального Банка России в 2025 году около 40% всех похищенных у граждан средств являлись заемными [4].

В 2025 году в МВД России поступило более 475 тысяч сообщений о мошеннических проявлениях в сфере кредитования, возбуждено уголовных дел по статье 159.1 УК РФ — 826 (0,17%) [2]. В судах общей юрисдикции осужден 161 человек за деяние, квалифицированное по статье 159.1 УК РФ [3]. Таким образом, количество процессуальных решений о возбуждении уголовных дел по статье 159.1 УК РФ и количество лиц, осужденных по данной статье, снижается, хотя количество операций без согласия клиента только возрастает.

При рассмотрении судебной практики ситуация, связанная с окончательной квалификацией деяний по статье 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, остается неизменной.

Официальная позиция по окончательной квалификации статьи 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации сформулировано Верховным Судом Российской Федерации в постановлении от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Согласно данным разъяснениям кредитором может выступать банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора. Вторым проблемным аспектом в толковании диспозиции статьи выступает понятие «предоставление заведомо ложных сведений». Так как уголовно-правовая норма не дает однозначного ответа на данный вопрос, данный аспект был раскрыт Верховным Судом Российской Федерации: «если лицо выдавало себя за другое лицо или использовало чужой документ, удостоверяющий личность гражданина, то деяний подлежит квалификации по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, а не по статье 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Данные ключевые позиции Верховного Суда Российской Федерации, к сожалению, до настоящего времени не всегда применяются правоприменителями, что ведет к дальнейшему усложнению квалификации деяния. Подтверждением этому выступает судебная практика. Так, согласно Кассационному определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.05.2024 № 19-УД24-12-К5 по делу Заневской А.С. [5] суды нижестоящих инстанции: мировой судья Курского района Ставропольского края (28.11.2022), Курский районный суд (31.01.2023) и Пятый кассационный суд (22.05.2023) признали лицо виновным по статье 159.1 УК РФ и назначили штраф на сумму 12 000 рублей по факту оформления через интернет двух микрозаймов (19 000 и 10 000 рублей), указав недостоверные сведения, чем нарушили п. 13 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 [6]. Верховный Суд Российской Федерации отменил решения нижестоящих судов и признал право лица на реабилитацию [5]. Данная позиция закреплена в п. 31 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025), утвержденного Президиумом ВС РФ 22 декабря 2025 года [7].

Аналогичная ситуация обстоит и с приговором мирового судьи Советского судебного района Кировской области от 23 августа 2023 года, апелляционным постановлением Советского районного суда Кировской области от 10 октября 2023 года и кассационным постановлением шестого кассационного суда общей юрисдикции от 23 января 2024 года по делу Злобина. Кассационным определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 августа 2024 года № 10-УДП24-8-К6разъяснено: «правовые отношения, возникающие между заемщиками и микрофинансовыми организациями, не являются кредитными и регулируются положениями главы 42 ГК РФ»[8]. Приговор, апелляционное и кассационное постановления отменены, дело возвращено прокурору в порядке части 1 статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Таким образом, в течение года различные судебные инстанции рассматривали дело и не приняли окончательного решения, дело возвращено прокурору. Должностные лица, принявшие неправомерные решения в данном случае могут быть привлечены к мерам дисциплинарного реагирования.

Данный факт подтверждает авторскую позицию о том, что правоприменители системно отказываются квалифицировать данные деяния по специальной уголовно-правовой нормы и придерживаются позиции о квалификации по общей уголовно-правовой нормы, либо не усматривают состава преступления вовсе.

Вышеописанная судебная практика свидетельствует о том, что не только судебные органы,

но в том числе и надзорные органы в лице прокуратуры порой могут допускать неточности в квалификации специальной уголовно-правовой нормы. Согласно разъяснениям Прокуратуры г. Н. Новгорода, под заведомо ложными сведениями понимаются фальсифицированные сведения, не соответствующие действительности, о чем заемщик знает и намеренно использует их для введения в заблуждение кредитора относительно важных для него обстоятельств в целях получения кредита путем предоставления различного рода документов. Это, например, указание в анкетных данных ложных сведений о Ф.И.О., дате рождения, а также представление кредитному менеджеру не принадлежащих заемщику паспортов на чужие имена, сведений об имущественном положении, платежеспособности, уровне доходов, месте работы и ежемесячном доходе и прочее. [9].

Официальные разъяснения прокуратуры г. Н. Новгород в данном случае противоречат официальным разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации. В результате наложения данных разъяснений возникает неоднозначность правоприменения. В результате вся тяжесть по чистоте квалификации ложится на процессуальное лицо, осуществляющее предварительное расследование. При принятии процессуального решения о возбуждении уголовного дела и предъявлении обвинения следователь (дознаватель) должен учесть одновременно два противоположных официальных разъяснения: прокуратуры и судебных органов. В противном случае либо прокуратура вернет дело на дополнительное расследование, либо судебный орган. Так как выполнить данное условие невозможно следователю (дознавателю) приходится выбирать единственно возможное решение – отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления. По мнению ученых, совершение мошеннических действий в информационной среде [11,12] представляет особую опасность для несовершеннолетних [13,14] и граждан пожилого возраста. Не учитывает мнение Верховного Суда Российской Федерации и прокуратура Архангельской области в своих разъяснениях, отмечая, что «обман при совершении мошенничества в сфере кредитования заключается в представлении банку или микрокредитной организации». [10].

С авторской точки зрения предлагаем отказаться от специальной правовой нормы, так как общая норма (статья 159 Уголовного кодекса Российской Федерации охватывает диспозицию статьи 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). В настоящее время ответственность по специальной правовой норме ниже, чем за общий состав, что ведет к частичной декриминализации деяний и создает условия для дальнейшего увеличения числа совершаемых преступных деяний в сфере кредитования. При этом до устранения противоречий в официальных разъяснениях прокуратур разных уровней и судов вопрос о «чистоте» квалификации уголовно-правовой нормы – статьи 159.1 Уголовного кодекса Российской Федерации остается открытым.

Список литературы:

[1] Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций за 2024 год [Электронный ресурс] // Банк России : официальный сайт. – URL: https://cbr.ru/press/event/?id=28300 (дата обращения: 25.08.2026).

[2] 2. Состояние преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://мвд.рф/reports/ (дата обращения: 25.08.2026).

[3] Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам (форма № 10-а) [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 25.08.2026).

[4] Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций за 2025 год [Электронный ресурс] // Банк России : официальный сайт. – URL: https://cbr.ru/press/event/?id=28300 (дата обращения: 25.08.2026).

[5] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 мая 2024 г. № 19-УД24-12-К5 по делу Заневской А.С. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.08.2026).

[6] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48 (в ред. от 15 дек. 2022 г.) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.08.2026).

[7] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22 дек. 2025 г. [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/35269 (дата обращения: 25.08.2026).

[8] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 августа 2024 года

№ 10-УДП24-8-К6 по делу Злобина А.В. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.08.2026).

[9] Разъяснения Прокуратуры г. Н. Новгород о случаях мошенничества [Электронный ресурс] // Портал многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг Нижегородской области – URL: https://umfc-no.ru/news/312309..

[10] Разъяснения Прокуратуры Архангельской области о случаях мошенничества [Электронный ресурс] // Портал Правительства Архангельской области – URL: https://dvinaland.ru/gov/prosecutor/?ID= 1701507.

[11] Астахова Е. А. Перспективы противодействия использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // Правовая политика и правовая жизнь. – 2025. – № 1. – С. 56-64. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-1-56-64. – EDN AMQSMC.

[12] Леонтьева Я. Е. Оспаривание сделок в банкротном процессе по основанию подозрительности // Право и государственность. – 2026. – № 2(11). – С. 52-55. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.009. – EDN CUBCMQ.

[13] Самигуллин В. К. Трансформация правовой реальности: вызовы и перспективы в условиях научно-технической революции, компьютеризации и цифровизации // Право и государственность. – 2026. – № 3(12). – С. 73-76. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.010. – EDN JDOZMN.

[14] Маликов Б. З. Вопросы криминологии: социальные факторы и причинность «всплеска» насильственных деяний, в среде обучающихся несовершеннолетних лиц // Право и государственность. – 2026. – № 3(12). – С. 38-52. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.006. – EDN PZEPAR.

References:

[1] Overview of transactions performed without the voluntary consent of clients of financial institutions for 2024 [Electronic resource] // Bank of Russia: official website. - URL: https://cbr.ru/press/event/?id=28300 (access date: 25.08.2026).

[2] 2. The state of crime in the Russian Federation [Electronic resource] // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official website. - URL: https://мвд.рф/reports/ (access date: 25.08.2026).

[3] Report on the number of convicted persons in all corpus delicti of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts in criminal cases have been issued (form No. 10-a) [Electronic resource] // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: official website. - URL: https://cdep.ru/index.php?id=79 (access date: 25.08.2026).

[4] Overview of transactions performed without the voluntary consent of clients of financial institutions for 2025 [Electronic resource] // Bank of Russia: official website. - URL: https://cbr.ru/press/event/?id=28300 (access date: 25.08.2026).

[5] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of May 22, 2024 No. 19-UD24-12-K5 in the case of A.S. Zanevskaya [Electronic Resource] // ConsultantPlus: legal system. - URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 25.08.2026).

[6] On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30. 2017 No. 48 (as amended on December 15, 2022) // ConsultantPlus: legal system. - URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 25.08.2026).

[7] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2025): approved Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation December 22, 2025 [Electronic resource] // Supreme Court of the Russian Federation: official website. - URL: https://www.vsrf.ru/documents/all/35269 (access date: 25.08.2026).

[8] Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of August 22, 2024 No. 10-UDP24-8-K6 in the case of A.V. Zlobin [Electronic Resource] // ConsultantPlus: legal system. - URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 25.08.2026).

[9] Explanations of the Prosecutor's Office of N. Novgorod on cases of fraud [Electronic resource] // Portal of multifunctional centers for the provision of state and municipal services of the Nizhny Novgorod region - URL: https://umfc-no.ru/news/312309..

[10] Explanations of the Prosecutor's Office of the Arkhangelsk Region on cases of fraud [Electronic resource] // Portal of the Government of the Arkhangelsk Region - URL: https://dvinaland.ru/gov/prosecutor/?ID = 1701507.

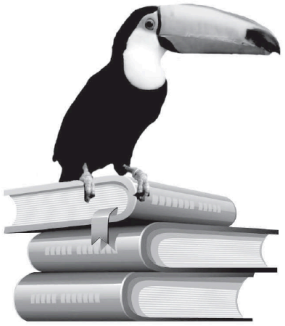
[11] Astakhova E. A. Prospects for countering the use of information and communication technologies for criminal purposes // Legal policy and legal life. – 2025. – № 1. - S. 56-64. – DOI 10.24412/1608-8794-2025-1-56-64. – EDN AMQSMC.

[12] Leontyev Ya. E. Challenging transactions in bankruptcy proceedings on the basis of suspicion // Law and statehood. – 2026. – № 2(11). - S. 52-55. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.009. – EDN CUBCMQ.

[13] Samigullin V.K. Transformation of legal reality: challenges and prospects in the context of the scientific and technical revolution, computerization and digitalization // Law and statehood. – 2026. – № 3(12). - S. 73-76. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.010. – EDN JDOZMN.

[14] Malikov B.Z. Criminology issues: social

factors and the causality of the "surge" of violent acts among underage students // Law and statehood. – 2026. – № 3(12). - S. 38-52. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.12.3.006. – EDN PZEPAR.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.08.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-119-123
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.

ОМЕЛИН Виктор Николаевич,
Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, e-mail: v.omelin@mail.ru

УСЛОВИЯ ПРИЧИНЕНИЯ ВЫНУЖДЕННОГО ВРЕДА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В статье на основе анализа Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», литературных источников рассматриваются условия причинения вынужденного вреда в оперативно-розыскной деятельности. Предлагаются дополнения в соответствующие федеральные законы.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, правоохранняемые интересы, условия причинения вынужденного вреда в оперативно-розыскной деятельности.*

OMELIN Victor Nikolaevich,
Chief research scientist of the Scientific research institute of the Federal service for execution of punishment of Russia Doctor of low, Professor

CONDITIONS FOR CAUSING UNINTENTIONAL INJURY IN OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITY

Annotation. *Based on an analysis of Federal Law No. 144-FZ dated August 12, 1995, "On Operational and Investigative Activities," and relevant literature, the article examines the conditions under which harm may be caused involuntarily in operational and investigative activities. Proposals are made for amendments to the relevant federal laws.*

Key words: *Operational investigative activities, operational investigative measures, legally protected interests, conditions for causing unavoidable harm in operational investigative activities.*

При защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств законодатель предусматривает возможность вынужденного причинения должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, либо лицом, оказывающим ему содействие, вреда охраняемым интересам в ходе правомерного выполнения ими своего служебного или общественного долга (ч. 4 ст. 16 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 04.01.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). По своему содержанию данную норму можно представить как форму реализации права в виде использования правовых норм. Использование правовых норм - это осуществление субъектами своих юридических прав, дозволений для удовлетворения или защиты как своих, так и общественных интересов. В данном случае законодатель подчеркивает, с одной стороны, исключительность полномочий указанной категории лиц в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД) , а с другой — возможность сложных, неординарных ситуаций при исполнении ими служебного или общественного долга, когда обстановка требует чрезвычайных, нетипичных решений и действий.

Следует заметить, что ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает возможность ограничения федеральным законом прав и свобод челове-

ка и гражданина в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Для достижения указанных целей оперативно-розыскные органы вынуждены вторгаться в сферу прав и свобод лиц, вовлекаемых в сферу ОРД.

Наиболее рельефно обозначенная проблема проявляется при причинении вреда при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), которые могут затрагивать отдельные права лиц, попадающих в поле зрения оперативно-розыскных органов. Вот некоторые из них:

при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий (наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, оперативное внедрение) оперативные сотрудники фактически вторгаются в сферу личных отношений человека и ограничивают право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ;

прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений объединяет то обстоятельство, что проведение названных ОРМ имманентно связано с причинением вреда в виде ограничения конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных и иных сообщений. Согласно Конституции РФ ограничения указанных конституционных прав допускается только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ);

при проведении ОРМ (например, обследования жилых помещений, наблюдения) возможно негласное проникновение в жилое помещение, что ограничивает конституционное право на неприкосновенность жилища и также требует судебного решения (ч. 2 ст. 25 Конституции РФ).

При подготовке и оценке ситуаций вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам Закон об ОРД, иные федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты требуют соблюдение определенных условий. Если эти условия не выполнены, причиненный вред может быть признан противоправным.

Полагаем, что допустимость вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств признается правомерной при наличии следующих условий:

ОРМ, причиняющие вред, совершаются при правомерном выполнении должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, либо лицом, оказывающим ему содействие, служебного или общественного долга.

В ч. 4 ст. 16 Закона об ОРД законодатель подчеркивает, что только при правомерном выполнении указанными лицами своего служебного или общественного долга, допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам. Это положение исключает произвол в действиях участников ОРМ. Осуществление ОРМ, не предусмотренных Законом об ОРД, проведение ОРМ с нарушением пределов полномочий, а также установленного порядка и (или) в целях, не предусмотренных законом, может образовывать признаки преступлений, например, злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК), превышения должностных полномочий (ст. 286 УК), нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК), нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК) и др.

Служебный долг должностного лица органа, осуществляющего ОРД, предполагает выполнение лицом действий, входящих в круг его профессиональных обязанностей, которые установлены законом или иным нормативным правовым актом. Эти обязанности определяют характер, смысл, содержание его деятельности и в правовом смысле лишают должностное лицо выбора относительно формы его поведения как действия либо воздержания от него, а допускают лишь выбор линии поведения, которая должна базироваться на действующем законодательстве [1, С. 346].

Применительно к лицам, оказывающим конфиденциальное содействие оперативно-розыскным органам (конфидентам) общественный долг может рассматриваться как выполнение ими обязанностей, предусмотренных ч. 1 ст.17 Закона об ОРД, либо вытекающих из контракта о сотрудничестве. К сказанному добавим, что касательно конфидентов общественный долг может рассматриваться как моральная обязанность.

наличие закона или иного нормативного правового акта, регламентирующего общественно значимую деятельность и содержащего указание на возможность совершения конкретных действий, причиняющих вред правоохраняемым интересам.

Как уже указывалось, согласно Закона об ОРД вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам представляется допустимым, если совершается при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Аналогичные правовые нормы присутствуют в законах, регламентирующих деятельность органов, осуществляющих ОРД. В этом проявляется особый правовой статус оперативно-розыскных

органов, который закреплен не только в главе III Закона об ОРД, но и в других федеральных законах. Например, согласно ч. 5 ст. 14 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О федеральной службе безопасности» военнослужащие органов федеральной службы безопасности не несут ответственность за вред, причиненный лицам и организациям при применении боевой техники, оружия, специальных средств и физической силы, если применение указанных средств и физической силы осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены настоящим Федеральным законом и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Регулируя деятельность правоохранительных органов по борьбе с отдельными видами преступных проявлений, законодатель также обращает внимание на возможность правомерного причинения вреда правоохраняемым отношениям. Так, в соответствии со ст. 22 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 25.05.2026) «О противодействии терроризму» лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации, являются правомерными.

Следует заметить, что названные правовые положения о причинении вреда правоохраняемым интересам находятся в полном соответствии с уголовным законодательством и согласуются с такими уголовно-правовыми институтами, как необходимая оборона (ст. 37 УК РФ), причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление (ст. 38 УК РФ) и крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ). Для каждого из этих случаев закон устанавливает свои условия правомерности. Если хотя бы одно из них нарушено (например, превышены пределы необходимой обороны или не соблюдены условия обоснованного риска), вред уже не будет считаться правомерным, и может наступить уголовная ответственность.

Однако правомерность нормы Закона об ОРД о вынужденном причинении вреда в ОРД не нашла отражения в уголовном праве, что требует принятия дополнительных мер защиты. В частности, опыт показывает возникновение ситуаций, при которых лица, внедренные в организованные преступные группы, вынуждены имитировать преступную деятельность в целях пресечения тяжкого или особо тяжкого преступления или участвовать в его планировании либо принимать участие в совершении преступлений на второстепенных ролях. Для обеспечения правовой защиты лиц, правомерно внедренных в криминальную среду, предлагается дополнить УК РФ новым обстоятельством, исключающим преступность деяния (как вариант, ст. 39.1 УК РФ «Выполнение специального задания в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации)» [2, С. 6].

По пути освобождения от уголовной ответственности за причинение вреда при выполнении в соответствии с законом ОРМ сотрудником уполномоченного государственного органа либо по поручению такого органа иным лицом, сотрудничающим с этим органом, пошли законодатели Республики Беларусь (ст. 38 УК Республики Беларусь «Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию»), Республики Казахстан (ст. 35 УК Республики Казахстан «Осуществление оперативно-разыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий»).

К сказанному следует добавить, что для обеспечения правовой защиты субъектов оперативного внедрения необходимо регламентировать механизм ведомственного контроля за проведением данного ОРМ, включая порядок санкционирования действий, внешне подпадающих под признаки преступления, но осуществленных не по инициативе внедренного лица; порядок уведомления соответствующих органов и должностных лиц о необходимости и обстоятельствах, понуждающих субъектов оперативного внедрения к противоправным действиям; порядок проверки такого рода действий субъектов оперативного внедрения, совершенных ими при выполнении разведывательного задания.

Наряду с этим в научной литературе предлагается дополнить ч. 1 ст. 24 УПК РФ новым пунктом, согласно которому уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению в случае причинения правомерного вреда в ситуациях, предусмотренных гл. 8 УК РФ, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации международными договорами Российской Федерации [3. С. 33-43].

вред правоохраняемым интересам при решении задач ОРД. причиняется вынужденно, то есть он обусловлен складывающейся обстановкой, в которой проводится ОРМ.

Полагаем, что вынужденным должно признаваться причинение вреда правоохраняемым интересам, когда иными мерами (действиями) достижение цели и решение задач ОРД в конкретной ситуации осуществить не представилось возможным либо крайне затруднительно.

Законодателем не конкретизированы случаи вынужденного причинения вреда правоохра-

няемым интересам в ходе правомерного осуществления ОРД. Достаточно лишь того, чтобы действия указанных лиц были правомерными, вынужденными и направленными на защиту указанных в законе ценностей.

Например, ст. 38 УК РФ гласит, что не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным. Из содержания данной нормы следует, что в таких случаях вред причиняется правомерно - ради защиты более важных интересов или устранения большей опасности.

Вопрос о том, является ли причинение того или иного вреда вынужденным, должен решаться в каждом отдельном случае, исходя из конкретных обстоятельств. Следует согласиться с утверждением ученых о том, что вред, который причиняется в ходе осуществления ОРД, должен быть оправданным применительно к конкретной обстановке. Вред может считаться вынужденным, когда он причиняется как ответная мера либо мера, направленная на пресечение противоправных действий, предотвращение их общественно опасных последствий [1, С. С. 344]. В ряде случаев, должностные лица оперативных подразделений при осуществлении ОРМ по предотвращению или раскрытию преступлений вынуждено причиняют вред не только лицу, посягающему на охраняемые законом и интересы, но и правам, так называемых, «третьих» лиц, В частности, прослушивание телефонных переговоров предполагает ограничение права на неприкосновенность переговоров как объектов данного ОРМ, так и иных лиц, в том числе не представляющих оперативного интереса, которые могут вести переговоры по телефону, поставленному на прослушивание. Законность прослушивания переговоров данных лиц подтвердил Конституционный Суд РФ. В определении от 14 июня 1998 г. № 86-0 указано: «Что касается распространения оперативно-розыскных мероприятий на вступающих в контакты с лицом, в отношении которого осуществляются эти мероприятия, то оно допустимо постольку, поскольку задача оперативно-розыскных мероприятий заключается в установлении преступных связей проверяемого лица» [4].

соблюдение необходимых для конкретной обстановки правовых предписаний о причинении вреда, регулирующих соответствующие виды оперативно-служебной деятельности.

В научной литературе справедливо отмечается, что вред, причиненный в ситуациях, признаки которых нормативно закреплены в соответствующих нормативных актах, является меньшим злом по сравнению с предотвращенным ущербом [5, С. 93].

В этой связи отметим, что согласно Федерального закона от 28.01.2011 N 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О полиции» сотрудник полиции не несет ответственность за вред, причиненный гражданам и организациям при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, если применение физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия осуществлялось по основаниям и в порядке, которые установлены федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами (ч. 9 ст.18). Порядок применения сотрудником полиции специальных средств определяет ст. 21 данного закона, ст. 22 устанавливает запреты и ограничения, связанные с применением специальных средств, ст. 23 регулирует случаи применения огнестрельного оружия. Нельзя не согласиться в том, что выполнение этих действий в рамках допустимого соответствующей правовой нормой, не может считаться уголовно наказуемым деянием, совершая их, лицо тем самым причиняет правомерный вред [5, С. 96]. Умышленное, в нарушение установленных законом оснований и порядка применение сотрудником полиции специальных средств или огнестрельного оружия в связи с возложенными на него обязанностями влечет уголовную ответственность за превышение должностным лицом в соответствии с ч. 3 ст. 286 УК РФ.

причинение вреда должно осуществляться на основе принципа соразмерности применяемых вредоносных действий.

На практике это означает, что причинение вынужденного вреда в ОРД должен быть соразмерным — недопустимо причинять вред, явно превышающий ту угрозу, которую предотвращают.

В данном случае необходимо соотнести причиняемый и предотвращаемый вред. Такое сопоставление характерно для большинства обстоятельств, исключающих преступность деяния (глава 8 УК РФ). Оно применяется при описании пределов необходимой обороны: защита от посягательства является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства (ч. 2 ст. 37 УК РФ), причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление (ч. 2 ст. 38), крайней необходимости (ч. 2 ст. 39), физического или психического принуждения (ч. 2 ст. 40).

Список литературы:

[1] Комментарий к Федеральному закону

Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. В.С. Овчинского. – Москва : Норма : ИНФРА-М., 2022. С. 346.

[2] Железняков Ю. Г. Уголовная ответственность субъектов оперативно-розыскной деятельности, совершивших преступления при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Елец. 2009. С.6.

[3] Михайлов В.И. Правовое регулирование причинения вреда при правомерном выполнении профессиональных (должностных) функций // Адвокат. 2015. № 5. С. 33-43.

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. № 86-0 «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой» п. 7 // СПС КонсультантПлюс.

[5] Михайлов В.И. Правомерный вред – методологическая основа допустимости вредоносных мероприятий в оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов и специальных служб // Журнал Российского права. 2018 № 7 С. 93.

References:

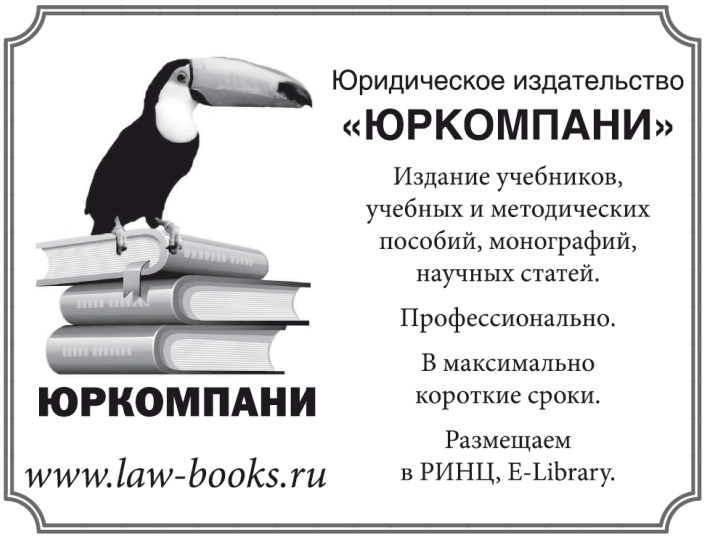
[1] Commentary to the Federal Law of the Russian Federation "On Operational-Search Activities" / ed. V.S. Ovchinsky. - Moscow: Norm: INFRA-M., 2022. C. 346.

[2] Zheleznyakov Yu. G. Criminal liability of subjects of operational-search activities who have committed crimes in the implementation of operational-search measures: author. dis.... cand. jurid. sciences. Yelets. 2009. C.6.

[3] Mikhailov V.I. Legal regulation of harm in the lawful performance of professional (official) functions // Lawyer. 2015. № 5. S. 33-43.

[4] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 1998 No. 86-0 "In the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Law "On Operational Search Activities" on the complaint of citizen I.G. Chernova" clause 7 // SPS ConsultantPlus.

[5] Mikhailov V.I. Legitimate harm is the methodological basis for the admissibility of malicious measures in the operational and official activities of law enforcement agencies and special services // Journal of Russian Law. 2018 NO. 7 S. 93.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.08.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-124-128
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.

ШЕСТАК Виктор Анатольевич,
профессор кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, доктор юридических наук, доцент,
e-mail: viktor_shestak@mail.ru.

САВЕНКОВ Дмитрий Сергеевич,
старший помощник военного прокурора 231 военной прокуратуры гарнизона, старший лейтенант юстиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ГЕНЕЗИС ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. *В статье представлен комплексный историко-правовой анализ генезиса и эволюции прокурорского надзора в сфере оборонно-промышленного комплекса – от формирования первых специализированных групп при Прокуратуре Верховного суда СССР до современной системы цифровизированного надзора за исполнением законодательства о государственном оборонном заказе (далее – ГОЗ) – с выявлением циклических закономерностей развития и формулированием рекомендаций по совершенствованию надзорной деятельности. По результатам исследования авторы приходят к выводу о прямой пропорциональной зависимости эффективности надзора за оборонным комплексом от глубины интеграции прокурора в систему экономического планирования и управления. Авторы приходят к выводу, что эффективность прокурорского надзора за оборонным комплексом определяется не столько жёсткостью уголовной репрессии, сколько наличием у прокурора внесудебных административных полномочий и его интеграцией в систему экономического планирования.*

Ключевые слова: *оборонная промышленность, военная прокуратура, прокурорский надзор, государственный оборонный заказ.*

SHESTAK Viktor A.,
Professor of the Criminology Department of the A. Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Juridical Science, Associate Professor

SAVENKOV Dmitry S.,
Senior Assistant to the Military Prosecutor of the 231st Military Prosecutor's Office of the garrison, Senior Lieutenant of Justice

THE GENESIS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE SPHERE OF THE DEFENCE INDUSTRIAL COMPLEX: A HISTORICAL AND LEGAL STUDY

Annotation. *The article presents a comprehensive historical and legal analysis of the genesis and evolution of prosecutorial supervision in the sphere of the defence-industrial complex — from the formation*

of the first specialised groups under the Prosecutor's Office of the Supreme Court of the USSR to the modern system of digitalised supervision over the implementation of legislation on the state defence order (hereinafter — the DO) — identifying cyclical patterns of development and formulating recommendations for improving supervisory activities. Based on the results of the study, the authors conclude that there is a direct proportional relationship between the effectiveness of supervision over the defence complex and the depth of a prosecutor's integration into the system of economic planning and management. The authors conclude that the effectiveness of prosecutorial oversight of the defense complex is determined not so much by the severity of criminal repression as by the prosecutor's extrajudicial administrative powers and his integration into the economic planning system.

Key words: *defense industry, military prosecutor's office, prosecutor's supervision, state defense order.*

Функционирование оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) традиционно сопряжено с концентрацией бюджетных средств, повышенной техногенной опасностью и необходимостью соблюдения режима государственной тайны. В производстве вооружений прокуратура исторически служила главным рычагом исполнительской дисциплины. Правовая природа этого надзора всё время смещалась между двумя полюсами: правоохранительным (борьба с хищениями и халатностью) и административно-карательным (обеспечение выполнения плана любой ценой).

Возникновение специализированного прокурорского надзора за оборонной промышленностью детерминировано становлением системы военных прокуратур в советский период. Так, прокуратура была институционализирована в РСФСР в 1922 году в соответствии с Положением о прокурорском надзоре, утверждённым постановлением ВЦИК, а к 1926 году, с принятием Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре, оформилась и военная составляющая надзорного ведомства [3]. Данный нормативный правовой акт регламентировал правовое положение военных трибуналов и прокуратур, определял подсудность и подследственность, а также порядок производства дел в военно-судебных учреждениях. Во главе военной прокуратуры находился помощник Прокурора Республики, а после образования СССР органы военной прокуратуры были переданы в подчинение Прокуратуре Верховного суда СССР. При этом отдельной специализации по надзору за промышленностью, работающей на армию, ещё не было: административно-хозяйственную деятельность контролировали общие суды и прокуратура, а преступлениями, совершенными военнослужащими, командированными на заводы, занималась военная прокуратура.

Отметим, что положение военной промышленности к моменту реорганизации органов военной прокуратуры в конце 1926 года определялось затруднениями, которые заключались в следующем: наличие недостач по заказам Наркомвоенмора (при хронически увеличивающихся недоделках из года в год военная промышленность не была подготовлена к выполнению программы Наркомвоенмора); тяжелое финансовое положение, обострившееся в связи с задолженностью Наркомвоенмору; рост убыточности при расстройстве калькуляционной работы и неудовлетворительной постановке отчетности; несоответствие роста зарплаты производительности труда при значительном излишке рабочей силы [2]. Но положение дел изменила «военная тревога» периода 1927-1929 годов и курс на индустриализацию. Сворачивание НЭПа и введение карточной системы снабжения породили поток дел о хищениях цветных металлов, оборудования и массовом выпуске бракованной продукции («вредительстве»). Вследствие этого, в 1928 году при Прокуратуре Верховного суда СССР были созданы первые группы по наблюдению за военной промышленностью. Упреждающий надзор имел фискально-обвинительный уклон: прокурор проводил политическую волю, направленную на выявление «классовых врагов» в среде технической интеллигенции (Шахтинский процесс [8], дело «Промпартии» [4]).

В последующем в период Великой отечественной войны была создана и новая административно-правовая среда. Так, указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 «О военном положении» расширил юрисдикцию военных трибуналов и военных прокуратур. В местностях, объявленных на военном положении, дела о преступлениях против обороны, общественного порядка и государственной безопасности были переданы из общих судов в военные трибуналы [6]. В действующей армии были созданы военные прокуратуры фронтов, армий и соединений. В таких условиях ключевым звеном надзора за оборонной промышленностью стали оперативные группы прокуроров, работавшие прямо на заводах. Надзор осуществлялся в режиме реального времени: прокуроры имели право немедленно санкционировать административное выселение семей рабочих-дезертиров, а также возбуждать дела по законам военного времени в отношении директоров заводов за срыв гособоронзаказа при наличии признаков халатности.

Отметим и особый правовой феномен этого периода — институт прикомандированных военных следователей и прокуроров на режимных предприятиях. Их статус был двойственным: они подчинялись Главной военной прокуратуре и одновременно местным партийным органам. Главной задачей стала профилактика, а не только репрессия. Прокуроры могли приостанавливать распоряжения администрации, если те нарушали «технологическую дисциплину», что демонстрировало трансформацию прокурорского надзора в сторону административного управления.

По завершении Великой отечественной войны и периода восстановления народного хозяйства принятый Закон СССР от 30.11.1979 № 1162-X «О прокуратуре СССР» закрепил жёсткую вертикаль прокурорского надзора на рассматриваемом направлении [1]. Органы прокуратуры составили единую и централизованную систему, возглавляемую Генеральным прокурором СССР, с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим, осуществляя надзор за правильным и единообразным применением законов, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным и ведомственным влияниям. При этом для надзора за оборонными отраслями была характерна особая специализация, выраженная в создании закрытых «номерных» прокуратур, осуществлявших надзор и уголовное преследование на особо режимных объектах. Первые закрытые административно-территориальные образования появились в период холодной войны и гонки вооружений (1946–1953 гг.) для защиты предприятий, связанных с созданием, хранением и утилизацией ядерного вооружения, а также военных и космических объектов. В системе Прокуратуры СССР действовало около трёх десятков таких прокуратур, которые не входили в состав прокуратур краёв, областей и республик, но обладали равными с ними процессуальными полномочиями и напрямую подчинялись структурному подразделению Прокуратуры СССР. В структуре самой Прокуратуры СССР стали действовать специализированные управления: по надзору за расследованием дел особой важности и общего надзора. Их отделы курировали среднее машиностроение (атомный проект), общее машиностроение (ракетная техника), радиоэлектронную промышленность и судостроение. Прокурорский надзор в этой сфере приобрел черты тотального технологического аудита. К тому же, ключевой правовой формой прокурорского реагирования являлось представление об устранении нарушений законности. В отличие от уголовного преследования, документ вносили директору или в партком и обязывали рассмотреть его в месячный срок. Это было мощным рычагом воздействия, поскольку повторное представление влекло дисциплинарное наказание, исключение из партии и снятие с должности.

Осуществляя прокурорский надзор в сфере обеспечения качества продукции, прокуратура работала в тесной связке с военной приёмкой (Военпредами). Генеральный прокурор СССР и Министерство обороны ввели совместный анализ состояния законности и качества военной техники. При систематических дефектах, выявленных военной приёмкой, прокурор, обладая соответствующими полномочиями, был уполномочен инициировать дознание на режимном объекте без согласования с профильным министерством.

Позднее распад СССР и конверсия оборонных предприятий (перевод их на выпуск гражданской продукции) резко ослабили государственный контроль и привели к росту экономической преступности в ОПК. С начала 1990-х до начала 2000-х годов систему закрытых прокуратур реформировали. Так, Указом Президента Российской Федерации от 14.07.1992 «О закрытом административно-территориальном образовании» был установлен новый правовой статус населённых пунктов с особым режимом функционирования. Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 22.01.2001 № 3 Второе управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации было ликвидировано, а прокуратуры войсковых частей переименованы в прокуратуры по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах и закрытых административно-территориальных образованиях с переподчинением прокурорам субъектов Российской Федерации. Ситаем, что такая реформа привела к децентрализации надзора и ослаблению позиции прокурора на объектах ОПК. Кроме того, появление частных посредников при выполнении военных контрактов создало для прокуроров новую правовую среду: классический «общий надзор» советского типа не справлялся со схемами обналичивания денег через коммерческие структуры-«прокладки».

В таких условиях системный надзор начал восстанавливаться в 2010-е годы с нормативным закреплением категории ГОЗ: Федеральным законом от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» прокуроры были наделены полномочиями по надзору за целевым расходованием средств и соблюдением режима банковского сопровождения сделок [7]. Помимо этого, изменились и субъекты прокурорского надзора на рассматриваемом направлении. К существующим прокуратурам субъектов Российской Федерации и военной прокуратуре добавились координирующие структуры: Главная военная прокуратура (в отношении предприятий, где присутствуют военные представительства) и управления Генеральной прокуратуры Россий-

ской Федерации в федеральных округах. В августе 2013 года в Генеральной прокуратуре Российской Федерации был создан профильный отдел, в феврале 2014 года – управление по надзору за исполнением законов в сфере ОПК, которое в апреле 2017 года стало самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата. Была восстановлена практика закрепления профильных прокуроров за стратегическими предприятиями. Изменился и инструментарий прокуратуры: приоритет перешел от надзора за исполнением планов на уголовное преследование за мошенничество (ст. 159 УК РФ) и злоупотребление полномочиями при выполнении гособоронзаказа (ст. 201.1 УК РФ) [5].

Отличительной же чертой современного этапа является цифровизация надзорной деятельности. Если советский прокурор опирался на ведомственную статистику и результаты документарных проверок, то сегодня мониторинг единой информационной системы ГОЗ Министерства обороны Российской Федерации, данных Федерального казначейства и Федеральной налоговой службы позволяет выявлять кооперационные цепочки и сомнительные авансовые платежи в электронной среде. В рамках расширения «цифровых» полномочий прокуроров в феврале 2026 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесён законопроект, предусматривающий закрепление за органами прокуратуры права постоянного, в том числе удалённого, доступа к сведениям, содержащимся в государственных информационных системах, что, в целом, это отражает фундаментальный сдвиг в приоритетах государственного контроля над ОПК – от обеспечения производственной дисциплины к обеспечению финансовой прозрачности. Однако такой переход порождает новые правовые риски, связанные с балансом между эффективностью прокурорского надзора и пределами вмешательства государства в информационные контуры хозяйствующих субъектов, что требует соответствующего доктринального осмысления и нормативного регулирования.

Таким образом, исторический опыт свидетельствует, что прокурорский надзор за оборонной промышленностью развивался циклично. Советский период превратил прокуратуру из карательного органа, нацеленного на борьбу с дезертирством и саботажем, в административно-технологического контролёра, инкорпорированного в систему промышленного производства. Главная особенность советской модели состояла в том, что институт надзора за исполнением законов встраивал прокуратуру в управленческий процесс и позволял предотвращать сбои в производстве без возбуждения уголовных дел. Постсоветский период характеризовался утратой прокурором превентивных административных рычагов и переориентацией на уголовное преследование постфактум. Вместе с тем громкие дела о хищениях в ОПК конца 2010-х годов продемонстрировали, что только репрессивных мер недостаточно. Мы полагаем, что эффективность надзора за оборонным комплексом прямо пропорциональна глубине интеграции прокурора в систему экономического планирования и управления, а без возвращения прокурорского надзора за исполнением законов к форме сплошного технологического аудита, борьба с нарушениями продолжит оставаться запоздалой реакцией на уже причиненный государству ущерб.

Список литературы:

[1] Закон СССР от 30.11.1979 № 1162-X (ред. от 07.01.1988) «О прокуратуре СССР» // Свод законов СССР, т. 10, с. 41, 1990 г.

[2] Обзор ГВПУ о состоянии военной промышленности и задачах по обеспечению нужд обороны от 27.07.1928. // ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 2. Д. 104. Л. 62-71.

[3] Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре» (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 20.08.1926) // «СЗ СССР», 1926, № 57, ст. 413.

[4] Судебный процесс «Промпартии» 1930 г. Подготовка, проведение, итоги : в 2 кн. Кн. 2 [Электронный ресурс]. – Москва : РОССПЭН, 2017. – Электронный ресурс. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/422866 (дата обращения: 09.06.2026).

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954. Ст. 201.1.

[6] Указ Президиума ВС СССР от 22.06.1941 (с изм. от 07.07.1943) «О военном положении» // Ведомости ВС СССР, 1941, № 29.

[7] Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О государственном оборонном заказе» // Собрание законодательства РФ, 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7600.

[8] Шахтинский процесс [Электронный ресурс] // История РФ: [сайт]. – 2015. – 14 дек. – URL: https://history.ru/read/articles/shakhtinskii-protsiess-event (дата обращения: 09.06.2026).

References:

[1] Law of the USSR of 30.11.1979 No. 1162-Kh (as amended by 07.01.1988) "On the Prosecutor's Office of the USSR" // Code of Laws of the USSR, vol. 10, p. 41, 1990.

[2] Review of the GVPU on the state of the military industry and tasks to meet the needs of defense against 27.07.1928 // GA RF. F. R-8418. Op. 2. D. 104. L. 62-71.

[3] Regulations on military tribunals and military prosecutors" (approved by Decree of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of 20.08.1926) // SZ USSR, "1926, No. 57, Art. 413.

[4] Trial of the "Industrial Party" 1930. Preparation, conduct, results: in 2 books. Kn. 2 [Electronic resource]. - Moscow: ROSSPEN, 2017. - Electronic resource. - URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/422866 (access date: 09.06.2026).

[5] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 09.04.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, Art. 2954. Art. 201.1.

[6] Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of 22.06.1941 (as amended on 07.07.1943) "On Martial Law" // Vedomosti of the USSR Armed Forces, 1941, No. 29.

[7] Federal Law of 29.12.2012 No. 275-FZ (as amended by 15.12.2025) "On State Defense Order" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 31.12.2012, No. 53 (part 1), Art. 7600.

[8] Shakhty process [Electronic resource] // History of the Russian Federation: [site]. – 2015. – 14 дек. – URL: https://history.ru/read/articles/shakhtinskii-protsiess-event (дата обращения: 09.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-129-136

ХАРИНА Ольга Дмитриевна,
старший преподаватель кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета,
e-mail: 79319057477@yandex.ru

ПАНТЕЛЕЕВА Анна Александровна,
магистр кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета,
e-mail: mihajlovaa284@gmail.com

АМНИСТИЯ И ПОМИЛОВАНИЕ ПО РОССИЙСКОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Аннотация. *Статья посвящена актуальным проблемам амнистии и помилования в российском уголовном праве. В работе раскрываются понятие и правовая природа этих институтов, их соотношение и различия. Основное внимание уделено проблемам нормативного регулирования: отсутствию федерального закона об амнистии, недостаткам процедуры помилования по Указу Президента РФ от 14 декабря 2020 г. № 787, в котором не установлены сроки рассмотрения ходатайств, трудностям подготовки документов для осужденных без родственников и неопределенности круга субъектов амнистии и помилования. Исследуется практика помилования участников специальной военной операции. Обосновывается необходимость принятия единого федерального закона «Об амнистии и помиловании в Российской Федерации».*

Ключевые слова: *амнистия, помилование, уголовное право, уголовная политика, Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, индивидуализация наказания, потерпевшие, административный надзор, рецидивная преступность, специальная военная операция, федеральный закон, компенсационный фонд.*

KHARINA Olga Dmitrievna,
Senior Lecturer at the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University

PANTELEEVA Anna Alexandrovna,
Master's degree holder in the Department of Law Enforcement, Criminal Law and Procedure, Pskov State University

AMNESTY AND PARDON UNDER RUSSIAN CRIMINAL LAW

Annotation. *The article is devoted to the current issues of amnesty and pardon in Russian criminal law. The paper examines the concept and legal nature of these institutions, their relationship and differences. The main focus is on the problems of regulatory framework: the absence of a federal law on amnesty, the shortcomings of the pardon procedure under the Decree of the President of the Russian Federation dated December 14, 2020, No. 787, which does not establish the deadlines for considering petitions, the difficulties in preparing documents for convicts without relatives, and the uncertainty regarding the scope of subjects eligible for amnesty and pardon. The practice of granting pardons to participants in a special military operation*

is being examined. The need to adopt a unified federal law "On Amnesty and Pardon in the Russian Federation" is substantiated.

Key words: *amnesty, pardon, criminal law, criminal policy, the Constitution of the Russian Federation, the Criminal Code of the Russian Federation, individualization of punishment, victims, administrative supervision, recidivism, special military operation, federal law, compensation fund.*

Институты амнистии и помилования занимают особое место в системе уголовно-правового регулирования. Они выступают инструментами гуманизации уголовной политики и одновременно — средствами корректировки ее приоритетов в зависимости от социальных, экономических и политических условий. Вместе с тем их нормативное оформление в российском законодательстве остается фрагментарным, а практика применения вызывает вопросы как у теоретиков, так и у правоприменителей.

Актуальность темы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, институты амнистии и помилования затрагивают интересы большого числа граждан. Во-вторых, их применение порождает споры о справедливости и равенстве. В-третьих, в последние годы появилась практика помилования участников специальной военной операции, которая не получила достаточного научного осмысления. В-четвертых, российское законодательство не содержит единого акта, который регулировал бы оба института. Эти обстоятельства делают тему востребованной как в теоретическом, так и в практическом плане.

Амнистия представляет собой акт высшего органа законодательной власти, который освобождает от уголовной ответственности или наказания определенную категорию лиц, совершивших преступления. Согласно ч. 1 ст. 84 УК РФ [2], амнистия объявляется Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в отношении индивидуально не определенного круга лиц. Это означает, что акт амнистии не называет конкретных лиц. Он определяет категории преступлений и категории осужденных, к которым применяется.

В доктрине уголовного права существуют различные определения амнистии. Н. А. Лопашенко характеризует ее как нормативный правовой акт, принимаемый высшим органом законодательной власти, который в отношении индивидуально не определенного круга лиц смягчает уголовно-правовые последствия совершенных преступлений или полностью устраняет их [11, с. 412]. А. И. Рарог определяет амнистию как акт государственной власти, который освобождает от уголовной ответственности и наказания определенные категории лиц, совершивших преступления [14, с. 358].

Существенной характеристикой амнистии является ее нормативный характер. Акт амнистии не является правоприменительным актом в собственном смысле слова: он не разрешает конкретное дело, а устанавливает правило, подлежащее применению к неопределенному кругу ситуаций. Именно поэтому в теории уголовного права амнистия рассматривается как разновидность нормативного правового акта, а не как индивидуальное решение [3, с. 87]. Таким образом, амнистия не имеет персонифицированного характера и не ставит под сомнение законность судебного решения.

Помилование - это акт высшего должностного лица государства, который освобождает конкретное лицо от наказания или смягчает его. Конституционной основой института помилования является п. «в» ст. 89 Конституции РФ [1], согласно которому Президент Российской Федерации осуществляет помилование. Данное полномочие главы государства относится к числу его конституционных прерогатив и не может быть передано иным органам государственной власти. Конституция РФ не раскрывает понятия помилования, его целей, оснований и порядка осуществления, что порождает необходимость обращения к нормам уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, а также к актам Президента РФ и решениям Конституционного Суда РФ.

Право на помилование не закреплено в главе 2 Конституции РФ, посвященной правам и свободам человека и гражданина, и не может быть предметом судебной защиты в том же порядке, что и основные права. Вместе с тем институт помилования связан с принципом гуманизма, закрепленным в ст. 7 УК РФ, и с конституционным принципом, согласно которому человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). Как отмечает Конституционный Суд РФ в Определении от 15.01.2009 № 283-О-О, помилование представляет собой акт милосердия со стороны государства, не отменяющий приговор суда и не ставящий под сомнение его законность [6].

В доктрине помилование определяется как акт верховной власти, который в отношении конкретного осужденного смягчает участь или полностью освобождает его от наказания [15, с. 203]. С. И. Курганов понимает помилование как индивидуальный правовой акт, принимаемый Президентом РФ, который освобождает осужденного от дальнейшего отбывания наказания, сокращает

или заменяет наказание, а также снимает судимость [9, с. 45].

Согласно ч. 2 ст. 85 УК РФ, актом помилования лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания. Назначенное наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом. С лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость. Таким образом, помилование носит индивидуальный характер, не отменяет приговор и выступает актом милосердия со стороны государства.

Соотношение амнистии и помилования исследовал А. В. Малько. Он отмечает, что амнистия и помилование - это взаимодополняющие институты, которые обеспечивают гибкость уголовной политики и позволяют государству учитывать изменяющиеся социальные условия [12, с. 156].

Различия между амнистией и помилованием проявляются по нескольким линиям. Первая линия — субъект принятия решения. Амнистию объявляет коллегиальный орган законодательной власти. Помилование осуществляет единолично глава государства. Вторая линия — круг лиц. Амнистия адресована неопределенному кругу. Помилование всегда персонально. Третья линия — стадия применения. Амнистия возможна и до приговора, и после него. Помилование — только после вступления приговора в силу. Четвертая линия — правовые последствия. Амнистия может освободить от уголовной ответственности. Помилование этого не делает. Пятая линия — основания. У амнистии они публично-политические, у помилования — индивидуально-личностные.

Перечисленные различия не означают разрыва между институтами. Они дополняют друг друга. Амнистия решает задачи общей уголовной политики. Помилование позволяет учесть особенности конкретного случая. Вместе они образуют двухуровневую систему прощения. Нижний уровень — массовый, верхний — индивидуальный. Такая конструкция встречается и в зарубежном праве.

Процедура применения амнистии и помилования различается по степени формализации и публичности. Амнистия объявляется путем принятия постановления Государственной Думы, которое подлежит официальному опубликованию. Механизм реализации амнистии включает в себя обязанность судов, органов предварительного расследования и учреждений уголовно-исполнительной системы самостоятельно применять акт об амнистии к лицам, подпадающим под его действие.

Помилование, напротив, строится на инициативном порядке. Осужденный или его защитник подают ходатайство в комиссию по вопросам помилования при субъекте РФ. Комиссия готовит заключение. Окончательное решение принимает Президент РФ.

Основания амнистии носят публично-политический характер. Она объявляется к юбилейным датам и историческим событиям либо ради гуманизации уголовной политики в отношении отдельных категорий осужденных: несовершеннолетних, беременных женщин, инвалидов и других.

Основания помилования, наоборот, индивидуально-личностные. Учитываются тяжесть преступления, поведение осужденного в период отбывания наказания, состояние здоровья, наличие семьи, раскаяние и иные обстоятельства. Они позволяют сделать вывод о возможности достичь целей наказания без дальнейшего отбывания срока или с заменой его более мягким видом.

Соотношение амнистии и помилования показывает, что это самостоятельные институты. Они имеют общие черты. К ним относятся гуманитарная направленность и возможность смягчения участи осужденного. Вместе с тем институты различаются по правовой природе, субъекту принятия решения и кругу лиц, к которым применяются.

Статья 10 Конституции РФ закрепляет принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Согласно ч. 1 ст. 118 Конституции РФ, правосудие осуществляется только судом. Эти конституционные положения порождают вопрос: на каком основании законодательная власть может освобождать от наказания лиц, виновность которых установлена судом?

Амнистия дает Государственной Думе возможность полностью или частично освободить от наказания лиц, совершивших преступления, либо смягчить им наказание, назначенное судом. При этом суд, вынесший приговор, не участвует в решении вопроса об амнистии. Это порождает критику со стороны ряда ученых.

А. И. Рарог указывает, что амнистия нарушает принцип индивидуализации уголовного наказания, поскольку применяется к категориям лиц, а не к конкретным осужденным [14, с. 361]. С. А. Борсученко считает, что амнистия противоречит принципу разделения властей. По ее мнению, законодательная власть при этом берет на себя функции судебной [7, с. 74].

Существует и противоположная позиция. М. А. Федотов, занимавший должность председателя Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, полагает, что амнистия способствует снижению рецидивной преступности в сравнении с полным отбытием наказания, поскольку сохраняет социальные связи осужденного. Данная позиция, однако, нуждается в эмпирическом подтверждении: репрезентативных исследований на эту тему в открытом доступе не представлено.

В настоящее время амнистия объявляется постановлениями Государственной Думы. Каждое такое постановление имеет свои особенности. Это порождает трудности в правоприменении.

С. И. Курганов указывает, что отсутствие федерального закона об амнистии приводит к тому, что ее применение зависит от политической конъюнктуры. Нет четких критериев, которые определяли бы, какие категории лиц подлежат амнистии. Это создает предпосылки для произвола и несправедливости [9, с. 52].

Недостаток нормативной базы порождает и другие проблемы. Трудно определить порядок применения амнистии. Неясен механизм ее действия. Невозможно в полной мере раскрыть правовую природу данного института. Кроме того, отсутствие четких критериев может привести к тому, что амнистия будет применяться к лицам, совершившим тяжкие преступления, что противоречит принципу справедливости.

Следует отметить, что в истории современной России амнистия объявлялась более двадцати раз. Наиболее масштабными были постановления Государственной Думы от 23 февраля 1994 г. № 63-1 ГД, от 24 декабря 1997 г. № 2038-II ГД, от 26 мая 2000 г. № 398-III ГД и от 18 декабря 2013 г. № 3500-6 ГД. Анализ этих актов показывает, что круг амнистируемых категорий каждый раз определялся заново, без опоры на устойчивые законодательные критерии [10, с. 118].

Отсутствие федерального закона об амнистии порождает целый ряд проблем. Круг амнистируемых категорий каждый раз определяется заново. Единые критерии отсутствуют. Это создает трудности в правоприменении. Кроме того, возрастает риск принятия политически мотивированных решений.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении амнистии и принципа равенства перед законом. Сторонники амнистии полагают, что равенство допускает учет объективных различий: тяжести содеянного, возраста, состояния здоровья, наличия семьи. Противники считают, что амнистия создает привилегии для одних осужденных за счет других. В российской науке этот вопрос изучен слабо. Между тем он вызывает наибольшие споры в обществе.

Если амнистия вызывает столько вопросов, то не меньше их и в процедуре помилования. Процедура помилования регулируется Указом Президента РФ от 14 декабря 2020 г. № 787 «О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» [5]. Этот указ определяет порядок рассмотрения ходатайств о помиловании, однако, в данном нормативно-правовом акте не прописаны сроки рассмотрения ходатайств. Их нет ни на региональном, ни на федеральном уровне.

О. В. Филимонова обращает внимание на другую трудность. Автор пишет, что проблема подготовки приложений к ходатайству о помиловании стоит особенно остро. У многих осужденных нет родственников или близких людей, которые могли бы собрать необходимые документы. Это характеристики с мест работы и учебы, справки, свидетельства, которые могли бы отражать социально позитивные черты правонарушителя [16, с. 29].

Проблемы процедуры помилования не сводятся к отсутствию сроков. Можно выделить еще несколько. Первая — неопределенность перечня документов. Указ № 787 называет их в общем виде. На практике комиссии в разных регионах требуют разные бумаги. Это создает неравенство между осужденными. Вторая — отсутствие критериев оценки. Неясно, какие обстоятельства считаются достаточными для положительного решения. Третья — закрытость процедуры. Осужденный не всегда знает, на каком этапе находится его ходатайство. Четвертая — слабая роль потерпевшего. Его мнение учитывается, но не имеет четкого процессуального значения. Пятая — отсутствие мотивировки отказа. Осужденный получает решение, но не понимает его причин.

Перечисленные проблемы носят системный характер. Они не устраняются точечными поправками. Нужен единый акт, который закрепил бы процедуру помилования на уровне закона, а не подзаконного документа.

Таким образом, процедура помилования нуждается в совершенствовании. В Указе № 787 не установлены сроки рассмотрения ходатайств. Осужденные без родственников испытывают трудности при сборе документов. Круг субъектов, к которым применяется помилование, законодательно не определен. Эти обстоятельства снижают эффективность института.

В настоящее время не определен круг субъектов, в отношении которых осуществляется амнистия и помилование. Акт об амнистии распространяется на лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование, или на лиц, в отношении которых вынесен приговор. Помилование применяется только в отношении осужденных.

Обращение к зарубежному опыту позволяет увидеть, что российская модель не является единственно возможной. Во Франции амнистия привязана к категориям деяний, а не лиц. В Германии помилование разграничено между федерацией и землями и сопровождается процессуальными гарантиями. В Великобритании и США действуют специальные советы по помилованию. В Италии, Испании, Японии и Китае ходатайства рассматривают коллегиальные органы. В странах СНГ при-

няты отдельные законы об амнистии. Сопоставление этих моделей позволяет выделить общие черты, которых недостает российскому регулированию: законодательное закрепление оснований и процедур, участие коллегиального органа, процессуальные гарантии для осужденного, разграничение компетенции между уровнями власти.

Показателен опыт стран Балтии. В Латвии помилование регулируется Уголовным законом. Решение принимает Президент по представлению комиссии. В Литве действует Закон о помиловании. Ходатайство рассматривает комиссия при Президенте. В Эстонии помилование осуществляет Президент по предложению министра юстиции. Общая черта этих моделей — обязательное участие коллегиального органа. Это снижает риск единоличных решений.

В Финляндии помилование предоставляет Президент. Однако с 2019 года полномочия переданы Верховному суду. Это связано с желанием отделить помилование от политики. В Швеции помилование осуществляет Правительство. В Норвегии — Король по совету Государственного совета. Таким образом, в северных странах преобладает коллегиальный подход.

В странах Латинской Америки встречается иная модель. В Аргентине помилование предоставляет Президент. В Бразилии — также Президент, но с обязательным заключением Федерального верховного суда. В Мексике помилование осуществляет Президент по представлению суда. Общая черта — сочетание единоличного решения с судебным контролем.

Сопоставление этих моделей позволяет сделать вывод. Россия не является исключением в том, что помилование относится к компетенции главы государства. Однако в большинстве стран действуют дополнительные фильтры. Это коллегиальные органы, судебное заключение или мотивировка решения. В России такие фильтры развиты слабее. Этот разрыв можно устранить в новом законе.

Российская модель, таким образом, обладает рядом особенностей. Она опирается на конституционную прерогативу главы государства. Она не имеет единой законодательной основы. Она не предусматривает развитых процессуальных гарантий. Эти особенности нужно учитывать при разработке нового федерального закона.

А. С. Михлин указывает, что вопрос о круге субъектов, подлежащих амнистии и помилованию, остается в значительной степени дискреционным. Он зависит от политических решений и обстоятельств конкретной ситуации [13, с. 61].

В последние годы сложилась практика помилования осужденных, изъявивших желание участвовать в специальной военной операции. Из информации, размещенной в ГАС «Правосудие», следует, что такие осужденные освобождались из исправительных учреждений системы ФСИН России на основании указов Президента РФ о помиловании. После освобождения они принимали участие в специальной военной операции.

При этом необходимо разграничивать два правовых состояния: снятие судимости актом помилования и отсутствие факта привлечения к уголовной ответственности. В первом случае лицо было осуждено, отбывало наказание и впоследствии освобождено от него с погашением или снятием судимости. Во втором случае лицо вообще не привлекалось к уголовной ответственности. Отождествление этих состояний недопустимо, поскольку влечет разные правовые последствия, в том числе для административного надзора и для оценки рецидива.

Практика помилования участников СВО начала складываться в 2022 году. Первые указы касались осужденных, изъявивших желание заключить контракт с Министерством обороны. Освобождение производилось на основании указов Президента РФ. Сведения о таких указах не публиковались в открытом доступе. Информация о них появлялась лишь фрагментарно.

По данным ГАС «Правосудие», помилованные лица освобождались из исправительных учреждений системы ФСИН России. После освобождения они принимали участие в специальной военной операции. При этом судимость с них снималась. Это означает, что формально они становились лицами без судимости.

Кроме того, возникает проблема правовой определенности. Снятие судимости одновременно с освобождением от наказания не предусмотрено ч. 2 ст. 85 УК РФ. Согласно этой норме, судимость может быть снята только с лица, отбывшего наказание. На практике указы о помиловании участников СВО снимали судимость одновременно с освобождением. Это создает правовую неопределенность и требует законодательного урегулирования.

А. П. Кузнецов отмечает, что помилование лиц, совершивших особо тяжкие преступления, и засекречивание данных об этом не оправдано. Общество имеет право знать, кто был помилован и на каких основаниях [10, с. 12].

Практика помилования участников СВО выявила несколько проблем. Решения принимались без учета тяжести преступления. Мнение потерпевших не всегда принималось во внимание. Сведения о помиловании носили закрытый характер. Это порождает вопросы о справедливости таких решений и о правах потерпевших.

Одновременное освобождение от уголовного наказания и снятие судимости усложняет дальнейший государственный контроль за помилованными лицами. Это касается, например, ад-

министративного надзора. Согласно ч. 2.1 ст. 3 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», административный надзор устанавливается за лицами, совершившими тяжкие и особо тяжкие преступления [4].

Однако если судимость снята актом помилования, формальные основания для административного надзора отсутствуют. По данным МВД России, в 2023 году удельный вес ранее судимых лиц в структуре выявленных преступников составил 58,7 %. Это создает риск возвращения помилованных лиц к преступной деятельности. Следовательно, вопрос о контроле за помилованными лицами требует законодательного решения.

Зарубежный опыт дает несколько моделей контроля. В США действует система пробации. Она включает надзор, отчетность и помощь в трудоустройстве. В Великобритании применяется система лицензирования. Освобожденный обязан соблюдать условия лицензии. При нарушении его возвращают в тюрьму. В Германии действует надзор со стороны органов юстиции. Он может сопровождаться обязательствами: запрет на употребление алкоголя, обязанность проходить лечение.

В России элементы пробации появились с 2023 года. Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» предусматривает социальную адаптацию и реабилитацию. Однако его действие не распространяется на помилованных. Это пробел. Его можно устранить, распространив нормы закона на лиц, освобожденных актом помилования.

Представляется, что контроль должен быть дифференцированным. Для лиц, совершивших преступления небольшой тяжести, достаточно социальной помощи. Для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, нужен административный надзор. Его срок должен зависеть от категории преступления. Он не должен быть меньше срока погашения судимости. Это обеспечит реальный контроль.

Для устранения выявленных проблем предлагается принять Федеральный закон «Об амнистии и помиловании в Российской Федерации». Этот акт должен стать единым нормативным правовым актом, который объединит положения об амнистии и помиловании. Сейчас эти вопросы регулируются разрозненно. Амнистия - постановлениями Государственной Думы. Помилование - указами Президента РФ и Указом от 14 декабря 2020 г. № 787. Единый закон устранит пробелы и обеспечит системность.

Структура предлагаемого закона может быть следующей.

Глава 1. Общие положения. Закрепляются понятия амнистии и помилования, определяются их правовая природа, цели и принципы.

Глава 2. Амнистия. Определяются субъекты права инициирования амнистии и порядок ее принятия. Закрепляются критерии отнесения лица к категории амнистируемых. Перечисляются преступления, на которые амнистия не распространяется, в том числе особо тяжкие преступления против личности. Вводится обязательное условие: возмещение вреда потерпевшим либо наличие реальной программы такого возмещения. Устанавливаются сроки вступления акта в силу и порядок его исполнения.

Глава 3. Помилование. Закрепляется порядок подготовки ходатайств; устанавливаются сроки их рассмотрения на региональном и федеральном уровнях; определяются гарантии для осужденных, у которых нет родственников; закрепляется обязательное участие потерпевшего, так как его мнение должно учитываться. При этом отказ потерпевшего от примирения не должен быть единственным основанием для отказа. Устанавливается, что помилование не отменяет обязанность возместить вред: лицо, помилованное, сохраняет обязанность по исполнительному листу.

Глава 4. Контроль за помилованными лицами. Закрепляется административный надзор за помилованными, совершившими тяжкие и особо тяжкие преступления. Устанавливается срок надзора, определяются обязанности помилованного, предусматривается возможность продления надзора при нарушении обязанностей.

Глава 5. Возмещение вреда потерпевшим. Предусматривается создание государственного компенсационного фонда, который выплачивает потерпевшим средства за счет федерального бюджета и получает право регрессного требования к осужденному. Создается специальное подразделение в ФССП России, которое будет заниматься этими выплатами. Соответствующее предложение обосновано в работе Л. В. Иногамовой-Хегай [8, с. 94].

Глава 6. Заключительные положения. Приводятся в соответствие иные акты. Вносятся изменения в УК РФ, в частности в ст. 85 УК РФ. Вносятся изменения в УПК РФ. Признаются утратившими силу отдельные положения Указа Президента РФ от 14 декабря 2020 г. № 787 в той части, в которой они противоречат новому закону.

Отдельно предлагается изменить ч. 2 ст. 85 УК РФ. Сейчас она допускает снятие судимости актом помилования только с лица, отбывшего наказание. На практике указы о помиловании участников СВО снимают судимость одновременно с освобождением. Это создает правовую неопределенность. Нужно прямо закрепить: акт помилования может снимать судимость и одновременно

освобождать от наказания. Но только при условии возмещения вреда потерпевшим либо при наличии решения суда о рассрочке возмещения.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Амнистия и помилование являются самостоятельными правовыми институтами. Они имеют общие черты и принципиальные различия.

Основные проблемы амнистии и помилования вытекают из отсутствия федерального закона об амнистии. Сказывается и слабая урегулированность процедуры помилования. Круг субъектов четко не определен. Отдельный вопрос - практика помилования участников СВО.

Для решения этих проблем предлагается принять Федеральный закон «Об амнистии и помиловании в Российской Федерации». В нем нужно закрепить понятия, принципы, порядок и процедуры амнистии и помилования. Закон должен установить гарантии прав потерпевших. В нем следует предусмотреть механизмы контроля за помилованными лицами. Также нужно создать государственный компенсационный фонд для возмещения вреда потерпевшим.

Принятие такого закона устранит существующие пробелы. Оно обеспечит справедливость и прозрачность, защитит права потерпевших, поможет предупредить рецидивную преступность.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Российская газета. – 1993. – № 237. – 25 дек. ; Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 4, ст. 445.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.

[4] Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 15. - Ст. 2037.

[5] О некоторых вопросах деятельности комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации : Указ Президента РФ от 14.12.2020 № 787 (ред. от 15.11.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 51 (ч. III). - Ст. 8415.

[6] Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 283-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2009. - № 3.

[7] Борсученко С. А. Амнистия и помилование в системе уголовно-правовых отношений. - М. : Юрлитинформ, 2021. - 184 с.

[8] Иногамова-Хегай Л. В. Амнистия и помилование: вопросы теории и практики. - М. : Проспект, 2022. - 216 с.

[9] Курганов С. И. Амнистия и помилование: проблемы теории и практики. - М. : Норма, 2022. - 240 с.

[10] Кузнецов А. П. Помилование и амнистия: конституционно-правовые аспекты // Российская юстиция. - 2023. - № 4. - С. 12–19.

[11] Лопашенко Н. А. Уголовное право. Общая часть. - М. : Юстицинформ, 2021. - 720 с.

[12] Малько А. В. Правовая политика России: теория и практика. - М. : Проспект, 2023. - 352 с.

[13] Михлин А. С. Амнистия и помилование : учебное пособие. - М. : Юрайт, 2020. - 158 с.

[14] Рарог А. И. Уголовное право России. Общая часть. - М. : Проспект, 2022. - 640 с.

[15] Селиверстов В. И. Уголовно-исполнительное право. - М. : Юрайт, 2021. - 480 с.

[16] Филимонова О. В. Помилование в Российской Федерации: вопросы теории и практики // Уголовное право. - 2021. - № 6. - С. 45–52.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by the Congress. voting Dec 12. 1993 // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – № 237. - Dec 25; Collection of legislation of the Russian Federation. – 2009. - No. 4, Art. 445.

[2] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 13.06.1996 dated 63-FZ (as amended on 04.08.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1996. - № 25. - Art. 2954.

[3] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 26.07.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

[4] On administrative supervision of persons released from prison: Federal Law No. 06.04.2011 of 64-FZ (as amended on 06.04.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2011. - № 15. - Art. 2037.

[5] On some issues of the activities of the pardon commissions in the territories of the constituent entities of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 14.12.2020 No. 787 (as amended on 15.11.2021) // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2020. - No. 51 (part III). - Art. 8415.

[6] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.01.2009 No. 283-O-O // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. - 2009. - № 3.

[7] Borsuchenko S. A. Amnesty and pardon in

the system of criminal law relations. - M.: Yurlitinform, 2021. - 184 s.

[8] Inogamova-Khegai L.V. Amnesty and pardon: questions of theory and practice. - M.: Prospect, 2022. - 216 s.

[9] Kurganov S.I. Amnesty and pardon: problems of theory and practice. - M.: Norma, 2022. - 240 s.

[10] Kuznetsov A.P. Pardon and amnesty: constitutional and legal aspects // Russian justice. - 2023. - № 4. - S. 12-19.

[11] Lopashenko N. A. Criminal Law. General part. - M.: Justicinform, 2021. - 720 s.

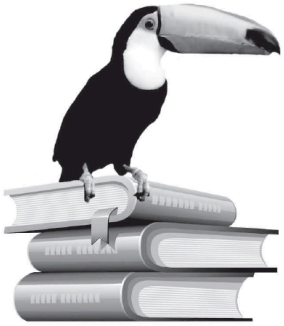
[12] Malko A.V. Legal policy of Russia: theory and practice. - M.: Prospect, 2023. - 352 s.

[13] Mikhlin A. S. Amnesty and Pardon: A Study Guide. - M.: Yurayt, 2020. - 158 s.

[14] Rarog A.I. Criminal Law of Russia. General part. - M.: Prospect, 2022. - 640 s.

[15] Seliverstov V.I. Penal Law. - M.: Yurayt, 2021. - 480 s.

[16] Filimonova O. V. Pardon in the Russian Federation: questions of theory and practice // Criminal law. - 2021. - № 6. - S. 45-52.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-137-145

ЛОНЩАКОВА Анжелла Рашитовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Уфа, Россия,
e-mail: L89170498294@yandex.ru

ЧАСТНЫЕ ПРИНЦИПЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *В статье обосновывается система частных принципов формирующейся криминалистической теории предупреждения преступлений. Исходным теоретическим основанием служит трехчленное деление принципов криминалистической методики (общие – частные – специальные), предложенное И.А. Возгриным и распространяемое автором на криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений. Частные принципы определяются как основные начала построения методик предупреждения отдельных видов преступлений; их назначение – конкретизировать общие принципы применительно к выявлению, документированию, доказыванию и устранению причинного комплекса преступления.*

Ключевые слова: *криминалистическое обеспечение, предупреждение преступлений, частные принципы, причинный комплекс преступления, причины и условия, доказывание, криминалистически значимая информация, ситуационный подход, предиктивное квалифицированное (включенное) наблюдение, криминалистическая методика, криминогенные и антикриминогенные факторы.*

LONSHCHAKOVA Angella Rashitovna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ufa, Russia

PARTICULAR PRINCIPLES OF FORENSIC SUPPORT FOR CRIME PREVENTION

Annotation. *The article substantiates a system of particular principles of the emerging forensic theory of crime prevention. The theoretical starting point is the three-tier division of the principles of forensic methodology (general – particular – special) proposed by I.A. Vozgrin and extended by the author to forensic support for crime prevention. Particular principles are defined as the fundamental tenets underlying the construction of methodologies for preventing specific types of crime; their function is to concretise the general principles as applied to the detection, documentation, proving and elimination of the causal complex of a crime.*

Key words: *forensic support, crime prevention, particular principles, causal complex of a crime, causes and conditions, proving, forensically relevant information, situational approach, predictive qualified (participant) observation, forensic methodology, criminogenic and anti-criminogenic factors.*

Законодательство о предупреждении преступлений в Российской Федерации последние десятилетия реформируется интенсивно, однако отечественная уголовная политика по-прежнему остается реактивной: она разворачивается вслед за уже совершенным преступным посягательством. Причина не только в нормативном регулировании: правоохранительная деятельность не располагает в необходимой мере теоретико-методологическим аппаратом, позволяющим системно устанавливать и устранять причинный комплекс преступления.

Разработка теоретико-методологических основ криминалистического обеспечения преду-

преждения преступлений способна восполнить этот пробел.

Проактивному, предиктивному началу правоохранительной деятельности препятствуют два обстоятельства.

Первое препятствие – нормативное: обязанность доказывать причины и условия, способствовавшие совершению преступления, в УПК РФ не закреплена; закон ограничивается указанием на их выявление (ч. 2 ст. 73) и правом следователя, дознавателя внести представление (ч. 2 ст. 158). Ни в одном из 920 изученных нами архивных уголовных дел причинный комплекс преступления не устанавливался процессуальными средствами доказывания. Представления вносились с использованием шаблонных формулировок, не опиравшихся на собранные по делу доказательства; планирование установления причинного комплекса в материалах уголовных дел не обнаружено.

Второе препятствие – фрагментарность стратегии и тактики предупреждения преступлений: отдельные методические рекомендации существуют вне единой системы исходных предиктивных начал. На это указывают и результаты проведенного нами опроса практических работников.

Степень разработанности проблемы. Учение о принципах криминалистической методики разработано И.А. Возгриным, разграничившим их на общие, частные и специальные [1]; ранее к основным началам частной методики обращался Б.М. Шавер [2]. Общетеоретический фундамент заложен Р.С. Белкиным [3], в том числе совместно с А.И. Винбергом [4]. Установление дифференцированного причинного комплекса преступления процессуальными средствами обосновал Г.Ф. Горский [5], причинно-следственные связи – М.Е. Игнатьев и И.М. Комаров [6]. Теория криминалистического прогнозирования разработана Р.С. Белкиным [16; 18].

Концепция механизма преступления разработана А.М. Кустовым [14], теория следственной ситуации – Л.Я. Драпкиным [7] и Т.С. Волчецкой [8], учение об организации расследования – И.П. Можаевой [9]. Основы формирования методик расследования и предупреждения преступлений, а также идея изоморфности преступной деятельности и деятельности по ее расследованию и предупреждению принадлежат Ю.П. Гармаеву [10]. Учение о материальной истине как цели доказывания развито М.С. Строговичем [11], методология криминологического прогнозирования – Г.А. Аванесовым [12].

Обоснованию самостоятельного статуса криминалистической превенции посвящены работы И.И. Иванова [19] и М.Ш. Махтаева [20]. Однако этот статус в криминалистике признан не был.

Так, Р.С. Белкин отказывал криминалистической профилактике в статусе частной криминалистической теории, полагая, что она не имеет собственного предмета, «сама проблема предупреждения преступлений никакой криминалистической специфики не имеет, специфичный характер носят лишь некоторые криминалистические средства профилактики» [18, с. 35–39]. Возражение снимается переносом предмета: самостоятельным он становится не у профилактики как совокупности мер, а у криминалистического обеспечения установления и устранения причинного комплекса преступления процессуальными средствами доказывания – области, которую ни криминалистическая техника, ни криминалистическая тактика, ни криминалистическая методика расследования не охватывают.

Опираясь на приведенные теоретические построения, мы выделяем частные принципы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений в самостоятельную группу. Предмет исследования составляют закономерности построения этой группы и ее регулятивное действие в методиках предупреждения отдельных видов преступлений. Настоящая статья продолжает цикл, первая работа которого посвящена общим принципам формируемой теории.

Цель настоящей статьи – обосновать группу частных принципов как самостоятельный структурный элемент формирующейся теории и определить вытекающие из нее требования к построению методик предупреждения отдельных видов преступлений. Для достижения цели необходимо: определить понятие этой группы и ее место в системе исходных начал теории; выделить и раскрыть входящие в нее принципы; показать их регулятивный потенциал применительно к установлению и устранению причинного комплекса преступления процессуальными средствами доказывания; сформулировать вытекающие из них требования к структуре видовой методики предупреждения.

Исследование носит теоретико-методологический характер. Системным анализом соотнесены три уровня принципов (общие, частные, специальные) и проверена внутренняя согласованность их частной группы; сравнительным анализом выявлена применимость положений криминалистических, уголовно-процессуальных и криминологических теорий к предупреждению преступлений; формально-юридическим анализом очерчены нормативные пределы выявления, доказывания и устранения причинного комплекса преступления.

Частным мы считаем положение, действующее на операциональном уровне теории, то есть конкретизирующее общие принципы применительно к построению методик предупреждения

отдельных видов преступлений. Частные принципы регулируют построение любой видовой методики предупреждения и потому действуют независимо от вида преступления; специальные разрабатываются для отдельной сложившейся методики и учитывают особенности конкретного вида преступного посягательства. Этим проводится граница между двумя группами. Критериями включения служили относимость и информативность, предложенные И.А. Возгриным применительно к отбору криминалистических рекомендаций [1] и распространяемые нами на отбор принципов.

Теоретические построения соотнесены с практикой предупреждения преступлений процессуальными средствами доказывания: по специально разработанной программе изучены материалы 920 архивных уголовных дел, по авторской анкете опрошены 420 практических работников; развернутый количественный анализ совокупного эмпирического материала составляет предмет отдельной публикации. Фактические сведения о причинном комплексе преступления, установленные процессуальными средствами доказывания, обрабатывались посредством предиктивного квалифицированного (включенного) наблюдения и знакового моделирования. Наблюдение выступает здесь методом настоящего исследования; как основное начало построения методики предупреждения.

Общие принципы определяют содержание, структуру и значение теории как целого; частные действуют на операциональном уровне, обращая эти установки в правила построения методик предупреждения отдельных видов преступлений. Мы выделяем семь таких принципов и присоединяем к ним восьмой – предиктивное квалифицированное (включенное) наблюдение. Плановость, этапность и непрерывность объединены в один блок общим предметом регулирования – временной организацией предупредительной деятельности; организационное обеспечение и взаимодействие – общим предметом в виде субъектного состава и информационного обмена между субъектами предупреждения.

1. Принцип научной обоснованности методик предупреждения преступлений. Научная обоснованность как частный принцип формируемой теории означает, что теоретико-методологическое основание методики предупреждения отдельных видов преступлений образуют положения философского, общенаучного и частнонаучного уровней познания.

На философском уровне преступление рассматривается как проявление и обострение социального противоречия, а его причинный комплекс – как структура детерминации, доступная установлению и устранению [17]; здесь же определяются приоритеты воздействия на него.

На общенаучном уровне задаются системный, деятельностный и информационный подходы к установлению и устранению причинного комплекса преступления.

На частнонаучном уровне субъект предупреждения получает методы решения прикладных задач: криминалистический анализ материалов уголовного дела, построение и проверку версий о происхождении причинного комплекса, криминалистическое моделирование и программирование предупредительной деятельности. Все это в совокупности позволяет оперировать достоверным, проверяемым знанием о закономерностях детерминации преступного поведения и об отражении причинного комплекса преступления в криминалистически значимой информации.

Опираться на научно установленные типические черты категории дел, а не на случайный опыт следователя, ориентировал еще Б.М. Шавер [2]; И.А. Возгрин относил научность к первым частным принципам методики расследования отдельных видов преступлений, подчеркивая недопустимость перенесения непроверенных положений в практику [1]. Здесь требование получает собственное содержание: причинный комплекс преступления не наблюдаем непосредственно и устанавливается через вывод о детерминации, поэтому научная обоснованность означает верифицируемость самой каузальной модели, а не только апробированность методов собирания доказательств. Априорное отнесение к причине любого «способствующего» фактора научности лишено. Пока причиной признается первый попавшийся фактор, не установленный процессуальными средствами доказывания, общество не застраховано от повторения подобных деяний, – предостерегал Г.Ф. Горский [5].

Научная обоснованность имеет и прогностическую составляющую [16]: предупреждение по природе прогностично, а прогноз строится на ретроспективной информации. Ключевой является мысль Р.С. Белкина о том, что «разработка рекомендаций по предотвращению преступлений представляет собой реализацию прогнозов различной степени общности, построенных на основе информации о прошлых преступлениях» [16, с. 114].

Отождествление повторяемости с вероятностью, предостерегал Г.А. Аванесов, ведет к заключению, будто вероятность события тем выше, чем чаще оно повторялось [12, с. 213]. Именно потому, что повторяемость сама по себе ничего не прогнозирует, научно обоснованной признается методика, нацеленная на установление дифференцированного, разноуровневого причинного комплекса преступления.

2. Принцип конкретности и индивидуально-

сти предупреждения преступлений. Конкретность и индивидуальность в составе принципа не тождественны: конкретность требует привязки предупредительных рекомендаций к определенному виду преступного посягательства и сложившейся обстановке, индивидуальность – к неповторимому сочетанию детерминант конкретного деяния. Первая отделяет видовую методику от общей, вторая – применение методики от ее построения.

Индивидуальность методов расследования по каждому уголовному делу и необходимость индивидуального планирования отстаивал еще в 1938 г. Б.М. Шавер [2]. Это требование сохраняет силу и для методики предупреждения, однако получает иное содержание: индивидуализируется не порядок собирания доказательств о деянии, а модель детерминации конкретного посягательства. Конкретность отнесена к частным принципам методики И.А. Возгриным [1], а опорой ей служит учение о признаках Р.С. Белкина, где типическое проявляется в единичном через систему устойчивых и вариативных признаков [18, с. 81–116].

Типовыми рекомендациями здесь не обойтись: субъект предупреждения обязан нисходить к индивидуальному причинному комплексу конкретного посягательства, соотнося его с механизмом преступления [14] и криминалистической характеристикой преступления, которая задает вероятностную рамку, внутри которой устанавливается индивидуальное. Противоречие общего и единичного снимается так: каркас задает типовая методика предупреждения отдельных видов преступлений, а ее содержание образует индивидуальность обстоятельств причинного комплекса преступления; пренебрежение этим правилом ведет к формальному предупреждению, лишенному предупредительного эффекта.

3. Принцип разграничения причин и условий причинного комплекса преступления.

Причины и условия, способствовавшие совершению преступления, не тождественны и не взаимозаменяемы; их подмена или объединение ведут к ложным выводам. Результат окажется нулевым и тогда, когда действительная причина вскрыта, а благоприятствующие ей условия не установлены, и тогда, когда установлены условия, но не выявлена причина, – к этому выводу приходил еще Г.Ф. Горский [5, с. 1–12]. Граница проводится непросто: один и тот же факт способен выступать то порождающим началом, то лишь обстоятельством, облегчающим действие причины. Критерий разграничения состоит в следующем: причина порождает следствие с необходимостью, условие лишь делает действие причины возможным; при мысленном устранении причины следствие не наступает, при устранении условия – наступает иным способом или в иное время. Современное развитие этого начала связано с работами М.Е. Игнатьева и И.М. Комарова [6].

Различение - это не сугубо логическая операция: от него зависит результативность установления и устранения причинного комплекса преступления – меры, адресованные условиям, бессильны против причины, и наоборот. Г.А. Аванесов писал о «двух группах факторов, борющихся за реализацию противоположных возможностей» [12, с. 214]: одни работают на ослабление тенденций преступности, другие их усиливают, а соотношение сил на конкретной стадии прогностического исследования неопределенно и нестабильно; выяснение состава этих факторов, которые не складываются в сумму, а противостоят друг другу, он относил к узловым задачам изучения преступности [12, с. 215].

Отсюда вытекает вывод, который мы считаем самостоятельным результатом: доказывание обстоятельств, способствовавших совершению преступления, перечислением негативных обстоятельств не исчерпывается. Установлению подлежат и те антикриминогенные факторы, которые в данном комплексе не сработали, – их установление и составляет содержание предупредительного воздействия. Перенос допустим потому, что противоборство криминогенных и антикриминогенных факторов, описанное Г.А. Аванесовым на массиве преступности, воспроизводится и в детерминации единичного посягательства, отличаясь лишь масштабом наблюдения.

Порядок установления последователен: от деяния в «чистом» виде к влияющим на него факторам, иначе можно «потеряться в океане явлений, событий и их связей, и вместо предвидения повышенной точности получить нечто расплывчатое и неясное» [12, с. 215]. Этот порядок относится к установлению причинного комплекса; встречное движение характеризует планирование предупредительных мер.

4. Принцип полноты, всесторонности и объективности доказывания причинного комплекса преступления. Причинный комплекс преступления не может быть предметом формального выявления – он подлежит процессуальному доказыванию с той же полнотой, всесторонностью и объективностью, какие предъявляются к доказыванию главного факта, то есть совокупности обстоятельств, образующих предмет доказывания. Требования эти были прямо закреплены в ст. 20 УПК РСФСР и в действующий УПК РФ как общая норма не перенесены; мы опираемся на доктринальную модель доказывания, находящую опору в ст. 6, 14, 17 и 73 УПК РФ. Формируемая теория исходит здесь из учения М.С. Строговича о материальной истине как цели доказывания [11] и из положений Р.С. Белкина об отражении как основе познания [3]; методологические проблемы доказывания применительно к криминалистике разра-

ботаны Р.С. Белкиным и А.И. Винбергом [4].

Полнота означает установление всех элементов причинного комплекса преступления, всесторонность – проверку конкурирующих версий его происхождения, объективность – оценку собранной информации без предпочтения, заранее отданного той или иной версии. Элементами причинного комплекса мы считаем детерминанты уровня личности лица, совершившего деяние, его ближайшего окружения, организационной среды и обстановки совершения деяния, а также несработавшие антикриминогенные факторы каждого из этих уровней. Версии о происхождении причинного комплекса различаются соответственно по уровню детерминации, по субъекту и по характеру фактора – криминогенного либо несработавшего антикриминогенного. Обвинительный уклон применительно к причинному комплексу состоит в сведении причин к личности обвиняемого при игнорировании организационных и средовых детерминант. Объективность имеет и аксиологическое измерение: устанавливаемые причины и условия затрагивают права и свободы как участников уголовного судопроизводства, так и лиц, которым адресуются предупредительные меры [15].

Действующее регулирование этих требований не обеспечивает. К обстоятельствам, подлежащим доказыванию, причины и условия УПК РФ не относит (ч. 1 ст. 73), ограничиваясь указанием на их выявление (ч. 2 ст. 73) и правом следователя, дознавателя внести представление (ч. 2 ст. 158), которое порождает обязанность адресата рассмотреть его и уведомить о принятых мерах [21, с. 60]; закон формально считает задачу выполненной, но процессуального доказывания эти нормы не обеспечивают. Более того, закон не различает причины и условия, оперируя единой категорией обстоятельств, способствовавших совершению преступления, тогда как принцип, изложенный в § 3, такого различения требует. Этот пробел остается препятствием для предиктивной политики правоохранительных органов и суда, а его преодоление – ключевым вопросом формируемой теории. Устранение пробела видится в дополнении ч. 1 ст. 73 УПК РФ пунктом об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, с раздельным указанием причин и условий. Доказательственная база причинного комплекса преступления почти всегда неполна, однако эта неполнота есть следствие не природы предмета, а отсутствия процессуальной обязанности его доказывать: то, что закон не требует устанавливать, не собирается и не проверяется.

5. Принцип плановости, этапности и непрерывности. Из индивидуальности уголовного дела Б.М. Шавер выводил индивидуальность плана расследования [2]; отсюда вытекают такие требования к предиктивному плану, как своевременность, гибкость и разработка с учетом конкретной ситуации. Плановость отнесена И.А. Возгриным к частным принципам методики расследования отдельных видов преступлений [1]; этапность мы выводим из нее как условие ее осуществимости. Назначение плановости – заранее определить последовательность установления фактических сведений о причинном комплексе преступления процессуальными средствами доказывания и распределить силы и средства, необходимые для его установления и устранения (нейтрализации).

Г.А. Аванесов обращал внимание на определение последовательности изучения совокупности явлений и на установление того, «что служит фундаментом прогнозируемого процесса и играет основную, ведущую, решающую роль в его развитии» [12, с. 215]. Тем самым плановость предупреждения требует не только распределения действий во времени, но и выделения ведущего звена детерминации.

Этапность задает цикличность процесса установления и устранения причинного комплекса преступления: выявление, документирование, доказывание, устранение (нейтрализация), где каждый этап является предпосылкой следующего, а устранение порождает новый цикл выявления. По результатам нашего исследования цепочка обрывается на этапе доказывания: ни в одном из 920 изученных дел причинный комплекс процессуальными средствами не доказывался.

Р.С. Белкин связывал результативность методики расследования с динамичностью и своевременностью планирования [18, с. 373–385].

Непрерывность означает, что установление причинного комплекса не завершается однократной фиксацией на момент составления представления: по мере поступления новых сведений вывод о детерминации подлежит уточнению, а предупредительные меры – корректировке. Именно непрерывность отвечает на неустранимую неполноту доказательственной базы.

В прогнозировании, основанном на философском понимании целостности, различают взаимодополняющие типы связи: строения, функционирования и развития – структурный, функциональный и генетический [17, с. 117–118]. Структурный тип описывает состав причинного комплекса по уровням детерминации, функциональный – роль каждого элемента в порождении деяния, генетический – направление развития комплекса во времени. Теория прогнозирования знает парное противопоставление генетического (поискового) и нормативного подходов; оно и положено в основу планирования предупреждения.

Генетический подход имеет направление от установленного процессуальными средствами доказывания причинного комплекса преступле-

ния к вероятным последствиям его неустранения; нормативный – обратное: от заданной цели к разрабатываемым предиктивным мерам. При сопоставлении результатов противоположных подходов выявляются «разрывы» [12, с. 212–217], поддающиеся обоснованному преодолению. Такое сопоставление может быть положено в основу планирования предупреждения по отдельным видам преступлений: от установленного причинного комплекса вперед к последствиям его неустранения и от нормативной цели (недопущение повторения преступного деяния) назад, к разработке предиктивных мер. Учету подлежит и «инерция движения» криминогенных факторов, изменяющихся плавно, без резких скачков [12, с. 215–216].

6. Принцип ситуационности и многовариантности. Ситуационный подход мы рассматриваем как частный принцип формируемой теории. Перевод его из числа методов в число принципов оправдан тем, что учет сложившейся обстановки предписывается методике предупреждения как обязательное условие ее построения, а не как прием ее применения. Учение о следственной (криминалистической) ситуации, разработанное Л.Я. Драпкиным [7] и Т.С. Волчецкой [8], позволяет дифференцировать предиктивные решения по сложившейся обстановке, объему и качеству установленной криминалистически значимой информации. Предиктивная ситуация отличается от следственной временной позицией: следственная складывается после преступного посягательства и характеризует состояние расследования, предиктивная – состояние детерминации до наступления либо повторения преступного посягательства. Многовариантность, прямо отнесенная И.А. Возгриным к частным принципам [1], означает, что типовая программа предупредительного реагирования строится как ветвящаяся, а выбор ветви определяется характеристиками установленной ситуации. Организационная составляющая ситуационных решений, на которую указывает И.П. Можаева [9].

Характеристики предиктивной ситуации определяют порядок и содержание действий по установлению причинного комплекса преступления процессуальными средствами доказывания.

Прогностическая составляющая методики предупреждения соединяет три временных пласта – прошлое, настоящее и будущее, причем сначала соотносятся прошлое и настоящее и лишь затем настоящее и будущее [12, с. 215]. Соотнесение прошлого и настоящего дает характеристику сложившейся предиктивной ситуации, переход к будущему – выбор варианта реагирования.

7. Принцип организационного обеспечения и взаимодействия. Установление причинного комплекса преступления процессуальными средствами доказывания опирается на информацию, которая добывается и за пределами процессуальной формы. Это не отменяет требований, а предъявляет к организации деятельности дополнительное условие: сведения, полученные непроцессуальным путем, ориентируют поиск и подлежат своевременному введению в процесс доказывания установленным порядком.

Криминалистическое учение об организации расследования, в котором выделены стратегический и тактический уровни, обосновано И.П. Можаевой [9]. Взаимодействие следственных и оперативных органов И.А. Возгрин относил к частным принципам методики [1]. На стратегическом уровне организационное обеспечение образует систему взаимодействия следователя, органов дознания и специальных субъектов предупреждения; на тактическом – порядок подготовки и проведения отдельного процессуального действия по установлению причинного комплекса преступления. Соединяя гласную и негласную предиктивную криминалистически значимую информацию, взаимодействие обеспечивает полноту установления причинного комплекса преступления; без него установление остается несистемным, а меры по устранению – декларативными. На несогласованность взаимодействия указали и результаты проведенного опроса практических работников. Организационное обеспечение рассматривается нами не как внешнее условие, а как внутренний частный принцип, поскольку методика предупреждения предписывает субъектный состав деятельности и порядок информационного обмена, а не только последовательность действий одного субъекта.

8. Принцип обязательности предиктивного квалифицированного (включенного) наблюдения. В качестве авторского частного принципа мы предлагаем требование постоянного предиктивного квалифицированного (включенного) наблюдения. Предиктивным оно является потому, что направлено на детерминанты, еще не проявившиеся в событии; квалифицированным – потому, что ведется субъектом, владеющим системой криминалистически значимых признаков; включенным – потому, что осуществляется внутри обстановки, а не по отношению к ней извне. Реализуемо оно не в равной мере на разных этапах предупредительной деятельности. От наблюдения как оперативно-розыскного мероприятия (п. 6 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») предлагаемое начало отличается предметом и режимом: оперативное наблюдение направлено на лицо и его действия и осуществляется в установленном законом порядке, тогда как предиктивное наблюдение обращено к детерминантам обстановки, ведется гласно и не порождает самостоятельных ограничений прав.

Ключевым является распознавание (выяв-

ление, обнаружение) криминалистическими средствами и приемами скрытых, непроявленных детерминант конкретных преступлений на ранних этапах их развития. От простого наблюдения его отличают, во-первых, опора на систему предиктивных криминалистически значимых признаков и, во-вторых, криминалистический инструментарий знаковых систем и знакового моделирования [3, с. 327–329; 13]. Под знаковым моделированием мы понимаем построение условной знаковой конструкции причинного комплекса, в которой элементы детерминации и связи между ними замещаются обозначениями, допускающими проверку модели на полноту и непротиворечивость. Сама система признаков формируется по ранее расследованным делам, где признаки устанавливались процессуальными средствами доказывания, и лишь затем применяется к распознаванию детерминант в текущей обстановке; тем самым восьмой принцип вырастает из первого и реализует положение Р.С. Белкина о прогнозе, построенном на информации о прошлых преступлениях [16, с. 114].

Соединяя теоретико-методологические основы установления причинного комплекса преступления процессуальными средствами доказывания со знаковыми системами и знаковым моделированием, мы получаем возможность перейти от дескриптивной (описание совершенного) и прескриптивной (предписание порядка действий) деятельности к предиктивной.

Заключение. Частным принципам криминалистического обеспечения предупреждения преступлений принадлежит значение рабочего уровня теории: если общими принципами, которым посвящена первая статья цикла, очерчиваются содержание, структура и значение теории как целого, то частные обращают эти установки в правила выявления, документирования, доказывания и устранения причинного комплекса преступления.

Регулятивный потенциал названных принципов состоит в том, что ими связываются в единую последовательность звенья предиктивной деятельности: научно обоснованный вывод о типовом причинном комплексе, его привязка к индивидуальным обстоятельствам конкретного преступного посягательства, дифференцированное установление и доказывание причин и условий преступлений, разработка адресной меры устранения; выпадение любого звена обесценивает предшествующие. Принципы полноты и объективности, плановости, ситуационности, организационного обеспечения и наблюдения действуют при этом сквозным образом, обеспечивая каждое из звеньев.

Между тем, обязанность доказывать причины и условия преступления процессуального закрепления не получила: ч. 1 ст. 73 УПК РФ не относит их к обстоятельствам, подлежащим доказыванию, а ч. 2 ст. 73 относит обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, лишь к предмету выявления. Расхождений между процессуальной нормой и практикой на изученном массиве 920 архивных уголовных дел не обнаружено: практика точно следует закону. В этом и состоит проблема – закон не требует доказывать причины и условия преступления, и практика их не доказывает. Дефект коренится не в правоприменении, а в нормативном регулировании.

Пробел в процессуальном закреплении породил фрагментарное, случайное и формальное выявление причинного комплекса непроцессуальными средствами, завершающееся процессуальным решением следователя (дознавателя) в виде представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений. Двум пробелам – нормативному и теоретическому – отвечают два решения: неразработанность теоретико-методологического инструментария устраняется настоящим исследованием, нормативная незакрепленность требует дополнения ч. 1 ст. 73 УПК РФ.

Деление на общие, частные и специальные, воспринятое от И.А. Возгрина и распространенное нами на криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений, мы считаем рабочим. Все три группы соединяет идея установления материальной (объективной) истины при познании главного факта и причинного комплекса преступления. Соблюдение частных принципов делает уголовную политику проактивной лишь при том условии, что за установлением причинного комплекса преступления процессуальными средствами доказывания следует его устранение; иначе предупреждение преступлений остается формальностью.

Новыми в работе являются: выделение частных принципов криминалистического обеспечения предупреждения преступлений в самостоятельную группу; отнесение к предмету доказывания несработавших антикриминогенных факторов; вывод о совпадении нормы и практики как источнике проблемы; принцип обязательности предиктивного квалифицированного наблюдения. Из системы частных принципов вытекают требования к структуре видовой методики предупреждения: она должна содержать описание типового причинного комплекса данного вида посягательств по уровням детерминации; перечень предиктивных криминалистически значимых признаков и порядок их установления процессуальными средствами доказывания; ветвящуюся программу реагирования, привязанную к типовым предиктивным ситуациям; схему взаимодействия

субъектов предупреждения; порядок корректировки вывода о детерминации по мере поступления новых сведений. Этим определяется переход к третьей статье цикла – о специальных принципах криминалистического обеспечения предупреждения преступлений.

Список литературы:

[1] Возгрин И.А. Принципы методики расследования отдельных видов преступлений: учебное пособие. Л.: ВПУ МВД СССР, 1977. 80 с.

[2] Шавер Б.М. Об основных принципах частной методики расследования преступлений // Социалистическая законность. 1938. № 1. С. 42–56.

[3] Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 1. М.: Юристъ, 1997. 408 с.

[4] Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юридическая литература, 1969. 216 с.

[5] Горский Г.Ф. Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 1965. 301 с.

[6] Игнатьев М.Е., Комаров И.М. Установление причинно-следственных связей в расследовании преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 328 с.

[7] Драпкин Л.Я. Понятие и классификация следственных ситуаций // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. Свердловск: Свердловский юридический институт, 1975. С. 26–44.

[8] Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: дис. … д-ра юрид. наук. М., 1997. 396 с.

[9] Можаева И.П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений: формирование и перспективы развития: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 352 с.

[10] Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2003. 342 с.

[11] Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М.: Изд-во АН СССР, 1947. 276 с.

[12] Аванесов Г.А. Криминология, прогностика, управление: учебное пособие. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1975. 423 с.

[13] Лонщакова А.Р., Можаева И.П., Лонщаков А.А. Crime et veritas – методические и тактические особенности установления предиктивной криминалистически значимой информации при производстве вербальных следственных действий. Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2026612867 от 30.01.2026; заявка № 2026611792 от 22.01.2026.

[14] Кустов А.М. Криминалистическое учение о механизме преступления: дис. … д-ра юрид. наук. М., 1997. 355 с.

[15] Шайхуллин, М. С. Защита прав и свобод человека и гражданина: аксиологический подход / М. С. Шайхуллин // Право и государственность. 2024. № 4(5). С. 16-22. – EDN TUXGEO.

[16] Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М.: Высшая школа МВД СССР, 1970. 130 с.

[17] Введение в философию: учебник для вузов: в 2 ч. Ч. 2 / И.Т. Фролов и др. М.: Политиздат, 1989. 639 с.

[18] Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 2. М.: Юристъ, 1997. 464 с.

[19] Иванов И.И. Криминалистическая превенция: комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 418 с.

[20] Махтаев М.Ш. Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2001. 472 с.

[21] Мухаметшин Ф. Б. Вопросы защиты прав потерпевшего на досудебной стадии уголовного процесса / Ф. Б. Мухаметшин // Право и государственность. 2026. № 2(11). С. 56-61. – DOI 10.70569/2949-5725.2026.11.2.010. – EDN XAVKVW.

References:

[1] Vozgrin I.A. Principles of the methodology of investigating certain types of crimes: a study guide. – L.: Higher Political School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1977. 80 p.

[2] Shaver B.M. On the basic principles of the particular methodology of crime investigation // Socialist Legality. – 1938. – № 1. P. 42–56.

[3] Belkin R.S. A course of criminalistics: in 3 vols. Vol. 1. – M.: Yurist, 1997. 408 p.

[4] Belkin R.S., Vinberg A.I. Criminalistics and proof (methodological problems). – M.: Legal Literature, 1969. 216 p.

[5] Gorsky G.F. Identification and study of the causes of crime at the stage of preliminary investigation: thesis … Candidate of Law. – Voronezh, 1965. 301 p.

[6] Ignatiev M.E., Komarov I.M. Establishing cause-and-effect relations in crime investigation: a monograph. – M.: Yurlitinform, 2021. 328 p.

[7] Drapkin L.Ya. The concept and classification of investigative situations // Investigative situations and the solving of crimes. – Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute, 1975. P. 26–44.

[8] Volchetskaya T.S. Forensic situalogy: thesis … Doctor of Law. – M., 1997. 396 p.

[9] Mozhaeva I.P. The forensic doctrine of the organization of crime investigation: formation and development prospects: a monograph. – M.: Yurlitinform, 2018. 352 p.

[10] Garmaev Yu.P. Theoretical foundations of forming forensic methodologies of crime investigation: thesis … Doctor of Law. – M., 2003. 342 p.

[11] Strogovich M.S. The doctrine of material truth in criminal procedure. – M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1947. 276 p.

[12] Avanesov G.A. Criminology, prognostics, management: a study guide. – Gorky: Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1975. 423 p.

[13] Lonshchakova A.R., Mozhaeva I.P., Lonshchakov A.A. Crime et veritas – methodological and tactical features of establishing predictive forensically relevant information in the conduct of verbal investigative actions. Certificate of state registration of a computer program RU 2026612867 of 30.01.2026; application № 2026611792 of 22.01.2026.

[14] Kustov A.M. The forensic doctrine of the mechanism of a crime: thesis … Doctor of Law. – M., 1997. 355 p.

[15] Shaikhullin M.S. Protection of human and civil rights and freedoms: an axiological approach // Law and Statehood. – 2024. – № 4(5). P. 16–22.

[16] Belkin R.S. Lenin's theory of reflection and methodological problems of Soviet criminalistics. – M.: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1970. 130 p.

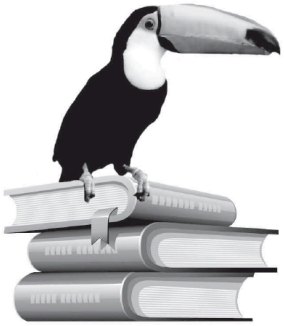
[17] Introduction to philosophy: a textbook for higher education institutions: in 2 parts. Part 2 / I.T. Frolov et al. – M.: Politizdat, 1989. 639 p.

[18] Belkin R.S. A course of criminalistics: in 3 vols. Vol. 2. – M.: Yurist, 1997. 464 p.

[19] Ivanov I.I. Forensic prevention: a comprehensive study of its genesis, state and prospects: thesis … Doctor of Law. – SPb., 2004. 418 p.

[20] Makhtaev M.Sh. Problems of forensic support for crime prevention: thesis … Doctor of Law. – M., 2001. 472 p.

[21] Mukhametshin F. B. Issues of protecting the rights of the victim at the pre-trial stage of the criminal process/F. B. Mukhametshin // Law and statehood. 2026. № 2(11). P. 56-61. – DOI 10.70569/2949-5725. 2026.11.2.010. – EDN XAVKVW.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-146-148
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.

ПОЛЯКОВА Янина Николаевна,
кандидат психологических наук ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: ynpolyakova@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЕМ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. *Реализация педагогических условий обеспечивает результативность становления и развития духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных. При этом эффективность реализации предполагает целенаправленное педагогическое управление, основой которого служат прогнозирование, проектирование и реализация общественной направленности, мотивов, целей, средств и способов деятельности всех участников воспитательного процесса.*

Ключевые слова: *духовно-нравственные ценности, несовершеннолетние осужденные, педагогическое управление, процесс.*

POLYAKOVA Ya.N.,
Candidate of Psychological Sciences, leading researcher, Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

PEDAGOGICAL MANAGEMENT OF THE FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES

Annotation. *The implementation ensures the effectiveness of pedagogical conditions of formation and development of spiritual and moral values of juvenile offenders. The effectiveness of the teacher involves the purposeful management, which are based forecasting, planning and implementation of community programs, motives, goals, means and ways of life of all members of the educational process.*

Key words: *Spiritual and moral values, juvenile offenders, teacher management, process.*

Педагогическое управление процессом формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных – сложная комплексная деятельность, направленная на решение организационных и воспитательных проблем, связанных с развитием у них позитивных убеждений, адекватной самооценки, общественной направленности на основе нравственной ответственности, осознания своей вины и раскаяния в совершенном преступлении. Основным направлением такого формирования является осуществление всесторонне обоснованных педагогических воздействий на деятельность, отношения, общение осужденных, на их сознание, поведение и чувства.

В процессе формирования духовно-нравственных ценностей осужденных положительных результатов в большей степени добиться можно тогда, когда воспитатель, учитель и мастер выполняют следующие действия: изучают мотивы поведения и деятельности несовершеннолетних осужденных; соответственно полученным данным, планируют предстоящую деятельность, прогнозируют ее результаты, ставят цель; четко распределяют обязанности и ориентиры взаимодействия; обосновывают и выбирают средства, способы и формы деятельности; создают предпосылки самореализации воспитуемыми своих знаний, умений, навыков, необходимых для достижения поставленной цели; предусматривают реакцию воспитанников на воспитательное мероприятие и проектируют атмосферу положительного эмоционального настроя участников. Такое взаимодействие сотрудников способствует расширению сферы влияния на духовно-нравственную сферу воспитуемых, пресечению деятельности малых

групп отрицательной направленности, формированию адекватной самооценки положительных взаимоотношений и общения, общественной направленности. Все это в итоге делает процесс формирования духовно-нравственных ценностей управляемым, повышает инициативу.

Управление процессом формирования духовно-нравственных ценностей опирается на принципы воспитательной работы, основными из которых являются: целостность, динамизм, диалектическая противоречивость, принцип оптимизации педагогического воздействия.

Целостный подход к формированию духовно-нравственных ценностей личности является одним из главных принципов педагогики исправления. Процесс формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных с позиции целостного подхода представляет собой совокупность взаимодействия и взаимовлияния всех его участников в различных видах общественно полезной деятельности, в которой функционирует система общения на уровне субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений. Учебная, трудовая и общественная деятельности – это основа процесса формирования духовно-нравственных ценностей, если они представлены в единстве целевых установок и воспитательных задач.

Существенное значение в управлении процессом формирования духовно-нравственных ценностей имеет принцип динамического развития. Динамизм процесса формирования духовно-нравственной ответственности несовершеннолетних обусловлен непрерывным изменением, развитием основных ее структурных элементов, связей, отношений и взаимодействий. Именно движение составляет «душу» всякой живой педагогической системы. Нравственная ответственность осужденных должна постоянно развиваться и совершенствоваться. Если не происходит перехода с низшего уровня на высший, то неизбежно наступает обратный процесс: образуются новые отрицательные качества, которые влияют на взаимоотношения, общение и деятельность воспитанников.

Принцип оптимизации формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных используется в педагогике в трех взаимосвязанных значениях:

лучший из нескольких возможных вариантов;

лучший для данных конкретных условий;

лучший с точки зрения данных критериев.

Первое значение следует из органического единства философских категорий «сущность» и «явление». Одна и та же сущность может иметь много форм своего проявления. Отсюда возникает возможность и необходимость выбора наилучшей формы с точки зрения ее воздействия на процесс формирования духовно-нравственных ценностей.

В соответствии с методологическим положением о конкретности истины этот выбор требует учета конкретных условий в качестве одного из оснований выбора.

Принцип оптимизации действия форм развития духовно-нравственных, ценностей ориентирует воспитателей на достижение наивысших, лучших для конкретных условий конечных результатов при минимально необходимых затратах времени и сил. Сущность этого принципа заключается в том, что он ориентирует на достижение целей не любыми, экстенсивными, а наиболее короткими, наиболее благоприятными, выгодными, экономными и интенсивными путями.

Анализ основ управления процессом формирования духовно-нравственных ценностей воспитанников в колонии для несовершеннолетних выявил необходимые педагогические условия его эффективности. К ним относятся:

диагностирование особенностей воспитательной системы колонии и показателей развития составляющих элементов духовно-нравственных ценностей контингента ее воспитанников;

согласование функционирования подсистем (коллектива воспитателей коллектива воспитанников), управляющих процессом формирования нравственной ответственности личности осужденного;

своевременность и адекватность информации о характере осуществляемой деятельности всеми участниками воспитательного процесса, поступающей в коллективы воспитателей и воспитанников;

достаточно высокий уровень профессиональной компетентности коллектива воспитателей;

личностная заинтересованность воспитанников в осуществляемой коллективной деятельности;

возможность проявления воспитанникам инициативности и самореализации в коллективной деятельности;

чередование функциональных ролей подчиненного и руководителя в деятельности воспитуемых;

возможность реализации личностных интересов воспитанников в положительно направленной деятельности в свободное время;

своевременная и адекватная оценка результатов деятельности воспитанников и своевременная информация о ней всех участников воспитательного процесса.

Таким образом, соответствующая реализация каждого из педагогических условий будет обеспечивать результативность становления и

развития духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных. При этом эффективность реализации предполагает целенаправленное педагогическое управление, основой которого служат прогнозирование, проектирование и реализация общественной направленности, мотивов, целей, средств и способов деятельности всех участников воспитательного процесса.

Список литературы:

[1] Анисимов С.Ф. Мораль и поведение. М., 1979.

[2] Антонян Е.А. "Психологические особенности наказания в виде лишения свободы «Юридическая психология» № 1, 2007.

[3] Астемиров З.А. Проблемы перевоспитания несовершеннолетних осужденных. М.: Юрид.лит. 1974.

[4] Галикеев Р.Г. Организация педагогического общения сотрудников с осужденными в процессе перевоспитания в исправительно-трудовом учреждении. Учебное пособие. Уфа: УВШ МВД СССР. 1990.

[5] Елеонский В.А. Отношение осужденных к наказанию. Рязань: РВШ МВД СССР, 1976.

[6] Зюбин Л.М. Учебно-воспитательная работа с трудными учащимися. М.: Высш.школа, 1982.

References:

[1] Anisimov S.F. Morality and behavior. M., 1979.

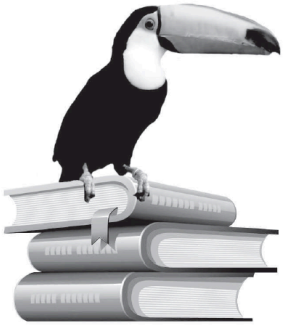
[2] Antonyan E.A. "Psychological features of punishment in the form of imprisonment "Legal Psychology" No. 1, 2007.

[3] Astemirov Z.A. Problems of re-education of juvenile convicts. M.: Jurid.Lit. 1974.

[4] Galikeev R.G. Organization of pedagogical communication between employees and convicts in the process of re-education in a correctional labor institution. Tutorial. Ufa: UVSH Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1990.

[5] Eleonsky V.A. Attitude of convicts to punishment. Ryazan: RVSH Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1976.

[6] Zyubin L.M. Educational work with difficult students. M.: Higher School, 1982.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-149-155

КЛЮЕВ Ярослав Дмитриевич,
Студент магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. И.В. Ломоносова,
e-mail: 9104422416@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию правового регулирования деятельности органов законодательной власти в условиях активного внедрения информационных технологий. Рассматриваются направления цифровизации законодательного процесса, включая использование электронного документооборота, информационных систем, цифровых платформ, технологий дистанционного взаимодействия и инструментов электронного участия граждан.*

Особое внимание уделяется нормативно-правовым основам применения информационных технологий в деятельности законодательных органов, вопросам обеспечения открытости и доступности законодательной информации, защиты персональных данных, информационной безопасности. Анализируются преимущества цифровизации, связанные с повышением прозрачности и эффективности законодательного процесса, а также возможные правовые риски, включая угрозы кибербезопасности, технические сбои и необходимость защиты информации. В работе делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства с учетом развития цифровых технологий и формирования единого правового подхода к их применению.

Особое значение приобретает обеспечение баланса между технологической эффективностью, информационной открытостью и соблюдением конституционных гарантий и прав граждан.

Ключевые слова: *законодательная деятельность, информационное обеспечение, информационные технологии, электронный документооборот, «электронный парламент», электронное голосование, автоматизированная система.*

KLYUEV Yaroslav Dmitrievich,
Master's student of the Higher School of Public Audit (faculty) Lomonosov Moscow State University

LEGAL REGULATION OF THE ACTIVITIES OF LEGISLATIVE BODIES IN THE CONTEXT OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES

Annotation. *The article is devoted to the study of the legal regulation of the activities of legislative bodies in the context of the active introduction of information tech. The paper examines modern trends in the digitalization of the legislative process, including the use of electronic document management, information systems, digital platforms, remote interaction technologies, and tools for electronic citizen participation. Special attention is paid to the regulatory and legal framework for the use of information technologies in the activities of legislative bodies, as well as to issues related to ensuring the openness and accessibility of legislative information, protecting personal data, ensuring information security, and the legal validity of electronic documents. The advantages of digitalization associated with increasing the speed, transparency, and efficiency of the legislative process are analysed, along with the emerging legal risks, including cybersecurity threats, technical failures, and the need to protect the reliability of information. The paper concludes that it is necessary to further improve the legislation, taking into account the development of digital technologies and the formation of a unified legal approach to their application in the activities of*

legislative bodies. It is particularly important to ensure a balance between technological efficiency, information transparency, and the observance of constitutional guarantees and citizens' rights.

Key words: *legislative activity, information support, information technologies, electronic document management, "electronic parliament," electronic voting, automated system.*

Введение

В рамках стратегических направлений развития, обозначенных Президентом Российской Федерации, особое внимание уделяется созданию современной правовой системы. Для успешной реализации этого приоритета необходимо повысить эффективность информационной подготовки и провести более глубокую экспертизу на всех уровнях законодательной власти.

Информационно-правовое сопровождение работы законодателей представляет собой систему мероприятий, которая охватывает все этапы жизненного цикла информации: от ее сбора и обработки до накопления, хранения, поиска и дальнейшего распространения среди участников законодательного процесса. Чтобы законодательство могло отражать социальные потребности, необходимо эффективное правовое регулирование работы законодательных органов, которое опирается на информационные технологии. Регулирование работы органов законодательной ветви власти в цифровом пространстве сводится к правовому упорядочению внутренних процессов. Это обусловлено тем, что ряд задач информационного обеспечения законодательной деятельности могут быть выполнены исключительно через отношения власти и подчинения, а также посредством эффективного воплощения решений, принятых высшими органами, и контроля за их выполнением. Проанализируем, в каком виде на сегодняшний день отражается данная ситуация в динамике взаимодействия законодательных структур в России.

Информационное обеспечение законодательной деятельности

Законодательная деятельность представляет собой организованную систему, где каждый участник самостоятельно отвечает за сбор, обработку информации. Важно подчеркнуть, что информационно-технологическая составляющая законодательной работы должна быть адаптирована к уникальным задачам каждого субъекта, участвующего в законодательном процессе.

В России законодательные полномочия принадлежат разным субъектам. К ним относятся Федеральное Собрание, состоящее из Совета Федерации и Государственной Думы, а также представительные органы власти регионов.

Недостаточная согласованность в использовании информационно-коммуникационных технологий, программного обеспечения и иных инструментов, предназначенных для взаимодействия участников законодательного процесса, приводит к возникновению ряда проблем в правовом регулировании информационного обеспечения этой деятельности.

Информационные технологии открывают перспективы для быстрого обмена информацией между органами законодательной власти на федеральном и региональном уровнях. Однако, недостаток четких правовых норм, которые регулируют электронное взаимодействие этих органов, приводит к неполному и зачастую не своевременному предоставлению информации населению. В рамках реализации данной задачи уже начата работа, иллюстрируемая, действующим «Парламентским порталом». Этот ресурс объединяет онлайн-платформы Федерального Собрания и законодательных собраний регионов России. «Парламентский портал» является воплощением внедрения цифровых технологий в деятельность законодательных органов власти, направленный на повышение прозрачности, развитие взаимодействия депутатов, экспертов и общества, а также на формирование модели электронного парламента.

Однако, несмотря на заложенные амбиции, полное достижение поставленных задач не удалось. Существуют проблемы, связанные с несовершенством функционирования «Парламентского портала», которые препятствуют гражданам в полноценном осуществлении их прав в области законодательства. Для решения этих задач требуется обновление дизайна и функционала «Парламентского портала», в том числе реализация принципа «три клика» для удобного и быстрого доступа к необходимой информации.

В связи с растущим уровнем цифровых компетенций граждан, а также разнообразием используемых ими браузеров, важно гарантировать доступность и удобство использования «Парламентского портала» на любых платформах и устройствах. Объединение порталов «Госуслуги» и «Парламентский портал» позволит гражданам воспользоваться единым личным кабинетом для взаимодействия с государственными структурами. Такая интеграция откроет доступ к государственным услугам, предоставляемым исполнительной властью, а также к информационным ресурсам законодательной власти. Пользователи смогут не только получать информацию, но и активно участвовать в законотворческом процессе.

Правовое регулирование информационного обеспечения Совета Федерации

Основу правового регулирования информационной деятельности составляет Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», определяющий основные принципы отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, устанавливая правовые основы использования информационных технологий.

Особое значение для деятельности Совета Федерации имеет Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».

Данный закон регулирует отношения, связанные с обеспечением доступа граждан и организаций к информации о деятельности государственных органов. Он устанавливает основные принципы такого доступа, определяет способы предоставления информации, предусматривает её размещение в сети «Интернет», в том числе на официальных сайтах органов государственной власти, а также регулирует порядок предоставления информации по запросам.

Вопросы организации информационного обеспечения деятельности Совета Федерации получили развитие в нормативных актах его Аппарата. В частности, Приказом Руководителя Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания от 19.06.2006 № 76-од «Об официальном интернет-сайте Совета Федерации» регулировались вопросы функционирования официального интернет-сайта Совета Федерации, порядок размещения на нём информации, а также распределение ответственности за предоставление и достоверность сведений.

Одним из направлений информационного взаимодействия Совета Федерации с гражданами является их реализация конституционного права на обращение в государственные органы. Порядок рассмотрения обращений регулируется Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Федеральный закон предусматривает возможность подачи обращений в электронной форме. После изменений, внесённых Федеральным законом от 28.12.2024 № 547-ФЗ, электронные обращения направляются через Единый портал государственных и муниципальных услуг, информационную систему государственного органа или его официальный сайт при наличии идентификации и (или) аутентификации гражданина. Таким образом, применение цифровых технологий в деятельности Совета Федерации способствует совершенствованию информационного, правового и организационного обеспечения его деятельности, расширяя возможности взаимодействия государственного органа с гражданами.

Современная система правового регулирования в рассматриваемой сфере основывается на ряде взаимосвязанных нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере информации и информационных технологий, доступа к информации о деятельности государственных органов и порядка рассмотрения обращений граждан. Эти положения формируют правовую основу использования технологий в деятельности Совета Федерации обеспечивая его публичность.

Информационная система Государственной Думы Российской Федерации

Информационная система Государственной Думы представляет собой совокупность информационных ресурсов, технологий, программно-технических средств и организационных механизмов, обеспечивающих сбор, обработку, хранение, поиск и предоставление информации, необходимой для осуществления законодательной и иной деятельности Государственной Думы.

Правовые основы информационного обеспечения и публичности деятельности Государственной Думы определяются Конституцией России, федеральными конституционными законами и федеральными законами, Регламентом Государственной Думы, а также иными нормативными и организационно-распорядительными актами.

Важное значение имеет Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Согласно ст. 4 данного закона основными принципами обеспечения доступа к информации являются открытость и доступность информации, достоверность и своевременность ее предоставления, свобода поиска, получения, передачи и распространения информации законным способом, а также соблюдение прав граждан на неприкосновенность частной жизни и иных охраняемых законом прав.

Организация деятельности Государственной Думы регулируется ее Регламентом. Согласно ст. 2 Регламента порядок деятельности Государственной Думы определяется Конституцией России, федеральными конституционными законами, федеральными законами и Регламентом. В действующей редакции Регламента содержатся специальные положения, регулирующие использование информационных технологий. В частности, глава 11 закрепляет использование информационных технологий для автоматизации процедур парламентской деятельности через специальную электронную систему. Наличие специальных норм об электронной системе свидетельствует о существенной роли информационных технологий в обеспечении парламентских процедур.

Одним из элементов информационного

обеспечения законодательного процесса является учет и регистрация законопроектов. Руководствуясь ст. 107 Регламента Государственной Думы поступивший законопроект регистрируется в Управлении документационного обеспечения Аппарата Государственной Думы в системе автоматизированного делопроизводства и документооборота с присвоением ему регистрационного номера. Одновременно в Системе обеспечения законодательной деятельности на законопроект заводится электронная регистрационная карта, содержащая в себе сведения о дате его поступления, субъектах законодательной инициативы, этапах его прохождения в Государственной Думе, а также сведения о дальнейшем его рассмотрении Советом Федерации. Таким образом, информационные системы обеспечивают регистрацию, хранение, документирование и информационное сопровождение законопроектов на различных этапах законодательного процесса.

Опыт применения информационных технологий в законодательных органах субъектов Российской Федерации

Использование информационных технологий в законодательных органах субъектов является одним из направлений развития электронного парламента. Однако несмотря на положительный опыт отдельных регионов, цифровизация региональных парламентов происходит неравномерно. Основными проблемами остаются различия в уровне технологического развития, недостаточная интеграция информационных систем, вопросы информационной безопасности, цифровая некомпетентность и ограниченность общественного контроля.

Показательным примером является Республика Алтай. В отличие от крупных регионов, таких как Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Татарстан, где активно внедряются комплексные цифровые решения для работы парламентов, в Республике Алтай процесс цифровой трансформации законодательного органа развивается более медленными темпами.

Государственное Собрание — Эл Курултай Республики Алтай осуществляет цифровую деятельность посредством официального сайта, на котором размещается информация о заседаниях, депутатах, законопроектах и принимаемых нормативных правовых актах. При этом существующие цифровые инструменты не образуют единой системы, охватывающей весь законодательный процесс.

Автоматизированная информационная система позволила бы объединить работу с повестками, статистику обращений граждан, контроль исполнения поручений, а электронный документооборот привёл бы к сокращению бумажной документации и повышению уровня безопасности.

В более «цифровых» регионах применяются специализированные платформы. Например, в Московской области функционирует система Цифровой парламент, а в ряде других регионов созданы автоматизированные комплексы сопровождения законотворческой деятельности, позволяющие перевести значительную часть парламентских процедур в электронный формат.

Такой подход соответствует направлению цифровизации деятельности органов власти, при котором законодательный процесс рассматривается как единый информационный цикл, а не как совокупность разрозненных процедур.

Информационные технологии в избирательном процессе

Формирование законодательных органов связано с реализацией избирательных прав граждан. Информационные технологии применяются практически на всех этапах выборов: при ведении списков избирателей, регистрации участников, информировании граждан, организации голосования, обработке данных и установлении результатов.

Одно из направлений цифровизации является дистанционное электронное голосование (ДЭГ). Оно осуществляется через специальную информационную систему без использования бумажного бюллетеня. Законодательные требования предусматривают обеспечение тайны голосования, сохранности результатов и невозможности установления связи между личностью избирателя и выбором.

Цифровые технологии применяются не только в момент голосования, но и на этапе идентификации избирателей. Например, для участия в ДЭГ требуется наличие подтвержденной учетной записи на Едином портале государственных и муниципальных услуг, данные которой сличены с данными Регистра избирателей, участников референдума ГАС «Выборы». Так, информационные системы обеспечивают автоматизированную проверку права гражданина на участие в голосовании и позволяют снизить вероятность технических ошибок.

Автоматизированная система «Выборы» обеспечивает ввод, суммирование, передачу и хранение информации, поступающей от избирательных комиссий. После завершения голосования в систему вводятся данные участковых комиссий, после чего они проверяются и передаются в вышестоящие комиссии. Автоматизация сокращает время обработки информации и снижает число операций, выполняемых вручную, что важно при масштабных выборах.

Цифровое информирование избирателей является еще одним направлением применения информационных технологий. Электронные сервисы используются для подачи заявлений об

участии в ДЭГ, получения информации о способах голосования и взаимодействия гражданина с избирательной системой. Так, для выборов, состоявшихся в сентябре 2026 года, заявления об участии в ДЭГ принимались в электронной форме через Единый портал государственных и муниципальных услуг в установленные сроки.

Кроме того, видеонаблюдение и электронная фиксация отдельных процедур о ходе голосования позволяют повысить уровень открытости избирательного процесса. Но технологическая оснащенность не гарантирует прозрачность выборов: необходимы нормативное регулирование, независимый контроль, защита информационных систем от несанкционированного доступа и обеспечение возможности проверки корректности полученных результатов.

Так, информационные технологии используются для организации взаимодействия с избирателями, ведения избирательных сведений, проведения дистанционного электронного голосования, автоматизации обработки данных, передачи информации между избирательными комиссиями и формирования итогов. При этом цифровизация выборов должна рассматриваться не только с точки зрения повышения скорости и удобства процедур, но и с позиции обеспечения фундаментальных принципов избирательного права.

Зарубежный опыт применения электронного голосования

В современном мире активно внедряются инновационные подходы к организации избирательного процесса. Одним из наиболее известных примеров масштабного применения дистанционного интернет-голосования является Эстония. Электронное голосование впервые было проведено в стране на муниципальных выборах в 2005 году, после чего данная форма волеизъявления стала применяться также на парламентских выборах, выборах в Европейский парламент и других выборах. Особенность эстонской модели состоит в том, что интернет-голосование рассматривается как дополнительный способ участия в выборах и не заменяет традиционное голосование.

Эстонская система предусматривает возможность голосования через интернет в период досрочного голосования. При необходимости избиратель может изменить свой выбор посредством повторного электронного голосования, при этом учитывается последний поданный электронный голос.

Кроме того, законодательство устанавливает приоритет бумажного голосования: если избиратель после участия в интернет-голосовании приходит на избирательный участок и голосует с использованием бумажного бюллетеня, его электронный голос аннулируется и учитывается бумажный бюллетень. Такая конструкция позволяет сочетать преимущества электронного голосования с традиционной процедурой голосования.

Опыт европейского электронного голосования включает также исследовательские проекты, направленные на разработку технических и организационных механизмов проведения выборов с использованием информационных технологий.

Одним из таких проектов стал E-POLL (Electronic Polling System for Remote Voting Operations). Проект носил исследовательский характер и был направлен на разработку комплексной инфраструктуры электронного голосования. В рамках проекта исследовались вопросы электронной идентификации избирателей, обеспечения безопасности передачи и хранения голосов, использования криптографических механизмов и организации защищённого электронного подсчёта результатов.

В европейской практике отношение к электронному голосованию остаётся неоднозначным. Так, Федеральный конституционный суд Германии в решении от 3 марта 2009 года признал использование электронных устройств на выборах в Бундестаг 2005 года несоответствующим требованиям Основного закона. Причиной стало отсутствие возможности у граждан без специальных технических знаний проверить основные этапы голосования и установления его результатов. При этом Суд не запретил электронное голосование в целом, указав на необходимость соблюдения принципа публичности выборов и обеспечения возможности общественного контроля.

Так, международный опыт показывает, что внедрение электронного голосования требует не только технического развития, но и соблюдения основных принципов избирательного права: тайна голосования, достоверность результатов и надежная защита информационных систем.

Перспективы цифровизации законодательной деятельности

В последние годы все чаще информационные технологии используются в избирательном процессе. Примером тому служат парламентские выборы 2026 года, где наряду с традиционными системами подсчета голосов были широко внедрены электронные системы голосования. Эти действия способствуют укреплению технической базы, внедрению передовых технологий в избирательный процесс. Они выступают как инструменты, способствующие демократическим ценностям, прозрачности и развитию политической конкуренции, а также обеспечивают честный и справедливый подсчет голосов, повышая доверие к избирательной системе и избранным органам власти. Широкое распространение современных информационных технологий в сфере законодательства, достигаемое путем создания и постепенной интеграции информационно-

коммуникационных систем в Совете Федерации, Государственной Думе и других государственных органах России, способствует существенному повышению эффективности правотворчества. Внедрение систем электронного документооборота, автоматизированного согласования между комитетами и ведомствами, электронного голосования сокращает временные затраты и бюрократическую нагрузку, что также играет ключевую роль, так как оно обеспечивает более обоснованное и согласованное принятие законов и других нормативно-правовых актов. Для повышения качества законотворчества важно совершенствовать административное сопровождение цифровых технологий. Эффективность этого процесса зависит от качества взаимодействия участников законодательного процесса. При этом опыт создания межведомственной системы электронного взаимодействия в исполнительной власти является ярким примером и опытом.

Заключение

Цифровая трансформация деятельности законодательных органов России является закономерным этапом развития современного государственного управления, предполагающим не только внедрение информационных технологий в отдельные административные процедуры, но и существенное изменение организации законодательного процесса в целом. Информационные технологии постепенно превращаются в самостоятельный инструмент обеспечения законотворческой деятельности, охватывая процессы электронного документооборота, информационного обмена, подготовки и рассмотрения законопроектов, взаимодействия государственных органов с гражданами. При этом результативность цифровизации напрямую зависит от наличия необходимого нормативно-правового регулирования, организационной согласованности и обеспечения информационной безопасности.

Анализ действующих механизмов информационного обеспечения деятельности Совета Федерации и Государственной Думы свидетельствует о сформированной на федеральном уровне правовой и технологической основе использования цифровых инструментов. Вместе с тем существующая система не является полностью унифицированной: сохраняются вопросы интеграции информационных ресурсов, электронного взаимодействия между различными субъектами законодательной деятельности и обеспечения своевременного предоставления информации. Особого внимания требует региональный уровень законодательной власти, поскольку остается существенная неравномерность цифрового развития субъектов России. Наряду с регионами, располагающими комплексными системами сопровождения законотворческой деятельности, существуют субъекты, в которых цифровизация ограничивается размещением информации на официальных интернет-ресурсах и использованием отдельных электронных сервисов. Такая дифференциация снижает потенциал формирования единого информационного пространства законодательной деятельности. В этой связи перспективным направлением является создание интегрированных цифровых систем, обеспечивающих сквозное информационное сопровождение цикла законопроекта - от его подготовки и согласования до принятия и опубликования.

На основании проведённого анализа представляется необходимым дальнейшее совершенствование нормативно-правового регулирования цифровой деятельности органов законодательной власти. Приоритетными направлениями могут выступать унификация требований к электронному взаимодействию законодательных органов различных уровней, развитие межведомственной интеграции информационных систем, совершенствование регулирования электронного документооборота, повышение требований к информационной безопасности и защите персональных данных. Существенное значение имеет и развитие механизмов электронного участия населения в законодательном процессе, поскольку цифровизация должна способствовать расширению возможностей реализации конституционного права граждан на участие в управлении государством. Таким образом, цифровизация законодательной деятельности представляет собой не самоцель, а средство повышения качества, эффективности и безопасности правотворчества. Её дальнейшее развитие возможно только при комплексном сочетании технологических, правовых и организационных механизмов. Ключевым условием успешной цифровой трансформации законодательной власти является обеспечение баланса между эффективностью информационных технологий, открытостью деятельности государственных органов, безопасностью инфраструктуры и гарантированным соблюдением прав и свобод граждан. Именно такой подход позволяет рассматривать развитие «электронного парламента» как перспективное направление совершенствования современной системы законодательной власти.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок).

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

[3] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи».

[4] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

[5] Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

[6] Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

[7] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

[8] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (с изменениями).

[9] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество”» (с изменениями).

[10] Бачило И. Л. Информационное право: учебник для вузов. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 419 с.

[11] Талапина Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография — Москва: Юриспруденция, 2015. — 192 с.

[12] Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая трансформация // Право. Журнал ВШЭ. — 2021. — № 2. — С. 4.

[13] Мигачев Ю. И., Попов Л. Л., Тихомиров С. В. Административное право Российской Федерации: учебник для вузов / под ред. Л. Л. Попова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 474 с.

[14] Тихомиров Ю. А. Современное публичное право: монографический учебник. — Москва: Эксмо, 2008. — 446 с.

[15] Бачило И. Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное. — Москва: Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ», 2012. — 280 с.

[16] Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право: учебник. — 5-е изд., пересмотр. — Москва: Норма, 2015. — 575 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, as amended).

[2] Federal Law No. 27.07.2006 of 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection.".

[3] Federal Law of 06.04.2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature.".

[4] Federal Law No. 27.07.2006 of 152-FZ "On Personal Data.".

[5] Federal Law No. 12.06.2002 of 67-FZ "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation.".

[6] Federal Law No. 21.12.2021 of 414-FZ "On General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation.".

[7] Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030.".

[8] Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (as amended).

[9] Decree of the Government of the Russian Federation of 15.04.2014 No. 313 "On Approval of the State Program of the Russian Federation "Information Society"" (as amended).

[10] Bachilo I. L. Information law: textbook for universities. - 5th ed., Revised and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. - 419 s.

[11] Talapina E. V. Public administration in the information society (legal aspect): monograph - Moscow: Jurisprudence, 2015. - 192 s.

[12] Tikhomirov Yu. A., Kichigin N. V., Tsomartova F. V., Balkhaeva S. B. Law and digital transformation // Law. HSE Journal. — 2021. — № 2. - S. 4.

[13] Migachev Yu. I., Popov L. L., Tikhomirov S. V. Administrative law of the Russian Federation: a textbook for universities / ed. L. L. Popova. - 7th ed., Revised. and add. - Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. - 474 s.

[14] Tikhomirov Yu. A. Modern public law: monographic textbook. - Moscow: Eksmo, 2008. - 446 s.

[15] Bachilo I. L. State and law of the XXI century. Real and virtual. - Moscow: YURKOMPANI Legal Publishing House, 2012. - 280 s.

[16] Rossinsky B.V., Starilov Yu. N. Administrative law: textbook. - 5th ed., Revision. - Moscow: Norma, 2015. - 575 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-156-164

ГРЕБЕННИКОВ Дмитрий Владимирович,
начальник Управления по организации обеспечения установленного порядка деятельности судов Федеральной службы судебных приставов, Москва, Россия,
e-mail: d.berg72@yandex.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И УЧАСТИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье рассмотрены основные меры криминологического предупреждения организации деятельности экстремистской организации и участия в деятельности экстремистской организации. Автором сделан ряд выводов, в частности что необходимо принятие профилактических мер и эффективная деятельность по выявлению, предупреждению и пресечению экстремистской деятельности. Реализация указанных направлений должна охватывать субъекты воздействия в зависимости от модели экстремистской деятельности. Для предупреждения использования информационно-телекоммуникационных технологий для совершения организации экстремистской деятельности и участия в данной деятельности необходимо активно привлекать киберволонтеров, а в качестве инструмента раннего предупреждения экстремизма автором предложено использование искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *экстремизм, организация, криминологические меры, преступность, предупреждение, уголовный закон.*

GREBENNIKOV Dmitry Vladimirovich,
Head of the Department for the Organization of Ensuring the Established Procedure of the Activities of Courts, Federal Bailiff Service, Moscow, Russia

CRIMINOLOGICAL MEASURES TO PREVENT THE ORGANIZATION OF AN EXTREMIST ORGANIZATION AND PARTICIPATION IN THE ACTIVITIES OF SUCH ORGANIZATIONS

Annotation. *The article discusses the main measures of criminological prevention of organizing the activities of an extremist organization and participation in the activities of an extremist organization. The author made a number of conclusions, in particular that it is necessary to take preventive measures and effective activities to identify, prevent and suppress extremist activities. The implementation of these areas should cover the subjects of influence, depending on the model of extremist activity. To prevent the use of information and telecommunication technologies to organize extremist activities and participate in these activities, it is necessary to actively attract cyber volunteers, and the author proposed the use of artificial intelligence as a tool for early warning of extremism.*

Key words: *extremism, organization, criminological measures, crime, prevention, criminal law.*

Криминология в своём классическом варианте предусматривает три основных вида предупреждения преступности: общие специальные и индивидуальные [1]. Важно, что авторы отмечают, что в качестве основ предупредительной деятельности принято относить поиск новых способов устранения социальных детерминант экстремистской деятельности [2]. Влияние социальной политики на формирование предупредительной деятельности поддерживают многие авторы [3; 4; 5; 6 и др.]. Дополнительно принятие Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» законодательно закрепляет обязательное применение социальных мер. В ст. 2 в качестве понятийного аппарата закрепляется понятие: «профилактика правонарушений - совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения». Вместе с тем мы согласны с мнением Я.И Гилинского, что социальная политика и контроль со стороны государства над преступностью, предупреждение (профилактика) преступлений невозможны без знания факторов, влияющих на их состояние, уровень, динамику [7]. Дополнительно профессор в своих работах отмечал, что государство решая социальные, политические, экономические факторы возникновения преступности, рано или поздно приводит к усилению криминализации. По мнению Назирова Д. государство несет главную ответственность за противодействие экстремизму, и оно должно инициировать необходимые меры и осуществлять адекватные масштабам явления правовые действия по защите общества [8].

Высказанная позиция не является единственной, так по мнению С.В. Иванова, реализация стратегии противодействия преступности на современном этапе развития общества возможна в двух основных вариантах: репрессивном и гуманистическом [9]. При этом активным противником репрессивного варианта является также профессор Я.И. Гилинский который в своей работе отмечал, что целью деятельности правоохранительных органов должна стать не борьба с преступностью, а защита населения, каждого гражданина от преступных посягательств, которая лишь формально декларируется в законе и на практике никак не реализуется [7].

Не желание поддерживать репрессивную политику противодействие экстремистской деятельности высказывают и действующие сотрудники правоохранительных органов. так при опросе им был задан вопрос «Согласны ли Вы с тем, что за неоконченную преступную деятельность специальным организаторам, подстрекателям и пособникам (например, в случае совершения преступления, предусмотренного ст. ст. 282.1, 282.2 УК РФ и др.) справедливо назначать наказание в виде пожизненного лишения свободы?». Отрицательную позицию по данному предложению заняли 53,3%, положительную 40%, воздержались 6,7%. Следовательно, можно сделать вывод, что усиление уголовной ответственности и наказания не приведет к положительному эффекту и как следствие к снижению количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности.

По нашему мнению, выработка мер предупреждения преступлений экстремистской направленности должна характеризоваться сложным, многоуровневым комплексом мер, объединяющих в себе значительное количество задач, с полным анализом детерминант и устранение коренных причин и условий, возникновение и развитие экстремистских структур. В научных исследованиях подчеркивается, что экстремистская активность, в том числе организационная, является производной от глубинных социальных дисфункций. Фридинский С.Н. в диссертационном исследовании отмечает, что экстремизм актуализируется в периоды социальных трансформаций, резкого расслоения общества, на начальных этапах модернизаций, а также в условиях этнодемографических изменений и нерегулируемой миграции [8].

Ю. М. Антонян указывает, что общие превентивные меры ориентированы на решение глобальных, всеобщих проблем экономического и социального характера, т. е. их основная направленность не связана напрямую с противодействием преступности, вместе с тем в связи со своей особой значимостью для экономической, духовной и социальной сфер жизни общества они одновременно способствуют решению проблем борьбы с криминалитетом. Государство, предпринимая меры по развитию экономики, улучшению социального обеспечения населения, интенсификации помощи беженцам и вынужденным переселенцам, «попутно» реализует профилактические меры, прежде всего в отношении тех социальных групп, которым оказывается соответствующая поддержка. Специальные же меры, напротив, непосредственно направлены на борьбу с преступностью, при этом они могут быть ориентированы на неопределённо широкий круг лиц (например, принятие уголовного закона), на конкретную социальную группу (например, профилактика правонарушений несовершеннолетних) либо на отдельного человека [11].

Общесоциальных меры как основа преду-

преждения направлены на оздоровление экономической, социальной, политической и духовной сфер жизни общества [12]. Общесоциальные меры отмечаются как наиболее важные, поскольку именно политические, экономические и социальные проблемы лежат в основе формирования криминальной мотивации лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, руководствующихся при этом политической, идеологической, национальной, религиозной или иной социальной ненавистью либо враждой, а равно корыстью или другой личной заинтересованностью, желанием проявить неуважение к обществу, продемонстрированные пренебрежением принятыми в нём правилами поведения.

Следовательно, в качестве одной из основных общесоциальных мер, направленных на предупреждение и профилактику экстремистской деятельности, является формирование социально-экономической политики государства. Принятая в 2024 году Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года закрепила, что Комплексное применение указанных механизмов (включая государственные программы, национальные проекты, индивидуальные программы развития субъектов Российской Федерации, инфраструктурные бюджетные кредиты), позволило достигнуть значительных результатов при решении задач пространственного развития Российской Федерации, в том числе по преодолению инфраструктурных ограничений федерального значения, сокращению уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии и обеспечению национальной безопасности за счет развития геостратегических территорий Российской Федерации.

Отметим, что приложением № 2 рассматриваемого документа утверждается 7 основных групп субъектов РФ, которые имеют существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности страны и её безопасности и как следствие именно в этих регионах внимание к вопросам социально-экономического развития более пристальное. В качестве одного из предложений данный документ предусматривает введение многополярной модели экономического развития субъектов. Именно экономический рост является важнейшим условием обеспечения занятости, снижения бедности и неравенства и позволяет увеличивать доходы [13]. Эта модель поможет привлечь дополнительные инвестиции и как следствие стимулирует снижение уровня безработицы, а также возможность привлечение трудовой занятости молодежи.

В качестве одной из основных мер предупреждения экстремизма является формирование негативного восприятия данной деятельности, за счет проведения работ по разложению экстремистских организаций изнутри. Дискредитация экстремистского движения, за счет средств массовой информации, с использованием телекоммуникационных сетей, позволит сократить число сочувствующих ему элементов. При этом мы поддерживаем предложения, высказанные в юридической литературе, о необходимости начинать данную работу еще в школах [14].

Повышение цифровой грамотности школьников выступает базовым элементом антиэкстремистской профилактики. В современной научной литературе приоритет формирования цифровой грамотности над исключительно запретительными мерами рассматривается в качестве ключевого вектора обеспечения криминологической безопасности образовательной среды. Практическая реализация данного направления предполагает внедрение в образовательные программы методик обучения критической оценке информации, распознаванию экстремистского контента и манипулятивных техник в интернете. Информирование подростков о рисках, связанных с использованием нейросетей и социальных сетей, должно носить системный характер, аналогичный профилактике наркомании в образовательных учреждениях.

Мы согласны с позиций ряда ученых, что ошибкой является признание того, что право на доступ к информации у несовершеннолетних не подлежит никаким ограничениям [15]. В связи с этим возникает необходимость запрета на использование средств мобильной связи в школе. В СМИ отмечается положительные стороны запрета на использование устройств с доступом к сети Интернет, в качестве которых относят потенциальную возможность сократить случаи кибербуллинга, а также решение вопроса с повреждениями и кражами дорогих аппаратов [16]. Мы поддерживаем мнение высказанной в работе «Защита прав и интересов детей в информационной сфере требует внимания», что вопрос о запрете мобильных устройств в школе требует дополнительной серьезной проработки и закреплении в законе только наличия у образовательной организации права на установление данного запрета, в свою очередь каждая школа разработает свою собственную концепцию использования гаджетов в содружестве с учениками и их родителями (законными представителями) [17].

С высказанной позицией согласны не все, на необходимость усиления работы государственных органов указали в опросе сотрудники правоохранительных органов. Так на вопрос Какие меры, с Вашей точки зрения, будут способствовать наиболее эффективному противодействию проявлениям экстремизма? необходимо дать ис-

черпывающий перечень тех преступлений, которые следует считать «преступлениями экстремистской направленности» 35.7%; усиление контроля со стороны органов власти за деятельностью общественных, религиозных объединений и иных организаций, а также усилить профилактику со стороны правоохранительных органов 35.7%; усилить ответственность за совершение ряда преступлений экстремистской направленности, переведя их в качественно иные категории 21,4%; все необходимые меры уже приняты 7.1%.

В научной литературе актуализируется дискуссия о переходе от жестких, преимущественно запретительных мер к «мягким» (soft) технологиям работы. Расторгуев С.В., применяя концепцию Р. Мертона, предлагает алгоритм такой профилактики в студенческой среде, фокусирующийся не на запрете, а на предоставлении легитимных средств для достижения социально одобряемых целей [18]. Это подразумевает создание в учебных заведениях, молодежных коллективах атмосферы инклюзивности, возможностей для самореализации и карьерного роста, что снижает уровень фрустрации и аномии – ключевых, по мнению исследователей, факторов радикализации

Отдельное внимание необходимо уделить молодежной политике. В России в 2020 году принят Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», в котором определено единое правовое поле работы с молодежью. Справедливо мнение Калякина, И.М., что молодежь необходимо рассматривать в качестве основного инициатора экономической активности и участника, так называемой социальной мобильности, но с другой стороны, ей присущ характер не полного включения в уже существующие политические и социально-экономические отношения [19]. Именно молодые люди, как мы отмечали ранее, является основной движущей силой экстремистской деятельности. Важной мерой для предупреждения экстремизма, по мнению Кунц Е.В. и Шамсунова С.Х., является общегосударственная идеология, которая способна сплотить общество и государство на нетерпимость к преступлениям, в том числе к экстремизму [20]. К.Е. Игошев отмечает идеологию как основное средство для обеспечения общей направленности всей системы профилактической деятельности [21]. Существенная роль в воспитании, духовно-нравственном формировании ребёнка принадлежит школе. Ведь в школе ребёнок не только получает знания, но также приобретает навыки социального поведения [22].

В работе Правкина И.Н. государство должно создавать благоприятные условия для развития гражданского общества и организовывать не только ограничение деятельности, подрывающей безопасность государственного строя, но и обратную связь между населением и государством с целью формирования правильной гражданской позиции [23].

Молодые люди в последнее время прекрасно понимают, всю политику государственных органов, направленную на предупреждение экстремистских преступлений. Отметим, что, проведя ряд исследований, среди студентов 1-4 курса государственных университетов и опросив более 350 человек. Можно с уверенностью сказать, что информированность находится в прямой взаимосвязи с оценками усилий органов власти по предупреждению экстремистской деятельности. В целом почти каждый пятый информант полагает, что власти делают все возможное для противодействия экстремистской деятельности, около 40 % опрошенных полагает, что власть «делает много». Оценивают усилия органов власти как недостаточные 35,1%, о том, что власти ничего не делает, говорят 5,7%. При этом чаще всего о том, что власти ничего не делают, говорят те, кто ничего не знает об этой работе властей (22,2%), соответственно, чаще о том, что власти делают все возможное, говорят те, кому известно об антиэкстремистской деятельности властей (39,4%).

В свою очередь, молодежь неплохо информировано о мерах, которые органы власти принимают для противодействия экстремистской деятельности. Так, 49,1% респондентов (студентов вызов) не просто хорошо знаком с мерами предупреждения экстремистской деятельности, но и постоянно следит за такой информацией, немногим больше, чем каждому пятому также хорошо известно о мерах по борьбе с экстремистской деятельности, предпринимаемых органами власти (23,8%), 19,4% опрошенных предпринимателей что-то слышали о проводимых мероприятиях по предупреждению экстремистской деятельности. Совершенно не информирован о мерах по борьбе с экстремизмом оказался почти каждый десятый информант – 7,4% сообщило, что ничего об этом не знают. При этом опрошенные высоко оценивают усилия государственных органов власти в деле противодействия экстремистской деятельности, утверждая, что руководство субъектов может эффективно бороться с экстремистской деятельности (43,1%), а 50,8% считают, что руководство субъектов не может в полной мере, без поддержки федеральных органов власти, эффективно бороться с экстремистской деятельности. Следовательно, государственные органы должны проложить политику постоянного информирования населения и, в частности, молодых людей о степени общественной опасности экстремистской деятельности. Дополнительно необходимо в рамках различных учебных заведениях обеспечить формирование у молодых людей целостного

представления о мире, политических веяниях, религии и культуре [24].

В молодежной среде, которая в силу возрастных психологических особенностей (максимализм, нигилизм, поиск идентичности) наиболее уязвима для вербовки, данные процессы проявляются особенно остро. Проведенные ранее исследования позволяют сделать вывод о изменении качественного и количественного состава экстремистских организаций. Не зависимо от модели экстремисткой деятельности в качестве членов рассматриваемых организаций, являются молодые люди из благополучных не только в социальном, но и в экономическом отношении семей. Если ранее учеными отмечалось, что в экстремистские организации вступают молодые люди с низким уровнем образования или без образования вообще, то анализ современной ситуации показывает, что сегодня в рядах экстремистских организаций состоит молодежь, имеющая высшее образование, нередко юридическое. Многие молодые члены экстремистских организаций являются мастерами спорта [25].

В качестве основы для такой деятельности необходимо ориентироваться на Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в котором определены два ключевых направления: принятие профилактических мер и деятельность по выявлению, предупреждению и пресечению экстремистской деятельности. Реализация указанных направлений должна охватывать субъекты воздействия в зависимости от модели экстремистской деятельности.

Акцентируя внимание на нормативных правовых актах, отметим законодательное закрепление, что наиболее эффективным средством массового информационного воздействия террористов на молодежь в последнее время становится Интернет. В Указе Президента Росийской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» говорится, что причины популярности Интернета у преступников – это легкий доступ к аудитории, обеспечение анонимной коммуникации, слабое регулирование этого вопроса на государственном уровне, глобальное распространение, высокая скорость передачи информации, дешевизна и простота в использовании, мультимедийные возможности.

Интернет используется в основном для двух целей вербовка новых адептов и организация финансирования экстремистской деятельности. Например, «гражданин Российской Федерации 2008 года рождения, находясь на территории г. Л……. Орловской области и являясь сторонником проукраинских взглядов, а также противником проводимой вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области (далее – СВО), в период 2023года с использованием своей электронной почты «,,,,,,,,,,,,,,@gmail.ru» осуществлял переписку с представителями украинского объединения «Правый сектор» (17.11.2014 решение Верховного Суда Российской Федерации признано экстремистской организацией), использующими адрес электронной почты .....@protonmail.com», в которой выразил и подтвердил намерения участвовать в деятельности указанной организации, действующей на стороне вооружённых сил Украины. В ходе реализации своих намерений гражданин 2008 года рождения в вышеуказанный период времени вступил в вышеуказанное объединение после чего выполнил их поручение по изготовлению и распространению документальных материалов, направленных на незаконное изменение установлению общественного порядка, государственного устройства, существующих структур власти и общества в Российской Федерации» (См.: Решение № 2А-352/2024 2А-352/2024~М-290/2024 А-352/2024 М-290/2024 от 19 декабря 2024 г. по делу № 2А-352/2024).

Помимо кадровой работы необходимо направить меры на недопущения появления возможностей организации финансирования экстремистской деятельности. Как справедливо отмечает в своей работе А.М. Факов в настоящем законодательстве нашей страны, нет нормативного определения, касающегося средств, для спонсирования экстремистских сообществ или средств, которые будут направлены на то, чтобы финансировать деятельность экстремистской направленности [26]. Вместе с тем, заслуживает внимание мнение Н.В. Володиной о возможности формирования источников экономической базы экстремистских организаций и объединений: самофинансирование; финансирование со стороны секторов незаконной экономики; частные пожертвования от благотворительных организаций; вкладывание денег в легальные фирмы; личные состояния лидеров экстремистских организаций; финансовая государственная поддержка [27].

Отметим, что при проведении исследований респондентам был задан вопрос «Является и финансирования экстремистской деятельности обязательным элементом организации деятельности экстремистской организации». Положительно ответили 86%, отрицательно 14% респондентов.

Уголовным законодательством предусмотрена ответственность за финансирование экстремистской деятельности ст. 282.3 УК РФ. При этом как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11., под «Финан-

сированием экстремистской деятельности следует признавать наряду с оказанием финансовых услуг предоставление или сбор не только денежных средств (в наличной или безналичной форме), но и материальных средств (например, предметов обмундирования, экипировки, средств связи) с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности, либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из этих преступлений, либо для обеспечения деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации (например, систематические отчисления или разовый взнос в общую кассу, приобретение недвижимости или оплата стоимости ее аренды, предоставление денежных средств, предназначенных для подкупа должностных лиц)».

Проведенное исследование позволило выяснить мнение действующих сотрудников правоохранительных органов. На вопрос: «Как вы считаете в какой форме, с Вашей точки зрения, чаще всего совершается объективная сторона финансирования экстремистской деятельности?» среди респондентов ответы распределились следующим образом: (56%) ответили, что в предоставлении сосредств, (38%) считает, что выделение материальных ресурсов, и (6%), что это является сбор средств.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что именно ч.1 ст.282.2 УК РФ не может реализовываться без решения организатором вопросов финансирования. Как показывает практика финансирование напрямую зависит от вида экстремистской деятельности. При организации экстремисткой деятельности, связанной с неформальным молодежным движением «Арестантское уголовное единство» организация финансирования осуществляется за счет сбора общака. Как отмечается в книге Д.В. Громова «сбор средств для оказания материальной поддержки представителям криминального мира, находящимся в местах лишения свободы (пополнение «общака»); извлечение выгоды путем реализации товаров, произведенных в местах лишения свободы либо имеющих характерную для таких мест символику» [28].

Дополнительно отметим, что в качестве «общака» используются различные товары. Из материалов уголовного дела № 12402711025000086 видно, что пострадавший в течении двух лет, на регулярной основе, (примерно раз в 2-3 месяца) связывался с О и сообщал последнему, что можно забирать в качестве взноса продукты питания. Далее либо он сам привозил коробки с печеньем, конфетами, сухариками к нему домой, либо сам О приезжал и забирал данные коробки. При этом каких-либо денег О не передавал. О том, что О впоследствии данные продукты питания передаст на ИВС для содержащихся там заключенных, пострадавший не знал, но не исключал такую возможность. Со слов О…. было известно, что печенье он отвозил нуждающимся в «лечебное учреждение», где содержаться больные туберкулезом.

Особую опасность приобретает привлечение несовершеннолетних к финансированию. Опасность этого отмечалось в работах юристов. Например, «В одном из районов Екатеринбурга, – сообщают местные активисты, – мы фиксировали ситуацию, когда учащиеся 1-2-го классов начали воровать из магазина сахар и кофе... Выяснилось, что они действовали по поручению старших товарищей, а украденное предназначалось для заключенных местной колонии» [29]. Для предупреждения использования информационно-телекоммуникационных технологий для совершения состава преступления, организации экстремистской деятельности и участия в данной деятельности необходимо активно привлекать киберволонтеров. Киберволонтерство представляет собой перспективную технологию профилактической работы, основанную на привлечении активных граждан к мониторингу и выявлению деструктивного контента в социальных сетях и мессенджерах. Научные исследования подтверждают эффективность киберволонтерства как механизма предотвращения экстремистских проявлений среди молодежи, в том числе в университетской среде. Практический опыт деятельности кибердружин демонстрирует их потенциал в раннем выявлении лиц, подверженных радикализации, и своевременном информировании правоохранительных органов, что позволяет перейти от посткриминального реагирования к упреждающему вмешательству.

Отдельным вопросом необходимо рассмотреть использование системы искусственного интеллекта в предупредительной деятельности. Машинного обучения и анализа больших данных открывают качественно новые возможности для профилактики экстремизма в информационно-телекоммуникационных сетях. В научной литературе обосновываются следующие направления использования ИИ в профилактической деятельности: автоматизированное выявление экстремистского контента и опасных нарративов на ранних стадиях распространения; предиктивная аналитика, позволяющая прогнозировать зоны риска и уязвимые социальные группы; алгоритмическая обработка цифровых следов для выявления латентных экстремистских сетей. При этом важно подчеркнуть, что данные технологии должны использоваться не только как средство уголовного

преследования, но прежде всего как инструмент раннего предупреждения.

На основании изложенного нам представляется необходимым внести изменения в ст. 282.2. УК РФ. И, в частности, ч. 3 указанной статьи изложить в следующей редакции: «Деяния, предусмотренные частями первой, первой.1 или второй настоящей статьи, совершенные в отношении несовершеннолетнего или лицом с использованием своего служебного положения»,

Дополнительно предусмотреть ч.4 ст. 282.2 УК РФ «Пособничество в совершении деяний, предусмотренных частями первой, первой.1 или второй настоящей статьи». А также целесообразно внести у статью примечание 1.2 ведущей редакции: «Под пособничеством в настоящей статье понимаются умышленное содействие совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий к его совершению, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно обещание приобрести или сбыть такие предметы».

Список литературы:

[1] Криминология: Учебник для вузов/Под общ. ред. д. ю. н., проф. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005 с.387.

[2] Криминология: учебник для вузов / под общей редакцией О. С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 1132 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-09795-5. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: https://urait.ru/bcode/466052 (дата обращения: 26.03.2026).

[3] Шляпочников А.С. Общие меры предупреждения преступности. М., 1972.

[4] Сомин В.Н. Социальное управление предупреждением преступности: введение в теорию. Иркутск, 1990.

[5] Токарев А. Ф. Общее предупреждение преступлений: деятельность органов внутренних дел. М., 1995.

[6] Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности. Красноярск, 1999.

[7] Гилинский, Я.И. Современная криминология о преступности и противодействии ей // Криминалистъ. 2022. № 1 (38). С. 3—7.

[8] Назиров Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления: диссертация ... доктора философских наук : 09.00.11 / Назиров Давлятходжа; [Место защиты: Ин-т философии и права АН Респ. Таджикистан]. — Душанбе, 2009. — 347 с.

[9] Иванов, С.В. Уголовная политика Российской Федерации: криминолого-политологический и уголовно-правовой аспекты: дис. … канд. юр. наук. Екатеринбург, 2006. С. 136.

[10] Фридинский, С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование: дис. ... доктора юридических наук. М., 2011. С. 224.

[11] Антонян, Ю. М. Общая концепция предупреждения преступности / Ю. М. Антонян // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 3(82). – С. 21-29. – EDN RQARLD.

[12] Тимк С. А. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел : учебное пособие / С. А. Тимко, И. А. Кузнецова, Н. А. Тюфяков ; Министерство внутренних дел Российской Федерации, Омская академия. — Омск : ОмА МВД России, 2021. — 155 с.

[13] Сухарев, О.С. Социальная политика в решении проблемы неравенства и бедности. Экономика. Налоги. Право. 2021. № 14(2). С. 16–31.

[14] Бочаров, Р.А. Профилактика политического экстремизма и терроризма в молодежной среде // Власть. 2013. № 5. С. 46–49.

[15] Иванов, И.С. Правовая защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: расширенный научно-практический комментарий // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Минкин, А. Запрет мобильных в школах. Опыт других стран // 360о. – 2019. https://360.ru/tekst/obschestvo/zapret-mobilnyh-v-shkolah-opyt-drugih-stran/?ysclid=mp82a4gtq674994391 (дата обращения 16.05.2026).

[17] Букалерова, Л. А. Защита прав и интересов детей в информационной сфере требует внимания / Л. А. Букалерова, А. В. Остроушко // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2019. – № 4(22). – С. 57-65. – DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-57-65. – EDN XQOEHW.

[18] Расторгуев, С.В. Экстремизм в молодежной среде современной России: Виды, факторы распространения, мягкие технологии профилактики / С. В. Расторгуев // Политическая наука. 2018. № 4. С. 124–145.

[19] Калякина, И.М. Экономическая и социальная роль молодёжи / И. М. Калякина, А. А. Толпыгин // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 10. С. 153–156.

[20] Кунц, Е. В. Предупреждение экстремизма мерами общесоциального характера / Е. В. Кунц, С. Х. Шамсунов // Проблемы права. – 2022. – № 2(85). – С. 110-112. – DOI 10.14529/pro-prava220219. – EDN NLLWDR.

[21] Социальный контроль и профилактика преступлений. Учебное пособие / Игошев К.Е. -

Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1976. - 91 с.

[22] Дадова, З. И. Роль школы в социализации подростков / З. И. Дадова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 17. – С. 199–201. – EDN SXZOBN.

[23] Правкина, И.Н. Оптимизация взаимодействия государства и гражданского общества как национальный стратегический интерес современного российского государства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 213–216.

[24] Сошников, И.Д. Криминологические особенности современного религиозного экстремизма среди молодежи // Закон и право. 2025. № 6. С. 269–273.

[25] Олифиренко, Е. П. Молодежный религиозный экстремизм в современной России и пути его преодоления (на материалах Северо-Кавказского федерального округа): автореф. дис. ... кан. полит. наук. Краснодар, 2012. 26 с.

[26] Факов, А.М. Особенности финансирования экстремизма и терроризма / А. М. Факов // Право и управление. 2022. № 11. С. 143–145.

[27] Володина, Н.В. Особенности современного «американского» экстремизма / Н. В. Володина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 219–227.

[28] Громов, Д.В. АУЕ: криминализация молодежи и моральная паника. М.: Редакция журнала "Новое литературное обозрение", 2022. С. 216.

[29] Ростокинский, А.В. Гопники новейшего времени / А. В. Ростокинский, Р. С. Данелян // Право и управление. 2024. № 7. С. 179–184.

References:

[1] Criminology: Textbook for Universities / General editor: Doctor of Law, Professor A. I. Dolgova. 3rd edition, revised and expanded. Moscow: Norma, 2005, p. 387.

[2] Criminology: Textbook for Universities / General editor: O. S. Kapinus. 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Yurait Publishing House, 2020. 1132 pages (Higher education). ISBN 978-5-534-09795-5. Text: electronic // Yurait Educational Platform [website]. URL: https://urait.ru/bcode/466052 (accessed: March 26, 2026).

[3] Shlyapochnikov A.S. General Crime Prevention Measures. M., 1972.

[4] Somin V.N. Social Management of Crime Prevention: Introduction to Theory. Irkutsk, 1990.

[5] Tokarev A.F. General Crime Prevention: Activities of Internal Affairs Agencies. M., 1995.

[6] Shchedrin N.V. Fundamentals of the General Theory of Crime Prevention. Krasnoyarsk, 1999.

[7] Gilinsky, Ya.I. Modern Criminology on Crime and How to Combat It // Criminologist. 2022. No. 1 (38). Pp. 3-7.

[8] Nazirov D. Problems of Terrorism, Religious Extremism and Ways to Overcome Them: Dissertation ... Doctor of Philosophy: 09.00.11 / Nazirov Davlyatkhodzha; [Place of Defense: Institute of Philosophy and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan]. - Dushanbe, 2009. - 347 p.

[9] Ivanov, S.V. Criminal Policy of the Russian Federation: Criminological, Political, and Criminal-Law Aspects: Diss. ... Cand. of Law. Ekaterinburg, 2006. P. 136.

[10] Fridinsky, S.N. Counteracting Extremist Activity (Extremism) in Russia: A Social, Legal, and Criminological Study: Diss. ... Doctor of Law. Moscow, 2011. P. 224.

[11] Antonyan, Yu. M. General Concept of Crime Prevention / Yu. M. Antonyan // Man: Crime and Punishment. - 2013. - No. 3 (82). - P. 21-29. - EDN RQARLD.

[12] Timko S. A. Prevention of Crimes and Administrative Offenses by Internal Affairs Bodies: A Study Guide / S. A. Timko, I. A. Kuznetsova, N. A. Tyufyakov; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk Academy. — Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. — 155 p.

[13] Sukharev, O. S. Social Policy in Addressing Inequality and Poverty. Economy. Taxes. Law. 2021. No. 14(2). Pp. 16–31.

[14] Bocharov, R. A. Prevention of Political Extremism and Terrorism Among the Youth // Vlast. 2013. No. 5. Pp. 46–49.

[15] Ivanov, I. S. Legal Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development: An Expanded Scientific and Practical Commentary // SPS "ConsultantPlus".

[16] Minkin, A. Ban on Mobile Phones in Schools. Experience of Other Countries // 360o. – 2019. https://360.ru/tekst/obschestvo/zapret-mobilnyh-v-shkolah-opyt-drugih-stran/?ysclid=mp82a4gtq674994391 (accessed on 16.05.2026).

[17] Bukalerova, L. A. Protecting Children's Rights and Interests in the Information Sphere Requires Attention / L. A. Bukalerova, A. V. Ostroushko // Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. – 2019. – No. 4(22). – P. 57-65. – DOI 10.21777/2587-9472-2019-4-57-65. – EDN XQOEHW.

[18] Rastorguev, S.V. Extremism among the youth of modern Russia: Types, factors of spread, soft prevention technologies / S. V. Rastorguev // Political science. 2018. No. 4. Pp. 124–145.

[19] Kalyakina, I.M. The economic and social role of youth / I. M. Kalyakina, A. A. Tolpygin // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2014. No. 10. Pp. 153–156.

[20] Kunz, E. V. Prevention of Extremism by Measures of a General Social Nature / E. V. Kunz, S. Kh. Shamsunov // Problems of Law. - 2022. - No. 2

(85). - P. 110-112. - DOI 10.14529/pro-prava220219. - EDN NLLWDR.

[21] Social Control and Crime Prevention. Textbook / K. E. Igoshev. - Gorky: Publishing House of the Main Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1976. - 91 p.

[22] Dadova, Z. I. The Role of School in the Socialization of Adolescents / Z. I. Dadova // Theory and Practice of Social Development. - 2014. - No. 17. - P. 199-201. - EDN SXZOBN.

[23] Pravkina, I.N. Optimization of interaction between the state and civil society as a national strategic interest of the modern Russian state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 5. pp. 213-216.

[24] Soshnikov, I.D. Criminological features of modern religious extremism among young people // Law and Order. 2025. No. 6. pp. 269-273.

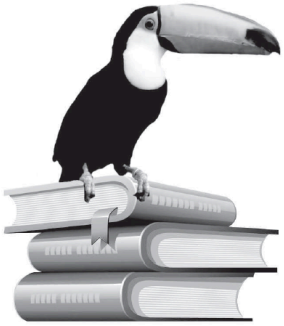
[25] Olifirenko, E.P. Youth religious extremism in modern Russia and ways to overcome it (based on the materials of the North Caucasus Federal District): author's abstract. diss. ... cand. political sciences. Krasnodar, 2012. 26 p.

[26] Fakov, A.M. Features of the financing of extremism and terrorism / A. M. Fakov // Law and Management. 2022. No. 11. pp. 143-145.

[27] Volodina, N.V. Features of Modern "American" Extremism / N. V. Volodina // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2013. No. 2. Pp. 219–227.

[28] Gromov, D.V. AUE: Criminalization of Youth and Moral Panic. Moscow: Editorial Board of the Journal "New Literary Review", 2022. Pp. 216.

[29] Rostokinsky, A.V. Gopniks of Modern Times / A. V. Rostokinsky, R. S. Danelyan // Law and Management. 2024. No. 7. Pp. 179–184.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-165-172

КУПРЯШИН Виктор Сергеевич,
Студент, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: victorkupryashin@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ И ПРЕДМЕТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию актуальных материально-правовых и криминологических проблем, возникающих при квалификации и разграничении преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов (статьи 242, 242.1, 242.2 УК РФ). Целью исследования является выработка унифицированного понятийного аппарата и четких критериев разграничения смежных составов для оптимизации правоприменительной практики в условиях цифровизации общества. На основе комплексного анализа доктрины уголовного права, стратегий национальной безопасности, а также актуальных статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ и Генеральной прокуратуры РФ, автором доказано, что латентный оборот деструктивного контента выступает катализатором реального сексуального насилия и несет прямую угрозу общественной нравственности. Основным результатом работы является формирование авторской системы монолитных взаимосвязанных дефиниций. В научный оборот вводятся новые определения порнографических материалов и предметов, построенные на основе критериев натуралистичности и цели деструктивного воздействия. Сбалансированно разработано легальное определение эротических материалов и предметов, ключевыми признаками которых выступают наличие самостоятельной культурной ценности, прямая предназначенность исключительно для совершеннолетних лиц, а также полное очищение от признаков порнографии. Впервые предложена дифференциация способов изготовления через призму концепции материального и нематериального (цифрового) производства, что закрывает правовой вакуум в сфере использования искусственного интеллекта и дипфейк-технологий. Автором регламентирован момент окончания преступления в интернет-пространстве через фиксацию факта первого просмотра, разграничены технические действия пользователей (лайки и репосты), а также сформулирована презумпция интимного секстинга для защиты тайны личной жизни совершеннолетних граждан. В сфере разграничения со смежными нормами (ст. 242.1 УК РФ и ст. 6.21 КоАП РФ) обоснован безусловный приоритет визуального образа несовершеннолетнего над биологическим возрастом модели, а также поглощение административной ответственности уголовной при переходе деструктивного воздействия в форму натуралистической визуализации.*

Ключевые слова: *порнографические материалы, порнографические предметы, оборот порнографии, общественная нравственность, квалификация преступлений, интернет-пространство, искусственный интеллект, презумпция интимного секстинга, детская порнография.*

KUPRYASHIN Victor Sergeevich,
Student Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E.N. Zinichev, Russia, Saint Petersburg

CURRENT PROBLEMS OF CLASSIFICATION AND DELINEATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING OF PORNOGRAPHIC MATERIALS AND ITEMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to the study of current substantive legal and criminological problems arising in the qualification and differentiation of crimes related to the illicit trafficking of pornographic materials (Articles 242, 242.1, 242.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). The purpose of the study is to develop a unified conceptual framework and clear criteria for distinguishing related offenses to optimize law enforcement practice in the context of the digitalization of society. Based on a comprehensive analysis of the criminal law doctrine, national security strategies, as well as current statistical data from the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, the author proves that the latent trafficking of destructive content acts as a catalyst for actual sexual violence and poses a direct threat to public morality. The main result of the work is the formation of the author's system of monolithic interconnected definitions. The paper introduces new scientific definitions of pornographic materials and objects, built on the criteria of naturalism and the purpose of destructive impact. A balanced legal definition of erotic materials and objects is developed, the key features of which are the presence of independent cultural value, direct designation exclusively for adults, as well as complete clearance from signs of pornography. For the first time, a differentiation of manufacturing methods is proposed through the prism of the concept of material and non-material (digital) production, which fills the legal vacuum in the field of using artificial intelligence and deepfake technologies. The author regulates the moment of completion of a crime in the Internet space by fixing the fact of the first viewing, differentiates the technical actions of users (likes and reposts), and formulates the presumption of intimate sexting to protect the privacy of adult citizens. In the area of differentiation from related offenses (Article 242.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 6.21 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation), the unconditional priority of the visual image of a minor over the biological age of the model is justified, as well as the absorption of administrative liability by criminal liability when the destructive impact transitions into the form of naturalistic visualization.*

Key words: *pornographic materials, pornographic objects, trafficking of pornography, public morality, qualification of crimes, Internet space, artificial intelligence, presumption of intimate sexting, child pornography.*

Введение

Трансформация современного социума под влиянием форсированной цифровизации и стремительного развития информационно-телекоммуникационных технологий повлекла за собой качественное изменение структуры и характера преступности. Одним из наиболее острых и криминологически значимых вызовов для государственной системы безопасности и институтов гражданского общества стал неконтролируемый оборот деструктивного контента в глобальной сети Интернет. В условиях ведения гибридных войн и целенаправленного информационно-психологического воздействия на население, незаконные изготовление, распространение и публичная демонстрация порнографических материалов приобретают статус латентного инструмента, подрывающего основы общественной нравственности и традиционные российские духовно-нравственные ценности, закрепленные на высшем государственном уровне. Не будет преувеличением утверждать, что сфера общественной нравственности является фундаментом социального бытия, поскольку именно здесь закладываются базовые поведенческие императивы. Как справедливо подчеркивает Р.Р. Абсатаров, «мораль играет ключевую роль в регулировании поведения личности в обществе. От морального здоровья молодого поколения во многом зависит будущее любой страны» [1, с. 4]. Актуальность исследования данной проблематики подчеркивается не только идеологическими факторами, но и угрожающими тенденциями правоприменительной и судебной практики. Данные официальной статистики свидетельствуют о наличии устойчивой корреляционной связи между масштабами бесконтрольного распространения порнографии в цифровом пространстве и ростом реального насилия в физическом мире, в особенности — в отношении наиболее уязвимых слоев населения, несовершеннолетних граждан. Действующее уголовное законодательство, зафиксированное в статьях 242 и 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), формировалось в принципиаль-

но иных технологических и геополитических реалиях, вследствие чего современный правоприменитель столкнулся с системным кризисом квалификации киберпреступлений. На это обстоятельство обращает внимание и Р.Р. Хайбрахманова, указывая, что «одной из ключевых тенденций современной уголовно-правовой политики является также криминализация новых форм общественно опасного поведения, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, активно применяемых для распространения порнографических материалов, пропаганды жестокости и иных форм девиантного поведения» [2, с. 129]. Степень научной разработанности данной темы в отечественной юриспруденции характеризуется наличием широкого пласта фундаментальных трудов. Однако большинство существующих доктринальных подходов опирается на «традиционные» способы совершения преступлений и не учитывает современные реалии: появление генеративного искусственного интеллекта, технологий глубокого синтеза медиаданных (Deepfake), алгоритмов продвижения контента в социальных медиа посредством пользовательской активности («лайки» и «репосты»), а также специфику межличностных цифровых коммуникаций совершеннолетних граждан («секстинг»). Центральная научная проблема исследования заключается в наличии глубокого правового вакуума и терминологической неопределенности в диспозициях уголовно-правовых норм. В отечественном законодательстве до сих пор отсутствуют легальные дефиниции порнографических материалов, предметов и смежного понятия эротики, что порождает избыточное судейское усмотрение, противоречивость следственной практики и размывание границ между преступным деянием и тайной личной жизни. Исходя из этого, целью настоящей статьи является комплексное теоретико-прикладное исследование материально-правовых аспектов оборота запрещенного контента, выявление системных пробелов квалификации в цифровой среде и разработка унифицированного понятийно-категориального аппарата, способного обеспечить эффективное разграничение смежных составов уголовных преступлений и административных правонарушений.

Теоретические основы и методы исследования

Теоретический фундамент настоящего исследования базируется на ключевых положениях отечественной доктрины уголовно-правовых наук, теории квалификации преступлений, а также на современных концепциях обеспечения информационной и криминологической безопасности в цифровой среде. Проблематика исследования осмысливается через призму системно-объектного подхода, в рамках которого общественная нравственность рассматривается как самостоятельный, охраняемый уголовным законом объект правовой охраны, обладающий высшей социальной ценностью. Нормативно-теоретическую базу исследования составили положения Конституции Российской Федерации, выступающей фундаментальным источником уголовного права и закрепляющей в части 3 статьи 55 принципы допустимости ограничения прав граждан в целях защиты нравственности и безопасности государства. Также базой исследования послужили нормы Уголовного кодекса РФ, регулирующие ответственность за преступления против общественной нравственности, и стратегические документы декретного характера, включая положения Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809. Эмпирическую основу исследования составили статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ и официальные аналитические данные Генеральной прокуратуры РФ. Методологический аппарат исследования сформирован на основе сочетания общенаучных и специальных юридических методов познания, выбор которых обусловлен комплексным характером поставленной цели. В качестве базовых общенаучных подходов в работе использованы метод логического анализа и синтеза при декомпозиции признаков противоправных деяний и последующем конструировании авторской системы дефиниций, системно-структурный метод, позволивший исследовать оборот запрещенного контента как целостное деструктивное явление в цифровой среде, а также статистический метод, применявшийся при обработке количественных и качественных показателей судимости. Среди специально-юридических методов познания ключевое значение имели формально-юридический метод, выступивший основным инструментом при критическом анализе диспозиций ст. 242, ст. 242.1 и 242.2 УК РФ, и метод уголовно-правового моделирования, нашедший применение при сопоставлении смежных составов преступлений, разрешении коллизий их конкуренции и разработке научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства.

Авторский понятийный аппарат

Порнографические материалы — это распространяемые текстовые, графические и аудиовизуальные объекты, не несущие культурной ценности для общества, содержащие натуралистические изображения обнаженных половых органов или подробные описание половых актов предназначенные для публичной демонстрации с целью популяризации, коммерческой выгоды или деструктивного воздействия.

Порнографические предметы — это предназначенные для публичного распространения и демонстрации вещественные объекты, не несущие

медицинской ценности для общества, имитирующие половые органы или направленные на сексуальную стимуляцию половых органов с целью популяризации, коммерческой выгоды или деструктивного воздействия. Эротические материалы и предметы — это предназначенные для публичного распространения и демонстрации текстовые, графические, аудиовизуальные и вещественные объекты несущие художественную, научную или медицинскую ценность для общества, предназначенные для совершеннолетних и не имеющие признаков порнографических материалов или предметов.

Распространение порнографических материалов или предметов — это действия физических лиц по передаче указанных материалов или предметов в пользование или владение третьим лицам, совершаемые с целью обеспечения доступа к ним неопределенного круга лиц.

Публичная демонстрация порнографических материалов или предметов — это действия физических лиц по предоставлению доступа к указанным материалам или предметам, обеспечивающие возможность их одновременного или поочередного просмотра неопределенному кругу лиц, без передачи им права владения.

Изготовление порнографических материалов или предметов — это действие физического лица по материальному или нематериальному производству указанных материалов или предметов с целью дальнейшего оборота.

Презумпция интимного секстинга — это правовое допущение, согласно которому обоюдные, конфиденциальные действия совершеннолетних лиц по обмену текстовыми, графическими или аудиовизуальными материалами сексуального характера в рамках личной переписки признаются законными и исключающими умысел на публичный оборот порнографических материалов или предметов, пока не доказано иное.

Материально-правовые коллизии квалификации и алгоритмы разграничения преступлений против общественной нравственности в цифровой среде

В контексте предложенного нами авторского определения порнографических материалов, ключевой содержательный маркер — "цель деструктивного воздействия" — приобретает особое криминологическое значение при квалификации виртуальной (сгенерированной искусственным интеллектом) детской порнографии. Наличие умысла виновного лица на нематериальное производство девиантных цифровых образов свидетельствует о его направленности на подрыв основ общественной нравственности в сфере защиты несовершеннолетних. Технологическая составляющая этого явления также не должна игнорироваться правоприменителем. В научной литературе обоснованно подчеркивается, что «контент, созданный при помощи компьютера или генерируемый нейросетями, производится гораздо быстрее и с меньшими затратами, чем традиционные «фильмы для взрослых», что приводит к увеличению его количества» [3, с. 28-29]. Несмотря на отсутствие физического пострадавшего в момент генерации, латентная общественная опасность такого деяния колоссальна. Подобный контент выступает катализатором деструктивных процессов в социуме: он способствует искусственному формированию и закреплению педофильных девиаций у потребителей, трансформирует их морально-психологические барьеры и, как следствие, влечет за собой прямую угрозу экстраполяции виртуального опыта в реальную плоскость, провоцируя рост числа насильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Таким образом, определяющим вектором квалификации по ст. 242.1 УК РФ должен выступать именно деструктивный характер умысла и визуальный образ несовершеннолетнего, а не физический способ создания материала.

Важным аспектом разграничения уголовной ответственности за оборот порнографии (ст. 242 УК РФ) и административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений (ст. 6.21 КоАП РФ) является форма объективизации деструктивного воздействия. По нашему мнению, определяющим разграничительным критерием здесь должна выступать глубина и характер визуализации правонарушения. В случаях, когда противоправные действия носят вербальный, текстовый или концептуальный характер (информационное продвижение девиантных установок без наглядной анатомической фиксации), содеянное не достигает степени общественной опасности преступления и подлежит квалификации исключительно в рамках административно-деликтного права (ст. 6.21 КоАП РФ). Напротив, если деструктивный умысел правонарушителя материализуется через распространение или публичную демонстрацию объектов, содержащих натуралистические изображения обнаженных гениталий либо подробные описания и фиксацию половых актов (что полностью отвечает разработанным нами авторским дефинициям порнографических материалов и предметов), возникает конкуренция норм. Поскольку уголовно-правовой состав является более репрезентативным и общественно опасным, административное правонарушение полностью поглощается уголовным преступлением. Двойная квалификация по УК РФ и КоАП РФ в данном случае недопустима, а содеянное должно квалифицироваться строго по ст. 242 УК РФ, где нетрадиционная тематика контента выступает формой проявления умысла на деструктивное воздействие. Серьёзную пробле-

му для правоприменительной практики представляет определение момента окончания преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, при совершении его в информационно-телекоммуникационных сетях. На основе разработанных нами дефиниций, главным критерием признания состава, оконченным должен выступать факт первого просмотра запрещённого контента третьим лицом, что свидетельствует о реальном причинении вреда объекту посягательства — общественной нравственности. Установление этого факта, равно как и первичная квалификация самого материала, на практике сопряжено с известными трудностями. А.А. Овчарова справедливо указывает: «Отсутствие в уголовном законодательстве Российской Федерации четкого понятийно-категориального аппарата и признаков определения порнографического материала требует применения специальных познаний в данной области и зачастую вся ответственность за отнесение материала к порнографии ложится на плечи соответствующего эксперта. Самостоятельное определение экспертом признаков порнографического материала приводит к субъективным выводам, что противоречит принципу объективности судебной экспертизы» [4, с. 15]. Вместе с тем далеко не всегда обращение к эксперту действительно необходимо. Е.В. Иванова отмечает: «Следователи и дознаватели при установлении признаков порнографии в большинстве случаев обращаются к такому виду использования специальных знаний, как судебная экспертиза. Полагаем, что это не всегда оправданно» [5, с. 43].

В условиях цифровой среды критически важно дифференцировать технические действия пользователей в зависимости от направленности умысла. Само по себе сохранение (загрузка) материала в закрытые каталоги или личные облачные хранилища без последующей передачи не образует состава преступления. Напротив, совершение "репоста" (перепубликации) контента на персональной странице является юридически оконченным актом направления материала неопределённому кругу лиц, в то время как проставление отметки "нравится" ("лайк") в алгоритмических социальных сетях следует квалифицировать как умышленные действия по продвижению публикации в новостных лентах с целью увеличения охвата аудитории. Такая трактовка полностью согласуется с доктринальным пониманием публичности: «Для квалификации деяния по признаку публичной демонстрации требуется активное действие по привлечению внимания аудитории, а не просто наличие случайных свидетелей» [6, с. 266]. Отдельного внимания требует квалификация пересылки материалов в закрытых цифровых сообществах. Сам факт отправки порнографии в групповой чат (даже с ограниченным числом участников) должен признаваться оконченным преступлением, поскольку в сетевой среде отсутствуют гарантии нераспространения данных лицами за пределы этого чата или их демонстрации с экрана мобильного устройства. В качестве исключения, исключающего уголовную ответственность за отсутствием общественной опасности, нами предлагается закрепить "презумпцию интимного секстинга". Под ней понимается обоюдное и конфиденциальное действие по пересылке эротических или порнографических материалов исключительно одному лицу, с которым отправитель состоит в подтверждённых интимно-личностных отношениях, при условии, что контекст цифрового диалога прямо свидетельствует об умысле сторон сохранить данные материалы строго в рамках личной тайны. Такой подход позволит отграничить уголовно наказуемый оборот от легального"секстинга"совершеннолетних граждан.

Особую сложность в доктрине уголовного права вызывает разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 242 и ст. 242.1 УК РФ, в ситуациях несовпадения биологического (паспортного) возраста модели и её визуального восприятия. На основе разработанной нами концепции приоритета деструктивного воздействия, мы предлагаем разрешать данные коллизии следующим образом. Во-первых, в ситуациях, когда в материалах задействовано совершеннолетнее лицо, однако весь антураж, одежда (например, школьная форма) и поведение целенаправленно эксплуатируют образ ребенка ("бэби-фейс"), содеянное должно безоговорочно квалифицироваться по ст. 242.1 УК РФ. Умысел виновных лиц в данном контексте направлен на удовлетворение и стимуляцию педофильных девиаций у потребителей. Подобный контент формирует ложное общественное представление о доступности несовершеннолетних и провоцирует реальное насилие над детьми, что делает его тождественным детской порнографии по степени общественной опасности. Во-вторых, в зеркальной ситуации, когда модель является биологически несовершеннолетней, но визуально воспринимается как взрослая, квалификация также должна осуществляться исключительно по ст. 242.1 УК РФ. В уголовно-правовой науке по данной категории дел должен быть закреплен принцип повышенной ответственности: ссылки стороны защиты на неосведомленность о реальном возрасте потерпевшего лица не должны приниматься во внимание. Субъект, осуществляющий незаконный и изначально деструктивный оборот порнографических материалов, самостоятельно несет все сопутствующие юридические риски. Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних в данном случае носит абсолютный характер и

полностью исключает презумпцию добросовестного заблуждения правонарушителя.

Основательный доктринальный и практический интерес в рамках исследуемой темы представляет разграничение преступлений, предусмотренных статьями 242.1 и 242.2 УК РФ, алгоритм которого, по нашему мнению, должен основываться на критерии наличия или отсутствия реального взаимодействия с несовершеннолетним лицом. В тех случаях, когда объективная сторона преступления выражается в нематериальном производстве (компьютерной генерации искусственным интеллектом девиантных образов) либо в последующем распространении и публичной демонстрации уже созданных кем-то ранее и полученных из внешних источников материалов, содеянное посягает исключительно на общественную нравственность и подлежит квалификации по ст. 242.1 УК РФ. Здесь отсутствует физический объект эксплуатации в лице конкретного ребёнка. Напротив, ключевым конструктивным признаком состава ст. 242.2 УК РФ выступает любое целенаправленное взаимодействие виновного лица с реальным, живым несовершеннолетним в целях получения порнографического контента. При этом характер такого взаимодействия не имеет значения для квалификации: оно может выражаться как в физическом контакте в реальном мире (организация съёмок, принуждение к позированию), так и в психологическом воздействии в виртуальном пространстве сети Интернет (например, склонение подростка к созданию и отправке личных интимных снимков — так называемого self-generated контента). Данный тезис в полной мере коррелирует с выводами М.В. Гусаровой, которая отмечает, что «появление виртуальной порнографии, принуждения к сексуальному позированию и иным действиям сексуального характера в сети Интернет влечет необходимость поиска адекватных мер противодействия данным вызовам, в том числе криминологического и уголовно-правового характера» [7, с. 49]. Таким образом, отсутствие взаимодействия правонарушителя с реальным несовершеннолетним безусловно исключает применение ст. 242.2 УК РФ, оставляя содеянное в рамках ст. 242.1 УК РФ, в то время как установление факта любого реального или сетевого контакта с ребёнком ради производства запрещённых материалов требует вменения ст. 242.2 УК РФ как самостоятельного посягательства на половую неприкосновенность и психическое развитие личности.

Эмпирический анализ состояния судимости по статьям 242, 242.1 и 242.2 УК РФ как показатель деструктивного воздействия на общественную нравственность

Выдвинутые нами теоретические положения о характере деструктивного воздействия незаконного оборота порнографических материалов подтверждаются глубоким анализом актуальных эмпирических данных. Изучение официальной статистики Генеральной прокуратуры РФ свидетельствует о беспрецедентном росте масштабов девиантного поведения в российском обществе: за десятилетний период количество зарегистрированных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних увеличилось на 44 % — с 9 524 деяний в 2010 году до 16 887 в 2021 году. При этом качественный анализ структуры данной категории преступлений выявляет их латентный характер: более половины посягательств совершается лицами, знакомыми ребенку, каждое пятое — членами его семьи (в том числе 11 % — родителями), а четверть (25 %) — лицами в состоянии алкогольного опьянения или страдающими психическими расстройствами. На наш взгляд, указанная негативная динамика находится в прямой причинно-следственной связи с процессами, происходящими в сфере цифрового оборота запрещенного контента. Это наглядно иллюстрируют коррелирующие данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за период 2020–2024 гг. Так, число лиц, осужденных по ст. 242 УК РФ, выросло почти вдвое — с 221 человека в 2020 году до 398 в 2024 году (при динамике по годам: 2021 г. — 208; 2022 г. — 262; 2023 г. — 327). Еще более репрезентативным выглядит динамический скачок судимости по ст. 242.1 УК РФ: количество вынесенных приговоров за оборот детской порнографии увеличилось ровно в два раза — со 111 осужденных в 2020 году до 223 в 2024 году (2021 г. — 136; 2022 г. — 119; 2023 г. — 190). Данная деструктивная тенденция подтверждается и показателями судимости по смежной статье 242.2 УК РФ, предусматривающей ответственность за использование несовершеннолетних в целях изготовления порнографии, где за аналогичный период зафиксирован рост числа осужденных более чем в два раза: с 15 человек в 2020 году до 35 человек в 2024 году, при этом пиковое значение пришлось на 2023 год, когда обвинительные приговоры были вынесены в отношении 48 лиц (динамика по годам: 2021 г. — 22 осужденных; 2022 г. — 24 осужденных). Синхронный и поступательный рост показателей судимости по обеим статьям выступает эмпирическим доказательством того, что бесконтрольное тиражирование порнографических материалов и предметов в информационно-телекоммуникационных сетях выполняет роль триггера и катализатора реального сексуального насилия. Нематериальное производство деструктивного контента (включая "лайки", "репосты" и ИИ-генерацию) деформирует морально-психологические барьеры потребителей, что на фоне высокого процента бытовых контактов с детьми (в семье и кругу

знакомых) неизбежно проецируется в плоскость реальных уголовно наказуемых посягательств. Анализ динамики судимости по ст. 242.2 УК РФ наглядно демонстрирует, что деструктивное воздействие цифровой порноиндустрии все чаще переходит из плоскости пассивного потребления информации в плоскость активного противоправного взаимодействия преступников с живыми несовершеннолетними как в реальном мире, так и посредством сетевой коммуникации. Данный вывод накладывает на законодателя и правоприменителя обязанность по незамедлительному ужесточению правил квалификации и разграничения смежных составов преступлений.

Заключение

Проведенное комплексное исследование материально-правовых и криминологических аспектов оборота запрещенного цифрового контента позволяет сформулировать итоговые теоретические выводы, направленные на модернизацию отечественного уголовного законодательства и унификацию правоприменительной практики в рамках Главы 25 УК РФ. Главным концептуальным результатом работы стало преодоление затяжного терминологического кризиса посредством формирования авторского монолитного понятийно-категориального аппарата. Предложенная нами система сквозных дефиниций порнографических материалов, порнографических предметов и легальной эротики, построенная на критериях натуралистичности, возрастного ценза и цели деструктивного воздействия, позволяет устранить избыточное судейское усмотрение и гармонизировать уголовный закон со стратегическими документами в сфере защиты традиционных духовно-нравственных ценностей. Помимо систематизации объектов, в статье научно обоснована модернизация понятийного аппарата преступных действий в интернет-пространстве. Введение в доктрину категориального разделения на материальное и нематериальное производство позволило окончательно закрыть правовой вакуум вокруг использования генеративного искусственного интеллекта и дипфейк-технологий, обеспечив следователей и судей четкими критериями оценки цифрового синтеза девиаций. Разработанные в исследовании алгоритмы квалификации позволяют разрешить острейшие правовые коллизии современности: нами четко определен момент окончания преступления в Сети по факту первого просмотра контента, разграничена юридическая природа «лайков» и «репостов», а также теоретически обосновано внедрение презумпции интимного секстинга для защиты конституционной тайны личной жизни совершеннолетних граждан от избыточного уголовного преследования. В сфере разграничения смежных норм материального уголовного и административно-деликтного права доказан безусловный приоритет визуального образа несовершеннолетнего над биологическим возрастом модели, обусловленный характером деструктивного умысла виновного лица, а также обоснован принцип поглощения административной ответственности уголовной при переходе противоправного деяния из вербальной формы в плоскость натуралистической визуализации. К тому же нельзя не признать, что противодействие наиболее опасным проявлениям синтетического контента требует серьезной законодательной и доктринальной проработки. Как отмечают С.С. Жевлакович, И.С. Лукинский и А.В. Сумина, «эффективно противодействовать производству и распространению детской порнографии, создаваемой на новой технологической базе, без действенной законодательной основы представляется крайне затруднительно. Для приведения законодательства в соответствие с реалиями сегодняшнего дня требуется серьезная исследовательская работа и творческая дискуссия, в которой должны принять участие не только правоведы и правоохранители, но и разработчики ТИИ» [8, с. 590]. Настоящая статья представляет собой лишь начальный этап фундаментального концептуального переосмысления уголовно-правовой охраны общественной нравственности в эпоху тотальной цифровизации. Автор выражает глубокую убежденность в том, что масштабный технологический вызов, стоящий перед уголовно-правовой наукой, требует консолидации усилий ведущих правоведов и криминологов страны. Мы приглашаем широкое научное сообщество к открытой и активной дискуссии по вопросам дальнейшей теоретической разработки обозначенных проблем, дифференциации уголовной ответственности за цифровое производство девиаций и поиску баланса между защитой интересов государства и неприкосновенностью частной жизни граждан.

Список литературы:

[1] Абсатаров Р.Р. Использование современных возможностей судебных экспертиз для установления возраста лиц, запечатленных на порнографических изображениях // Криминалисть. 2025. № 3 (52). С. 3-10.

[2] Хайбрахманова Р.Р. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности: современное состояние, тенденции и перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2026. Т. 17. № 2 (64). С. 126 - 132.

[3] Литовченко А.И. Смоделированные изображения порнографического характера как предмет преступлений, связанных с обращением порнографии: компаративистское исследование // Вестник ЮУРГУ. Серия «Право». 2024. Т. 24. № 2. С. 27-35.

[4] Овчарова А.А. Предназначенность и пригодность как признаки отнесения материалов и предметов к категории порнографических // Вестник ЮУРГУ. Серия «Право». 2025. Т. 25. № 3. С. 14-17.

[5] Иванова Е.В. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, предусмотренных статьями 242, 242.1, 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. 2024. - № 2. С. 37-48.

[6] Левандовская М.Г. Условия применения единообразного кодекса к конструированию квалифицирующего признака публичной реализации явлений против личности // Юридическая наука. 2024. № 10. С. 263-267.

[7] Гусарова М.В. Преступления сексуального характера как часть киберпреступности. Lex russica. 2026. Т. 79. N° 5. С. 47-56.

[8] Жевлакович С.С., Лукинский И.С., Сумина А.В. Инновации искусственного интеллекта: виртуальная детская порнография в цифровую эпоху. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8. № 4. С. 585-592.

References:

[1] Absatarov R.R. Using modern forensic capabilities to determine the age of individuals depicted in pornographic images // Kriminalist. 2025. No. 3 (52). Pp. 3-10.

[2] Khaibrakhmanova R.R. Criminal-legal protection of public morality: current state, trends and development prospects // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. Vol. 17. No. 2 (64). Pp. 126–132.

[3] Litovchenko A.I. Simulated pornographic images as an object of crimes related to the circulation of pornography: a comparative study // Bulletin of SUSU. Series “Law”. 2024. Vol. 24. No. 2. Pp. 27–35.

[4] Ovcharova A.A. Purpose and suitability as criteria for classifying materials and objects as pornographic // Bulletin of SUSU. Series “Law”. 2025. Vol. 25. No. 3. Pp. 14–17.

[5] Ivanova E.V. The Use of Special Knowledge in Investigating Crimes Provided for in Articles 242, 242.1, and 242.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // The Rule of Law: Theory and Practice. 2024. - No. 2. Pp. 37-48.

[6] Levandovskaya M.G. Conditions for Applying a Uniform Code to the Construction of a Qualifying Feature of Publicly Perpetrated Acts Against the Person // Legal Science. 2024. No. 10. Pp. 263–267.

[7] Gusarova M.V. Sexual crimes as part of cybercrime. Lex russica. 2026. Vol. 79. No. 5. Pp. 47–56.

[8] Zhevlakovich S.S., Lukinsky I.S., Sumina A.V. Innovations in artificial intelligence: virtual child pornography in the digital age. Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2024. Vol. 8. No. 4. Pp. 585–592.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-173-176

ДЯТЧИНА Вера Павловна,
соискатель ученой степени кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: beauty_8678@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЦИФРОВОГО НАСИЛИЕ И ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРОТИВОПРАВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Аннотация. *В статье анализируются современные вызовы уголовной политики Российской Федерации, обусловленные стремительной цифровизацией общественных отношений и трансформацией традиционных форм противоправного поведения в виртуальное пространство. На основе статистических данных и научных концепций обосновывается необходимость переосмысления уголовно-правовых рисков вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Особое внимание уделяется феномену опасных интернет-челленджей как новой форме посягательств на жизнь и здоровье несовершеннолетних, требующей совершенствования законодательных механизмов противодействия.*

Ключевые слова: *информационно-телекоммуникационных технологий, интернет, несовершеннолетний, преступность, челлендж, дипфейк.*

DYATCHINA Vera Pavlovna,
Moscow, Russian Federation

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF LIABILITY FOR DIGITAL VIOLENCE AND THE INVOLVEMENT OF MINORS IN ILLEGAL ACTIVITIES THROUGH INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Annotation. *This article analyzes the current challenges facing criminal policy in the Russian Federation, arising from the rapid digitalization of social relations and the transformation of traditional forms of illegal behavior into the virtual space. Based on statistical data and scientific concepts, the article substantiates the need to rethink the criminal law risks of involving minors in crimes using information and telecommunications networks. Particular attention is given to the phenomenon of dangerous internet challenges as a new form of attacks on the lives and health of minors, requiring improved legislative mechanisms to combat them.*

Key words: *information and telecommunication technologies, Internet, minor, crime, challenge, deepfake.*

Обеспечение безопасности несовершеннолетних в сети интернет, в связи с экстерриториальным характером является не только проблемой Российской Федерации, но и требует пересмотра национальных законодательств для обеспечения неотвратимости наказания в зарубежных странах. Как справедливо отмечено несовершеннолетние рассматриваются в международных правовых актах и различных отраслях национального законодательства как уязвимая категория населения, нуждающаяся в повышенной защите [1]. В силу высокого уровня латентности отсутствие эффективных правовых механизмов сдерживания рассматриваемых угроз, влечет виктимизацию данной уязвимой социальной группы, что подрывает основы демографической и социальной безопасности государств. Поэтому государства идут по пути ужесточения вопросов регулирования интернет-пространства. Как отмечалось в проведенных исследованиях законы, тре-

бующие хранения данных пользователей внутри страны (локализации данных), приняты в Китайской Народной Республике (далее – КНР), Российской Федерации, Социалистической Республике Вьетнам, Королевстве Саудовская Аравия, Народной Республике Бангладеш, Объединенных Арабских Эмиратах и ряде других государств [2].

Анализ международного опыта целесообразно начинать с основополагающих документов. В декабре 2019 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция 74/247 «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» [3]. В документе признавалось, что киберпреступность является транснациональной проблемой, а также документ положил начало многолетним переговорам по созданию глобального договора (конвенции) по борьбе с киберпреступностью. В документе было принято решение учредить специальный межправительственный комитет экспертов открытого состава, представляющий все регионы, для разработки всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, в полной мере учитывая существующие международные документы и предпринимаемые на национальном, региональном и международном уровнях усилия по борьбе с использованием информационно-коммуникационных технологий в преступных целях [4].

Опираясь на принятый документ, в марте 2021г., в рамках 14 Конгресса по предупреждению преступности и уголовному правосудию было отмечено необходимость эффективного предупреждения растущей угрозы киберпреступности и борьбы с ней. Принятие Резолюции Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 г. 79/243 Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности вызвало большое количество споров между странами участниками, разногласия как указывалось в литературе были связаны с деяниями, которые государства-участники должны будут криминализировать в результате присоединения к документу [5]. В аналитических материалах указывается, «конвенция обязывает привлекать к ответственности как физических, так и юридических лиц, вовлеченных в насилие над детьми, продлевает сроки давности, чтобы не позволить правонарушителям уйти от правосудия» [6].

При этом отмечалось что Россия предлагала 23 деяния, а в документе их осталось 11, среди которых можно отметить:

незаконный доступ;

незаконный перехват;

воздействие на электронные данные;

воздействие на информационно-коммуникационную систему;

неправомерное использование устройств;

подлог с использованием информационно-коммуникационной системы;

хищение или мошенничество с использованием информационно-коммуникационной системы;

преступления, связанные с размещением в Интернете материалов со сценами сексуальных надругательств над детьми или их сексуальной эксплуатации,

домогательство или создание доверительных отношений с целью совершения сексуального преступления в отношении ребенка;

распространение интимных изображений без согласия; и

отмывание доходов от преступлений.

Указанным документом под запрет попадают только деяния, направленные на сексуальное насилие над детьми и ничего не говориться о кибербуллинге, сталкинге, доксинге, фрейпинге и т.д.

Также в качестве базовых документов, регламентирующих отношения по данному вопросу, можно отметить Конвенцию ООН о правах ребенка, в частности статья 34(c), устанавливает обязательства государств-участников по защите детей от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального насилия [6]. В развитие указанных положений Комитетом ООН по правам ребенка, в марте 2021 года было принято Замечание общего порядка № 25 о правах детей в связи с цифровой средой. В документе акцентируется внимание, что, общаясь в Интернете несовершеннолетние могут ознакомиться с неполезными для них материалами от гендерных стереотипов до негативных высказываний, полученных из любых источников [7].

Нужно отметить Совет Европы, который также внес значительный вклад в формирование правовых механизмов противодействия цифровому насилию. Например, Будапештская конвенция о киберпреступности 2001 года, которая по своей сути является первым международным договором, направленным на борьбу с преступлениями, совершаемыми через интернет и компьютерные сети. В документе в ст.9, указана обязанность всех государств принять законодательные и иные меры, необходимые для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовных преступлений согласно ее внутригосударственному праву преступления, связанные с детской порнографией. Как отмечается в доктрине, «эти два комплексных и передовых набора стандартов обрамлены Конвенцией ООН о правах ребенка и дополняют ее Факультативный протокол о продаже детей» [8].

Документом, который заслуживает внимание, можно указать Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2018)7 содержа-

щие руководящие принципы по защите прав ребенка в цифровой среде. Документ исходит из четырех основополагающих начал международного права прав человека: высшие интересы ребенка, развивающиеся способности ребенка, недискриминация и право быть заслушанным (ст. 3, 12 КПР ООН). Докуиент задает минимальные стандарты и методологию для обеспечения прав ребенка в условиях цифровизации. Особое внимание уделяется:

свободе выражения мнения и информации, которая рассматривается как необходимое условие социализации, однако подлежит правомерным ограничениям (включая защиту от незаконного контента);

цифровой грамотности как элементу права на образование, включающему критическое осмысление контента и формирование навыков безопасного поведения;

защите от насилия, эксплуатации и жестокого обращения, включая сексуальные посягательства, кибербуллинг, коммерческую эксплуатацию и вредоносный контент [9].

В качестве структуры, координирующей усилия стран, помогающей в обмене информацией и экстрадиции преступников необходимо выделить Европол и Интерпол. В рамках борьбы с преступностью Интерпол ведет и предоставляет список открытых веб-доменов, распространяющих наиболее жестокие материалы о сексуальном насилии над детьми по всему миру. Этот список, известный как «Список худших» (IWOL), может использоваться различными партнерами, в частности интернет-провайдерами (ISP), для блокировки доступа к этим сайтам. Дополнительно организациями разработана специальная терминология, чтобы избежать преуменьшения масштабов сексуального насилия и эксплуатации детей.

Организации реально проводят различные операции с целью недопущения цифрового насилие и вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Например, 9 марта 2026 года немецкие власти при поддержке Европола начали глобальную операцию против одной из крупнейших сетей мошеннических платформ в даркнете. Расследование началось в середине 2021 года против даркнет-платформы «Alice with Violence CP». В ходе расследования власти обнаружили, что оператор платформы управлял более чем 373 000 мошеннических веб-сайтов, рекламирующих материалы с изображением сексуального насилия над детьми (CSAM) и услуги киберпреступности (CaaS) [10].

В подведении итогов отметим, что современный этап развития международного права в области предупреждения цифрового насилия и вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей характеризуется переходом от декларативных норм к попытке создания универсального договорного механизма, однако данный механизм на сегодняшний день является компромиссным и не охватывает весь спектр криминальных угроз психоэмоциональному и социальному развитию детей.

Список литературы:

[1] Алисиевич, Е. С. К вопросу об определении понятия "уязвимые группы" в международном праве прав человека / Е. С. Алисиевич // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 1(56). – С. 29-33. – EDN PUPAJP.

[2] Нынюк, Р. Н. Опыт мировой виктимологической безопасности несовершеннолетних в условиях цифровой трансформации общества / Р. Н. Нынюк // Цифровая трансформация системы МВД России : сборник научных статей по материалам Международного форума: в 2-х частях, Москва, 20 октября 2022 года / Под редакцией И. Г. Чистобородова. Том Часть 2. – г. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 127-135. – EDN AOCQQN.

[3] Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 74/247 от 27 декабря 2019 г. https://docs.un.org/ru/a/res/74/247 (дата обращения: 04.09.2026).

[4] Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 27 декабря 2019 года https://docs.un.org/ru/a/res/74/247 https://docs.un.org/ru/a/res/74/247 (дата обращения: 04.09.2026).

[5] Божко, Л. В. Конвенция ООН против киберпреступности: история и правовые перспективы / Л. В. Божко // Цифровое право. – 2025. – Т. 6, № 3. – С. 149-164. – DOI 10.38044/2686-9136-2025-6-11. – EDN TEJNDT.

[6] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. выпуск XLVI.

[7] Замечание общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой. Принято 2 марта 2021 г.: URL: www.refworld.org/ru/policy/concobservations/crc/2021/ru/146359 (дата обращения: 04.09.2026).

[8] Горелик И.Б. — Роль международных организаций в процессе противодействия киберпреступности // Международное право. – 2022. – № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2022.3.38585 EDN: YRFGHQ.

[9] Кибернасилие в отношении детей URL : https://clck.su/VVBcA (дата обращения:

04.09.2026).

[10] Global cybercrime crackdown: over 373 000 dark web sites shut down URL: https: //www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/ news/global-cybercrime-crackdown-over-373-000-dark-web-sites-shut-down (дата обращения: 04.09.2026).

References:

[1] Alisievich, E. S. On the Definition of the Concept of "Vulnerable Groups" in International Human Rights Law / E. S. Alisievich // Eurasian Law Journal. - 2013. - No. 1 (56). - Pp. 29-33. - EDN PUPAJP.

[2] Nynyuk, R. N. Experience of Global Victimological Security of Minors in the Context of Digital Transformation of Society / R. N. Nynyuk // Digital Transformation of the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia: A Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Forum: in 2 Parts, Moscow, October 20, 2022 / Edited by I. G. Chistoborodov. Volume Part 2. - Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. - Pp. 127-135. - EDN AOCQQN.

[3] Countering the use of information and communications technologies for criminal purposes: UN General Assembly resolution 74/247 of 27 December 2019 https://docs.un.org/ru/a/res/74/247 (date of access: 04.09.2026).

[4] Resolution adopted by the General Assembly on 27 December 2019 https://docs.un.org/ru/a/res/74/247 https://docs.un.org/ru/a/res/74/247 (date of access: 04.09.2026).

[5] Bozhko, L. V. UN Convention against Cybercrime: History and Legal Prospects / L. V. Bozhko // Digital Law. - 2025. - Vol. 6, No. 3. - P. 149-164. – DOI 10.38044/2686-9136-2025-6-11. – EDN TEJNDT.

[6] Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989) (entered into force for the USSR on 15.09.1990) // Collection of international treaties of the USSR. 1993. Issue XLVI.

[7] General Comment No. 25 (2021) on children's rights in the digital environment. Adopted on 2 March 2021: URL: www.refworld.org/ru/policy/concobservations/crc/2021/ru/146359 (date accessed: 04.09.2026).

[8] Gorelik I.B. - The Role of International Organizations in Combating Cybercrime // International Law. – 2022. – No. 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2022.3.38585 EDN: YRFGHQ.

[9] Cyberviolence against children URL: https://clck.su/VVBcA (Accessed: 04.09.2026).

[10] Global cybercrime crackdown: over 373,000 dark web sites shut down URL: https: //www.europol.europa.eu/media-press/newsroom/ news/global-cybercrime-crackdown-over-373-000-dark-web-sites-shut-down (Accessed: 04.09.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-177-184

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

КРАЖА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕДМЕТУ И КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЯ В СВЕТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ОТ 16 ИЮНЯ 2026 Г. № 19

Аннотация. *В статье исследуются изменения уголовно-правового понимания кражи, обусловленные цифровизацией имущественного оборота и принятием Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 19. Проанализированы новые разъяснения о предмете хищения, включающем безналичные денежные средства, цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровую валюту; критериях разграничения кражи и мошенничества при использовании обмана; моменте окончания хищения цифровых активов; квалификации кражи с банковского счета и продолжаемого списания денежных средств. Выявлено системное расхождение между расширительным судебным толкованием имущества и текстом примечаний к статье 158 УК РФ, создающее риск нарушения принципа законности. Обосновано, что цифровая валюта и цифровые права могут выступать предметом кражи, однако не охватываются специальным признаком пункта «г» части 3 статьи 158 УК РФ, если не являются безналичными или электронными денежными средствами. Предложены критерии установления тайности, момента перехода фактического контроля и стоимости цифрового имущества. Сформулированы предложения de lege ferenda о легальном закреплении цифровых объектов в понятии хищения, дифференциации ответственности за малозначительные списания и введении единых правил оценки волатильных цифровых активов.*

Ключевые слова: *кража; хищение; цифровая валюта; цифровые права; банковский счет; электронные деньги; квалификация; Верховный Суд.*

MAISTRENKO Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Law, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

THEFT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION: NEW APPROACHES TO THE OBJECT AND LEGAL CLASSIFICATION OF MISAPPROPRIATION IN LIGHT OF RESOLUTION NO. 19 OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION OF 16 JUNE 2026

Annotation. *The article examines changes in the criminal-law concept of theft caused by digitalized property circulation and Resolution No. 19 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16 June 2026. It analyses the new judicial guidance on the object of theft, including non-cash funds, the digital ruble, uncertificated securities, digital rights and digital currency; the distinction between theft and fraud where deception is used; the completion of misappropriation involving digital assets; theft from a bank account; and multiple withdrawals forming a continued offence. The study identifies a systemic discrepancy between the broad judicial interpretation of property and the wording of the notes to Article 158 of the Criminal Code, which may affect the principle of legality. It is argued that digital currency and digital rights may constitute objects*

of theft, but they do not fall under the special feature of Article 158(3)(d) unless they qualify as non-cash or electronic money. The author proposes criteria for secrecy, transfer of effective control and valuation of digital property. De lege ferenda proposals include expressly incorporating digital assets into the statutory definition of misappropriation, differentiating liability for low-value account withdrawals, and establishing uniform rules for valuing volatile digital assets.

Key words: *theft; misappropriation; digital currency; digital rights; bank account; electronic money; legal classification; Supreme Court.*

Введение

Кража сохраняет значение наиболее распространенного преступления против собственности и одновременно становится одним из наиболее технологически изменчивых составов. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 г. за деяния, предусмотренные статьями 158 и 158.1 УК РФ, было осуждено около 130 тыс. лиц; это 69,4 % осужденных за преступления против собственности и 25,4 % общей структуры судимости [11]. Даже при снижении абсолютного числа приговоров по сравнению с 2023 г. кража остается главным массивом уголовно-правового правоприменения, а ошибки ее квалификации приобретают не единичный, а системный характер.

Ключевой причиной обновления доктрины кражи выступает дематериализация имущества. Экономическая ценность все чаще существует не в форме вещи, а в виде записи по банковскому счету, записи в информационной системе, цифрового права, цифрового рубля, токена либо цифровой валюты. При этом конструкция хищения в российском уголовном праве исторически формировалась вокруг физического изъятия вещи из владения собственника. Возник разрыв между традиционными признаками предмета и объективной стороны кражи и технологическими способами установления контроля над цифровыми благами [16, с. 207–216].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 19 стало наиболее масштабным за последние годы обновлением разъяснений по делам о краже, грабеже и разбое [8]. Оно закрепило широкий перечень объектов хищения, уточнило значение обмана как способа получения доступа, момент окончания хищения безналичных средств, признаки незаконного проникновения, административную преюдицию по статье 158.1 УК РФ и квалификацию последовательных списаний с банковского счета. Цель настоящего исследования состоит в системной уголовно-правовой оценке этих новелл и разработке практических критериев их применения. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и правомоделирующий методы.

1. Трансформация предмета кражи: от вещи к цифровому имущественному контролю

В пункте 1^1 обновленного Постановления Пленума № 29 к предмету кражи и иных хищений отнесены вещи, наличные деньги и документарные ценные бумаги, а также иное имущество: безналичные денежные средства, включая цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровая валюта [7; 8]. Тем самым высшая судебная инстанция фактически отказалась от обязательности вещного признака предмета хищения. Определяющим становится не материальная телесность объекта, а наличие экономической ценности, принадлежность потерпевшему и возможность противоправного установления контроля в пользу виновного или третьих лиц.

Такой подход соответствует статье 128 ГК РФ, которая относит к объектам гражданских прав вещи и иное имущество, в том числе имущественные права, безналичные денежные средства, цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права [3]. Он согласуется и с пунктом 2 примечаний к статье 104.1 УК РФ, где для целей конфискации цифровая валюта прямо включена в понятие имущества [2]. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20 января 2026 г. № 2-П подтвердил необходимость судебной защиты имущественных требований, связанных с цифровой валютой, и недопустимость ее фактического исключения из сферы конституционной охраны собственности [10].

Вместе с тем уголовно-правовая допустимость такого толкования не бесспорна. Принцип законности требует, чтобы преступность деяния и его признаки устанавливались уголовным законом, а не создавались судебным разъяснением. Примечание 1 к статье 158 УК РФ определяет хищение как противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества, но не раскрывает состав данного имущества [2]. Обращение Пленума к гражданско-правовой классификации снимает практический пробел, однако не заменяет прямого легального указания. Особенно чувствительным это становится для цифровых прав и цифровой валюты, поскольку их техническое перемещение не тождественно физическому изъятию вещи.

Представляется, что предметом цифровой кражи выступает не сама последовательность данных и не пароль, закрытый ключ либо код

доступа. Учетные данные являются средством совершения преступления. Предметом остается имущественное благо, контроль над которым подтверждается записью в информационной системе. Поэтому окончательное юридическое значение имеет не копирование информации, а такое изменение состояния реестра, счета или кошелька, при котором потерпевший лишается возможности осуществлять принадлежащие ему имущественные правомочия, а виновный получает фактическую возможность распоряжения активом. С учетом изложенного целесообразно дополнить примечание 1 к статье 158 УК РФ положением о том, что для целей главы 21 УК РФ имуществом признаются вещи и иные имущественные объекты, имеющие экономическую ценность и допускающие установление исключительного либо преимущественного фактического контроля, включая безналичные денежные средства, цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права и цифровую валюту. Такая новелла не расширит ответственность ретроспективно, а обеспечит требуемую определенность на будущее.

2. Тайность изъятия и роль обмана в гибридных способах хищения

Одной из наиболее значимых новелл 2026 г. стало разъяснение: если обман или злоупотребление доверием использованы лишь для обеспечения либо облегчения доступа к имуществу, отвлечения внимания потерпевшего или иных лиц, а само изъятие совершается тайно, содеянное образует кражу [8]. Разъяснение направлено на устранение формального подхода, при котором любое присутствие обмана автоматически связывалось с мошенничеством.

Для разграничения кражи и мошенничества необходимо установить функциональную роль заблуждения. При мошенничестве потерпевший или уполномоченное лицо, находясь под влиянием обмана, совершает юридически либо фактически значимое распорядительное действие: передает имущество, переводит деньги, уступает право, подтверждает операцию или создает видимость добровольного отчуждения. При краже обман не формирует волевого акта передачи имущественного блага; он лишь нейтрализует контроль, открывает доступ либо маскирует тайное изъятие [13; 14].

В цифровой среде данный критерий должен применяться поэтапно. Если потерпевший под воздействием социальной инженерии самостоятельно вводит реквизиты и подтверждает перевод в пользу виновного, решающее значение имеет его распорядительное действие, что указывает на мошенничество. Если же потерпевший сообщает пароль, код или передает карту, полагая, что они будут использованы в разрешенных пределах, а виновный затем без ведома владельца самостоятельно списывает средства сверх согласованного, изъятие сохраняет тайный характер и квалифицируется как кража. Аналогичная позиция отражена в кассационном определении Верховного Суда РФ от 18 декабря 2025 г. № 70-УД25-5-К7, где использование добровольно переданной карты вопреки установленным владельцем пределам признано кражей с банковского счета [12].

Практически значим следующий алгоритм: во-первых, определить, кто совершил операцию, непосредственно повлекшую уменьшение имущественной сферы потерпевшего; во-вторых, установить, осознавал ли потерпевший имущественный характер и адресата операции; в-третьих, выяснить, выражал ли он волю на переход конкретного имущества; в-четвертых, оценить, использовался ли обман на стадии распоряжения или только на стадии доступа. Такой алгоритм позволяет избежать конкуренции статей 158, 159, 159.3 и 159.6 УК РФ.

Если для завладения активом виновный осуществляет неправомерное воздействие на программное обеспечение, сервер, компьютерную информацию или сеть, требуется дополнительная оценка по статьям 159.6, 272–274.1 УК РФ. Само использование чужих учетных данных без изменения программы не превращает кражу в компьютерное мошенничество. Критерием выступает не технологичность операции, а механизм причинения имущественного ущерба: тайное списание, обманное распоряжение потерпевшего либо вмешательство в функционирование информационной системы.

3. Кража с банковского счета и электронных денежных средств: пределы специального состава

Пункт «г» части 3 статьи 158 УК РФ предусматривает ответственность за кражу с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. Пленум в 2026 г. уточнил, что специальным предметом являются только безналичные денежные средства в рублях или иностранной валюте, размещенные на банковских счетах, а также электронные денежные средства в смысле Федерального закона «О национальной платежной системе» [5; 8]. Следовательно, цифровая валюта и цифровые права, хотя и признаны общим предметом хищения, не охватываются пунктом «г» части 3 статьи 158 УК РФ.

Из этого следует важный квалификационный вывод. Тайное перемещение криптовалюты с кошелька потерпевшего на адрес виновного может образовывать кражу, но квалифицирующая норма о банковском счете применяться не должна. Ответственность определяется по части 1, 2, 3 или 4 статьи 158 УК РФ в зависимости от

размера, группы, незаконного проникновения и иных признаков. Иное означало бы аналогию уголовного закона, поскольку цифровая валюта не является ни валютой Российской Федерации или иностранной валютой на банковском счете, ни электронными денежными средствами по Закону № 161-ФЗ [6; 17].

Разъяснение также охватывает случаи использования чужой или поддельной платежной карты, учетных данных, пароля, контрольной информации и персональных данных, если отсутствовало незаконное воздействие на программное обеспечение и сети. Даже получение карты или конфиденциальных сведений от владельца под влиянием обмана не исключает кражу, когда последующее списание произведено виновным тайно [8]. Тем самым закреплен приоритет фактического механизма изъятия над формальным способом получения средства доступа.

Сохраняется проблема несоразмерности: любое оконченное хищение с банковского счета, независимо от суммы, формально относится к тяжкому преступлению по части 3 статьи 158 УК РФ. В доктрине обоснованно отмечается, что хищение нескольких сотен рублей с карты по степени общественной опасности не всегда превосходит обычную кражу имущества сопоставимой стоимости [15, с. 594–596]. Усиленная защита платежной инфраструктуры оправданна, однако она не должна устранять принцип дифференциации ответственности. Оптимальным решением представляется перевод рассматриваемого признака в часть 2 статьи 158 УК РФ при одновременном сохранении части 3 для случаев причинения значительного ущерба, совершения в крупном размере либо неоднократных дистанционных списаний. Альтернативой может быть законодательное установление минимального стоимостного порога для пункта «г» части 3. Это позволит сохранить специальную охрану банковских средств и исключить автоматическое отнесение малозначительных эпизодов к тяжким преступлениям.

4. Момент окончания и продолжаемая кража цифрового имущества

Общее правило связывает окончание кражи с изъятием имущества и возникновением у виновного реальной возможности пользоваться или распоряжаться им. Для безналичных и электронных денежных средств Пленум закрепил специальный момент: преступление окончено при списании средств со счета владельца, повлекшем ущерб [7; 8]. Дополнительное зачисление на счет виновного, обналичивание или приобретение товара не требуется, поскольку распоряжение уже реализуется посредством самой платежной операции.

Применительно к цифровым правам и цифровой валюте необходим более точный критерий. Момент окончания следует связывать с подтвержденным изменением записи в соответствующей информационной системе, в результате которого виновный получил фактический контроль над активом, а потерпевший утратил возможность распоряжения им. Для публичного блокчейна таким моментом обычно будет подтверждение транзакции в количестве блоков, достаточном для ее необратимости по правилам конкретной сети; для цифрового права — внесение записи об изменении управомоченного лица; для цифрового рубля — отражение операции на платформе цифрового рубля. Простое получение закрытого ключа без перевода актива не всегда образует оконченную кражу. Если потерпевший сохраняет возможность немедленно изменить средства доступа и актив не выведен из-под его контроля, налицо приготовление либо покушение в зависимости от выполненных действий. Напротив, экспорт ключа и исключение доступа владельца при технической возможности распоряжения активом могут свидетельствовать об оконченной краже даже до последующей транзакции. Оценка должна учитывать архитектуру конкретной информационной системы, а не абстрактную аналогию с физической вещью.

Новый пункт 25^3 Постановления № 29 квалифицирует несколько списаний со счетов одного потерпевшего, охваченных единым умыслом, как единое продолжаемое хищение с учетом общей фактически изъятой суммы [8]. Для установления единства умысла значимы общий источник доступа, непродолжительный период, одинаковый способ, заранее определенная цель и отсутствие самостоятельного решения перед каждым эпизодом. Если умысел на последующее списание возник после завершения первого хищения, имеет место совокупность преступлений [18, с. 44–58]. Общая сумма продолжаемого хищения используется для определения крупного или особо крупного размера. При этом Пленум допустил одновременное вменение крупного размера и причинения значительного ущерба гражданину, если фактические обстоятельства подтверждают оба признака [8]. Такое сочетание не является двойным учетом одного обстоятельства: размер выражает объективную стоимость похищенного, а значительность ущерба характеризует индивидуальное имущественное положение потерпевшего. Однако суд обязан отдельно мотивировать каждый признак.

5. Незаконное проникновение и цифровизация охраняемого пространства

Изменения 2026 г. конкретизировали понятие хранилища применительно к шкафам, витринам и иным сооружениям, расположенным в общественных местах и помещениях, открытых для посещения. Суд должен выяснить, предназначал-

ся ли объект для постоянного или временного хранения ценностей и был ли ограничен доступ к его содержимому [8]. Тем самым внешняя доступность помещения отделена от специального режима доступа к конкретному контейнеру.

Применение признака незаконного проникновения требует установления целевого момента. Если лицо правомерно находится в торговом зале, но взламывает закрытую витрину, оно проникает в хранилище. Если доступ к содержимому витрины свободен для покупателей, квалифицирующий признак отсутствует. Обман или злоупотребление доверием могут использоваться для проникновения: например, виновный представляет себя сотрудником и получает доступ в служебное помещение, из которого тайно изымает имущество. В таком случае обман вновь выполняет вспомогательную функцию, а деяние остается кражей.

Вопрос о признании информационной системы «хранилищем» следует решать отрицательно. Примечание 3 к статье 158 УК РФ связывает хранилище с хозяйственными помещениями, участками территории, трубопроводами и иными сооружениями, предназначенными для хранения материальных ценностей [2]. Расширение данного признака на облачный сервис, криптокошелек или учетную запись не допускается без прямой законодательной нормы. Несанкционированный доступ к цифровому активу должен учитываться через специальные составы и способ совершения, но не посредством фикции проникновения в хранилище. В перспективе законодатель может установить самостоятельный квалифицирующий признак «с преодолением средств аутентификации или защиты цифрового имущества». Однако он должен применяться только при реальном преодолении защиты, а не при любом использовании полученного пароля. Иначе один и тот же факт доступа будет одновременно характеризовать основной способ цифровой кражи и необоснованно усиливать ответственность.

6. Статья 158.1 УК РФ и административная преюдиция

Пленум существенно детализировал применение статьи 158.1 УК РФ. Для признания лица подвергнутым административному наказанию необходимо проверить вступление постановления по части 2 статьи 7.27 КоАП РФ в законную силу, его исполнение, течение срока административной наказанности и результаты пересмотра [4; 8]. Фактические обстоятельства административного дела не обладают преюдициальной силой для уголовного суда и подлежат самостоятельной проверке.

Данная позиция непосредственно связана с делом № 70-УД25-5-К7. Верховный Суд указал, что ошибочное определение стоимости ранее похищенного имущества может означать отсутствие необходимого административно-правового статуса и, следовательно, состава преступления по статье 158.1 УК РФ [12]. Значение имеет не формальное наличие постановления, а его законность и соответствие тому виду мелкого хищения, который указан в уголовном законе.

Административная преюдиция обеспечивает усиление ответственности за повторное мелкое хищение, но содержит риск подмены оценки общественной опасности формальным статусом лица. Один и тот же ущерб до 2500 рублей может повлечь административную либо уголовную ответственность в зависимости от ранее назначенного наказания. Поэтому проверка всех элементов преюдиции должна рассматриваться не как техническая процедура, а как обязательная гарантия принципов вины, справедливости и законности. В цифровых эпизодах возникает дополнительная коллизия. Малое списание с банковского счета квалифицируется по пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ, а не как мелкое хищение, тогда как тайное изъятие вещи той же стоимости может подпадать под статью 7.27 КоАП РФ или статью 158.1 УК РФ. Различие основано исключительно на форме существования имущества. Такая модель чрезмерно усиливает ответственность и подтверждает необходимость пересмотра места банковской кражи в системе квалифицированных составов.

7. Стоимость цифрового имущества и доказывание ущерба

Признание цифровой валюты и цифровых прав предметом кражи неизбежно ставит вопрос их стоимости. Для традиционных вещей используется рыночная стоимость на момент совершения преступления, подтверждаемая документами или экспертизой. Цифровая валюта отличается высокой волатильностью, множественностью торговых площадок, различиями ликвидности и возможностью искусственного формирования котировок. Без единого подхода одинаковые деяния могут получать различную квалификацию по размеру.

Предлагается определять стоимость цифровой валюты в рублях на момент перехода фактического контроля, используя средневзвешенную цену на нескольких наиболее ликвидных площадках, доступных российскому участнику оборота, либо цену фактической реализации, если она состоялась в короткий срок и не была искусственно занижена. Источник котировок, временная метка, объем торгов и метод пересчета должны быть отражены в заключении специалиста или эксперта. Использование одной произвольно выбранной биржи недопустимо.

Для цифровых прав необходимо разграничивать номинальную стоимость удостоверяемого

требования и реальную рыночную стоимость самого права. Если цифровое право дает безусловное требование на получение денежной суммы или вещи, исходной является стоимость исполнения. Если оно обращается на платформе и зависит от спроса, требуется рыночная оценка. Ущерб не может определяться стоимостью доступа, программного кода или расходов на восстановление учетной записи, если предметом хищения было иное имущественное благо. Доказывание цифровой кражи должно включать фиксацию адресов кошельков, идентификаторов транзакций, журналов авторизации, времени изменения реестра, устройств и сетевых следов, а также экспертное объяснение связи между технической записью и имущественным контролем. Недостаточно показать перемещение цифровых данных; необходимо доказать принадлежность актива потерпевшему, отсутствие его воли на отчуждение, корыстную цель виновного и реальную экономическую утрату.

8. Предложения по совершенствованию законодательства и практики

Проведенный анализ позволяет сформулировать комплекс взаимосвязанных предложений. Во-первых, понятие имущества как предмета хищения должно быть закреплено непосредственно в примечаниях к статье 158 УК РФ с указанием цифровых рубля, прав и валюты. Судебное толкование должно конкретизировать закон, но не заменять отсутствующий нормативный признак.

Во-вторых, пункт «г» части 3 статьи 158 УК РФ нуждается в дифференциации. Наиболее обоснован перенос кражи с банковского счета и электронных денежных средств в часть 2 с сохранением части 3 для крупного размера, значительного ущерба либо систематических дистанционных списаний. Минимально необходимая мера — исключить квалификацию по части 3 при сумме, не превышающей предел мелкого хищения, если отсутствуют иные квалифицирующие обстоятельства.

В-третьих, в Постановлении Пленума № 29 следует закрепить отдельный блок о цифровых активах: момент окончания, правила определения потерпевшего, статус ключей и учетных данных, критерии единого продолжаемого умысла, а также разграничение кражи с компьютерным мошенничеством и неправомерным доступом к компьютерной информации. Особенно важно разъяснить, что цифровая валюта не относится к предмету пункта «г» части 3 статьи 158 УК РФ.

В-четвертых, требуется единая методика определения стоимости цифровой валюты и цифровых прав. Она может быть утверждена совместным нормативным актом Правительства РФ, Банка России и уполномоченных экспертных органов либо отражена в разъяснениях Верховного Суда. Методика должна учитывать момент контроля, ликвидность, средневзвешенную цену и проверяемость источников котировок.

В-пятых, правоприменению необходим функциональный тест разграничения кражи и мошенничества: кто совершил имущественно значимую операцию; выражал ли потерпевший волю на передачу именно данного актива; какую роль играл обман; имело ли место воздействие на информационную систему. Применение такого теста должно быть отражено в обвинении и приговоре, а не подразумеваться общей ссылкой на способ хищения.

Заключение

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 19 обозначило переход от вещной модели кражи к модели противоправного установления имущественного контроля. Включение цифрового рубля, цифровых прав и цифровой валюты в предмет хищения соответствует развитию гражданского оборота и обеспечивает уголовно-правовую защиту реально существующей экономической ценности. Одновременно расширение предмета посредством судебного толкования выявляет недостаточную определенность самого уголовного закона. Новое разграничение кражи и мошенничества основано на роли обмана: если он вызывает распорядительное действие потерпевшего, речь идет о мошенничестве; если только облегчает тайное изъятие, сохраняется кража. Для банковских средств решающими являются самостоятельное списание виновным и отсутствие незаконного воздействия на программное обеспечение. Цифровая валюта и цифровые права охватываются общим понятием имущества, но не специальным признаком кражи с банковского счета.

Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено не на механическое ужесточение санкций, а на согласование предмета, способа и размера хищения. Прямое легальное признание цифровых объектов, пропорциональная дифференциация банковских краж, единые правила оценки цифровых активов и технологически нейтральные критерии окончания преступления способны обеспечить одновременно эффективность защиты собственности и соблюдение принципов законности и справедливости.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 10 июня

2026 г., с изм. от 29 июня 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (действующая ред.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (действующая ред.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[5] О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (действующая ред.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

[6] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (действующая ред.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

[7] О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 19) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

[8] О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 19 // Официальный сайт Верховного Суда РФ.

[9] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (действующая ред.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

[10] Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации.

[11] Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году. М.: Судебный департамент при Верховном Суде РФ, 2025. 116 с.

[12] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 декабря 2025 г. № 70-УД25-5-К7 // Банк судебных документов Верховного Суда РФ.

[13] Федоренко К. Ю. Проблемы разграничения кражи с банковского счета и мошенничества // Вопросы российской юстиции. 2025. Вып. 37.

[14] Русскевич Е. А. Отграничение кражи с банковского счета или в отношении электронных денежных средств от смежных составов преступлений // Уголовное право. 2019. № 2. С. 59–64.

[15] Лифанова М. В., Корнелюк О. В. Кража в отношении электронных денежных средств: проблемы квалификации // Право и государство: теория и практика. 2025. № 7. С. 594–596. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_7_594..

[16] Попова Е. М. Цифровые права как предмет хищения: дискуссионные вопросы в уголовно-правовой доктрине и способы их разрешения // Правовое государство: теория и практика. 2026. № 2 (84). С. 207–216. DOI: 10.33184/pravgos-2026.2.23..

[17] Коренная А. А. Цифровая валюта как предмет и средство совершения преступлений // Российско-азиатский правовой журнал. 2021. № 3.

[18] Хромов Е. В. Проблемы квалификации хищения денежных средств с банковского счета // Уголовное право. 2023. № 2. С. 44–58.

[19] Марченко Д. Квалификация хищений с использованием чужой банковской карты // Законность. 2021. № 11. С. 36–39.

[20] Скляров С. В. Квалификация снятия денежных средств через банкомат по чужой платежной карте // Уголовное право. 2019. № 4. С. 92–96.

[21] Тюнин В. И., Степанов Ю. И. Кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств: криминализация и квалификация преступления // Российский следователь. 2021. № 3.

[22] Клименко А. К. Проблемы квалификации безналичных и электронных денежных средств // Уголовное право. 2020. № 4. С. 29–35.

[23] Ушаков Р. М. Квалификация хищений, совершаемых с использованием информационных технологий: монография. М.: Юстицинформ, 2023.

[24] Хилюта В. В. Цифровые активы как предмет преступлений против собственности: проблемы уголовно-правовой охраны // Уголовное право. 2022. № 10.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account the amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet portal of legal information.

[2] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on June 10, 2026, as amended on June 29, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part

One) No. 51-FZ dated November 30, 1994 (current edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

[4] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (current edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1.

[5] On the national payment system: Federal Law No. 161-FZ of June 27, 2011 (current edition) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 27. Art. 3872.

[6] On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ dated July 31, 2020 (current edition) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (part I). Art. 5018.

[7] On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 (as amended by the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 16, 2026 No. 19) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2003. № 2.

[8] On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 "On Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery and Robbery": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 16, 2026 No. 19 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation.

[9] On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 (current ed.) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 2.

[10] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 20, 2026 No. 2-P in the case of checking the constitutionality of Part 6 of Article 14 of the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information.

[11] Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2024. M.: Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, 2025. 116 pp.

[12] Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of December 18, 2025 No. 70-UD25-5-K7 // Bank of Judicial Documents of the Supreme Court of the Russian Federation.

[13] Fedorenko K. Yu. Problems of delimiting theft from a bank account and fraud // Issues of Russian justice. 2025. No. 37.

[14] Russkevich E. A. Delimiting theft from a bank account or in relation to electronic money from related corpus delicti // Criminal law. 2019. № 2. S. 59-64.

[15] Lifanova M.V., Kornelyuk O.V. Theft in relation to electronic money: problems of qualification // Law and state: theory and practice. 2025. № 7. S. 594-596. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_7_594..

[16] Popova E. M. Digital rights as a subject of theft: discussion issues in criminal law doctrine and ways to resolve them // Rule of law: theory and practice. 2026. № 2 (84). S. 207-216. DOI: 10.33184/pravgos-2026.2.23..

[17] Root A. A. Digital Currency as the Subject and Means of Committing Crimes // Russian-Asian Legal Journal. 2021. № 3.

[18] Khromov E.V. Problems of qualification of theft of funds from a bank account // Criminal law. 2023. № 2. S. 44-58.

[19] Marchenko D. Qualification of embezzlement using someone else's bank card // Legality. 2021. № 11. S. 36-39.

[20] Sklyarov S.V. Qualification of withdrawing funds through an ATM using someone else's payment card // Criminal Law. 2019. № 4. S. 92-96.

[21] Tyunin V.I., Stepanov Yu. I. Theft from a bank account, as well as in relation to electronic money: criminalization and qualification of a crime // Russian investigator. 2021. № 3.

[22] Klimenko A.K. Problems of qualification of non-cash and electronic funds // Criminal law. 2020. № 4. S. 29-35.

[23] Ushakov R. M. Qualification of thefts committed using information technology: monograph. M.: Justicinform, 2023.

[24] Hilyuta V. V. Digital assets as the subject of crimes against property: problems of criminal law protection // Criminal law. 2022. № 10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-185-189

ДОМОВЕЦ Светлана Сергеевна,
доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, полковник полиции,
e-mail: s.domovets@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫЯВЛЕНИЯ ФАКТОВ ХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА И ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В СФЕРЕ ЭКСПРЕСС-ДОСТАВКИ ТОВАРОВ И ГРУЗОВ

Аннотация. *В статье предпринята попытка рассмотреть некоторые особенности выявления фактов хищения чужого имущества и денежных средств в сфере экспресс-доставки товаров и грузов. Автор, называя субъектов выявления преступлений в указанной сфере, обращает внимание на основные приемы и методы, используемые для обнаружения признаков состава преступления. Так, в статье рассмотрены виды налоговых проверок, целью которых является выявление незаконной деятельности экономических субъектов (проведенные проверки могут выявить нарушения не только налогового законодательства, но и уголовного. В этих случаях сотрудники налоговой инспекции передают добытую информацию в правоохранительные органы для проведения доследственной проверки). Кроме того, в научной статье уделено внимание работе оперативных подразделений в данном направлении. Автор отмечает, что источником информации о совершенном или готовящемся имущественном преступлении в сфере экспресс-доставки товаров и грузов могут быть не только сотрудники государственных органов, но и обычные граждане, проинформированные о совершенном или готовящемся преступлении в силу различных обстоятельств. Отмечается, что специфика хищения имущества и денежных средств в сфере экспресс-доставки товаров и грузов предполагает активное участие специалиста-бухгалтера, который проводит бухгалтерский анализ, который включает в себя проверку правильности ведения и заполнения таких документов, как бухгалтерский баланс, счета бухгалтерского учета и двойная запись. Автор справедливо отмечает, что процесс выявления хищений чужого имущества и денежных средств в сфере экспресс-доставки товаров и грузов представляет собой комплекс сложных действий, требующих от оперативного сотрудника и следователя высокую степень компетентности и профессионализма для сбора и анализа важной информации.*

Ключевые слова: *расследование, преступление, хищение, выявление, проверка, эксперт, заключение, экспресс-доставка товаров и грузов.*

DOMOVETS Svetlana Sergeevna,
Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences, Colonel of Police

ABOUT SOME FEATURES OF IDENTIFYING CASES OF THEFT OF OTHER PEOPLE'S PROPERTY AND MONEY IN THE FIELD OF EXPRESS DELIVERY OF GOODS AND CARGO

Annotation. *The article attempts to examine some of the features of identifying cases of theft of other people's property and money in the field of express delivery of goods and cargo. The author, while naming*

the subjects of identifying crimes in this area, draws attention to the main techniques and methods used to detect signs of a crime. For example, the article discusses the types of tax audits aimed at identifying illegal activities of economic entities (these audits can reveal violations of both tax and criminal laws. In such cases, tax authorities transfer the obtained information to law enforcement agencies for further investigation). In addition, the scientific article pays attention to the work of operational units in this area. The author notes that not only employees can be the source of information about a committed or planned property crime in the field of express delivery of goods and cargo. It is noted that the specifics of the theft of property and funds in the field of express delivery of goods and cargo involve the active participation of a specialist accountant who conducts an accounting analysis, which includes checking the correctness of the maintenance and filling of such documents as the balance sheet, accounting accounts, and double entry. The author rightly notes that the process of identifying the theft of other people's property and funds in the field of express delivery of goods and cargo is a complex set of actions that require a high level of expertise from an operational officer and an investigator. It is noted that the specifics of the theft of property and funds in the field of express delivery of goods and cargo involve the active participation of a specialist accountant who conducts an accounting analysis, which includes checking the correctness of the maintenance and filling of such documents as the balance sheet, accounting accounts, and double entry. The author rightly notes that the process of identifying the theft of other people's property and funds in the field of express delivery of goods and cargo is a complex set of actions that require a high level of expertise from an operational officer and an investigator.

Key words: *investigation, crime, theft, detection, verification, expert, conclusion, express delivery of goods and cargo.*

Говоря о выявлении преступлений против собственности, совершенных в сфере экспресс-доставки товаров и грузов, стоит определить этот процесс как деятельность, осуществляемую правоохранительными или контролирующими органами, главной целью которой является собирание достаточного количества фактических данных, свидетельствующих о совершенном или готовящемся преступлении, и, в итоге, дающих возможность принятия законного решения о возбуждении уголовного дела.

Особенностью расследования преступлений против собственности, совершенных в сфере экспресс-доставки товаров и грузов, является то, что возбуждение уголовных дел осуществляется, как правило, в связи с уже совершенным преступлением.

Отдельно хотелось бы отметить, что латентность преступлений в рассматриваемой отрасли достаточно высока по причине нежелания руководства ставить под сомнение деловую репутацию и имидж организации, особенно учитывая тот факт, что большинство компаний, оказывающих услуги по экспресс-доставке товаров, грузов и документов, осуществляют своею деятельность по договору франшизы, который в свою очередь дает право франчайзи не только работать под уже известной маркой, но и пользоваться наработанным авторитетом и сохранять и приумножать деловые достижения головного офиса. По вышеназванным причинам франчайзи вынуждены скрывать и подвергать исключительно локальным внутренним проверкам и расследованиям факты хищений и иных нарушений. Данные действия характерны для ситуаций, когда преступления или правонарушения совершаются сотрудниками службы экспресс-доставки или лицами, напрямую связанными с деятельностью данных организаций договорными отношениями (например, курьеры, сотрудники аутсорсинговых фирм, транспортных компаний и т. д.).

Преступление против собственности в сфере экспресс-доставки товаров и грузов может быть выявлено в ходе различных проверок, проводимых правоохранительными или контролирующими органами. Так, по мнению Р.М. Абдрахманова, методами выявления хищений, совершенных путем подлога, служат арифметическая проверка содержания отдельного документа, встречная проверка, анализ плановых показателей [1]. Например, инспекция федеральной налоговой службы вправе, а в некоторых случаях обязана проводить выездные и камеральные проверки налогоплательщика в случаях, когда его деятельность или ее результаты вызывают сомнения или подозрения. Также возможно проведение иных мероприятий налогового контроля, таких как истребование документов (ст.93 НК РФ), инвентаризация (п. 13 ст. 89 НК РФ), осмотр (ст.91,92 НК РФ), выемка (ст.94 НК РФ), экспертиза (ст.95 НК РФ), допрос (ст.90 НК РФ), вызов в качестве свидетеля (ст. 90 НК РФ), получение экспертного заключения (ст.95 НК РФ) [3].

Кратко остановимся на основных принципах проведения камеральных и выездных налоговых проверок, призванных выявить различные нарушения в деятельности интересующей организации.

Камеральная налоговая проверка проводится в течение трех месяцев с момента подачи

налоговой декларации. Известно, что налоговая декларация является отчетным документом организации за определенный период времени и содержит в себе результаты финансово-хозяйственной деятельности. В налоговой декларации могут содержаться сведения как о результатах экономической деятельности, так и об их отсутствии. Так называемая нулевая декларация свидетельствует об отсутствии у организации доходов и соответственно данный факт освобождает от уплаты положенных налоговых платежей. Такая ситуация, безусловно, возможна, но регулярность подачи нулевых деклараций при ведении активной финансово-хозяйственной деятельности зачастую является признаком различных нарушений и уклонений. При возникновении сомнений в достоверности подаваемых в налоговую инспекцию данных о результатах деятельности инспектор может инициировать производство камеральной налоговой проверки. В соответствии с положениями Налогового кодекса РФ камеральная проверка проводится непосредственно на территории налогового органа и заключается в исследовании представленных налогоплательщиком документов и сопоставлении различных показателей финансовой деятельности. В ходе проведения данной проверки могут выявиться различного рода несостыковки, несовпадения, ошибки и нарушения. Налогоплательщику в дальнейшем будет представлена возможность разъяснить, что явилось причиной: случайность, ошибка или реальное нарушение.

Выездная налоговая проверка проводится непосредственно в месте фактического нахождения юридического лица или по месту жительства физического лица. Данная форма налогового контроля ставит своей задачей проверку деятельности налогоплательщика и определение соответствия информации, заявленной в налоговых декларациях, фактическому положению дел. Проводимые выездные проверки могут быть плановыми и внеплановыми, комплексными и тематическими. Следует отметить, что на сегодняшний день качество проводимых проверок достаточно высоко, а уровень профессиональных навыков налоговых экспертов-аналитиков позволяет выявить самые сложные схемы хищений, имитацию хозяйственной деятельности, документальные подлоги, фиктивность договоров, подделку результатов инвентаризаций и т. д.

Проведенные проверки могут выявить нарушения не только налогового законодательства, но и уголовного. В этих случаях сотрудники налоговой инспекции передают добытую информацию в правоохранительные органы для проведения доследственной проверки.

Источником информации о совершенном или готовящемся имущественном преступлении в сфере экспресс-доставки товаров и грузов могут также быть и обычные граждане, проинформированные в силу различных обстоятельств. Это могут быть случайные свидетели, контрагенты, деловые партнеры, конкуренты, бывшие сотрудники, а также лица из личного окружения сотрудника правоохранительных органов, понимающие, что имеющаяся у них информация может быть ему интересна и полезна. Безусловно, не всегда информация является достоверной, но ее наличие поможет оперативному сотруднику или следователю определить алгоритм своих дальнейших действий.

К сожалению, материалы проверок, в том числе налоговых, которые поступают к следователю, не всегда являются достаточными для принятия объективного решения: их может быть недостаточно, они могут охватывать не весь интересующий следствие период и т. д. Качество предоставляемых материалов зачастую определяет характер дальнейшего расследования. По этой причине оперативные сотрудники должны тщательно исследовать и информацию и грамотно оформлять результаты проверок.

В случаях же когда преступление против собственности совершается иным лицом, не являющимся частью служебной цепочки, уголовное дело возбуждается по общим правилам, по заявлению.

Следователь, получив информацию о совершенном преступлении против собственности, должен оценить ее и решить:

имеется ли соответствующий требованиям ст.ст.140, 141, 142 УПК РФ повод к возбуждению уголовного дела;

достаточны ли данные о преступлении для принятия решения о возбуждении уголовного дела;

учтены ли обстоятельства, исключающие производство по делу [2].

Особо стоит обратить внимание на то, что способы совершения преступлений в рассматриваемой сфере бывают достаточно специфичными. Речь идет как об использовании ресурсов глобальной сети Интернет (кибермошенничество), так и о применении преступниками навыков ведения черной бухгалтерии. Следователь, к сожалению, не всегда обладает обширными знаниями в области компьютерных технологий, бухгалтерского учета и отчетности, а также в сфере оказания услуг экспресс-доставки товаров и грузов. По этой причине желательно, а в некоторых случаях необходимо привлечение соответствующих специалистов на стадии выявления преступления и принятия решения о возбуждении уголовного дела или отказе в возбуждении. Этими специалистами могут быть: программисты, ревизоры, бухгалтеры, логисты, иные лица, владеющие

специальными знаниями. Например, специалист-программист сможет определить, является ли сайт фишинговым, программное обеспечение - легальным и действующим. Специалист – бухгалтер может помочь следователю или оперативному сотруднику ОЭБ и ПК в определении перечня документов, подлежащих проверке и изъятию, определить сумму материального ущерба, а также объяснить механизм примененных преступником схем совершенного хищения. Помощь в установлении материального подлога в документах окажет эксперт-криминалист.

Поскольку специфика хищения имущества и денежных средств в сфере экспресс-доставки товаров и грузов предполагает активное участие специалиста-бухгалтера, необходимо отметить упомянуть о необходимости проведения им бухгалтерского анализа, который включает в себя проверку правильности ведения и заполнения таких документов, как бухгалтерский баланс, счета бухгалтерского учета и двойная запись (не следует путать с двойной бухгалтерией). Маскировка любого хищения, если она не продублирована в иных первичных бухгалтерских документах, обязательно влечет несоответствие данных во всех элементах бухгалтерского учета и отчетности (бухгалтерский баланс не соотносится с данными бухгалтерских счетов, информация по счетам не бьется с первичными документами и пр.). Только специалист-бухгалтер может обнаружить неправильные бухгалтерские проводки, имеющие своей целью скрыть хищение.

Естественно, максимально детально исследовать все вышеперечисленные искажения бухгалтерской отчётности может только квалифицированный бухгалтер, однако следователю, который занимается выявлением и дальнейшим расследованием хищений чужого имущества и денежных средств в сфере экспресс-доставки товаров и грузов, также необходимо иметь базовое представление об основах ведения бухгалтерского учета, отчётности, о документах, в которых может содержаться информация о хищениях и способах сокрытия, о возможностях ведения двойной бухгалтерии и т.д.

Говоря о деятельности оперативного сотрудника ОЭБ и ПК по выявлению преступлений против собственности в сфере экспресс-доставки товаров и грузов, есть смысл остановиться на некоторых оперативно-розыскных мероприятиях. В соответствии со ст.6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» при осуществлении оперативно-розыскной деятельности проводятся такие оперативно-розыскные мероприятия, как: опрос, наведение справок, сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, исследование предметов и документов, наблюдение, отождествление личности, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент, получение компьютерной информации [4].

Из приведенных выше мероприятий наиболее часто применяется наблюдение (за сотрудниками службы экспресс-доставки, курьерами, иными вызывающими подозрение лицами, за передвижением товаров и грузов), прослушивание телефонных переговоров, проведение осмотра помещений пунктов выдачи заказов, складских помещений, транспортных средств, перевозящих товары и грузы, а также сопровождающих документов. Кроме того, оперативные сотрудники ОЭБ и ПК вправе получать оригиналы или копии документов для предварительного исследования.

Также оперативный сотрудник может произвести проверочную закупку с целью выявить нарушения регламента пересылки каких-либо объектов. Так, под видом отправителя сотрудник может создать ситуацию, когда им будет предпринята попытка отправить предмет, запрещенный к пересылке (оружие, боеприпасы, наркотики и пр.). В случае, если работник пункта приема/выдачи отправлений не осуществит все необходимые действия, направленные на исследование содержимого посылки, оперативный сотрудник ОЭБ и ПК вправе инициировать проверку деятельности конкретного пункта службы доставки, включающую в себя все вышеперечисленные способы и методы.

Таким образом, процесс выявления хищений чужого имущества и денежных средств в сфере экспресс-доставки товаров и грузов представляет собой комплекс сложных действий, требующих от оперативного сотрудника и следователя высокую степень компетентности и профессионализма для сбора и анализа важной информации. Безусловно, своевременное выявление хищений в вышеназванной сфере является залогом успеха всего дальнейшего хода расследования. Способствовать этому должно постоянное повышение сотрудниками полиции своих профессиональных навыков, стремление к самообразованию в области экономических знаний. Кроме того, взаимодействие с различными контролирующими инстанциями также должно поддерживаться на достойном уровне, позволяющем решать совместные задачи.

Список литературы:

[1] Абдрахманов, Р. М. Выявление признаков хищений, совершенных у юридических лиц путем подлога / Р. М. Абдрахманов // Вестник Казанско-

го юридического института МВД России. – 2011. – № 2(4). – С. 65-70. – EDN PAEEBF.

[2] Домовец С.С. Особенности расследования уклонения от уплаты налогов строительными организациями: Учебно-методическое пособие. - Волгоград: ВА МВД России, 2009. С.65.

[3] Налоговый кодекс РФ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/33420f25cd26ab40a4f6d0b8fc6b6e9cf87cbf4e/ (дата обращения 22.07.2026).

[4] Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12.08.1995 N 144-ФЗ (последняя редакция) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения 30.07.2026).

References:

[1] Abdrakhmanov, R. M. Identification of signs of theft committed from legal entities by forgery / R. M. Abdrakhmanov // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2011. – № 2(4). - S. 65-70. – EDN PAEEBF.

[2] Domovets S.S. Features of investigation of tax evasion by construction organizations: Training manual. - Volgograd: VA Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. S.65.

[3] Tax Code of the Russian Federation http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/33420f25cd26ab40a4f6d0b8fc6b6e9cf87cbf4e/ (circulation date 22.07.2026).

[4] Federal Law "On Operational-Search Activities" dated 12.08.1995 N 144-FZ (latest edition) https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (date of application 30.07.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-190-197

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич,
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Москва, Россия, д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой информационного и интеллектуального права, цифровых технологий и инноватики, e-mail: bogdanov.de@yandex.ru

ГОРЕЕВ Денис Эдуардович,
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Москва, Россия, Магистрант 2 курс программы «Юрист в сфере цифровых и инновационных технологий», e-mail: denisgoreeff@gmail.com

ЕГОРОВ Игорь Алексеевич,
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Москва, Россия, Магистрант 2 курса программы «Юрист в сфере цифровых и инновационных технологий», e-mail: SleepoBeepo@yandex.ru

МОШЕННИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБХОДА ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СОСТАВОВ СТ. 159 УК РФ И СТ. 1299–1300 ГК РФ

Аннотация. *Статья посвящена анализу соотношения уголовно-правовой нормы о мошенничестве (ст. 159 УК РФ) и гражданско-правового режима технических средств защиты авторских прав (ст. 1299–1300 ГК РФ) в ситуациях, когда обход технической защиты выступает инструментом или способом совершения хищения. На основе доктринального анализа, изучения нормативной базы и судебной практики формулируются критерии разграничения исследуемых составов, предлагается авторская концепция «функционального назначения ТСЗ» для разрешения конкуренции норм, а также рекомендации по совершенствованию уголовного и гражданского законодательства.*

Ключевые слова: *технические средства защиты авторских прав; DRM; мошенничество; ст. 159 УК РФ; ст. 1299 ГК РФ; ст. 1300 ГК РФ; мошенничество в сфере компьютерной информации; обход ТСЗ; конкуренция норм; информация об управлении правами; ДАП ВОИС 1996.*

BOGDANOV Dmitry Evgenievich,
Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Information and Intellectual Law, Digital Technologies and Innovation

GOREEV Denis Eduardovich,
Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russia, Master's degree course 2 of the program "Lawyer in the field of digital and innovative technologies"

EGOROV Igor Alekseevich,
Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russia, 2nd year Master of the program "Lawyer in the field of digital and innovative technologies"

FRAUDULENT USE OF CIRCUMVENTION OF TECHNICAL MEANS OF COPYRIGHT PROTECTION: CROSSING THE COMPOSITIONS OF ART. 159 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ST. 1299-1300 CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article analyses the relationship between the criminal law provision on fraud (Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the civil law regime of technical copyright protection measures (Art. 1299–1300 of the Civil Code of the Russian Federation) in situations where circumvention of technical protection measures serves as a tool or method of theft. Based on doctrinal analysis, study of the regulatory framework and judicial practice, criteria for distinguishing the studied elements of offences are formulated, the author's concept of "functional purpose of TPM" is proposed for resolving competition between norms, as well as recommendations for improvement of criminal and civil legislation.*

Key words: *technical copyright protection measures; DRM; fraud; Art. 159 of the CC RF; Art. 1299 of the CC RF; Art. 1300 of the CC RF; computer information fraud; circumvention of TPM; competition of norms; rights management information; WIPO Copyright Treaty 1996.*

1. Введение

Цифровизация экономики и повсеместное распространение стриминговых платформ, SaaS-сервисов, онлайн-кинотеатров и многопользовательских игровых экосистем кардинально изменили модель монетизации исключительных прав. Правообладатель во всё большей степени опирается не только на договорные механизмы, но и на технические средства защиты (далее — ТСЗ), превратившиеся в основной инструмент контроля доступа к охраняемым объектам. Параллельно сформировалась устойчивая практика обхода этих средств с целью получения имущественной выгоды — от кряков программного обеспечения до организованных схем продажи взломанных подписок на медиасервисы [12].

По данным Судебного департамента при ВС РФ, в 2024 г. судами рассмотрено 34 660 уголовных дел о мошенничестве (ст. 159, 159.1–159.6 УК РФ[2]) в отношении 37 457 лиц, из которых 27 916 признаны виновными (доля осуждённых — 74 %), причём дистанционные и IT-составляющие преступлений демонстрируют устойчивый рост. Статистика МВД России свидетельствует, что в 2024 г. раскрываемость IT-преступлений составила лишь 23,2 %, а мошенничеств — 10,1 %, что указывает на значительный сегмент цифровых хищений, в том числе связанных с нелегальным доступом к цифровым сервисам и контенту.

В этом контексте правоприменитель неизбежно сталкивается с коллизией правовых режимов. Гражданско-правовой деликт, предусмотренный ст. 1299–1300 ГК РФ направлен на защиту исключительного права как режима правомерной монетизации результата интеллектуальной деятельности. Уголовно-правовой состав мошенничества по ст. 159 УК РФ защищает имущественные отношения собственности. Когда обход ТСЗ становится способом хищения, составы данных статей неизбежно пересекаются — причём без достаточной правоприменительной практики и доктринальных исследований для дифференциации составов.

Объект исследования — общественные отношения в сфере охраны исключительных прав и имущественных прав в условиях цифровой экономики. Предмет — нормы ст. 159 УК РФ и ст. 1299–1300 ГК РФ, практика их применения и доктринальные позиции. Цель — разработать критерии разграничения и модель соотношения указанных составов с предложениями по совершенствованию законодательства. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы.

2. Нормативная база и её эволюция

2.1. Статьи 1299–1300 ГК РФ: содержание и место в системе охранительного права

Статья 1299 ГК РФ в действующей редакции устанавливает запрет на обход технических средств защиты авторских прав, под которыми понимаются «любые технологии, технические устройства или их компоненты, контролирующие доступ к произведению, предотвращающие либо ограничивающие осуществление действий, которые не разрешены автором или иным правообла-

дателем». Норма запрещает: (а) непосредственный обход ТСЗ без разрешения правообладателя; (б) изготовление, распространение, сдачу в прокат, импорт любой технологии или технического устройства, предназначенного для обхода; (в) оказание соответствующих услуг. Данный запрет не требует одновременного нарушения исключительного права, вследствие чего ТСЗ охраняется самостоятельно как инструмент реализации правообладателем своих прав.

Статья 1300 ГК РФ распространяет охранительный режим на информацию об управлении правами — сведения об авторе, правообладателе и условиях использования произведения. Эта норма имплементирует обязательства России по ст.12 Договора ВОИС по авторскому праву 1996 г. (ДАП ВОИС) [3].

С точки зрения гражданско-правовой квалификации нарушения ст. 1299–1300 ГК РФ представляют собой специальный деликт в сфере интеллектуальных прав. Ответственность определяется общими правилами гл. 59 ГК РФ о возмещении вреда либо специальной мерой — компенсацией по ст. 1301 ГК РФ в размере от 10 тыс. до 10 млн руб. либо в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров. Ю.С. Данилов в своём диссертационном исследовании обосновывает, что компенсация за нарушение режима ТСЗ должна рассматриваться как самостоятельный механизм защиты имущественных интересов правообладателя.

2.2. Состав мошенничества по ст. 159 УК РФ: эволюция и структура

Мошенничество как форма хищения характеризуется двумя конститутивными признаками способа совершения: обманом или злоупотреблением доверием. Обман, согласно п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 [7], может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных сведений, умолчании об истинных фактах либо умышленных действиях, направленных на введение потерпевшего в заблуждение. Злоупотребление доверием выражается в использовании в корыстных целях доверительных отношений с потерпевшим.

Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ дифференцировал состав мошенничества по предметному признаку, выделив специальные разновидности, в том числе ст. 159.6 УК РФ — мошенничество в сфере компьютерной информации, диспозиция которой принципиально отличается: хищение совершается путём ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации или иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи информации. Пленум ВС РФ в п. 20 Постановления № 48 раскрывает «вмешательство» как целенаправленное воздействие программных и/или программно-аппаратных средств на серверы, компьютерные устройства или сети, нарушающее установленный процесс обработки информации. При этом мошенничество с компьютерной информацией, совершённое посредством неправомерного доступа по ст. 272 УК РФ или вредоносных программ по ст. 273 УК РФ, требует дополнительной квалификации по совокупности.

2.3. Смежные составы: ст. 146, ст. 272–274.1 УК РФ

Состав преступления по ст. 146 УК РФ охраняет непосредственно исключительные права: предметным условием ч. 2 является крупный ущерб (свыше 100 тыс. руб. исходя из стоимости экземпляров) или деяние в крупном размере. Статьи 272–274.1 УК РФ защищают компьютерную информацию как таковую: ст. 272 — от неправомерного доступа; ст. 273 — от создания и распространения вредоносных программ; ст. 274.1 — от посягательств на критическую информационную инфраструктуру. В редакции ст. 273 УК РФ объективная сторона включает «нейтрализацию средств защиты компьютерной информации». Постановление Пленума ВС РФ № 37 от 15 декабря 2022 г. [8] разъяснило, что под нейтрализацией понимается воздействие на технические, криптографические и иные средства, предназначенные для защиты компьютерной информации, что создаёт прямое пересечение с понятием ТСЗ из ст. 1299 ГК РФ на уровне объективной стороны при различных охраняемых объектах.

3. Технические средства защиты и их обход: гражданско-правовой аспект

3.1. Доктринальное понимание ТСЗ и их виды

В доктрине ТСЗ принято классифицировать на два функциональных класса. Первый — средства контроля доступа (access controls): шифрование, системы аутентификации, программные блокировки, DRM-оболочки (Widevine, PlayReady, FairPlay). Второй — средства защиты использования (copy controls): ограничения на копирование, распечатку, конвертацию форматов, количество воспроизведений. Аналогичное разграничение проводит DMCA США в §1201(a) и §1201(b) [4]. Статьи 6,7 Директивы 2001/29/EC [5] и ст. 7 Директивы2019/790/EU [6] обязали государства-члены ЕС обеспечить правовую охрану обоих типов ТСЗ, однако вопрос их криминализации был оставлен на усмотрение национальных законодателей. Российская ст. 1299 ГК РФ, в отличие от DMCA, не разграничивает оба типа, охватывая их в единой норме.

К видам ТСЗ, актуальным для правоприменительной практики, относятся: (а) DRM-оболочки стриминговых сервисов; (б) привязка к аккаунту как форма лицензионного контроля доступа; (в) динамические коды аутентификации в онлайн-

играх (аналог WoW Warden, значимость которого подтверждена в деле MDY Industries v. Blizzard Entertainment [11]); (г) цифровые водяные знаки, сопряжённые с информацией об управлении правами по ст. 1300 ГК РФ; (д) аппаратные блокировки.

3.2. Состав гражданско-правового деликта

Для целей ст. 1299–1300 ГК РФ объектом деликта служит не исключительное право как таковое, а охранительный режим его реализации. Поэтому нарушение режима ТСЗ самостоятельно, даже без последующего воспроизведения произведения, образует основание для иска. Объективная сторона нарушений ст. 1299 ГК РФ включает любое из следующих действий: непосредственный обход ТСЗ; изготовление средств обхода; распространение, сдача в прокат, импорт таких средств или оказание услуг по обходу. Умысел на последующее незаконное использование произведения не является элементом состава. Субъективная сторона трактуется широко: вина предполагается (ст. 1064 ГК РФ), а нарушитель должен доказать её отсутствие. Особую сложность представляет доказывание факта обхода ТСЗ, требующее специальной технической экспертизы, подтверждающей факт существования действующего ТСЗ в момент предполагаемого обхода, принятые меры обхода и наличие причинно-следственной связи.

4. Мошенничество при обходе ТСЗ: уголовно-правовой аспект

4.1. Модели мошенничества с использованием обхода ТСЗ

На основе анализа правоприменительной практики можно выделить три основные модели преступного поведения, где обход ТСЗ пересекается с составом мошенничества. Модель 1 — получение доступа к платным сервисам в обход оплаты посредством взломанных учётных данных или генераторов ключей. Согласно позиции Пленума ВС РФ № 48, п. 21, если хищение осуществляется «путём использования учётных данных» без воздействия на программное обеспечение серверов, содеянное квалифицируется как кража (ст. 158 УК РФ[2]), а не мошенничество. Ст. 159 УК РФ применима лишь при наличии активного обмана; при техническом вмешательстве в систему защиты возможно применение ст. 159.6 в совокупности со ст. 272 или 273 УК РФ.

Модель 2 — продажа инструментов обхода (кряки, активаторы, «читы» для онлайн-игр) под видом «лицензионных ключей» или «официальных активаций». Здесь формируется полноценный состав мошенничества по ст. 159 УК РФ — обман конечного потребителя: лицо сообщает ложные сведения о природе предлагаемого продукта. Одновременно реализуется объективная сторона ст. 1299 ГК РФ по изготовлению и распространению средств обхода и, вероятно, ст. 273 УК РФ в части распространения вредоносных программ. Пленум ВС РФ № 48, п. 20 прямо предусматривает квалификацию по совокупности ст. 159.6, 272 и 273 УК РФ. Данная модель подтверждается приговором Сургутского городского суда № 1-762/2017 от 12.11.2017 по совокупности ст. 272 и ст. 159 УК РФ [9].

Модель 3 — схемы с поддельными или взломанными лицензиями, аккаунтами, подписками: организация интернет-магазина или сервиса «активации» ПО, предлагающего взломанные ключи активации или массовые аккаунты, полученные путём взлома систем платформ. Ущерб причиняется как конечным пользователям при продаже нефункциональных ключей, так и правообладателям в виде недополученной выручки от подписок. Л.М. Болсуновская в исследовании практики применения ст. 159.6 УК РФ указывает на системные трудности разграничения данного состава с кражей и традиционным мошенничеством [13].

4.2. Конкуренция норм: ст. 159 и ст. 146, 272–274.1 УК РФ

Конкуренция ст. 159 и ст. 146 УК РФ разрешается через различие в непосредственном объекте и наличии хищения. Ст. 146 направлена против незаконного использования объектов авторского права и не требует имущественного завладения. Ст. 159 требует хищения — безвозмездного изъятия и обращения чужого имущества. Е.В. Хромов и В.Ю. Зябликов в монографическом исследовании «Хищение бестелесного имущества» анализируют проблему имущественной оценки нематериальных объектов при хищении в цифровой среде и приходят к выводу о необходимости расширения понятия предмета хищения применительно к правам на цифровой контент [14].

Соотношение ст. 159 и 159.6 УК РФ является центральным с практической точки зрения. Разграничение проводится по способу совершения деяния: ст. 159 предполагает обман или злоупотребление доверием с воздействием на волю потерпевшего; ст. 159.6 — техническое вмешательство с помощью воздействия на информационную систему, минуя волю потерпевшего. Это разграничение подтверждается Постановлением Пленума ВС РФ № 48.

4.3. Судебная практика и типичные квалификационные проблемы

Апелляционным постановлением Свердловского областного суда от 7 мая 2024 г. № 22-3412/2024 (дело № 1-131/2021) была полностью отменена квалификация по ст. 272 УК РФ и наполовину сокращено наказание по ст. 273 УК РФ за использование программы-патчера для нейтрализации защиты «1С: Предприятие 8.3». Суд апелляционной инстанции, руководствуясь

Постановлением Пленума ВС РФ № 37 от 15 декабря 2022 г., указал, что программный код охраняется нормами авторского права (ст. 146 УК РФ, ст. 1299–1300 ГК РФ), а не ст. 272 УК РФ, предназначенной для защиты информации с установленным специальным режимом доступа (персональные данные, коммерческая тайна и т.д.), и что суд первой инстанции смешал объективную сторону двух различных составов [10].

В деле MDY Industries, LLC v. Blizzard Entertainment, Inc., 629 F.3d 928 (9th Cir. 2010), имеющем ориентирующее значение для российской доктрины, Девятый окружной апелляционный суд США при квалификации обхода антибот-системы WoW Warden решал аналогичную проблему функционального назначения ТСЗ — является ли Warden средством контроля доступа по §1201(a) DMCA или средством защиты прав по §1201(b). Суд разграничил эти категории, констатировав, что разработчик бота MDY не нарушил §1201(a), поскольку Warden использовался не как барьер доступа к произведению, а как средство поддержания условий предоставления лицензии, что имеет прямое аналитическое значение при разграничении российских составов.

5. Пересечение и разграничение составов: ст. 159 УК РФ и ст. 1299–1300 ГК РФ

5.1. Критерии разграничения

Первый критерий — непосредственный объект охраны. Ст. 1299–1300 ГК РФ защищают исключительное право и режим его реализации — отношения по управлению доступом к произведению; объектом является правовой статус результата интеллектуальной деятельности, обеспечивающий его правомерный оборот. Ст. 159 УК РФ охраняет имущественные отношения собственности, а предметом преступления выступает имущество либо право на имущество.

Второй критерий — характер посягательства. Нарушение ст. 1299 ГК РФ есть посягательство на охранительный режим («разрушение барьера») вне зависимости от имущественного результата. Мошенничество по ст. 159 УК РФ — посягательство на имущество через обман: элемент хищения (безвозмездное изъятие, корыстная цель, причинение ущерба) обязателен. Третий критерий — наличие обмана как способа: обман предполагает введение в заблуждение конкретного субъекта, под воздействием которого он передаёт имущество или право. Технический обход ТСЗ направлен на информационную систему, а не на психику лица, и сам по себе не является обманом в смысле ст. 159 УК РФ.

Четвёртый критерий — функциональная роль ТСЗ в структуре деяния: (а) ТСЗ как самостоятельный объект посягательства (деликт по ст. 1299–1300 ГК РФ без последующей корыстной эксплуатации); (б) ТСЗ как инструментальный элемент способа хищения (обход ТСЗ как подготовительная стадия или способ мошенничества/кражи); (в) ТСЗ как элемент состава ст. 273 УК РФ, если применяемые средства обхода признаются вредоносными программами. На необходимость чёткого разграничения данных ролей указывает Постановление Пленума ВС РФ № 37.

5.2. Концепция «функционального назначения ТСЗ»

Предлагается следующая доктринальная конструкция для квалификации. Если в конкретном деянии ТСЗ функционально выполняет роль барьера доступа к платной услуге, а обход этого барьера составляет способ безвозмездного завладения правом на эту услугу — ТСЗ есть элемент «имущественной конструкции» обмана; квалификация идёт по ст. 159 (или ст. 159.6) УК РФ. Если же ТСЗ функционально является барьером правомерного использования произведения как объекта авторского права — его обход прежде всего нарушает режим исключительного права, и применяются нормы ст. 1299 ГК РФ и ст. 146 УК РФ (при соответствующем ущербе). Тем самым ключевым является выявление того, что именно «защищает» конкретное ТСЗ: имущественный интерес платформы по получению оплаты за доступ или исключительное право автора на использование произведения. В большинстве практических ситуаций оба аспекта присутствуют одновременно, что предопределяет совокупную квалификацию.

5.3. Конкуренция уголовно-правовой и гражданско-правовой ответственности

Ситуация 1: нарушение ст. 1299–1300 ГК РФ занимает самостоятельное значение. Если лицо обходит ТСЗ без корыстного умысла, уголовная ответственность по ст. 159 УК РФ исключена, а гражданско-правовая ответственность применяется самостоятельно. Даже при наличии последующего безвозмездного доступа к контенту без корыстной цели хищения ст. 159 неприменима — возможна лишь квалификация по ст. 146 УК РФ при условии крупного ущерба или по ст. 165 УК РФ (причинение имущественного ущерба без признаков хищения). Ситуация 2: действия по обходу ТСЗ «растворяются» в составе ст. 159 УК РФ, когда обход ТСЗ и использование произведения образуют единый умысел, направленный на извлечение имущественной выгоды путём обмана. Нормы ст. 159 УК РФ в рамках уголовного преследования поглощают норму ст. 1299 ГК РФ, однако самостоятельное гражданско-правовое требование по ст. 1299–1300 ГК РФ может быть заявлено в рамках гражданского иска в уголовном деле.

6. Зарубежный и международный контекст

DMCA 1998 г. установил автономный запретительный режим в §1201, отделив нарушение режима ТСЗ от нарушения авторского права:

обход ТСЗ является самостоятельным деликтом вне зависимости от факта нарушения исключительного права. §1204 DMCA криминализирует обход ТСЗ при наличии «коммерческой выгоды или частного финансового умысла», устанавливая санкцию до 5 лет лишения свободы и штраф до 500 000 долл. США за первое нарушение. Такая формулировка позволяет охватить случаи, когда обход ТСЗ направлен на извлечение имущественной выгоды, не требуя доказывания «обмана» как конститутивного элемента. Американское право тем самым решает проблему, актуальную и для России: не пытается квалифицировать мошеннический обход ТСЗ через общий состав, а создаёт специальную криминализированную норму с имущественным квалифицирующим признаком.

Договор ВОИС по авторскому праву 1996 г. (ст. 11, 12) установил международный стандарт охраны ТСЗ, которому должны следовать государства-участники, в том числе Россия. Директива 2001/29/ЕС (ст. 6, 7) и Директива 2019/790/EU (ст. 7) обязали государства-члены ЕС обеспечить правовую охрану обоих типов ТСЗ, оставив вопрос криминализации на усмотрение национальных законодателей. Германия и Франция ввели специальные уголовные составы за обход ТСЗ; другие государства ограничились гражданско-правовой ответственностью. Директива 2019/790 дополнительно устанавливает, что исключения из авторского права не должны использоваться в качестве обоснования обхода ТСЗ.

7. Заключение и предложения

Предлагается изложить ст. 1299 ГК РФ с разграничением двух типов ТСЗ: (а) технических мер контроля доступа к произведению; (б) технических мер защиты прав на произведение, — с различным регулированием допустимых исключений для каждого типа (по аналогии с §1201(a) и §1201(b) DMCA). Ст. 1300 ГК РФ следует дополнить указанием на самостоятельное основание компенсации за использование произведения с заведомо изменённой информацией об управлении правами.

В части уголовного законодательства целесообразно рассмотреть дополнение ст. 146 УК РФ квалифицированным составом, предусматривающим ответственность за нарушение авторских прав, сопряжённое с систематическим обходом ТСЗ в коммерческих целях. Альтернативный вариант — введение в гл. 28 УК РФ отдельной нормы об ответственности за обход ТСЗ с коммерческим умыслом (аналог §1204 DMCA), криминализирующей именно имущественно направленный обход без необходимости доказывания «обмана». Одновременно представляется необходимым уточнить диспозицию ст. 159.6 УК РФ применительно к цифровым услугам, урегулировав вопрос о том, является ли обход системы аутентификации сервиса «вмешательством» по смыслу данной нормы или же такие действия квалифицируются исключительно как кража по ст. 158 УК РФ.

Действующее Постановление Пленума ВС РФ № 14 от 26 апреля 2007 г. не учитывает ни эволюции цифрового рынка, ни появившейся ст. 159.6 УК РФ, ни Постановления Пленума № 37 от 2022 г. В этой связи представляется целесообразным принять новое постановление Пленума (или существенно обновить имеющееся), включив разъяснения о соотношении ст. 146 с нормами гл. 21 и гл. 28 УК РФ применительно к цифровой среде, дать определение ТСЗ для целей уголовного права и разъяснить порядок исчисления ущерба при обходе ТСЗ, в том числе применительно к упущенной выгоде от несостоявшихся подписок.

Научная новизна работы состоит в разработке концепции «функционального назначения ТСЗ» как критерия разграничения уголовно-правовых и гражданско-правовых составов; в системном анализе трёхуровневой нормативной конструкции (ст. 1299–1300 ГК РФ / ст. 146 УК РФ / ст. 159, 159.6, 272–273 УК РФ) применительно к актуальным моделям цифрового мошенничества; в обосновании предложений по автономной криминализации коммерчески мотивированного обхода ТСЗ и разграничению двух типов технических мер в ст. 1299 ГК РФ.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая): Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 52 (ч. I). — Ст. 5496.

[3] Договор ВОИС по авторскому праву: принят Дипломатической конференцией ВОИС 20 декабря 1996 г. (ДАП ВОИС / WCT). Статьи 11, 12 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 28. — Ст. 3494.

[4] Digital Millennium Copyright Act: Pub. L. No. 105-304, 112 Stat. 2860 (1998). 17 U.S.C. §§ 1201, 1202, 1204. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/1204 (дата обращения: 04.05.2026).

[5] Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society // EUR-Lex. 2001. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2001/29/oj/eng (дата обращения: 07.05. 2026).

[6] Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/

EC and 2001/29/EC // EUR-Lex. 2019. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN-EL/ALL/?uri=CELEX:32019L0790&from=EN (дата обращения: 07.05.2026).

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 48 (ред. от 15.12.2022) "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2018. — № 2.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 N 37 "О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 3. 2023.

[9] Приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 12 ноября 2017 г. по делу № 1-762/2017 / СудАкт. 2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/SWC7elmLAaQR/?ysclid=mp9wplkrep472294251 (дата обращения: 13.05.2026).

[10] Апелляционное постановление Свердловского областного суда по делу № 22-3412/2024. Официальный сайт Свердловского областного суда. 2024. URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=13830932&case_uid=034c7ce5-7b66-4462-b1c2-014e31310972&delo_id=4&new=4.

[11] MDY Industries, LLC v. Blizzard Entertainment, Inc. and Vivendi Games, Inc. 629 F.3d 928 (9th Cir. 2010) // Lexology. 2019. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=1c7db854-ac6b-4a30-943d-918b95fb5696 (дата обращения: 08.05.2026).

[12] Данилов Ю. С. Защита имущественных интересов правообладателей при нарушении исключительных и иных имущественных прав на объекты авторского права и смежных прав. М., 2019. 177 с. URL: https://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Danilov/dissertaciyayu_s_danilova.pdf (дата обращения: 01.05.2026).

[13] Болсуновская Л. М. Мошенничество в сфере компьютерной информации: анализ судебной практики // Уголовное право. 2016. № 2. С.12-16.

[14] Хромов Е. В., Зябликов В. Ю. Хищение бестелесного имущества // Новые технологии. 2024. URL: https://newtech.legal/cabinet/catalog/ugolovnoe-pravo/6176/7718/?ysclid=mp9x3vb3rl313798955 (дата обращения: 14.05.2026).

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. — № 25. - Art. 2954.

[2] Civil Code of the Russian Federation (part four): Federal Law of December 18, 2006 No. 230-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. - No. 52 (part I). - Art. 5496.

[3] WIPO Copyright Treaty: adopted by the WIPO Diplomatic Conference on 20 December 1996 (WIPO ADR/WCT). Articles 11, 12 // Collection of legislation of the Russian Federation. — 2009. — № 28. - Art. 3494.

[4] Digital Millennium Copyright Act: Pub. L. No. 105-304, 112 Stat. 2860 (1998). 17 U.S.C. §§ 1201, 1202, 1204. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/1204 (accessed on: 04.05.2026).

[5] Directive 2001/29/EC of the European Parliament and of the Council of 22 May 2001 on the harmonisation of certain aspects of copyright and related rights in the information society // EUR-Lex. 2001. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2001/29/oj/eng (accessed on: 07.05. 2026).

[6] Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC // EUR-Lex. 2019. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN-EL/ALL/?uri=CELEX: 32019L0790&from = EN (Accessed: 07.05.2026).

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 (ed. 15.12.2022) "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2018. — № 2.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 No. 37 "On certain issues of judicial practice in criminal cases of crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 3. 2023.

[9] Verdict of the Surgut City Court of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra dated November 12, 2017 in case No. 1-762/2017 / CourtAct. 2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/SWC7elmLAaQR/?ysclid=mp9wplkrep472294251 (accessed on: 13.05.2026).

[10] Appeal ruling of the Sverdlovsk Regional Court in case No. 22-3412/2024. Official website of the Sverdlovsk Regional Court. 2024. URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=13830932&case_uid=034c7ce5-7b66-4462-b1c2-014e31310972&delo_id=4&new=4.

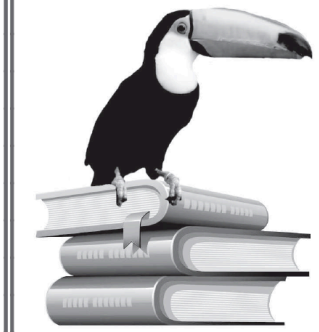
[11] MDY Industries, LLC v. Blizzard

Entertainment, Inc. and Vivendi Games, Inc. 629 F.3d 928 (9th Cir. 2010) // Lexology. 2019. URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=1c7db854-ac6b-4a30-943d-918b95fb5696 (accessed on: 08.05.2026).

[12] Danilov Yu. S. Protection of property interests of copyright holders in case of violation of exclusive and other property rights to objects of copyright and related rights. M., 2019. 177 c. URL: https://dis.rgiis.ru/files/dis/d40100102/Danilov/dissertaciyayu_s_danilova.pdf (дата обращения: 01.05.2026).

[13] Bolsunovskaya L. M. Computer information fraud: analysis of judicial practice // Criminal law. 2016. № 2. S.12-16.

[14] Khromov E.V., Zyablikov V. Yu. Theft of disembodied property // New technologies. 2024. URL: https://newtech.legal/cabinet/catalog/ugolovnoe-pravo/6176/7718/? ysclid = mp9x3vb3rl313798955 (Accessed: 14.05.2026).

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-198-203

БЫКОВА Елена Анатольевна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, старший лейтенант полиции,
e-mail: alena-bykova-1987@mail.ru.

МАРКОВСКИЙ Максим Сергеевич,
доцент кафедры уголовного права Уральского юридического института МВД России, полковник полиции,
e-mail: sakh_rider_88@mail.ru.

ТАРАНИН Михаил Александрович,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РОЛИ ИИ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕСТУПНОГО ДЕЯНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется уголовно-правовая роль генеративного искусственного интеллекта в механизме преступного деяния. Обосновывается, что ИИ в действующей модели уголовного права не является субъектом преступления, а в большинстве случаев выступает технологически сложным средством реализации человеческого умысла. Рассматриваются ситуации частичной автономности генерации, проблемы установления умысла, причинной связи и соучастия разработчиков и операторов цифровых систем. Предлагается авторский критерий функционального контроля, включающий цель использования, параметры работы системы, возможность принятия или отклонения результата и его фактическое применение. Формулируются предложения для судебного толкования преступлений, совершенных с использованием генеративного ИИ.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, генеративный искусственный интеллект, уголовная ответственность, субъект преступления, средство совершения преступления, дипфейк, мошенничество, соучастие, умысел, причинная связь, функциональный контроль.*

BYKOVA Elena Anatolyevna,
Senior Police Lieutenant, Lecturer in the Specialized Disciplines Department at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

MARKOVSKY Maxim Sergeevich,
associate professor of the criminal law department of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police colonel

TARANIN Mikhail Aleksandrovich,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

USE OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIME: DETERMINING THE ROLE OF AI IN THE MECHANISM OF A CRIMINAL ACT

Annotation. *The article examines the criminal-law role of generative artificial intelligence in the mechanism of crime. It argues that under the current criminal-law model AI cannot be an offender and normally functions as a technologically complex instrument for implementing human intent. Situations involving partly autonomous generation, intent, causation and possible complicity of developers and operators are analyzed. The author proposes a functional-control test based on the purpose of use, system parameters, the ability to accept or reject the output and the actual use of that output. Proposals are formulated for judicial interpretation of crimes committed with generative AI.*

Key words: *artificial intelligence, generative AI, criminal liability, offender, instrument of crime, deepfake, fraud, complicity, intent, causation, functional control.*

Можно с уверенностью утверждать, что генеративный искусственный интеллект за короткий период времени превратился из специализированной технологии в массовый инструмент создания текста, изображения, аудио, видео и программного кода. Если рассматривать развитие технологии генеративного ИИ с точки зрения уголовного права, то для него принципиально не само распространение новой технологии, а изменение масштаба и качества действий, которые с ее помощью способен совершить человек. Генеративная модель позволяет быстро подготовить персонализированное сообщение, воспроизвести голос конкретного лица, создать убедительный видеоряд, адаптировать сценарий обмана под реакцию потерпевшего, автоматизировать коммуникацию с множеством адресатов и существенно снизить стоимость преступной подготовки. Поэтому можно с уверенностью сказать, что общественная опасность деяния тут будет связана, прежде всего, с усилением возможностей субъекта преступления, тогда как вопрос о юридической роли самой системы искусственного интеллекта требует самостоятельного анализа [1; 2].

По нашему мнению, актуальность проблемы усилилась в 2026 году, когда был принят Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», закрепивший базовые понятия и принципы регулирования больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта. Здесь отметим, что основная часть закона вступила в силу 1 сентября 2026 г., тогда как положения об обязанностях разработчиков, маркировке созданных с применением таких моделей материалов и использовании результатов интеллектуальной деятельности начнут действовать лишь с 1 марта 2027 г. В контексте же рассматриваемой нами проблемы, для уголовно-правовой оценки важно, что данный закон формирует специальную технологическую терминологию, но не превращает искусственный интеллект в самостоятельного субъекта юридической, а тем более уголовной ответственности. В мае 2026 г. Верховный Суд Российской Федерации объявил о проведении первого общероссийского обобщения судебной практики по делам, связанным с применением ИИ, включив в предмет анализа квалификацию преступлений с использованием дипфейков и мошеннических схем с чат-ботами, вопросы доказательственного значения созданных ИИ документов и иные проблемы, что подтверждает переход обсуждения из преимущественно теоретической плоскости в сферу практического правоприменения.

Цель нашего исследования состоит в определении уголовно-правовой роли генеративного искусственного интеллекта в механизме преступного деяния и разработке критериев отграничения случаев, когда ИИ является лишь техническим средством реализации человеческого умысла, от ситуаций, в которых особенности автономной генерации влияют на установление вины, причинной связи и пределов ответственности. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системно-структурный и функциональный методы. Важным является и учет двойственной природы цифровых технологий, поскольку они используются как в преступных целях, так и для охраны правопорядка. Так, В. В. Шанько и И. Ю. Касницкая специально обращаются к применению систем видеонаблюдения и аналитики больших данных в охране общественного порядка [7, с. 226-230], что говорит о юридической оценке, которая должна быть связана не с технологией как таковой, а с целью, способом и конкретными последствиями ее использования.

Как известно действующий УК РФ строится на антропоцентрической модели уголовной ответственности, когда субъектом преступления признается вменяемое физическое лицо, достигшее установленного возраста, а в предусмотренных законом случаях уголовно-правовые последствия связываются с деятельностью организации

через ответственность конкретных физических лиц. Искусственный интеллект же не обладает уголовно-правовой правосубъектностью, не имеет собственной вины в нормативном смысле и не может самостоятельно нести наказание, поэтому употребляемые в публицистике формулы «ИИ совершил преступление» или «нейросеть обманула потерпевшего» юридически неточны, поскольку они описывают технологический механизм, но не заменяют установления лица, которое сформировало преступную цель, инициировало использование системы, выбрало или скорректировало результат, ввело его в оборот и тем самым реализовало соответствующую объективную сторону.

Наиболее распространенной моделью является использование генеративного ИИ как средства совершения преступления, когда пользователь ставит системе задачу, получает результат и сознательно применяет его для достижения заранее определенной противоправной цели. Генерация поддельного голосового сообщения для убеждения потерпевшего перевести деньги, создание фиктивного изображения для вымогательства, автоматическая подготовка фишинговых текстов, создание поддельных документов или адаптация вредоносного кода не изменяют основополагающего правила о том, что уголовно-правовая квалификация определяется признаками конкретного состава преступления, а технология характеризует способ, средство либо обстановку его совершения. Вот почему исследователи дипфейк-преступлений справедливо отмечают, что синтетический контент способен выступать формой сообщения ложных сведений, но не образует сам по себе нового вида хищения [1; 3; 4].

Мы считаем, что особенно важно это положение для разграничения ст. 159 и 159.6 УК РФ, поскольку использование генеративной модели, чат-бота или синтезированного голоса для обмана потерпевшего не означает автоматически совершения мошенничества в сфере компьютерной информации. Ведь если человек под воздействием ложного аудио-, видео- или текстового сообщения сам распоряжается имуществом либо правом на него, при наличии остальных признаков речь идет о классическом мошенничестве. Статья же 159.6 УК РФ требует воздействия на компьютерную информацию либо функционирование средств ее хранения, обработки или передачи как элемента механизма завладения имуществом, поэтому технологическая сложность обмана не должна подменять юридическое содержание способа хищения. И, нельзя не отметить, что такой подход уже получил развитие в современной литературе, где подчеркивается необходимость отделять использование ИИ как средства социальной инженерии от собственно компьютерного воздействия [1; 3].

Вторая модель нам представляется немного сложнее, к примеру, пользователь задает незаконную цель, но делегирует системе значительную часть выбора конкретного способа, содержания и адресатов воздействия, а программа уже автоматически формирует множество вариантов сообщений, отбирает наиболее убедительные, адаптирует их с учетом ответов пользователей и продолжает коммуникацию без постоянного ручного управления. Но и здесь искусственный интеллект по-прежнему не становится субъектом преступления, однако возрастает значение пределов человеческого контроля, в связи с чем представляется, что ключевым должен быть критерий целевого запуска, то есть если лицо сознательно создает или настраивает систему для достижения преступного результата, понимает типичный механизм ее работы и принимает генерируемые ею варианты как допустимые средства реализации замысла, то случайная непредсказуемость отдельных фраз или последовательности действий не исключает умысла, субъект как бы контролирует не каждую операцию, а преступную функцию системы в целом.

Третья рассматриваемая нами модель связана с генерацией результата, который выходит за пределы поставленной пользователем задачи, поскольку современные модели ИИ имеют вероятностный характер и способны выдавать содержание, которое прямо не задавалось запросом, хотя сам по себе факт технической возможности предвидеть ошибочную или нежелательную генерацию не означает уголовно-правовой вины пользователя. К примеру, если лицо использует ИИ для правомерной цели и не осознает, что результат содержит, например, клеветнические сведения, незаконно раскрываемую тайну или инструкции, создающие реальную опасность причинения вреда, ответственность не может строиться на объективном вменении. Иная же ситуация возникает, когда сознательное распространение или использование результата способно образовать самостоятельное умышленное действие, и тогда момент возникновения умысла переносится с этапа генерации на этап последующего распоряжения полученным материалом.

Для решения подобных ситуаций нами предлагается использовать критерий функционального контроля, включающий в себя четыре взаимосвязанных элемента, таких как постановка цели, определение существенных параметров работы системы, возможность принятия либо отклонения результата и фактическое использование результата в объективной стороне преступления. И чем полнее совокупность этих элементов сосредоточена у конкретного лица, тем меньше оснований объяснять причиненный вред «автономностью» алгоритма, поскольку если пользователь заказы-

вает синтез голоса руководителя, выбирает подходящую запись и направляет ее бухгалтеру с требованием перевода денег, его контроль очевиден. Если же разработчик создает универсальную модель общего назначения и не участвует в конкретном преступном использовании, одна лишь техническая возможность злоупотребления не образует соучастия. И вот между этими полюсами и находятся случаи предоставления специально настроенного сервиса, когда вопрос ответственности должен решаться с учетом осведомленности о преступной цели и реального содействия ее достижению.

Такая конструкция на наш взгляд особенно важна для института соучастия, когда разработчик, оператор платформы, владелец вычислительной инфраструктуры или автор программного модуля не становится пособником любого преступления, совершенного конечным пользователем, поскольку для пособничества необходимо умышленное содействие конкретному преступлению либо преступной деятельности в пределах требований соответствующего состава. Общая осведомленность о том, что технологией потенциально можно злоупотребить, на наш взгляд недостаточна, напротив, сознательное создание инструмента под конкретную мошенническую схему, настройка обхода механизмов безопасности, обучение модели на материалах потерпевшего и последующее сопровождение преступного использования при доказанном общем умысле способны образовать интеллектуальное или физическое пособничество. То есть мы видим, что генеративная технология усложняет доказывание, но не отменяет традиционное требование умышленной совместности.

Использование ИИ для масштабирования преступления так же довольно интересно, поскольку один человек способен поддерживать сотни параллельных диалогов, автоматически переводить сообщения, менять легенду, имитировать разные социальные роли и создавать уникальные медиаматериалы для каждого адресата. В результате технология повышает не только вероятность успеха, но и число потенциальных потерпевших, хотя автоматически признавать само использование ИИ квалифицирующим признаком любого состава не стоит. Универсальная формула «с использованием искусственного интеллекта» здесь была бы чрезмерно широкой, так как ИИ может применяться как для создания высокореалистичного дипфейка, так и для незначительной редакции текста, перевода или технической обработки изображения. Поэтому уголовный закон должен дифференцировать ответственность по реальному увеличению общественной опасности, а не по наличию модного технологического инструмента.

В связи с чем, более обоснованным нам представляется функциональный подход к оценке повышенной опасности, когда существенное значение могут иметь достоверная имитация личности другого человека, автоматизированное воздействие на неопределенно широкий круг лиц, использование ИИ для преодоления средств защиты, персонализированное воздействие на заведомо уязвимого потерпевшего либо создание контента, объективно затрудняющего установление его искусственного происхождения. В отдельных же составах эти обстоятельства могут учитываться через уже существующие признаки — группу лиц, крупный или особо крупный размер, использование служебного положения, тяжкие последствия. То есть становится очевидным, что только после накопления устойчивой практики возможно обсуждать специальные квалифицирующие признаки для тех составов, где применение генеративного ИИ действительно изменяет характер посягательства, а не просто облегчает подготовительную работу [4; 5].

Но, проблема не исчерпывается только мошенничеством, синтетические изображения и аудиозаписи могут использоваться для клеветы, вымогательства, нарушения неприкосновенности частной жизни, незаконного распространения сведений ограниченного доступа, ложных сообщений об опасности, фальсификации цифровых доказательств и иных деяний. При этом один и тот же файл способен последовательно участвовать в нескольких преступлениях, сначала создаваться путем незаконного использования персональных данных, затем применяться как средство угрозы, а после распространяться публично. Квалификация же должна отражать реальные самостоятельные объекты посягательства и не сводить многоэпизодное поведение к абстрактному «преступлению с использованием ИИ», поскольку именно отсутствие единого универсального объекта подтверждает, что генеративный ИИ в современной системе уголовного права разумнее рассматривать прежде всего как технологически сложное средство, а не как основание для формирования самостоятельного родового состава.

Для умышленных преступлений несомненно особое значение имеет доказывание того, что пользователь понимал свойства синтетического материала и желал использовать их для конкретного противоправного результата, так как не всякий факт применения нейросети свидетельствует о таком понимании. Следствие должно устанавливать содержание запросов, историю генераций, последующие команды, выбор из нескольких вариантов, ручное редактирование, экспорт файла, способ его распространения и связь с иными действиями обвиняемого. Мы считаем, что в доказательственном отношении полезно различать

технический след создания контента и уголовно-правовой вывод об умысле, поскольку первый показывает происхождение материала, второй формируется только из совокупности обстоятельств. И, несомненно, будущие требования закона № 243-ФЗ о маркировке материалов, созданных с использованием больших фундаментальных моделей, будут способны облегчить идентификацию синтетического происхождения, хотя соответствующие положения и начнут действовать лишь с 1 марта 2027 г. и сами по себе не решают вопрос об авторстве преступного замысла.

Хочется обратить внимание на тот факт, что разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по итогам начатого в 2026 году обобщения могли бы закрепить несколько базовых ориентиров. Во-первых, использование генеративного ИИ не изменяет правила определения субъекта преступления, когда ответственность несет физическое лицо, действия которого отвечают признакам состава. Во-вторых, создание синтетического контента должно оцениваться с учетом его фактической функции, так как само наличие дипфейка не предопределяет квалификацию. В-третьих, разработчик или оператор универсальной системы не признается соучастником без доказательств умышленного содействия преступлению. В-четвертых, при частичной автономности алгоритма необходимо устанавливать цель запуска, параметры контроля, возможность отклонения результата и последующее сознательное использование. В-пятых, документы и медиаматериалы, созданные ИИ, требуют проверки происхождения и целостности, но вопрос об их доказательственном значении не может решаться только по признаку искусственного происхождения.

Так же по нашему мнению отдельно следует разграничивать использование общедоступной модели и создание специализированной системы, ориентированной на противоправные задачи. В первом случае разработчик предоставляет универсальный инструмент, пригодный для множества правомерных целей, и причинная связь между разработкой и последующим преступлением опосредована самостоятельным решением пользователя. А во втором случае программная архитектура, набор данных, ограничения и интерфейс могут изначально быть подчинены узкой противоправной функции, например массовому созданию поддельных идентичностей или автоматизированному формированию сообщений для обмана. Поэтому уголовно-правовое значение имеет не техническая специализация сама по себе, а доказанная направленность умысла создателя и его вклад в конкретную преступную деятельность, что позволяет избежать как безосновательной ответственности разработчиков технологий общего назначения, так и искусственного исключения соучастия там, где программный продукт сознательно создается как элемент преступной инфраструктуры.

Использование генеративного ИИ способно влиять и на стадии преступления, когда подготовка промптов, сбор образцов голоса, обучение персонализированной модели или создание синтетического изображения могут представлять собой правомерные действия, приготовление либо уже входить в объективную сторону конкретного состава, что зависит от конструкции соответствующей нормы. К примеру, создание ложного видеоролика для будущего мошенничества само по себе обычно еще не означает оконченного хищения, если воздействие на потерпевшего не началось, но при наличии условий может оцениваться в рамках приготовления. И, напротив, для преступлений с формальным составом изготовление или распространение определенного материала способно иметь самостоятельное юридическое значение, поэтому стадия определяется не технической завершенностью цифрового продукта, а моментом начала выполнения объективной стороны конкретного преступления. То есть можно сказать, что это правило особенно важно для предотвращения ошибочной квалификации, когда факт готовности дипфейка механически отождествляется с оконченным преступлением.

Таким образом, мы видим, что генеративный искусственный интеллект не образует нового субъекта преступления и не требует отказа от базовых конструкций российского уголовного права, основная задача которого состоит в адаптации этих конструкций к ситуации распределенного технологического действия, когда человек контролирует преступную функцию системы, но не каждую промежуточную операцию. И наиболее продуктивным по нашему мнению является критерий функционального контроля, основанный на цели, параметрах использования, возможности выбора результата и его фактическом включении в объективную сторону преступления, поскольку он позволяет отделить умышленное использование ИИ как средства преступления от правомерного применения технологии с непредвиденным результатом, а также ограничить необоснованное расширение ответственности разработчиков и операторов. Вот почему дальнейшее совершенствование должно идти прежде всего по линии судебного толкования и накопления практики, а не путем создания универсального состава «преступления с использованием искусственного интеллекта».

Список литературы:

[1] Майстренко Г. А. Мошенничество с ис-

пользованием дипфейк-технологий и искусственного интеллекта: проблемы уголовно-правовой квалификации и направления совершенствования законодательства // Право и управление. 2026. № 8. С. 242-250. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-242-250..

[2] Кочетов В. А., Гридин А. С. Искусственный интеллект как катализатор киберпреступности: вызовы для уголовного права и правоприменения // Финансовая безопасность: новые горизонты. Материалы научной конференции. М.: НИЯУ МИФИ, 2025. С. 643-647.

[3] Долгиева М. М. Квалификация дипфейк-мошенничества и киберпохищения человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 11. С. 106-113. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.168.11.106-113..

[4] Палий Е. С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты дистанционного мошенничества с применением deepfake-технологий и социальной инженерии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 149-157.

[5] Ситник В. Н. Перспективы установления уголовной ответственности за преступления, совершенные с использованием технологии дипфейк // Уральский журнал правовых исследований. 2026. № 1. С. 119-126. DOI: 10.33693/2541-8025-2026-22-1-119-126..

[6] Ефремова М. А., Русскевич Е. А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 97-105.

[7] Шанько В. В., Касницкая И. Ю. Применение систем видеонаблюдения и аналитики больших данных в охране общественного порядка // Право и управление. 2026. № 4. С. 226-230.

[8] Зотина Е. В. Уголовно-правовой аспект предупреждения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3 (57). С. 72-82. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-8..

[9] Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования // Юридические исследования. 2023. № 11.

References:

[1] Maistrenko G. A. Fraud using deepfake technologies and artificial intelligence: problems of criminal legal qualification and directions for improving legislation // Law and management. 2026. № 8. S. 242-250. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-8-242-250..

[2] Kochetov V. A., Gridin A. S. Artificial intelligence as a catalyst for cybercrime: challenges for criminal law and law enforcement // Financial security: new horizons. Scientific conference materials. M.: NRNU MEPHI, 2025. S. 643-647.

[3] Dolgieva M. M. Qualification of deepfake fraud and human cyber theft // Actual problems of Russian law. 2024. VOL. 19. № 11. S. 106-113. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.168.11.106-113..

[4] Paliy E. S. Criminological and criminal legal aspects of remote fraud using deepfake technologies and social engineering // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4 (108). S. 149-157.

[5] Sitnik V.N. Prospects for criminalizing crimes committed using deepfake technology // Ural Journal of Legal Research. 2026. № 1. S. 119-126. DOI: 10.33693/2541-8025-2026-22-1-119-126..

[6] Efremova M.A., Russkevich E.A. Deepfake (deepfake) and the criminal law // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. VOL. 15. № 2 (56). S. 97-105.

[7] Shanko V. V., Kasnitskaya I. Yu. Application of video surveillance systems and big data analytics in the protection of public order // Law and management. 2026. № 4. S. 226-230.

[8] Zotina E. V. Criminal law aspect of fraud prevention using information and telecommunication technologies and social engineering techniques // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. VOL. 15. № 3 (57). S. 72-82. DOI: 10.37973/VESTNIKKUI-2024-57-8..

[9] Bodrov N.F., Lebedeva A.K. The concept of deepfake in Russian law, classification of deepfakes and issues of their legal regulation // Legal research. 2023. № 11.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-204-209

КАРАВАЕВ Евгений Сергеевич,
заместитель начальника кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России полковник полиции,
e-mail: evgkaravaev@yandex.ru

МЕДВЕДЕВА Татьяна Викторовна,
старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, подполковник полиции,
e-mail: taniavbel@yandex.ru

ТЕМИРКАЯЕВА Ленура Наримановна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, майор полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

МЕХАНИЗМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ И ЭКСТРЕМИСТСКИМ ГРУППАМ

Аннотация. *В статье рассматриваются уголовно-правовые механизмы ответственности за содействие террористической и экстремистской деятельности. Анализируются конструкции составов, предусмотренных статьями 205.1, 282.1, 282.2 и 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, их соотношение со смежными нормами и разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации. Основное внимание уделено вовлечению, вербовке, финансированию, организационному обеспечению деятельности запрещенных структур, а также проблемам разграничения специальных составов и соучастия, установления умысла и доказывания заведомости. Обосновывается необходимость повышения определенности уголовно-правовых запретов и унификации подходов к квалификации.*

Ключевые слова: *уголовная ответственность, терроризм, экстремизм, содействие террористической деятельности, финансирование терроризма, экстремистское сообщество, экстремистская организация, финансирование экстремистской деятельности, соучастие, квалификация преступлений.*

KARAVAEV Evgeny Sergeevich,
Deputy Head of the Department of Specialized Disciplines at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

MEDVEDEVA Tatyana Viktorovna,
Senior Lecturer of the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

TEMIRKAYEVA Lenura Narimanovna,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

MECHANISMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR ASSISTANCE TO TERRORIST ORGANIZATIONS AND EXTREMIST GROUPS

Annotation. *The article examines criminal-law mechanisms of liability for assistance to terrorist and extremist activities. It analyzes the legal structures of offences under Articles 205.1, 282.1, 282.2 and 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, their correlation with related provisions and the interpretative guidance of the Supreme Court of the Russian Federation. Particular attention is paid to recruitment, involvement, financing and organizational support of prohibited entities, as well as to the distinction between special offences and general complicity, the establishment of intent and proof of awareness. The article argues for greater legal certainty and more consistent approaches to criminal-law qualification.*

Key words: *criminal liability, terrorism, extremism, assistance to terrorist activity, financing of terrorism, extremist community, extremist organization, financing of extremist activity, complicity, qualification of crimes.*

Проблема уголовной ответственности за содействие террористическим и экстремистским структурам имеет выраженное прикладное значение. Действующее уголовное законодательство предусматривает специальные составы, охватывающие вовлечение новых участников, финансирование, организационное обеспечение, участие в запрещенных объединениях и иные формы поддержки. При этом юридическая оценка должна опираться не на обобщенное понятие «содействия», а на закрепленные законом категории: «содействие террористической деятельности», «террористическое сообщество», «террористическая организация», «экстремистское сообщество», «экстремистская организация», «финансирование экстремистской деятельности» [1, 2]. Именно различия между указанными конструкциями во многом определяют пределы уголовной ответственности и правила квалификации.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей законодательного построения и применения норм об ответственности за содействие террористической и экстремистской деятельности, а также в определении наиболее существенных проблем их разграничения. В рассматриваемой сфере уголовно-правовой механизм образуют нормы, устанавливающие основания ответственности, формы запрещенного поведения, момент окончания преступления, квалифицирующие признаки и специальные условия освобождения от ответственности. Его содержание конкретизируется положениями федерального законодательства о противодействии терроризму и экстремистской деятельности, а также разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации [3].

В системе противодействия терроризму центральное место занимает статья 205.1 УК РФ. Она предусматривает ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение террористических преступлений, вооружение или подготовку лица для их совершения, финансирование терроризма, а также отдельные формы пособничества и организации соответствующей деятельности [1, 4]. Особенность данной нормы состоит в том, что значительная часть действий, традиционно рассматриваемых через институт соучастия, получила самостоятельную уголовно-правовую оценку. Тем самым законодатель переносит акцент с реакции на уже совершенное террористическое преступление на пресечение деятельности, обеспечивающей его подготовку и инфраструктуру.

Превентивная направленность статьи 205.1 УК РФ наиболее отчетливо проявляется при определении момента окончания вовлечения. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, склонение, вербовка или иное вовлечение признаются оконченными с момента совершения соответствующих действий независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо преступление террористической направленности [4]. Для квалификации, следовательно, существенны характер и направленность воздействия на другое лицо, а не наступление последующего преступного результата. Такой подход позволяет пресекать формирование кадровой базы террористической деятельности на раннем этапе, одновременно повышая требования к установлению содержания умысла виновного [7, 8].

Самостоятельное значение имеет финансирование терроризма. Примечание к статье 205.1 УК РФ связывает его с предоставлением или сбором средств либо оказанием финансовых услуг при осознании их предназначения для организации, подготовки или совершения террористических преступлений либо для материального обеспечения лиц и структур, созданных в этих целях [1]. Поэтому предмет доказывания включает не только факт передачи ресурсов, но и их целевое назначение, известное виновному. При этом необходимо отметить, что статья 205.1 УК РФ действует во взаимосвязи с нормами об оправдании и пропаганде терроризма, прохождении обучения, организации террористического сообщества и деятельности террористической организации (статьи 205.2–205.5 УК РФ) [1, 4]. Практическая же

сложность заключается в выборе нормы, наиболее точно отражающей фактическую роль лица, и в разрешении возможной конкуренции составов.

Однако самостоятельность состава, предусмотренного статьей 205.1 УК РФ, не устраняет проблему его соотношения с общими правилами о соучастии, поскольку если содействие адресовано совершению конкретного преступления и выражается в действиях, функционально соответствующих пособничеству, закономерно возникает вопрос о применении специальной нормы, общих положений УК РФ, либо их совокупности. В литературе обращается внимание на необходимость более четких критериев такого разграничения, так как для практики принципиально, чтобы уголовно-правовая оценка основывалась не на самом факте общения, консультирования или передачи информации, но на установленной направленности помощи и осознании лицом ее связи с террористической деятельностью, что особенно важно при отграничении наказуемого вовлечения от идеологического воздействия, которое само по себе не образует состава, предусмотренного статьей 205.1 УК РФ [6–8].

В то же время уголовно-правовое противодействие экстремистской деятельности построено несколько иначе, системообразующее значение здесь имеют статьи 282.1, 282.2 и 282.3 УК РФ. Статья 282.1 устанавливает ответственность за создание экстремистского сообщества, руководство им, вовлечение в его деятельность и участие; статья 282.2 — за организацию деятельности экстремистской организации, вовлечение и участие в ней; статья 282.3 — за финансирование экстремистской деятельности [9, 10]. Разграничение указанных составов связано прежде всего с правовой природой объединения и характером действий конкретного лица.

Экстремистское сообщество в статье 282.1 УК РФ определяется через организационную форму и цель подготовки либо совершения преступлений экстремистской направленности. Судебные разъяснения относят к участию не только непосредственное совершение таких преступлений, но и выполнение функциональных обязанностей, обеспечивающих деятельность сообщества, в том числе информационное сопровождение и ведение документации. В результате уголовно-правовая оценка может распространяться на лиц, не входящих в непосредственное исполнительское ядро, но фактически обеспечивающих устойчивость объединения. Для квалификации принципиально важно установить не формальную связь с участниками сообщества, а осознанное включение лица в его деятельность.

Иная конструкция закреплена в статье 282.2 УК РФ. Ответственность по этой норме предполагает деятельность организации, признанной экстремистской в установленном законом порядке, то есть наличие вступившего в законную силу решения о ее запрете. В этом состоит существенное отличие экстремистской организации от экстремистского сообщества, признаки которого устанавливаются непосредственно в рамках уголовно-правовой оценки. Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает, что склонение, вербовка или иное вовлечение в деятельность экстремистской организации окончены с момента совершения соответствующих действий независимо от фактического вступления вовлекаемого лица в запрещенное объединение [5].

Статья 282.3 УК РФ предусматривает ответственность за предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования преступлений экстремистской направленности или обеспечения деятельности экстремистского сообщества либо экстремистской организации, хотя Верховный Суд Российской Федерации и относит к финансированию также предоставление материальных средств, в частности имущества, средств связи и иных ресурсов, если лицо осознает их назначение [5]. Вот почему ключевым признаком состава выступает заведомость, сам по себе факт передачи имущества или денежных средств не позволяет сделать вывод о наличии преступления без доказательств осведомленности лица о противоправной цели такой передачи [5, 6].

Касаемо экстремистского блока значение субъективной стороны также трудно переоценить, поскольку конструкции статей 282.1–282.3 УК РФ предполагают осознание лицом характера объединения, содержания выполняемых функций либо назначения передаваемых ресурсов [1, 5]. Отсюда в свою очередь следует необходимость разграничивать участие в запрещенной деятельности и внешне сходные формы поведения, которые не свидетельствуют о включенности лица в функционирование соответствующей структуры. Наличие контактов, обмен информацией или передача имущества приобретают уголовно-правовое значение лишь в совокупности с обстоятельствами, подтверждающими осознанную направленность поведения. Такой подход имеет особое значение для недопущения расширительного толкования норм об экстремистских сообществах и организациях [10].

Сопоставление уголовно-правовых средств противодействия террористической и экстремистской деятельности позволяет выявить общую для них тенденцию — установление ответственности за действия, которые создают организационные, кадровые либо материальные предпосылки функционирования соответствующих преступных структур. В обоих случаях законодатель самостоятельно криминализирует

вовлечение и финансирование, использует формальные конструкции составов преступлений, придает квалифицирующее значение использованию служебного положения и предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности при наличии определенных законом форм позитивного посткриминального поведения [4, 5]. Вместе с тем степень уголовно-правовой дифференциации указанных деяний различается. Террористический блок характеризуется более развернутой системой специальных составов и существенно более строгими санкциями, тогда как ответственность за преступления экстремистской направленности во многом обусловлена особенностями правового статуса соответствующего объединения. В частности, применение статьи 282.2 УК РФ непосредственно связано с наличием вступившего в законную силу решения о признании организации экстремистской [10].

Одной из наиболее дискуссионных проблем остается разграничение специальных составов содействия и общих норм о соучастии. Применительно к статье 205.1 УК РФ принципиальное значение имеет установление того, образуют ли действия лица самостоятельное содействие террористической деятельности либо выступают способом пособничества в совершении конкретного преступления. Особенно отчетливо эта проблема проявляется при уголовно-правовой оценке информационной, консультационной и организационной помощи. Сам по себе факт передачи сведений, консультирования или выполнения отдельных обеспечительных действий еще не предопределяет их уголовно-правовую оценку. Необходимы установление фактической направленности такого поведения, его объективной связи с террористической деятельностью, а также доказанность осознания лицом характера и назначения оказываемой помощи [6–8]. Сходная задача возникает при квалификации экстремистских преступлений: правоприменителю необходимо отграничивать участие в экстремистском сообществе или деятельности экстремистской организации от эпизодических контактов с их участниками и иных действий, не свидетельствующих о включенности лица в деятельность запрещенной структуры [9, 10].

При этом уголовно-правовые меры являются лишь одним из элементов системы противодействия экстремистской деятельности. В. В. Шанько в своих работах обращает внимание на значение взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации и общественными объединениями в данной сфере [11, с. 54–58]. Такой подход представляется особенно актуальным в современных условиях, поскольку распространение экстремистской идеологии, вовлечение новых участников и поддержание связей между ними во все большей степени перемещаются в информационную среду. Вследствие этого эффективность противодействия экстремизму не может определяться исключительно применением уголовно-правовых запретов: существенное значение приобретают профилактическая работа, информационное взаимодействие государственных органов с институтами гражданского общества и своевременное выявление факторов, способствующих радикализации.

Цифровизация одновременно усложняет решение собственно уголовно-правовых и доказательственных задач. Вербовка, координация деятельности, сбор денежных средств, передача материалов и поддержание контактов могут осуществляться посредством социальных сетей, мессенджеров и иных электронных сервисов. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации применительно к преступлениям террористической направленности учитывают возможность совершения противоправных действий посредством размещения материалов и массовой рассылки сообщений в сети «Интернет» [4]. В подобных условиях особое доказательственное значение приобретают содержание переписки, характер и адресность коммуникации, сведения о финансовых операциях, данные об использовании электронных сервисов и иные цифровые следы, позволяющие установить действительное содержание поведения лица и направленность его умысла [4, 6]. Вместе с тем использование цифровых средств коммуникации само по себе не свидетельствует о наличии состава преступления и не освобождает правоприменителя от необходимости доказывания всех его обязательных объективных и субъективных признаков.

В связи с этим дальнейшее развитие уголовного законодательства в рассматриваемой области целесообразно ориентировать прежде всего на повышение определенности действующих правовых конструкций, а не на расширение перечня уголовно наказуемых действий. В частности, сохраняется потребность в более последовательном разграничении специальных форм содействия террористической деятельности и пособничества, предусмотренного Общей частью УК РФ. Требуют дальнейшей конкретизации и критерии уголовно-правовой оценки материального, информационного и организационного обеспечения террористических и экстремистских структур с учетом использования электронных платежных инструментов и цифровых сервисов. Отдельного внимания заслуживает формирование единообразных подходов к установлению заведомости, доказыванию целевого назначения предоставляемых ресурсов и определению признаков фактического участия лица в деятельности запрещенного объединения [6]. Решение этих вопросов

способно уменьшить риск расширительного толкования уголовно-правовых норм и обеспечить большую предсказуемость квалификации.

Таким образом, уголовная ответственность за содействие террористической и экстремистской деятельности представляет собой систему взаимосвязанных специальных запретов, посредством которых законодатель стремится воздействовать не только на непосредственное совершение соответствующих преступлений, но и на деятельность по кадровому, финансовому и организационному обеспечению террористических и экстремистских структур. В системе противодействия терроризму центральное место занимает статья 205.1 УК РФ, тогда как применительно к экстремистской деятельности соответствующую функцию выполняют статьи 282.1–282.3 УК РФ. Вместе с тем результативность указанных норм определяется не только строгостью предусмотренных санкций. Не меньшее значение имеют юридическая определенность признаков состава преступления, доказанность умысла и иных субъективных признаков, а также единообразие судебного толкования. Именно такой подход позволяет реализовать превентивный потенциал уголовного закона без необоснованного расширения пределов уголовной ответственности.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 04.04.2026).

[2] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105192 (дата обращения: 04.04.2026).

[3] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (дата обращения: 04.04.2026).

[5] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 23.12.2025) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 04.04.2026).

[6] Цепелев В. Ф., Лелетова М. В. Уголовно-правовая регламентация составов «Содействие террористической деятельности» (статья 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) и «Финансирование экстремистской деятельности» (статья 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации): современное состояние и возможности совершенствования // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 4 (50).

[7] Павлухин А. Н., Рыжов Р. С., Копнин И. С. Коллизии уголовно-правового регулирования ответственности за содействие террористической деятельности (статья 205.1 УК РФ): поиск компромисса // Государственная служба и кадры. 2020. № 1.

[8] Тарбагаев А. Н., Москалев Г. Л. Пособничество террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2017. № 3.

[9] Воронин В. Н. Преступления экстремистской направленности: пути повышения качества уголовно-правовой охраны // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2016. № 4.

[10] Балеев С. А. Ответственность за организацию и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации по УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 1.

[11] Шанько, В.В. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации и общественными объединениями в сфере противодействия экстремизму / В. В. Шанько, Р. А. Атаев, А. И. Воскобоев // Юристъ-Правоведъ. – 2018. – № 4(87). – С. 54-58.

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended 20.02.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (access date: 04.04.2026).

[2] Federal Law No. 35-FZ of March 6, 2006 "On Countering Terrorism." URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105192 (access date: 04.04.2026).

[3] Federal Law No. 114-FZ of 25 July 2002 "On Countering Extremist Activities." URL: https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079221.

[4] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 9, 2012 No. 1 (ed. 03.11.2016) "On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes." URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125957/ (access date: 04.04.2026).

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11 (ed. 23.12.2025) "On judicial practice in criminal cases of extremist crimes." URL: https://www.consultant.ru/document/

cons_doc_LAW_115712/ (access date: 04.04.2026).

[6] Tsepelev V.F., Leletova M.V. Criminal law regulation of the compositions "Assistance to terrorist activities" (Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) and "Financing extremist activities" (Article 282.3 of the Criminal Code of the Russian Federation): current state and opportunities for improvement // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (50).

[7] Pavlukhin A.N., Ryzhov R.S., Kopnin I.S. Conflicts of criminal law regulation of responsibility for promoting terrorist activities (Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): finding a compromise // Civil service and personnel. 2020. № 1.

[8] Tarbagaev A. N., Moskalev G. L. Aiding terrorist activities (Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Right. 2017. № 3.

[9] Voronin V.N. Extremist crimes: ways to improve the quality of criminal law protection // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Right. 2016. № 4.

[10] Baleev S. A. Responsibility for organizing and participating in an extremist community and an extremist organization under the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 1.

[11] Shanko, V.V. Interaction of internal affairs bodies with the media and public associations in the field of countering extremism/V.V. Shanko, R. A. Ataev, A. I. Voskoboev // Lawyer-Pravoveda. – 2018. – № 4(87). - S. 54-58.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-210-212

СЕРГЕЕВ Вадим Викторович,
заместитель начальника кафедры огневой подготовки Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: sergeevvadim78@yandex.ru

ПОПОВ Антон Дмитриевич,
доцент кафедры автоматизированных информационных систем органов внутренних дел Воронежского института МВД России, кандидат технических наук, доцент, e-mail: anton.holmes@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ФАКТУ ХИЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВА НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТА И ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Аннотация. *Статья посвящена актуальной проблеме расследования преступлений, связанных с хищением имущества на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры. Автором проанализированы организационные и тактические особенности производства осмотра места происшествия, включая особенности формирования следственно-оперативной группы, организации охраны места происшествия, установления границ осмотра и применяемых тактических приемов осмотра.*

Ключевые слова: *Осмотр места происшествия, хищения, объект транспорта, транспортная инфраструктура, тактика осмотра.*

SERGEEV Vadim V.,
Deputy Head of the Department of Firearm Training at the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

POPOV Anton D.,
Associate Professor at the Department of Automated Information Systems for Internal Affairs Agencies at the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Candidate of Technical Sciences, Associate Professor

ON CERTAIN ASPECTS OF CONDUCTING A CRIME SCENE EXAMINATION REGARDING THE THEFT OF PROPERTY AT TRANSPORT FACILITIES AND TRANSPORT INFRASTRUCTURE

Annotation. *This article addresses the pressing issue of investigating crimes involving the theft of property at transport facilities and transport infrastructure. The author analyzes the organizational and tactical aspects of conducting a crime scene examination, including the formation of the investigative-operational team, the securing of the scene, the determination of the examination boundaries, and the tactical methods employed.*

Key words: *Examination of the scene of an incident or theft, transport facility, transport infrastructure, examination tactics.*

Осмотр места происшествия - неотложное следственное действие, направленное на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступника, иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и иных обстоятельствах расследуемого события [1, с. 259]. Осмотр места хищения груза, товаров, багажа осуществляется с учетом специфики транспортного объекта: его локации, размера площади, наличия охраняемых зон и зон свободного доступа, наличия камер видеонаблюдения, пропускного режима, трафика пассажиров и транспорта, а также пропускного режима и обеспечения антитеррористической безопасности.

Анализ следственной и судебной практики позволил нам выделить алгоритм действий следователя в рамках организации и проведении осмотра места происшествия по факту хищения имущества на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры. Ввиду того, что следователь или дознаватель являются руководителями СОГ, то они и определяют её состав. Целесообразно включить: сотрудников оперативного подразделения, специалиста-криминалиста экспертно-криминалистического подразделения, представителя объекта транспорта или транспортной инфраструктуры, лицо материально ответственное за похищенное имущество, представителей службы охраны объекта и транспортной безопасности, специалиста в сфере технических средств и камер видеонаблюдения, систем контроля и доступа на объект, где было

Подготовка к осмотру места происшествия (статическая стадия осмотра).

По прибытии на место происшествия, следователь (дознаватель), по возможности должен установить точное место происшествия, определить границы осмотра. Предварительно изучается объект осмотра, его назначение, система охраны, возможность свободного или ограниченного доступа. Выясняется наличие системы видеонаблюдения и сигнализации, пропускной системы, а также средств контроля. Необходимо точно установить, где находилось похищенное имущество, кто имел туда доступ, кто и где обнаружил пропажу и что изменилось в обстановке с момента обнаружения преступления.

При определении границ осмотра необходимо учитывать не только то место, где осуществлялось хранение похищенного имущества, а также возможные пути подхода и отхода преступника к месту происшествия. В некоторых случаях границы осмотра должны охватывать зоны погрузки (разгрузки), различные служебные помещения, пространства, платформы, зоны проверки и контроля багажа, вагоны, транспортные средства, грузовые отсеки и т.д.

Сущность осмотра заключается как в обозрении и изучении обстановки на месте происшествия, так и в поиске и изъятии следов, вещественных доказательств и иных объектов, имеющих значение для уголовного дела [2, с. 206].

Стадия общего осмотра места происшествия характеризуется тем, что здесь производится ориентирующая и общая фотосъемка, при необходимости видеозапись. Далее описывается общий вид места происшествия, указывается его расположение (по возможности адрес). Если нет возможности определить точный адрес осуществляется ориентирование на местности относительно близлежащих стационарных зданий (сооружений), километровых столбов, возможно указать GPS координаты. На данном этапе также описываются расположение транспортных средств, путей, входов и выходов, наличие ограждений, расположение камер видеонаблюдения, пунктов пропуска и т.д.

Рабочая стадия осмотра (динамическая) начинается с осмотра места, откуда было похищено имущество, например, вагон, купе, багажное отделение, грузовой отсек, складское помещение, платформа, служебное помещение и т.д. При этом необходимо указывать состояние дверей, замков, пломб, окон, ворот и иных запирающих устройств. Особое внимание должно уделяться поиску места проникновения преступника, так как там должны быть сконцентрированы следы преступника. Здесь действия следователя и специалиста-криминалиста должны быть направлены на обнаружение следов взлома, преодоления различных препятствий. При этом осмотру подлежат запирающие устройства (замки, защитные пломбы), двери ворота, окна, контейнерные запирающие устройства. Здесь могут быть выявлены следы орудий взлома, повреждения на запирающих устройствах, пломбах, следы отжима, давления или разрушения. В месте проникновения могут остаться фрагменты одежды, следы перемещения похищенного имущества. В ходе осмотра места происшествия необходимо осуществлять поиск следов транспортировки похищенного имущества, в этой связи осмотру подлежат такие объекты как: платформы, погрузочные зоны, подъездные пути, стоянки, дорожное покрытие и т.д. При этом должны фиксироваться следы транспортных средств, перевозных тележек, сле-

ды волочения и иные.

Осмотр средств технического контроля включает в себя: установление наличия камер видеонаблюдения, сигнализации, систем контроля доступа на объект, датчиков движения, пропусков (прокси карт), GPS трекеров. В протоколе осмотра указывается расположение камер, угол и направление её обзора, наличие неисправностей, слепые зоны и период хранения видеозаписи.

Изъятие цифровых данных. В целях их сохранения и возможного дальнейшего использования в качестве доказательств, необходимо незамедлительно принять меры к сохранению цифровых видеозаписей, данных электронных журналов пропускной системы, людей, информации о перемещении груза, данных навигационных систем. Необходимо оперативно изъять, скопировать все цифровые данные с участием специалиста с целью недопущения их уничтожения и потери. В ходе осмотра, может изыматься транспортная документация, которая может содержать в себе информацию о совершенном преступлении (хищении). Это могут быть транспортные накладные, акты приёма-передачи, путевые листы, журналы, ведомости погрузки и разгрузки, результаты ревизии или инвентаризации.

На заключительной стадии осмотра следователь (дознаватель) проверяет полноту и правильность составления протокола, перечень обнаруженных и изъятых следов преступления. Содержание протокола и схемы места происшествия доводятся до сведения всех участников осмотра, в том числе и понятым, о чём в протоколе делается соответствующая запись.

Таким образом, осмотр места происшествия по факту хищения, совершенного на объекте транспорта или транспортной инфраструктуры должен быть произведен в кратчайшие сроки с момента поступления сообщения. Следователь (дознаватель) несет персональную ответственность за качество, полноту и эффективность осмотра. Основная задача заключается в фиксации обстановки на месте происшествия, обнаружении, фиксации и изъятии следов, оставленных на месте преступником, установлении механизма хищения, обеспечения доказательственной базы процесса расследования.

Список литературы:

[1] Россинская Е. Р. Криминалистика: учебник для среднего профессионального образования / Е. Р. Россинская. - Москва : Норма : ИНФРА-М, 2021. - 464 с.

[2] Гаужаева В. А. Подготовительные действия к проведению осмотра места взрыва // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 2. С.206-209.

[3] Карагодин В. Н. Криминалистика: учебник / В.Н. Карагодин. - Москва: ИНФРА-М, 2026. - 598 с.

[4] Балашов Д. Н. Криминалистика : учебник / Д.Н. Балашов, Н.М. Балашов, С.В. Маликов. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва : ИНФРА-М, 2026. - 449 с.

References:

[1] Rossinskaya E.R. Forensics: a textbook for secondary vocational education / E.R. Rossinskaya. - Moscow: Norm: INFRA-M, 2021. - 464 s.

[2] Gauzhaeva V. A. Preparatory actions for the inspection of the explosion site // Gaps in Russian legislation. 2019. № 2. P.206-209.

[3] Karagodin V.N. Forensics: textbook V.N. Karagodin. - Moscow: INFRA-M, 2026. - 598 p.

[4] Balashov D.N. Forensics: textbook D.N. Balashov, N.M. Balashov, S.V. Malikov. - 3rd ed., Revised and add. - Moscow: INFRA-M, 2026. - 449 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-213-219

КАРАБАНОВ Ростислав Михайлович,
кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, e-mail: krm730@mail.ru

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Аннотация. *В работе рассмотрены понятие, правовое регулирование воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, а также ряд подходов ученых-исследователей к пониманию и содержанию воспитательной работы, определены основные направления, формы и методы ее реализации. Как одно из основных средств исправления осужденных, воспитательная работа предполагает комплексный подход к организации и проведению мероприятий воспитательного характера, основанный на использовании различных психолого-педагогических методов и форм воздействия с целью формирования у осужденных осознанного правопослушного поведения и успешной ресоциализации.*

Ключевые слова: *осужденный, исправление, воспитательная работа, формы, методы, психолого-педагогический подход, ресоциализация.*

KARABANOV Rostislav Mikhailovich,
candidate of technology, full professor, professor of the Department of Special Technology and Information Technologies of the Law Faculty of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia

EDUCATIONAL WORK IN THE CONTEXT OF THE PSYCHO-PEDAGOGICAL PROCESS OF CORRECTING THOSE SENTENCED TO IMPRISONMENT

Annotation. *The work considers the concept, legal regulation of educational work with convicts to imprisonment, as well as a number of approaches of researchers to understanding and content of educational work, determined the main directions, forms and methods of its implementation. As one of the main means of correcting convicts, educational work involves an integrated approach to organizing and conducting educational events, based on the use of various psychological and pedagogical methods and forms of influence in order to form conscious law-abiding behavior in convicts and successful resocialization.*

Key words: *convict, correction, educational work, forms, methods, psychological and pedagogical approach, resocialization.*

Воспитательная работа с осужденными в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее: УИС РФ) представляет собой комплексную систему педагогических мероприятий, реализуемых сотрудниками пенитенциарных учреждений в разных формах. Эффективность этих мероприятий является ключевым объектом современных научных исследований, направленных на оптимизацию пенитенциарной политики и ресоциализацию осужденных.

За последние годы государство провело значительное количество социально ориентированных мероприятий в сфере противодействия преступности, что свидетельствует о высоком уровне внимания к вопросам ресоциализации и реабилитации лиц, отбывающих наказание.

Важным направлением реформирования УИС РФ на период до 2030 года является интенсификация использования психолого-педагогических методов в воспитательной работе с осужденными [1].

Воспитательная деятельность занимает центральное место в достижении цели исправления осужденных, является одним из ключевых инструментов в этом процессе, и направлена на формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, а также к нормам, правилам и традициям межличностного взаимодействия, что способствует стимулированию правопослушного поведения.

Воспитательная работа в контексте уголовно-исполнительной системы представляет собой комплексный процесс, включающий в себя не только образовательные, но и социально-психологические аспекты, и направлена на коррекцию девиантного поведения, развитие у осужденных навыков социальной адаптации и формирование позитивной мотивации к законопослушной жизни. В рамках данной деятельности особое внимание уделяется индивидуальным особенностям каждого осужденного, что позволяет применять дифференцированный подход и максимально эффективно достигать поставленных целей.

С точки зрения психологии и педагогики, доминирующее поведение осужденных обусловлено специфическими механизмами психологической защиты, которые играют ключевую роль в формировании поведенческих паттернов и когнитивных установок. Эти механизмы, в свою очередь, оказывают значительное влияние на процесс социальной адаптации осужденных и их интеграцию в исправительные учреждения. В связи с этим важное значение имеет психолого-педагогический подход к реализации воспитательной работы с осужденными, уровень компетенции сотрудников исправительных учреждений и их практический положительный опыт в вопросах воспитания и исправления осужденных.

Таким образом, интеграция психолого-педагогических методов в воспитательную деятельность УИС РФ представляется важным шагом на пути к достижению целей исправления и ресоциализации осужденных. Данный подход позволяет не только воздействовать на внешние проявления девиантного поведения, но и работать с глубинными психологическими установками личности, что способствует более эффективному достижению поставленных задач.

В соответствии с положениями УИК РФ, воспитательная работа является неотъемлемой частью пенитенциарной системы и должна проводиться на протяжении всего срока отбывания наказания. Это обусловлено необходимостью обеспечения преемственности воспитательных воздействий и постепенного формирования у осужденных устойчивых положительных установок. Представляя собой многогранную деятельность, охватывающую широкий спектр мер, направленных на достижение целей исправления и ресоциализации осужденных, а также на предотвращение рецидивов, в рамках концепции воспитательной работы выделяются идеологические, организационно-правовые, социально-экономические, бытовые и производственно-хозяйственные мероприятия, которые интегрируются в целостную систему воздействия на личность осужденного.

В более узком и специализированном понимании воспитательная работа с осужденными представляет собой комплекс индивидуально, группово или массово проводимых мероприятий, направленных на распространение и укрепление общечеловеческих и социальных ценностей, признанных и защищаемых государством и обществом. Эти мероприятия призваны способствовать формированию у осужденных социально значимых установок, навыков и компетенций, необходимых для успешной реинтеграции в общество. Концептуальное осмысление понятия «воспитательная работа с осужденными» было осуществлено российским ученым и юристом И.Я. Фойницким. В своем фундаментальном труде «Тюрьмоведение», опубликованном в 1871 году, Фойницкий предложил развернутое определение данного феномена, рассматривая воспитательную работу как систематическое взаимодействие с заключенными, осуществляемое посредством средств и методов нравственно-религиозного воздействия. В труде «Учение о наказании в связи с тюрьмоведением» (раздел IV «Тюремное воспитание») Фойницкий отмечал, что «силою наказания достичь результата стать на путь истинный нельзя. А для этого меры тюремной деятельности должны не столько подавлять арестанта, сколько приобрести над ним духовное влияние» [2, с. 368].

В современном научном дискурсе понятие «воспитательная работа» в пенитенциарных учреждениях интерпретируется как деятельность, направленная на ресоциализацию осужденных и формирование у них социально приемлемых поведенческих паттернов. Авторы Ю.А. Реент и А.В. Жигалев в своих исследованиях отмечают, что к началу 1930-х годов сформировались два различных подхода к воспитательной работе в исправительных учреждениях. В исправительных колониях основной акцент делался на политико-воспитательной деятельности, которая рассмат-

ривалась как ключевой инструмент формирования у осужденных идеологических установок, соответствующих государственной политике. В то же время в исправительно-трудовых лагерях преобладали культурно-воспитательные мероприятия, направленные на развитие творческих и культурных способностей осужденных, что также рассматривалось как средство их социальной адаптации [3, 4].

В 1950-х годах термин «политико-воспитательная работа» стал общепринятым и утвердился как основной инструмент воздействия на осужденных. Этот подход был закреплен в нормативно-правовых актах и стал основой для формирования системы воспитательной работы в пенитенциарных учреждениях. Однако в последующие десятилетия, после распада Советского Союза и образования Российской Федерации, произошли значительные трансформации в сфере исполнения уголовных наказаний. В рамках этих изменений понятие «политико-воспитательная работа» было постепенно заменено на более нейтральное и универсальное – «воспитательная работа».

Данное изменение нашло отражение в УИК РФ, где термин «воспитательная работа» используется без официального определения. Тем не менее, несмотря на отсутствие четкой юридической трактовки, концепция воспитательной работы продолжает играть ключевую роль в пенитенциарной практике, оставаясь важным инструментом ресоциализации осужденных и их подготовки к жизни в обществе после освобождения.

В современной научной литературе, посвященной пенитенциарной педагогике, наблюдается широкий спектр подходов к определению понятия «воспитательная работа с осужденными». Этот вопрос является предметом активных дискуссий среди исследователей, что подчеркивает его значимость и актуальность для теории и практики пенитенциарной системы. , так например, автор С.А. Ветошкин, в своей фундаментальной работе «Пенитенциарная педагогика в теории и практике», определяет воспитательную работу в исправительных учреждениях как сложную систему социальных взаимодействий и воспитательных отношений [5]. В данной системе субъекты воспитательного процесса, то есть воспитатели, вступают в специфические отношения с объектами воспитания, которыми являются осужденные. Эта концепция подчеркивает структурность и иерархичность взаимодействий, происходящих в рамках пенитенциарной системы, что является ключевым аспектом для понимания сущности воспитательной работы с осужденными.

При организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы (далее: осужденные) законодательством определены направления, формы и методы, реализуемые в исправительных учреждениях [6, 7].

Воспитательная работа с осужденными к лишению свободы осуществляется по нескольким основным направлениям: нравственное, правовое, трудовое, физическое, духовное, патриотическое [7].

Нравственное воспитание обеспечивает формирование у осужденных способности регулировать свое поведение в соответствии с выработанными в обществе этическими нормами, моральными принципами и духовными ценностями [7]. Воспитательные мероприятия предусматривают разъяснение основных требований морали, обеспечивают формирование нравственных убеждений, способствуют приобщение к традиционным духовным и культурным ценностям, формируют культуру поведения и общения, а также способности самоконтроля и самодисциплины, преодоления аморальных влечений и привычек.

Правовое воспитание осужденных представляет собой комплексный процесс, направленный на формирование у них правосознания и правоповедения [7]. Оно включает в себя не только информирование о правовых нормах и санкциях, но и развитие у них внутренней мотивации к соблюдению закона. Это предполагает формирование у осужденных чувства ответственности за свои действия, осознание неизбежности последствий за их нарушение, знание прав и обязанностей, понимание необходимости соблюдения правовых норм.

В условиях исправительного учреждения правовое воспитание играет ключевую роль в формировании правовой культуры осужденных. Оно способствует развитию у них навыков правомерного поведения, что является необходимым условием для успешной ресоциализации после освобождения. Кроме того, правовое воспитание способствует снижению уровня правовой безграмотности среди осужденных, что, в свою очередь, может предотвратить совершение ими новых правонарушений в будущем. Трудовое воспитание осужденных имеет целью формирование осознанного желания, потребности и психологической готовности трудиться, уважительного отношения к труду, его результатам, развитие профессиональных способностей и укрепление трудовой дисциплины [7].

С точки зрения Л.В. Мардахаева, трудовое воспитание осужденных представляет собой сложный процесс, направленный на формирование и закрепление у них трудовых умений и навыков, а также на развитие психологической готовности к трудовой деятельности и формирование нравственного отношения к труду [8, с. 201]. Данный аспект воспитательной работы имеет первостепенное значение, поскольку трудовое воспитание способствует интеграции осужденных в

социальную среду и их дальнейшему самоопределению в обществе.

Трудовое воспитание осужденных играет ключевую роль в процессе их социальной адаптации и профессиональной ориентации. Оно позволяет им не только приобрести необходимые трудовые навыки, но и сформировать устойчивую мотивацию к профессиональной деятельности, что является важным условием их успешной ресоциализации. В результате трудового воспитания у осужденных формируется чувство самодостаточности, что способствует их интеграции в общество и снижению вероятности рецидива [9]. Таким образом, трудовое воспитание осужденных можно рассматривать как важный элемент их социальной реабилитации, который способствует формированию у них необходимых профессиональных компетенций, мотивации к труду и готовности к активной социальной жизни вне мест лишения свободы.

Физическое воспитание осужденных направлено на формирование и развитие потребностей к занятиям физической культурой и спортом, заботе о собственном физическом развитии и состоянии здоровья [7]. В процессе физического воспитания осужденные приучаются к ежедневному выполнению упражнений оздоровительной гимнастики и физической зарядки, знакомятся с физиологией человека. Мероприятия физического воспитания направлены на формирование стремления к поддержанию личного здоровья, борьбу с вредными привычками, профилактику заболеваний. Физическое воспитание представляет собой неотъемлемый компонент поддержания нормальной и активной жизнедеятельности лиц, отбывающих наказание. Значительные отклонения в данной сфере могут привести к дисгармонии между индивидом и его окружением, затруднить планирование дальнейшей жизни по окончании исполнения наказания.

Духовное воспитание осужденных обеспечивает формирование ценностного отношения к жизни, устойчивое и гармоничное становление и развитие человека [7].

Патриотическое воспитание предполагает формирование у осужденных любви и уважения к Родине, ответственного отношения к своей стране, чувства верности своему Отечеству [7].

Формы воспитательного воздействия на осужденных наиболее часто классифицируются по педагогическим объектам.

УИК РФ определяет индивидуальные, групповые и массовые формы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы (ч. 2 ст. 110 УИК РФ) [6]. Такой принцип позволяет более детально структурировать подходы к организации воспитательного процесса в условиях исправительных учреждений. В приказе Минюста России «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» формы воспитательной работы с осужденными к лишению свободы раскрываются [7].

Рассматривая три формы воспитательной работы, следует отметить, что каждая из них обладает специфическими характеристиками и применяется в зависимости от конкретных задач и условий. Законодательно определено, что вовлечение осужденного в воспитательную работу должно быть обдуманным с обязательным учетом его индивидуальных способностей и возможностей [6].

Анализ работ ученых исследователей показывает, что, по мнению большинства авторов, индивидуальная воспитательная работа – это обязательный элемент, применимый ко всем категориям осужденных и выполняемый на протяжении всего срока отбывания наказания [10, с. 123]. К этой форме воспитательной работы относят беседу, аттестацию, прием по личным вопросам и воспитательные мероприятия, проводимые с каждым осужденным [9].

Групповые формы воспитательной работы, в свою очередь, являются наиболее распространенными. Основным прикладным объектом воздействия в данном случае является отряд осужденных, выступающий как коллективная форма организации воспитательного процесса. Групповая работа, по мнению К. А. Харкевича, разделяется на общепрофилактическую и специализированную. К примеру, общепрофилактическая работа, по мнению указанного автора, раскрывается через доведение какой-либо общей информации, коллективный просмотр телепередач или фильмов, через ознакомительные беседы. В свою очередь, специализированная групповая воспитательная работа реализуется только после детального рассмотрения личности осужденного и подбора для него актуального направления деятельности, которое, с одной стороны, будет действенным для него, а с другой – в котором участвуют другие осужденные, общение с которыми не будет вредить осужденному [11, с. 193]. Особое внимание уделяется работе с группами, подготавливаемыми к освобождению, нарушителями дисциплины и лицами, содержащимися в помещениях камерного типа. Эта форма воспитательной работы предусматривает лекции, беседы, общие собрания, диспуты, викторины, конкурсы, кружковую работу [7].

Массовые формы воспитательной работы подразумевают такие мероприятия, как концерты, кинопросмотры, театральные постановки, музыкальные и литературные программы, сорев-

нования, спортивные мероприятия, информационные и культурно-художественные программы, работу библиотек и другие формы культурно-просветительской деятельности [7]. Эти мероприятия направлены на охват широкого круга осужденных, отбывающих наказание.

Исследуя труды автора М.Н. Елизовой, установлено, что массовая воспитательная работа, проводимая на территории исправительного учреждения, должна ассоциироваться с понятием «общедоступность». При этом указанный автор обращает внимание на то, что массовые воспитательные мероприятия, проводимые на территории исправительного учреждения, могут проводиться как в гласной, так и в не гласной форме. Например, турнир по футболу между отрядами осужденных – это гласная массовая форма проведения воспитательного мероприятия, где участники (осужденные) в присутствии других осужденных (зрителей) демонстрируют свои навыки в данной игре. Примером негласного массового мероприятия может послужить конкурс стихов, или рисунков, где осужденный – участник представляет только свою работу, но сам не участвует в ее презентации [12, с. 77].

По мнению автора А.В. Минаева, массовые мероприятия играют ключевую роль в решении вопросов, требующих коллективного внимания и совместных усилий [13, с. 219].

В контексте данного исследования, представляется целесообразным рассмотреть методы воспитательной работы, применяемые в исправительных учреждениях, поскольку их реализация напрямую влияет на достижение поставленных целей и успешность ресоциализации.

Методы воспитательной работы в исправительных учреждениях представляют собой сложную систему взаимосвязанных элементов, направленных на формирование у осужденных социально приемлемых норм поведения, развитие их личностных качеств и подготовку к жизни в обществе после освобождения. Их соблюдение является критически важным для обеспечения эффективности исправительного воздействия и минимизации рецидива. В контексте пенитенциарной педагогики психолого-педагогические методы играют определяющую роль в воздействии на различные категории осужденных, способствуя их ресоциализации и интеграции в общество. Воспитательная работа в исправительных учреждениях представляет собой сложную систему психолого-педагогических методов, направленных на формирование и коррекцию личностных качеств осужденных [6].

В данной системе можно выделить следующие группы методов:

1)Методы убеждения:

поучение: передача знаний и норм поведения через дидактические формы, направленные на формирование когнитивной базы для осознанного принятия социально приемлемых моделей поведения.

разъяснение: детализированное объяснение правовых и социальных аспектов поведения, способствующее повышению уровня правовой осведомленности осужденных и их пониманию последствий своих действий.

наставление: формирование морально-этических установок через авторитетное мнение, оказывающее влияние на ценностные ориентации и мировоззрение осужденных.

опровержение: критика негативных установок и моделей поведения, направленная на разрушение деструктивных стереотипов и формирование альтернативных, социально одобряемых паттернов поведения.

доказательство: логическая аргументация в пользу положительных изменений, способствующая осознанию осужденными необходимости и целесообразности адаптации к новым социальным нормам.

пример: демонстрация образцов социально приемлемого поведения, служащая наглядным ориентиром для формирования позитивных поведенческих установок.

2)Методы организации поведения:

показ: визуальная демонстрация желательных форм поведения, способствующая закреплению позитивных моделей через наблюдение и подражание.

требование: предъявление четких и понятных правил поведения, обеспечивающих структурированность и предсказуемость воспитательного процесса.

объяснение: разъяснение причин и последствий тех или иных действий, способствующее формированию осознанного отношения к правилам и нормам поведения.

поручение: делегирование ответственных задач для развития навыков, стимулирующее активное участие осужденных в процессе ресоциализации.

инструктирование: предоставление конкретных указаний по выполнению определенных действий, обеспечивающее четкость и последовательность выполнения воспитательных мероприятий.

упражнение: практическая отработка навыков и моделей поведения, направленная на закрепление теоретических знаний и формирование устойчивых поведенческих паттернов.

3)Методы торможения отрицательного поведения:

осуждение: публичное выражение негативного отношения к проступкам, служащее средством социальной санкции и коррекции отклоня-

ющегося поведения.

внушение: формирование устойчивых установок на отказ от противоправных действий, оказывающее влияние на подсознание осужденных и их поведенческие паттерны.

порицание: формальное осуждение проступка с указанием на его неприемлемость, способствующее осознанию осужденными негативных последствий своих действий.

наказание: применение дисциплинарных мер в соответствии с законодательством, обеспечивающее соблюдение порядка и дисциплины в исправительных учреждениях.

предупреждение: информирование о возможных последствиях противоправных действий, способствующее предотвращению девиантного поведения.

4)Методы стимулирования положительного поведения:

одобрение: положительное восприятие правильных поступков, способствующее формированию позитивной самооценки осужденных и их мотивации к дальнейшему развитию.

похвала: вербальное поощрение за достижения, стимулирующее активное участие осужденных в воспитательном процессе.

поощрение: материальное или нематериальное вознаграждение за положительные действия, направленное на закрепление позитивных поведенческих установок.

доверие: предоставление дополнительных прав и возможностей в рамках исправительного процесса, способствующее повышению социальной значимости осужденных и их интеграции в общество.

создание перспективы: формирование мотивации через постановку достижимых целей, обеспечивающее целенаправленность и осмысленность воспитательного воздействия.

Таким образом, воспитательную работу с осужденными к лишению свободы можно охарактеризовать как установленным образом организованный непрерывный процесс, предусматривающий обязательное их участие в определенных видах деятельности, в ходе которых у них должно возникать мотивированное желание к положительному изменению своей личности, выражаемое в практической позитивной деятельности. Это требует от всех участников организации и реализации воспитательной работы высокого уровня психолого-педагогической подготовки и личной примерности.

Являясь одним из основных средств исправления осужденных, воспитательная работа в исправительном учреждении должна характеризоваться комплексным подходом, основанным на использовании различных психолого-педагогических методов и форм воздействия, для формирования у осужденного необходимого объема социально значимых компетенций, направленных на правопослушное поведение, как во время отбывания наказания, так и в повседневной жизни после освобождения.

Список литературы:

[1] Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/ (дата обращения: 02.09.2026).

[2] Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М.: Добросвет-2000; Городец. 2000. 464 с.

[3] Реент Ю.А., Жигалев А.В. Исправительно-трудовая система Советской России в довоенный период (1921-1940 гг.) М.: РГ-Пресс. 2018 г. 190 с.

[4] Реент Ю.А., Жигалев А.В. Педагогика политико-воспитательной и культурно-массовой работы с заключенными в 20-е годы прошлого века // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 107-123.

[5] Ветошкин С.А. Пенитенциарная педагогика в теории и практике: Монография. М.: МГСУ «Союз». 2001. 240 с.

[6] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (с изменениями и дополнениями): принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. ст. 198.

[7] О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»: Приказ Министерства юстиции РФ от 29 ноября 2023 г. № 350 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант» (дата обращения: 02.09.2026).

[8] Мардахаев Л.В. Социальная педагогика: Учебник. М.: Гардарики. 2005. 269 с.

[9] Основы пенитенциарной науки / С.В. Познышев, проф. Гос.Моск. психо-неврол. ин-та, проф. Междунар. акад. наук в Тулузе. Москва : Юрид. изд-во Наркомюста. 1923. 342 с.

[10] Третьяков А.С. Инновационные подходы в организации воспитательной и реабилитационной работы с осужденными / А. С. Третьяков // Вестник молодого ученого Кузбасского института : Сборник научных статей. Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний. 2025. С. 123-125.

[11] Харкевич К.А. Воспитательная работа с осужденными как основа их ресоциализации / К. А. Харкевич // Актуальные проблемы публичного права: эволюция, современные тенденции и за-

рубежный опыт : Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 17 апреля 2025 года. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. 2025. С. 193-195.

[12] Елизова М.Н. Актуальные вопросы воспитательной работы с осужденными // Бизнес и общество. 2024. № 4(44). С. 77-83.

[13] Минаев А.В., Кечил Д.И., Чепунов О.И. Уголовно-исполнительное право (учебное пособие). Кызыл: Редакционно-издательский отдел ТувГУ. 2019. 378 С.

References:

[1] On approval of the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r // URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400639567/ (Accessed: (2.09.2026).

[2] Foinitsky I.Ya. The doctrine of punishment in connection with prison science. M.: Dobrosvet-2000; Gorodets, 2000. 464 p.

[3] Reent Yu.A., Zhigalev A.V. The forced labor system of Soviet Russia in the pre-war period (1921-1940) M.: RG-Press. 2018 190 p.

[4] Reent Yu.A., Zhigalev A.V. Pedagogy of political, educational, cultural and mass work with prisoners in the 20s of the last century // Applied legal psychology. 2010. № 2. pp. 107-123.

[5] Vetoshkin S.A. Penitentiary pedagogy in theory and practice: Monograph. M.: MGSU Soyuz. 2001. 240 p.

[6] Penal Code of the Russian Federation: [feder. Law of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended on 23.07.2025, amended on 17.12.2025): adopted by the State Duma December 18, 1996] // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2. Art. 198.

[7] On the re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of persons in respect of whom probation is applied in accordance with Federal Law No. 10-FZ of 06.02.2023 "On Probation in the Russian Federation": Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of November 29, 2023 No. 350 [Electronic Resource] // SPS "Garant" (Accessed: 02.09.2026).

[8] Mardakhaev L.V. Social pedagogy: Textbook. M.: Gardariki. 2005. 269 pp.

[9] Fundamentals of penitentiary science/ S.V. Poznyshev, prof. State Moscow. psycho-neurol. in-ta, prof. International. acad. sciences in Toulouse. Moscow: Jurid. Publishing House of the People's Commissariat. 1923. 342 p.

[10] Tretyakov A.S. Innovative approaches in organizing educational and rehabilitation work with convicts/A.S. Tretyakov // Bulletin of a young scientist of the Kuzbass Institute: Collection of scientific articles. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service. 2025. pp. 123-125.

[11] Kharkevich K.A. Educational work with convicts as the basis for their re-socialization/ K. A. Kharkevich // Actual problems of public law: evolution, modern trends and foreign experience: Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international teaching staff, graduate students and students, Simferopol, April 17, 2025. Simferopol: Crimean Federal University. IN AND. Vernadsky. 2025. pp. 193-195.

[12] Elizova M.N. Topical issues of educational work with convicts // Business and society. 2024. № 4(44). pp. 77-83.

[13] Minaev A.V., Kechil D.I., Chepunov O.I. Criminal executive law (textbook). Kyzyl: Editorial and Publishing Department of TUVSU. 2019. 378 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-220-224

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
доцент, ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: university69@mail.ru

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ ПО ЧАСТОТЕ ШАГА В СИСТЕМАХ ОХРАНЫ УЧРЕЖДЕНИЙ УИС: ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются возможности применения технологий идентификации осужденных по характеристикам походки в целях снижения прогнозируемых рисков нарушения установленного порядка отбывания наказания и обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС). Обосновывается, что анализ частоты и ритма шага, продолжительности шагового цикла, скорости передвижения, траектории движения, силуэта и иных динамических параметров ходьбы позволяет бесконтактно сопоставлять наблюдаемого человека с ранее сформированным биометрическим профилем. Технология может использоваться для своевременного выявления несоответствия между личностью лица, фактически находящегося в контролируемой зоне, и сведениями системы учета либо контроля доступа, а также для повышения достоверности данных о перемещениях осужденных в зонах, связанных с повышенным риском побега, несанкционированного доступа, конфликтного взаимодействия или нарушения режима. Показано, что частота шага не обладает достаточной индивидуализирующей способностью при изолированном использовании и должна рассматриваться только как один из компонентов многомодальной идентификационной системы, объединяющей видеоаналитику, параметры походки, контуры тела, сведения о маршрутах и данные системы контроля доступа. Особое внимание уделяется правовым ограничениям обработки динамических биометрических данных: необходимости определения цели и пределов их использования, валидации алгоритмов на профильной выборке, защиты информации, сохранения контроля со стороны должностного лица и недопустимости принятия юридически значимых решений исключительно на основании автоматизированного сопоставления биометрических признаков.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, компьютерное зрение, идентификация по походке, частота шага, биометрические персональные данные, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, система охраны, видеоаналитика, машинное обучение, контроль доступа, алгоритмическая валидация, права осужденных.*

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
candidate of Physical and Mathematical Sciences,
associate professor, Leading Researcher of the
Federal Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia

IDENTIFICATION OF CONVICTS BASED ON STEP FREQUENCY IN SECURITY SYSTEMS OF PENITENTIARY INSTITUTIONS: TECHNOLOGICAL CAPABILITIES AND LEGAL RESTRICTIONS

Annotation. *The article examines the possibilities of using gait-based identification technologies for convicts in order to reduce the projected risks of violating the established order of serving their sentence and to ensure safety in institutions of the Penal System of the Russian Federation (PS). It is substantiated that the analysis of the frequency and rhythm of steps, the duration of the step cycle, the speed of movement, the trajectory of movement, the silhouette, and other dynamic parameters of walking makes it possible to*

non-contactingly compare the observed person with a previously created biometric profile. The technology can be used to promptly identify discrepancies between the identity of a person actually present in a controlled area and the data in the accounting or access control system, as well as to improve the reliability of data on the movements of convicts in areas associated with an increased risk of escape, unauthorized access, conflict interaction, or violation of the regime. It has been shown that stride frequency does not have sufficient individualizing capacity when used in isolation and should be considered only as one component of a multimodal identification system that combines video analytics, gait parameters, body contours, route information, and data from the access control system. Special attention is paid to the legal restrictions on the processing of dynamic biometric data: the need to define the purpose and limits of its use, the validation of algorithms on a specialized sample, the protection of information, the maintenance of control by an official, and the inadmissibility of making legally significant decisions solely based on automated comparison of biometric features.

Key words: *artificial intelligence, computer vision, gait identification, stride frequency, biometric personal data, the Penal System of the Russian Federation, security system, video analytics, machine learning, access control, algorithmic validation, the rights of convicts.*

Охрана и надзор в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) традиционно опираются на физические посты, инженерно-технические средства, видеонаблюдение, пропускной режим и учет перемещений [1, С.114; 2, С.54]. Эти механизмы позволяют фиксировать уже произошедшее событие или устанавливать личность при непосредственном визуальном наблюдении. Однако в протяженных коридорах, производственных помещениях, прогулочных дворах, переходах и иных зонах учреждения сотрудник не всегда способен оперативно сопоставить наблюдаемого человека с конкретным осужденным. В этих условиях возрастает значение бесконтактных способов установления личности [3, С.64]. К ним относится распознавание по походке – направлению биометрической идентификации, использующему устойчивые особенности движения человека. В отличие от отпечатка пальца, радужной оболочки или изображения лица, походка может анализироваться на расстоянии и без обязательного взаимодействия лица с устройством [4, С.329]. Технология потенциально применима в ситуациях, когда лицо частично закрыто, находится на удалении от камеры либо движется в зоне, где использование традиционной процедуры идентификации затруднено.

Частота шага представляет собой число шагов, совершаемых человеком за единицу времени, либо характеристику периодичности шагового цикла. Она связана с индивидуальной манерой передвижения, длиной шага, скоростью, координацией движений и физиологическими параметрами. Вместе с тем частота шага является лишь одним из компонентов походки. В научных обзорах распознавание по походке обычно рассматривается как использование совокупности пространственных, временных, кинематических, инерциальных и частотных признаков, а не как идентификация по одному числовому параметру.

Для использования частоты шага в системе охраны требуется последовательная обработка видеосигнала или данных других сенсоров. На первом этапе камера либо иной датчик фиксирует перемещение человека. Затем алгоритм выделяет фигуру из фона, отслеживает ее по кадрам, оценивает траекторию движения и определяет моменты постановки ног или повторяющиеся фазы шагового цикла. На основании этих данных рассчитываются частота шага, продолжительность цикла, вариативность ритма, скорость движения и иные параметры. Видеосистема может работать в двух основных режимах: в режиме верификации (когда система сопоставляет походку лица с заранее выбранным профилем и отвечает на вопрос, соответствует ли наблюдаемый человек заявленной личности) и в режиме идентификации (когда признаки походки сравниваются с базой профилей для поиска наиболее вероятного соответствия).

В условиях деятельности учреждений УИС наиболее реалистичным является не автономный поиск личности по одной частоте шага, а сценарий риск-ориентированного сопоставления. Например, система может обнаружить, что в служебной зоне перемещается человек, чьи ростовые, силуэтные и динамические признаки не соответствуют разрешенному для этой зоны лицу. В таком случае алгоритм формирует сигнал оператору, а сотрудник проводит дополнительную проверку с использованием визуального контроля, данных пропускной системы либо иных предусмотренных процедур.

Практическая ценность частоты шага состоит в возможности фильтрации и приоритезации видеопотока. В учреждении, где камеры формируют значительный объем данных, система способна выделять нестандартные паттерны движения: ускоренное перемещение, резкое изменение ритма, длительное нахождение в запрещенной

зоне, попытку следовать за другим лицом через контролируемый проход или несоответствие динамического профиля данным учетной записи. Такое использование не означает, что частота шага сама по себе подтверждает личность; она лишь участвует в формировании сигнала о необходимости проверки.

Перспективным является объединение частоты шага с другими признаками. В качестве элементов комбинированной модели могут использоваться геометрия и силуэт тела, извлекаемые из видеопоследовательности; длина шага, ширина постановки ног, симметрия движений и фазовая структура ходьбы; скорость и траектория перемещения в контролируемой зоне; данные электронного пропуска, времени прохода и разрешенного маршрута; результаты визуальной идентификации сотрудником; при наличии законного основания – иные биометрические признаки, используемые в пределах установленной цели обработки [4, С.329; 5, С.120]. Такой подход позволяет снизить зависимость результата от одного нестабильного параметра. Частота шага может дополнить оценку, но не должна подменять собой полноценную биометрическую идентификацию.

Основной технологический риск применения рассматриваемой технологии заключается в вариативности походки. Частота шага зависит не только от относительно устойчивых физиологических характеристик человека, но и от множества внешних и ситуативных факторов. На нее влияют покрытие пола, уклон, освещенность зоны, обувь, одежда, переносимые предметы, физическая усталость, травма, заболевание, возрастные изменения, эмоциональное состояние, скорость передвижения и наличие препятствий. Исследования распознавания походки указывают на чувствительность систем к изменениям условий движения, одежды, ракурса камеры и других ковариат [6, С.3;

7, С.10]. Поэтому совпадение частоты шага с параметрами профиля не подтверждает личность с требуемой степенью достоверности. Равным образом отклонение от ранее зафиксированного ритма ходьбы не свидетельствует о подмене лица или попытке нарушения режима. Осужденный может изменить манеру передвижения по медицинским, бытовым или психологическим причинам. Лицо, намеренно имитирующее походку другого человека, также способно приблизиться к отдельным параметрам, особенно если система использует ограниченный набор признаков.

Дополнительные сложности возникают при видеонаблюдении в реальной обстановке. Камера может фиксировать человека под неудобным углом, при перекрытии фигуры другими лицами, в условиях плохого освещения либо при кратковременном фрагменте движения. Для надежного выделения циклических характеристик необходима достаточно продолжительная и качественная последовательность шагов. Обзор методов на основе инерциальных датчиков отмечает, что для практического распознавания требуется наблюдение нескольких шагов, а качество заметно зависит от стабильности условий регистрации. Поэтому использование частоты шага в УИС должно основываться на презумпции ограниченной достоверности. Алгоритм может выявить аномалию или предложить вероятностное совпадение, однако окончательный вывод о личности человека, наличии нарушения либо необходимости применения меры реагирования должен приниматься сотрудником после проверки совокупности обстоятельств.

При этом использование частоты шага для установления личности осужденного имеет особый правовой режим. Сведения о движении человека становятся биометрическими персональными данными, когда оператор обрабатывает их с целью идентификации конкретного лица с применением специальных технических средств [8, С.12; 9, С.495]. Именно целевое использование походки для установления личности определяет необходимость применения повышенных гарантий защиты. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» относит к биометрическим персональным данным сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основе которых может быть установлена его личность, если оператор использует их для идентификации. Закон предусматривает общее правило письменного согласия на обработку биометрических данных, но также устанавливает исключения [10, С.314]. Наличие такого исключения не отменяет обязанности определить конкретную цель, правовое основание, объем обработки и меры защиты данных.

Для УИС это означает, что применение технологии не может быть обосновано лишь общей ссылкой на задачу обеспечения безопасности. Требуется нормативно определить как минимум, какие именно параметры походки собираются и каким образом они преобразуются в биометрический шаблон; в каких зонах учреждения и для каких задач допускается видеосбор и алгоритмический анализ; какие должностные лица имеют доступ к исходной видеозаписи, шаблону походки и результатам сопоставления; каковы сроки хранения, основания удаления и порядок актуализации биометрического профиля; как обеспечиваются журналирование доступа, защита от несанкционированного копирования и передача данных; в каких случаях алгоритмический сигнал требует обязательной проверки человеком; как лицо может получить сведения о неблагоприятном выво-

де и обжаловать последствия его использования.

Особое ограничение связано с автоматизированным принятием юридически значимых решений. Если результат сопоставления по походке непосредственно приводит к постановке на профилактический учет, применению дисциплинарного взыскания, ограничению перемещений, отказу в доступе к разрешенной зоне либо иной неблагоприятной мере, то система фактически влияет на правовой статус осужденного. В такой ситуации недопустимо превращать вероятностный вывод алгоритма в единственное и достаточное доказательство.

Надлежащая модель предполагает разделение автоматизированного анализа и управленческого решения. Система вправе сформировать технический сигнал (например, о несоответствии наблюдаемого динамического профиля профилю лица, прошедшего через контрольную точку). Но этот сигнал должен иметь ориентирующий статус. Он требует проверки оператором, сопоставления с видеозаписью, данными пропускного режима, сведениями о состоянии здоровья, объяснениями лица и иными фактическими обстоятельствами. Только после такой проверки уполномоченное должностное лицо может принять решение, предусмотренное законом. Дополнительно необходима оценка пропорциональности обработки. Непрерывное создание индивидуальных профилей походки всех осужденных во всех пространствах учреждения может оказаться избыточным по отношению к цели охраны. Более обоснованным является применение технологии в зонах повышенного режима: на контрольно-пропускных пунктах, в коридорах служебного доступа, у периметра, в местах пересечения маршрутов, в технических помещениях и иных участках, где требуется подтвердить соответствие лица разрешенному маршруту. При этом следует минимизировать сбор данных, не связанных с задачей идентификации и предотвращения конкретных угроз.

Внедрение идентификации по частоте шага в системе охраны УИС целесообразно осуществлять поэтапно. На первом, исследовательском, этапе следует использовать обезличенные или надлежащим образом защищенные архивные записи для проверки возможности выделения параметров ходьбы в конкретной инфраструктуре учреждения. Целью здесь является не принятие решений в отношении лиц, а оценка качества алгоритма в реальных условиях: при разной освещенности, одежде, скорости движения и ракурсах камер.

На этапе пилотного внедрения допустимо применять систему как инструмент технического оповещения оператора. Алгоритм может фиксировать несоответствие динамических признаков профилю, обнаруживать нестандартный маршрут или отмечать аномальную активность в контролируемой зоне. Результат не должен автоматически ограничивать права лица.

На эксплуатационном этапе технология может использоваться только как составная часть многомодальной системы охраны. Частота шага должна объединяться с данными видеонаблюдения, контроля доступа и профессиональной оценкой сотрудника. Для каждой модели необходимы регулярная валидация, документирование ошибок, контроль ложноположительных и ложноотрицательных результатов, а также независимый аудит условий эксплуатации.

Нормативная регламентация должна закрепить запрет на применение частоты шага как единственного идентификатора или самостоятельного основания для дисциплинарной, профилактической либо иной ограничительной меры. Также необходимо установить порядок информирования о применяемой технологии в пределах, совместимых с требованиями безопасности, процедуры внутреннего контроля, правила рассмотрения жалоб и ответственность за неправомерную обработку биометрических данных.

Частота шага может быть полезным динамическим параметром для повышения эффективности охраны учреждений УИС, прежде всего при автоматизированном анализе видеопотока и выявлении ситуаций, требующих внимания оператора. Однако эта характеристика не обладает достаточной устойчивостью и индивидуализирующей силой, чтобы выступать самостоятельным средством достоверной идентификации осужденного. Ее применение допустимо лишь в составе комплексной системы, сочетающей несколько источников информации и сохраняющей решающую роль человека. Правовая допустимость технологии зависит от четко определенной цели обработки, соблюдения режима биометрических персональных данных, минимизации объема наблюдения, надежной защиты информации, предварительной валидации алгоритмов и недопущения автоматического принятия решений, ухудшающих правовое положение осужденного. Такой подход позволяет совместить интересы безопасности учреждения с требованиями законности, соразмерности и защиты прав человека.

Список литературы:

[1] Денисенко О. И., Жаров И. С., Кадралеева Ж. А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113-119.

[2] Царькова Е.Г. Учебная аналитика в дистанционном обучении: особенности применения и перспективы развития // Прикладная психоло-

гия и педагогика. 2022, Т. 7, № 3. С. 54-66.

[3] Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, № 4 (65). С. 62-66.

[4] Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329-331.

[5] Курдюкова Е.А., Романченко М.Д. Искусственный интеллект в деятельности уголовно-исполнительной системы // Современное право. 2023. № 10. С. 119–121.

[6] Андреева Е.А., Беляев А.К., Еремин Ю.М., Царькова Е.Г. Методы биометрической идентификации на основе применения нейросетевых технологий // Информационные технологии в УИС. 2019. № 3. С. 2-10.

[7] Чураков Д.Ю., Царькова Е.Г., Беляев А.К. Точный расчет: возможности автоматизации при проведении оценки эффективности системы безопасности охраняемых объектов УИС // Информационные технологии в УИС. 2020. № 2. С. 10-21.

[8] Талапина Э.В. Прозрачность алгоритмов искусственного интеллекта // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 3. С. 4–27.

[9] Зорина Н.С., Царькова Е.Г. Особенности психологической коррекции личности несовершеннолетних осужденных // Евразийский юридический журнал. 2024. № 11(198). С. 494-495.

[10] Зорина Н.С., Царькова Е.Г. Правонарушения в сети Интернет: классификация, возникающие риски и меры предотвращения // Евразийский юридический журнал. 2024. № 6(193). С. 313-314.

References:

[1] Denisenko O. I., Zharov I. S., Kadraleeva Zh. A. Use of personal identification systems to ensure security at secure facilities of the penitentiary system // Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024, № 4. S. 113-119.

[2] Tsarkova E.G. Educational analytics in distance learning: features of application and development prospects // Applied psychology and pedagogy. 2022, VOL. 7, NO. 3. S. 54-66.

[3] Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the system of supervision of pre-trial detention centers of the penitentiary system of the Russian Federation // Bulletin of the Samara Law Institute. 2025, № 4 (65). S. 62-66.

[4] Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system // Law and the state: theory and practice. 2024, № 10. S. 329-331.

[5] Kurdyukova E.A., Romanchenko M.D. Artificial intelligence in the activities of the penitentiary system // Modern law. 2023. № 10. S. 119-121.

[6] Andreeva E.A., Belyaev A.K., Eremin Yu.M., Tsarkova E.G. Methods of biometric identification based on the use of neural network technologies // Information technologies in UIS. 2019. № 3. S. 2-10.

[7] Churakov D.Yu., Tsarkova E.G., Belyaev A.K. Accurate calculation: possibilities of automation when assessing the effectiveness of the security system of protected objects of the penal system // Information technologies in the penal system. 2020. № 2. S. 10-21.

[8] Talapina E.V. Transparency of artificial intelligence algorithms // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. T. 18. № 3. S. 4-27.

[9] Zorina N.S., Tsarkova E.G. Features of psychological correction of the personality of juvenile convicts // Eurasian Law Journal. 2024. № 11(198). S. 494-495.

[10] Zorina N.S., Tsarkova E.G. Offenses on the Internet: classification, emerging risks and preventive measures // Eurasian Legal Journal. 2024. № 6(193). S. 313-314.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-225-230

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ОСУЖДЕННЫМИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Авторами статьи рассматриваются теоретико-методологические и прикладные аспекты индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними осужденными в контексте современных преобразований уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена устойчивой корреляцией между преступностью несовершеннолетних и последующей преступностью в более взрослом возрасте, а также высокими показателями рецидива среди исследуемой группы. Эмпирические данные свидетельствуют, что каждый четвертый несовершеннолетний, освободившийся из мест лишения свободы, вновь совершает преступление. При этом до 60% рецидивных преступлений приходится на первые три года после освобождения. Отдельное внимание обращается на качественно новые криминологические угрозы, связанные с ростом преступлений молодежи, совершаемых с использованием цифровых технологий.*

В методологическом плане исследование опирается на научные труды известных ученых в сфере общественных наук, обосновывающих необходимость интеграции педагогических, психологических и правовых подходов в организации воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными. Особую ценность для исследования представляют суждения современных ученых о значимости духовно-нравственного воспитания, развития правой культуры, профессиональной компетентности сотрудников УИС и применении современных психолого-педагогических технологий в исправительном процессе. На основе анализа существующей педагогической практики взаимодействия с осужденными молодого возраста выявлены организационно-методические недостатки профилактических мероприятий в условиях исправительного учреждения.

В статье обосновывается необходимость создания непрерывной модели ресоциализации, отмечается важность постпенитенциарного сопровождения. Единая информационная платформа межведомственного взаимодействия выступает базовой основой предлагаемой модели. Информационные технологии рассматриваются не как альтернатива традиционным методам воспитательного воздействия, а как средство усиления личностно ориентированного подхода, расширения доступа к образовательным ресурсам и повышения оперативности контроля за выполнением профилактических мероприятий с лицами молодого возраста. Авторами также предлагается внедрение цифровых инструментов психологической диагностики и коррекции поведения несовершеннолетних осужденных.

В заключении авторами сделан обоснованный вывод о том, что интеграция классических методов пенитенциарной педагогики с современными цифровыми инструментами позволит ускорить процесс трансформации УИС, создаст необходимые условия для устойчивого снижения рецидивной преступности среди молодежи.

Ключевые слова: *несовершеннолетние осужденные, молодежь, индивидуальная профилактическая работа, рецидивная преступность, цифровая трансформация, пенитенциарная педагогика, ресоциализация, уголовно-исполнительная система.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

FEATURES OF INDIVIDUAL PREVENTIVE WORK WITH JUVENILE CONVICTS IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

Annotation. *The authors of the article examine the theoretical, methodological and applied aspects of individual preventive work with juvenile convicts in the context of modern transformations of the penal enforcement system of the Russian Federation. The relevance of the study is due to the stable correlation between juvenile delinquency and subsequent crime in adulthood, as well as high recidivism rates among the studied group. Empirical evidence indicates that every fourth juvenile released from prison commits a crime again. At the same time, up to 60% of recidivist crimes occur within the first three years after release. Particular attention is paid to qualitatively new criminological threats associated with the growth of youth crimes committed using digital technologies.*

Methodologically, the research is based on the scientific works of renowned scholars in the field of social sciences, substantiating the need for integration of pedagogical, psychological and legal approaches in the organization of educational work with juvenile convicts. Of particular value for the study are the judgments of modern scientists on the significance of spiritual and moral education, the development of legal culture, professional competence of penal enforcement system staff and the application of modern psychological and pedagogical technologies in the correctional process. Based on the analysis of existing pedagogical practice of interaction with young convicts, organizational and methodological shortcomings of preventive measures in correctional institutions have been identified.

The article substantiates the need to create a continuous model of resocialization, emphasizing the importance of post-penitentiary support. A unified information platform for interdepartmental interaction serves as the basic foundation of the proposed model. Information technologies are considered not as an alternative to traditional methods of educational influence, but as a means of strengthening the person-oriented approach, expanding access to educational resources and increasing the efficiency of control over the implementation of preventive measures with young persons. The authors also propose the introduction of digital tools for psychological diagnostics and behavior correction of juvenile convicts.

In conclusion, the authors make a substantiated conclusion that the integration of classical methods of penitentiary pedagogy with modern digital tools will accelerate the process of transformation of the penal enforcement system and create the necessary conditions for a sustainable reduction of recidivism among young people.

Key words: *juvenile convicts, youth, individual preventive work, recidivism, digital transformation, penitentiary pedagogy, resocialization, penal enforcement system.*

Введение. В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации и внедрения новых подходов к исполнению наказаний особую актуальность приобретает проблема эффективности профилактической работы с несовершеннолетними осужденными. Высокие показатели рецидивной преступности среди лиц, отбывавших наказание в несовершеннолетнем возрасте, свидетельствуют о недостаточной результативности существующих механизмов исправительного воздействия. В этой связи требуется переосмысление теоретических основ и организационно-методических подходов к индивидуальной профилактической работе, учитывающих как возрастные и психолого-педагогические особенности данной категории, так и современные вызовы, связанные с цифровизацией общественных отношений.

Методы и принципы исследования. В работе использован комплекс общенаучных и специальных методов познания, включая диалектический, системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-юридический, статистический анализ, а также методы социологического исследования и психолого-педагогического наблюдения. Исследование базируется на принципах объективности, системности, комплексности, историзма и взаимосвязи теории с практикой, что позволило всесторонне изучить проблему индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними осужденными и выработать научно обоснованные рекомендации по ее совершенствованию.

Основные результаты. Высокая криминологическая значимость рецидивной преступности несовершеннолетних обусловлена доказанной преемственностью противоправного поведения. Большинство взрослых преступников начинали свой криминальный путь именно в подростковом возрасте. По данным МВД РФ, за 2025 г. выявлено 595 тыс. лиц, совершивших преступления, из них на несовершеннолетних приходится свыше 22 тыс. [1]. В составе группы совершается практически половина преступлений. Это свидетельствует о высокой степени криминальной зараженности подростковой среды и подтверждает необходимость усиления профилактической работы с данной категорией.

В настоящее время наиболее тревожным фактором является высокая интенсивность рецидивизма молодыми лицами в первые годы после освобождения. На первые три года после освобождения приходится приблизительно 60% рецидивных преступлений, совершаемых лицами молодежной группы, первые пять лет – 75%, первые десять лет – 90% от числа всех рецидивных преступлений лицами, освободившихся из мест лишения свободы. Указанная закономерность актуализирует необходимость организации эффективного постинтернатного сопровождения несовершеннолетних, освобождающихся из воспитательных колоний, и разработки механизмов непрерывного профилактического воздействия.

В 2025 году общая подростковая преступность в России выросла на 10,1% – с 26,4 тыс. до 29 тыс. преступлений. Количество тяжких и особо тяжких правонарушений среди подростков увеличилось на 21% (практически 12,7 тыс. преступлений). Качественно новой криминологической угрозой выступает рост преступлений несовершеннолетних, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Доля таких преступлений в прошлом году составила практически треть (30,4%), а их рост составил 14,1% (до 8,8 тыс.). Особенно заметен рост в имущественных преступлениях с использованием цифровых технологий (+30,2%), незаконного оборота наркотических средств (+11,2%) [2]. Данное обстоятельство требует не только совершенствования уголовно-правовых мер реагирования, но и модернизации программ профилактической работы в части цифровой гигиены и правового просвещения осужденных в сфере информационной безопасности.

К числу факторов, детерминирующих рецидивное поведение несовершеннолетних, можно отнести следующие: 1) незанятость в свободное от учебы время, 2) стремление к легкому заработку, 3) незнание правовых последствий противоправного поведения, 4) действие под руководством взрослых злоумышленников. Наиболее значимой причиной совершения преступлений является недостаток воспитания несовершеннолетних [3, с. 67]. Криминогенная ситуация в сфере преступности несовершеннолетних детерминирована комплексом социальных, психологических и педагогических факторов, среди которых особое место занимает деформация духовно-нравственных ценностей подростков [4, с. 143]. Указанные обстоятельства актуализируют необходимость совершенствования воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными как на этапе отбывания наказания, так и в период постпенитенциарного сопровождения.

Методология воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными в пенитенциарной системе представляет собой многоуровневую структуру, включающую философский, общенаучный, конкретно-научный и технологический уровни. В основе методологии лежат системное изложение ведущих идей и принципов пенитенциарной воспитательной деятельности, а также знание о воспитании несовершеннолетних осужденных, их статусе, развитии и категориальном аппарате. Воспитательная работа в условиях исправительных учреждений представляет

комплекс взаимосвязанных элементов (от реализации целей и задач до организации управления процессом). В условиях воспитательной колонии (ВК) наблюдается трансформация потребительской позиции в созидательную, рост самостоятельности и готовности к решению жизненных задач, стремление к самореализации в различных видах деятельности, транслирование вновь присвоенных смыслов и ценностей несовершеннолетними [5, с. 354]. Это позволяет рассматривать воспитательную работу в ВК как механизм коррекции образа жизни осужденных молодого возраста.

Отметим, что воспитательная работа в современных условиях реализации национальной уголовно-исполнительной политики выступает важнейшим средством исправления осужденных, базируется не только на правовых и организационных механизмах, но и на познаниях в сфере пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики [3, с. 68-71; 6, с. 259]. Основная цель воспитательной работы – исправление осужденного, формирование у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам и правилам человеческого общежития, а также подготовка к самостоятельной законопослушной жизни после освобождения.

Классические направления воспитательной работы включают нравственное, правовое, трудовое, физическое, духовное и патриотическое воспитание. Современные ученые отмечают ценность традиционных духовно-нравственных ценностей в системе воспитательной работы с осужденными, так как они являются базовым условием формирования устойчивой положительной мотивации к правопослушному поведению. Указанные направления реализуются в трех формах: индивидуальной (беседы, психокоррекционные занятия, приемы по личным вопросам), групповой (лекции, диспуты, викторины, конкурсы, кружковая работа) и массовой (культурно-массовые и спортивные мероприятия, кинопросмотры, тематические вечера).

Индивидуальная профилактическая работа, являющаяся ядром воспитательного процесса, признается наиболее эффективной для несовершеннолетних, поскольку каждый подросток обладает уникальным жизненным опытом, уровнем социальной дезадаптации и криминогенной мотивацией. Отсутствие преемственности в организации педагогической поддержки на разных этапах выступает существенным препятствием для исправления несовершеннолетних осужденных и требует разработки действенных ресоциализационных стратегий. Коммуникативные навыки сотрудников, осуществляющих индивидуальную профилактическую работу с несовершеннолетними осужденными, являются критически значимым фактором эффективности воспитательного воздействия [7, с. 418]. В работах по юридической психологии подчеркивается важность именно психологической компетентности сотрудника УИС, его способность к эмпатии и профессиональной рефлексии. В противном случае установить доверительный контакт с несовершеннолетним осужденным будет затруднительно [8, с. 256].

Основные методы индивидуальной работы включают изучение личности (анкетирование, беседы, анализ материалов дела), составление индивидуального плана воспитательной работы с учетом срока отбывания наказания, поведения, отношения к учебе и труду, семейных связей и жизненных планов. Беседы с несовершеннолетними осужденными проводятся регулярно, оказывается необходимая психологическая помощь (диагностика, консультирование, коррекция, формирование мотивации к исправлению, используются различные психологические методики. Персоналом УИС оказывается содействие в восстановлении социальных связей молодых людей с семьей и положительно влияющими лицами. Особое внимание уделяется профилактике повторных преступлений. Выявляются факторы, способствующие совершению правонарушений (влияние криминальной среды, употребление ПАВ, отсутствие занятости), и разрабатываются меры по их нейтрализации. Важной составляющей является социальное сопровождение, заключающееся в получении образования и профессии, содействие в трудовом и бытовом устройстве после освобождения, взаимодействие с органами опеки, комиссиями по делам несовершеннолетних, службами занятости. Для несовершеннолетних, отбывающих наказание без изоляции от общества, эти задачи решаются уголовно-исполнительными инспекциями совместно с субъектами системы профилактики [9, с. 352].

Развитие информационных технологий открывает новые возможности для повышения эффективности индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними осужденными [10, с. 25]. Концепция развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года определяет цифровизацию как одно из главных направлений развития УИС. В июне 2025 г. утверждена Концепция развития информационных технологий в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, определившая цели, задачи и направления цифровой трансформации УИС.

Сегодня сотрудники различных служб и подразделений исправительных учреждений могут реализовывать в своей деятельности цифровые и информационные технологии. При этом уровень их профессиональных компетенций в данном направлении должен быть достаточно высоким. По мнению авторов, наиболее значимыми направле-

ниями внедрения информационно-компьютерных технологий в воспитательный процесс являются системы видеосвязи, позволяющие расширить возможности общения осужденных с родственниками, образовательные платформы, дистанционное обучение, цифровые инструменты психологической коррекции, платформы для трудоустройства. Формирование цифровой культуры персонала УИС предполагает необходимость разработки методологической и технологической базы, обеспечивающей развитие профессиональных компетенций сотрудников.

Анализ существующей практики педагогической поддержки несовершеннолетних осужденных выявляет организационно-методические и теоретические дефициты в цепочке профилактико-регламентирующих мероприятий. Причинами, затрудняющими установление контакта с несовершеннолетними, являются отсутствие необходимых знаний и навыков, личностные особенности сотрудников [11, с. 165].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где авторы выступали с докладами на:

круглом столе «Нравственные императивы: матрица ценностей» в рамках Первого Белгородского юридического форума, состоявшемся в Белгородском государственном национальном исследовательском университете 12 сентября 2024 г. с докладом на тему: «Социокультурные ценности и правовые представления, взгляды молодежи в современных условиях трансформации общества»;

серии научно-представительских мероприятий Московском областном филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в 2025 году с докладом на тему «Правосознание и возможные формы его деформации в условиях развития информационного пространства»;

межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся в Псковском филиале Университета ФСИН России 17-18 апреля 2025 г. с докладами на темы: «Воспитательная работа с осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ», «Информационные технологии в профилактике повторных преступлений среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества».

Заключение. Выявленные недостатки индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними осужденными могут быть компенсированы посредством внедрения непрерывной модели ресоциализации, предусматривающей преемственность воспитательных воздействий на всех этапах – от поступления в учреждение до окончания постпенитенциарного сопровождения. Постпенитенциарное сопровождение должно включать не только контрольные функции, но и активное содействие в решении вопросов трудоустройства, продолжения образования, восстановления жилищных прав и социальных связей с семьей. Эффективность ресоциализации несовершеннолетних напрямую зависит от непрерывности воспитательного воздействия, интеграции усилий учреждений УИС, органов социальной защиты и институтов гражданского общества, что позволит сформировать у освободившегося лица устойчивую мотивацию к правопослушному поведению и минимизировать риски рецидива.

В качестве одного из направлений совершенствования правового регулирования предлагается дополнить УИК РФ главой 17.1 «Пенитенциарная пробация в отношении несовершеннолетних осужденных». Для всестороннего развития предлагаемых изменений представляется целесообразным дополнить Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» положениями, конкретизирующими особенности применения пробации в отношении несовершеннолетних, учитывающими их возрастные, психологические и социальные характеристики. Также авторы считают целесообразным расширить приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 положениями о разработке индивидуальной программы ресоциализации для несовершеннолетних с обязательным участием законного представителя.

Список литературы:

[1] МВД: Лидером по числу преступлений среди подростков стала Свердловская область / Интернет-портал «Российской газеты». URL: https://rg.ru/2026/01/29/mvd-liderom-po-chislu-prestuplenij-sredi-podrostkov-stala-sverdlovskaia-oblast.html?ysclid=mtt3o4yzqn116714025 (дата обращения: 08.09.2026).

[2] МВД: почти треть преступлений подростков совершены с применением IT-технологий // Информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/28085707 (дата обращения: 08.09.2026).

[3] Вилкова А.В., Лукашенко Д.В. Социально-педагогическая характеристика несовершеннолетних осужденных // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: научно-практическое ежеквартальное издание. Выпуск 1. Москва: ФКУ Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2026. С. 66-71.

[4] Деструктивное воздействие на несовершеннолетних: теория и практика противодействия / С.М. Воробьев, С.В. Пестов, А.М. Бычкова и др.: ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2023. 179 с.

[5] Ковалев О.Г. Правовые и психолого-педа-

гогические вопросы исполнения наказаний без изоляции от общества в отношении несовершеннолетних осужденных // Образование и право. 2024. № 9. С. 352-356.

[6] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Влияние цифровых технологий на противоправное поведение осужденных молодежного возраста // Российский научный вестник. 2025. № 4. С. 255-261.

[7] Ганишина И.С., Воробьев С.М., Огородников В.И. Личностные особенности несовершеннолетних осужденных и возможности их учета в системе пенитенциарной пробации // Виктимология. 2024. Т. 11. № 3. С. 416-424.

[8] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Влияние цифровых технологий на противоправное поведение осужденных молодежного возраста // Российский научный вестник. 2025. № 4. С. 255-261.

[9] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Использование современных информационных и цифровых технологий для предупреждения повторных преступлений осужденных молодежного возраста, отбывающих наказания без изоляции от общества // Международный научный вестник. 2025. № 5. С. 348-354.

[10] Ковалев О.Г., Вилкова А.В., Швырев Б.А. Методология формирования знаний об информационной и компьютерной безопасности учреждений УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 4. С. 25-27.

[11] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

References:

[1] Ministry of Internal Affairs: Sverdlovsk Region Became the Leader in the Number of Crimes Among Adolescents / Internet portal "Rossiyskaya Gazeta". URL: https://rg.ru/2026/01/29/mvd-liderom-po-chislu-prestuplenij-sredi-podrostkov-stala-sverdlovskaia-oblast.html?ysclid=mtt3o4yzqn116714025 (accessed: 08.09.2026).

[2] Ministry of Internal Affairs: Nearly a Third of Adolescent Crimes Committed Using IT Technologies // Information Agency TASS. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/28085707 (accessed: 08.09.2026).

[3] Milkova A.V., Lukashenko D.V. Social and Pedagogical Characteristics of Juvenile Convicts // Scientific Proceedings of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia: Scientific and Practical Quarterly Journal. Issue 1. Moscow: Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2026. Pp. 66-71.

[4] Destructive Impact on Minors: Theory and Practice of Counteraction / S.M. Vorobyev, S.V. Pestov, A.M. Bychkova et al.: LLC "Scientific Publishing Center Infra-M", 2023. 179 p.

[5] Kovalev O.G. Legal and Psychological-Pedagogical Issues of Execution of Sentences Without Isolation from Society in Relation to Juvenile Convicts // Education and Law. 2024. No. 9. Pp. 352-356.

[6] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The Influence of Digital Technologies on Unlawful Behavior of Young Adult Convicts // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 4. Pp. 255-261.

[7] Ganishina I.S., Vorobyev S.M., Ogorodnikov V.I. Personal Characteristics of Juvenile Convicts and the Possibilities of Their Consideration in the System of Penitentiary Probation // Victimology. 2024. Vol. 11. No. 3. Pp. 416-424.

[8] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The Influence of Digital Technologies on Unlawful Behavior of Young Adult Convicts // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 4. Pp. 255-261.

[9] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The Use of Modern Information and Digital Technologies for the Prevention of Repeated Offenses by Young Adult Convicts Serving Sentences Without Isolation from Society // International Scientific Bulletin. 2025. No. 5. Pp. 348-354.

[10] Kovalev O.G., Milkova A.V., Shvyrev B.A. Methodology for the Formation of Knowledge on Information and Computer Security of Penal Enforcement System Institutions // Penal Enforcement System: Law, Economics, Management. 2022. No. 4. Pp. 25-27.

[11] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of Organizing Educational Work in Correctional Institutions in the Process of Preventing Unlawful Behavior of Convicts // Prospects of Science. 2024. No. 3 (174). Pp. 160-167.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-231-233
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.

ЛУКАШЕНКО Дмитрий Владимирович,
доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России г. Москва, Российская Федерации, IDorcid.org // 0000-0002-0045-6062, e-mail: dim-mail-ru@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОНЯТИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КЛИМАТА ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются основные теоретические подходы к исследованию социально-психологического климата исправительных учреждений. Социально-психологический климат – это результат совместной деятельности людей, их межличностного взаимодействия. Он проявляется в таких групповых эффектах, как настроение и мнение коллектива, индивидуальное сочувствие и оценки условий жизни и работы личности в коллективе.*

Ключевые слова: *социально-психологический климат, подход, межличностное взаимодействие, исправительное учреждение, руководитель, личность.*

LUKASHENKO Dmitry Vladimirovich,
Doctor of Psychology, Professor, Chief Researcher, PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

THEORETICAL IDEAS ABOUT THE CONCEPT OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLIMATE OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Annotation. *The article examines the main theoretical approaches to the study of the socio-psychological climate of correctional institutions. The socio-psychological climate is the result of the joint activity of people, their interpersonal interaction. It manifests itself in such group effects as the mood and opinion of the team, individual sympathy and assessments of the living and working conditions of the individual in the team.*

Key words: *socio-psychological climate, approach, interpersonal interaction, correctional institution, leader, personality.*

Теоретические представления о понятии социально-психологического климата развивались по мере того, как развивалась наука управления, психология управления и социальная психология, появлялись новые средства связи и обработки информации, методы управления персоналом. В современных психологических словарях под термином социально-психологический климат понимается как качественная сторона межличностных отношений, проявляющаяся в виде совокупности психологических условий, способствующих или препятствующих совместной продуктивной деятельности и всестороннему развитию личности в группе [1; 2].

Социально-психологический климат – это результат совместной деятельности людей, их межличностного взаимодействия. Он проявляется в таких групповых эффектах, как настроение и мнение коллектива, индивидуальное сочувствие и оценки условий жизни и работы личности в коллективе. Эти эффекты выражаются в конечном итоге во взаимоотношениях, связанных с процессом труда и решением общих задач коллектива [3].

Сложившиеся в коллективе сотрудников ИУ отношения, выступая в качестве объекта условий труда взаимодействия и общения, требуют от человека не любого, а вполне определенного стиля поведения и оказывают активное влияние на формирование черт его характера. В процессе

общения каждый сотрудник ИУ, оценивая другого, начинает относиться к нему с позиции этих оценок, независимо от того, адекватны они или нет. Сотрудник же, испытывая на себе влияние оценок его многими людьми, стремиться обрести и сохранить определенное равновесие во взаимоотношениях с окружающими. Поэтому он, как правило, ведет себя в соответствии с тем, что от него ожидают и что ему «подсказывают» своим отношением к нему, оценками другие люди. Однако внутренне сотрудник ИУ может принять или не принять ту модель поведения, которую предлагают ему окружающие [4; 5].

Сотрудник ИУ реагирует на отношение окружающих к нему. И отсюда складывается специфическая форма его поведения, которая закрепляется в виде черт характера. Вот эти характерологические свойства личности в той или иной мере зависят от сложившихся в первичных коллективах взаимоотношений [6].

В результате, при положительном их развитии, как правило, повышается производительность труда, снижается текучесть рабочей силы, уменьшается острота конфликтов, повышается эффективность руководства людьми, улучшается общее психологическое самочувствие членов коллектива. Взаимоотношения оказывают разностороннее воздействие на членов коллектива, приводя индивидуальные формы их поведения и деятельности в соответствии с принятыми в коллективе нормативами. Этот процесс предполагает знание членами коллектива друг друга, их общественно-трудовой и индивидуально-личностной взаимосвязей. Эти знания включают в процессы регуляции межличностных отношений в коллективе.

К социально-психологическим свойствам личности, оказывающим положительное влияние на формирование климата, можно отнести принципиальность (единство слова и дела), определяющую последовательность поведения в соответствии с нравственными установками общества; ответственное отношение к делу, к людям, заботу об их благополучии; дисциплинированность в труде и общественной деятельности; активность в межличностных и межгрупповых отношениях; общительность, или легкость установления контактов с другими людьми и коллективом в целом, доброту, отзывчивость в сочетании с высокой культурой поведения, тактичность в обращении с людьми [7].

Свойства, оказывающие отрицательное влияние на социально-психологический климат коллективах ИУ.

Бездейственность.

Непоследовательность в поведении.

Эгоизм, проявляющийся в корыстолюбии.

Бестактность в обращении (грубость, оскорбительный тон).

Карьеризм и зазнайство.

Неуважение интересов и достоинств других людей и т.д.

Наиболее важными факторами, определяющими уровень психологического климата коллектива, являются стиль и методы руководителя ИУ. Руководитель осуществляет административные функции, от него в той или иной степени зависит подбор кадров, поощрение или наказание членов коллективов, продвижение их по службе.

Морально-волевые качества руководителя, в первую очередь, доброжелательное отношение к каждому, умение понять сотрудника, учесть обстоятельства его жизни, личные возможности и индивидуальные способности.

Благодаря духовному богатству и моральной чистоте руководитель завоевывает огромный авторитет, который оказывает действенное влияние на поведение и деятельности каждого члена коллектива. При таком руководителе устанавливается стабильный положительный климат, так как созданы оптимальные условия для работы и взаимоотношения по горизонтали и по вертикале.

Руководители ИУ, которые не обладают организаторскими способностями, высокими моральными качествами и профессиональными знаниями, как правило, отрицательно влияют на социально-психологический климат, что понижает жизненный тонус и продуктивность деятельности всего коллектива и каждого работника.

Для руководителя ИУ важны, как никогда, деловитость, способность видеть перспективу, энергия и настойчивость, предприимчивость.

Воздействие руководителя ИУ на климат может быть прямым, непосредственным, когда он предъявляет требования к людям, разрешает проблемы межличностных отношений, и косвенным, когда руководитель организации оптимизирует условия труда. Хорошо организует труд, обеспечивает ритмичную работу коллектива и каждого из его членов, без срывов и последующих авралов, способствует психонервной уравновешенности, положительно сказывается на настроении людей.

Сознательно определяя тактику и стратегию управления социально-психологическим климатом коллектива ИУ руководитель обязан, прежде всего, знать, чего ждут от него сотрудники, при каких условиях они довольны работой. Как известно, чувство удовлетворенности свидетельствует о положительности климата, является одним и существенных показателей. Конечно, это зависит и от особенностей самих людей.

Список литературы:

[1] Вилкова А. В., Лукашенко Д. В. Самооценка личности несовершеннолетних

осужденных / В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова. В 2-х частях. Самара, 2025. С. 87-93. Сборник статей круглого стола. Тверь, 2025. С. 87-93.

[2] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Подготовка кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе / Антропогогика. 2025. № 3(19). С. 8-16.

[3] Фадеева С. А., Вилкова А. В. Уголовно-исполнительная система и пенитенциарная пробация: профессиональная готовность // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. Москва, 2025. С. 147-154.

[4] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Трудности подготовки научно-педагогических кадров высшей категории в уголовно-исполнительной системе // в сборнике: XI педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина. Сборник материалов. Пермь. 2025. С. 14-22.

[5] Мешкова Л. В., Вилкова А. В. К вопросу о развитии социальной активности будущих сотрудников ФСИН в процессе социально-психологического тренинга // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3(25). С. 212-218.

[6] Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Лукашенко Д. В. Программа подготовки педагогических кадров: структурно-содержательная модель обучения взрослых / Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-2. С. 68-71.

[7] Лукашенко Д. В. Содержание и структура плана внеурочной деятельности для воспитанников воспитательных колоний / А. В. Вилкова, Д. В. Лукашенко // Антропогогика. 2024. № 3(15). С.5-16.

References:

[1] Vilkova A. V., Lukashenko D. V. Self-assessment of the personality of juvenile convicts / In the collection: The penal system: legislation, theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, dedicated to the memory of the Russian scientist-penitentiary Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O. V. Filimonov. In 2 parts. Samara, 2025. S. 87-93. Collection of roundtable articles. Tver, 2025. S. 87-93.

[2] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Training of the highest category in the penal system /Anthropology. 2025. № 3(19). S. 8-16.

[3] Fadeeva S. A., Vilkova A. V. Criminal executive system and penitentiary probation: professional readiness // In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Moscow, 2025. S. 147-154.

[4] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Difficulties in training scientific and pedagogical personnel of the highest category in the penal system // in the collection: XI pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S. I. Zlobin. Collection of materials. Perm. 2025. S. 14-22.

[5] Meshkova L.V., Vilkova A.V. On the development of social activity of future employees of the Federal Penitentiary Service in the process of social and psychological training // Military legal and humanitarian sciences of Siberia. 2025. № 3(25). S. 212-218.

[6] Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Lukashenko D. V. Teacher training program: structural-content model of adult education / Problems of modern pedagogical education. 2025. № 89-2. S. 68-71.

[7] Lukashenko D.V. Content and structure of the plan of extracurricular activities for pupils of educational colonies / A.V. Vilkov, D.V. Lukashenko // Anthropology. 2024. № 3(15). S.5-16.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-234-238

ГУМЕРОВА Р.Р.,
доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России кандидат юридических наук, подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОСТИ КАК СРЕДСТВО, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Аннотация. *В статье исследуется специфический принцип объективности, относящийся к организационно-тактической деятельности следователя при производстве расследования по уголовным делам. Обосновывается вывод, что указанный принцип выступает гарантом отсутствия заинтересованности в конечном результате следователя, от которого требуется объективный подход в сборе информации, ее всесторонний анализ, формирование доказательств причастности лица к совершению преступления либо его непричастности к преступной деятельности.*

Ключевые слова: *объективность, принцип законности, принцип состязательности, следователь, уголовный процесс, уголовное дело.*

GUMEROVA R.R.,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Police Lieutenant Colonel

PRINCIPLES OF OBJECTIVITY AS A MEANS OF ENSURING THE EFFECTIVENESS OF THE CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

Annotation. *The article examines the specific principle of objectivity related to the organizational and tactical activities of the investigator in the investigation of criminal cases. The conclusion is justified that this principle acts as a guarantor of the lack of interest in the final result of the investigator, who is required to take an objective approach to collecting information, its comprehensive analysis, and the formation of evidence of a person's involvement in the commission of a crime or his non-involvement in criminal activity.*

Key words: *objectivity, principle of legality, principle of competition, investigator, criminal process, criminal case.*

Существование в уголовно-процессуальном законе оценочных понятий, недостаточная конкретизация норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), некоторая расплывчатость правового регулирования отдельных аспектов уголовного судопроизводства приводят к субъективизму участников уголовного процесса, влекущему прямое нарушение прав и свобод человека и гражданина, являющихся высшей ценностью, основополагающим принципом уголовного судопроизводства. Так, Генеральным Прокурором России А.В. Гуцан на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в марте 2026 года отмечено, что много проблем имеется в деятельности органов расследования. По уголовным делам нередко не производятся даже первоначальные, обязательные следственные действия.

По тысячам материалов доследственных проверок годами не принимаются законные решения, даже при наличии достаточных данных о совершенном преступлении. С другой стороны, нарастает практика возбуждения уголовных дел при очевидном отсутствии законных поводов и оснований. Порой лишь на основе непроверенных публикаций в СМИ и социальных сетях. Как следствие почти на треть возросло число отмененных прокурорами постановлений о возбуждении уголовных дел [1].

В главе 2 УПК РФ изложены принципы уголовно-процессуальной деятельности как основные, исходные, руководящие положения по ее осуществлению, безусловно распространяются на любую деятельность, в том числе и на следственную. Рассматривая деятельность следователя отметим, что она имеет свои отличительные признаки от деятельности иных должностных лиц в уголовном судопроизводстве. В ее основу положены особые идеи, правовые положения, которые и позволяют следователю выполнять свои обязанности [9, с. 62], реализовать свои права. В силу этой особенности, полагаем, целесообразно выделить специфический принцип объективности деятельности данного участника уголовно-процессуальных отношений.

Следует отметить, что объективность по своей сути является общеправовым принципом [2, с. 78]. Он должен проявляться в деятельности всех должностных лиц – участников уголовно-процессуальной деятельности. Суть указанного принципа применительно к деятельности следователя заключается в том, что он выступает гарантом объективности [11, с. 31] процесса формирования доказательств. Собирание информации, ее анализ, формирование доказательств причастности лица к совершению преступления, обеспечение права обвиняемого на защиту – важные составляющие деятельности следователя. Предвзятое отношение следователя не только ограничит, но и лишит возможности подозреваемого, обвиняемого реализовать свои права [10, с. 48].

Кроме того, объективность предполагает выбор следователем таких следственных действий, которые соответствуют фактическим обстоятельствам, вызвавшим необходимость проведения расследования. По сути, это более широкая трактовка права следователя принимать решения по своему усмотрению. Данная позиция определена законодателем в ст. 38 УПК РФ. Под усмотрением следователя ученые понимают выбранный данным должностным лицом в пределах своих полномочий из ряда альтернатив (каждая из которых законна) вариант поведения (решения), отвечающий конкретным условиям дела [3, с. 61]. Однако из всех возможных вариантов следователь должен выбрать не просто любой по своему усмотрению, а тот, который приведет к достижению поставленной цели.

Определяя, какое следственное (процессуальное) действие в конкретной ситуации даст больший эффект, следователь должен учитывать обстоятельства дела, характеристики участвующих в данном следственном действии лиц, обстановку, в которой будет проводиться это действие, ожидаемые результаты.

Такие требования чаще всего следует соблюдать при принятии следователем решения о проведении очной ставки при наличии противоречий в показаниях участников процесса.

Ввиду изменения редакции ст. 281 УПК РФ, появления в ней части 2.1, в полномочиях следователя на проведение очной ставки появился императивный момент: ввиду угрозы утраты юридической силы у личного обвинительного доказательства по причине неявки свидетеля в суд для проведения его допроса стороной защиты между этим свидетелем и обвиняемым должна быть проведена очная ставка.

Поэтому практика проведения очной ставки в некоторых структурных подразделениях связана с необходимостью закрепления даваемых в ходе предварительного расследования показаний участника с целью последующих гарантий допуска доказательств в суде как допустимых в случае отказа от дачи показаний подсудимого или невозможности допроса свидетеля. Тем самым следователь на более ранних стадиях процесса обеспечивает возможность задать вопрос участникам противоположной стороны по поводу инкриминируемого деяния и изобличающих версий.

Как показывает практика, в том числе и личный опыт работы в качестве следователя не позволяет согласиться с утверждением, что в результате очной ставки можно получить весомые для раскрытия преступления доказательства. Как правило, участники очной ставки продолжают настаивать на своих показаниях. Несмотря на это, следователи проводят очные ставки, заведомо зная, что получат отрицательный результат, что, на наш взгляд, абсолютно излишне.

Нельзя не согласиться с теми, кто утверждает [4, с. 54–63], что в отечественном уголовном процессе по причине отсутствия в нем института перекрестного допроса очная ставка, проведение которой входит в круг исключительных полномочий следователя, является главной гарантий обеспечения объективности при формировании личных доказательств и защиты прав подсудимого.

Для правильного принятия решений важен и систематический учет правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ, Европейским судом по правам

человека, которые выступают дополнительным доводом в системе аргументов, положенных следователем в основу своего мнения о целесообразности проведения определенных следственных действий и принимаемых по результатам данных действий решений. Наиболее ярко это требование проявляется при решении вопроса об избрании меры пресечения. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [5] сформулированы основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу: наличие обязательных данных о том, что подозреваемый, обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия либо суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 указанного Постановления определил, какие фактические обстоятельства можно рассматривать в качестве оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу: тяжесть обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок, нарушение лицом ранее избранной в отношении него меры пресечения, наличие источника дохода за рубежом, факт продажи имущества, наличие гражданства иностранного государства, отсутствие постоянного места жительства, работы, семьи, угрозы участникам процесса и пр.

Изучение уголовных дел показало, что, несмотря на данное Постановление, не во всех случаях принятия решений об избрании данной меры пресечения следователи указывают на конкретные данные, позволяющие сделать однозначный выбор в пользу заключения под стражу. Например, по уголовному делу следователь, обосновывая необходимость изоляции обвиняемого Т., указал все перечисленные основания, не приведя конкретных примеров действий Т., позволяющих предполагать о его намерениях воспрепятствовать ходу расследования по уголовному делу [6].

Принцип объективности следственных действий и решений ориентирует следователей на необходимость просчитывать и возможные осложнения ситуации, которые могут возникнуть в ходе проведения следственного действия и повлечь за собой какие-то проблемы. В качестве примера можно привести ситуации, возникающие на практике. Например, по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ, при получении следователем образцов голоса для сравнительного исследования обвиняемые в совершении разбойных нападений в составе банды отказались что-либо говорить [7].

Также по данному уголовному делу следователь предъявлял потерпевшим для опознания обвиняемых, совершавших разбойные нападения в составе устойчивой вооруженной группы. Несколько опознающих среди предъявленных лиц никого не опознали. После завершения следственного действия они заявили, что лица, совершившие преступления, находились среди опознаваемых, но, испугавшись, опознающие ни на кого не указали.

По уголовному делу по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, в помещении комнаты полиции Уфимского линейного управления МВД России на транспорте проводилось следственное действие – предъявлении для опознания подозреваемого Г. Потерпевший В., осмотрев предъявляемых для опознания лиц, указал на подозреваемого Г. как на лицо, совершившее в отношении него преступление, и пояснил, по каким признакам он его опознал. По окончании опознания подозреваемый Г. заявил, что у него имеется замечание к ходу проведенного следственного действия. Подозреваемый Г. обратил внимание участвующих лиц на тот факт, что в данном помещении имеется камера видеонаблюдения, благодаря которой перед началом проведения предъявления для опознания через монитор сотрудник полиции мог указать потерпевшему В. на него как на лицо, совершившее преступление [8]. Заявленное ходатайство подозреваемого было вполне обоснованным и могло не позволить впоследствии признать результаты опознания допустимым доказательством. Следователю пришлось дополнительно провести ряд процессуальных действий (осмотры помещений), чтобы в ходе судебного заседания не возникли осложнения по поводу признания результатов опознания недопустимым доказательством.

Рассматриваемый принцип распространяется и на решения, принимаемые следователем в ходе предварительного расследования. Закон не содержит каких-либо указаний к содержанию тех промежуточных решений, которые принимаются следователем, хотя в ходе расследования такие решения принимаются достаточно часто. Например, по заявленным ходатайствам.

Анализируемый принцип, имея самостоятельное содержание, неразрывно связан с принципом законности (ст. 7 УПК РФ), требующим, в том числе от решений, принимаемых должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, законности, обоснованности и мотивированности. Соответствие изложенных в документе фактов объективной действительно-

сти включается в данные положения.

На наш взгляд, законность более характеризует формальный аспект деятельности следователя. Соотношения объективности и законности как содержания и формы.

С принципом состязательности (ст. 15 УПК РФ) анализируемый принцип объективности следственной деятельности и решений, принимаемых следователем, также связан. И можно даже утверждать, что в этой связке проявляется уникальность и самобытность российской уголовно-процессуальной системы.

Таким образом, принцип объективности следственной деятельности и решений выступает гарантом отсутствия заинтересованности в конечном результате следователя, от которого требуется объективный подход в сборе информации, ее всесторонний анализ, формирование доказательств причастности лица к совершению преступления либо его непричастности к преступной деятельности. Предвзятое отношение следователя ограничит возможности подозреваемого, обвиняемого реализовывать свои права.

Список литературы:

[1] Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8430135/ (дата обращения: 12.05.2026).

[2] Григорян В.Л. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления. – Саратов, 2012. – С. 78.

[3] Марфицин П.Г. Усмотрение следователя. – Омск, 2002. – С. 61.

[4] Александров А.С. Сравнительная этичность очной ставки и перекрестного допроса // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 3. С. 54–63.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» : от 19 дек. 2013 г. № 41 (ред. от 27.05.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2026).

[6] Приговор Калининского районного суда г. Челябинска от 13.12.2016 по делу № 1-443. URL: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kalininskii-raionnyi-sud-g-cheliabinska-cheliabinskaia-oblast/?ysclid=lzu71jn2oj159707947 (дата обращения: 23.04.2026).

[7] Материалы предоставлены ГСУ МВД по Республике Башкортостан, уголовное дело № 6010018.

[8] Материалы предоставлены Уфимским линейным управлением МВД России на транспорте, уголовное дело № 301834.

[9] Маршанкулова, Р. Е. К вопросу о формах административно-правовой защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность / Р. Е. Маршанкулова // Право и государственность. – 2024. – № 4(5). – С. 60-67. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.5.4.010. – EDN ELOFGC.

[10] Татаренко, Н. С. К вопросу о публичности региональной правовой политики в правозащитной сфере / Н. С. Татаренко // Право и государственность. – 2024. – № 3(4). – С. 47-50. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.006. – EDN SCFAAO.

[11] Абдулханнянов, И. А. Проблема толкования понятия "эффективность" в уголовном праве / И. А. Абдулханнянов, А. Л. Санташов // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2025. – № 3(45). – С. 28-35. – DOI 10.54217/2588-0136.2025.45.3.003. – EDN FZWQCR.

References:

[1] Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official. website [Electronic resource]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8430135/ (access date: 12.05.2026).

[2] Grigoryan V.L. Protection as a system-forming factor of criminal proceedings and the principles of its implementation. - Saratov, 2012. - S. 78.

[3] Marfitsin P.G. Investigator discretion. - Omsk, 2002. - S. 61.

[4] Aleksandrov A.S. Comparative ethics of confrontation and cross-examination // Judicial power and criminal process. 2021. № 3. S. 54-63.

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013 No. 41 "On the Practice of the Courts Applying Legislation on Preventive Measures in the Form of Detention, House Arrest, Bail and Prohibition of Certain Actions": dated December 19, 2013 No. 41 (ed. 27.05.2025) // Access from SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 15.05.2026).

[6] Verdict of the Kalininsky District Court of Chelyabinsk dated 13.12.2016 in case # 1-443. URL: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kalininskii-raionnyi-sud-g-cheliabinska-cheliabinskaia-oblast/?ysclid=lzu71jn2oj159707947 (дата обращения: 23.04.2026).

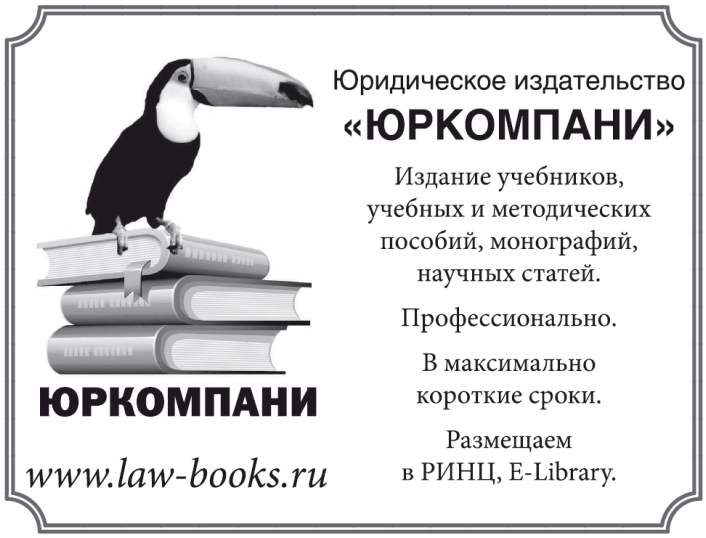
[7] Materials provided by the Main Investigative Directorate of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan, criminal case No. 6010018.

[8] Materials provided by the Ufa Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia on transport, criminal case No. 301834.

[9] Marshankulova, R. E. On the question of the forms of administrative and legal protection of civil servants from unlawful interference in their professional official activities/R. E. Marshankulova // Law and statehood. – 2024. – № 4(5). - S. 60-67. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.5.4.010. – EDN ELOFGC.

[10] Tatarenko, N. S. On the publicity of regional legal policy in the human rights sphere/ N. S. Tatarenko // Law and statehood. – 2024. – № 3(4). - S. 47-50. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.006. – EDN SCFAAO.

[11] Abdulkhannyanov, I. A. The problem of interpreting the concept of "effectiveness" in criminal law/I. A. Abdulkhannyanov, A. L. Santashov // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. – 2025. – № 3(45). - S. 28-35. – DOI 10.54217/2588-0136.2025.45.3.003. – EDN FZWQCR.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-239-244

КАРАБАНОВ Ростислав Михайлович,
кандидат технических наук, профессор, профессор кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, Владимир, Россия, e-mail: krm730@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Аннотация. *Воспитательная работа с осужденными включает комплекс индивидуальных и массовых организационно-практических и идеологических мер по распространению и утверждению общечеловеческих и общественно-значимых ценностей, признаваемых и защищаемых государством и обществом, направленных на формирование гражданской позиции осужденных, их готовности строго следовать предписаниям закона и нормам человеческого общежития. Как психолого-педагогический процесс, регулируемый со стороны, адаптация осужденных к условиям отбывания наказания выступает объектом управления. В целях обеспечения эффективной адаптации вновь прибывших осужденных сотрудникам исправительных учреждений при организации воспитательной работы необходимо уметь управлять этим процессом, обладать управленческой компетенцией, а сам процесс должен носить непрерывный, системный, дифференцированный характер.*

Ключевые слова: *исправительное учреждение, осужденные, личность, адаптация, исправление, воспитание, ресоциализация, сотрудники, управление.*

KARABANOV Rostislav Mikhailovich,
candidate of technology, full professor, professor of the Department of Special Technology and Information Technologies of the Law Faculty of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia

PROBLEMATIC ISSUES OF THE ORGANIZATION OF ADAPTATION OF CONVICTS TO IMPRISONMENT IN THE INITIAL PERIOD OF SERVING THE SENTENCE

Annotation. *Educational work with convicts includes a set of individual and mass organizational, practical and ideological measures for the promotion and approval of universal and socially significant values recognized and defended by the state and society, aimed at forming the civil position of convicts, their readiness to strictly follow the prescriptions of the law and the norms of human community. As a psychological and pedagogical process regulated from the outside, the adaptation of convicts to the conditions of serving a sentence is the object of management. In order to ensure the effective adaptation of newly arrived convicts, correctional officers in organizing educational work need to be able to manage this process, have managerial competence, and the process itself must be continuous, systematic, differentiated.*

Key words: *correctional facility, convicts, personality, adjustment, correction, parenting, resocialization, employees, management.*

В рамках пенитенциарной системы именно начальный этап адаптации осужденных к лишению свободы сопряжен с наибольшими трудностями в организации воспитательной деятельности. Этот переломный момент, когда человек вынужденно приспосабливается к строгим условиям исправительного учреждения и начинает выстраивать отношения с пенитенциарным режимом, оказывает решающее влияние на формирование установок для последующей коррекции поведения. От результативности педагогического вмешательства в данный период напрямую зависит потенциальный успех ресоциализации личности, оказавшейся в изоляции от общества.

Исследование, проведенное Ю.В. Жильцовой, свидетельствует о том, что «не все осужденные способны приспособиться к условиям отбывания наказания, неадаптированные осужденные находятся под влиянием постоянного стресса» [1, с. 132]. Из испытуемых 58% имели высокий уровень адаптации, но с низким уровнем адаптации выявлен 41% испытуемых [1, с. 133].

Попадая в исправительное учреждение, пребывая зачастую в некомфортных условиях, сталкиваясь с проявлением агрессии, морального, либо физического насилия, осужденный переживает тяжелый психологический кризис, вызванный внезапным разрушением прежнего жизненного уклада [2, с. 43]. Изоляция от общества, утрата привычных социальных контактов и разрыв близких отношений порождают интенсивную душевную травму. Следствием этого нередко становятся глубокие депрессивные состояния, вспышки агрессии, подавление личности, суицидальные мысли либо тотальная апатия ко всему происходящему. Подобная психическая дезадаптация, по мнению авторов Ю.Ю.Тищенко и А.А. Шишкиной, зачастую блокирует восприятие традиционных педагогических методик. Воспитатель сталкивается с парадоксом: физически человек находится на занятии, но его сознание, поглощенное внутренним кризисом, остается глухо к любым педагогическим воздействиям [3, с. 209].

В целях преодоления обозначенной проблемы требуется на начальном этапе нахождения в исправительном учреждении интенсифицировать психолого-педагогическое сопровождение лиц, отбывающих наказание. Перспективным представляется организация специализированных адаптационных блоков, целью которых является обеспечение круглосуточного мониторинга вновь прибывших осужденных со стороны воспитательных и психологических подразделений и сотрудников. Ключевым элементом работы таких блоков должна стать глубокая индивидуальная диагностика психического статуса каждого осужденного, направленная на идентификацию кризогенных факторов и последующее формирование адресных программ коррекции и поддержки.

Важным представляется формирование системы кризисного консультирования и экстренной психологической поддержки. Данный механизм предоставляет осужденному возможность незамедлительно получить помощь специалиста в момент обострения тяжелых душевных состояний. Особую остроту приобретает воздействие криминальной субкультуры с ее неформальной иерархией среди лиц, отбывающих наказание. Оказавшись в исправительном учреждении, вновь прибывший осужденный практически сразу подвергается давлению со стороны так называемых «авторитетов», цель которых – встроить прибывшего осужденного в сложившуюся систему взаимоотношений, определив его статус и навязав свод принятых в криминальном мире норм. Данные установки зачастую вступают в прямое противоречие с правилами внутреннего распорядка и требованиями администрации.

Процедура «прописки» вновь прибывшего осужденного и неформального «закрепления» за определенными социальными группами внутри исправительного учреждения нередко сопряжена с актами психологического и физического принуждения. Подобная практика порождает интенсивный стресс, способствуя формированию у лиц, отбывающих наказание, деформированных поведенческих установок. В результате воспитательные усилия, нацеленные на привитие законопослушания и конструктивных ценностных ориентаций, вступают в прямой конфликт с диктатом криминальной субкультуры. Оказавшись в этой ситуации, осужденный вынужден делать тяжелый, зачастую экзистенциальный выбор между двумя антагонистичными системами норм [4, с. 65].

Устранение данной проблемы предполагает применение администрацией исправительного учреждения целостной стратегии, органично сочетающей превентивные начала с коррекционным воздействием. Особую актуальность приобретает интенсификация надзора за внутригрупповыми процессами в среде отбывающих наказание, что становится критически важным на начальном этапе адаптации вновь прибывших лиц в пенитенциарном учреждении.

Перспективной формой исправления осужденных является институт наставничества, предполагающий закрепление за лицами, впервые осужденными, прибывшими в исправительное учреждение, опытных осужденных, обладающих положительными характеристиками и значительным сроком пребывания в учреждении, прошедшими целенаправленную подготовку. Роль таких менторов заключается в способствовании интеграции вновь прибывших осужденных в порядок, установленный администрацией, ограждение их

от деструктивного воздействия криминальных традиций. При этом необходимо системно противодействовать влиянию негативных лидеров и деструктивным нормам уголовной субкультуры. Важным инструментом здесь выступает их открытое дискредитирование в коллективе, сопровождаемое выстраиванием принципиально иной, просоциальной ценностной матрицы.

Одной из наиболее острых проблем пенитенциарной педагогики выступает проявление недостаточной дифференцированности воспитательных практик, не всегда учитывающих индивидуальные особенности лиц, отбывающих наказание. При этом, на практике находят применение унифицированные методики, не принимающие во внимание возрастной диапазон, уровень образования, социальный статус, специфику криминального деяния, индивидуально-психологический портрет осужденного. Решение указанной проблемы видится в организации всесторонней диагностики личности осужденного непосредственно при его поступлении в исправительное учреждение. Такой подход предполагает не просто анализ материалов уголовного дела, но и глубокое психологическое тестирование, социально-педагогическое изучение, определение образовательного потенциала и сфер профессиональных предпочтений. Как отмечает автор Н.А. Тюгаева, «необходимо изучение личности и составление психолого-педагогической характеристики осужденного, по которой прослеживается динамика процесса адаптации к условиям отбывания наказания и результативность влияния его на исправление осужденного» [5, с. 543]. Интеграция этих сведений должна, на наш взгляд, ложиться в основу разработки персонализированных программ исправительного воздействия, адаптированных под личностные особенности каждого осужденного.

Рассматривая групповые формы воспитания, целесообразно группы формировать дифференцированно. Необходимо разграничивать лиц, осужденных впервые, и рецидивистов, а также распределять осужденных по возрастному критерию – отдельно молодежь и лиц старшего возраста. Дополнительным основанием для формирования групп служит неоднородный уровень образования и степень социальной адаптированности.

Также в процессе адаптации особую сложность представляет разрыв осужденного с социально значимыми контактами за пределами исправительного учреждения, наиболее болезненно переживаемый на данном этапе. Отрыв от семьи, круга общения, привычной среды порождает глубокое чувство социальной отчужденности. Указанная изоляция провоцирует кризис идентичности, которая начинает выстраиваться исключительно вокруг статуса осужденного. Подобная деформация самовосприятия не только осложняет реинтеграцию в общество, но и зачастую формирует устойчивую психологическую установку на возобновление преступной деятельности после отбытия наказания. В работе В.В. Харитошкина и Н.О. Огарковой отмечается, что дефицит контактов с близкими, в особенности на начальном этапе заключения, интенсифицирует переживание отчужденности и способен провоцировать распад внутрисемейных отношений [6, с. 231].

Для смягчения остроты этой проблемы требуется создание более гибких каналов коммуникации, позволяющих осужденным сохранять социально значимые связи за пределами пенитенциарного учреждения, прежде всего с родственниками. В частности, представляется целесообразным на правовом уровне смягчить регламентацию телефонных разговоров и корреспонденции. Право предоставления осужденным к лишению свободы телефонных разговоров, в том числе с использованием систем видеосвязи (при наличии технической возможности), их продолжительность закреплено в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (ст. 92) [7], а порядок предоставления – в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений (Приложение № 2, раздел XIV) [8]. Существуют определенные условия и ограничения по предоставлению телефонных разговоров осужденным, регулируемые администрацией. В 2024 году внесенными изменениями в Уголовно-исполнительный кодекс минимальное количество телефонных разговоров, предоставляемых администрацией исправительных учреждений осужденным к лишению свободы, увеличено с 6 до 12 в год.

По нашему мнению, в условиях цифровизации уголовно-исполнительной системы важным направлением является расширение возможностей предоставления осужденным телефонных разговоров с использованием систем видеосвязи, а также переписки в электронном виде. Однако, для решения этой задачи необходимо целевое финансирование и изыскание технических возможностей.

Использование возможностей поддержания социальных связей приобретает особую актуальность на этапе первичной адаптации, когда психологическая стабильность лица напрямую зависит от поддержки его ближайшего окружения [9, с. 21]. Внедрение при технической возможности исправительного учреждения практики сеансов видеосвязи с близкими способствует сохранению глубокого эмоционального взаимодействия. Воспитательный процесс необходимо насытить целевыми программами, направленными на реанимацию родственных отношений, организацию консультативной поддержки для семей осужден-

ных и медиацию внутрисемейных конфликтов.

В рамках адаптационного этапа может наблюдаться нарушение в координации между структурными подразделениями исправительного учреждения, осуществляющими воспитательную работу. Воспитательные и психологические подразделения, медицинский персонал и отделы режима иногда функционируют обособленно, без должного информационного обмена и согласования планов. Подобная разобщенность порождает не только дублирование функций, но и противоречивое педагогическое влияние, что, в конечном счете, снижает совокупный результат. Отсутствие консолидированной стратегии работы с осужденным в этот критический период усугубляет его положение, провоцируя усиление дезадаптивных проявлений.

Успешное разрешение этой задачи требует формирования целостной системы структурного взаимодействия, которая обеспечит слаженную координацию усилий всех подразделений исправительного учреждения. Ключевым элементом здесь становится внедрение регулярных рабочих совещаний и междисциплинарных консилиумов с обязательным привлечением всех профильных специалистов. В рамках такого формата представляется возможным детально анализировать личностные особенности и обстоятельства каждого вновь прибывшего осужденного, что позволит сформировать единый, согласованный вектор индивидуальной воспитательной работы. Для повышения эффективности адаптационного процесса вновь осужденных, представляется рациональным учредить специализированные координационные советы, осуществляющие персональное курирование каждого осужденного с правом оперативного реагирования на осложнения.

Фундаментальную роль играет формирование консолидированного информационного ресурса, аккумулирующего текущие данные о поведенческих особенностях и динамике реабилитации. При этом требуется формализация регламентов межслужебного сотрудничества, релевантных как стандартным, так и нештатным ситуационным сценариям.

Одной из наиболее острых проблем пенитенциарной практики выступает недостаточное привлечение ресурсов общественных и религиозных объединений в рамках воспитательного процесса, адресованного осужденным на этапе их социально-психологической адаптации.

Следует отметить, что волонтеры, активисты общественных объединений и религиозные деятели способны оказать неоценимую поддержку осужденным в период острого кризиса, вызванного содержанием в места лишения свободы. Их роль заключается также в демонстрации иных поведенческих стратегий и системы ценностей, альтернативных криминальным.

Развитие волонтерского движения и специализированная подготовка добровольцев для деятельности в исправительных учреждениях выступают насущной задачей. Ключевым условием эффективности становится синхронизация усилий гражданского общества и религиозных объединений с официальной работой администрации.

Острой проблемой пенитенциарной практики выступает разрыв в педагогическом процессе между первоначальной адаптацией осужденного и последующими этапами его нахождения в учреждении. После формального завершения адаптационного этапа нередко наблюдается спад интенсивности воспитательного взаимодействия. В этот критический момент, когда личность начинает глубже рефлексировать над своим статусом и будущим, возникает снижение необходимой педагогической поддержки. Подобное отсутствие стратегически выстроенной, долгосрочной воспитательной программы ведет к тому, что позитивные сдвиги, полученные в начале срока, не консолидируются и в итоге могут быть полностью нивелированы.

Устранение указанной проблемы требует организации воспитательной работы как целостного и последовательного процесса, охватывающего весь период заключения. Разработка индивидуальных планов педагогического воздействия на осужденного должна осуществляться на весь срок его нахождения в пенитенциарном учреждении, при этом сама программа выстраивается по принципу поэтапного движения к поставленным воспитательным целям.

Адаптационный этап служит отправной точкой, где формируется базис для последующей психолого-педагогической деятельности в отношении осужденного. Требуется выстроить систему постоянного отслеживания выполнения индивидуальных планов с их последующей адаптацией при изменении обстоятельств. Особую сложность представляет сохранение преемственности при перемещении осужденного между отрядами или исправительными учреждениями, что предполагает обязательную передачу сведений о проделанной работе и полученных результатах.

Проблемой в ресоциализации осужденных является слабая готовность к постпенитенциарной жизни, причем дефицит этой подготовки наблюдается уже на стадии их адаптации к условиям отбывания наказания в исправительном учреждении. Воспитательный процесс в этот период зачастую сводится к задаче приспособления индивида к пенитенциарному регламенту, оставляя за своими рамками формирование жизненных ориентиров на период после выхода на свободу. Вместе с тем, именно начальный этап отбывания

срока, когда у осужденного еще не разорваны социальные связи и не завершилась его глубокая интеграция в криминальную субкультуру, представляет собой наиболее продуктивное окно для закладки основ законопослушного поведения в будущем и стимулирования мотивационной базы к конструктивным личностным трансформациям.

Для успешного решения обозначенной задачи целесообразно интегрировать компоненты постсоциальной подготовки непосредственно в адаптационный цикл. С самого начала нахождения в исправительном учреждении важно культивировать у лиц, лишенных свободы, осознание, что период изоляции представляет собой ресурс для будущей ресоциализации, а не сводится лишь к карательной функции.

В рамках исправительной практики продуктивной мерой представляется приглашение лиц, ранее отбывавших наказание, но сумевших добиться успешной социальной интеграции. Их личный опыт, транслируемый в ходе специальных встреч, способен выступить действенным мотивационным ресурсом. Параллельно с этим фундаментальное значение приобретает как можно более раннее включение в процесс профессиональной подготовки и реальную трудовую деятельность. Формируемые таким образом компетенции и квалификации создают основу для последующей занятости осужденного после выхода на свободу.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что решение проблем организации воспитательной работы с осужденными в адаптационный период требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативно-правовой базы, улучшение материально-технического обеспечения, повышение квалификации персонала, внедрение современных методик и технологий работы. По нашему мнению, системная работа по всем обозначенным направлениям может обеспечить эффективность воспитательного воздействия на осужденных в критически важный период их адаптации к условиям исправительного учреждения и заложить основу для их успешного исправления и ресоциализации.

Список литературы:

[1] Жильцова Ю.В. Адаптация осужденных к условиям исправительного учреждения как благоприятный фактор воспитательного процесса / Ю.В. Жильцова // Ученые записки университета Лесгафта. 2020. № 1 (179). С. 131-135.

[2] Исаева В. П. Роль социальной адаптации осужденных / В. П. Исаева // Новая наука в новом мире : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 07 апреля 2022 года. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. С. 41-45.

[3] Тищенко Ю.Ю. Особенности адаптации осужденных к условиям отбывания наказания в исправительном учреждении / Ю.Ю. Тищенко, А.А. Шишкина // Журнал прикладных исследований. 2022. № 8. С. 208-211.

[4] Ничуговская О.Н. Ресоциализация и социальная адаптация осуждённых в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации / О. Н. Ничуговская // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1(63). С. 65-69.

[5] Тюгаева Н.А. Адаптация осужденных к условиям отбывания наказания: психолого-педагогический аспект / Н.А. Тюгаева // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29, № 4. С. 539-548.

[6] Харитошкин В.В. О некоторых аспектах ресоциализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы / В.В. Харитошкин, Н.О. Огаркова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2(82). С. 231-239.

[7] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (с изменениями и дополнениями): принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2, ст. 198.

[8] Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы (с изменениями и дополнениями) : приказ Минюста России от 04.07.2022 N 110 // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 6.7.2022 г. , ст. 0001202207060002.

[9] Козлова И.В. Социальная адаптация осужденных: значение, этапы, особенности и проблемы реализации / И.В. Козлова, А.А. Егорова // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2022. № 3(33). С. 20-24.

References:

[1] Zhiltsova Yu.V. Adaptation of convicts to the conditions of a correctional institution as a favorable factor in the educational process // Scientific notes of Lesgaft University. 2020. No. 1 (179). pp. 131-135.

[2] Isaeva V.P. The Role of Social Adaptation of Convicts // New Science in the New World: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, April 07, 2022. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science" (IP Ivanovskaya I.I.),

2022. pp. 41-45.

[3] Tishchenko Yu.Yu., A.A. Shishkina. Peculiarities of adaptation of convicts to the conditions of serving their sentences in a correctional institution // Journal of Applied Research. 2022. No. 8. pp. 208-211.

[4] Nichugovskaya O.N. Resocialization and social adaptation of convicts in the penal system of the Russian Federation // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1(63). pp. 65-69.

[5] Tyugaeva N.A.. Adaptation of convicts to the conditions of serving their sentences: psychological and pedagogical aspect // Man: crime and punishment. 2021. VOL. 29, No. 4. pp. 539-548.

[6] Kharitoshkin V.V. and Ogarkova N.O. On some aspects of resocialization of persons serving a sentence of imprisonment // Bulletin of Tver State University. Series: Right. 2025. No. 2(82). pp. 231-239.

[7] Criminal Executive Code of the Russian Federation: [feder. Law of January 8, 1997 No. 1-FZ (as amended): adopted by the State. Duma December 18, 1996] // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 2. Art. 198.

[8] On approval of the Internal Regulations of Pre-Trial Detention Facilities of the Penitentiary System, Internal Regulations of Correctional Institutions and Internal Regulations of Correctional Centers of the Penitentiary System (as amended): Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 04.07.2022 No. 110 // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) of 6.7.2022, Art. 0001202207060002.

[9] Kozlova I.V., Egorova A.A. Social adaptation of convicts: significance, stages, features and problems of implementation // Penitentiary law: legal theory and law enforcement practice. 2022. No. 3(33). pp. 20-24.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-245-250

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

АТТЕСТАЦИЯ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КАК ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ, ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Целью исследования явились правовые вопросы проведения аттестации сотрудников уголовно-исполнительной системы, определение ее роли и значения в обеспечении эффективности профессиональной деятельности, соблюдении прав и законных интересов. В процессе ее реализации использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучных и частнонаучных): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, включенное наблюдение. С их помощью анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научная и учебно-методическая литература по теме. В ходе исследования правового механизма аттестации сотрудников УИС, его влияния на обеспечение их прав и законных интересов, эффективность осуществления профессиональной деятельности установлена нормативно-правовая база, регулирующая процедуру подготовки и проведения их аттестации. Она отличается динамичностью развития, постоянной, системной модернизацией и совершенствованием. Главной целью аттестации сотрудника УИС является определение его соответствия замещаемой должности в УИС. Законодатель в части второй статьи 33 Федерального закона 2018 № 197-ФЗ закрепил временные параметры проведения аттестации сотрудника УИС, ввел понятие «внеочередная аттестация», указал ее основания. Обязательным условием правового механизма аттестации сотрудников УИС выступает организация процедуры ее проведения, включающая регламентацию работы аттестационной комиссии. Закон установил шесть возможных решений (рекомендаций), одну из которых принимают члены аттестационной комиссии, которая ложится в основу решения руководства ФСИН России или уполномоченного руководителя по результатам аттестации сотрудника УИС. Выявлены и описаны конкретные права и гарантии сотрудников УИС, обеспечиваемые в работе аттестационной комиссии, нашедшие свое закрепление в законодательных и ведомственных нормативных правовых актах Минюста и ФСИН России.*

Ключевые слова: *аттестация, сотрудники, уголовно-исполнительная система, правовой механизм, профессиональная деятельность, права и законные интересы.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

ATTESTATION OF EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM AS A LEGAL MECHANISM FOR ENSURING THEIR RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS, AND THE EFFECTIVENESS OF THEIR PROFESSIONAL ACTIVITIES

Annotation. *The purpose of the study was the legal issues of certification of employees of the penal correction system, determining its role and importance in ensuring the effectiveness of professional activities, respect for rights and legitimate interests. In the process of its implementation, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: synthesis, comparison, analogy, generalization, included observation. They were used to analyze legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific and educational literature on the topic. In the course of the study of the legal mechanism of certification of employees of the management System, its impact on ensuring their rights and legitimate interests, and the effectiveness of their professional activities, a regulatory framework has been established that regulates the procedure for preparing and conducting their certification. It is characterized by dynamic development, continuous, systematic modernization and improvement. The main purpose of the certification of a UIS employee is to determine his compliance with the position he holds in the UIS. In the second part of Article 33 of Federal Law No. 197-FZ of 2018, the legislator fixed the time parameters for the certification of an employee of the Penitentiary Service, introduced the concept of "extraordinary certification", and indicated its grounds. A prerequisite for the legal mechanism of certification of employees of the UIS is the organization of the procedure for its implementation, including the regulation of the work of the attestation commission. The law established six possible decisions (recommendations), one of which is made by members of the attestation commission, which forms the basis for the decision of the leadership of the Federal Penitentiary Service of Russia or the authorized head based on the results of the certification of an employee of the Penitentiary Service. The specific rights and guarantees of the employees of the penitentiary system provided in the work of the attestation commission have been identified and described, which have been consolidated in legislative and departmental regulatory legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia.*

Key words: *attestation, staff, penal enforcement system, legal mechanism, professional activity, rights and legitimate interests.*

Введение. В теории управления и кадровой работы аттестация работников рассматривается как процедура проверки и подтверждения их квалификации, профессиональных компетенций, уровня знаний и навыков, результатов труда для определения соответствия занимаемой должности. Она может проводиться в виде устного собеседования, тестирования или анализа выполненных задач. Правовую базу, обеспечивающую проведение аттестации составляет трудовое законодательство, федеральные законы и ведомственные правовые акты органов, ее осуществляющих.

Основными целями аттестации являются:

подтверждение работником своего профессионального статуса, готовности к выполнению должностных обязанностей и поставленных перед ним руководством задач трудовой деятельности;

стимулирование работника к дальнейшему профессиональному развитию, формированию современных эффективных профессиональных компетенций;

принятие кадровым аппаратом решений о соответствии работника занимаемой им должности, возможности перевода на другую, в том числе вышестоящую, изменение заработной платы, подтверждение установленных льгот и социальных преференций, а также расторжения трудового договора при несоответствии работника должностным требованиям. При этом, например, трудовое законодательство (статья 81 Трудового кодекса Российской Федерации) перечисляет защищенные категории, с которыми работодатель не может расторгнуть трудовой договор:

беременные женщины;

женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет;

одинокие матери и отцы, воспитывающие ребенка до 16 лет (или ребенка-инвалида до 18 лет);

единственные кормильцы детей до трех лет в многодетных семьях (или детей-инвалидов), если другой родитель не работает [1].

Как правило, аттестация включает в себя три основных этапа:

сбор данных о работнике и их анализ, осуществляемые с использованием собеседования, тестирования и отчетов;

вынесение специальной аттестационной комиссией решения о соответствии работника занимаемой должности;

документальное оформление результатов работы аттестационной комиссии с использование протоколов и аттестационных листов [2].

Таким образом, правовой механизм проведения процедуры аттестации работников играет важную роль в профессиональной деятельности работников, принятии управленческих решений при их передвижении на должности с большим объемом работы, успешного достижения целей трудовой деятельности в соответствии с должностными обязанностями, сформулированными в должностных инструкциях. Данный процесс весьма актуален для деятельности сотрудников служб и подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее УИС) и нуждается в специальном комплексном теоретико-правовом анализе.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых вопросов проведения аттестации сотрудников уголовно-исполнительной системы, определение ее роли и значения в обеспечении эффективности профессиональной деятельности, соблюдении прав и законных интересов использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучных и частнонаучных): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, включенное наблюдение. С их помощью анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научная и учебно-методическая литература по теме.

Основные результаты. В результате теоретико-правового исследования правового механизма аттестации сотрудников УИС, его влияния на обеспечение их прав и законных интересов, эффективность осуществления профессиональной деятельности была установлена нормативно-правовая база, регулирующая процедуру подготовки и проведения их аттестации. Ее основными элементами выступают:

статья 33 Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»;

статья 3 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»;

Положение № 6 «Порядок проведения аттестации сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», утвержденное Приказом Министерства юстиции РФ от 05.08. 2021 г. № 132 «Об организации прохождения службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации».

Следует отметить динамичность развития указанной нормативно-правовой базы, заключающейся в ее постоянной, системной модернизации и совершенствовании.

Главной целью аттестации сотрудника УИС является определение его соответствия замещаемой должности в УИС. Законодатель в части второй статьи 33 Федерального закона 2018 № 197-ФЗ закрепил временные параметры проведения аттестации сотрудника УИС (один раз в четыре года, не ранее чем через один год после его назначения на должность).

Также законодатель в частях 3-4 анализируемого закона ввел понятие «внеочередная аттестация», указав ее основания:

при переводе сотрудника на вышестоящую должность в УИС;

при решении вопроса о прекращении сотрудником службы в УИС в связи с расторжением контракта в соответствии с пунктом5 части 2 статьи 84 настоящего Федерального закона [3];

по предложению уполномоченного руководителя в случае, если сотрудник не прошел проверку на профессиональную пригодность к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия [4, с. 88-95].

При этом, внеочередная аттестация сотрудников, претендующих на замещение должностей высшего начальствующего состава, проводится по решению Президента Российской Федерации [5, с. 180-186].

Законодатель также справедливо, в контексте гуманизации современной отечественной уголовно-исполнительной политики, соблюдения прав и законных интересов отдельных категорий сотрудников УИС, указал, что сотрудники, находившиеся в отпуске по беременности и родам, по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, проходят аттестацию не ранее чем через год после выхода из такого отпуска.

Важным условием правового механизма аттестации сотрудников УИС выступает организа-

ция процедуры ее проведения, которая отражена в частях 6-19 Федерального закона 2018 № 197-ФЗ. При этом значительная роль возлагается на аттестационную комиссию (далее АК), в состав которой, в обязательном порядке, включаются:

сотрудники кадрового и правового (юридического) подразделений учреждения или органа УИС;

иные лица с правом совещательного голоса (члены общественных советов при ФСИН России и ее территориальных органах; общественных организаций ветеранов УИС; представители образовательных и научных организаций – специалисты по направлениям деятельности УИС.

Состав АК для проведения аттестации сотрудников, замещающих должности в УИС, исполнение служебных обязанностей по которым связано с использованием сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну, формируется в соответствии со статьей 3 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» [6]. АК формируется таким образом, чтобы исключить возможности возникновения конфликта интересов, могущего повлиять на ее решение [7, с. 373-378].

В целях соблюдения прав и законных интересов сотрудника УИС, его аттестация, как правило, проводится в присутствии сотрудника. В случае неявки на заседание АК без уважительных причин сотрудник привлекается к дисциплинарной ответственности, а его аттестация переносится [8, с. 459-464].

Правовой гарантией соблюдения прав сотрудника УИС является регламентированное законом ознакомление его с отзывом его непосредственного руководителя не позднее за один рабочий день до проведения аттестации, а также принятие АК рекомендаций открытым голосованием при наличии не менее двух третей ее членов [9, с. 81-86].

Закон установил шесть возможных решений (рекомендаций), одну из которых принимают члены АК:

сотрудник соответствует замещаемой должности в УИС;

сотрудник соответствует замещаемой должности в УИС и рекомендуется для назначения на вышестоящую должность в УИС с большим объемом работы;

сотрудник соответствует замещаемой должности в УИС и рекомендуется для включения в кадровый резерв для замещения вышестоящей должности в УИС;

аттестацию сотрудника следует перенести на срок, не превышающий одного года, для устранения недостатков и упущений в служебной деятельности, указанных в отчете его непосредственного руководителя;

сотрудник не соответствует замещаемой должности в УИС и подлежит переводу на нижестоящую должность в УИС;

сотрудник не соответствует замещаемой должности в УИС и подлежит увольнению со службы в УИС. Указанные рекомендации АК заносятся в аттестационный лист сотрудника, который знакомится с ним до предоставления листа непосредственному руководителю. Такой подход законодателя также направлен на соблюдение прав и законных интересов сотрудника, исключение могущих возникнуть вопрос и споров относительно формулировки рекомендаций АК. На основании рекомендаций АК руководителем ФСИН России или уполномоченным руководителем принимается соответствующее конкретной рекомендации решение.

В качестве другой гарантии соблюдения прав сотрудника УИС при проведении аттестации следует рассматривать его право на обжалование рекомендации АК в соответствии со статьей 74 Федерального закона 2018 № 197-ФЗ.

Несомненным позитивным моментом, направленным на обеспечение прав и законных интересов сотрудников УИС, обеспечение эффективности их профессиональной деятельности, является нормативно-правовое закрепление порядка и процедуры проведения аттестации и работы АК, отраженное в Положении № 6 «Порядок проведения аттестации сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», утвержденное Приказом Министерства юстиции РФ от 05.08. 2021 г. № 132 «Об организации прохождения службы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» [10].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

Всероссийской научно-практической конференции «Вклад правоохранительных органов в развитие Сибири», состоявшейся 28.09.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Особенности предупреждения коррупции как фактора обеспечения безопасности учреждений и органов УИС Сибирского федерального округа»;

XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся 18-19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

Всероссийском круглом столе «Воспитательная работа с работниками УИС», проведенном в ФКУ НИИ ФСИН России совместно с управ-

лением кадров ФСИН России 25.10.2023. Доклад на тему: «Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС»;

Межвузовской научно-практической конференции «Перспективы развития профессиональной компетенции преподавателя высшей школы», состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28.11.2023. Доклад на тему: «К вопросу развития профессиональной компетенции преподавателя при проведении практико-ориентированного обучения курсантов»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов противодействии коррупции», состоявшейся в университете ФСИН России 8 декабря 2023 года с докладом на тему: «Прокурорский надзор в системе мер противодействия коррупции в УИС»;

Межрегиональном круглом столе «Патриотическое воспитание как основа духовно-нравственного формирования студенческой молодежи», состоявшемся 24 .04.2024 года в Вологодском институте права и экономики ФСИН России с докладом на тему: «Теоретико-методические аспекты патриотического воспитания курсантов и студентов образовательных организаций ФСИН России».

Заключение. В ходе исследования правового механизма аттестации сотрудников УИС, его влияния на обеспечение их прав и законных интересов, эффективность осуществления профессиональной деятельности установлена нормативно-правовая база, регулирующая процедуру подготовки и проведения их аттестации. Она отличается динамичностью развития, постоянной, системной модернизацией и совершенствованием.

Главной целью аттестации сотрудника УИС является определение его соответствия замещаемой должности в УИС. Законодатель в части второй статьи 33 Федерального закона 2018 № 197-ФЗ закрепил временные параметры проведения аттестации сотрудника УИС, ввел понятие «внеочередная аттестация», указал ее основания.

Обязательным условием правового механизма аттестации сотрудников УИС выступает организация процедуры ее проведения, включающая регламентацию работы АК. Закон установил шесть возможных решений (рекомендаций), одну из которых принимают члены АК, которая ложится в основу решения руководства ФСИН России или уполномоченного руководителя по результатам аттестации сотрудника УИС.

Выявлены и описаны конкретные права и гарантии сотрудников УИС, обеспечиваемые в работе АК, нашедшие свое закрепление в законодательных и ведомственных нормативных правовых актах Минюста и ФСИН России.

Список литературы:

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации // Consultant.ru (дата обращения 11.07.2026).

[2] Комментарий к трудовому кодексу Российской Федерации / Под ред. Ю.П. Орловского Москва. 2014.

[3] Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Garant.ru (дата обращения 11.07.2026).

[4] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Применение физической силы к осужденным в рамках международных стандартов // Право и образование. 2021. № 8. С. 88-95.

[5] Ковалев О.Г. Особенности правового регулирования службы в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // Международный научный вестник. 2026. № 4. С. 180-186.

[6] Закон Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (с изменениями и дополнениями // Garant.ru (дата обращения 11.07.2026).

[7] Ковалев О.Г. Требования к служебному поведению сотрудников в контексте реализации Федерального закона от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе»: правовой и психологический анализ // Российский научный вестник. 2026. № 4. С. 373-378.

[8] Ковалев О.Г. Особенности привлечения к ответственности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Российский научный вестник. 2026. № 5. С. 459-464.

[9] Ковалев О.Г. К вопросу классификации прав сотрудников уголовно-исполнительной системы // Международный научный вестник. 2026. № 4. С. 81-86.

[10] Приказ Министерства юстиции РФ от 05.08. 2021 г. № 132 «Об организации прохождения службы в уголовно-исполнительной системе

Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Garant.ru (дата обращения 11.07.2026).

References:

[1] The Labor Code of the Russian Federation // Consultant.ru (accessed 07/11/2026).

[2] Commentary to the Labor Code of the Russian Federation / Edited by Yu.P. Orlovsky Moscow. 2014.

[3] Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 "On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment" // Garant.ru (accessed 07/11/2026).

[4] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. The use of physical force against convicts within the framework of international standards // Law and education. 2021. No. 8. pp. 88-95.

[5] Kovalev O.G. Features of the legal regulation of the service in the penal system at the present stage of its development // International Scientific Bulletin. 2026. No. 4. pp. 180-186.

[6] The Law of the Russian Federation dated 07/21/1993, No. 5485-1 "On State Secrets" (with amendments and additions // Garant.ru (accessed 07/11/2026).

[7] Kovalev O.G. Requirements for official conduct of employees in the context of the implementation of Federal Law No. 197-FZ dated 07/19/2018 "On service in the penal enforcement system": legal and psychological analysis // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 4. pp. 373-378.

[8] Kovalev O.G. Features of bringing to justice employees of the penal enforcement system // Russian Scientific Bulletin. 2026. No. 5. pp. 459-464.

[9] Kovalev O.G. On the issue of classifying the rights of employees of the penal enforcement system // International Scientific Bulletin. 2026. No. 4. pp. 81-86.

[10] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 05.08.2021 No. 132 "On the organization of service in the penal enforcement system of the Russian Federation" (with amendments and additions) // Garant.ru (accessed 07/11/2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-251-256

КУБИЯСОВА Анна Михайловна,
старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел БЮИ МВД России, подполковник полиции,
e-mail: amk_87@mail.ru

ЗЛИЩЕВА Людмила Алексеевна,
старший научный сотрудник научно-исследовательского отделения отдела организации научной и редакционно-издательской деятельности Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции,
e-mail: Zlishcheva.nauka@mail.ru

СИНЯЕВА Ирина Геннадьевна,
сотрудник научно-исследовательского отделения отдела организации научной и редакционно-издательской деятельности Краснодарского университета МВД России, майор полиции,
e-mail: Irina.S.nio@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. *В статье исследуются трансформация и современное состояние административной деятельности полиции по профилактике правонарушений в условиях цифровизации общественных отношений. Анализируются нормативные основы профилактической деятельности, включая Федеральный закон № 182-ФЗ и приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619. Рассматриваются ключевые направления внедрения цифровых технологий в профилактическую работу органов внутренних дел: мониторинг цифровых источников, предикативная аналитика, автоматизированные системы учёта, цифровые платформы взаимодействия с населением. Выявляются правовые и организационные проблемы, возникающие при цифровизации профилактической деятельности: неопределённость правового статуса решений, принимаемых автоматизированными системами, риски алгоритмической непрозрачности, кадровый дефицит. Обосновывается вывод о необходимости формирования интегративной модели административной деятельности, сочетающей правоохранительный, сервисный и цифровой компоненты, а также совершенствования критериев оценки эффективности профилактической работы.*

Ключевые слова: *профилактика, цифровизация, полиция, административная деятельность, правонарушения, технологии, информация, безопасность, контроль.*

KUBIYASOVA Anna Mikhailovna,
Senior Lecturer at the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Buryat Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

ZLISHCHEVA Lyudmila Alekseevna,
Senior Researcher at the Research Department of the Department for the Organization of Scientific and Editorial Publishing Activities at the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

SINYAEVA Irina Gennadyevna,
an employee of the research department of the organization of scientific and editorial and publishing activities at the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, police major

ADMINISTRATIVE ACTIVITIES OF THE POLICE IN PREVENTING OFFENSES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. *The article examines the transformation and current state of the police's administrative activities related to crime prevention in the context of the digitalization of social relations. The regulatory framework for preventive activities is analysed, including Federal Law No. 182 FZ and Order No. 619 of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 24, 2023. The key areas for introducing digital technologies into the preventive work of internal affairs bodies are considered: monitoring of digital sources, predictive analytics, automated accounting systems, and digital platforms for interaction with the public. Legal and organizational problems arising in the digitalization of preventive activities are identified: the uncertainty of the legal status of decisions made by automated systems, the risks of algorithmic opacity, and staff shortages. The conclusion is substantiated that it is necessary to form an integrative model of administrative activity that combines law enforcement, service, and digital components, as well as to improve the criteria for assessing the effectiveness of preventive work.*

Key words: *prevention, digitalization, police, administrative activity, offenses, technologies, information, security, control.*

Современное состояние общественных отношений характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности. Информационно-коммуникационные технологии проникают в экономику, политику, социальную сферу, повседневную жизнь граждан. Вместе с позитивными эффектами цифровой трансформации возникают и новые вызовы для системы правопорядка: растёт число правонарушений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, расширяется спектр информационно-психологических угроз, появляются новые формы деструктивного поведения в цифровой среде. В этих условиях перед органами внутренних дел встаёт задача адаптации административной деятельности к реалиям цифрового общества.

Административная деятельность полиции традиционно включает в себя как юрисдикционную (правоохранительную), так и профилактическую составляющие. Профилактическая составляющая административной деятельности представлена системой мер, направленных на выявление причин и условий, порождающих правонарушения, а также разработкой системы мер, устраняющих эти причины и условия . В условиях цифровой среды содержание и формы профилактической деятельности претерпевают существенные изменения. Как справедливо отмечает В.В. Денисенко, эффективность деятельности полиции в XXI веке зависит не от объёма применяемых принудительных мер, а от способности предвидеть, адаптироваться и служить обществу на основе права, технологий и доверия [4]. Цифровая трансформация открывает новые возможности для профилактики, одновременно порождая правовые, организационные и этические проблемы, требующие научного осмысления и практического разрешения.

Цель настоящей статьи состоит в комплексном анализе административной деятельности полиции по профилактике правонарушений в цифровой среде, выявлении её современного состояния, основных направлений, проблем и перспектив развития.

Нормативно-правовую основу профилактической деятельности полиции составляют федеральные законы, подзаконные нормативные акты и ведомственные приказы. Базовым актом в данной сфере выступает Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Фе-

дерации». Закон определяет комплекс социальных, правовых, организационных и других мер, направленных на:

Выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений.

Воспитательное воздействие на лиц с целью недопущения правонарушений или антиобщественного поведения[1].

Закон устанавливает правовые и организационные основы этой системы и правила ее работы. При этом, как отмечает ряд исследователей, Федеральный закон № 182-ФЗ устанавливает достаточно общее определение профилактики как комплекса мер социально-экономического, педагогического, правового характера, что создаёт определённые сложности для правоприменительной практики в условиях быстро меняющейся цифровой среды [3].

Важнейшим ведомственным актом, конкретизирующим организацию профилактической работы в органах внутренних дел, является приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений». Он актуализировал и систематизировал организацию профилактической работы в органах внутренних дел, обновил нормативную базу, закрепил приоритет профилактики (установил профилактику преступлений и правонарушений как одно из приоритетных направлений деятельности полиции), расширил направления работы (дополнил перечень основных направлений профилактики противодействием преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий), установил задачи для всех подразделений, осуществляющих профилактику [2]. Положения правового акта свидетельствует о признании на ведомственном уровне значимости цифровой составляющей в профилактической деятельности. Вместе с тем, как справедливо указывается в научной литературе, в приказе МВД России № 619 отсутствуют более предметные нормативные предписания, определяющие конкретные механизмы реализации данного направления профилактики, что оставляет значительный простор для доктринальных дискуссий и правоприменительного усмотрения[5].

Качественные изменения претерпевает характер современных угроз общественной и государственной безопасности. В своих трудах В.В. Денисенко к современным угрозам безопасности относит цифровую преступность и киберпреступность, информационно-психологические угрозы, терроризм и экстремизм в цифровой среде, транснациональную организованную преступность. Указанные вызовы требуют от полиции перехода от реактивной к проактивной модели административного управления [4]. Проактивная модель (упреждающее управление) предполагает не столько реагирование на уже совершённые правонарушения, сколько их предвидение и предотвращение на основе анализа больших массивов данных, прогнозирования рисков и своевременного принятия превентивных мер.

В эпоху цифровизации практика взаимодействия граждан с правоохранительными органами претерпевает значительные изменения. Традиционные формы получения информации, такие как обходы территории, дополняются мониторингом цифровых источников. Анализ оперативной обстановки требует обработки больших массивов данных, что невозможно без использования современных информационных технологий. Освоение цифровых решений становится необходимым условием эффективного доведения решений до исполнителей и взаимодействия с населением [6].

Одним из перспективных направлений внедрения цифровых технологий в профилактическую деятельность является использование предиктивной аналитики. Предиктивная аналитика (от англ. predict – предсказывать) – это направление анализа данных, которое использует исторические данные, статистические алгоритмы и методы машинного обучения для прогнозирования будущих событий или тенденций. Если говорить просто: это не «что случилось?» (отчёт) и не «почему случилось?» (диагностика), а «что вероятнее всего случится дальше?».

Как отмечается в исследовании, посвящённом предиктивной аналитике административной деятельности полиции, прогнозы должны опираться на комплекс разнородных массивов информации при строгом соблюдении требований законодательства о персональных данных и информационной безопасности [7]. Речь идёт о ведомственных и межведомственных базах данных органов внутренних дел, а также о данных из открытых источников и инфраструктуры «умного города».

Алгоритмы предиктивной аналитики и статистического моделирования включают в себя разработку геопространственных моделей с указанием мест концентрации наибольшего числа административных правонарушений, предполагаемые модели риска рецидива и нарушения специальных административных режимов, сценарные модели развития кризисных ситуаций. Эти модели должны проходить проверку корректности, полноты и структуры данных перед их обработкой, сопровождаться подробной документацией и находиться в открытом доступе для экспертного сообщества.

Несомненно, предиктивная аналитика сопряжена с некоторыми рисками. Во-первых, возникает возможность тотализирующей цифровой

слежки, обусловленной интеграцией разнородных массивов данных (от видеонаблюдения до телекоммуникаций и финансовых транзакций) в единую платформу «цифровой полиции». Во-вторых, отсутствие четких правовых критериев при использовании прогнозных моделей для принятия решений о превентивных мерах административного. В-третьих, сложность объяснения логики решений «чёрного ящика» затрудняет судебную проверку обоснованности административных решений [7].

Важным направлением превентивной деятельности полиции в период цифровизации общества является работа с несовершеннолетними. Статистика показывает, что особую актуальность приобретает проблема формирования деструктивных субкультур в молодёжной среде и влияния данных сообществ на молодёжь. В этой связи формирование культуры информационной безопасности у подростков – одно из основных направлений административной деятельности полиции. Необходимо отметить, что полиция выступает основным субъектом данной деятельности, а её правовой статус в этой сфере требует дальнейшего нормативного закрепления [8].

Профилактическая работа в онлайн-среде включает размещение в интернете профилактических баннеров, видеороликов, ведение специализированных телеграм-каналов [9]. Так, в 2023 году был создан телеграм-канал «Вестник киберполиции» в целях своевременного информирования населения о новых видах и способах совершения преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий. Данная форма работы относится к правовому просвещению и правовому информированию как одной из форм профилактического воздействия, предусмотренных Федеральным законом № 182-ФЗ. Наряду с этим полиция участвует в ограничении доступа к сайтам в сети Интернет, содержащим информацию, распространение которой в России запрещено [10], что также относится к числу профилактических мер, направленных на недопущение совершения правонарушений в цифровой среде.

А.М. Воронов и М.В. Анисифорова в своём исследовании говорят о том, что внедрение новых информационных технологий в деятельность органов внутренних дел по профилактике правонарушений способствует адаптивности профилактической деятельности к современным вызовам и угрозам, носящим информационный характер. Авторы аргументируют позитивный потенциал обогащения арсенала используемых инструментов цифровыми технологиями при реализации конкретных направлений профилактики и формулируют вывод о том, что цифровизация профилактической деятельности полиции в целом способствует её экономичности [11]. Однако экономичность не должна достигаться за счёт снижения качества профилактической работы или ущемления прав граждан.

Концептуальное переосмысление сущности административной деятельности полиции в условиях цифровой трансформации предлагает Г.З. Харебов. Автор обращает внимание на серьёзное расхождение между устаревшими теоретическими представлениями об административной деятельности как о чисто принудительной функции и тем, что мы видим в правоприменении, где на первый план выходят услуги и цифровизация. Обзор современных исследований и нормативов показывает, что назрела необходимость в интегративной модели, состоящей из трёх равноправных блоков: юрисдикционного, сервисного и автоматизированного. При этом остаётся открытым вопрос о статусе решений, которые принимают автоматизированные системы в ходе административного производства. И ещё один острый момент: старая «палочная» система оценки, завязанная на количестве мер принуждения, никак не стыкуется с законодательно установленным принципом общественного доверия. Автором предложена авторская система критериев оценки эффективности административной деятельности, базирующаяся на интегральном индексе, учитывающем уровень цифровизации, удовлетворённость граждан и показатель законности принимаемых актов [12].

Важным аспектом цифровизации профилактической деятельности является цифровизация производства по делам об административных правонарушениях. В декабре 2024 года Государственная Дума приняла в первом чтении пакет законопроектов, направленных на цифровизацию производства по делам об административных правонарушениях. Это создаёт предпосылки для более полной автоматизации административно-юрисдикционных процедур, включая регистрацию правонарушений, сбор доказательств, вынесение постановлений. Вместе с тем, как показывает анализ практики, в МВД России по состоянию на 1 июля 2024 года эксплуатируется одновременно три системы по регистрации правонарушений [13], что свидетельствует о сохраняющейся фрагментарности информационных ресурсов и отсутствии единой цифровой платформы.

Цифровизация профилактики – это не только возможности, но и риски. Когда нет чётких правил для предиктивной аналитики, есть опасность, что решения будут приниматься по алгоритмическим прикидкам, а не по реальным фактам. Кроме того, сведение разных массивов данных может ударить по приватности граждан. Не стоит забывать и о кадрах: если у сотрудников слабая цифровая грамотность, все технологические новинки

обесцениваются. И наконец, если механизмы принятия решений останутся за закрытым кодом, а цифровой контроль покажется людям назойливым, доверие к органам будет подорвано.

По результатам анализа можно сказать: профилактическая деятельность полиции в цифровой среде сейчас активно меняется. Законодательная база (182-ФЗ, приказ № 619 и другие акты) даёт основу, но нуждается в доработке – особенно в части конкретных механизмов применения цифровых инструментов на практике.

Основные векторы цифровой трансформации: мониторинг сети, предиктивное моделирование, автоматизация учёта, работа с населением через соцсети и мессенджеры, а также автоматизация административных процедур. В каждом из этих направлений есть большой потенциал, но и немало подводных камней – правовых, организационных, этических. Их надо анализировать и законодательно урегулировать.

Сейчас особенно не хватает ясности по поводу юридического статуса «машинных» решений; нет единых стандартов для прогнозной аналитики; ведомственные базы данных разрознены; у многих сотрудников не хватает навыков; и всё время возникает риск нарушить права человека при работе с его данными.

Дальнейшие исследования стоит направить на создание интегративной модели, которая объединит в себе правовую защиту, обслуживание граждан и цифровые технологии. При этом основой должны оставаться законность, прозрачность, общественное доверие и эффективность.

Критерии оценки эффективности профилактической деятельности требуют пересмотра в сторону отказа от исключительно количественных показателей и внедрения интегральных индексов, учитывающих уровень цифровизации, удовлетворённость граждан и законность принимаемых актов. Реализация этой модели требует системного подхода, объединяющего правовые, технологические, кадровые и управленческие аспекты, и активного участия как научного, так и практического сообщества МВД России.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024). URL: https://base.garant.ru/71428030/(дата обращения: 31.08.2026).

[2] Приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений». URL: https://base.garant.ru/407935745/?ysclid=mtikuf13a735966291 (дата обращения: 31.08.2026).

[3] Воронов А.М., Анисифорова М.В. Перспективы внедрения новых информационных технологий в деятельность органов внутренних дел по профилактике правонарушений // Вестник ВИПК МВД России. – 2024. – № 2 (70). – С. 157-162.

[4] Денисенко В.В. Совершенствование административной деятельности полиции в условиях современных угроз // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. № 1 (75). С. 78-84.

[5] Иванов С.Н., Петрова Е.А. Организационно-правовые аспекты профилактики правонарушений в деятельности органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (102). С. 35–42.

[6] Горошко, И. В. Цифровизация - современный тренд развития правоохранительных органов / И. В. Горошко // Обозреватель. – 2022. – № 2(385). – С. 98-110.

[7] Полиция будущего: прогнозные модели административной деятельности в условиях глобальных рисков // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politsiya-buduschego-prognoznye-modeli-administrativnoy-deyatelnosti-v-usloviyah-globalnyh-riskov/viewer (дата обращения: 01.09.2026).

[8] Жуков В. Г. К вопросу о совершенствовании деятельности полиции по противодействию деструктивным молодежным субкультурам в цифровой среде // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 57–64.

[9] Макаров Д.А. Административно-правовое регулирование ограничения доступа к запрещённой информации в сети Интернет // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 36–41.

[10] Харебов Г.З. Административная деятельность полиции: от юрисдикционной модели к сервисно-цифровой парадигме // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-deyatelnost-politsii-ot-yurisdiktsionnoy-modeli-k-servisno-tsifrovoy-paradigme/viewer (дата обращения: 31.08.2026).

[11] Сафоненков П. Н. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях // Медиа МВД России. URL: file:/ // C:/Users/moise/Downloads/tsifrovizatsiya-proizvodstva-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah.pdf (дата обращения: 31.08.2026).

[12] Бегеза В.В. Организация деятельности органов внутренних дел в условиях появления новых вызовов кибербезопасности России // NB: Административное право и практика администрирования. 2023. № 2. С. 48–53.

References:

[1] Federal Law No. 182-FZ dated June 23, 2016, "On the Fundamentals of the System for Preventing Offenses in the Russian Federation" (as amended on August 8, 2024). URL: https://base.garant.ru/71428030/(accessed: 31.08.2026).

[2] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 24, 2023, No. 619 "On certain organizational issues related to the activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation in preventing offenses." URL: https://base.garant.ru/407935745/?ysclid=mtikuf13a735966291 (accessed: 31.08.2026).

[3] Voronov A.M., Anisiforova M.V. Prospects for the introduction of new information technologies into the activities of internal affairs bodies in the prevention of offenses // Bulletin of the VIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 2 (70). – Pp. 157–162.

[4] Denisenko V.V. Improving the administrative activities of the police in the context of modern threats // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. No. 1 (75). Pp. 78–84.

[5] Ivanov S.N., Petrova E.A. Organizational and legal aspects of crime prevention in the activities of internal affairs bodies // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2 (102). Pp. 35–42.

[6] Goroshko, I. V. Digitalization — a modern trend in the development of law enforcement agencies / I. V. Goroshko // Obozrevatel. – 2022. – No. 2(385). – Pp. 98–110.

[7] The police of the future: predictive models of administrative activity in the context of global risks // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politika-buduschego-prognoznye-modeli-administrativnoy-deyatelnosti-v-usloviyah-globalnyh-riskov/viewer (accessed: 01.09.2026).

[8] Zhukov V. G. On the issue of improving the police's efforts to counter destructive youth subcultures in the digital environment // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2024. No. 3(100). Pp. 57–64.

[9] Makarov D.A. Administrative and Legal Regulation of Restricting Access to Prohibited Information on the Internet // Administrative Law and Procedure. 2024. No. 5. Pp. 36–41.

[10] Kharebov G.Z. Administrative Activities of the Police: From a Jurisdictional Model to a Service Digital Paradigm // CyberLeninka. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-deyatelnost-politsii-ot-yurisdiktsionnoy-modeli-k-servisno-tsifrovoy-paradigme/viewer (accessed: 31.08.2026).

[11] Safonenkov P. N. Digitalization of proceedings in cases of administrative offenses // Media of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: file:/ // C:/Users/moise/Downloads/tsifrovizatsiya-proizvodstva-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah.pdf (accessed: 31.08.2026).

[12] Begeza V.V. Organization of the activities of internal affairs bodies in the context of emerging new challenges to Russia's cybersecurity // NB: Administrative Law and Administration Practice. 2023. No. 2. Pp. 48–53.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-257-261
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.

КАШКИНА Екатерина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Российская Федерация,
ORCID: 0000-0001-5045-2054,
e-mail: 000049@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *В статье рассматривается природа системы отношений как психологическая основа взаимодействия, с помощью которого она изучает процесс и его результаты с психической стороны. Обсуждая проблему взаимосвязи между содержанием системы отношений и формой ее выражения, следует подчеркнуть, что выбор человеком наиболее психологически целесообразной формы выражения своей системы отношений происходит без напряжения и бросающейся в глаза нарочитости, если у него сформированы психические свойства личности, которые обязательны для успешного межличностного общения: способность к идентификации и децентрации, эмпатии и саморефлексии.*

Ключевые слова: *система отношений, взаимодействие, межличностное общение, личность, уголовно-исполнительная система.*

KASHKINA Ekaterina Valerievna,
Candidate of Law, Associate Professor, Leading Researcher, PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

FEATURES OF THE RELATIONSHIP SYSTEM

Annotation. *The article considers the nature of the relationship system as the psychological basis of interaction, with the help of which it studies the process and its results from the mental side. Discussing the problem of the relationship between the content of the relationship system and the form of its expression, it should be emphasized that a person's choice of the most psychologically expedient form of expression of his relationship system occurs without tension and conspicuous bias, if he has formed mental properties of a person that are mandatory for successful interpersonal communication: the ability to identify and decentralize, empathy and self-reflection.*

Key words: *relationship system, interaction, interpersonal communication, personality, penal system.*

Природа системы отношений существенно отличается от природы общественных и других видов отношений: их важнейшая специфическая черта – психологическая основа. Поэтому систему отношений можно рассматривать как фактор психологического «климата» личности. В нашем исследовании необходимость рассмотрения системы отношений основывается на том, что главным и основным для психологии понятием является взаимодействие, с помощью которого она изучает процесс и его результаты с психической стороны. На процесс взаимодействия человека в коллективе и с коллективом влияет характер человека, в котором сказываются как свойства его психических процессов, так и особенности его системы отношений. Так, когда мы говорим «волевой, эмоциональный, фантазер», очевидно, эти свойства являются отвлечением от особенностей волевой, эмоциональной и интеллектуальной деятельности.

Столь важные вообще и в социально-психологическом плане общительность с ее противоположностью – замкнутостью и их нюансами – откровенностью, открытостью или скрытностью являются не элементарно или первично функциональными коммуникативными качествами, но

выражают сочетание экспрессивных или импрессивных тенденций с положительным или отрицательным отношением к людям, прежде всего, доверия или недоверия к ним. То же можно сказать о внимательности. Это не просто свойство развитой функции – процесса внимания, а выражение отношения привязанности, любви, заботы о человеке. Способом или формой системы отношений является обращение человека с человеком. Оно обусловлено жизненной необходимостью, но характер его, активность, размеры определяются сложившейся системы отношений. Вопрос обращения как составляющей становления системы отношений мало освещен психологической и педагогической теорией, однако он не только постоянно имеет значение в процессе взаимодействия людей, но и играет существенную роль в организации взаимодействия среды и системы отношений человека. Естественным является параллелизм положительного или отрицательного в системе отношений и обращения как формы.

В генетическом плане надо учесть, что обращение мягкое или жесткое, даже жестокое, подавляющее или ободряющее, грубое или мягкое, сухое или ласковое формирует и систему отношений. Повторность соответственного типа воздействия формирует определенный психологический тип личности со всем комплексом характерологических признаков. На основании исследования системы отношений мы должны остановиться на том, что в настоящее время нет единого определения системы отношений. Если социальные отношения –это отношения между социальными группами или их членами. Несколько иной пласт отношений характеризует понятие «общественные отношения», под которыми понимают многообразные связи, возникающие между названными общностями, а также внутри них в процессе экономической, социальной, политической, культурной жизни и деятельности.

Формой проявления отношений являются переживания. Содержанием же системы отношений является жизненный опыт человека. Доминирующие переживания формируются на основе жизненного опыта, проявляются в системе отношений и определяют будущее, содержание будущей жизни человека [1].

Отношения, составляющие основу системы отношений, классифицируются с точки зрения владения и распоряжения собственностью (классовые, сословные); по объему власти (отношения по вертикали и по горизонтали); по сферам проявления (правовые, экономические, политические, моральные, религиозные, эстетические, межгрупповые, массовые, межличностные); с позиции регламентированности (официальные, неофициальные); исходя из внутренней социально-психологической структуры (коммуникативные, когнитивные, конативные и пр.). Кроме понятия «общественные отношения», в науке широко используется и понятие «человеческие отношения». Оно, как правило, применяется для обозначения всевозможных субъективных проявлений человека в процессе его взаимодействия с различными объектами внешнего мира, не исключая и отношение к самому себе. Отношения выражаются в виде производственных, экономических, правовых, нравственных, политических, религиозных, этнических, эстетических и т.д.

Производственные отношения концентрируются во множестве профессионально-трудовых ролей-функций человека (например, инженер или рабочий, руководитель или исполнитель и т.д.).

Экономические отношения реализуются в сфере производства, владения и потребления, представляющей собой рынок материальной и духовной продукции. Здесь человек выступает в двух взаимосвязанных ролях – продавца и покупателя.

Правовые отношения в обществе закрепляются законодательным путем. Они устанавливают меру свободы личности как субъекта производственных, экономических, политических и других общественных отношений. В конечном счете, правовые отношения обеспечивают или не обеспечивают эффективное выполнение роли социально активного человека.

Нравственные отношения закрепляются в соответствующих ритуалах, традициях, обычаях и других формах этнокультурной организации жизни людей. В этих формах заключается моральная норма поведения на уровне бытующих межличностных отношений, которая проистекает из нравственного самосознания конкретной общности людей.

Религиозные отношения отражают взаимодействие людей, которое складывается под влиянием представлений о месте человека во вселенских процессах жизни и смерти, о таинствах его души, идеальных свойствах психики, духовных и нравственных основах существования. Эти отношения вырастают из потребности человека к самопознанию и самосовершенствованию, из сознания высшего смысла бытия, осмысления своих связей с космосом, объяснения таинственных явлений, которые не поддаются естественнонаучному анализу.

Политические отношения концентрируются вокруг проблемы власти. Последняя автоматически приводит к доминированию тех, кто ею обладает, и подчинению тех, кто ее лишен. Власть, предназначенная для организации общественных отношений, реализуется в виде лидерских функций в сообществах людей.

Эстетические отношения возникают на ос-

нове эмоционально-психологической привлекательности людей друг для друга и эстетического отражения вещественных объектов внешнего мира. Эти отношения отличаются большой субъективной вариантностью.

В среде отбывающих наказание могут существовать все указанные виды отношений. В психологии уже много десятилетий идет разработка категории отношений в специфическом для этой науки ключе. Но объективности ради следует отметить, что иные психологические школы относились настороженно к попыткам создать теорию человеческих отношений. Однако такой подход явно неоправдан, поскольку названная теория несет в себе сильнейшее гуманистическое начало. Основателем теории человеческих отношений на Западе считается Э. Мэйо, хотя в России одновременно с ним о необходимости разработки теории отношений в психологии писали В.М. Бехтерев, А.Ф. Лазурский, В.Н. Мясищев.

Отвлечемся от многих сторон бытия, с которыми связан каждый человек и к которым у него есть свое отношение, и остановимся лишь на его отношениях с различными общностями, членом которых он является, а также на его отношениях с теми или иными людьми. В этом случае можно выявить, что отношение предполагает актуализацию знания в образно-понятийной форме об общности или о личности у тех, кто вступает во взаимодействие; оно всегда несет в себе тот или иной эмоциональный отклик взаимодействующих индивидов (общностей) на общность или личность; одновременно актуализирует определенное обращение с ними.

Затем, если далее объективировать «психологическую изнанку» каждого из отношений, в систему которых включен человек, можно увидеть цель, которую преследует личность, вступая во взаимодействия с общностями и отдельными людьми, и обязательно потребности, которые непосредственно влияют на характер ее отношений. У каждой личности обычно бывают разные отношения с какой-то общностью и даже с отдельным человеком, который входит в ближайшее или более отдаленное окружение. В отношениях одного человека с другим обнаруживается характерный признак – наличие положительной или отрицательной эмоциональной реакции на другого человека. Эта реакция может быть и нейтрально равнодушной или противоречивой. Естественно, что одни отношения в силу своего характера могут нести конструктивное начало и «работать» на умственное, нравственное, эстетическое, трудовое и физическое развитие личности, а действие других отношений может иметь для нее деструктивный результат. В этом смысле для личности особенно важны отношения с субъективно значимыми для нее людьми. Именно они сильнее всего влияют на восприятие личностью окружающего и толкают ее к нестандартным поступкам.

Среди межличностных отношений в системе отношений выделяются отношения знакомства, приятельские, товарищеские, дружеские и отношения, переходящие в интимно-личностные: любовные, супружеские, родственные. Н.Н. Обозов классифицирует эти отношения по их глубине, избирательности в выборе партнера и функциям [2].

Главным критерием отношений является глубина вовлеченностив них личности. Наибольшее включение личности происходит в дружеских и супружеских отношениях. Избирательность можно определить по числу признаков, значимых для установления и воспроизводства отношений. Взаимоотношения можно различать по дистанции между партнерами во время общения, по продолжительности и частоте контактов, применению ролевых клише в актах общения и т.д. Общая закономерность, выделенная Н.Н. Обозовым, состоит в том, что по мере углубления отношений сокращается дистанция общения, увеличивается частота контактов, устраняются ролевые клише.

Как следует из изложенного, понятием «межличностные отношения» обозначаются человеческие отношения как компонент системы отношений в контексте реального непосредственного или опосредованного взаимодействия людей, имеющих обратную связь друг с другом. В этом контексте межличностные отношения приобретают характер социально-психологических за счет вмешательства в общественные отношения личных отношений как персонализированной реакции партнеров друг на друга.

Понятием «личное отношение» определяется сугубо индивидуальная субъективная направленность человека на кого-либо или на что-либо. В личном отношении к другому человеку заключены конкретное реагирование на достоинства и недостатки партнера, его значимость для субъекта отношения. Личное отношение однонаправленно и проистекает из субъективных установок человека. Оно может оставаться скрытым. Крайняя степень субъективности личных отношений в системе отношений заключена в единстве эффективных, гностических и регуляторных функций психики. В личных отношениях наиболее полно проявляется эффективный компонент психического отражения. При этом в эффективном реагировании концентрируется подсознательная мотивация человека. В силу этого в личных отношениях преобладают эмотивные (эмоционально-чувственные) и конативные (установочно-волевые) компоненты психической деятельности.

Психические отношения раскрывают притягательность объекта, благоприятно или неблагоприятно воздействующего на органы чувств человека. Эти отношения отличаются непроиз-

вольностью реагирования субъекта на свойства отражаемого объекта. Они сопровождают любой акт психической деятельности человека на конкретно-чувственном уровне отражения, предопределяя его эмоциональный колорит и проявляясь в чувственном тоне и настроении, а также в аффектах и других психических состояниях. Кроме того, они регулируют взаимодействие с объектом, обнаруживая себя в стремлении к нему или в избегании его. Осознание своего психического отношения к объекту за счет когнитивных компонентов психического отражения преобразует элементарное эффективное реагирование в чувства партнера. Тем самым психические отношения трансформируются в психологические.

Психологические отношения личности в развитом виде представляют целостную систему ее индивидуальных, избирательных, сознательных связей с различными сторонами объективной действительности. Сознательность и произвольность психологических отношений опирается на когнитивные и конативные функции психической деятельности человека. Благодаря когнитивным процессам происходит анализ значимости приятного-неприятного объекта, что и предопределяет наше психологическое отношение при выборе или отвержении данного объекта. Сама же значимость и последующий выбор объекта согласуются с мотивационными компонентами психической организации человека, что обеспечивает субъекту психологическую готовность к поступку той или иной направленности.

Новое качество социально-психологических отношений обусловлено тем, что они всегда продукт взаимодействия, взаимосвязи, взаимоустремления, взаимовлияния, взаимопознания, взаимовыражения, взаимоотношения. Все эти «взаимо» интегрируются в групповые эффекты сотрудничества-соперничества, дружбы-вражды, любви-ненависти, добра-зла, лидерства-конформизма и др.

Ролевые взаимоотношения отражают функционально-организаторскую зависимость людей в совместной деятельности. Взаимоотношения «ведущий-ведомый» в производственных сообществах представлены ролями руководителя, коллеги, исполнителя. Они закрепляются в официальной административно-управленческой структуре. В то же время каждый рядовой работник также может выступать по отношению к другому в роли ведущего или ведомого. Эти роли не всегда совпадают с официальными должностями и проявляются в неофициальном лидерстве.

Коммуникативные взаимоотношения характеризуют активность членов сообщества в их контактах, взаимосвязях и общении. Возникают они посредством информационного обмена между участниками взаимодействия и в значительной мере зависят от психологических качеств партнеров, которые они способны проявить в диапазоне «общительность-замкнутость». Развитию коммуникативных взаимоотношений благоприятствуют следующие качества: открытость, искренность, простота, личное обаяние, непосредственность, эмоциональность и т.п. Коммуникативный потенциал личности снижается из-за робости, застенчивости, скрытности, неумения слушать других и т. п.

Когнитивные взаимоотношения представляют собой результат отражения адекватности взаимного познания людей. Они характеризуют партнеров в диапазоне «понимание-непонимание» через проявление сочувствия, сопереживания, эмпатии и других социально-психологических феноменов, определяющих проникновение участников взаимодействия в психологическую сущность друг друга.

Эмоциональные взаимоотношения отражают взаимную привлекательность людей и проявляются в рамках «любовь-ненависть». Побудителями этих чувств становится физическая, психологическая, социальная привлекательность партнеров. Различные виды привлекательности могут взаимно усиливать или ослаблять друг друга. Зависит это от субъективных установок партнеров на их совместную деятельность, а также от этнопсихологических стереотипов.

Волевые взаимоотношения отражают возможности самопроявления партнеров в совместной жизнедеятельности. Они характеризуют меру психологической активности или характер поведения людей в сообществах. Волевые взаимоотношения изменяются в диапазоне «независимость-подчинение» и проявляются как властность, самостоятельность, решительность, настойчивость, уступчивость, терпимость и т. д.

Моральные взаимоотношения характеризуют поведение людей по критериям «добро-зло» и проявляются в заботливости, отзывчивости или равнодушии, корысти, агрессии, эгоизме и т.п. Эти взаимоотношения отражают психологические установки, касающиеся этической стороны поведения людей в сообществах. Понимание добра-зла в первичных группах не всегда соответствует общественной морали из-за сложности и противоречивости обыденного сознания, которое не всегда приемлет общечеловеческие ценности. Свое реальное отражение и выражение человеческие отношения находят в общении.

Межличностные отношения могут рассматриваться не только как диадные, но и как отношения между людьми, входящими в общую для них группу - семью, школьный класс, спортивную команду, бригаду рабочих и т. п. В этих случаях они проявляются в характере и способах взаимных влияний, которые оказывают люди друг на друга

во время совместной деятельности и общения.

Положение человека в группе, определяющее его права, обязанности и привилегии, называется статусными отношениями. Необходимость отметить статусные отношения определяется тем, что в них реализуются внешние проявления системы отношений. Возникают статусные отношения в связи с реализацией межличностных отношений. В различных группах один и тот же человек может иметь разный статус. Например, подросток, которого недолюбливают за агрессивность и невоспитанность одноклассники и учителя, вне школы может оказаться «заводилой» дворовой компании, лидером неформальной группировки. Статус человека зависит и от особенности группы, в которую он входит. Важными характеристиками статуса являются престиж и авторитет личности как своеобразная мера признания окружающими ее заслуг. Отношения между конкретными малыми группами можно характеризовать как отношения внутригруппового фаворитизма, межгрупповой дискриминации, межгруппового сотрудничества [3; 5; 6]. Таким образом, система отношений реализуется в общественной плане на основе, описанной Б. Ф. Поршневым: члены некоторой общности (группы) вырабатывают определенное представление и чувство единства, выражаемые словом «Мы», но ко всем, кто не входит в данную группу, относятся как к «чужим», обозначаемым местоимением «Они» [4].

В преступных группах чувство «Мы» не только делает человека зависимым от других членов, но и дает ощущение силы, поддержки. Как правило, это чувство снижает степень критичности по отношению к своим действиям и ответственность за их результаты.

Особой проблемой является установление степени соответствия характера системы отношений и формы его выражения в поведении человека, или, как говорил В. Н. Мясищев, в обращении человека с человеком. Формируясь как личность в конкретной социальной среде, человек усваивает и характерный для этой среды «язык» выражения отношений. Не останавливаясь на особенностях выражения отношений, отмечаемых у представителей различных этнических общностей, следует отметить, что даже в границах одной этнической общности, но в ее различных социальных группах этот «язык» может: иметь свою весьма определенную специфику.

Вместе с тем существуют не только индивидуальные формы выражения одной и той же системы отношений. В жизни имеют место случаи, когда человек в общении искусно имитирует какое-то иное отношение, которого у него фактически нет. И такой человек необязательно является лицемером. Чаще всего при общении истинная система отношений скрывается, а имитируется другое, если человек хочет казаться лучше, чем он есть на самом деле, в глазах тех, чьим мнением он дорожит.

Обсуждая проблему взаимосвязи между содержанием системы отношений и формой ее выражения, следует подчеркнуть, что выбор человеком наиболее психологически целесообразной формы выражения своей системы отношений происходит без напряжения и бросающейся в глаза нарочитости, если у него сформированы психические свойства личности, которые обязательны для успешного межличностного общения: способность к идентификации и децентрации, эмпатии и саморефлексии.

Список литературы:

[1] Наприс А.В. Теоретические и методические исследования личностных жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста, - Рязань, 2003.

[2] Ломов Б.Ф. Методические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.

[3] Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. - М., 1982.

[4] Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. - М., 1979.

[5] Вилкова А.В. Профессиональная подготовка личного состава УИС: духовно-нравственное воспитание // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2018. - № 4. - С. 7-8.

[6] Фасоля А.А., Гузеев М.С., Григорьева М.А. О влиянии деструктивного поведения на личностный выбор индивида // Человеческий капитал. Научно-практический журнал. - 2019. - № 5 (125). - С. 141-147.

References:

[1] Napris A.V. Theoretical and methodological studies of personal life plans and their influence on the behavior of convicts of youth age, Ryazan, 2003.

[2] Lomov B.F. Methodological and theoretical problems of psychology. M., 1984.

[3] Bodalev A.A. Human perception and understanding. - M., 1982.

[4] Porshnev B.F. Social psychology and history. - M., 1979.

[5] Vilkova A.V. Professional training of the personnel of the penal system: spiritual and moral education // Penal system: law, economics, management. - 2018. - № 4. - S. 7-8.

[6] Fasolya A.A., Guzeev M.S., Grigorieva M.A. On the influence of destructive behavior on the individual's personal choice // Human capital. Scientific and practical journal. - 2019. - № 5 (125). - S. 141-147.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-262-266
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: vifk-nic@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА В СИСТЕМЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Аннотация. *Статья посвящена выяснению отдельных аспектов сущности специфических морально-нравственных требований, предъявляемых к сотрудникам УИС, основу профессиональной деятельности которых составляют нравственные принципы.*

Ключевые слова: *профессиональная этика, сотрудник УИС, нравственные принципы.*

DMITRIEV Grigory Gennadevich,
Doctor of Law, Professor, Leading Researcher, PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

PROFESSIONAL ETHICS IN THE PENAL SYSTEM

Annotation. *Annotations. The article is devoted to clarifying certain aspects of the essence of specific moral requirements imposed on employees of the penal system, the basis of whose professional activities are moral principles.*

Key words: *professional ethics, UIS employee, moral principles.*

Профессиональная этика является неотъемлемой составляющей общей культуры сотрудника УИС.

Следовать профессиональной этике – это, с одной стороны, строго выполнять в своей деятельности предписания международных и российских нормативно-правовых актов, т.е. следовать закону; и, с другой стороны, всегда и во всем придерживаться общечеловеческих норм взаимоотношений между людьми, общепринятых норм нравственности.

В противоположность общественной морали специфика профессиональной морали сотрудников УИС отличается своим деонтологическим характером (от древнегреч. deon – нужное, должное, logos – понятие, учение). Термин «деонтология» еще в XIX в. ввел в научный оборот английский философ и юрист Иеремия Бентам (1748-1832) для обозначения науки о должном, нравственном в целом.

В настоящее время деонтология определяется как часть профессиональной этики, изучающая совокупность моральных норм, однозначно регламентирующих должное поведение личности в определенной профессиональной сфере; в отличие от норм обычной этики эти нормы не дают права выбора, они закрепляются в служебных документах и обеспечиваются административными (то есть правовыми) санкциями.

Соответственно к сотруднику УИС предъявляется ряд специфических морально-нравственных требований. В обобщенном виде морально-нравственные требования к сотруднику УИС можно представить следующим образом: отношение к человеку как к высшей ценности, уважение и защита прав, свобод и человеческого достоинства в соответствии с международными и отечественными правовыми нормами и общечеловеческими принципами морали; глубокое понимание социальной значимости своей роли работника УИС, своей ответственности перед обществом и государством, от которой в решающей степени зависят общественная безопасность, охрана жизни, здоровья, правовой защищенности людей; разумное и гуманное использование предоставленных законом работнику УИС прав в строгом соответствии с принципами социальной справедливости, гражданского, служебного и нравственного долга; безупречность личного поведения на службе и в быту, честность, неподкупность, исполнительность и инициатива, забота о профессиональной чести, профессиональная солидарность, взаимопомощь, поддержка, смелость и морально-психологическая готовность к действиям в экстре-

мальных условиях; постоянное совершенствование профессионального мастерства, знаний в области служебной этики, повышение общей культуры, расширение интеллектуального кругозора, творческое освоение необходимого по службе отечественного и зарубежного опыта.

Перечисленные требования дают достаточно наглядное представление о тех морально-нравственных качествах, которыми должен обладать сотрудник уголовно-исполнительной системы. Это терпимость, справедливость, гуманность, чувство долга, смелость, мужество, выдержка, честность.

Основу профессиональной деятельности сотрудника пенитенциарной службы составляют нравственные принципы.

Принцип гуманизма - один из центральных и основополагающих принципов пенитенциарной системы. В чем же состоит гуманизация системы исполнения уголовных наказаний? Прежде всего, это строгое следование законодательным актам, определяющим отношение государства, общества и самого сотрудника пенитенциарной службы к правонарушителям, осужденным; это отказ от неоправданно грубого обращения с лицами, лишенными свободы, недопустимость причинения им ничем не оправданных лишений и страданий, унижения их человеческого достоинства, «обеспечение охраны их законных прав и интересов от любых посягательств, будь то со стороны администрации или со стороны самих осужденных»; это вера в возможность их исправления. В прямой связи с принципом гуманизма находится право осужденных на охрану здоровья, на личную безопасность и обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания.

Гуманизация процесса исполнения наказаний состоит в уважении личного достоинства осужденного, обеспечении его законных прав и интересов от любых посягательств, будь то со стороны администрации или со стороны самих осужденных.

Остановимся на основном содержании другого основополагающего принципа в деятельности органов, исполняющих наказания, – принципа законности. Он заключается в требовании неукоснительного соблюдения законов и основанных на них подзаконных актов всеми сотрудниками пенитенциарной системы. Принцип законности в большей степени, чем другие принципы, отражен в нормативных документах, регламентирующих деятельность сотрудника УИС. Тем не менее, нравственные качества сотрудника именно здесь проявляются наиболее зримо.

Сотрудник никогда не должен забывать, что осужденный по-прежнему остается гражданином общества, хотя и с ограниченным кругом прав и меньшими возможностями в их защите по сравнению со свободными гражданами.

Этическое содержание законности в уголовно-исполнительной системе состоит в следующем: не допускать в своей деятельности случаев невнимательного отношения к осужденным, проявления бездушия к их личным проблемам, отступления от установленных правил общения с ними, беспринципности в оценке собственных поступков и действий подопечных, попустительства при нарушениях закона. Практика показывает, что в тех исправительных учреждениях, где имеются подобного рода факты, у сотрудников и осужденных формируются чувства вседозволенности, беспредела, отрицания общенравственных ценностей. Данные тенденции являются недопустимыми.

Работники уголовно-исполнительной системы, решающие судьбы других, сами должны являться образцом строгого соблюдения законности и требований морали, укрепления правопорядка.

Одним из важнейших принципов не только профессиональной, но и общечеловеческой морали является принцип коллективизма. Что касается правоохранительной служебной среды, то здесь принцип коллективизма однозначно является строго обязательным для успешной организации служебной деятельности, единственно возможным для результативного противостояния криминальному миру. И хотя интересы членов служебного коллектива всегда разнородны, эффективность работы коллектива прямо зависит от целеустремленности и единства его действий, следовательно, прежде всего, от того, насколько интересы коллектива осознаются его членами как приоритетные по сравнению с личными интересами людей, его образующих.

Принцип коллективизма включает в себя несколько частных принципов: единство цели и воли, сотрудничество и взаимопомощь, дисциплина.

Высокое нравственное сознание подразумевает единство личности и Отечества. Это выражается в принципе патриотизма. В деятельности сотрудников УИС этот принцип играет особую роль. Являясь представителем государственной власти, сотрудник должен понимать важность поставленных перед пенитенциарной службой задач и собственную ответственность за их исполнение.

Знание основных нравственных принципов составляет основу морального сознания сотрудника учреждений, исполняющих наказания. Но перевод этих знаний в убеждения и безукоризненное следование принципам морали в служебной деятельности зависит от общего уровня культуры сотрудника, его способности к самосовершенствованию, противостоянию негативным вли-

яниям профессиональной среды.

Список литературы:

[1] Кузьмин А.Н. ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ НЕПРЕРЫВНОГО МОНИТОРИНГА СИСТЕМЫ "СОЦИАЛЬНЫХ ЛИФТОВ" В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ФСИН РОССИИ Кузьмин А.Н., Казберов П.Н., Новиков А.В., Вилкова А.В., Слабкая Д.Н. Учебно-методическое пособие / НИИ ФСИН России. Москва, 2013.

[2] Островская Л.В. ЛИЧНОСТНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ГЕЛИОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА УСТОЙЧИВОЕ СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА Островская Л.В., Калинин Р.Е., Литвишков В.М., Вилкова А.В., Полякова О.В., Жолудова А.Н., Левина М.А., Беляева Е.С., Островский И.С.В сборнике: Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности Материалы II Международной научно-практической конференции. 2013. С. 252-255.

[3] Бахарева Л.Н. ЕДИНСТВО УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКИХ УМЕНИЙ НА ЗАНЯТИЯХ В ВУЗЕ Литвишков В.М., Вилкова А.В., Слюсарева О.Е., Бахарева Л.Н.В сборнике: Материалы ежегодной научной конференции, посвященной 70-летию основания Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова под общ. ред. Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, проф. В.А.Кирюшина. Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова. 2013. С. 366-368.

[4] Новиков А.В. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ Вилкова А.В., Новиков А.В. В сборнике: Высшее образование XXI века Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции под общей редакцией профессора В.Н. Скворцова. 2013. С. 32-36.

[5] Слабкая Д.Н. ПУТИ И ПОДХОДЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КОНЦЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В Вилкова А.В., Слабкая Д.Н. В сборнике: Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир IV международная научно-практическая конференция: сборник статей. Под общей редакцией В.Н. Скворцова. Редакционная коллегия: Н.М. Космачева (ответственный редактор), Г.В. Черкасская. 2014. С. 198-205.

[6] Слабкая Д.Н. ОСНОВЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОМ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ Вилкова А.В., Слабкая Д.Н. В сборнике: Понимание и рефлексия в культуре, науке и образовании материалы Международной научно-практической Интернет-конференции, [посвященной памяти заслуженного деятеля образования, профессора, доктора филологических наук Георгия Исаевича Богина]. ФГБОУ ВПО "Твер. гос. ун-т" ; отв. ред. Крюкова Н. Ф.. 2014. С. 44-49.

[7] Полякова О.В ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕЙ МЕДИЦИНСКОЙ ШКОЛЫ Островская Л.В., Полякова О.В., Литвишков В.М., Вилкова А.В.В сборнике: Сборник научных трудов кафедр гуманитарных дисциплин Ответственный редактор Б.И. Репин. Рязань, 2014. С. 34-39.

[8] Спасенников Б.А. ПРИНЦИП ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ Вилкова А.В., Спасенников Б.А. В сборнике: Точки роста в Евразийском экономическом союзе: бизнес, инвестиции, инновации. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Научный редактор: А.Н. Ежов. Главный редактор: А.Е. Кальсин. 2015. С. 114-115.

[9] Вилкова А.В. ГЕНДЕРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНСКОГО ПОЛА Вилкова А.В. автореферат дис. ... доктора педагогических наук / Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2016.

[10] Белоносов В.О. ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ СИСТЕМА ФРАНЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. Быков А.В., Тимофеева Е.А., Вилкова А.В., Фумм А.М., Яковлева О.Н., Белоносов В.О. Аналитический обзор / Самара, 2017.

[11] Тимофеева Е.А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ПОДГОТОВКА КАДРОВ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ (НА ПРИМЕРЕ ШАНХАЙСКОГО РЕГИОНА) Тимофеева Е.А., Вилкова А.В. Аналитические материалы / Самара, 2017.

[12] Сухарева Е.В. ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЯ ПРИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКАХ: ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА СТАЖЕРОВ Вилкова А.В., Сухарева Е.В. В сборнике: Групповые неповиновения и массовые беспорядки в учреждениях УИС Материалы круглого стола. под общей редакцией ведущего научного сотрудника

ФКУ НИИ ФСИН России, доктора экономических наук, профессора С. В. Гарника. 2018. С. 54-59.

[13] Вилкова А.В. СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРИЧИНА, ОТРИЦАТЕЛЬНО ВЛИЯЮЩАЯ НА РАЗВИТИЕ НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ ПРИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКАХ Вилкова А.В. В сборнике: Групповые неповиновения и массовые беспорядки в учреждениях УИС Материалы круглого стола. под общей редакцией ведущего научного сотрудника ФКУ НИИ ФСИН России, доктора экономических наук, профессора С. В. Гарника. 2018. С. 50-53.

[14] Вилкова А.В. ОБЩЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ КОЛОНИИ Вилкова А.В. В сборнике: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ И ОСУЖДЕННЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ Сборник материалов круглого стола. 2018. С. 48-54.

[15] Тимофеева Е.А, ЧАСТНЫЕ ТЮРЬМЫ ЗА РУБЕЖОМ: ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ Тимофеева Е.А., Вилкова А.В. Аналитические материалы / Самара-Москва, 2018.

[16] Тимофеева Е.А. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ГЛОССАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПАВ-ЗАВИСИМОСТЕЙ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ (словарь) / Москва-Самара, 2018.

[17] Вилкова А.В. ОСОБЫЕ И СЛОЖНЫЕ ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ Вилкова А.В. В сборнике: НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ФКУ НИИ ФСИН РОССИИ (научно-практическое ежеквартальное издание). Москва, 2018. С. 12-15.

References:

[1] Kuzmin A.N. ORGANIZATION AND CONDUCT OF CONTINUOUS MONITORING OF THE SYSTEM OF "SOCIAL ELEVATORS" IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA Kuzmin A.N., Kazberov P.N., Novikov A.V., Vilkova A.V., Slabkaya D.N. Educational and methodological manual/Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Moscow, 2013.

[2] Ostrovskaya L.V. PERSONALLY ORIENTED HELIOMETEOROLOGICAL FACTORS AFFECTING THE SUSTAINABLE STATE OF HUMAN HEALTH Ostrovskaya L.V., Kalinin RE, Litvishkov V.M., Vilkova AV, Polyakova O.V., Zholudova A.N., Levina M.A., Belyaeva E.S., Ostrovsky I.S. In the collection: Forms and methods of social work in various spheres of life Materials of the II International Scientific and Practical Conference. 2013. S. 252-255.

[3] Bakhareva L.N. UNITY OF EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL AND PRACTICAL SKILLS IN CLASSES AT THE UNIVERSITY Litvishkov V.M., Vilkova A.V., Slyusareva O.E., Bakhareva L.N. In the collection: Materials of the annual scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the founding of Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov under the general. ed. Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, prof. V.A. Kiryushin. Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlova. 2013. S. 366-368.

[4] Novikov A.V. PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF THE EDUCATOR AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF SOCIAL AND MORAL VALUES AND LEGAL CULTURE IN JUVENILE OFFENDERS Vilkov A.V., Novikov A.V. In the collection: Higher education of the XXI century Collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference edited by Professor V.N. Skvortsova. 2013. S. 32-36.

[5] Weak D.N. WAYS AND APPROACHES OF SOCIO-ECONOMIC INTEGRATION OF CORRECTIONAL INSTITUTIONS FOR MINORS IN THE LATE XIX - EARLY XX IN Vilkova A.V., Weak D.N. In the collection: Problems and ways of socio-economic development: city, region, country, world IV international scientific and practical conference: collection of articles. Edited by V.N. Skvortsova. Editorial Board: N.M. Kosmacheva (executive editor), G.V. Cherkasskaya. 2014. S. 198-205.

[6] Weak D.N. FUNDAMENTALS OF PEDAGOGICAL MANAGEMENT OF THE PROCESS OF FORMATION OF SOCIAL AND MORAL VALUES IN JUVENILE OFFENDERS Vilkova A.V., Slabkaya D.N. In the collection: Understanding and reflection in culture, science and education materials of the International Scientific and Practical Internet Conference, [dedicated to the memory of Honored Education Worker, Professor, Doctor of Philological Sciences Georgy Isaevich Bogin]. FSBEI HPE "Tver. state. un-t"; resp. ed. Kryukova N. F.. 2014. S. 44-49.

[7] Polyakova O.V. PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF HIGHER MEDICAL SCHOOL Ostrovskaya L.V., Polyakova O.V., Litvishkov V.M., Vilkova A.V. In the collection: Collection of scientific works of the departments of humanitarian disciplines Executive editor B.I. Repin. Ryazan, 2014. S. 34-39.

[8] Spasennikov B.A. PRINCIPLE OF LEGALITY IN CRIMINAL LAW Vilkova A.V., Spasennikov B.A. In the collection: Points of growth in the Eurasian Economic Union: business, investment, innovation Collection of materials of the international scientific-

practical conference. Scientific editor: A.N. Yezhov. Editor-in-chief: A.E. Kalsin. 2015. S. 114-115.

[9] Vilkova A.V. GENDER CONCEPT AND METHODOLOGY OF FORMATION OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF JUVENILE CONVICTS OF FEMALE SEX Vilkova A.V. abstract dis... Doctors of Pedagogical Sciences/Novgorod. state. un-t named after Yaroslav the Wise. Veliky Novgorod, 2016.

[10] Belonosov V.O. FRENCH PENITENTIARY SYSTEM AT THE PRESENT STAGE. Bykov A.V., Timofeeva E.A., Vilkova A.V., Fumm A.M., Yakovleva O.N., Belonosov V.O. Analytical review/Samara, 2017.

[11] Timofeeva E.A. ACTIVITIES OF PENITENTIARY INSTITUTIONS AND PERSONNEL TRAINING IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA (ON THE EXAMPLE OF THE SHANGHAI REGION) Timofeeva E.A., Vilkova A.V. Analytical materials/Samara, 2017.

[12] Sukhareva E.V. PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF THE EDUCATOR DURING MASS RIOTS: INITIAL TRAINING OF TRAINEES Vilkova A.V., Sukhareva E.V. In the collection: Group disobedience and mass riots in penal institutions Materials of the round table. under the general editorship of a leading researcher at the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Economics, Professor S.V. Garnik. 2018. S. 54-59.

[13] Vilkova A.V. SOCIO-PEDAGOGICAL REASON NEGATIVELY AFFECTING THE DEVELOPMENT OF THE MORAL SPHERE OF JUVENILE OFFENDERS DURING MASS RIOTS Vilkova A.V. In the collection: Group disobedience and mass riots in penal institutions Materials of the round table. under the general editorship of a leading researcher at the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Economics, Professor S.V. Garnik. 2018. S. 50-53.

[14] Vilkova A.V. COMMUNICATION OF CONVICTS IN EXTREME CONDITIONS OF THE COLONY Vilkova A.V. In the collection: ACTUAL PROBLEMS OF PROTECTING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF SUSPECTS, ACCUSED AND CONVICTS HELD IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM Collection of materials of the round table. 2018. S. 48-54.

[15] Timofeeva E.A., PRIVATE PRISONS ABROAD: PECULIARITIES OF ORGANIZATION AND FUNCTIONING E.A. Timofeeva, A.V. Vilkova. Analytical materials/Samara-Moscow, 2018.

[16] Timofeeva E.A. PROFESSIONAL GLOSSARY OF A SPECIALIST IN PREVENTION OF SURFACTANT ADDICTIONS IN PENITENTIARY INSTITUTIONS (dictionary) / Moscow-Samara, 2018.

[17] Vilkova A.V. SPECIAL AND COMPLEX EXTREME SITUATIONS Vilkova A.V. In the collection: SCIENTIFIC WORKS OF THE FKU RESEARCH INSTITUTE OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA (scientific and practical quarterly publication). Moscow, 2018. S. 12-15.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-267-270

ФИАЛКОВСКАЯ Екатерина Владимировна,
кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация; orcid.org/0000-0002-3556-2607, e-mail: 19katrin81@bk.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СТРЕССОГЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *В статье речь идет о программе психолого-педагогических мероприятий, направленной на психокоррекцию и психопрофилактику стрессовых состояний у сотрудников, несущих службу в исправительных учреждениях, а также на повышение их уровня стрессоустойчивости.*

Ключевые слова: *стресссогенность, сотрудник, уголовно-исполнительная система, стресс.*

FIALKOVSKAYA Ekaterina Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Researcher at the NITs-2 PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation

SOCIAL SIGNIFICANCE OF PERSONAL STRESS OF EMPLOYEES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *The article deals with a program of psychological and pedagogical measures aimed at psychocorrection and psychoprophylaxis of stressful conditions in employees serving in correctional institutions, as well as at increasing their level of stress resistance.*

Key words: *stress sensitivity, employee, penal system, stress.*

Высокая стрессогенность личности сотрудников УИС и ее социальная значимость в современных условиях определяют необходимость оптимизации основных форм, подходов и методов психологического сопровождения. Условия, в которых приходится работать сотрудникам, с психологической точки зрения характеризуются значительными психо-эмоциональными напряжениями, а проблема высокой вероятности возникновения стрессовых состояний у сотрудников уголовно-исполнительной системы стоит достаточно остро.

В России, на сегодняшний день, нет точной статистики, но по приблизительным оценкам 70% россиян постоянно находятся в состоянии стресса, а треть всего населения – в состоянии сильного стресса [1]. При этом следует отметить, что более всего подвержены стрессу представители помогающих профессий (врачи, педагоги, социальные работки, психологи и др.), а также представители правоохранительных органов. Статистические данные подтверждают то, что психологическое сопровождение сотрудников уголовно-исполнительной системы в сфере профилактики и коррекции стресса приобретают особую актуальность.

Следует отметить, что воздействие обычных условий, то есть условий, связанных с выполнением повседневных функциональных обязанностей в сложной и напряженной обстановке, служебной деятельности на сотрудников правоохранительных органов, а также механизмы развития у них стрессовых состояний остаются недостаточно изученными. Можно констатировать, что у определенной части сотрудников развитие стресса связано с психической травматизацией в процессе несения службы при чрезвычайных, экстремальных обстоятельствах. При этом наличие стрессового фактора выражено явно и однозначно. Другая часть сотрудников имеет стрессовые состояния, не испытывая на себе непосредственного воздействия экстремальных факторов. Они

возникают в процессе долговременного «накапливания» эмоционального напряжения в своем организме, связанные как с профессиональной деятельностью, так и с проблемами в личной жизни.

Профессиональная деятельность в уголовно-исполнительной системе характеризуется не только интенсивностью и напряженностью, но и постоянным взаимодействием с осужденными, которое сопровождается негативным эмоциональным фоном. Все это объясняет достаточно широкую распространенность среди сотрудников различных психосоматических расстройств, возникающих под воздействием профессионального стресса, вызванного особым характером условий служебной деятельности в исправительном учреждении.

Совместно с медико-реабилитационными методами профилактики стресса, необходимо предусматривать преждевременную диагностику и своевременную психологическую профилактику стрессовых расстройств, а также психокоррекционные мероприятия, направленные на повышение уровня стрессоустойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Проблема психологического стресса и стрессоустойчивости личности исследовалась в области изучения возникновения стрессогенных ситуаций (Е.Б. Перелыгина, А.И. Донцов), в области изучения межличностных личности (Л.В. Кавун) [2], в области изучения юридически значимых состояний (Л.В. Алексеева), в области изучения переживания неудачи в значимых для личности сферах деятельности (Н.А. Батурин), в области изучения последствий аварий и катастроф (Н.А. Абдуллин), в области изучения поведения личности в экстремальных условиях (В.И. Лебедев) [3]. Большое количество исследований посвящено изучению уровня стрессоустойчивости представителей различных профессий: спортсменов (Б.А. Вяткин), педагогов (А.А. Реан), студентов (О.В. Лозгачева), представителей медицинских профессий (Н.В. Гафарова) [4].

При изучении проблемы стрессоустойчивости активное внимание уделяется рассмотрению ресурсов личности, которые обеспечивают устойчивость к стрессу (Е.В. Змановская, В.Ю., Рыбников). Здесь можно отметить изучение свойств и качеств личности, взаимосвязанных с высокой устойчивостью к стрессу (Б.А. Вяткин, В.А. Бодров, Е.С. Жариков, В.В. Гуленко, Е.П. Кузнецова, О.В. Лозгачева, М.Р. Шагиев, А.А. Реан и др.), анализ особенностей межличностного поведения стрессоустойчивой личности (О.В. Рыбина, О.В. Лозгачева), изучение индивидуальных стилей реагирования на стресс (Л.И. Анцыферова, А.А. Либин и др.) [5]. Эти исследования ставят своей целью сделать прогноз, как поведет себя личность в стрессовой ситуации.

В пенитенциарной системе проведены исследования факторов стресса в профессиональной деятельности сотрудников УИС (Л.Н. Елошвили, А.Н. Баламут, Н.В. Шестерня, Е.А. Стрелкова), исследования посттравматических стрессовых состояний (Ю.Ю. Красикова, О.Г. Ковалев, И.И. Пацакула, В.А. Семенов, В.Н. Смирнов). Выделены этапы изменений личности под воздействием стресса – профессиональная девиация, профессиональная деформация и профессиональная деградация (М.Г. Дебольский, А.В. Ильин, А.В. Рогов) [6]. Однако диагностика и профилактика стресса у сотрудников УИС, а также психокоррекция уровня их стрессоустойчивости изучены недостаточно.

Объект исследования – стресс в различных проявлениях жизнедеятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Предметом исследования выступают психологические особенности и механизмы возникновения и проявления стресса у сотрудников уголовно-исполнительной системы в их жизнедеятельности.

Цель исследования заключается в изучении психологических особенностей стресса у сотрудников уголовно-исполнительной системы с последующей разработкой на основе полученных результатов комплекса психолого-педагогических мероприятий, включающего психопрофилактику стресса и психокоррекцию уровня стрессоустойчивости.

Гипотезой исследования является предположение о том, что у сотрудников младшего начальствующего состава уголовно-исполнительной системы присутствуют различные уровни стрессоустойчивости и разные источники стресса.

В соответствии с указанным объектом, предметом, целью и гипотезой были поставлены следующие задачи исследования:

Раскрыть понятие и проблематику стресса в отечественной и зарубежной литературе.

Проанализировать особенности стресса у сотрудников УИС в трудах пенитенциарных психологов.

Провести организацию, выбрать методы и методики исследования особенностей стресса и стрессоустойчивости у сотрудников УИС.

Психологические особенности уровня стрессоустойчивости у сотрудников исправительных учреждений УИС.

Разработать комплекс психолого-педагогических мероприятий, включающий себя психологическую профилактику и коррекцию стрессовых состояний сотрудников УИС.

Методологической основой исследования являются идеи системного подхода, принципы

детерминизма, развития, единства сознания и деятельности.

Мы опирались на исследования стресс-факторов профессиональной деятельности сотрудников УИС (Л.Н. Елошвили, А.Н. Баламут, Н.В. Шестерня, Е.А. Стрелкова), исследования посттравматических стрессовых состояний (Ю.Ю. Красикова, О.Г. Ковалев, И.И. Пацакула, В.А. Семенов, В.Н. Смирнов).

Научная новизна исследования состоит в том, что определены параметры доминирующего состояния сотрудников младшего начальствующего состава, которые необходимы как для диагностики стрессовых состояний, так и для их профилактики.

Выявлены возможные источники стресса, основные стрессоры, а также стрессовые ситуации, которые возникают в профессиональной деятельности сотрудников исправительного учреждения.

Определены разные стадии развития хронического утомления, которые негативно влияют на эффективность деятельности сотрудников УИС и существенно снижают ресурсы психологической адаптации до начала потери трудоспособности.

Выявлены различные уровни стрессоустойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также

Теоретическая значимость работы состоит в том, что структурированы основные понятия стресса как психологического феномена, включающего в себя несколько его определений: как ответной реакции организма на травмирующее воздействие; как ситуации, отягощающей и усложняющей течение событий; как эмоциональной реакции на определенное событие (стрессовое переживание); как трансактного процесса взаимодействия и столкновения с окружающим миром.

Практическая значимость исследования выражается в разработке анкеты, включающей в себя комплекс психодиагностических методик и письменный опрос, с целью изучения проявлений стрессовых ситуаций в жизнедеятельности сотрудников УИС, а также уровня их стрессоустойчивости.

В работе эмпирически исследованы причины возникновения стресса у сотрудников младшего начальствующего состава, в основе которых лежат условия профессиональной деятельности в пенитенциарных учреждениях, пассивное или активное отношение к жизненной ситуации и общий уровень хронического утомления.

На основе проведенного эмпирического исследования предложена программа психолого-педагогических мероприятий, направленная на психокоррекцию и психопрофилактику стрессовых состояний у сотрудников, несущих службу в исправительных учреждениях, а также на повышение их уровня стрессоустойчивости.

Обоснованность и достоверность результатов, положений и выводов исследования обеспечивались теоретически и методологически выверенной программой исследования, использованием комплекса взаимодополняющих методов, репрезентативным объемом анализируемой выборки, а также экспериментальной проверкой гипотезы исследования.

Сотрудники, проходящие службу в исправительных учреждениях, подвержены длительному стрессу, который характеризуется постепенным утомлением и расходованием адаптационных резервов.

Для сотрудников младшего начальствующего состава характеры различные уровни стрессоустойчивости, выражающиеся в отношении к обстоятельствам, на которые мы не можем повлиять, к ситуациям, которые могут привести к стрессу, в предрасположенности к психосоматическим заболеваниям и способам преодоления стрессов.

В профессиональной деятельности младших инспекторов исправительного учреждения чаще всего встречаются такие источники стресса, как ограниченные возможности профессионального роста, отсутствие одобрения за хорошо выполненную работу, необходимость пользоваться плохим оборудованием, чрезмерная нагрузка документацией и справочной информацией, отсутствие или недостаток времени для удовлетворения личных нужд и отдыха.

Подготовленная программа, включающая в себя психопрофилактику и психокоррекцию, направленная на снятие стресса и повышение уровня стрессоустойчивости, будет способствовать разрешению у сотрудников уголовно-исполнительной системы стрессовых ситуаций, возникающих в связи с напряженной деятельностью в условиях пенитенциарной службы, формированию навыков саморегуляции, обучению конструктивном способам устранения конфликтных ситуаций и способности добиваться поставленной цели.

Список литературы:

[1] Искандаров Р. Р. / Наркологическая помощь в пробации: риски переходного периода и модели межведомственного сопровождения / Р. Р. Искандеров, Г. А. Фастовцев, А. В. Вилкова, Д. Е. Дикопольцев // Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[2] Вилкова А. В. Преодоление отклоняющегося поведения несовершеннолетних осужденных / В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические ас-

пекты. Сборник научных статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, посвященного памяти ученых-пенитенциаристов: доктора педагогических наук, профессора В. М. Литвишкова и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д. В., Рязань, 2026. С. 23-29.

[3] Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Воспитательная работа при подготовке кадров высшей категории в Федеральной службе исполнения наказаний / Антропогогика. 2026. № 1(21). С. 5-19.

[4] Искандаров Р. Р., Фастпвцов Г. А., Вилкова А. В., Дикопольцев Д. Е. / Вопросы наркологии. 2026. Т. 38. № 1. С. 79-99.

[5] Вилкова А. В., Фадеева С. А. О профессиональной готовности специалистов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации к осуществлению пенитенциарной пробации / Ведомости уголовно-исполнительной сисвтемы. 2026. № 3(286). С. 45-51.

[6] Вилкова А. В., Фиалковская Е. В., Полякова Я. Н. Подходы к изучению агрессивности в рамках пенитенциарной психологии / Образование и право. 2026. № 1. С. 214-218.

References:

[1] Iskandarov R. R. Narcological assistance in probation: risks of the transition period and models of interdepartmental support/R. R. Iskanderov, G. A. Fastovtsev, A. V. Vilkova, D. E. Dikopoltsev // Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[2] Vilkova A. V. Overcoming the deviating behavior of juvenile convicts/In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Round Table dedicated to the memory of penitentiary scientists: Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V. M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D. Sochivko, Ryazan, 2026. S. 23-29.

[3] Vilkova A.V., Polyakova Y. N. Educational work in the training of personnel of the highest category in the Federal Penitentiary Service / Anthropology. 2026. № 1(21). S. 5-19.

[4] Iskandarov R.R., Fastpvtsov G.A., Vilkova A.V., Dikopoltsev D.E. / Issues of narcology. 2026. T. 38. № 1. S. 79-99.

[5] Vilkova A. V., Fadeeva S. A. On the professional readiness of specialists of the penitentiary system of the Russian Federation for the implementation of penitentiary probation / Vedomosti of the penitentiary system. 2026. № 3(286). S. 45-51.

[6] Vilkova A. V., Fialkovskaya E. V., Polyakova Y. N. Approaches to the study of aggressiveness in the framework of penitentiary psychology / Education and law. 2026. № 1. S. 214-218.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-271-275

ПИВНЕНКО Денис Леонидович,
заместитель председателя комитета государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области, старший преподаватель кафедры юриспруденции и психологии ВФ ВолГУ, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Волгоградский государственный университет,
e-mail: denispiv.2022@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОСТАВА И СОДЕРЖАНИЯ ПРОЕКТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПО СОХРАНЕНИЮ И ИЗУЧЕНИЮ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. *Работа посвящена исследованию некоторых дискуссионных аспектов проектов нормативных правовых актов, посвященных регламентации состава и содержания проектной документации по сохранению и изучению объектов культурного наследия. Обосновано, что наиболее дискуссионным является требование о включении в состав документации сводного сметного расчета. Аргументировано, что потенциальная регламентация, обладая несомненными достоинствами, в рассматриваемой части обнаруживает дополнительную проблематику правового регулирования, потребует дополнительных усилий законодателя по гармонизации законодательства, оказывает прямое воздействие на правовое положение как частных, так и публичных субъектов. По итогам исследования обращено внимание на то, что предлагаемые новеллы, в том числе, намечают тенденцию изменения подходов законодателя к системе государственной историко-культурной экспертизы, что подлежит дальнейшему изучению и разработке.*

Ключевые слова: *объекты культурного наследия, проектная документация, сводный сметный расчет, публичные и частные субъекты, дискуссионность.*

PIVNENKO Denis Leonidovich,
Deputy Chairman of the Committee for the State Protection of Cultural Heritage Sites of the Volgograd Region, Senior lecturer at the Department of Law and Psychology Volzhsky Branch of Volgograd State University, Candidate of the academic degree of Candidate of Legal Sciences Volgograd State University

SOME DISCUSSED ASPECTS OF POTENTIAL LEGAL REGULATION OF THE COMPOSITION AND CONTENT OF PROJECT DOCUMENTATION FOR THE PRESERVATION AND STUDY OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS

Annotation. *The work is devoted to the study of certain controversial aspects of draft regulatory legal acts devoted to regulating the composition and content of project documentation for the preservation and study of cultural heritage sites. It is substantiated that the most controversial requirement is the inclusion of a consolidated cost estimate in the documentation. It has been argued that the potential regulation, while possessing undeniable advantages, reveals additional problems in the area of legal regulation in the context under consideration, will require additional efforts by the legislator to harmonize the legislation, and has a*

direct impact on the legal status of both private and public entities. Based on the study's findings, attention has been drawn to the fact that the proposed innovations, among other things, indicate a trend towards a change in the legislator's approach to the system of state historical and cultural expertise, which requires further study and development.

Key words: *cultural heritage sites, design documentation, consolidated cost estimate, public and private entities, controversial nature.*

Актуальность предлагаемой к рассмотрению темы обосновывается комплексным сочетанием положений Конституции РФ и Федерального закона от 25 июня 2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об ОКН), с одной стороны, направленных на обеспечение сохранения объектов культурного наследия (далее – ОКН), с другой – гарантирующих свободу осуществляемой в легализованных пределах предпринимательской деятельности.

Названные аспекты безусловно проявляются и в деятельности по разработке проектной документации по сохранению ОКН (далее – ПД), а также исследовательской документации (далее – ИД), указанных в статье 40 Закона об ОКН, поскольку указанная документация, являя собой, как правило, результат предпринимательской деятельности, направлена на достижение обеспечения сохранности ОКН, что служит очередным доказательством двойственной правовой природы понятия «охрана» [1].

В то же время несмотря на то, что ОКН признаются уникальным невосполнимым ресурсом [2], а разрабатываемые в их отношении ПД и ИД, очевидно, оказывают прямое воздействие на приемы, способы сохранения и правовые режимы объектов, нормативные правовые акты (далее – НПА), которые бы регламентировали состав и содержание ПД и ИД отсутствуют.

Сказанному возможно возразить, в частности указывая на приказ Минкультуры России от 13 августа 2025 г. № 1455 «Об установлении Порядка подготовки и согласования проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации» и соответствующие ГОСТы [3, 4].

Вместе с тем, указанный НПА Минкультуры России отсылает разработчика ПД к заданию уполномоченного органа в области государственной охраны ОКН, а ГОСТы не носят общеобязательного характера [5], что, с одной стороны, в очередной раз актуализирует проблематику объективной диспозитивности существующей регламентации в исследуемой сфере, с другой – обнаруживает назревший вопрос принятия требуемых НПА.

Предполагается, что именно данные предпосылки послужили основанием к разработке проектов приказов Минкультуры России «Об установлении состава и содержания проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, при которых не затрагиваются конструктивные и другие характеристики надежности и безопасности соответствующего объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации» и «Об установлении состава и содержания проектной документации на проведение научно-исследовательских и изыскательских работ по оценке сохранности историко-культурной ценности объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, требований к проведению таких работ и порядка их проведения» [6, 7].

Анализ приведенных выше проектов НПА, вобравших в себя некоторые положения постановления Правительства РФ от 16 февраля 2008 г. № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию», принятого в развитие статьи 48 Градостроительного кодекса РФ (далее – ГрК РФ), а также ряда упомянутых и иных ГОСТов [8, 9, 10], показывает, что наряду с безусловными достоинствами, проявляющимися, в первую очередь, в самой попытке регламентации ранее неурегулированных правоотношений, некоторые их аспекты обладают определенной степенью дискуссионности.

При этом, наиболее существенным видится предполагаемое включение в состав ПД или ИД сводного сметного расчета (далее – ССР), нося-

щее обязательный характер, как только проведение работ по сохранению ОКН осуществляется за счет бюджетных средств либо средств лиц, указанных в части 2 статьи 8.3 ГрК РФ.

С одной стороны, при приведенных выше условиях включение ССР в состав ПД или ИД выглядит вполне обоснованным, с другой – это вызывает затруднения в понимании предстоящей правореализации в силу следующих обстоятельств.

Так, во-первых, подготовка ССР хотя и не являет собой некий абсолютно новый для разработчиков ПД функционал, однако, его составление в текущей регламентации является необязательным, равно как и итог деятельности указанных разработчиков всегда нацелен прежде всего на определение способов и приемов сохранения ОКН, нежели на оценку их стоимости.

Во-вторых, подготовка ССР потребует либо отельного правового регулирования предъявляемых к их разработчикам требований относительно сферы охраны ОКН, либо соответствия нормам приказа Минстроя России от 15 апреля 2026 г. № 238/пр «Об утверждении перечня должностей, занимаемых физическими лицами, указанными в части 9.1 статьи 55.5-1 Градостроительного кодекса Российской Федерации, требования к которым устанавливаются правилами саморегулирования в области инженерных изысканий, архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, сноса объектов капитального строительства», что займет определенный срок, необходимый для «донастройки» отрасли охраны ОКН и, очевидно, окажет прямое воздействие на стоимость разработки соответствующей документации.

В-третьих, невыясненным остается вопрос о государственной историко-культурной экспертизе (далее – ГИКЭ), которая в текущей редакции Закона об ОКН сосредоточивается именно на способах и приемах сохранения ОКН, но не на определении их стоимости.

В-четвертых, в отношении ПД, подлежащей рассмотрению научно-методическими советами при органах государственной охраны ОКН, выявляется проблематика наличия либо отсутствия необходимости подтверждения у членов таких советов дополнительных компетенций сообразно предлагаемой регламентации.

В-пятых, в отношении ПД, подлежащей согласованию органами государственной охраны ОКН, обнаруживается, что и здесь, возможно, будет необходимым предъявить дополнительные квалификационные требования к должностным лицам, осуществляющим рассмотрение и согласование ПД.

В связи с этим, представляется, что положение о включении в состав ПД или ИД ССР дискуссионно, его принятие потребует дополнительных правотворческих усилий по гармонизации законодательства в сфере охраны ОКН, равно как и окажет непосредственное влияние на правовое положение частных (в первую очередь, разработчики и заказчики документации) и публичных (должностные лица и члены научно-методических советов органов государственной охраны ОКН) субъектов.

Одновременно с этим, акцентируется внимание на том, что, в целом, по своему духу предлагаемые проекты НПА намечают тенденцию трансформации взглядов субъекта правотворчества на разработку ПД, развитие которых, по мнению автора, должно привести, в том числе к формированию иного подхода к системе ГИКЭ, организованной по аналогии с частью 4 статьи 49 ГрК РФ [11, 12].

Список литературы:

[1] Шаронов С.А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015. 445 с.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 09 декабря 2014 г. № 2755-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Харламовой Ирины Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 31 и пунктом 4 статьи 36 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] ГОСТ Р 55567-2013 Порядок организации и ведения инженерно-технических исследований на объектах культурного наследия. Памятники истории и культуры. Общие требования (с Изменением № 1) (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 августа 2013 г. № 665-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200104253?ysclid=mudvox7ypa643881264 &section=text (дата обращения: 23.09.2026).

[4] ГОСТ Р 55528-2013 Состав и содержание научно-проектной документации по сохранению объектов культурного наследия. Памятники истории и культуры. Общие требования (Издание с Поправкой) (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 августа 2013 г. № 593-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200104243?ysclid=

mudrukqi1102643696& section=text (дата обращения: 23.09.2026).

[5] Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 марта 2024 г. № АПЛ24-32 // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Проект приказа Минкультуры России «Об установлении состава и содержания проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, при которых не затрагиваются конструктивные и другие характеристики надежности и безопасности соответствующего объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171174/ (дата обращения: 23.09.2026).

[7] Проект приказа Минкультуры России «Об установлении состава и содержания проектной документации на проведение научно-исследовательских и изыскательских работ по оценке сохранности историко-культурной ценности объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, или выявленного объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации, требований к проведению таких работ и порядка их проведения» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171155/ (дата обращения: 23.09.2026).

[8] ГОСТ Р 55945-2014 Общие требования к инженерно-геологическим изысканиям и исследованиям для сохранения объектов культурного наследия (Переиздание) (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 06 февраля 2014 г. № 16-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/ 1200108851?ysclid=mudvtol6j1143571943&section=text (дата обращения: 23.09.2026).

[9] ГОСТ Р 56905-2016 Проведение обмерных и инженерно-геодезических работ на объектах культурного наследия. Общие требования (Переиздание) (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 марта 2016 г. № 220-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200133756?ysclid=mudvw1tkym942155999&section=text (дата обращения: 23.09.2026).

[10] ГОСТ Р 70630-2023 Сохранение объектов культурного наследия. Технологические процессы подготовки раздела научно-проектной документации. Предварительные работы (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 12 декабря 2023 г. № 1565-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/1304365948?ysclid=mudvygsopo818601126&section=text (дата обращения: 23.09.2026).

[11] Пивненко Д.Л. Согласование проектной документации на проведение работ по сохранению объекта культурного наследия. Некоторые вопросы правового регулирования и цифровой аспект // Цифровые технологии и право. Сборник научных трудов IV Международной научно-практической конференции. В 6-ти томах. Казань, 2026. С. 410-414.

[12] Тарновский В.В., Шишова О.П. Институт государственной историко-культурной экспертизы: роль, проблемы и задачи реформирования // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 79. С. 90-102.

References:

[1] Sharonov S.A. Civil and Legal Regulation of Security Activities in the Russian Federation: dis. … Dr. of Law. sciences. Volgograd, 2015. 445 s.

[2] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 9, 2014, № 2755-O “On Refusing to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Irina Vyacheslavovna Kharlamova Regarding the Violation of Her Constitutional Rights by Paragraph 2 of Article 31 and Paragraph 4 of Article 36 of the Federal Law ‘On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation’” // SPS “ConsultantPlus”.

[3] GOST R 55567-2013. Procedure for organizing and conducting engineering and technical studies at cultural heritage sites. Historical and cultural monuments. General requirements (with Amendment No. 1) (approved and put into effect by Order № 665 st of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated August 28, 2013) // Electronic fund of legal and regulatory technical documents [Electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/ 1200104253?ysclid=mudvox7ypa643881264&section=text (date

accessed: 23.09.2026).

[4] GOST R 55528-2013 Composition and content of scientific and design documentation for the preservation of cultural heritage sites. Historical and cultural monuments. General requirements (Edition with Amendment) (approved and put into effect by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated August 28, 2013, № 593-st) // Electronic fund of legal and regulatory-technical documents [Electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200104243?ysclid=mudrukqi1102643696&section=text (date accessed: 23.09.2026).

[5] Appellate ruling of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 12, 2024, № APL24-32 // SPS "ConsultantPlus".

[6] Draft Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation "On Establishing the Composition and Content of Project Documentation for the Preservation of an Object of cultural heritage (Historical and Cultural Monument) of the Peoples of the Russian Federation included in the Unified State Register of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation, or an Identified Object of cultural heritage (Historical and Cultural Monument) of the Peoples Of the Russian Federation, which do not affect the constructive and other characteristics of reliability and safety of the relevant cultural heritage object (monument of history and culture) of the peoples of the Russian Federation" // Federal Portal of draft normative Legal Acts [Electronic resource] URL: https://regulation.gov.ru/projects/171174/ (date accessed: 23.09.2026).

[7] Draft Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation "On Establishing the Composition and Content of Project Documentation for Conducting Research and Survey Work to Assess the Preservation of the Historical and Cultural Value of an Object of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monument) of the Peoples of the Russian Federation included in the Unified State Register of Cultural Heritage (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation, or identified an object of cultural heritage (a monument of history and culture) of the peoples of the Russian Federation, the requirements for such works and the procedure for their implementation" // Federal Portal of draft Normative Legal Acts [Electronic resource] URL: https://regulation.gov.ru/ projects/171155 / (date accessed: 23.09.2026).

[8] GOST R 55945-2014 General requirements for engineering and geological surveys and studies for the preservation of cultural heritage objects (reissue) (approved and put into effect by Order № 16-st of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated February 6, 2014) // Electronic fund of legal and regulatory-technical documents [electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200108851?ysclid=mudvtol6j1143571943&section=text (date accessed: 23.09.2026).

[9] GOST R 56905-2016. Carrying out measurement and engineering and geodetic works at cultural heritage sites. General requirements (reissue) (approved and put into effect by order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated March 29, 2016, № 220-st) // Electronic fund of legal and regulatory-technical documents [electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200133756?ysclid=mudvw1tkym942155999&section=text (date accessed: 23.09.2026).

[10] GOST R 70630-2023 Preservation of Cultural Heritage Objects. Technological Processes for Preparing a Section of Scientific and Design Documentation. Preliminary Work (approved and put into effect by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated December 12, 2023, № 1565-st) // Electronic Fund of Legal and Regulatory and Technical Documents [Electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/1304365948?ysclid= mudvygsopo818601126&section=text (date accessed: 23.09.2026).

[11] Pivnenko D.L. Coordination of project documentation for carrying out work to preserve a cultural heritage site. Some issues of legal regulation and the digital aspect // Digital Technologies and Law. Collection of scientific papers of the IV International Scientific and Practical Conference. In 6 volumes. Kazan, 2026. S. 410-414.

[12] Tarnovsky V.V., Shishova O.P. The Institute of State Historical and Cultural Expertise: Role, Problems and Tasks of Reform // Public Administration. Electronic Bulletin. 2020. № 79. S. 90–102.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-276-281

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ЭТИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ К СОТРУДНИКАМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Целью исследования стали правовые и психологические аспекты характеристики отдельных этических требований к сотрудникам уголовно-исполнительной системы, сформулированных в Приказе ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников УИС», других законодательных и ведомственных правовых актах. Для ее осуществления реализованы принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Кроме законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России анализировались научные и учебно-методические публикации по профессиональной этике сотрудников УИС, других правоохранительных органов. Этические требования к сотрудникам УИС, опосредованно и непосредственно сформулированы в законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН. В рассматриваемом контексте правового регулирования этических требований профессиональной деятельности сотрудников УИС первостепенное внимание следует обратить на Приказ ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874, непосредственно регулирующий основные и отдельные этические требования в русле реализации этического кодекса сотрудников. Данный нормативный правовой акт впервые в теории национального уголовно-исполнительного права систематизировал, классифицировал и закрепил три основных вида этических требований сотрудников УИС. Его сравнительно-правовой анализ показал, что в настоящее время юридическое закрепление получили два вида требований к сотрудникам УИС: основные и отдельные. Первые носят так называемый общих характер, свойственны сотрудникам всех служб и подразделений, осуществляющих разнообразную профессиональную деятельность в сфере исполнения уголовных наказаний. Вторые более специфичны по своему содержанию и подразделяются, в свою очередь, на два подвида: этические требования по поддержанию внешнего вида и ношению форменной одежды, а также этические требования по обращению со служебной и личной информацией. Отдельные этические требования, в дополнение к основным, конкретизируют детали и особенности реализации функционала сотрудников служб и подразделений УИС, с опорой на этические нормы и правила, присущие профессиональной этике сотрудников правоохранительных органов.*

Ключевые слова: *сотрудники УИС, профессиональная этика, отдельные этические требования, этический кодекс, служебная деятельность, уголовно-исполнительная система, ФСИН России.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

CHARACTERISTICS OF CERTAIN ETHICAL REQUIREMENTS FOR EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

Annotation. *The purpose of the study was the legal and psychological aspects of the characteristics of certain ethical requirements for employees of the penitentiary system, formulated in the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated October 24, 2025, No. 874 "On Approval of the Code of Ethics and Official Conduct of prison Staff", other legislative and departmental legal acts. To implement it, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation are implemented. In addition to legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific and educational publications on the professional ethics of employees of the Penitentiary Service and other law enforcement agencies were analyzed. The ethical requirements for employees of the penitentiary system are indirectly and directly formulated in the legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service. In the context of the legal regulation of the ethical requirements of the professional activities of employees of the Penitentiary system, primary attention should be paid to the Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 24.10.2025. No. 874, which directly regulates the basic and individual ethical requirements in line with the implementation of the employee code of ethics. For the first time in the theory of national penal enforcement law, this normative legal act systematized, classified and consolidated three main types of ethical requirements of prison staff. His comparative legal analysis showed that currently two types of requirements for employees of the criminal justice system have been legally fixed: basic and separate. The former are so-called general in nature, characteristic of employees of all services and departments engaged in a variety of professional activities in the field of the execution of criminal penalties. The latter are more specific in their content and are divided, in turn, into two subspecies: ethical requirements for maintaining appearance and wearing uniforms, as well as ethical requirements for handling official and personal information. Individual ethical requirements, in addition to the basic ones, specify the details and features of the implementation of the functionality of employees of the services and departments of the criminal justice System, based on the ethical norms and rules inherent in the professional ethics of law enforcement officers.*

Key words: *employees of the penitentiary system, professional ethics, individual ethical requirements, code of ethics, official activity, penal enforcement system, Federal Penitentiary Service of Russia.*

Введение. Этические требования к сотрудникам уголовно-исполнительной системы (далее УИС), опосредованно и непосредственно сформулированы в законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН. Здесь следует выделить положения Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», определившим содержание службы в УИС [1].

Опосредованно этические требования отражены в:

Федеральном законе от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», определившем общие концептуальные направления организации отечественной государственной службы, включая ее этические особенности [2];

Федеральном законе от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», конкретизировавшем осуществлению гражданской службы и ее основные характеристики.

Конечно, в рассматриваемом контексте правового регулирования этических требований профессиональной деятельности сотрудников УИС, первостепенное внимание следует обратить на Приказ ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874, непосредственно регулирующий основные и отдельные этические требования в русле реализации этического кодекса сотрудников. Данный нормативный правовой акт впервые в теории национального уголовно-исполнительного права систематизировал, классифицировал и закрепил три основных вида этических требований сотрудников УИС.

Несомненно, что подобная правовая регламентация имеет важное теоретико-прикладное значение, поскольку опирается на научно-методические подходы, распространенные в профессиональной этике [3]. Изучаемые и анализируемые представителями юридической науки и юридической психологии [4]. При этом положения указанного Приказа ФСИН России распространяются на представителей различных служб и подразделений УИС, реализующих разнообразные, порой весьма специфические функции. Например, оперативно-розыскную деятельность, в порядке Федерального закона 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» [5]. Или диаметрально противоположную деятельность архивных подразделений УИС, определяемую ведомственными правовыми актами Минюста и ФСИН России [6].

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и психологических аспектов характеристики отдельных этических требований к сотрудникам уголовно-исполнительной системы, сформулированных в Приказе ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников УИС», других законодательных и ведомственных правовых актах были реализованы принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Кроме законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России анализировались научные и учебно-методические публикации по профессиональной этике сотрудников УИС, других правоохранительных органов.

Основные результаты. Осуществлённый контент-анализ Федерального закона от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ и Приказа ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874 показал, что в настоящее время юридическое закрепление получили два вида требований к сотрудникам УИС: основные и отдельные. Первые носят так называемый общих характер, свойственны сотрудникам всех служб и подразделений, осуществляющих разнообразную профессиональную деятельность в сфере исполнения уголовных наказаний. Вторые более специфичны по своему содержанию и подразделяются, в свою очередь, на два подвида:

Этические требования по поддержанию внешнего вида и ношению форменной одежды.

Этические требования по обращению со служебной и личной информацией.

Этические требования по поддержанию внешнего вида и ношению форменной одежды направлены на формирование позитивного восприятия сотрудника УИС, формированию имиджа представителя учреждения и органа, исполняющего уголовные наказания. Данные требования имеют важное психолого-педагогическое значение в профессиональной деятельности сотрудников. Активно применяются при осуществлении кадровой и воспитательной работы в соответствии с Приказом ФСИН России от 17.07.2024 г. № 535 «Об утверждении Порядка организации кадровой работы, в том числе воспитательной работы, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [7]. Оказания на сотрудников служб и подразделений системного и эффективного воспитательного воздействия [8, с. 247-252]. Реализацию этого воздействия на различных этапах службы в УИС, в том числе – в процессе обучения в образовательных организациях ФСИН России [9, с. 197-201]. Формирования у сотрудников не только морально-этических качеств, но и мировоззрения, базирующегося на духовно-нравственных характеристиках сотрудников УИС [10, с. 89-93].

К этическим требованиям по поддержанию внешнего вида и ношению форменной одежды сотрудниками УИС законодатель отнес 5 требований:

достойный внешний вид сотрудника, подчеркивающий его отношение к государственной службе, формирующий уважительное отношение к нему граждан и коллег, оказывающий влияние на оценку его личностных и деловых качеств, а также самооценку [11];

ношение чистой, хорошо подогнанной и отглаженной форменной одежды, подтянутость, соблюдение правил личной гигиены;

ношение одежды и обуви строгого стиля неяркого цвета, соответствующих статусу государственного служащего при исполнении служебных обязанностей в гражданской одежде [12];

ношение короткой и аккуратной стрижки, аккуратных усов и бороды сотрудниками – мужчинами;

скромности и минимализма в использовании косметики, ношении украшений и аккуратной прически цвета естественных оттенков сотрудниками женского пола;

запрета наносить татуировки, при их наличии – запрета демонстрации на открытых частях тела [13, с. 545-548].

К другой разновидности отдельных этических требований, связанных с обращением со служебной и личной информацией, законодатель отнес 3 требования:

проявление соразмерности, разумности, корректности и сдержанности в обеспечении безопасности и конфиденциальной информации при исполнении служебных обязанностей [14, с. 299-306];

запрет на предоставление сотрудником служебной информации иным лицам и организациям, не входящее в его должностные обязанности, как показатель уровня развития правосознания

сотрудника УИС [15, с. 299-303];

воздержание от публичного размещения, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», на личных страницах, в социальных сетях, сайтах и агрегаторах негативных высказываний, суждений и оценок государственных органов, должностных лиц, общественных объединений и религиозных организаций. Фотографий и видеозаписей, позволяющих определить персональные данные сотрудников, их принадлежности к УИС, сведений о служебной деятельности [16, с. 179-182]. Материалов, дискредитирующих образ сотрудника, наносящий ущерб его имиджу и авторитету, деловой репутации учреждений и органов УИС.

Таким образом, сформулированные в Приказе ФСИН России 2025 г. № 874 отдельные этические требования, в дополнение к основным, конкретизируют детали и особенности реализации функционала сотрудников служб и подразделений УИС, с опорой на этические нормы и правила, присущие профессиональной этике сотрудников правоохранительных органов.

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

Всероссийской научно-практической конференции «Вклад правоохранительных органов в развитие Сибири», состоявшейся 28.09.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Особенности предупреждения коррупции как фактора обеспечения безопасности учреждений и органов УИС Сибирского федерального округа»;

XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», состоявшейся 18-19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;

Всероссийском круглом столе «Воспитательная работа с работниками УИС», проведенном в ФКУ НИИ ФСИН России совместно с управлением кадров ФСИН России 25.10.2023. Доклад на тему: «Прокурорский надзор в системе мер обеспечения прав и социальных гарантий сотрудников УИС»;

Межвузовской научно-практической конференции «Перспективы развития профессиональной компетенции преподавателя высшей школы», состоявшейся во Владимирском юридическом институте ФСИН России 28.11.2023. Доклад на тему: «К вопросу развития профессиональной компетенции преподавателя при проведении практико-ориентированного обучения курсантов»;

6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития».

Международной научно-практической конференции «История и перспективы исследований проблем работы с личным составом» (к 50-летию кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России), состоявшейся в Академии управления МВД России 29 ноября 2023. Доклад на тему «Психологическая подготовка сотрудников оперативных подразделений ФСИН России в свете реализации современной оперативно розыскной политики».

Всероссийской межведомственной научно-практической конференции «Межведомственное сотрудничество при обеспечении национальных приоритетов противодействии коррупции», состоявшейся в университете ФСИН России 8 декабря 2023 года с докладом на тему: «Прокурорский надзор в системе мер противодействия коррупции в УИС».

Заключение. Этические требования к сотрудникам УИС, опосредованно и непосредственно сформулированы в законодательных и ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН. В рассматриваемом контексте правового регулирования этических требований профессиональной деятельности сотрудников УИС первостепенное внимание следует обратить на Приказ ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874, непосредственно регулирующий основные и отдельные этические требования в русле реализации этического кодекса сотрудников. Данный нормативный правовой акт впервые в теории национального уголовно-исполнительного права систематизировал, классифицировал и закрепил три основных вида этических требований сотрудников УИС.

Его сравнительно-правовой анализ показал, что в настоящее время юридическое закрепление получили два вида требований к сотрудникам УИС: основные и отдельные. Первые носят так называемый общих характер, свойственны сотрудникам всех служб и подразделений, осуществляющих разнообразную профессиональную деятельность в сфере исполнения уголовных наказаний. Вторые более специфичны по своему содержанию и подразделяются, в свою очередь, на два подвида: этические требования по поддержанию

внешнего вида и ношению форменной одежды, а также этические требования по обращению со служебной и личной информацией.

Отдельные этические требования, в дополнение к основным, конкретизируют детали и особенности реализации функционала сотрудников служб и подразделений УИС, с опорой на этические нормы и правила, присущие профессиональной этике сотрудников правоохранительных органов.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Garant.ru (дата обращения 21.04.2026).

[2] Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Garant.ru (дата обращения 21.04.2026).

[3] Психология. Педагогика. Этика: учебник для вузов / Под ред. проф. Ю.В. Наумкина. – Москва, 2002.

[4] Климов И.А., Ковалев О.Г. Психология оперативно-розыскной деятельности // Психология. Педагогика. Этика: учебник для вузов / Под ред. проф. Ю.В. Наумкина. – Москва, 2002.

[5] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека / Федоров А.В., Вагин О.А., Гаврилов Б.Я., Горяинов К.К., Кикоть В.Я., Ковалев О.Г., Овчинский В.С., Черников В.В. Москва, 2006. 426 с.

[6] Ковалев О.Г. Вилкова А.В., Сухарева Е.В., Семенова Н.В. Организация профессиональной деятельности сотрудников архивов учреждений или органов ФСИН России. Учебное пособие. Москва, 2021. 122 с.

[7] Приказ ФСИН России от 17.07.2024 г. № 535 «Об утверждении Порядка организации кадровой работы, в том числе воспитательной работы, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // Garant.ru (дата обращения 21.04.2026).

[8] Ковалев О.Г. Основные направления взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества в сфере патриотического воспитания работников УИС // Право и управление. 2024. № 11. С. 247-252.

[9] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Современные подходы к организации патриотического воспитания курсантов образовательных организаций ФСИН России и студентов вузов Министерства образования и науки Российской Федерации // Журнал прикладных исследований. 2024. № 11. С. 197-201.

[10] Ковалев О.Г. К вопросу духовно-нравственного воспитания сотрудников оперативных подразделений ФСИН России // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Сборник материалов круглого стола посвященного памяти ученых-пенитенциаристов доктора педагогических наук, профессора Литвишкова В.М. и доктора психологических наук, профессора Сочивко Д.В. Тверь, 2024. С. 89-93.

[11] Приказ ФСИН России от 24.10.2025 г. № 874 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников УИС» // Garant.ru (дата обращения 22.04.2026).

[12] Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Garant.ru (дата обращения 21.04.2026).

[13] Ковалев О.Г. Актуальные проблемы защиты прав сотрудников уголовно-исполнительной системы в свете реализации закона о прохождении службы в УИС // Образование и право. 2024. № 3. С. 545-548.

[14] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. К вопросу обеспечения личной безопасности персонала учреждений и органов УИС // Столыпинский вестник. 2022. Т. 4. № 1. С. 299-306.

[15] Ковалев О.Г. Особенности правосознания сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы: правовой и психологический анализ // Право и управление. 2024. № 11. С. 299-303.

[16] Ковалев О.Г., Щербаков А.В. Профилактика незаконного использования средств мобильной связи как одно из направлений обеспечения информационной и кибербезопасности учреждений УИС // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2022.№ 1. С. 179-182.

References:

[1] Federal Law No. 197-FZ of 07/19/2018 "On Service in the Penal Enforcement System of the Russian Federation and on Amendments to the Law of the Russian Federation "On Institutions and Bodies Executing Criminal Penalties in the Form of Imprisonment" // Garant.ru (accessed 04/21/2026).

[2] Federal Law of 05/27/2003 Federal Law No. 58-FZ "On the Civil Service System of the Russian Federation" // Garant.ru (accessed 04/21/2026).

[3] Psychology. Pedagogy. Ethics: a textbook for universities / Edited by professor Yu.V. Naumkin. – Moscow, 2002.

[4] Klimov I.A., Kovalev O.G. Psychology

of operational investigative activity // Psychology. Pedagogy. Ethics: a textbook for universities / Edited by professor Yu.V. Naumkin. – Moscow, 2002.

[5] Commentary to the Federal Law "On Operational Investigative Activities". With the application of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights / Fedorov A.V., Vagin O.A., Gavrilov B.Ya., Goryainov K.K., Kikot V.Ya., Kovalev O.G., Ovchinsky V.S., Chernikov V.V. Moscow, 2006. 426 p.

[6] Kovalev O.G. Vilkova A.V., Sukhareva E.V., Semenova N.V. Organization of professional activities of employees of archives of institutions or bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia. The training manual. Moscow, 2021. 122 p.

[7] Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 07/17/2024 No. 535 "On Approval of the Procedure for organizing personnel work, including educational work, in institutions and bodies of the penitentiary system of the Russian Federation" // Garant.ru (accessed 04/21/2026).

[8] Kovalev O.G. The main directions of interaction of institutions and bodies of the penal enforcement system with institutions of civil society in the field of patriotic education of prison staff // Law and management. 2024. No. 11. pp. 247-252.

[9] Kovalev O.G., Semenova N.V. Modern approaches to the organization of patriotic education of cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia and university students of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation // Journal of Applied Research. 2024. No. 11. pp. 197-201.

[10] Kovalev O.G. On the issue of spiritual and moral education of employees of operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia // In the collection: Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Collection of materials of the round table dedicated to the memory of penitentiary scientists, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor V.M. Litvishkov and Doctor of Psychological Sciences, Professor D.V. Sochivko Tver, 2024. pp. 89-93.

[11] Order of the Federal Penitentiary Service of Russia dated 24.10.2025 No. 874 "On approval of the Code of Ethics and Official Conduct of employees of the Penitentiary Service" // Garant.ru (date of application 04/22/2026).

[12] Federal Law No. 79-FZ dated 07/27/2004 "On the State Civil Service of the Russian Federation" // Garant.ru (accessed 04/21/2026).

[13] Kovalev O.G. Actual problems of protecting the rights of employees of the penitentiary system in the light of the implementation of the law on military service in the penitentiary // Education and Law. 2024. No. 3. pp. 545-548.

[14] Kovalev O.G., Semenova N.V. On the issue of ensuring the personal safety of personnel of institutions and bodies of the penitentiary system // Stolypinsky Bulletin. 2022. Vol. 4. No. 1. pp. 299-306.

[15] Kovalev O.G. Features of legal awareness of employees of operational units of the penal enforcement system: legal and psychological analysis // Law and management. 2024. No. 11. pp. 299-303.

[16] Kovalev O.G., Shcherbakov A.V. Prevention of illegal use of mobile communication facilities as one of the areas of ensuring information and cybersecurity of penitentiary institutions // Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022.No. 1. pp. 179-182.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-282-287
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.

МУХЛЫНИНА М.М.,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН,
e-mail: super-manyasha@mail.ru

ПРИНЦИП IN DUBIO PRO NATURA КАК ФУНДАМЕНТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена стремительным нарастанием экологических угроз - климатических изменений, утраты биоразнообразия, загрязнения и истощения природных ресурсов. Это требует выработки новых, более эффективных механизмов правовой защиты окружающей среды. Использование традиционного антропоцентрического подхода, при котором природа рассматривается преимущественно как объект хозяйствования и ресурс, уже не может использоваться как основной. Поиск новых механизмов позволяет предлагать новые концепции, основанные на принципах, исключающих антропоцентрические подходы. В этом контексте особую значимость в последние годы приобретает принцип in dubio pro natura, уже получивший нормативное закрепление в некоторых государствах. Исследователи все чаще рассматривают его как фундамент формирующегося экологического конституционализма - направления, интегрирующего экологические ценности в систему конституционных норм и институтов.*

Цель настоящей работы - раскрыть сущность, нормативное содержание и функциональное значение принципа in dubio pro natura в системе экологического конституционализма, а также обосновать его роль как системообразующего начала для разрешения коллизий, обусловленных правовой неопределённостью в пользу природы. Методологическая основа исследования включает комплекс взаимодополняющих подходов: формально-юридический метод (для анализа текстов конституций и законодательных актов), сравнительно-правовой метод (для сопоставления практики закрепления и применения принципа в разных правопорядках), системно-структурный метод (для определения места принципа в иерархии конституционных норм). В результате исследования установлено, что in dubio pro natura выступает не просто процессуальным правилом, а конституционным императивом, устанавливающим презумпцию экологической целостности и обязывающим публичную власть при наличии правовой неопределённости принимать решение в пользу сохранения природной среды. Выявлены механизмы реализации принципа в правотворчестве, правоприменении и судебном контроле, а также пределы его действия (соотношение с принципом пропорциональности, возможные конфликты с социально-экономическими правами). Автор приходит к выводу, что конституционализация in dubio pro natura знаменует переход к биоцентрической модели правового регулирования, требующей формирования новой экологической этики государства. Практическая значимость работы состоит в разработке рекомендаций по имплементации принципа в национальные правовые системы, включая возможные варианты его закрепления в конституционном тексте и судебном толковании.

Ключевые слова: *принцип in dubio pro natura, экологический конституционализм, принцип благоприятствования природе, презумпция в пользу природы, конституционные принципы охраны окружающей среды.*

MUKHLYNINA M.M.,
Candidate of Law, Senior Researcher Sector of Environmental, Land, and Agrarian Law Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences

THE PRINCIPLE OF IN DUBIO PRO NATURA AS THE FOUNDATION OF ENVIRONMENTAL CONSTITUTIONALISM

Annotation. *The relevance of this research is driven by the rapidly increasing environmental threats—climate change, biodiversity loss, pollution, and depletion of natural resources. This requires the development of new, more effective mechanisms for legal protection of the environment. The traditional anthropocentric approach, which views nature primarily as an economic object and resource, can no longer be used as the primary one. The search for new mechanisms allows us to propose new concepts based on principles that exclude anthropocentric approaches. In this context, the principle of in dubio pro natura, which has already been enshrined in law in some countries, has acquired particular significance in recent years. Researchers increasingly view it as the foundation of emerging environmental constitutionalism—a movement that integrates environmental values into the system of constitutional norms and institutions.*

The purpose of this study is to uncover the essence, normative content, and functional significance of the principle of in dubio pro natura within the system of environmental constitutionalism, as well as to substantiate its role as a system-forming principle for resolving conflicts arising from legal uncertainty in favor of nature. The methodological basis of the study includes a set of complementary approaches: a formal legal method (for analyzing the texts of constitutions and legislative acts), a comparative legal method (for comparing the practice of enshrining and applying the principle in different legal systems), and a systemic-structural method (for determining the principle's place in the hierarchy of constitutional norms). The study establishes that in dubio pro natura is not simply a procedural rule, but a constitutional imperative, establishing a presumption of ecological integrity and obliging public authorities to make decisions in favor of preserving the natural environment in the presence of legal uncertainty. The authors identify the mechanisms for implementing this principle in lawmaking, law enforcement, and judicial review, as well as its limits (relationship with the principle of proportionality and potential conflicts with socioeconomic rights). The author concludes that the constitutionalization of in dubio pro natura marks a transition to a biocentric model of legal regulation, requiring the development of a new environmental ethic for the state. The practical significance of this work lies in the development of recommendations for implementing this principle in national legal systems, including possible options for its enshrinement in constitutional texts and judicial interpretation.

Key words: *in dubio pro natura principle, environmental constitutionalism, principle of favoring nature, presumption in favor of nature, constitutional principles of environmental protection.*

Климатические изменения, сокращение биоразнообразия, деградация почв и водных ресурсов, а также рост антропогенного давления на экосистемы ставят под сомнение способность традиционных правовых институтов обеспечивать устойчивое развитие и сохранять природную среду для будущих поколений. В этих условиях на первый план выходит идея экологического конституционализм как концепции, предполагающей интеграцию экологических ценностей, принципов и норм в основной закон государства, а также формирование системы конституционно-правовых механизмов, направленных на защиту природы как самостоятельной ценности, а не только как ресурсной базы экономики.

Современное конституционное право переживает фундаментальную трансформацию, обусловленную глобальными экологическими вызовами. Новые конституционно-правовые концепции возникают сегодня на основе междисциплинарных эколого-правовых подходов. Особую комплексную систему прав, обязанностей и принципов в области охраны природной среды, вытекающих из конституций и международных соглашений представляет концепция экологического конституционализма. В российской юридической науке фундаментальное обоснование категории экологического конституционализма предложено рядом ученых [2]. По определению Н.С. Бондаря «экологический конституционализм - это межотраслевое понятие, в основе которого лежат конституционные начала регулирования природоохранной деятельности, обеспечения экологической безопасности личности, общества и государства» [3].

Большое количество исследований в рамках концепции экологического конституционализма проведено сотрудниками ИГП РАН [7,8,10]. В них предлагается рассматривать «экологический конституционализм как одно из наиболее значимых явлений современного конституционного права, отражающее процесс интеграции экологических ценностей в основные законы [5].

Одним из наиболее ярких и перспективных проявлений концепции экологического конституционализма выступает принцип in dubio pro

natura, в соответствии с которым все сомнения должны толковаться в пользу природы. Зародившись в недрах экологического права как инструмент толкования и восполнения пробелов, он постепенно приобретает конституционное значение, находя прямое закрепление в основных законах ряда государств (в первую очередь — Эквадора, Боливии, Колумбии) и получая признание в практике международных судебных органов. Принцип предписывает разрешать любые правовые неопределённости (коллизии норм, неясность фактических обстоятельств или пробелы в регулировании) в пользу сохранения природной среды и обеспечения экологической целостности.

Несмотря на растущий интерес исследователей и практиков, теоретическое осмысление места и роли in dubio pro natura в системе экологического конституционализма остаётся фрагментарным [6]. Остаются дискуссионными вопросы о его нормативной природе (является ли он правилом толкования, презумпцией, общим принципом права или конституционным императивом), о его соотношении с классическими принципами пропорциональности и баланса интересов, а также о механизмах и пределах его применения в различных правопорядках.

Для решения ряда теоретических и практических задач, необходимы комплексные исследования большого количества вопросов. Анализ принципа in dubio pro natura как фундаментальной категории экологического конституционализма, раскрытии его сущностного содержания, нормативных оснований и функционального потенциала, а также обосновании его роли как системообразующего начала при разрешении правовых неопределённостей в экологической сфере необходимо выявить и систематизировать конституционно-правовые основания закрепления принципа в национальных правопорядках и международном праве. Кроме того важным видится исследование механизмов реализации этого принципа в правотворческой, правоприменительной и судебной деятельности, в рамках которого следует установить границы его действия, возможные конфликты с иными конституционными ценностями, а также оценить перспективы имплементации принципа в правовые системы, где он пока не получил формального закрепления.

Анализ эволюции экологического сознания сегодня представляет собой один из самых интересных примеров трансформаций в истории человеческой мысли. Путь от возвеличивания человека до признания самоценности природы не был прямым и линейным. Это сложная, противоречивая история, в которой человекоцентричная и экоцентричная (природоцентричная) тенденции, сменяя друг друга, боролись за доминирование в мировоззрении и праве. Если первая отражала развитие массового сознания, то вторая была концепцией философов, ученых и общественных движений, что определяло глубинность этого перехода.

Истоки антропоцентризма в контексте «потребительского отношения к природе», уходят в эпоху античности. Именно тогда произошло первое качественное изменение в сознании: утвердилась психологическая противопоставленность человека и природы. Человек начал воспринимать окружающий мир не как часть себя, а как нечто внешнее и подвластное. Однако в этот период еще сохранялось понимание непрагматической, духовной ценности природы. Ситуация кардинально изменилась с приходом христианства, ставшего идеологическим стержнем Средневековья. Оно окончательно закрепило противопоставленность человека и природы в сфере чувств, веры и души [9].

Картезианство (философия Рене Декарта) не только закрепило, но и рационализировало разрыв между человеком и природой, переведя взаимодействие с ней в сугубо прагматическую плоскость. Фрэнсис Бэкон провозгласил идеологию, которая ставила человека в центр мира, создав иллюзию его безграничной власти над природой. Природа стала восприниматься как лишенный всякой самоценности объект, как безразличная «окружающая среда» и «мастерская» для удовлетворения человеческих потребностей. Антропоцентризм превратился в суперидеологию, где человек мыслился высшей целью мироздания. Именно это мировоззрение, по общему признанию, стало «психологической базой» современного экологического кризиса. Потребительская практика человечества, освященная этой философией, изжила себя, породив глобальные проблемы, угрожающие самому существованию человека.

Первые робкие шаги к новому мировоззрению были сделаны в рамках так называемого «инвайроиментального консервационизма». Он не привел к немедленным качественным изменениям, но принципиально изменил вектор развития экологического сознания, то есть идеей о необходимости сохранения природных ресурсов для будущих поколений. Это был еще не отказ от антропоцентризма, а скорее попытка сделать его более дальновидным.

Существенный шаг в направлении к экоцентрическому сознанию был сделан русским космизмом. Центральной идеей этого течения стало представление о глубинном единстве Человека, Природы и всей Вселенной, о «всеединстве». Природа начала мыслиться не только как материальная, но и как духовная ценность. Эта идея нашла свое наиболее влиятельное воплощение в учении о ноосфере, разработанном Владимиром

Вернадским. Ноосфера - это сфера разума, где человеческий разум становится определяющим фактором развития биосферы. Однако, в отличие от классического антропоцентризма, Вернадский и его последователи подчеркивали не власть, а ответственность человека. Эпоха ноосферы — это будущее, достижимое через устойчивое развитие, в котором экологические аспекты являются доминирующими. Это был качественный скачок в виде утверждения включенности человека в мир природы на научном уровне.

Настоящий радикальный разрыв с антропоцентризмом произошел с возникновением «универсальной этики», биоцентризма и, наконец, экоцентризма. Для этих течений характерно стирание в ценностном отношении каких-либо границ между человеком и остальной природой [1].

В дальнейшем традиционное представление об этике и сфере моральной ответственности человека перед природой расширялось. Предлагалось изменить взгляд на человека и увидеть в нем не завоевателя, а рядового и равноправного члена более широкого сообщества, включающего растения и животных, вод, воздуха …

Биоцентризм поставил на одну линию интересы человека и природы. Экоцентризм пошел еще дальше, включив человека в целостность систем природных: биологических, физических, геологических. Сторонники экоцентризма утверждают, что внутренней ценностью обладают не только живые существа, но и экосистемы и даже биосфера в целом. Это обусловливает их моральный статус и делает их непосредственным предметом моральной ответственности людей. Природа перестает быть безразличным объектом и становится совокупностью взаимосвязей, в которой каждое звено представляет собой особую ценность. Стабильность биологического сообщества провозглашается самым важным этическим критерием.

Интересно, что на этом пути западная мысль прошла долгий и тернистый путь, в то время как восточные религиозно-философские системы, по мнению многих исследователей, изначально сохранили характеристики архаического, но в высшей мере экоцентричного сознания, воспринимая природу как духовную ценность.

Сегодня экоцентризм противостоит антропоцентризму как философская основа для новой экологической этики. Однако идеализация «дикой природы без человека» также подвергается критике. Как отмечают современные исследователи, задача заключается не в том, чтобы заменить одну догму другой, а в поиске баланса. Необходим синтез идей антропоцентризма и экоцентризма, который, признавая несомненную важность роли человека, утверждает, что вся экосфера значима и целостна.

Предлагая системный взгляд на in dubio pro natura не как на инструмент, а как на фундаментальный конституционный императив, меняющий парадигму правового регулирования (от антропоцентризма к экоцентризму) в ходе исследования был проведен сравнительный анализ конституционных положений ряда государств. В частности Конституции Эквадора (ст. 395.4), Боливии, Колумбии, а также решения конституционных судов и судебной практики некоторых европейских государств (Германии, Франции) в части толкования экологических презумпций. Это позволило обосновать предположение, что конституционализация in dubio pro natura происходит в рамках признание прав природы которое достигается не столько через прямое закрепление, сколько через доктринальное и судебное толкование конституционных экологических обязанностей государства, что свидетельствует о вариативности механизмов имплементации. Вместе с тем установлены и пределы действия принципа: он не может служить основанием для произвольного ограничения социально-экономических прав, а его применение требует взвешенного учёта принципа пропорциональности и необходимости обеспечения справедливого баланса между экологическими и иными общезначимыми интересами. В этом смысле in dubio pro natura не отменяет, а дополняет классические конституционные инструменты, придавая им экологическое наполнение.

Обоснование перехода от антропоцентрического к экоцентрического взгляда на правовые регуляторы требует пересмотра многих устоявшихся конструкций, включая принципы толкования, механизмы контроля и пр.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углублённом изучении процессуальных аспектов применения in dubio pro natura - в частности, распределения бремени доказывания, стандартов доказывания в экологических спорах, а также в сравнительном анализе эффективности данного принципа в различных правовых семьях. Не менее актуальным представляется исследование возможных конфликтов между in dubio pro natura и принципами правовой определённости и защиты доверия, особенно в ситуациях, когда решения в пользу природы принимаются задним числом или влекут значительные экономические последствия.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что в современных условиях юрисдикция принципа in dubio pro natura является не техническим приёмом толкования, а обретает черты фундаментального конституционного принципа. В таком контексте данный принцип способен стать ядром новой модели правового регулирования - экологического конституционализма. Его нормативное содержание выходит да-

леко за рамки традиционной презумпции в пользу окружающей среды: он устанавливает приоритет экологической целостности над иными публичными и частными интересами в ситуациях правовой неопределённости, возлагая на государство обязанность доказывать экологическую безопасность своих решений и действовать с максимальной осмотрительностью в отношении природных объектов.

Список литературы:

[1] Белкина В.А. Экологическая биоэтика, экологическая и технологическая этика в аспекте становления экологической техносферы // Культура и искусство. - 2023. - № 9.

[2] Боголюбов С.А. Потенциал экологических норм Конституции России // Журнал Российского права.-1918.-№ 5.-С.16-25., Виноградова Е.В. Экологический конституционализм в системе обеспечения национальных интересов России в Арктике // Право и управление 2026. № 3. С.15-17. и др.

[3] Бондарь Н.С. Экологический конституционализм в современной юриспруденции: от доктрины к практике // Российская юстиция. 2023. № 6.

[4] Виноградова Е.В. Экологическая безопасность и сохранение уникального природного многообразия в парадигме укрепления современной российской конституционной идентичности // Доклады кандидатов в члены РАН, баллотировавшихся по секции философии, политологии, социологии, психологии и права в 2022 году / Российская академия наук; Отделение общественных наук РАН; Научно-консультативный совет по правовым, психологическим и социально-экономическим проблемам общества. М.: Новые печатные технологии, 2023. С. 374–382.

[5] Виноградова Е.В. Экологический конституционализм в системе обеспечения национальных интересов России в Арктике // Право и управление 2026. № 3. С.15-17. С.15.,.

[6] Виноградова Е.В. Принцип in dubio pro natura в системе экологического конституционализма арктических стран: суверенные права коренных народов и межпоколенческая справедливость. // Образование и право. 2026. № 3. С. 99-103.

[7] Мухлынина М.М. Экологическая безопасность:теоретические и правовые основы // Правовая политика и правовая жизнь -2023.- № 4. С.137-146.

[8] Редникова Т.В. Формирование единых подходов к правовой охране биологического разнообразия и его компонентов в Арктике: к постановке проблемы // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. - 2020. - № 4.

[9] Олейников Ю.В. Экологическая обусловленность мировоззренческих трансформаций // Мир психологии. — 1997, № 1. — С.26–28.

[10] Савенков, А.Н. Арктика: правовое обеспечение устойчивого развития и сотрудничества // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13. – №. 1. – С. 22-42.

[11] Холодный Н.Г. Мысли натуралиста о природе и человеке // Русский космизм: Антология философской мысли. — М.: Педагогика-Пресс, 1993.

[12] Яницкий О.Н. Экологическая социология // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. — М.: Институт социологии РАН, 1996.

References:

[1] Belkina V.A. Environmental bioethics, environmental and technological ethics in the aspect of the formation of the ecological technosphere // Culture and art. - 2023. - № 9.

[2] Bogolyubov S.A. Potential of Environmental Norms of the Rogsia Constitution. // Journal of Russian Law. -1918.- No. 5.-P.16-25., Vinogradova E.V. Environmental Constitutionalism in the System of Ensuring Russia's National Interests in the Arctic // Law and Governance 2026. № 3. S.15-17. and others.

[3] Bondar N.S. Ecological constitutionalism in modern jurisprudence: from doctrine to practice // Russian justice. 2023. № 6.

[4] Vinogradova E.V. Environmental safety and preservation of unique natural diversity in the paradigm of strengthening modern Russian constitutional identity // Reports of candidates for membership in the Russian Academy of Sciences who ran for the section of philosophy, political science, sociology, psychology and law in 2022 Russian Academy of Sciences; Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Scientific Advisory Council on Legal, Psychological and Socio-Economic Problems of Society. M.: New printing technologies, 2023. P. 374-382.

[5] Vinogradova E.V. Environmental constitutionalism in the system of ensuring Russia's national interests in the Arctic // Law and Governance 2026. № 3. S.15-17. S.15.,.

[6] Vinogradova E.V. The principle in dubio pro natura in the system of ecological constitutionalism of the Arctic countries: sovereign rights of indigenous peoples and intergenerational justice // Education and law. 2026. № 3. S. 99-103.

[7] Mukhlynina M.M. Environmental safety: theoretical and legal foundations // Legal policy and legal life -2023.- No. 4. P.137-146.

[8] Rednikova T.V. Formation of uniform approaches to the legal protection of biological diversity and its components in the Arctic: to raising

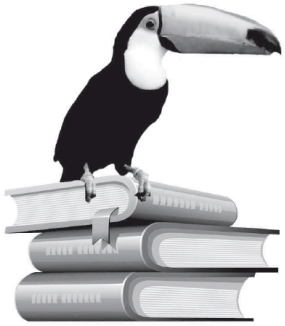
a problem // International Law and International Organizations. - 2020. - № 4.

[9] Oleinikov Yu.V. Ecological conditioning of worldview transformations // World of psychology. — 1997, № 1. - S.26-28.

[10] Savenkov, A.N. Arctic: legal support for sustainable development and cooperation // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2018. - T. 13. – №. 1. - S. 22-42.

[11] Cold N.G. Naturalist's thoughts on nature and man // Russian cosmism: An anthology of philosophical thought. - M.: Pedagogy-Press, 1993.

[12] Yanitsky O.N. Ecological Sociology // Sociology in Russia Ed. V.A. Yadova. - M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1996.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-288-296

ПАТЮЛИН Георгий Сергеевич,
младший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук,
e-mail: g.patulin@gmail.com

АКСИОЛОГИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ В КОНТЕКСТЕ СУВЕРЕНИТЕТА И СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется аксиологическое измерение конституционных принципов в контексте государственного суверенитета и современного государствоведения. Автор обосновывает положение о том, что конституционные принципы выступают не только высшими нормативными регуляторами, но и правовой формой объективации фундаментальных конституционных ценностей, синтезирующих юридическое долженствование и морально-нравственные идеалы общества.*

Раскрывается ценностное содержание базовых конституционных принципов (правового и социального государства, разделения властей, федерализма, народовластия). Особое место отводится принципу поддержания доверия граждан к закону и действиям государства как одному из наиболее динамично развивающихся имплицитных конституционных принципов, выступающему аксиологической формой реализации народного суверенитета, механизмом обеспечения правовой определенности, защиты правомерных ожиданий и поддержания легитимности публичной власти.

В государствоведческом измерении аксиология конституционных принципов рассматривается как системообразующий элемент, позволяющий преодолеть позитивистский подход к Основному закону и раскрыть суверенитет как интегративную конституционную ценность, обеспечивающую единство правовой системы, внутреннюю консолидацию общества и устойчивость государственной организации в условиях социальных трансформаций и современных вызовов.

Ключевые слова: *аксиология; конституционный принцип; конституционные ценности; государственный суверенитет; принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства; правовая определенность; легитимность государственной власти; народный суверенитет; государствоведение; Конституционный Суд Российской Федерации; традиционные духовно-нравственные ценности.*

PATIULIN Georgii Sergeevich,
Junior Research Fellow at the Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

AXIOLOGY OF CONSTITUTIONAL PRINCIPLES IN THE CONTEXT OF SOVEREIGNTY AND MODERN STATE STUDIES

Annotation. *The article explores the axiological dimension of constitutional principles in the context of state sovereignty and modern state studies. The author substantiates the thesis that constitutional principles function not merely as supreme normative regulators, but also as the legal form of objectification of fundamental constitutional values that synthesize legal obligation and the moral-ethical ideals of society.*

The article reveals the value content of the basic constitutional principles (the rule-of-law and social state, separation of powers, federalism, and popular sovereignty). Particular attention is paid to the principle of maintaining citizens' trust in the law and actions of the state as one of the most dynamically developing implicit constitutional principles. This principle serves as an axiological form of the realization of popular sovereignty

and as a mechanism for ensuring legal certainty, protection of legitimate expectations, and sustaining the legitimacy of public power.

In the state-studies dimension, the axiology of constitutional principles is regarded as a system-forming element that overcomes the positivist approach to the Basic Law and reveals sovereignty as an integrative constitutional value. This value ensures the unity of the legal system, internal societal consolidation, and the stability of state organization amid social transformations and contemporary challenges.

Key words: *axiology; constitutional principles; constitutional values; state sovereignty; principle of maintaining citizens' trust in the law and actions of the state; legal certainty; legitimacy of state power; popular sovereignty; state studies; Constitutional Court of the Russian Federation; traditional spiritual and moral values.*

Аксиология конституционных принципов представляет собой одно из наиболее перспективных и интенсивно развивающихся направлений современной теории конституционного права, которое позволяет преодолеть узко-нормативный, позитивистский подход к Основному закону и раскрыть его глубокое ценностное измерение. Классическая конституционная догматика традиционно концентрировалась на анализе юридической силы, структуры и иерархии норм конституции как верховного нормативного акта. Аксиологический поворот, напротив, смещает фокус внимания на то, какие фундаментальные идеи, идеалы и приоритеты общественного бытия эти нормы выражают, закрепляют и защищают в реальной жизни общества, делая конституцию не просто юридическим текстом, а ценностным ориентиром национального развития. Конституционные принципы в этом контексте предстают не просто как наиболее общие и абстрактные правила высшей юридической силы, но как носители и выразители базовых ценностей, которые определяют не только правовое, но и морально-нравственное, культурно-историческое, духовное лицо государства и общества в целом. Они выступают связующим звеном между формальным правом и общественными идеалами, обеспечивая легитимность конституционного строя.

Конституционные принципы выступают правовой формой объективации и институционализации конституционных ценностей, обладающих метаюридическим характером: они синтезируют в себе юридическое долженствование и морально-этическое долженствование, право и справедливость, норму и идеал [5, с. 15-35]. Именно благодаря такому ценностному наполнению конституция перестает быть лишь формальным юридическим текстом, сухим сводом правил и превращается в живой аксиологический документ, который фиксирует приоритеты национального развития, ориентиры общественного прогресса и границы допустимого в регулировании человеческих отношений. В российской науке этот подход активно формировался с начала 2000-х годов, когда на фоне постсоветских трансформаций потребовалось не только технически обновить правовую систему, но и наполнить ее глубоким ценностным содержанием, способным консолидировать общество вокруг общих ориентиров в условиях идеологического плюрализма и многообразия мировоззрений. Аксиология конституционных принципов помогает понять, почему одни нормы воспринимаются обществом как легитимные и справедливые, а другие – как чуждые или навязанные извне, почему конституционные изменения 2020 года были восприняты как укрепление традиционных ценностей. Конституционная аксиология как новое направление науки конституционного права изучает правовые ценности, закрепленные в Конституции РФ, их иерархические взаимосвязи и объективацию именно в принципах как наиболее общих нормах [10, с. 63-67]. Развитие идеи диалектики ценности показывает, как конституционные принципы выступают в роли идеальных моделей развития человека, общества и государства, постоянно эволюционируя под влиянием социальных изменений [11, с. 8-12]. Зарубежные авторы, такие как Р. Дворкин, также акцентируют ценностный характер конституционных норм, видя в них не только правила поведения, но и принципы, выражающие моральные идеалы общества и требующие герменевтического, ценностно-ориентированного толкования [2, p. 225-275]. Е.В. Виноградова акцентирует внимание на иерархии системы конституционных ценностей, отмечая, что ценностное значение Конституции как юридического монодокумента наиболее полно воплощается в единстве ее юридических свойств: верховенстве, высшей юридической силе и прямом действии, что делает ее основным источником конституционных ценностей [7].

Особое значение в системе конституционных ценностей приобретает категория государственного суверенитета, которая выступает не только юридической характеристикой государства, но и его фундаментальной аксиологической основой. Суверенитет в этом смысле отражает способность государства самостоятельно определять направления своего политико-правового развития, обеспечивая целостность правовой системы, защиту конституционной идентичности и устойчивость публичной власти. В государствоведческом измерении конституционные принципы выступают формой институционализации су-

веренитета, поскольку именно через них раскрывается содержание публичной власти, пределы ее осуществления и соотношение с личностью и обществом.

В российской конституционной доктрине аксиология конституционных принципов получила особенно мощный импульс благодаря работам целого ряда ведущих авторов. А.И. Овчинников еще в 2010 году подчеркнул, что Конституция Российской Федерации 1993 года (с учетом последующих поправок) закрепляет целостную ценностную систему, центром которой являются права и свободы человека, демократические институты, принципы правового и социального государства [10]. Эти ценности не случайны: они отражают исторический выбор постсоветской России в пользу гуманистической, демократической парадигмы развития, отвергающей тоталитарное прошлое. Учеными акцентируется роль конституционных презумпций и аксиологических ориентиров в противостоянии современным вызовам – от глобализации и цифровизации общественных отношений до попыток внешнего идеологического влияния [14]. Важно отметить, что аксиологический подход позволяет не только описывать существующие ценности, но и прогнозировать их эволюцию: в условиях 2020-2025 годов, с учетом поправок 2020 года, все большее значение приобретают традиционные духовно-нравственные ценности, суверенитет, историческая преемственность, защита культурной идентичности и приоритет семьи как основы общества. Ученые выстраивают систему конституционных ценностей, предлагая способы разрешения коллизий между ними через аксиологический баланс, учитывающий как текст Конституции, так и ее исторический и социокультурный контекст [24] и определяют конституционные ценности как идеальные модели, выступающие критериями интерпретации и реализации Конституции для достижения сбалансированной защиты прав и свобод в условиях многонационального и многоконфессионального государства [6]. Зарубежная доктрина, в частности, практика Федерального конституционного суда Германии, также опирается на аксиологический подход, где конституционные принципы трактуются как объективная иерархия ценностей, дающая импульсы всему правопорядку и ограничивающая законодательную власть [1]. Е.В. Виноградова, анализируя иерархию конституционных ценностей, подчеркивает, что в современной российской конституционно-правовой науке превалирует подход, при котором Конституция выступает основным источником ценностей, а их иерархия определяется не жесткой пирамидой, а динамическим балансом, учитывающим контекст конкретных коллизий [7].

Значимость конституционных принципов для теории права в целом и конституционного права в частности невозможно переоценить: они выполняют роль своеобразных «несущих конструкций» всей правовой системы, обеспечивая ее внутреннее единство, системность и непротиворечивость даже при значительных изменениях отраслевого законодательства. Без глубокого аксиологического осмысления принципы рискуют превратиться в пустые декларации, оторванные от реальности и неспособные эффективно направлять правотворчество и правоприменение. Предмет конституционной аксиологии составляет именно закрепление в тексте Основного закона наиболее широкого и значимого круга общественных ценностей, включая не только прямое толкование норм о правах и свободах, но и имплицитные ценностные ориентиры, вытекающие из духа конституции и ее преамбулы [9]. Это позволяет преодолеть формально-юридический подход и перейти к пониманию права как ценностно-ориентированной системы, где норма служит инструментом реализации высших идеалов справедливости, равенства и человеческого достоинства. В теоретическом плане аксиология принципов обогащает общую теорию права категориями ценностного измерения права, помогает осмыслить феномен легитимности правопорядка, связь права с моралью, культурой и исторической памятью народа. В прикладном аспекте она дает инструментарий для разрешения коллизий норм, толкования неопределенных положений и оценки соответствия отраслевого законодательства конституционным идеалам, предотвращая произвольное правоприменение. Особо отмечается прикладное значение категории конституционной ценности для судебной защиты прав, особенно в условиях судебного конституционализма [12, с. 3-12].

В судебной практике КС РФ аксиологический подход проявляется наиболее ярко и последовательно именно при разрешении коллизий между различными конституционными принципами и ценностями. Суд неоднократно подчеркивал, что любое ограничение прав и свобод должно быть не только формально законным, но и соразмерным конституционно значимым целям, среди которых защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья населения, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечение общественной безопасности. Классическим примером служит Постановление КС РФ от 26 декабря 2005 г. № 14-П, в котором Суд прямо указал на необходимость пропорционального баланса между конкурирующими ценностями. В частности, Конституционный Суд подчеркнул: «Осуществляя регулирование соответствующих общественных отношений, федеральный законодатель связан конституционным принципом

соразмерности и вытекающими из него требованиями адекватности и пропорциональности используемых правовых средств… возможные их ограничения должны быть соразмерными и обусловливаться необходимостью защиты конституционных ценностей» [18]. Этот подход получил дальнейшее развитие в последующих решениях: по вопросам регулирования публичных мероприятий Конституционный Суд акцентировал приоритет свободы собраний как одной из ключевых конституционных ценностей, но при этом обязал законодателя и правоприменителя обеспечивать разумный баланс с требованиями общественной безопасности, порядка и защиты прав третьих лиц. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 17 мая 2021 г. № 19-П Суд отметил, что регулирующее воздействие на отношения, связанные с организацией и проведением публичных мероприятий, должно осуществляться «на основе поддержания взаимного доверия государства и общества и соблюдения баланса частных и публичных интересов обеспечить гражданам и их объединениям разумную возможность путем организации и проведения публичных мероприятий заявлять и отстаивать свою позицию» [16].

В более поздней практике, особенно после 2020–2025 годов, аксиологический метод активно применяется при защите традиционных ценностей: Суд подчеркивает недопустимость произвольного ограничения индивидуальной автономии, если оно не оправдано защитой общественной нравственности и исторически сложившихся духовно-нравственных ориентиров многонационального народа России. Аксиологический подход позволяет КС РФ выходить за рамки буквального толкования нормы и раскрывать ее подлинное ценностное содержание, адаптируя конституционные принципы к меняющимся социальным реалиям без потери их сущностного ядра. Это делает судебную практику не механическим применением текста, а живым процессом конституционного развития, способным реагировать на вызовы времени.

Аксиология конституционных принципов помогает преодолеть ограничения юридического позитивизма, который сводит право к набору команд суверена. Еще С.С. Алексеев в конце XX века писал о правовых ценностях как о новой форме духовно-интеллектуального освещения права, способной придать правовой системе внутреннюю оправданность и моральную легитимность [3, с. 128-135]. Современные авторы развивают эту идею дальше: конституционные принципы не только регулируют поведение субъектов, но и легитимируют весь правопорядок, задавая ориентиры для законодательной, исполнительной и судебной власти, а также формируя правосознание граждан.

Принцип правового государства, признанный КС РФ одним из основополагающих и пронизывающих всю систему права [22], аксиологически воплощает ценности верховенства права, защиты от произвола, формального и фактического равенства, предсказуемости правового регулирования и, что особенно важно, доверия граждан к государству как ключевого элемента стабильности.

Принцип разделения властей несет в себе глубокий аксиологический заряд предотвращения узурпации власти, защиты политической свободы через институциональный баланс и взаимный контроль ветвей власти. КС РФ прямо указал, что данный принцип исключает подмену одной ветви власти другой и требует четкого разграничения компетенций [21].

Принцип федерализма в ценностном измерении отражает идею единства в многообразии, баланса между необходимой централизацией и уважением к региональным особенностям, равноправия субъектов Федерации. КС РФ также особо подчеркнуло недопустимость нарушения равноправия субъектов как ключевой конституционной ценности [15].

Принцип социального государства (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ) воплощает ценности социальной солидарности, заботы о слабозащищенных слоях населения, создания условий для достойной жизни и свободного развития человека. КС РФ развил понимание социального государства как обязательства публичной власти активно содействовать социальной справедливости [19].

Принципы народовластия и непосредственной демократии несут ценность активного участия граждан в управлении государственными делами, что особенно актуально в эпоху цифровизации, роста гражданской активности и запроса на реальное вовлечение в принятие решений.

Представляется возможным утверждать, что каждый из базовых конституционных принципов – правовое государство, федерализм, разделение властей – может быть рассмотрен как конкретизация различных аспектов государственного суверенитета: внутреннего (организация власти), внешнего (независимость), народного (источник власти).

Особое место в аксиологической системе конституционных принципов занимает принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства – один из наиболее динамично развивающихся и часто применяемых в практике КС РФ имплицитных принципов, вытекающих из фундаментальных положений Конституции РФ (ст. 1, 2, 15, 18, 19, 55, а также ст. 75.1 в системной связи с другими нормами). Этот принцип не закреплен текстуально в Конституции, однако КС РФ последовательно признает его самосто-

ятельным конституционным принципом, выступающим важным регулятором общественных отношений и критерием оценки нормативных актов и действий публичной власти. Несмотря на то, что этот принцип формально не выражен в тексте Основного закона, он признан Судом как значимый регулятор, способствующий исправлению дефектов законодательства, преодолению правовой неопределенности и укреплению уважения к закону как важнейшему средству социальной интеграции, что в итоге позитивно сказывается на институте доверия граждан к публичной власти [4, с. 45-58]. Доверие трактуется как самостоятельная конституционная ценность, несводима к иным категориям, обеспечивающая социальную сплоченность и стабильность правопорядка в условиях динамичных изменений [8, с. 75-68]. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства следует рассматривать как аксиологическую форму реализации народного суверенитета, поскольку именно доверие обеспечивает признание власти легитимной и тем самым превращает формально-юридический суверенитет в реально функционирующее свойство государства.

Аксиологическое содержание принципа раскрывается через ряд ключевых требований, последовательно сформулированных в практике КС РФ. Во-первых, это требование разумной стабильности правового регулирования и предсказуемости государственной политики, особенно в длящихся правоотношениях (пенсионных, социальных, налоговых, трудовых). Граждане и субъекты права должны иметь возможность разумно предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в том, что приобретенные ими права и статус не будут произвольно ухудшены ретроспективными изменениями без адекватных переходных механизмов или компенсаций. Во-вторых, принцип предполагает защиту правомерных (законных) ожиданий граждан, возникающих из норм права, официальных разъяснений органов власти, сложившейся правоприменительной практики или бездействия государства. В-третьих, он обязывает законодателя и правоприменителя обеспечивать правовую определенность, недопустимость произвольных изменений в системе норм и адекватные условия адаптации к новым правилам. Как подчеркивает КС РФ, доверие основывается на предсказуемости государственной политики и защите приобретенных прав [17], поэтому отступление от данного принципа подрывает легитимность власти и гражданский мир.

В более поздних решениях этот принцип активно применяется в различных сферах. В Постановлении от 18 июля 2024 г. № 38-П он связывается с формированием ответственного отношения в обществе и верой в добро и справедливость в контексте регулирования гуманного обращения с животными [20]. В Постановлении от 27 января 2026 г. № 3-П КС РФ прямо указал, что регулирование социальной защиты должно отвечать принципу поддержания доверия, предполагающему правовую определенность и стабильность, особенно в отношении специального статуса граждан (ветеранов, инвалидов и др.), иное не согласовывалось бы с принципом доверия и конституционными началами уважения достоинства личности [23].

Аксиологически принцип доверия воплощает фундаментальную ценность взаимного доверия между государством и обществом как основу устойчивости правовой демократии, легитимности публичной власти и социальной сплоченности. Он предотвращает эрозию правосознания, снижает правовой нигилизм и укрепляет уважение к закону как к надежному регулятору общественных отношений. Нарушение принципа приводит к снижению доверия к институтам власти, росту социального напряжения, дестабилизации правопорядка и подрыву конституционного строя. В российской доктрине принцип рассматривается как комплексное явление, сочетающее юридические, социопсихологические и этические аспекты: доверие выступает не только правовой гарантией, но и основой коммуникации между властью и обществом. Е.В. Виноградова, рассматривая конституционные ценности в контексте доверия и стабильности, отмечает их роль в обеспечении предсказуемости правового регулирования и защите приобретенных прав граждан, подчеркивая динамический характер баланса между стабильностью и необходимостью изменений [7].

Аксиологический подход к конституционным принципам позволяет перейти от статичного описания норм к динамичному осмыслению их роли в общественном развитии. Диалектика ценности лежит в основе всей конституционной аксиологии, делая принципы живыми ориентирами, требующими постоянного переосмысления в контексте исторических изменений [11]. Для практики правового регулирования такой подход незаменим: он помогает законодателю и правоприменителю разрешать коллизии не формально-логически, а через поиск оптимального баланса конкурирующих ценностей, что особенно важно в периоды реформ, кризисов и трансформаций правовой системы, когда риск нарушения баланса ценностей особенно высок.

Критики аксиологического метода указывают на риск субъективизма и произвольной оценки ценностей, что может подорвать предсказуемость права и стабильность правоприменения [13, с. 152-153]. Однако многолетняя практика

КС РФ демонстрирует обратное: баланс ценностей достижим при строгой опоре на текст Конституции, ее системное толкование, исторический контекст принятия, прецеденты судебного конституционализма и общепризнанные международные стандарты. Аксиология конституционных принципов превращает конституционное право из механического набора норм в ценностно-ориентированную, морально оправданную систему, которая не только регулирует поведение, но и вдохновляет, формирует правосознание, обеспечивает легитимность власти и стабильность общественного порядка. Именно поэтому ее дальнейшее развитие остается одной из ключевых задач современной юридической науки и конституционного правосудия в России, требующей постоянного диалога между теорией, практикой и обществом.

Вышеизложенное подтверждает, что в современном российском конституционном праве принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства занимает важное место среди неписаных (подразумеваемых) конституционных принципов. Он активно формируется и применяется КС РФ как необходимое условие обеспечения правовой определенности, стабильности регулирования и защиты правомерных (законных) ожиданий участников правоотношений. Данный принцип предполагает, что публичная власть обязана избегать произвольных, ретроспективных изменений правового положения, ухудшающих положение лиц, если такие изменения не сопровождаются адекватным переходным периодом и соразмерными компенсаторными мерами.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что аксиология конституционных принципов выступает не вспомогательным, а системообразующим элементом современного конституционного права. Именно через ценностное содержание принципы приобретают способность выполнять свою ключевую функцию – обеспечивать единство правовой системы, ее внутреннюю согласованность и устойчивость в условиях социальных трансформаций. Они связывают нормативный текст Конституции с историческим опытом, культурной идентичностью и нравственными ожиданиями общества, превращая Основной закон в живой ориентир правового и государственного развития, а не в формальный свод предписаний.

Рассмотрение конституционных принципов сквозь призму их аксиологического значения позволяет утверждать, что именно они концентрируют и транслируют базовые ценности, определяющие смысл и направленность всего конституционного регулирования. Принципы выступают не только юридическими ориентирами, но и носителями устойчивых представлений о справедливости, достоинстве личности, соразмерности власти и ответственности государства перед обществом. Их ценностное содержание обеспечивает преемственность конституционного развития, позволяя сохранять идентичность правопорядка даже в условиях существенных институциональных и нормативных изменений. При этом государственный суверенитет выступает не только юридическим признаком государства, но и интегративной конституционной ценностью, объединяющей систему принципов в целостную модель государственности. Аксиология конституционных принципов в данном контексте выполняет функцию теоретического обоснования суверенитета как динамической, ценностно насыщенной категории современного государствоведения.

Особое место в системе конституционных принципов занимает принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который в аксиологическом плане выражает идею взаимного уважения и ответственности во взаимоотношениях личности и публичной власти. Его значение выходит за рамки узкотехнических требований правовой определенности и стабильности регулирования, затрагивая фундаментальные основы легитимности государственной власти и устойчивости правопорядка. Доверие предстает как самостоятельная конституционная ценность, без которой невозможны ни эффективная реализация прав и свобод, ни формирование устойчивого правосознания.

В целом аксиологическое значение конституционных принципов заключается в том, что они формируют внутренний «каркас» конституционного строя, задающий пределы допустимого усмотрения публичной власти и ориентиры для дальнейшего развития правовой системы. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства наглядно демонстрирует, как ценностное наполнение принципов позволяет соединить исторический опыт, современные потребности и перспективы конституционного развития, укрепляя тем самым основы правового государства.

Особое значение аксиологического подхода проявляется в том, что он позволяет выявить и обосновать имплицитные конституционные начала, не всегда прямо выраженные в тексте Конституции, но вытекающие из ее духа и системных связей норм. Аксиология конституционных принципов выступает не только теоретическим инструментом осмысления конституционного текста, но и практическим механизмом обеспечения легитимности публичной власти, баланса конкурирующих ценностей и адаптации правового регулирования к вызовам времени без утраты его ценностного ядра. Перспективы дальнейшего развития данного направления связаны с углублением

диалога между теорией и правоприменительной практикой, а также с поиском оптимальных форм согласования стабильности и обновления конституционных ценностей в условиях динамичного общественного развития.

Список литературы:

[1] BVerfGE 39, 1 (1975) – Schwangerschaftsabbruch.

[2] Dworkin R. Law's Empire. – Cambridge: Harvard University Press, 1986. – 470 p.

[3] Алексеев, С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. – 752 с.

[4] Алешкова, И.А., Дудко, И.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: конституционное содержание и особенности его обеспечения в практике конституционного суда РФ // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 44–52.

[5] Бондарь, Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. – М.: Юристъ, 2013. – 320 с.

[6] Бурла, В.М. Ценность как базовая категория отечественной конституционной аксиологии // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 5. – С. 45–56.

[7] Виноградова, Е.В. К вопросу об иерархии системы конституционных ценностей // Образование и право. – 2022. – № 2. – С. 149–152.

[8] Володина, С.В. Конституционная ценность доверия // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20. – № 3. – С. 75–86.

[9] Малько, М.П. Предмет конституционной аксиологии // Вестник Челябинского государственного университета. Право. Вып. 24. – № 19(200). – С. 34–37.

[10] Овчинников, А.И. Конституционно-правовая аксиология в современной России // Философия права. – 2015. – № 5 (72). – С. 63–67.

[11] Пермиловский, М.С. Основы конституционной аксиологии: диалектика ценности // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 7. – С. 8–12.

[12] Пермиловский, М.С., Вилова, М.Г. Введение в конституционную аксиологию (теоретико-прикладной очерк) // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 57. – С. 55-59.

[13] Плещенко, А.Н. Критика аксиологического подхода в конституционном праве // Международный научный журнал «Символ науки». – 2017. – № 1-01. – С. 152–153.

[14] Пономарев, М.В. Аксиология конституционализма: современные вызовы и перспективы развития // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2(10). – С. 76-86.

[15] Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2005 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.

[16] Постановление Конституционного Суда РФ о т 17.05.2021 N 19-П «По делу о проверке конституционности части 1.1 статьи 7 Федерального закона "О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях" и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А. Никифоровой» // СЗ РФ. 2021. № 22. Ст. 3912.

[17] Постановление Конституционного Суда РФ от 15.02.2019 N 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 402 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Ф. Низамовой» // СЗ РФ. 2019. № 8. Ст. 820.

[18] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2005 N 14-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 260 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.Г. Одиянкова» // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 337.

[19] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.12.1997 № 20-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца шестого пункта 1 статьи 28 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 года "О занятости населения в Российской Федерации" в редакции от 20 апреля 1996 года» // СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5878.

[20] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 № 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия» // СЗ РФ. 2024. № 30. Ст. 4443.

[21] Постановление Конституционного Суда РФ от 29.05.1998 № 16-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 28 Закона Республики Коми “О государственной службе Республики Коми”» // СЗ РФ. 1998. № 23. Ст. 2626.

[22] Определение Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2002 г. № 22-О «По жалобе открытого акционерного общества “Большевик” на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 15, 16 и 17 Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”» // URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision31020.pdf (дата обращения 04.02.2026).

[23] Постановление Конституционного Суда

РФ от 27.01.2026 № 3-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 1.1 статьи 7 Федерального закона "О ветеранах", а также части 3 статьи 8 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости" в связи с жалобой гражданки Чаминой Ирины Анатольевны» // СЗ РФ. 2026. № 6. Ст. 613.

[24] Шустров, Д.Г. Аксиология Конституции Российской Федерации 1993 года // Социально-политические науки. – 2015. – № 4. – С. 14-26.

References:

[1] BVerfGE 39, 1 (1975) – Schwangerschaftsabbruch.

[2] Dworkin R. Law's Empire. – Cambridge: Harvard University Press, 1986. – 470 p.

[3] Alekseev, S.S. Ascent to law. Searches and solutions. M.: Norma, 2001. - 752 s.

[4] Aleshkova, I.A., Dudko, I.A. Principle of maintaining citizens' confidence in the law and state actions: constitutional content and peculiarities of its provision in the practice of the constitutional court of the Russian Federation // Education and law. – 2021. – № 2. - S. 44-52.

[5] Bondar, N.S. Axiology of Judicial Constitutionalism: Constitutional Values in the Theory and Practice of Constitutional Justice. - M.: Lawyer, 2013. - 320 s.

[6] Burla, V.M. Value as the basic category of domestic constitutional axiology y // Actual problems of Russian law. – 2021. – № 5. - S. 45-56.

[7] Vinogradova, E.V. On the question of the hierarchy of the system of constitutional values // Education and law. – 2022. – № 2. - S. 149-152.

[8] Volodina, S.V. Constitutional value of trust // Actual problems of Russian law. – 2025. – T. 20. – № 3. - S. 75-86.

[9] Malko, M.P. Subject of constitutional axiology // Bulletin of Chelyabinsk State University. Right. No. 24. – № 19(200). - S. 34-37.

[10] Ovchinnikov, A.I. Constitutional and legal axiology in modern Russia // Philosophy of law. – 2015. – № 5 (72). - S. 63-67.

[11] Permilovsky, M.S. Fundamentals of constitutional axiology: dialectics of value // State power and local self-government. – 2018. – № 7. - S. 8-12.

[12] Permilovsky, M.S., Vilova, M.G. Introduction to constitutional axiology (theoretical and applied essay) // Questions of modern jurisprudence. – 2016. – № 57. - S. 55-59.

[13] Pleshchenko, A.N. Criticism of the axiological approach in constitutional law // International Scientific Journal "Symbol of Science." – 2017. – № 1-01. - S. 152-153.

[14] Ponomarev, M.V. Axiology of constitutionalism: modern challenges and development prospects // Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. – 2012. – № 2(10). - S. 76-86.

[15] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.12.2005 No. 13-P "In the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Law "On General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Constituent Entities of the Russian Federation" in connection with complaints of a number of citizens" // NW RF. 2006. № 3. Art. 336.

[16] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation on t 17.05.2021 N 19-P "In the case of checking the constitutionality of part 1.1 of article 7 of the Federal Law "On meetings, rallies, demonstrations, processions and picketing" and part 2 of article 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.A. Nikiforova" // SZ RF. 2021. № 22. Art. 3912.

[17] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.02.2019 N 10-P "In the case of checking the constitutionality of Article 402 of the Tax Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen O.F. Nizamova" // SZ RF. 2019. № 8. Art. 820.

[18] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.12.2005 N 14-P "In the case of checking the constitutionality of certain provisions of Article 260 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.G. Odiyankov" // SZ RF. 2006. № 3. Art. 337.

[19] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.12.1997 No. 20-P "In the case of checking the constitutionality of the provision of the sixth paragraph 1 of Article 28 of the Law of the Russian Federation of April 19, 1991 "On employment of the population in the Russian Federation" as amended on April 20, 1996 "// NW RF. 1997. № 51. Art. 5878.

[20] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.07.2024 No. 38-P "In the case of checking the constitutionality of Part 4 of Article 7, Paragraph 1 of Part 1 and Part 7 of Article 18 of the Federal Law "On Responsible Treatment of Animals and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" in connection with the request of the Supreme Court of the Republic of Buryatia" // SZ RF. 2024. № 30. Art. 4443.

[21] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.05.1998 No. 16-P "In the case of checking the constitutionality of part 4 of

Article 28 of the Law of the Komi Republic "On the Civil Service of the Komi Republic" // NW RF. 1998. № 23. Art. 2626.

[22] Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 20, 2002 No. 22-O "On the complaint of the open joint-stock company Bolshevik about the violation of constitutional rights and freedoms by the provisions of Articles 15, 16 and 17 of the Federal Law" On State Registration of Rights to Real Estate and Transactions with it // URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision31020.pdf (date of appeal 04.02.2026).

[23] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.01.2026 No. 3-P "In the case of verification of the constitutionality of paragraphs 1 and 1.1 of Article 7 of the Federal Law "On Veterans," as well as Part 3 of Article 8 of the Federal Law "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in terms of accounting and improving the provision of social support measures based on the obligation to comply with the principle of targeting and the application of criteria of need" in connection with the complaint of citizen Chamina Irina Anatolyevna" // SZ RF. 2026. № 6. Art. 613.

[24] Shustrov, D.G. Axiology of the Constitution of the Russian Federation of 1993 // Socio-political sciences. – 2015. – № 4. - S. 14-26.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-297-301
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.

БУТБА Астанда Эдуардовна,
Студентка 2 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова,
e-mail: astanda.butba@mail.ru

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы реализации механизма внедрения цифровых технологий в сфере здравоохранения. Анализируются и систематизируются существующие публично-правовые механизмы регулирования цифровой медицины. Особое внимание уделяется вопросам деятельности Министерства здравоохранения РФ и реализации национального и федеральных проектов в сфере здравоохранения. Рассмотрены основные пути преодоления проблем правовой регламентации применения цифровых технологий в медицине, включая совершенствование законодательства об информационной безопасности, усиление мер административной ответственности и повышение эффективности осуществления мероприятий национального проекта.*

Ключевые слова: *здравоохранение, цифровые технологии, искусственный интеллект, правовое регулирование, защита данных, медицина, государственные информационные системы, юридическая ответственность.*

BUTBA Astanda Eduardovna,
Master's 2st year student School of Public Audit (Faculty) of M.V. Lomonosov Moscow State University

DIGITAL TECHNOLOGIES IN HEALTHCARE: THE LEGAL ASPECT

Annotation. *The article examines the problems associated with implementing the mechanism for introducing digital technologies in the healthcare sector. The existing public-law mechanisms for regulating digital medicine are analysed and systematised. Special attention is paid to the activities of the Ministry of Health of the Russian Federation and the implementation of national and federal projects in the healthcare sector. The main ways to overcome the problems related to the legal regulation of the use of digital technologies in medicine are considered, including improving legislation on information security, strengthening administrative liability measures, and increasing the effectiveness of implementing measures under the national project.*

Key words: *healthcare, digital technologies, artificial intelligence, legal regulation, data protection, medicine, state information systems, legal liability.*

В настоящее время процесс цифровизации охватывает всё больше сфер государственного управления. Цифровые технологии, в свою очередь, способствуют оптимизации управленческих процессов в государственном секторе. Так, своё место цифровые технологии нашли и в сфере здравоохранения. Сейчас в сферу оказания медицинских услуг внедряется всё больше новых цифровых технологий, способных упростить взаимодействие между врачами и пациентами, сделать медицину доступнее, а также существенно улучшить качество предоставляемых медицинских услуг.

Одновременно с тем, развитие системы здравоохранения входит в число наиболее приоритетных направлений государственной политики в России. Так, Конституция РФ гарантирует каждому право на охрану здоровья и медицинскую

помощь. Более того, медицинская помощь гражданам РФ в определённых случаях предоставляется бесплатно. Одновременно с тем требуется непрерывное повышение доступности медицины и качества медицинских услуг. Решением данной проблемы является, в том числе, активное внедрение цифровых технологий. Цифровизация в сфере здравоохранения предполагает повышение доступности и медицины путём её качественной трансформации благодаря разработки и применению новых цифровых технологий. Поэтому в сфере здравоохранения в настоящее время одним из ключевых направлений является развитие применения цифровых технологий в сфере медицины.

Прежде всего, стоит обозначить, что цифровые технологии в сфере здравоохранения непосредственно представляют собой информационно-коммуникационные технологии, основанные на использовании информации в цифровой форме и обработки массива информации при помощи компьютеров и иных электронных устройств, а также направленные на оптимизацию и развитие процессов в области медицины. К таковым относятся, в том числе, и технологии искусственного интеллекта.

При этом цифровые технологии, применяемые в области здравоохранения, различны. Наиболее востребованными являются:

Телемедицина;

Электронный документооборот;

Внедрение математических способов обработки больших баз данных;

Использование искусственного интеллекта;

Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (далее - ЕГИСЗ) [1].

В аспекте публично-правового регулирования здравоохранение является одной из основополагающих сфер и имеет императивный характер. Само же применение цифровых технологий в медицине также имеет строгую правовую регламентацию в целях обеспечения безопасности граждан при оказании медицинских услуг, в том числе цифровых.

Таким образом, стоит очертить ряд основных нормативных правовых актов, регулирующих применение цифровых технологий в сфере здравоохранения.

Основополагающим законом в данной сфере является Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в РФ". Именно он устанавливает основы применения цифровых технологий в медицине. Также, данный закон заложил основы применения телемедицины. В частности, устанавливается, что дистанционное наблюдение за состоянием здоровья назначается врачом после очного приёма, а для проведения дистанционной консультации используется единая система идентификации и аутентификации.

Существенную роль в регулировании цифровой медицины играют указы Президента РФ. Так, Указ Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» определил основные цели, задачи и показатели развития здравоохранения в РФ, в том числе использование современных информационных технологий и отечественного программного обеспечения. Указ Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в РФ» [2], в соответствии с которым применение искусственного интеллекта в области здравоохранения должно быть направлено на повышение качество услуг, включая профилактические обследования и диагностику, основанную на анализе изображений.

Наиболее активную роль в регулировании цифровизации медицины играет Правительство РФ. Именно актами Правительства РФ утверждаются стратегии развития внедрения цифровых технологий в сфере здравоохранения. Так, в апреле 2024 года было издано Распоряжение Правительства РФ № 959-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения» [3]. Данная стратегия определяет основные пути и перспективы цифровизации в области здравоохранения на период до 2030 года. Согласно документу основной целью цифровизации здравоохранения является скорый переход участников сектора здравоохранения в РФ на новые управленческий и технологический уровни посредством цифровых технологий для обеспечения единой цифровой системы в форме платформы на основе первичных данных. Так цифровая трансформация направлена на обеспечение высокого уровня технологического государственного суверенитета, а также долгосрочное устойчивое развитие в отрасли медицины в РФ. При этом одним из основных приоритетов является развитие и внедрение отечественных цифровых технологий.

Отдельные направления цифровизации в области здравоохранения также детализируются актами Правительства РФ. Например, Распоряжение Правительства РФ № 2769-р от 29.12.2014 "Об утверждении концепции региональной информатизации" закрепляет 12 основных направлений реализации концепции и развития информационных компьютерных технологий, среди которых упоминается и здравоохранение.

Более детальное регулирование вопросов в сфере цифровизации здравоохранения осуществляется посредством нормативных правовых актов Минздрава РФ. Например, Приказом Минздрава России N 965н "Об утверждении порядка организации и оказания медицинской

помощи с применением телемедицинских технологий" устанавливаются цели применения телемедицины, правила организации медицинской помощи при использовании телемедицинских технологий, а также виды, условия и формы оказания такой помощи.

В сфере финансово-правового регулирования отметим, что финансирование здравоохранения осуществляется за счёт средств бюджетов бюджетной системы РФ и бюджета государственного внебюджетного Фонда обязательного медицинского страхования, поэтому правовое обеспечение в данном аспекте осуществляется соответствующими нормативными правовыми актами и программными документами. Так, на данный момент в РФ принят и реализуется национальный проект «Технологии здоровья», что подчеркивает важную роль цифровизации в сфере медицины. Тем самым, создана правовая основа для предоставления бюджетных ассигнований на оказание государственных и муниципальных медицинских услуг.

Несмотря на активное внедрение цифровых технологий в сфере медицины, на практике встречаются несовершенства системы правового регулирования в данной области. Так, согласно заключению Счётной Палаты РФ на отчёт Правительства РФ об исполнении федерального бюджета за 2024 год в отношении Минздрава как ГРБС было отмечено низкое кассовое исполнение расходов по ФП «Цифровой контур здравоохранения» (83,5 %), что является самым низким показателем среди федеральных проектов, реализуемых Министерством. В свою очередь, это обусловлено низким уровнем исполнения расходов на создание национальной цифровой платформы «Здоровье» (44,4%) и внедрение современных информационных систем в здравоохранение (63,9 %) (закупка товаров (работ, услуг) в целях создания, развития, эксплуатации и вывода из эксплуатации государственных информационных систем).

При этом при оценке эффективности использования бюджетных средств при реализации мероприятий, направленных на интеграцию субъектов РФ в единый контур здравоохранения был сделан акцент на том, что Минздравом обеспечена методическая поддержка и координация реализации мероприятий федерального проекта в субъектах РФ, разработаны требования к подсистемам государственных информационных систем в сфере здравоохранения субъектов РФ центром компетенций цифровой трансформации сферы здравоохранения.

В условиях стремительного развития информационных особое внимание в сфере правовой регламентации использования цифровых технологий в медицине необходимо уделять повышению уровня защиты информационных систем и баз данных, в частности, если дело касается информации о состоянии здоровья граждан. В связи с тем, необходимо установление особых требований защиты к информационным системам медицинских организаций.

Установление дополнительных требований к защите обусловлено тем, что медицинские информационные системы содержат, в том числе, сведения, составляющие врачебную тайну, и персональные данные пациентов. Уровень защиты информации определяется исходя из количества субъектов, имеющих доступ к информационной системе (участников), а также отвечать требованиям законодательства.

При разработке информационных систем должны создаваться и механизмы нейтрализации и блокировки угроз безопасности содержащейся в системе информации, а средства такой защиты должны быть сертифицированными на территории РФ и пройти оценку надёжности. Кроме того, в целях устранения угрозы поражения ЕГИСЗ, поскольку все информационные системы в области медицины должны быть подключены к ней, взаимодействие с ЕГИСЗ и иными ГИС должно осуществляться с использованием защищенной сети передачи данных.

Операторы медицинских информационных систем наделены правом выбора набора мер защиты для обеспечения выполнения предъявляемых требований. При этом выбор комплекса мер должен основываться на совокупности факторов: класс и уровень защищенности персональных данных, с учётом категории значимости объекта критической информационной инфраструктуры; исключения мер, не относящихся к специфике информационной системы; необходимость уточнения базовых мер. Одновременно с тем, в структуре оператора информационной системы должны образовываться специальные подразделения, обеспечивающие соблюдение требований защиты систем и данных.

Согласно общему правилу, разглашение врачебной тайны без согласия пациента не допускается. Одновременно с тем, часть 4 статьи 13 ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в РФ" устанавливает ряд исключений из этого правила. Так, в частности, допускается предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя в случае обмене информацией медицинскими организациями, в том числе размещенной в медицинских информационных системах, в целях оказания медицинской помощи. Однако, такое допустимо лишь при соблюдении требований законодательства в области защиты информации и персональных данных.

Основным средством обеспечения сохранности и неразглашения информации в области

здравоохранения в цифровой среде является комплекс технических средств безопасности, вшиваемых в код информационной системы при её разработке. Так непосредственно используется шифрование данных через особые коды элементов. Не менее важно и обеспечить многоступенчатую аутентификацию при использовании лицом медицинской информационной системы.

Наконец, обеспечить конфиденциальность информации позволяет установление мер ответственности за нарушение порядка обращения с информацией, составляющей врачебную тайну.

В настоящее время в РФ также формируется и совершенствуется система мер ответственности за нарушения в области применения цифровых технологий.

Основным видом ответственности в установленной сфере должна являться административная. Стоит отметить, что до недавнего времени Кодекс об административных правонарушениях РФ (далее - КоАП РФ) [4] не содержал специальных составов административных правонарушений, устанавливающих ответственность в области применения цифровых технологий в сфере здравоохранения. Однако, практика функционирования ЕГИСЗ и оказания телемедицинских услуг показала, что появления норм административной ответственности необходимо. Причиной тому стало злоупотребление участниками ЕГИСЗ правом внесения информации в систему – они делали это несвоевременно или же не в полном объёме. Такое положение дел не способно обеспечить достижение целей государственной политики в сфере повышения качества оказания медицинских услуг. Правительство РФ разработало и представило в мае 2023 года проект федерального закона о внесении изменений в КоАП РФ, предложив расширить его новым составом - статьёй 13.51, предусматривающей ответственность за нарушение порядка представления информации в ЕГИСЗ. В пояснительной записке к проекту указано, что за первый квартал 2022 года непредоставление или несвоевременное предоставление информации в ЕГИСЗ было установлено в 36 субъектах РФ. Тем самым было выявлено неэффективное взаимодействие федерального центра и субъектов РФ в области информатизации здравоохранения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что внедрение цифровых технологий в сфере здравоохранения способствует созданию механизма оказания эффективной и доступной медицинской помощи, повышает уровень осведомленности пациентов, оптимизирует процесс обработки данных в медицинских учреждениях и работу медицинских сотрудников. Однако, внедрение цифровых технологий должно осуществляться с учетом социальных, экономических и этических аспектов, чтобы обеспечить максимальную пользу для пациентов и системы здравоохранения в целом.

Внедрение и развитие новейших технологий в сфере здравоохранения позволяет улучшить качество медицинской помощи, оптимизировать процессы диагностики и лечения, а также повысить эффективность работы медицинских учреждений.

Вместе с тем одним из основных направлений развития цифровых технологий в медицине является разработка и внедрение специализированных программных систем и телемедицины. Телемедицинские технологии позволяют врачам мониторить состояние пациентов и получать информацию о их здоровье в режиме реального времени.

Использование цифровых технологий также позволяют улучшить процессы диагностики и лечения. Например, разработка новых средств лучевой и иных видов диагностики позволяет получать более точные и детальные данные о состоянии здоровья, что помогает врачам более точно поставить диагноз и выбрать оптимальное лечение. Также активно развиваются системы искусственного интеллекта, которые способны анализировать большие объемы медицинских данных и систематизировать их.

В целом, использование цифровых технологий в медицине являются неотъемлемой частью современного здравоохранения. Они позволяют оптимизировать расходы бюджетов бюджетной системы РФ и внебюджетных фондов на оказание медицинских услуг, улучшить доступность и качество медицинского обслуживания, а также повысить эффективность работы врачей и медицинских учреждений.

В связи с этим, необходимо развивать реализацию национального проекта «Технологии здоровья», предусмотрев отдельные федеральные проекты, связанные с внедрением новых цифровых технологий в сфере медицины. В частности неэффективность реализации федерального проекта по развитию ЕГИСЗ показывает необходимость пересмотра данного направления. В связи с окончанием срока реализации данного проекта следует разработать и принять новый федеральный проект, предусматривающий более детальные и точечные меры по поэтапному внедрению и использованию ЕГИСЗ во всех субъектах РФ.

Одним из приоритетных направлений в данной сфере является совершенствование законодательного регулирования с целью обеспечения безопасности применения цифровых технологий и сохранения конфиденциальности информации, составляющей врачебную тайну.

Обеспечение информационной безопасности – важнейший элемент внедрения цифровых

технологий на современном этапе их развития. Данные о здоровье человека должны быть подвержены повышенному уровню защиты, поскольку речь идёт о защите конституционных прав человека. Поэтому необходима выработка правил внедрения и использования цифровых технологий в сфере медицины, которые помогут обеспечить должный уровень защиты и безопасности данных. Вместе с тем, следует защищать не только непосредственно информацию, но и инфраструктуру, обеспечивающей обработку такой информации.

Список литературы:

[1] Постановление Правительства РФ от 09.02.2022 N 140 "О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения" (вместе с "Положением о единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения") // "Собрание законодательства РФ", 21.02.2022, N 8, ст. 1152.

[2] Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС "КонсультантПлюс".

[3] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2024 г. № 959-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации здравоохранения» // СПС "КонсультантПлюс".

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // "Собрание законодательства РФ", 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 1.

[5] Богомолов, А. В. Информационные технологии цифровой адаптационной медицины / А. В. Богомолов // Информатика и автоматизация. – 2021. – Т. 20, № 5. – С. 1154-1182. – DOI 10.15622/20.5.6. – EDN IIONMO.

[6] Германов, Н.С. Концепция ответственного искусственного интеллекта - будущее искусственного интеллекта в медицине / Н.С. Германов // Digital Diagnostics. - 2023. - Т. 4. - № S1. - С. 27-29.

References:

[1] Decree of the Government of the Russian Federation of 09.02.2022 No. 140 "On a unified state information system in the field of health care" (together with the "Regulation on a unified state information system in the field of health care") // "Collection of legislation of the Russian Federation, "21.02.2022, No. 8, Art. 1152.

[2] Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of 10.10.2019 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".

[3] Order of the Government of the Russian Federation of April 17, 2024 No. 959-r "On approval of the strategic direction in the field of digital transformation of healthcare" // SPS"ConsultantPlus".

[4] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 N 195-FZ (rev. of 26.07.2026) // "Collection of Legislation of the Russian Federation, "07.01.2002, No. 1 (part 1), Art. 1.

[5] Bogomolov, A.V. Information Technologies of Digital Adaptive Medicine / A.V. Bogomolov // Informatics and Automation. – 2021. - T. 20, NO. 5. - S. 1154-1182. – DOI 10.15622/20.5.6. – EDN IIONMO.

[6] Germanov, N.S. The concept of responsible artificial intelligence is the future of artificial intelligence in medicine / N.S. Germanov // Digital Diagnostics. - 2023. - VOL. 4. - № S1. - S. 27-29.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-302-306

СИДИРОПУЛО Ирина Георгиевна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, майор полиции,
e-mail: sidiropulo@bk.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И СИСТЕМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *В работе представлен анализ дискуссионных аспектов понятия и системы преступлений в сфере медицинской деятельности. Рассматриваются научные подходы к определению круга общественно опасных деяний, совершаемых медицинскими работниками при исполнении профессиональных обязанностей. Выявляется терминологическая неопределённость, связанная с параллельным использованием категорий «ятрогенные», «медицинские» и «профессиональные» преступления медицинских работников. Особое внимание уделено законодательным изменениям последних лет, включая исключение медиков из числа субъектов преступления по ст. 238 УК РФ. На основе анализа позиций исследователей предложена авторская систематизация составов, дифференцированная по объекту посягательства и субъектному признаку. Новизна работы заключается в попытке увязать предложенную классификацию с направлениями современной уголовной политики в здравоохранении.*

Ключевые слова: *преступления в сфере медицинской деятельности, ятрогенные преступления, медицинский работник, уголовная политика, декриминализация, врачебная ошибка, система преступлений.*

SIDIROPULO Irina Georgievna,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Police Major

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT AND SYSTEM OF CRIMES IN THE FIELD OF MEDICAL ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF MODERN CRIMINAL POLICY

Annotation. *The paper presents an analysis of the controversial aspects of the concept and system of crimes in the field of medical activity. Scientific approaches to defining the range of socially dangerous acts committed by medical workers while performing their professional duties are examined. Terminological uncertainty is identified, related to the parallel use of the categories "iatrogenic," "medical," and "professional" crimes committed by medical workers. Special attention is paid to legislative changes in recent years, including the exclusion of medical workers from the list of subjects of crime under Article 238 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on an analysis of researchers' positions, the authors propose a systematization of the elements, differentiated by the object of the encroachment and the subject characteristic. The novelty of the work lies in the attempt to link the proposed classification with the trends in modern criminal policy in healthcare.*

Key words: *crimes in the field of medical activity, iatrogenic crimes, medical worker, criminal policy, decriminalization, medical error, system of crimes.*

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием в Уголовном кодексе Российской Федерации (- далее УК РФ, Кодекс) систематизированной главы, посвященной преступлениям в сфере медицинской деятельности. Составы, относимые к данной категории, разбросаны по разным разделам Кодекса, что порождает терминологическую неопределенность и затрудняет как правоприменение, так и формирование единой уголовной политики в сфере здравоохранения. Степень научной разработанности проблемы характеризуется множественностью подходов: исследователи оперируют категориями «ятрогенные», «медицинские» и «профессиональные» преступления, за которыми стоят различные представления об объеме криминализируемого поведения.

Цель настоящей статьи состоит в определении понятия и обосновании системы преступлений в сфере медицинской деятельности в контексте современной уголовной политики. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: анализ дискуссионных аспектов понятийного аппарата; выявление критериев дифференциации составов преступлений; оценка влияния последних законодательных изменений на практику квалификации; формулирование авторского подхода к систематизации рассматриваемых деяний.

Методологическую основу составляет диалектический метод познания, использованы общенаучные методы (анализ, синтез, системно-структурный подход), а также частнонаучные юридические методы: формально-юридический (при анализе норм УК РФ и подзаконных актов), сравнительно-правовой (при сопоставлении позиций различных авторов и подходов к квалификации), метод правового моделирования (при построении авторской систематизации составов).

Понятие преступлений в сфере медицинской деятельности: доктринальная неопределенность и практические затруднения

УК РФ не содержит отдельной главы, посвященной преступлениям медицинских работников, – составы, относящиеся к данной сфере, разбросаны по разным разделам, от преступлений против жизни и здоровья до преступлений против здоровья населения и общественной нравственности. Именно это структурное обстоятельство порождает главную теоретическую трудность: любое обращение к теме требует предварительного определения границ самого явления, прежде чем переходить к его систематизации.

Терминологический разброс здесь весьма показателен. Одни авторы говорят о «медицинских преступлениях», понимая под ними любые уголовно наказуемые деяния, совершенные медицинскими работниками в связи с профессиональной деятельностью. Другие настаивают на более узком понятии «ятрогенные преступления», акцентируя внимание на наличии причинно-следственной связи между медицинским вмешательством и вредом здоровью или смертью пациента. Третьи используют формулировку «профессиональные преступления медицинских работников», подчеркивая специальный субъектный признак. Можно заметить, что за этими терминологическими различиями стоят не просто стилистические предпочтения, а разные представления об объеме криминализируемого поведения.

Агафонова С.С., исследуя разграничение административно-правового статуса медицинского работника с представителями смежных профессий, справедливо обращает внимание на то, что сам субъект – медицинский работник – не имеет в законодательстве единого унифицированного определения [1]. На практике это порождает вопрос: относится ли к данной категории провизор, фармацевт, лаборант, средний медицинский персонал скорой помощи? Ответ не столь очевиден, как может показаться на первый взгляд, – и от него напрямую зависит объем криминализации.

Дунин О.Н. в диссертационном исследовании, посвященном уголовной ответственности медицинских работников за преступления против жизни, выделяет несколько признаков, конституирующих специфику данной категории деяний [2]. Речь идет не столько о формальном перечне статей Особенной части, сколько о совокупности характеристик: специальном субъекте, связи деяния с исполнением профессиональных функций и особом характере причинно-следственных связей, устанавливаемых, как правило, посредством судебно-медицинской экспертизы. Такой подход представляется методологически более продуктивным, чем попытка составить исчерпывающий перечень статей УК РФ.

Здесь стоит сделать оговорку: понятие «преступления в сфере медицинской деятельности» шире понятия «ятрогенные преступления». Первое охватывает и деяния, не связанные напрямую с вредом здоровью пациента, – например, незаконную выдачу рецептов на наркотические средства, подделку медицинских документов, получение взятки за выдачу листка временной нетрудоспособности. Второе же концентрируется исключительно на дефектах оказания медицинской помощи. Смешение этих категорий в отдельных публикациях приводит к искажению статистической картины и затрудняет выработку единых мер уголовной политики.

Система составов: критерии дифференциации и практика квалификации

Систематизация подобных деяний возможна по нескольким основаниям, и выбор критерия

существенно меняет саму структуру системы. Наиболее распространенным остается объектный критерий – группировка составов по родовому и видовому объекту посягательства.

В рамках данного подхода можно выделить четыре основные группы. Первую образуют преступления против жизни и здоровья, к которым относятся, в частности, причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ч. 2 ст. 118 УК РФ), заражение ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей (ч. 4 ст. 122 УК РФ), а также неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ). Вторую группу составляют преступления против здоровья населения и общественной нравственности – незаконные осуществление частной медицинской практикой и фармацевтической деятельностью (ст. 235 УК РФ), незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ), а также незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта (ст. 228.2 УК РФ). В третью группу включены должностные и служебные преступления. К их числу относятся злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), получение взятки (ст. 290 УК РФ), а также служебный подлог (ст. 292 УК РФ). Субъектами данных деяний выступают медицинские работники, в чьи служебные обязанности входят административно-хозяйственные либо организационно-распорядительные функции. Четвертую группу составляют преступления в сфере экономической деятельности. Это прежде всего мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ), в том числе совершаемое при оказании медицинской помощи по программам обязательного медицинского страхования, а также незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ) – например, когда медицинская организация либо отдельное физическое лицо занимаются врачебной практикой при отсутствии необходимой лицензии, либо с грубыми нарушениями лицензионных предписаний. Следует подчеркнуть, что представленная классификация не является исчерпывающей, а служит скорее иллюстрацией многогранности рассматриваемой проблематики.

Особого внимания заслуживает анализ субъективной стороны, которому посвящены работы Матейковича М.С. и Матейкович Е.А. Исследователи, давая юридическую характеристику медицинским ошибкам, проводят разграничение между умышленными формами вины и неосторожными действиями. Данное разграничение, по мнению авторов, имеет принципиальное значение, поскольку подавляющее большинство составов, относимых к «ятрогенным» преступлениям, предполагает именно неосторожную форму вины, тогда как умышленные деяния медицинских работников – скорее исключение, требующее отдельного криминологического осмысления [4].

Нагорная И.И. предлагает несколько иной ракурс, обращая внимание на необходимость пересмотра самого подхода к уголовной ответственности за профессиональные преступления медицинских работников [5]. По ее мнению, действующая система страдает от избыточной казуистичности: правоприменитель вынужден искать состав среди общих норм, изначально не рассчитанных на специфику медицинской деятельности, что порождает разночтения в квалификации схожих по фактическим обстоятельствам дел. Практика, однако, демонстрирует и обратную тенденцию – попытки создать специальный состав неоднократно встречали сопротивление медицинского сообщества, опасавшегося избыточной криминализации профессионального риска.

Радов В.В., рассматривая законодательную и практическую наказуемость ятрогенных преступлений, указывает на то, что отсутствие специальной нормы вынуждает следственные органы конструировать обвинение через нормы о причинении вреда по неосторожности, что не всегда точно отражает специфику медицинского вмешательства [7]. Обоснована ли такая критика полностью? Едва ли. Общие нормы обладают определенной гибкостью, что позволяет правоприменителю учитывать индивидуальные особенности каждого конкретного случая, тогда как жестко сконструированная специальная норма не всегда дает возможность для подобной дифференциации.

Значительные затруднения вызывает и установление причинно-следственной связи между действиями (или бездействием) медицинского работника и наступившими последствиями. Е.В. Павлова, исследуя проблемы доказывания по делам о ятрогенных преступлениях, обращает внимание на многофакторную природу большинства неблагоприятных исходов лечения. Как справедливо отмечает автор, негативный результат зачастую складывается не только из врачебных действий, но и из исходного состояния пациента, уровня организации лечебного процесса, а также объективных ограничений, присущих имеющимся диагностическим методам [6]. Указанное обстоятельство, безусловно, создает дополнительные сложности как для следственных органов, так и для судебно-медицинских экспертов.

А.В. Казакова в своем исследовании, посвященном особенностям расследования ятрогенных преступлений, акцентирует внимание на усилении роли профильных подразделений След-

ственного комитета Российской Федерации, созданных целенаправленно для работы с данной категорией уголовных дел [3]. С момента образования соответствующих отделов в 2018 году накоплен немалый практический материал, что позволяет констатировать постепенное формирование методических подходов к расследованию. Вместе с тем следует признать, что единообразие в данной сфере пока не достигнуто, и расхождения в следственной практике различных регионов остаются вполне ощутимыми.

Уголовная политика: между защитой пациента и защитой врача

Современная уголовная политика в данной сфере развивается по двум, во многом противоречащим друг другу направлениям. С одной стороны, сохраняется запрос общества на усиление ответственности за некачественную медицинскую помощь; с другой – набирает силу тенденция к декриминализации и гуманизации в отношении медицинских работников как специального субъекта.

Наиболее показательным примером второй тенденции стало изменение ст. 238 УК РФ. Сенокосова Е.К., анализируя безопасность медицинской деятельности в уголовно-правовом аспекте, подробно останавливается на исключении медицинских работников из числа субъектов преступления по данной статье применительно к оказанию услуг, не отвечающих требованиям безопасности [8]. Автор справедливо отмечает, что прежняя редакция допускала избыточно широкое толкование, фактически позволяя квалифицировать обычную диагностическую или лечебную ошибку как оказание услуг, не соответствующих требованиям безопасности, – с санкцией, существенно более строгой, чем предусмотренная неосторожными составами против здоровья.

Практика применения нового законодательного решения пока складывается неоднозначно. В материале, посвященном спорным вопросам ответственности за ятрогенные преступления, отмечается, что большинство подобных деяний носит неосторожный характер, поэтому избрание меры пресечения в виде заключения под стражу нередко выглядит несоразмерным тяжести совершенного деяния. Здесь же обращается внимание на письмо Министерства здравоохранения РФ от 30 октября 2024 года, разъясняющее соотношение клинических рекомендаций и стандартов медицинской помощи при экспертизе качества оказанных услуг [9]. Подобные разъяснения имеют существенное практическое значение, поскольку клинические рекомендации все чаще становятся ключевым ориентиром при установлении вины врача.

Можно ли утверждать, что реформа ст. 238 УК РФ решила все накопившиеся противоречия? Едва ли. Проблема соотношения общих норм о причинении вреда по неосторожности и специфики медицинской деятельности остается открытой, а дискуссия о целесообразности введения специального состава – скорее приостановлена, чем завершена. Медицинское сообщество, насколько можно судить по публикациям профессиональных объединений, продолжает выступать против чрезмерной казуистики уголовного закона в этой области, опасаясь, что детализация составов приведет к росту так называемой «оборонительной медицины», когда врач принимает решения, руководствуясь не столько интересами пациента, сколько соображениями собственной юридической безопасности.

Заслуживает внимания и предложение о выделении медицинской криминологии в самостоятельное научное направление – идея, которая обсуждается в отечественной литературе уже несколько лет, однако институционального оформления пока не получила. Отсутствие единой структуры, отвечающей за системный мониторинг безопасности пациентов в масштабах страны, – обстоятельство, которое затрудняет как формирование достоверной статистики, так и выработку целенаправленных мер профилактики. Данное наблюдение, пожалуй, стоит рассматривать не как критику существующей системы, а как констатацию объективного пробела, требующего организационного, а не исключительно уголовно-правового решения.

Направление дальнейшего развития уголовной политики, судя по последним законодательным инициативам, тяготеет к более четкому разграничению добросовестного профессионального риска и виновного, наказуемого поведения. Вопрос лишь в том, какими юридико-техническими средствами это разграничение будет достигнуто – через дальнейшую корректировку общих норм, через введение специальных составов или через развитие института клинических рекомендаций как критерия стандарта поведения врача. Практика последних двух лет показывает, что законодатель пока выбирает первый путь, действуя точечными поправками, а не системной реформой.

Проведенный анализ показывает, что понятие преступлений в сфере медицинской деятельности остается предметом продолжающейся научной дискуссии, лишенной единого терминологического стандарта. Одновременное использование таких понятий, как «медицинские», «ятрогенные» и «профессиональные» преступления медицинских работников, свидетельствует о различных исследовательских подходах, но вместе с тем создает препятствия для выработки унифицированной системы мер уголовно-правового характера и ведения единого статистического учета.

Предложенная систематизация составов,

базирующаяся на объектном критерии, включает в себя деяния против жизни и здоровья, против здоровья населения, а также служебные и экономические преступления. В силу этого рассматриваемая категория приобретает сквозной характер, не будучи привязанной к какой-либо отдельной главе УК РФ. В свою очередь, указанная разрозненность порождает затруднения при квалификации и обязывает правоприменителя учитывать отраслевую специфику медицинской деятельности всякий раз, когда возникает необходимость применения общих норм.

Вектор современной уголовной политики в изучаемой сфере свидетельствует о постепенном переходе к дифференцированной оценке добросовестного профессионального риска, с одной стороны, и виновного противоправного поведения – с другой. Подтверждением сказанному служат изменения, внесенные в ст. 238 УК РФ, а также разъяснения профильных ведомств, касающиеся роли клинических рекомендаций при экспертной оценке качества медицинской помощи. Практическая ценность полученных результатов видится в возможности их применения при разработке методических материалов для следственных подразделений, специализирующихся на расследовании данной категории уголовных дел, а также в ходе дальнейшего совершенствования понятийно-категориального аппарата уголовно-правовой науки. В качестве перспективного направления последующих исследований представляется целесообразным проведение сравнительного анализа судебной практики в разрезе отдельных регионов, а также оценка эффективности деятельности специализированных следственных подразделений, созданных для работы с преступлениями в сфере медицинской деятельности.

Список литературы:

[1] Агафонова С.С. К вопросу о разграничении административно-правового статуса медицинского работника с представителями смежных профессий // Административное право и процесс. – 2025. – № 2. – С. 59–61.

[2] Дунин О.Н. Уголовная ответственность медицинских работников за преступления против жизни : дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2023. – 208 с.

[3] Казакова А.В. Некоторые особенности расследования ятрогенных преступлений // Администратор суда. – 2024. – № 1. – С. 25–29.

[4] Матейкович М.С., Матейкович Е.А. Юридическая характеристика медицинских ошибок и минимизация рисков их совершения // Журнал российского права. – 2021. – № 9. – С. 61–77.

[5] Нагорная И.И. Уголовная ответственность за профессиональные преступления медицинских работников: новый подход // Российский юридический журнал. – 2021. – № 1. – С. 147–157.

[6] Павлова Е.В. Ятрогенные преступления: сложности доказывания // Законность. – 2025. – № 7. – С. 45–51.

[7] Радов В.В. Законодательная и практическая наказуемость ятрогенных преступлений // Уголовное право. – 2024. – № 6. – С. 62–76.

[8] Сенокосова Е.К. Безопасность медицинской деятельности: уголовно-правовой аспект // Безопасность бизнеса. – 2025. – № 2. – С. 12–16.

[9] Ятрогенные преступления: спорные вопросы ответственности // Адвокатская газета. – 2025. – 21 января. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/yatrogennye-prestupleniya-spornye-voprosy-otvetstvennosti/ (дата обращения: 31.08.2026).

References:

[1] Agafonova S.S. On the delimitation of the administrative and legal status of a medical worker with representatives of related professions // Administrative law and process. – 2025. – № 2. - S. 59-61.

[2] Dunin O.N. Criminal liability of medical professionals for crimes against life: dis.... cand. jurid. sciences. - Kazan, 2023. - 208 s.

[3] Kazakova A.V. Some features of the investigation of iatrogenic crimes // Court administrator. – 2024. – № 1. - S. 25-29.

[4] Matejkovich M.S., Matejkovich E.A. Legal characterization of medical errors and minimization of risks of their commission // Journal of Russian Law. – 2021. – № 9. - S. 61-77.

[5] Nagornaya I.I. Criminal liability for professional crimes of medical workers: a new approach // Russian Law Journal. – 2021. – № 1. - S. 147-157.

[6] Pavlova E.V. Iatrogenic crimes: difficulties of proof // Legality. – 2025. – № 7. - S. 45-51.

[7] Radov V.V. Legislative and practical punishability of iatrogenic crimes // Criminal law. – 2024. – № 6. - S. 62-76.

[8] Senokosova E.K. Safety of medical activities: criminal law aspect // Business safety. – 2025. – № 2. - S. 12-16.

[9] Iatrogenic crimes: controversial issues of responsibility // Lawyer newspaper. – 2025. - January 21. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/yatrogennye-prestupleniya-spornye-voprosy-otvetstvennosti/ (дата обращения: 31.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-307-311

МОИСЕЕВА Елена Николаевна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин Саранский кооперативный институт (филиал), Российский университет кооперации,
e-mail: e.n.moiseeva@ruc.su

ТРАНСФОРМАЦИЯ СФЕРЫ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. *Повсеместное внедрение технологий искусственного интеллекта в производственные процессы и сферу управления трудом ставит вопрос о необходимости соответствующего правового регулирования. Рынок труда трансформирует традиционные подходы к поиску и управлению персоналом, используя цифровые платформы. Платформенная занятость становится феноменом социальной действительности, имеющим существенные преимущества.*

В статье рассматриваются направления использования искусственного интеллекта в управлении трудовыми отношениями, преимущества и недостатки платформенной занятости в целом и кадровых цифровых платформ в частности, вопросы кадрового электронного документооборота в организации.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости совершенствования норм трудового законодательства для создания комплексной нормативно-правовой базы, регламентирующей внедрение и использование инструментов искусственного интеллекта в сфере управления трудовыми отношениями.

Ключевые слова: *трудовые отношения, искусственный интеллект, кадровые цифровые платформы, платформенная занятость, трудоустройство, заключение трудового договора, кадровый электронный документооборот.*

MOISEEVA Elena Nikolaevna,
candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law Disciplines Saransk Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation

TRANSFORMATION OF THE LABOR RELATIONS SPHERE UNDER THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE (LEGAL ASPECT)

Annotation. *The widespread adoption of artificial intelligence technologies in production processes and labor management raises the question of the need for appropriate legal regulation. The labor market is transforming traditional approaches to recruitment and personnel management by using digital platforms. Platform-based employment is becoming a phenomenon of social reality that has significant advantages.*

The article examines the areas of use of artificial intelligence in managing labor relations, the advantages and disadvantages of platform-based employment in general and HR digital platforms in particular, and issues related to electronic personnel document management in organizations.

The research findings indicate the need to improve labor legislation in order to create a comprehensive regulatory framework governing the implementation and use of artificial intelligence tools in the field of labor relations management.

Key words: *labor relations, artificial intelligence, recruitment digital platforms, platform based employment, employment, conclusion of an employment contract, personnel electronic document management.*

Два с половиной десятилетия нового века ознаменовались стремительным распространением генеративных моделей и самообучающихся алгоритмов, объединённых понятием «искусственный интеллект». Искусственный интеллект постепенно становится неотъемлемым компонентом повседневной социальной практики: голосовые ассистенты, алгоритмизированные сервисы электронной коммерции, платформы доставки и такси, а также инструменты генерации мультимедийного контента воспринимаются как привычные элементы цифровой реальности. Использование ChatGPT стало настолько массовым, что фактически превращается в новый социальный навык.

Согласно Указу Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» искусственный интеллект - комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. В свою очередь технологии искусственного интеллекта - технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта.

Под влиянием искусственного интеллекта фундаментальные изменения претерпевают трудовые отношения. Рынок труда трансформирует традиционные подходы к поиску и управлению персоналом. В сфере трудоустройства возможности искусственного интеллекта уже широко используются при подборе работников и подходящих вакансий с помощью кадровых цифровых платформ. В связи с этим можно говорить о феномене платформенной занятости.

Платформенная занятость становится не просто очередным трендом, а принципиально иной моделью организации труда, которая стирает привычные границы между работодателем, работником и клиентом. В отличие от классического найма с его жёстким графиком и иерархией, цифровые платформы предлагают экосистему, где каждый участник получает доступ к ресурсам.

В качестве ключевого преимущества платформенной занятости можно назвать демократизацию доступа к профессиональным задачам, когда фрилансер из провинции может выполнять задачи для глобальных брендов, а работодатель найти узкого специалиста из любой точки мира. Во-вторых, платформенная занятость даёт возможность диверсифицировать источники заработка. Вместо одного постоянного работодателя человек может сотрудничать с несколькими платформами одновременно, что является мощной страховкой дохода.

Глобальным преимуществом является формализация теневого рынка труда. Электронные договоры, автоматические платежи, истории заказов создают цифровой след, который защищает права исполнителя и формирует ответственное отношение к налогам. Платформа выступает гарантом сделки, снижая риски неоплаты.

Для малого бизнеса преимуществом их использования является снижение издержек на содержание офисных помещений, оплату рекрутинга.

Использование платформенной занятости становится социальным лифтом для тех, кто по разным причинам не может вписаться в стандартные корпоративные структуры: инвалидов, пенсионеров, молодых родителей.

Алгоритмы платформ автоматизируют рутину: поиск заказчика, согласование условий, обмен документами и оплату, сокращая время от первого обращения до выполненного задания до минимума. Системы рейтингов и отзывов создают среду, где качество выполненной работы становится основным фактором.

Внедрение искусственного интеллекта в производственные процессы и сферу трудовых отношений ставит вопрос о необходимости соответствующего правового регулирования.

Нормативное закрепление цифровых платформ осуществляет Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который определяет ее как: информационная система, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающие технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного

круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг.

Кадровые цифровые платформы представляют собой особые информационные системы, в которых выстраиваются взаимоотношения между участниками рынка труда, автоматизирующие и оптимизирующие процессы трудоустройства и управления человеческими ресурсами. Их спектр чрезвычайно широк и можно уже осуществить их классификацию на виды. Так, можно выделить: рекрутинговые платформы (HeadHunter, LinkedIn), специализирующиеся на поиске специалистов; платформы для фрилансеров, например, Upwork, FL.ru, создавшей глобальный рынок удаленной работы, системы управления талантами (TalentSoft, SAP SuccessFactors) и обучающие платформы (Coursera, Stepik), персонализирующие профессиональное развитие.

В главе IV Федерального закона от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» вводятся нормы о Единой цифровой платформе в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России», оператором которой является федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере труда и занятости, то есть Федеральная служба по труду и занятости РФ (Роструд). Таким образом, с 1 января 2024 года в России действует государственная кадровая цифровая платформа, информация которой является общедоступной, достоверной и бесплатной. Она объединяет работодателей, граждан, ищущих работу и государственные службы занятости.

Для работодателей и лиц, ищущих работу, федеральная цифровая платформа «Работа в России» имеет очевидные преимущества. Для работодателей размещение вакансий с использованием платформы значительно сокращает время их закрытия, предоставляет возможность территориального масштабирования поиска кандидатов, автоматизирует рутинные операции. Федеральная цифровая платформа «Работа в России» так же позволяет работодателям взаимодействовать с государственными службами занятости в цифровом формате, получать информацию о мерах государственной поддержки (например, при приеме на работу инвалидов и т.д.).

Для соискателей открываются возможности доступа к вакансиям по всему миру, персонализированных карьерных рекомендаций и развития навыков через онлайн-курсы, создание цифровых резюме и направление их непосредственно работодателям. Интеграция с порталом «Госуслуги» позволяет автоматически заполнять часть данных, что повышает уверенность в серьезности намерений соискателя и создает гарантии безопасности в целом.

Для государства кадровая цифровая платформа «Работа в России» упрощает множество функций: позволяет осуществлять мониторинг ситуации на рынке труда в реальном времени; повышать эффективность деятельности государственных служб занятости; снижать уровень неофициальной занятости; управлять трудовой мобильностью и поддерживать регионы с дефицитом кадров.

Кадровые цифровые платформы могут создаваться в отдельных отраслях экономики и государственной службы. Примером тому является создание единой цифровой платформы для кадровой работы с госслужащими (как того требует «майский указ» Президента 2024 г. о национальных целях) из уже существующей ФГИС «Госкадры» (официальное название – «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы»). Портал «Госслужба» был маловостребованным, так как сотни государственных и муниципальных учреждений продолжают публиковать вакансии на своих сайтах и других разных площадках. Полностью цифровой экосистемой с возможностью применения современных кадровых технологий ФГИС должна стать к 2030 г. Будет автоматизирована значительная часть работы, в том числе с применением технологий искусственного интеллекта. При этом с 2023 г. в Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, Министерстве труда и социальной защиты, Министерстве экономики и Министерстве финансов Российской Федерации приём сотрудников на государственную службу уже осуществляется с применением искусственного интеллекта. В частности, на «Госкадрах» искусственный интеллект осуществляет отсев кандидатов на вакансию и анализирует их профессиональное развитие.

Таким образом, интеллектуальный рекрутинг, то есть поиск вакансий и сотрудников с помощью кадровых цифровых платформ значительно облегчают процессы трудоустройства.

Платформенная занятость предполагает также возможность получения дохода от работы вне сферы найма и самозанятости. Для некоторых работ (выполнение разовых или периодических заказов) не предъявляются требования оформления трудовых отношений или самозанятости. Это открывает ее уязвимые места – отсутствие базовых трудовых прав и гарантий и социального обеспечения для лиц, выполняющих задания [4]. Закон не обеспечивает таким лицам способа получить статус застрахованного в системах обязательного социального и пенсионного страхования. Следовательно, при временной нетрудоспособности, при беременности и родах, при достижении пенсионного возраста или при

уходе за ребёнком до 1.5 лет им не полагаются страховые выплаты и пенсии.

Использование искусственного интеллекта возможно и в процедурах трудоустройства, то есть при оформлении трудовых отношений.

Российское трудовое законодательство не предусматривает возможности заключения трудового договора в цифровой форме, не содержит соответствующей нормы. В ст. 67 Трудового кодекса РФ сказано, что трудовой договор может быть заключен только в письменной форме и заполняется в 2-ух экземплярах, один из которых остается у работодателя. Оформлять трудовые отношения в электронной форме законодательно разрешено лишь для дистанционных работников, принимая при этом отсканированные и нотариально удостоверенные документы, предусмотренные ст.65 ТК РФ, что обнаруживает пробел правового регулирования оформления трудовых отношений в цифровом формате [3].

Использование функций искусственного интеллекта возможно при анализе резюме; результатов психометрических тестирований; видео-интервью с анализом мимики, интонации и лексики; при проведении предсказательной аналитики успешности кандидата на основе его данных и в других случаях.

Автоматизация работы с поступающими от кандидата документами и по оформлению трудового договора ускоряет процедуры трудоустройства, сохраняет личное время кандидата, уменьшает нагрузку кадровых сотрудников.

В целом переход организации на кадровый электронный документооборот (КЭДО) с использованием технологий искусственного интеллекта значительно упрощает работу кадровой службы и самих сотрудников. За счёт внедрения КЭДО ускоряется процесс согласования документов. Также КЭДО позволяет сотрудникам, работающим удаленно, оформлять заявления без обязательного присутствия в офисе компании [2]. Например, при трудоустройстве кандидат вручную заполняет анкету, которая впоследствии передается в кадровый отдел и на основании неё готовится трудовой договор. В связи с постоянной текучкой кадров, заполнение первичной информации о потенциальном сотруднике в больших объемах усложняет работу кадровика, и не исключает появления ошибок. Оптимизация данных процессов возможна с использованием технологии интеллектуальной обработки документов (далее – IDP). Данная технология использует искусственный интеллект для автоматизации рутинных процессов обработки документов.

Данный способ обработки документов может распознавать и классифицировать текст. Технологии OCR извлекает из отсканированных документов необходимые данные. Документы легко преобразуются в электронный формат, после чего их можно группировать или систематизировать архивирование.

Искусственный интеллект без посторонней помощи может извлекать любые данные, например, даты, сумму, адреса и структурирует полученную информацию в необходимом виде. Полученную информацию искусственный интеллект может сформировать либо в текстовом виде, либо в виде отображения на диаграмме.

Искусственный интеллект анализирует документы, и может сообщать о некорректных формулировках или указывать на несоответствие в трудовых договорах. Система искусственного интеллекта также может за счет автоматического индексирования с легкостью найти необходимые документы по ключевым словам [2]. Таким образом, использование технологий искусственного интеллекта при оформлении трудовых отношений, значительно упрощает работу кадровой службы. Кадровику не нужно заполнять вручную данные, за него это сделает ИИ, суть работы которого будет заключаться в сканировании бумажного носителя и последующем анализе отсканированного документа, поиска ключевых слов и на их основании подготовка соответствующего комплекта документов. Такой способ гарантированно исключит ошибки при заполнении информации ручным методом.

Подобные технологии уже разработаны, например, продукт Sherpa IDP компании Sherpa Robotics. Ключевыми возможностями продукта является определение типа документа, извлечение корректной информации из скан-копий документа, динамическая привязка содержимого документа к имеющимся шаблонам. К особенностям можно отнести встроенную технологию распознавания текста (OCR), готовые шаблоны для обработки популярных документов, возможность создания собственных шаблонов, проверка и распознавание в текстовом документе галочек в анкетах. Использование метода IDP позволит сократить время на обработку документов, предотвратить возможность ошибок при заполнении данных ручным способом.

Также на базе ИИ можно внедрить в компанию платформу, которая будет проводить первую волну собеседования. Принцип работы состоит в том, что кандидаты проходят тестирование на цифровых платформах или полноценное собеседование с роботом, в ходе которого автоматически считываются необходимые для компании качества для будущего сотрудника, которые также можно настроить в зависимости от потребностей работодателя. После успешного прохождения первого этапа, кандидату высылается приглашение на вторую волну собеседования, которую проводится уже HRменеджером.

Таким образом, искусственный интеллект активно трансформирует правовые и кадровые аспекты трудовых отношений. Технологии искусственного интеллекта внедряются на всех этапах взаимодействия работодателя и сотрудника (от автоматизации рутинных задач до сложных аналитических решений), создавая новые возможности и вызовы в сфере трудового права и управления персоналом.

На базе технологий искусственного интеллекта можно реализовать функцию контроля за соблюдением дисциплины труда путём непрерывной обработки данных реального времени – в частности, информации с датчиков, фиксирующих параметры рабочего процесса, а также показателей производительности.

Кроме того, интеллектуальные системы способны выявлять латентные нарушения законодательства о труде путём скрининга больших объёмов информации – учётной документации, сведений о заработной плате, графиках работы – и на этой основе формировать для работодателей рекомендательные предписания по минимизации правовых рисков и корректировке управленческих решений в правовое поле [1, с.166].

В результате выявлено, что для эффективного правового сопровождения трудовых отношений в цифровой среде требуется не только разработать концептуальную модель цифрового трудового договора, но и провести значительную корректировку действующих трудоправовых норм, включая положения о трудовой дисциплине, механизмах разрешения трудовых споров и других смежных институтах права труда.

Видится оправданным введение в Трудовой кодекс РФ автономного института, опосредующего правовой режим искусственного интеллекта в сфере труда. Имплементация подобного института может быть осуществлена по аналогии с уже апробированным законодателем подходом к защите персональных данных работников (глава 15 ТК РФ), что обеспечит системность и непротиворечивость правового регулирования.

Список литературы:

[1] Курсова О. А. Трудовое право в эпоху ИИ: инструментальное влияние и фундаментальные изменения / О. А. Курсова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2026. Том 12. № 2 (46). С. 153–175.

[2] Моисеева, Е. Н. Кадровый электронный документооборот организации: преимущества и недостатки / Е. Н. Моисеева, М. А. Панфилов // XI Юридические чтения: материалы Национальной научно-практической конференции, Саранск, 26–27 ноября 2025 года. Саранск: РИЦ МГПУ, 2025. С. 600-605.

[3] Моисеева, Е. Н. Особенности заключения трудового договора с дистанционными работниками (новеллы законодательства) / Е. Н. Моисеева, О. Н. Куманяева // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 1А. С. 253-259.

[4] Новиков, Д. А. Трудовое право и искусственный интеллект: точки соприкосновения и расхождения / Д. А. Новиков // Ежегодник трудового права. 2024. № 14. С. 156-174.

[5] Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых. Экспертный доклад [Электронный ресурс] / О.В. Синявская [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». ¬Электрон. текст. дан. (0,35 Мбайт). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – 64 с.

References:

[1] Kursova O. A. Labor Law in the Age of AI: Instrumental Influence and Fundamental Changes // Bulletin of Tyumen State University. Socio-Economic and Legal Research. 2026. Volume 12. No. 2 (46). Pp. 153–175.

[2] Moiseeva, E. N. Personnel electronic document management in an organization: advantages and disadvantages / E. N. Moiseeva, M. A. Panfilov // XI Legal Readings: materials of the National Scientific and Practical Conference, Saransk, November 26–27, 2025. Saransk: RIC MSPU, 2025. Pp. 600–605.

[3] Moiseeva, E. N. Features of Concluding an Employment Contract with Remote Workers (New Legislation) / E. N. Moiseeva, O. N. Kumanyaeva // Issues of Russian and International Law. 2021. Vol. 11, No. 1A. pp. 253-259.

[4] Novikov, D. A. Labor Law and Artificial Intelligence: Points of Convergence and Divergence / D. A. Novikov // Yearbook of Labor Law. 2024. No. 14. Pp. 156–174.

[5] Platform employment in Russia: the dynamics of prevalence and key characteristics of the employed. Expert report [Electronic resource] / O.V. Sinyavskaya [et al.]; National research. University of Higher School of Economics. The electron. text. given. (0.35 MB). Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2024. – 64 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-312-318

БУЛАВКИН Александр Александрович,
профессор кафедры деятельности ОВД в особых условиях учебно-научного комплекса специальной подготовки Московский ордена Почёта университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: bulavkin_aleksan@mail.ru.

КОСОВСКАЯ Дарья Вячеславовна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru

ЧЕТВЕРОУС Алексей Николаевич,
старший преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции,
e-mail: cool.kostya1984@gmail.com.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДРОППЕРСТВУ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБОРОТА СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ, МОШЕННИЧЕСТВА И СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Аннотация. *В статье исследуются проблемы уголовно-правовой оценки дропперства после дополнения статьи 187 УК РФ частями 3-6. Основное внимание уделено разграничению самостоятельного неправомерного оборота средств платежей и соучастия в мошенничестве либо ином хищении. Обосновывается, что факт поступления похищенных денежных средств на подконтрольный лицу счет сам по себе не подтверждает наличие умысла на пособничество конкретному хищению. Определяющее значение имеют объем осведомленности лица о преступной схеме, функциональная роль платежного инструмента, момент возникновения договоренности с исполнителями и юридическая природа основного посягательства. На основе анализа первых примеров правоприменения 2025-2026 гг. предлагается авторский алгоритм квалификации и формулируются предложения для разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.*

Ключевые слова: *дропперство, дроппер, неправомерный оборот средств платежей, электронное средство платежа, мошенничество, хищение, соучастие, пособничество, квалификация преступлений, статья 187 УК РФ.*

BULAVKIN Aleksandr Aleksandrovich,
Professor, Department of Law Enforcement Activities in Special Conditions, Specialized Training Educational and Scientific Complex, Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

KOSOVSKAYA Daria Vyacheslavovna,
Lecturer, Department of Specialized Disciplines, Crimean Branch, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

CHETVEROUS Aleksey Nikolaevich,
Senior Lecturer, Department of Firearms and Physical Training, Volgodonsk Branch, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

CRIMINAL-LAW PROBLEMS OF COMBATING DROPPER ACTIVITY: DISTINGUISHING ILLEGAL CIRCULATION OF PAYMENT INSTRUMENTS, FRAUD AND COMPLICITY IN CRIME

Annotation. *The article examines criminal-law assessment of dropper activity after Parts 3-6 were added to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation. The research focuses on distinguishing an independent offence involving illegal circulation of payment instruments from complicity in fraud or another property offence. It is argued that the mere receipt of stolen funds into an account controlled by a person does not by itself prove intent to aid a particular theft. Decisive factors include the scope of the person's awareness of the criminal scheme, the functional role of the payment instrument, the time at which an agreement with the principal offenders arose, and the legal nature of the predicate offence. Drawing on the first enforcement examples of 2025-2026, the author proposes a qualification algorithm and suggestions for interpretative guidance by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.*

Key words: *dropper activity, dropper, illegal circulation of payment instruments, electronic means of payment, fraud, theft, complicity, aiding and abetting, qualification of crimes, Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

С развитием обществ ни технологий все чаще наличный расчет уходит в прошлое и на его место приходит цифровизация расчетов, которая, несомненно, существенно изменила механизм преступлений против собственности. Во-первых, необходимо обратить внимание на тот факт, что в дистанционных хищениях функции нередко распределяются между несколькими лицами, одни устанавливают контакт с потерпевшим и вводят его в заблуждение, другие обеспечивают техническую инфраструктуру, третьи предоставляют банковские счета и электронные средства платежа, четвертые переводят, снимают или распределяют поступившие суммы. Во-вторых, можно сказать, что в результате платежная инфраструктура превратилась в самостоятельный элемент массовой дистанционной преступности, а лица, предоставляющие свои либо приобретенные у других граждан платежные инструменты для движения денежных средств, получили устойчивое обозначение «дропперы». По данным Банка России, в 2025 г. объем операций без добровольного согласия клиентов достиг около 29,3 млрд руб [15], что не тождественно статистике мошенничества, однако характеризует масштаб криминальных рисков в платежной сфере и объясняет необходимость специальной уголовно-правовой реакции. В связи с чем, на наш взгляд довольно своевременно законодателем была проявлена инициатива и Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 176-ФЗ статья 187 УК РФ была дополнена частями 3-6 и примечаниями, установившими ответственность за передачу, приобретение и использование электронных средств платежа и доступа к ним для неправомерных операций. То есть законодатель тем самым вывел значительную часть дропперских действий из зоны, где их уголовно-правовая оценка ранее зависела главным образом от возможности доказать соучастие в конкретном хищении. Однако, так же необходимо отметить, что появление специальных составов не устранило конкуренцию норм, а, напротив, возникла новая проблема: одно и то же внешнее действие — передача карты, предоставление доступа к банковскому приложению, прием, перевод или снятие денежных средств — в зависимости от содержания умысла может образовывать самостоятельное преступление по ст. 187 УК РФ, пособничество мошенничеству или иному хищению, а в отдельных случаях — совокупность преступлений.

Поэтому, цель нашего исследования в

первую очередь состоит в формировании критериев разграничения самостоятельных форм дропперства и соучастия в преступлениях против собственности. И для ее достижения считаем необходимым определить уголовно-правовую природу новых составов, раскрыть значение осведомленности лица о преступной схеме, установить временную и функциональную связь дропперских действий с основным посягательством и предложить последовательный алгоритм квалификации. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический и системно-структурный методы, анализ законодательства, научных позиций и судебной практики. В данном контексте методологически значим и подход В. В. Шанько и Е. Г. Светличного, обращающих внимание на понятийные и методологические основания современного правопонимания [13, с. 64-67]. Что применительно к ст. 187 УК РФ требует рассматривать новую норму не изолированно, а во взаимосвязи с принципами вины, справедливости, правилами о соучастии и признаками конкретного хищения.

Хочется обратить внимание, что действующая конструкция ст. 187 УК РФ построена с учетом правового отношения лица к электронному средству платежа и характера совершаемого действия. Рассмотрим части статьи, введенные в 2025 году, как мы уже отмечали выше. Часть 3 предусматривает ответственность клиента оператора, который из корыстной заинтересованности передает предоставленное ему электронное средство платежа или доступ к нему другому лицу для осуществления неправомерных операций. Часть 4 охватывает ситуацию, когда клиент сам осуществляет такие операции по указанию либо в интересах другого лица. Часть 5 распространяется на лицо, не являющееся стороной договора с оператором, которое из корыстной заинтересованности приобретает либо передает электронное средство платежа или доступ к нему для неправомерных операций. Часть 6 устанавливает ответственность такого лица за непосредственное осуществление неправомерной операции при отсутствии признаков незаконной банковской деятельности. То есть мы видим, что в частях 3-5 корыстная заинтересованность прямо названа обязательным признаком, тогда как в части 6 она текстуально не закреплена, что делает особенно важным точное установление умысла.

На наш взгляд, ключевое значение несомненно имеет примечание 3 к ст. 187 УК РФ, связывающее неправомерную операцию с переводом, выдачей или получением наличных денежных средств со счета, если они были зачислены без предусмотренных законом, иным правовым актом или сделкой оснований, поскольку одного факта передачи банковской карты третьему лицу или нарушения условий банковского обслуживания недостаточно. Здесь необходимо установить направленность поведения на совершение именно неправомерных операций. В связи с чем в современной литературе обоснованно обращается внимание на необходимость точного определения статуса электронного средства платежа и лица, его передающего либо использующего [7; 11; 12]. В тоже время, мы считаем, что для разграничения дропперства и соучастия формального анализа объективных признаков недостаточно: он не отвечает на вопрос, охватывалось ли умыслом лица совершение конкретного хищения.

Именно здесь возникает центральная проблема, поскольку предоставление банковского счета преступной сети объективно способно облегчить хищение, так как без канала приема и дальнейшего движения денежных средств реализация преступного плана часто затруднена, даже можно сказать технически невозможна. Поэтому в доктрине дропперство и рассматривается как специальная разновидность пособничества [8]. Однако, отметим, что криминологическая функция и юридическая форма ответственности не совпадают, поскольку соучастие по ст. 32 УК РФ предполагает умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления, а пособничество по ч. 5 ст. 33 УК РФ это сознательное содействие конкретному преступлению предоставлением информации, средств, устранением препятствий либо заранее данным обещанием скрыть преступника, следы или предметы, добытые преступным путем. Вопросы понятия и признаков соучастия специально исследуются А. А. Булавкиным и Э. Д. Коваленко [14, с. 76-87]. Из трудов которых для рассматриваемой нами темы принципиально, что объективная полезность счета для преступников сама по себе не тождественна умышленной совместности, здесь требуется доказать психическую связь дроппера с основным преступлением и понимание юридически значимого характера оказываемого содействия. И отсюда, по нашему мнению, следует необходимость разграничивать как минимум три уровня осведомленности. Первый уровень характеризуется отсутствием понимания противоправного назначения платежного инструмента, когда лицо может быть введено в заблуждение относительно характера операций, полагая, что передает реквизиты работодателю, помогает знакомому провести законный платеж либо предоставляет карту для иной правомерной цели. Таким образом при отсутствии доказательств умысла ответственность по ч. 3-6 ст. 187 УК РФ и за соучастие в хищении исключается. Второй уровень состоит в осознании неправомерного характера будущих операций без знания о конкретном основном преступлении. Как при-

мер здесь можно привести типичную ситуацию — передачу карты неизвестному «куратору» за вознаграждение при понимании, что она будет использоваться для незаконных переводов, но без представления о потерпевших, способе завладения деньгами и характере исходного преступления. Вот почему именно для подобных случаев специальные составы ст. 187 УК РФ имеют самостоятельное значение. Третий же уровень предполагает осознание содействия конкретному хищению либо устойчивой серии однородных хищений, когда лицу заранее известно, что счет предназначен для приема денежных средств, полученных путем обмана граждан или незаконного списания, оно понимает свою роль и желает обеспечить получение и дальнейшее движение похищенного.

То есть мы видим, что для признания дроппера пособником не требуется знания фамилии каждого потерпевшего или точной суммы ущерба, достаточно, чтобы умысел охватывал преступление в юридически значимых чертах. Нельзя подменять это требование общей осведомленностью о «сером» или незаконном характере платежей, поскольку неправомерная операция и хищение это не тождественные категории, через дропперские счета могут проходить средства, связанные с различными преступлениями и иными незаконными операциями и автоматическое признание владельца такого счета пособником каждого предикатного преступления фактически означало бы объективное вменение, запрещенное ст. 5 УК РФ. В то же время и обратный подход недопустим, поскольку лицо, заранее включенное в конкретную мошенническую схему, не должно освобождаться от ответственности за соучастие лишь потому, что его действия формально соответствуют одной из частей ст. 187 УК РФ. здесь субъективный критерий должен применяться вместе с функциональным, когда необходимо установить, какую роль платежный инструмент выполнял в преступном плане. К примеру если карта передавалась для неопределенного массива неправомерных операций, а ее владелец не был посвящен в механизм завладения чужими денежными средствами, преобладает самостоятельная квалификация по ст. 187 УК РФ, если же счет заранее определен как место приема денег от конкретного потерпевшего или от группы потерпевших по известной дропперу схеме, а дальнейший перевод является частью общего плана, такое поведение приобретает признаки пособничества. Функциональный критерий здесь позволяет отделить инфраструктурное обслуживание преступной среды от сознательного участия в конкретном посягательстве. Но, не менее важен и временной критерий, поскольку соучастие возможно лишь до юридического окончания основного преступления. Заранее обещанное предоставление счета, прием или перевод похищенных средств может образовывать пособничество, поскольку включается в общий преступный план. Однако, если же лицо впервые узнает о происхождении уже поступивших денежных средств после окончания хищения и ранее не обещало содействия, его действия не могут ретроспективно превратить его в пособника этого хищения, в такой ситуации вопрос об ответственности решается по ст. 187 УК РФ либо, при наличии соответствующих признаков, по иным нормам. И, несомненно, для безналичных денежных средств следует учитывать позицию Верховного Суда Российской Федерации о том, что хищение является оконченным с момента их изъятия со счета владельца, повлекшего причинение ущерба.

При этом, так же необходимо обратить внимание, что квалификация самого основного посягательства должна предшествовать оценке роли дроппера. Термин «дистанционное мошенничество» широко используется в практической речи, но не всякое дистанционное хищение юридически является мошенничеством, поскольку если потерпевший под воздействием обмана сам переводит деньги, возможно применение ст. 159 УК РФ, если же злоумышленник, получив конфиденциальные сведения, самостоятельно списывает средства без волевого действия потерпевшего, содеянное при соответствующих условиях может образовывать кражу. В свою очередь статья 159.6 УК РФ применяется тогда, когда завладение имуществом связано с вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей. Вот почему дроппер, заранее осведомленный о механизме незаконного списания и предоставивший счет для приема денег, при наличии умышленной совместности может быть пособником кражи, а не мошенничества, что позволяет нам сформулировать еще один критерий — предикатно-квалификационный, когда ответственность дроппера по правилам соучастия определяется только после установления юридической природы основного преступления.

Формирующаяся практика применения новых частей ст. 187 УК РФ подтверждает необходимость такого разграничения. Приведем несколько примеров. Приговором Семеновского районного суда Нижегородской области от 29 января 2026 г. по делу № 1-66/2026 лицо, которое приобрело банковскую карту и доступ к личному кабинету, а затем передало их пользователю мессенджера за вознаграждение, было осуждено по ч. 5 ст. 187 УК РФ [16]. По счету впоследствии совершалось множество переводов, однако установленная осведомленность о предназначении карты для неправомерных операций не была автоматически приравнена к доказан-

ности участия в конкретном хищении. Другим примером покажем приговор Симферопольского районного суда Республики Крым от 23 января 2025 г. по делу № 1-45/2025. Суд установил, что подсудимый посредством мессенджера Telegram вступил в предварительный сговор с лицами, специализировавшимися на дистанционных мошенничествах, предоставил реквизиты принадлежащей ему банковской карты для поступления похищенных денежных средств, а затем по указанию соучастников осуществлял их обналичивание и дальнейший перевод. Поскольку характер мошеннической схемы и отведенная ему роль были заранее известны подсудимому, его действия по двум эпизодам квалифицированы по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 159 УК РФ как пособничество в мошенничестве, совершенном группой лиц по предварительному сговору в крупном размере [17]. Мы видим, что если сопоставить эти ситуации, то очевидно, что решающим здесь является не сам факт использования счета, а доказанный объем умысла. То есть очевидно, что конкуренция ст. 187 УК РФ и норм о соучастии, когда одно действие формально соответствует обеим моделям, особенно сложна. Возможны три решения: признать ст. 187 специальной нормой, всегда исключающей пособничество; применять совокупность; либо разграничивать случаи по наличию самостоятельного посягательства на порядок платежного оборота. И последний подход нам представляется наиболее соответствующим принципу справедливости, поскольку если единственным действием лица была передача конкретной карты для одного заранее известного хищения и эта передача полностью исчерпывается предоставлением средства его совершения, двойная квалификация создает риск повторной уголовно-правовой оценки одного фактического поведения. В тоже время если же лицо систематически приобретает и передает платежные инструменты для неопределенного круга неправомерных операций и одновременно в отдельных эпизодах сознательно содействует конкретным хищениям, самостоятельность объектов и фактических деяний может обосновывать совокупность.

В связи с этим нами предлагается последовательный алгоритм уголовно-правовой оценки, когда сначала необходимо установить правовой статус электронного средства платежа и лица, что позволяет разграничить ч. 3-4 и ч. 5-6 ст. 187 УК РФ. Затем определяется фактическая форма поведения — передача, приобретение, предоставление доступа либо непосредственное осуществление операции, и далее уже проверяется наличие неправомерной операции в смысле примечания 3 к ст. 187 УК РФ и корыстной заинтересованности там, где она прямо предусмотрена законом. После этого выявляется возможное основное преступление и способ завладения денежными средствами, устанавливается объем осведомленности дроппера по предложенной трехуровневой модели и выясняются момент возникновения договоренности и функция платежного инструмента в общем плане. Завершающий же этап заключается в разрешении конкуренции, если умысел ограничивался неправомерным платежным оборотом, применяется соответствующая часть ст. 187 УК РФ, если лицо заранее и сознательно предоставило средство для конкретного хищения, решается вопрос о соучастии, если же самостоятельное дропперское деяние выходит за пределы такого участия, возможна совокупность.

Считаем, что предложенный нами алгоритм имеет значение и для доказывания субъективной стороны, поскольку о содержании умысла могут свидетельствовать переписка с организатором, характер полученных инструкций, размер и способ расчета вознаграждения, неоднократность операций, просьбы скрывать назначение переводов, использование нескольких карт, срочное снятие средств, удаление сообщений и иные фактические обстоятельства. Однако, ни один из таких признаков сам по себе не заменяет установления предмета осознания, даже получение процента от переводов доказывает корыстную мотивацию, но не всегда показывает, понимало ли лицо, что содействует именно мошенничеству, краже либо иному конкретному преступлению. Поскольку именно совокупность доказательств должна позволять перейти от вывода о знании неправомерного характера операций к выводу об умышленной совместности.

Мы считаем, что с учетом новизны ч. 3-6 ст. 187 УК РФ приоритетным направлением представляется не очередное расширение уголовной репрессии, а формирование единообразных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, в которых целесообразно указать, что при решении вопроса об ответственности лица, передавшего электронное средство платежа или доступ к нему либо осуществившего неправомерную операцию, судам необходимо устанавливать, охватывалось ли его умыслом конкретное хищение. Осознание неправомерного характера операций и получение вознаграждения сами по себе не являются достаточными основаниями для признания лица соучастником хищения. Если же до окончания преступления лицо осознанно предоставило платежный инструмент именно для конкретного хищения либо заранее обязалось обеспечить прием, перевод, выдачу или получение похищенных средств, вопрос должен решаться с учетом ст. 32-35 УК РФ и квалификации основного посягательства. И дополнительное применение ч. 3-6 ст. 187 УК РФ может быть оправданно

лишь тогда, когда соответствующее деяние имеет самостоятельное уголовно-правовое содержание и не исчерпывается участием в конкретном хищении.

Таким образом, мы видим, что самостоятельная криминализация дропперства не устранила институт соучастия, а потребовала более точного разграничения смежных форм поведения, когда определяющим является содержание умысла лица, а не сам факт прохождения похищенных средств через подконтрольный ему счет. Для дальнейшей практики считаем целесообразным различать три уровня осведомленности: отсутствие понимания противоправного назначения платежного инструмента; знание о неправомерных операциях без осознания конкретного хищения; знание о конкретном преступлении либо индивидуализированной серии преступлений и желание содействовать им. Субъективный же критерий должен сочетаться с функциональным, временным и предикатно-квалификационным. Только такой подход позволяет, с одной стороны, не превращать ст. 187 УК РФ в основание для объективного вменения каждому номинальному владельцу счета, а с другой — не использовать специальные составы как способ необоснованного смягчения ответственности участников заранее согласованных мошеннических и иных преступных схем.

Список литературы:

[1] Зайцева О. В. Уголовная ответственность дропперов: за и против // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 6 (161). С. 138-146. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-6-138-146..

[2] Васильева А. В. Дропперы в системе киберпреступности: уголовно-правовые проблемы квалификации и перспективы законодательного регулирования // Вопросы российской юстиции. 2025. № 37. С. 279-287.

[3] Волчкова Э. А. Обоснованность уголовной ответственности за дропперство и пути ее совершенствования // Наука. Образование. Современность. 2025. № 4. С. 84-87.

[4] Шевченко А. А. Способы вовлечения несовершеннолетних в дропперство // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 179-186.

[5] Сидоренко Э. Л. Борьба с дропперством: ключевые задачи уголовной политики и вопросы квалификации деяний // Мировой судья. 2025. № 12. С. 8-17. DOI: 10.18572/2072-4152-2025-12-8-17..

[6] Леонтьев И. С. Криминализация «дропперства»: анализ изменений статьи 187 УК РФ и проблемы правоприменения // Российский следователь. 2026. № 3. С. 42-45. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-3-42-45..

[7] Антонов Ю. И., Костиков А. Д. Об уголовной ответственности за дропперство (чч. 3-6 ст. 187 УК РФ) // Образование и право. 2026. № 1. С. 760-766.

[8] Копьёва И. А. Дропперство как специальный вид пособничества преступлению, совершенному с использованием информационно-телекоммуникационных средств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 2. С. 110-116.

[9] Быкова Е. Г., Казаков А. А. Применение актуальной редакции ст. 187 УК РФ: некоторые проблемы обратной силы уголовного закона // Администратор суда. 2026. № 2. С. 38-42. DOI: 10.18572/2072-3636-2026-2-38-42..

[10] Майстренко Г. А. Дропперство в системе преступлений против порядка безналичных расчетов: уголовно-правовая квалификация и процессуальное доказывание // Право и управление. 2026. № 5. С. 260-266. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-260-266..

[11] Кузмин С. А. О некоторых проблемах уголовной ответственности за неправомерный оборот средств платежей по российскому законодательству // Право и управление. 2026. № 6. С. 297-302. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-297-302..

[12] Быкова Е. Г., Казаков А. А. Дискуссионные аспекты признания электронных средств и электронных носителей информации предметом преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ // Российский судья. 2024. № 4. С. 13-18.

[13] Шанько В. В., Светличный Е. Г. Понятийные и методологические подходы к проблемам современного правопонимания // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 64-67. EDN: UQHBBU.

[14] Булавкин А. А., Коваленко Э. Д. Понятие и признаки соучастия в преступлении в уголовном праве // Вестник Донбасского государственного университета юстиции. 2025. № 4 (6). С. 76-87. EDN: OKDNQG.

[15] ЦБ: объем похищенных мошенниками средств в 2025 году превысил 29 млрд рублей, URL: https://www.kommersant.ru/doc/8438895.

[16] Приговор № 1-201/2025 1-66/2026 от 29 января 2026 г. по делу № 1-201/2025, URL: https://sudact.ru/regular/doc/3ZSUoi068iYK/.

[17] Приговор № 1-45/2025 1-558/2024 от 22 января 2025 г. по делу № 1-45/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6cXZwe1xlzgW/.

References:

[1] Zaitseva O. V. Criminal liability of droppers: for and against // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2024. № 6 (161). S. 138-146. DOI: 10.

24412/2227-7315-2024-6-138-146..

[2] Vasilyeva A. V. Droppers in the cybercrime system: criminal law problems of qualification and prospects for legislative regulation // Issues of Russian justice. 2025. № 37. S. 279-287.

[3] Volchkova E. A. Validity of criminal liability for droppery and ways to improve it // Science. Education. Modernity. 2025. № 4. S. 84-87.

[4] Shevchenko A. A. Ways of involving minors in droppery // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3 (107). S. 179-186.

[5] Sidorenko E. L. The fight against droppery: key tasks of criminal policy and issues of qualification of acts // Magistrate. 2025. № 12. S. 8-17. DOI: 10. 18572/2072-4152-2025-12-8-17..

[6] Leontiev I. S. Criminalization of "droppery": analysis of amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation and problems of law enforcement // Russian investigator. 2026. № 3. S. 42-45. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-3-42-45..

[7] Antonov Yu. I., Kostikov A. D. On criminal liability for droppery (ch. 3-6 Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Education and law. 2026. № 1. S. 760-766.

[8] Kopyova I. A. Droppery as a special type of aiding a crime committed using information and telecommunication means // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2. S. 110-116.

[9] Bykova E.G., Kazakov A.A. Application of the current version of Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation: some problems of the retroactive effect of the criminal law // Court administrator. 2026. № 2. S. 38-42. DOI: 10.18572/2072-3636-2026-2-38-42..

[10] Maistrenko G. A. Droppery in the system of crimes against the procedure of non-cash payments: criminal legal qualification and procedural evidence // Law and management. 2026. № 5. PP. 260-266. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-5-260-266..

[11] Kuzmin S. A. On some problems of criminal liability for illegal circulation of means of payment under Russian law // Law and management. 2026. № 6. S. 297-302. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-6-297-302..

[12] Bykova E. G., Kazakov A. A. Discussion aspects of the recognition of electronic means and electronic media as the subject of a crime under Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation // Russian judge. 2024. № 4. S. 13-18.

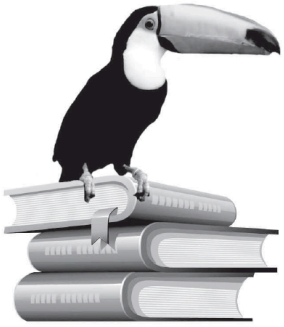
[13] Shanko V.V., Svetlichny E.G. Conceptual and methodological approaches to the problems of modern legal understanding // Philosophy of law. 2021. № 3 (98). S. 64-67. EDN: UQHBBU.

[14] Bulavkin A. A., Kovalenko E. D. The concept and signs of complicity in a crime in criminal law // Bulletin of Donbass State University of Justice. 2025. № 4 (6). S. 76-87. EDN: OKDNQG.

[15] Central Bank: the volume of funds stolen by fraudsters in 2025 exceeded 29 billion rubles, URL: https://www.kommersant.ru/doc/8438895.

[16] Sentence # 1-201/2025 1-66/2026 of January 29, 2026 in case # 1-201/2025, URL: https://sudact.ru/regular/doc/3ZSUoi068iYK/.

[17] Verdict No. 1-45/2025 1-558/2024 of January 22, 2025 in Case No. 1-45/2025. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6cXZwe1xlzgW/.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 29.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-319-322

ДМИТРИЕВ Григорий Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: vifk-nic@yandex.ru

БОДЯКОВ Владимир Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета, ВЮИ ФСИН России,
e-mail: krim33@mail.ru

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННЫЙ КИБЕРПРЕСТУПНИК

Аннотация. *В статье исследуются психолого-криминалистические аспекты выявления и расследования преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Авторами выявлены типовые особенности личности киберпреступника и на этой основе сформулировать прикладные рекомендации для следственных действий. На базе анализа норм УК РФ и правоприменительной практики (в т. ч. по ст. 110, 110.1 УК РФ) предложена двухгрупповая типология подозреваемых – с выраженными и со слабовыраженными психическими расстройствами – с описанием их психоэмоциональных характеристик. Разработан алгоритм действий следователя: освидетельствование подозреваемого перед допросом, исследование его цифрового профиля, назначение психолого-психиатрической и психолого-лингвистической экспертиз. Практическая значимость – в повышении эффективности сбора допустимых доказательств и снижении противодействия расследованию; рекомендации применимы в следственной практике и при формировании частных криминалистических методик.*

Ключевые слова: *личность подозреваемого, интернет-ресурс, преступления против личности, информационно-телекоммуникационная сеть, девиация, особенности личности, криминалистическое обеспечение расследования преступлений, цифровой профиль.*

DMITRIEV Grigory Gennadevich,
Doctor of Law, Professor, Leading Researcher, PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

BODYAKOV Vladimir Nikolaevich,
candidate of legal sciences, associate professor Docent at the Department of department of criminal justice and forensic science of the Faculty of Law, Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

CYBERCRIMINAL COMMITTING CRIMES AGAINST THE INDIVIDUAL: A PSYCHOLOGICAL AND FORENSIC PORTRAIT

Annotation. *The article examines the psychological and forensic aspects of identifying and investigating crimes against the person committed using information and telecommunications networks. The authors have identified typical personality traits of a cybercriminal and, based on this, have formulated practical recommendations for investigative actions. Based on an analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and law enforcement practice (including under Articles 110 and 110.1 of the Criminal Code*

of the Russian Federation), a two-group typology of suspects has been proposed — those with pronounced and those with mild mental disorders — along with a description of their psycho-emotional characteristics. An algorithm for the investigator's actions has been developed: examining the suspect before interrogation, studying their digital profile, and ordering psychological-psychiatric and psychological-linguistic examinations. The practical significance lies in increasing the efficiency of collecting admissible evidence and reducing resistance to the investigation; the recommendations are applicable in investigative practice and when forming private criminalistics.

Key words: *criminal identity, internet-resource, crimes against a person's identity, information and telecommunication network, deviation, personality traits, forensic support for crime investigation, digital profile.*

Введение

Научное осмысление процесса выявления, раскрытия и расследования преступлений против личности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети, представляет собой комплексное трудоемкое междисциплинарное поле исследований, базирующихся на знаниях криминологической, уголовно-процессуальной, криминалистической науки, сфере психологии, социологии и медицины. При этом важнейшим звеном всего механизма преступного поведения остаются особенности личности преступника, а, следовательно, именно они выступают одной из центральных предметов исследования всех наук криминального профиля [Эминов, Антонян, с. 1-2]. Соглашаясь с мнением профессора Варданяна А.В. в том, что понятие субъекта преступной деятельности в криминалистическом аспекте имеет статус универсальной криминалистической категории [Варданян, с. 250], отметим, что знание типичных данных о личности преступника, позволяет органам предварительного расследования грамотно и эффективно устанавливать обстоятельства совершенного преступления не только по цепочке «от преступления к преступнику», но и наоборот «от преступника к преступлению», в том числе выявлять новые эпизоды противоправной деятельности, соучастников преступлений, а также потерпевших.

Методы.

При подготовке материалов статьи были использованы теоретические методы исследования: анализ научной литературы и нормативной документации, обобщение, классификация.

Результаты и обсуждение.

Сравнительно-правовой ретроспективный анализ содержания главы VII «Преступления против личности» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее- УК РФ) [4] позволяет установить корреляционную связь и трансформацию указанных групп преступлений с развитием Интернет-коммуникации, а, следовательно, изменением механизма совершения преступлений, обуславливающего необходимость исследования психолого-криминалистических типовых особенностей личности современного киберпреступника. В девятнадцати из шестидесяти пяти статей Особенной части УК РФ рассматриваемого раздела, квалифицирующим признаком состава преступления указывается такой признак как публичная демонстрация преступления в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет». Поэтапная законотворческая деятельность по дополнению диспозиций статей раздела VII УК РФ также свидетельствует о злободневности проблемы выработки эффективных мер тактико-психологического и криминалистического обеспечения противодействия совершению преступлений против личности с использованием кибер-пространства, в котором зачастую либо отсутствует непосредственный контакт подозреваемого и потерпевшего, либо он подменяется цифровой анонимностью, представляемой сложность выявления и установления механизма следообразования для сотрудников органов предварительного расследования.

Связывая аномальные социокультурные качества и биологические черты личности виновного лица с влиянием на характер совершенного преступления, механизм следообразования, выбор способа их сокрытия, мотив и способ совершения преступления [Влезько, с. 187], отметим, что современная инфосоциализация, распространение деструктивного Интернет-контента, треш-стриминговых платформ и сообществ оказывает конструктивно-сущностное влияние на типовую модель личности подозреваемого как предмета исследования. В этой связи исследование психолого-криминалистического обеспечения расследования преступлений против личности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, мессенджеров, сервисов и коммуникативных интернет-платформ находится в тесной методологической связи с каждым из разделов науки криминалистики:

Связь психолого-криминалистической составляющей с криминалистической техникой, обусловлена выбором средств и методов работы по обнаружению, фиксации и изъятию материальных и цифровых следов преступной деятельности. Осмотр места происшествия, осмотр предметов сопряжен с использованием стационарных

и мобильных программно-аппаратных комплексов, позволяющих работать с цифровыми данными, в том числе и удаленными, облачными хранилищами смартфонов и компьютеров.

Особенности личности киберпреступника, совершившего посягательство на права, свободы, личность потерпевшего при помощи интернет-коммуникации, позволяют выработать эффективные тактические приемы проведения осмотра места происшествия, обыска, допроса, проверки показаний на месте и иных процессуальных действий, предопределяя эмоционально-девиантные особенности поведения лица в момент документирования результатов следственного действия. Например, при отказе от дачи показаний во время допроса, попытках уничтожения или сокрытия следов преступления при производстве обыска наиболее эффективным выступает прием по разъяснению правовых оснований применения мер пресечения к подозреваемому с указанием для него правоограничительных последствий на время предварительного расследования преступлений.

Психолого-криминалистическое исследование личности подозреваемого рассматриваемой группы преступлений является частью научно-методического обеспечения противодействия киберпреступлениям, то есть обуславливает разработку частной криминалистической методики, включающей тактико-криминалистическое, оперативно-розыскное, судебно-экспертное сопровождение расследования.

Анализ материалов правоприменительной практики установления обстоятельств преступления, предусмотренных ст. 110, 110.1 УК РФ, в частности интерпретации результатов судебных психолого-психиатрических экспертиз позволяет выявить типовые релевантные психолого-психиатрические данные о лице, совершившем преступление против личности с использованием инструментов виртуальной коммуникации, определив их в две основные группы:

1.Лица без ярко-выраженных или слабовыраженным психическим расстройством личности.

К типовым особенностям психоэмоционального состояния личности подозреваемого этой группы относятся:

отсутствие грубых нарушений памяти, мышления, интеллекта, критических и прогностических способностей;

вспыльчивость, эмоциональная неустойчивость, недостаточное развитие конструктивных способов разрешения проблемных и конфликтных ситуаций;

зависимость от психоактивных веществ (психостимуляторов), смешанные, тревожные, депрессивные реакции, не сопровождающиеся угнетением сознания;

внешнеобвиняющий и внешнеобязывающий характер умозаключений и суждений;

отсутствие расстройств сексуального предпочтения;

состояния эмоционального возбуждения, обусловленные периодическим злоупотреблением спиртными напитками;

эгоцентричность, демонстративность, агрессивность действий и коммуникации, неустойчивость в эмоциональных проявлениях поведения.

2.Лица с выраженным психическим расстройством личности. Типовыми особенностями личности этой группы подозреваемых выступают:

временное психическое расстройство (например, «Неорганическое психическое расстройство», «Эмоциональное расстройство личности»);

малая доступность или исключение доступности к межличностному контакту;

раздражительность, негативизм, импульсивность;

бредовые идеи (например, на религиозную или политическую, социальную тематику);

аутохтонные (бессвязные, самопроизвольные) аффективные колебания настроения или неадекватность эмоциональных проявлений;

гомицидоманические идеи (концепция мысли об убийстве и насилии);

признаки болезненных аномалий сексуальности.

Предложенная классификация заключает в себе превентивный потенциал минимизации противодействия расследованию преступлений рассматриваемой группы, закладывает основу для разработки тактико-криминалистических рекомендаций проведения отдельных следственных действий, направленных на установление достоверных и допустимых доказательств по уголовному делу.

Заключение.

В этой связи, конструкция алгоритма действий субъекта предварительного расследования должна включать:

Проведение освидетельствования подозреваемого перед проведением допроса с целью установления отсутствия выраженного психоэмоционального напряжения, возбуждения, подавленного фона настроения, которое в последующем может привести к отказу от дачи показаний либо двойственности, явным противоречиям в изложении события (обстоятельств) преступления.

Исследование цифрового профиля подозреваемого: данных интернет-страницы пользователя социальной сети, иных цифровых данных (истории пользовательского запроса на видеохостингах, поисковых браузерах).

Осмотр предмета (компьютера, смартфона) позволяет задокументировать интерес подозре-

ваемого к просмотру треш-стримов, фильмов в жанре «хоррор» или «боди-хоррор», «триллер», «ужасы», включению в деструктивные интернет-сообщества, косвенно свидетельствующие о проявлении интереса к насилию, девиантному поведению.

Проведение не только психолого-психиатрической судебной экспертизы, но и психолого-лингвистической судебной экспертизы, объектом которой являются переписки подозреваемого в мессенджерах, социальных сетях с целью установления признаков систематического унижения человеческого достоинства и личности потерпевшего, психологического насилия, эмоциональной заброшенности, содержания и смысла оскорблений, неприязни, манипулирование действиями и поведением.

Указанные рекомендации направлены на научно-прикладное осмысление ряда аспектов частной методики расследования киберпреступлений против личности, а также выработку эффективных мер привлечения к уголовной ответственности виновных лиц при совершении преступлений с использованием цифрового пространства.

Список литературы:

[1] Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 244–251.

[2] Влезько Д.А. Значение личности преступника в криминалистике // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 186-189.

[3] Эминов В.Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 37-50.

[4] Автором проведен ретроспективный анализ диспозиций составов преступлений, отраженных в статьях 105-157 УК РФ по состоянию на 25.05.2026. См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: [федер. закон от 28 дек. 2013 г. № 432-ФЗ] // Рос.газ. – 2013. – № 295. – 30 дек.; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению : [федер. закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ] // Рос.газ. – 2017. – № 125. – 9 июня; О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: [федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 538-ФЗ] // Рос.газ. – 2021. – № 2. – 12 янв.; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : [федер. закон от 6 марта. 2022 г. № 38-ФЗ] // Рос.газ. – 2022. – № 52. – 11 марта; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 авг. 2024 г. № 218-ФЗ] // Рос.газ. – 2024. – № 181. – 15 авг.; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 28 дек. 2024 г. № 514-ФЗ] // Рос.газ. – 2025. – № 3. – 10 янв.

References:

[1] Vardanyan A.V. The subject of the crime and the identity of the criminal as interdisciplinary categories of criminal law sciences: issues of correlation and integration // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2016. T. 10. NO. 2. P. 244-251.

[2] Vlezko D.A. Significance of the identity of the criminal in forensics // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4 (87). S. 186-189.

[3] Eminov V.E., Antonyan Yu.M. The identity of the criminal and its formation // Actual problems of Russian law. 2015. № 1 (50). S. 37-50.

[4] The author conducted a retrospective analysis of the dispositions of the corpus delicti reflected in Articles 105-157 of the Criminal Code of the Russian Federation as of 25.05.2026. See: On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in order to Improve the Rights of Victims in Criminal Proceedings: [feder. Law of December 28, 2013 No. 432-FZ] // Ros.gaz. – 2013. – № 295. - Dec 30; On amending the Criminal Code of the Russian Federation and article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of establishing additional mechanisms to counter activities aimed at encouraging children to engage in suicidal behavior: [feder. Law of June 7, 2017 No. 120-FZ] // Ros.gaz. – 2017. – № 125. - June 9; On amending Article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: [feder. Law of December 30, 2020 No. 538-FZ] // Ros.gaz. – 2021. – № 2. - Jan. 12; On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 280 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: [feder. law of March 6. 2022 No. 38-FZ] // Ros.gaz. – 2022. – № 52. - March 11; On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: [feder. Law of August 8, 2024 No. 218-FZ] // Ros.gaz. – 2024. – № 181. - Aug. 15; On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: [feder. Law of December 28, 2024 No. 514-FZ] // Ros.gaz. – 2025. – № 3. - Jan. 10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-323-329

СЛОБОДЕНЮК Марина Александровна,
старший преподаватель кафедры публичного и уголовного права Сургутского государственного университета, г. Сургут, Российская Федерация; ORCID: https://orcid.org/0009-0000-5338-4157; соискатель научной степени кандидата юридических наук Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск, Российская Федерация, e-mail: slobodenjuk_ma@surgu.ru;

Научный руководитель:
ШЕСЛЕР Александр Викторович,
доктор юридических наук, профессор Кузбасского института ФСИН, e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы правового регулирования предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних. Отмечается отсутствие единых международных стандартов предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних, а также терминологическая неопределённость и пробельность отечественного законодательства в данной сфере. Обосновывается потребность в гармонизации минимального возраста наступления уголовной ответственности и разработки специальных процессуальных гарантий для несовершеннолетних, совершивших киберпреступления. Доказывается необходимость расширения полномочий субъектов системы профилактики по мониторингу информационной безопасности несовершеннолетних. На основе полученных результатов сформулированы научно обоснованные предложения по совершенствованию правового регулирования предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних.*

Ключевые слова: *правовое регулирование, предупреждение, киберпреступление, несовершеннолетние, профилактика.*

SLOBODENYUK Marina Aleksandrovna,
Senior Lecturer of the Department of Public and Criminal Law, Surgut State University, Surgut, Russian Federation; e-mail: slobodenjuk_ma@surgu.ru; applicant for the degree of Candidate of Legal Sciences, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Academic Supervisor:
SHESTER Alexander Viktorovich,
Doctor of Law, Professor at the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service

PROBLEMATIC ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF PREVENTION OF CYBERCRIME OF MINORS

Annotation. *The article examines the problems of legal regulation of preventing juvenile cybercrime. It notes the absence of unified international standards for preventing juvenile cybercrime, as well as terminological uncertainty and gaps in domestic legislation in this area. The need to harmonize the minimum age of criminal responsibility and to develop special procedural guarantees for minors who have committed cybercrimes is substantiated. The necessity of expanding the powers of the subjects of the prevention system to monitor the information security of minors is proved. On the basis of the obtained results, scientifically substantiated proposals are formulated to improve the legal regulation of preventing juvenile cybercrime.*

Key words: *legal regulation, prevention, cybercrime, juveniles, prevention measures.*

Четвёртая промышленная революция, характеризующаяся стремительным развитием информационных технологий, трансформировала все сферы жизнедеятельности общества. Существенно изменилась и социальная среда становления молодого поколения. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, в 2019 году 97% населения России использовали мобильные телефоны и смартфоны, а доступ к сети Интернет имели 88,6% граждан, из которых 72,6% пользовались ею ежедневно [1]. С одной стороны, это позитивные изменения, позволяющие создать условия для социально-экономического развития страны, однако цифровая среда стала трансграничным каналом криминогенного воздействия людей.

Особенно уязвимыми для негативного влияния глобальной цифровизации оказались несовершеннолетние. С каждым годом они становятся всё более отчуждены от позитивных малых социальных групп, общение с близкими заменяется онлайн-группами в социальных сетях, потому реальное социальное окружение не всегда своевременно обнаруживает признаки криминализации несовершеннолетних, происходящее под воздействием деструктивных онлайн-сообществ.

В этих условиях особую актуальность имеет развитие системы предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних. В связи с чем требуется проанализировать международное и отечественное законодательство в сфере предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних и предложить научно обоснованные рекомендации по совершенствованию правового регулирования системы предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних.

Предупреждение киберпреступлений несовершеннолетних является частью общей системы борьбы с киберпреступностью. В целях борьбы с киберпреступностью Российская Федерация осуществляет международное сотрудничество, направленное на совместное планирование и проведение скоординированных профилактических мероприятий, взаимный обмен оперативной информацией, исполнение запросов о проведении различных процессуальных действий при расследовании киберпреступлений [2]. Правовой основой для консолидации усилий государств в области уголовного преследования за киберпреступления, является Конвенция Организации Объединённых Наций против киберпреступности (далее – Конвенция ООН против киберпреступности) [3]. Данная конвенция касается не только компьютерных преступлений, но и других уголовных деликтов, если они совершаются с использованием информационно-коммуникационных систем (далее – ИКС). Такой подход относит к киберпреступлениям любую незаконную деятельность в киберпространстве, где ИКС выступают либо инструментом криминальной активности, либо её целью.

Согласно Конвенции ООН против киберпреступности, предупреждение киберпреступлений охватывают широкий комплекс направлений, включающий укрепление сотрудничества правоохранительных органов, проведение информационно-просветительских кампаний и образовательных повышение информационной грамотности населения, а также совершенствование национальных систем уголовного правосудия. Особое внимание также уделяется защите уязвимых категорий населения, включая реализацию мер по обеспечению безопасности детей в киберпространстве, но данная конвенция не регламентирует особенности предупреждения киберпреступлений самих несовершеннолетних.

Аналогичные положения закреплены в Модельном законе «О противодействии киберпреступности» [4], но данный международный договор сначала разделяет понятия «противодействие», «предупреждение» и «профилактика», а потом смешивает их. В результате возникает терминологическая неопределённость, которая создаёт сложности при разработке национальных стратегий противодействия киберпреступности [5, С. 11]. В этой связи необходима унификация понятийного аппарата. Наиболее оптимальным видится подход, согласно которому предупреждение и профилактика преступлений представляют собой идентичные понятия, так как они направленны предотвращение преступлений [6, С. 196], и в конечном счёте на борьбу с преступностью как с негативным правовым явлением.

Проблемой также является то, что минимальный возрастной порог, при достижении которого лицо может подлежать уголовной ответ-

ственности, существенно отличается в зависимости от национального законодательства разных стран. Согласно данным обширного анализа уголовных норм 195 государств мира, нижняя граница такого порога зафиксирована на уровне 7 лет, в то время как верхняя составляет 18 лет. Указанное расхождение затрудняет экстрадицию и создаёт предпосылки для уклонения несовершеннолетних, совершивших киберпреступления, от ответственности.

Таким образом, несовпадение национальных подходов к установлению возраста наступления уголовной ответственности выступает серьёзным препятствием для эффективного противодействия киберпреступности несовершеннолетних. Поэтому требуется формирование единых международных стандартов предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних, включающих гармонизацию минимального возраста наступления уголовной ответственности за деяния, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), и разработку специальных процессуальных гарантий для несовершеннолетних, совершивших киберпреступления.

Целью общего предупреждения киберпреступлений на уровне отдельной страны, является защита охраняемых национальным уголовным законом общественных отношений, включая обеспечение кибербезопасности. Данная деятельность требует системной и непротиворечивой стратегии противодействия киберпреступности [8, С. 79], однако, действующая в России Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2024 года № 4154-р [9], также не учитывает особенности киберпреступлений несовершеннолетних.

Аналогичный подход встречается и в Федеральном законе от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [10]. Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года, утверждённая Распоряжением Правительства РФ от 28 мая 2026 г. № 1272-р [11], также не выделяет в качестве отдельного направления предупреждение киберпреступлений несовершеннолетних. Проблема роста киберпреступлений среди несовершеннолетних, упоминается фрагментарно в разделе о состоянии системы, но не получает развития в целях, задачах и принципах. Таким образом, законодательство нашей страны преимущественно ориентировано на защиту детей от киберугроз, однако оставляет без внимания ситуацию, когда несовершеннолетние сами совершают киберпреступления.

Предупреждение киберпреступлений несовершеннолетних осуществляют органы государственной власти и правоохранительные органы, осуществляющие меры общей и индивидуальной профилактики при содействии представителей общественности и бизнеса. Основную роль в этой деятельности играют субъекты системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, перечисленные в статье 4 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Федеральный закон № 120 от 24 июня 1999 года) [12].

Субъекты системы профилактики в своей деятельности ориентированы преимущественно на профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также сопровождение семей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и детей, нуждающихся в социальной реабилитации. Анализ практики работы субъектов системы профилактики демонстрирует, что реально выполняемый ими функции не соответствует в полной мере современным цифровым вызовами.

Это обусловлено тем, что закреплённые за субъектами системы профилактики полномочия ориентированы преимущественно на традиционные формы профилактической работы и не учитывают в должной мере специфику цифровой среды. В частности, отсутствует нормативно установленная обязанность осуществлять мониторинг информационной безопасности несовершеннолетних, что не позволяет своевременно выявлять факты их вовлечения в деструктивные онлайн-сообщества или противоправную деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В результате профилактическое воздействие остаётся преимущественно реактивным, тогда как цифровые угрозы требуют опережающего реагирования и превентивного отслеживания цифровой активности несовершеннолетних.

В работе субъектов системы профилактики должна быть предусмотрена функция мониторинга информационной безопасности несовершеннолетних. Так, согласно Письму Минтруда России от 12 апреля 2022 года № 26-6/10/В-4751 «О направлении методических рекомендаций» [13], специалистам организаций социального обслуживания рекомендуется принимать меры, направленные на обеспечение информационной безопасности детей в сети «Интернет», а именно осуществлять мониторинг медиабезопасности несовершеннолетних. Но это документ имеет рекомендательный характер и не исполняется в обязательном порядке, поэтому считаем, что тре-

буется нормативное закрепление обязанности субъектов системы профилактики осуществлять мониторинг цифровой активности несовершеннолетних. В этой связи предлагается в пункт 2 статьи 12 Федерального закона № 120 от 24 июня 1999 года дополнить подпунктом 4 следующего содержания:

«4) осуществляют в пределах своей компетенции мониторинг информационной безопасности несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении или иной трудной жизненной ситуации, в целях выявления фактов потребления и (или) распространения ими деструктивной информации; при выявлении таких фактов, незамедлительно информируют заинтересованные органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также правоохранительные органы».

Также необходимо законодательно закрепить право субъектов системы профилактики на проведение мониторинга информационной безопасности несовершеннолетних. В системе статей Федерального закона № 120 от 24 июня 1999 года особую роль играет пункт 3 статьи 12, так как на него ссылаются другие статьи, определяющие права субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Внесение изменений в данную статью позволит закрепить правовые основы участия субъектов системы профилактики в предупреждении киберпреступлений несовершеннолетних. Для этого необходимо дополнить пункт 3 статьи 12 Федерального закона № 120 от 24 июня 1999 года подпунктом 3 следующего содержания:

«3) с согласия родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего или с согласия несовершеннолетнего, достигшего возраста четырнадцати лет, осуществлять в пределах своей компетенции мониторинг информационной безопасности несовершеннолетнего, в отношении которого проводится индивидуальная профилактическая работа, в том числе осуществлять контроль его цифровой активности в целях выявления фактов потребления и (или) распространения деструктивной информации».

В предупреждении киберпреступлений несовершеннолетних ключевым субъектом являются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН), которые координируют работу всех субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. В этой вязи необходимо закрепить за КДН специальные полномочия по координации мониторинга информационной безопасности несовершеннолетних, находящихся на профилактическом учёте. Поэтому предлагается в пункт 2 статьи 11 Федерального закона № 120 от 24 июня 1999 года дополнить подпунктом 4 следующего содержания:

«4) осуществляют в пределах своей компетенции мониторинг информационной безопасности несовершеннолетних, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, в целях выявления фактов потребления и (или) распространения ими деструктивной информации; при выявлении таких фактов, незамедлительно информируют заинтересованные органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также правоохранительные органы».

Для координации профилактической деятельности и контроля за её эффективностью в России создана государственная информационная система профилактики безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних. Предоставляемая в систему информация установлена в статье 25.2 Федерального закона № 120 от 24 июня 1999 года и конкретизируется в Постановлении Правительства РФ от 01 апреля 2025 года № 411 «О государственной информационной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [14]. При этом в перечень такой информации не включены сведения мерах, принятых для обеспечения о информационной безопасности несовершеннолетних, подлежащих профилактическому учёту. Данная информация необходима для формирования целостного представления о характере и динамике криминогенного воздействия цифровой среды на несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учёте, а также для оценки результативности принимаемых профилактических мер. Поэтому считаем обоснованным включение в пункт 4 Федерального закона № 120 от 24 июня 1999 года подпункта 19 следующего содержания:

«19) сведения об информационной безопасности несовершеннолетних, подлежащих индивидуальной профилактической работе, в том числе об их цифровой активности».

Также необходимо внести соответствующие изменения в Постановление Правительства РФ от 01 апреля 2025 года № 411 «О государственной информационной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», так как на уровне подзаконного акта требуется детализировать состав таких сведений. Предлагается дополнить раздел 2 Приложения к Положению о государственной информационной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних пунктом 13 «Сведения об информационной безопасности несовершеннолетних, подлежащих индивидуальной профилактической работе, в том числе об их цифровой активности». Поставщиками данной информации должны быть органы, учреждения

и организации, указанные в пункте 12 раздела 2 Приложения к Положению о государственной информационной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Перечисленные правовые инициативы не являются исчерпывающими, но их реализация будет способствовать повышению эффективности системы предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних. Однако для реализации данных мер необходимо увеличение штатной численности подразделений правоохранительных органов, введение в программы повышения квалификации специалистов, осуществляющих предупреждение киберпреступлений несовершеннолетних, специализированных модулей по цифровой безопасности несовершеннолетних, усиление межведомственного взаимодействия, развитие институциональной и технологической основы для координации и методического обеспечения субъектов предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних.

Итак, анализ правового регулирования предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних показал, что существует множество проблем: терминологическая неопределённость, отсутствие единого международно-правового режима предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних, рассогласованность и пробельность отечественного законодательства. Указанные проблемы в своей совокупности создают системные барьеры для эффективного предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних.

На основании данных выводов были обоснованы предложения по совершенствованию правового регулирования предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних посредством внесения изменений в федеральное законодательство и подзаконные правовые акты, создающие правовую основу для участия субъектов системы профилактики в предупреждении киберпреступлений несовершеннолетних, и расширяющие их полномочия по мониторингу информационной безопасности и цифровой активности несовершеннолетних. Этому будет способствовать разработка проекта Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и проекта Постановления Правительства Российской Федерации «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации».

Перспективой дальнейшего исследование также является выработка научных положений, в которых обосновываются предложения по совершенствованию организации предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних посредством построения системы профилактического воздействия, в которой объектом выступает несовершеннолетний, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, субъектами являются органы государственной власти, правоохранительные органы, представители общественности и бизнеса, реализующие меры предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних с учётом особенностей личности объекта воздействия, его неформального статуса в реальных и виртуальных группах, устойчивости антиобщественных взглядов и мотивации преступного поведения, ориентируясь при этом на специфику действия детерминант киберпреступлений несовершеннолетних и результаты мониторинга информационной безопасности и цифровой активности несовершеннолетнего, находящегося на профилактическом учёте.

Результаты проведённого исследования направлены на систематизацию уголовно-правовых и криминологических знаний о киберпреступлениях несовершеннолетних. Они призваны дополнить криминологическую теорию предупреждения таких преступлений, а также способствовать совершенствованию законотворческой деятельности и повышению эффективности общего и индивидуального предупреждения киберпреступлений несовершеннолетних.

Список литературы:

[1] Информационное общество в Российской Федерации. 2020 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13251 (дата обращения: 15.09.2026).

[2] Евдокимов К.Н., Хобонкова К.В. К проблеме совершенствования международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 90–95.

[3] Конвенция Организации Объединённых Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определёнными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьёзным преступлениям (принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеи от 24 декабря 2024 г.) // [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (дата обращения: 15.09.2026).

[4] Модельный закон «О противодействии киберпреступности» (принят 14 апреля 2023 г. в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-20 на 55-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // [Элек-

тронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Русскевич Е.А. Международно-правовые подходы противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 3. С. 10–13.

[6] Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 283 с.

[7] Delmage E., Anderson R., Blower A. et al. The Minimum Age of Criminal Responsibility Internationally – History, Systems and the Future // Crim Behav Ment Health. 2026. Vol. 36, No. 1. P. 21–32.

[8] Пучков Д.В. Криминологические проблемы предупреждения преступности в сфере реализации кибертехнологий // Алтайский юридический вестник. 2019. № 4 (28). С. 78–83.

[9] Распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2024 г. № 4154-р «Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий» // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Распоряжение Правительства РФ от 28 мая 2026 г. № 1272-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года» (вместе с «Планом мероприятий на 2026-2036 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2036 года») // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

[13] Письмо Минтруда России от 12 апреля 2022 г. № 26-6/10/В-4751 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по организации профилактической работы с несовершеннолетними, склонными к совершению противоправных деяний, в организациях социального обслуживания») // СПС «КонсультантПлюс».

[14] Постановление Правительства РФ от 01 апреля 2025 г. № 411 «О государственной информационной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

References:

[1] Information Society in the Russian Federation. 2020 [Electronic resource] // Official website of the Federal State Statistics Service. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13251 (access date: 15.09.2026).

[2] Evdokimov K.N., Khobonkova K.V. On the problem of improving international cooperation in the field of countering cybercrime // Siberian Legal Bulletin. 2022. № 3 (98). S. 90-95.

[3] United Nations Convention against Cybercrime; strengthening international cooperation in combating certain crimes committed using information and communication systems and in the exchange of evidence in electronic form related to serious crimes (adopted by General Assembly resolution 79/243 of December 24, 2024) // [Electronic resource] // Official website of the United Nations. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243 (access date: 15.09.2026).

[4] Model Law "On Combating Cybercrime" (adopted on April 14, 2023 in St. Petersburg by Resolution 55-20 at the 55th plenary session of the Interparliamentary Assembly of CIS Member States) // [Electronic Resource] // SPS "ConsultantPlus.".

[5] Russkevich E.A. International legal approaches to countering crimes committed using information and communication technologies // International criminal law and international justice. 2018. № 3. S. 10-13.

[6] Prozumentov LM, Schesler AV Criminology (General part): a textbook. Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2017. 283 p.

[7] Delmage E., Anderson R., Blower A. et al. The Minimum Age of Criminal Responsibility Internationally – History, Systems and the Future // Crim Behav Ment Health. 2026. Vol. 36, No. 1. P. 21–32.

[8] Puchkov D.V. Criminological problems of crime prevention in the field of the implementation of cyber technologies // Altai Legal Bulletin. 2019. № 4 (28). S. 78-83.

[9] Order of the Government of the Russian Federation of December 30, 2024 No. 4154-r "On approval of the Concept of the state system for countering illegal acts committed using information and communication technologies" // SPS" ConsultantPlus.".

[10] Federal Law No. 436-FZ of December 29, 2010 (as amended by 29.12.2025) "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" // SPS" ConsultantPlus.".

[11] Order of the Government of the Russian Federation of May 28, 2026 No. 1272-r "On approval of the Concept for the development of a system for the prevention of neglect and juvenile delinquency for

the period up to 2036" (together with the "Action Plan for 2026-2036 for the implementation of the Concept for the development of a system for the prevention of neglect and juvenile delinquency for the period up to 2036") // SPS "ConsultantPlus.".

[12] Federal Law No. 120-FZ of June 24, 1999 (ed. 04.08.2026) "On the Basics of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency" // SPS" ConsultantPlus.".

[13] Letter of the Ministry of Labor of Russia dated April 12, 2022 No. 26-6/10/B-4751 "On sending methodological recommendations" (together with "Methodological recommendations for organizing preventive work with minors prone to committing illegal acts in social service organizations") // SPS "ConsultantPlus.".

[14] Decree of the Government of the Russian Federation of April 01, 2025 No. 411 "On the State Information System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency" // SPS "ConsultantPlus.".

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-330-336

РУДЬ Максим Леонидович,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, майор полиции,
e-mail: maximilian87@mail.ru.

ШАПОШНИКОВА Наталья Сергеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права УрЮИ МВД России, подполковник полиции,
e-mail: nssabanina@gmail.com.

ЮЗЬВАК Сергей Анатольевич,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России майор полиции
e-mail: v.shanko@mail.ru.

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА И ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются современные проблемы уголовно-правовой квалификации хищений цифровой валюты и цифровых прав с учетом изменений законодательства и судебной практики 2026 г. Анализируются правовая природа цифровых объектов, разграничение кражи, мошенничества и мошенничества в сфере компьютерной информации, значение закрытого ключа и иных данных доступа, момент окончания хищения и определение стоимости похищенного. Обосновывается авторский критерий устойчивого перехода контроля, согласно которому хищение цифрового актива следует считать оконченным при фактической утрате потерпевшим возможности распоряжаться объектом и возникновении реальной возможности распоряжения им у виновного или иного лица. Предлагается последовательный алгоритм квалификации и формулируются направления совершенствования разъяснений Верховного Суда Российской Федерации.*

Ключевые слова: *цифровая валюта, цифровые права, цифровые финансовые активы, криптовалюта, хищение, кража, мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации, предмет преступления, квалификация преступлений, цифровые активы.*

RUD Maxim Leonidovich,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

SHAPOSHNIKOVA Natalya Sergeevna,
Senior Lecturer in the Department of Criminal Law at the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

YUZVAK Sergey Anatolyevich,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

DIGITAL CURRENCY AND DIGITAL RIGHTS AS THE SUBJECT OF THEFT: CURRENT PROBLEMS OF CRIMINAL-LAW QUALIFICATION

Annotation. *The article examines current problems of criminal-law qualification of theft involving digital currency and digital rights in light of the 2026 legislative and judicial developments. It analyzes the legal nature of digital assets, the distinction between theft, fraud and computer-information fraud, the role of private keys and other access credentials, the moment when the offence is completed, and valuation of the stolen assets. The author proposes the criterion of a stable transfer of control: theft of a digital asset should be considered completed when the victim actually loses the ability to dispose of the asset and the offender or another person acquires a real ability to control it. A step-by-step qualification model and proposals for improving Supreme Court guidance are formulated.*

Key words: *digital currency, digital rights, digital financial assets, cryptocurrency, theft, fraud, computer-information fraud, subject of crime, qualification of crimes, digital assets.*

С развитием технологий и общества, цифровизация имущественного оборота поставила перед уголовным правом задачу охраны объектов, существование и передача которых не связаны с традиционным материальным носителем. На протяжении нескольких лет вопрос о признании криптовалюты и иных цифровых активов предметом хищения разрешался преимущественно через толкование общих положений об имуществе, гражданско-правовой природы соответствующего объекта и его экономической ценности. Научная же дискуссия концентрировалась вокруг допустимости распространения традиционной конструкции хищения на цифровую валюту и цифровые права, а также вокруг выбора состава в зависимости от способа получения контроля над ними [1-3]. В 2026 г. нормативная основа существенно изменилась, однако сама проблема уголовно-правовой квалификации не исчезла, так как она переместилась с вопроса о принципиальной охраноспособности цифрового актива к вопросам его юридической идентификации, способа изъятия, момента окончания преступления и определения стоимости. Важным этапом в этом развитии стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 января 2026 г. № 2-П, в котором су указал, что цифровая валюта не является безналичными денежными средствами и не относится к цифровым правам, но обладает экономической ценностью, оборотоспособностью и может рассматриваться как имущество. При этом суд одновременно обратил внимание на различие правовых режимов цифровой валюты, цифровых прав и иных виртуальных активов, включая токены и стейблкоины. И нам хочется обратить внимание, что для уголовного права эта позиция имеет принципиальное значение, поскольку технологическая схожесть цифровых объектов не позволяет автоматически придавать им одинаковый юридический статус.

Так же считаем необходимым отметить, что Федеральным законом от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ примечания к ст. 104.1 УК РФ дополнены правилом, согласно которому для целей данной статьи и других статей УК РФ цифровая валюта признается имуществом и тем самым был устранен основной спор о возможности признания цифровой валюты предметом имущественных преступлений. Следующим шагом стало Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 19, которым Постановление Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29 дополнено указанием, что к предмету кражи, грабежа, разбоя и иного хищения относятся, наряду с вещами и безналичными денежными средствами, цифровые права и цифровая валюта. Таким образом мы видим, что в результате российское уголовное право получило более определенную основу для охраны цифровых активов, но выбор конкретной уголовно-правовой нормы по-прежнему зависит от механизма завладения.

Цель нашего исследования состоит в формировании системного подхода к квалификации хищений цифровой валюты и цифровых прав после изменений 2026 г. Методологически исходным является требование точности понятий. В. В. Шанько и Е. Г. Светличный, рассматривая понятийные и методологические подходы к современному правопониманию, подчеркивают значение корректного понятийного аппарата для юридического исследования [11, с. 64-67]. И применительно к цифровым активам это означает, что уголовно-правовая квалификация должна начинаться не с бытового или технического обозначения объекта как «криптовалюты» или «токена», а с установления его юридической природы, иначе одно и то же технологическое наименование способно необоснованно повлечь различную либо, напротив, искусственно унифицированную уголовно-правовую оценку.

Итак, цифровая валюта по Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ представ-

ляет собой совокупность электронных данных, которые могут приниматься в качестве средства платежа или инвестиций и в отношении которых отсутствует обязанное перед каждым обладателем лицо, за исключением субъектов, обеспечивающих функционирование информационной системы [13]. Цифровые же права имеют иную юридическую конструкцию, так в соответствии со ст. 141.1 ГК РФ ими признаются названные в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы. В свою очередь цифровые финансовые активы являются одной из нормативно определенных разновидностей цифровых прав, где отдельно следует учитывать цифровой рубль, который относится к безналичным денежным средствам. Следовательно, мв видим, что уголовно-правовой термин «цифровой актив» может использоваться как обобщающий только в аналитических целях, но при квалификации требуется индивидуализировать конкретный объект [5; 9; 12].

Такое разграничение на наш взгляд имеет практическое значение уже на стадии определения предмета хищения, поскольку цифровая валюта после 3 марта 2026 г. прямо признается имуществом для целей УК РФ, а цифровые права охватываются понятием имущества с учетом ст. 128 и 141.1 ГК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ. В то же время цифровой рубль является безналичным денежным средством, а потому к нему применимы правила, характерные для денежных средств на банковском счете, с учетом особенностей цифровой формы. Однако нельзя исходить из того, что любой токен автоматически является цифровой валютой или цифровым правом, так как его юридическая квалификация зависит от условий выпуска, функционального назначения, наличия обязанного лица и правил соответствующей информационной системы. Поэтому мы считаем, что первым этапом квалификации должно быть установление юридической природы объекта, а уже затем — выбор уголовно-правовой нормы.

В свою очередь для цифровых прав особенно важно различать само имущественное право и техническую запись, посредством которой оно учитывается и осуществляется. Так предметом хищения здесь выступает не абстрактный набор электронных символов, а экономически ценное право, принадлежность и распоряжение, которым обусловлены правилами информационной системы. Поэтому в литературе справедливо отмечается, что включение цифровых прав в систему имущественных объектов не устраняет вопроса о конкретном содержании каждого из них и способе причинения имущественного ущерба [2; 5; 12]. В связи с чем в обвинении недостаточно указать на «хищение токена» без описания того, какое именно право он удостоверяет, кому это право принадлежало, как изменилось его состояние после действий виновного и в чем выразилась утрата имущественной возможности потерпевшего. Несомненно такой подход соответствует принципу определенности обвинения и одновременно препятствует подмене правовой характеристики цифрового объекта его техническим наименованием.

Нельзя обойти внимание и проблему принадлежности цифрового актива и фактического контролем над ним, так как в отношении вещей принадлежность обычно подтверждается документами, владением либо иными традиционными доказательствами, в то время как для цифровой валюты решающую роль могут играть адрес кошелька, история транзакций, сведения о приобретении актива, данные централизованной платформы, содержание переписки, устройства и иные доказательства, позволяющие связать конкретное лицо с возможностью распоряжения активом. Вот почему само обнаружение адреса кошелька или seed-фразы на устройстве еще не доказывает принадлежность всей находящейся по соответствующему адресу цифровой валюты, здесь необходимо оценивать совокупность данных о происхождении и фактическом контроле.

Обратимся к судебной практике. Несомненно большую практическую значимость имеет Апелляционное определение Московского городского суда от 19 мая 2026 г. по делу № 10-8287/2026 [14]. Судебная коллегия признала обоснованным отнесение USDT, ETH, wrapped BTC, BTCB и BSC-USD к имуществу, способному выступать предметом хищения, исходя в том числе из их способности к конвертации, платежной и инвестиционной ценности. При этом при оценке ущерба суд поддержал подход, при котором количество соответствующих токенов соотносилось с их стоимостью на дату операции, после чего сумма пересчитывалась в рубли по официальному курсу. Данный пример показывает, что судебная практика стремится оценивать экономическую сущность цифрового объекта, однако одновременно подтверждает необходимость процессуально прозрачной методики определения стоимости.

После установления предмета основным вопросом становится разграничение кражи, мошенничества и мошенничества в сфере компьютерной информации, поскольку технологический характер транзакции сам по себе не означает применение ст. 159.6 УК РФ. Для этого состава принципиально наличие вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, по-

поскольку если виновный получил закрытый ключ, пароль или иные данные доступа и затем инициировал обычную предусмотренную правилами системы транзакцию без изменения программного обеспечения, алгоритмов или данных, сам факт использования информационной технологии не образует компьютерного мошенничества [4; 6].

В ситуации с тайным переводом цифровой валюты с кошелька потерпевшего, совершенном без его волеизъявления посредством использования полученных данных доступа, базовой моделью является кража при наличии остальных признаков состава. Однако здесь необходимо учитывать новое разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, согласно которому квалифицирующий признак п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ охватывает кражу с банковского счета либо в отношении электронных денежных средств и не должен механически распространяться на цифровую валюту только вследствие ее электронной формы. Следовательно, мы видим, что хищение цифровой валюты путем тайной транзакции должно оцениваться по общим и иным применимым квалифицирующим признакам кражи, но не как кража с банковского счета лишь потому, что объект существует в цифровой среде. Иная модель в свою очередь имеет место, когда потерпевший вследствие обмана сам совершает транзакцию и переводит цифровой актив на адрес, указанный виновным, поскольку если обман является непосредственной причиной добровольного внешне распоряжения имуществом, содеянное соответствует конструкции мошенничества. Типичными примерами могут быть и фиктивные инвестиционные предложения, ложные сообщения о необходимости перевода актива на «безопасный» адрес, имитация деятельности криптовалютного сервиса или введение в заблуждение относительно личности контрагента, при которых внешняя добровольность транзакции не исключает хищения, поскольку воля потерпевшего сформирована посредством обмана.

На наш взгляд статья 159.6 УК РФ должна применяться, когда переход контроля над цифровым имуществом обусловлен именно противоправным воздействием на информационную систему, что может выражаться во внедрении вредоносного кода, изменении программного обеспечения, модификации данных или иной манипуляции, вследствие которой система выполняет операцию, не соответствующую воле управомоченного лица. Поэтому для разграничения составов считаем целесообразным исходить из механизма перехода контроля, когда самостоятельная передача актива потерпевшим вследствие обмана указывает на мошенничество либо тайное использование легитимного механизма транзакции без волеизъявления владельца — на кражу, либо изменение работы информационной системы, непосредственно обусловившее переход имущества, — на мошенничество в сфере компьютерной информации.

Еще одним ключевым моментом является уголовно-правовое значение закрытого ключа, seed-фразы, пароля и иных данных доступа, то такие сведения, которые не следует отождествлять с самой цифровой валютой или цифровым правом, поскольку они выполняют функцию средства доступа и управления. Мы считаем, что завладение ключом не всегда означает немедленное изъятие имущества, так как пока актив остается под фактическим контролем владельца и виновный не совершил действий, обеспечивающих распоряжение им, оконченного хищения может не быть. Однако при наличии прямого умысла на последующий перевод цифровой валюты получение данных доступа способно образовывать стадию приготовления или входить в объективную сторону покушения в зависимости от конкретных действий, а дополнительная квалификация по нормам о преступлениях в сфере компьютерной информации допустима лишь при наличии всех признаков соответствующего самостоятельного состава.

Несомненно наиболее дискуссионным остается момент окончания хищения цифровых активов, поскольку общее правило Пленума Верховного Суда РФ связывает окончание кражи и грабежа с изъятием имущества и возникновением у виновного реальной возможности пользоваться или распоряжаться им, а для цифровой валюты применение этого правила осложняется тем, что транзакция проходит стадии формирования, подписания, распространения в сети и подтверждения, а степень необратимости зависит от конкретной информационной системы. И формальное отправление команды на перевод не всегда означает окончательную утрату контроля потерпевшим, так как одновременно ожидание абсолютной технической необратимости способно искусственно переносить момент окончания преступления. Здесь нам представляется обоснованным использовать критерий устойчивого перехода контроля, хищение цифровой валюты следует считать оконченным с момента, когда в результате совершенной операции потерпевший фактически утратил возможность распоряжаться соответствующим объемом актива, а виновный либо указанное им лицо приобрело реальную возможность распоряжения им. Отметим, что для публичных распределенных реестров это обычно связано не просто с созданием транзакции, а с ее фиксацией в состоянии системы, достаточной для практического распоряжения активом и количество технических подтверждений не должно закрепляться универсально, поскольку блокчейн-системы различаются. Юридическим же критери-

ем является именно устойчивость фактического контроля, а технические характеристики конкретной сети выступают доказательственной основой его установления.

Аналогичный подход с нашей точки зрения применим и к цифровым правам, но с учетом иной природы объекта, поскольку если право существует и осуществляется исключительно посредством записи в информационной системе, момент его противоправного перехода следует связывать с изменением записи либо иным юридически значимым событием, после которого прежний обладатель утрачивает возможность осуществлять соответствующее право, а другое лицо приобретает такую возможность. В этом случае предметом посягательства является не запись как технический элемент, а удостоверяемое ею имущественное право, что позволяет сохранить традиционную имущественную конструкцию хищения, не сводя ее к физическому изъятию вещи.

И как отдельную проблему следует рассмотреть стоимость похищенного, поскольку она определяет размер ущерба и способна влиять на квалификацию по признакам крупного и особо крупного размера. Высокая же волатильность цифровой валюты означает, что оценка должна быть максимально привязана ко времени совершения преступления, а для широко обращающихся активов допустимо использовать сведения нескольких устойчивых торговых площадок либо иной проверяемый источник рыночной цены с последующим переводом стоимости в рубли по официальному курсу соответствующей валюты. Здесь необходимо отметить, что при споре о природе токена, отсутствии ликвидного рынка или значительном расхождении котировок требуется специальное исследование, оформленное процессуально и документ должен содержать не только итоговую сумму, но и объяснение источника цены, времени фиксации котировки и способа расчета.

Судебная практика по озвученному нами выше делу № 10-8287/2026 демонстрирует один из возможных подходов к уголовно-правовой оценке цифровых активов, когда Московский городской суд признал обоснованным отнесение токенов USDT, ETH, wrapped BTC, BTCB и BSC-USD к имуществу, способному выступать предметом хищения, исходя из их материальной ценности, способности к конвертации и фактического участия в имущественном обороте. Такой способ, однозначно, способен снизить риск завышения ущерба в условиях внутридневной волатильности, однако не должен превращаться в универсальное правило без учета особенностей конкретного актива и рынка. И более устойчивым представляется принцип проверяемости и воспроизводимости расчета, когда выбранная методика должна позволять сторонам и суду повторить вычисление и оценить достоверность исходных данных.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, на основе проведенного анализа нами предлагается последовательный алгоритм квалификации, состоящий из нескольких этапов. На первом этапе устанавливается юридическая природа объекта, цифровая валюта, цифровое право, цифровой финансовый актив, цифровой рубль либо иной токен. На втором определяется принадлежность объекта и фактический контроль над ним. На третьем реконструируется механизм перехода контроля, добровольная транзакция потерпевшего под влиянием обмана, тайная операция виновного с использованием полученных данных доступа либо технологическое вмешательство в информационную систему. На четвертом выбирается базовый состав — кража, мошенничество или мошенничество в сфере компьютерной информации. На пятом устанавливается момент окончания по критерию устойчивого перехода контроля. На шестом определяется стоимость похищенного на соответствующий момент. На седьмом проверяются квалифицирующие признаки и возможная совокупность с самостоятельными преступлениями в сфере компьютерной информации. В сокращенной форме алгоритм может быть выражен формулой: юридическая идентификация объекта — принадлежность и контроль — механизм перехода контроля — базовый состав — момент окончания — стоимость — квалифицирующие признаки и совокупность.

Представляется, что на современном этапе нет необходимости создавать универсальный специальный состав «хищения цифровых активов», действующие нормы о преступлениях против собственности в сочетании с законодательным признанием цифровой валюты имуществом и разъяснениями Верховного Суда в целом позволяют охватывать основные модели противоправного завладения. Главная задача здесь состоит в адаптации судебных разъяснений к особенностям нематериального предмета, поэтому целесообразно дополнительно разъяснить, что момент окончания хищения цифровой валюты определяется не формальной отправкой транзакции, а устойчивым переходом фактического контроля; что использование без согласия владельца закрытого ключа, seed-фразы или пароля для совершения штатной транзакции само по себе не означает вмешательства в функционирование информационной системы; что стоимость цифрового актива должна определяться по проверяемым данным на момент преступления с отражением методики расчета в процессуальных документах.

Таким образом, очевидно, что законода-

тельные и судебные изменения 2026 г. сформировали более определенную модель уголовно-правовой охраны цифровой валюты и цифровых прав, но не устранили сложности квалификации и признание цифровой валюты имуществом решает вопрос о возможности ее выступать предметом хищения, однако не подменяет анализа юридической природы конкретного цифрового объекта. Разграничение же кражи, мошенничества и мошенничества в сфере компьютерной информации следует проводить по механизму перехода контроля, а не по самому факту использования цифровой технологии. Закрытый ключ и иные данные доступа, как правило, выступают здесь средством управления активом, а не самим предметом хищения. Для определения момента окончания преступления предлагается критерий устойчивого перехода контроля, учитывающий фактическую утрату потерпевшим возможности распоряжения и возникновение такой возможности у виновного. Считаем, что последовательное применение указанных критериев позволит снизить риск как расширительного толкования уголовного закона, так и необоснованного отказа в уголовно-правовой охране имущества, существующего исключительно в цифровой форме.

Список литературы:

[1] Ображиев К. В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. С. 71–87. DOI: 10.12737/jrl.2022.018.

[2] Попова Е. М. Цифровые права как предмет хищения: дискуссионные вопросы в уголовно-правовой доктрине и способы их разрешения // Правовое государство: теория и практика. 2026. Т. 22. № 2 (84). С. 207–216. DOI: 10.33184/pravgos-2026.2.23..

[3] Быкова Е. Г., Казаков А. А. Криптовалюта как предмет преступлений против собственности: существуют ли проблемы квалификации? // Российский судья. 2026. № 3. С. 33–37. DOI: 10.18572/1812-3791-2026-3-33-37..

[4] Степаненко Д. А., Гармышев Я. В. Криптовалюты как предмет и средство совершения преступлений: проблемы квалификации и расследования // Российский следователь. 2025. № 1. С. 18–23.

[5] Серебренникова А. В., Трефилов А. А. О некоторых уголовно-правовых аспектах характеристики цифровых прав // Законодательство. 2022. № 11. С. 51–57.

[6] Русскевич Е. А., Малыгин И. И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 106–125.

[7] Иванов Н. Г., Мирзоян М. Э. Виртуальная валюта как предмет хищений // Проблемы экономики и юридической практики. 2021. Т. 17. № 4. С. 169–174.

[8] Коренная А. А., Тыдыкова Н. В. Криптовалюта как предмет и средство совершения преступлений // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 408–415.

[9] Князьков А. А., Пухов А. А. Цифровые финансовые активы как предмет преступления: понятие, виды, особенности незаконного оборота // Аграрное и земельное право. 2025. № 3. С. 352–355. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_352..

[10] Мочалкина И. С. Цифровые права и цифровая валюта как предмет преступлений в сфере экономики: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2022. 240 с.

[11] Шанько В. В., Светличный Е. Г. Понятийные и методологические подходы к проблемам современного правопонимания // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 64–67. EDN: UQHBBU.

[12] Серебренникова А. В. Специфика цифровых прав как предмета преступления // Colloquium-journal. 2021. № 20 (107). С. 38–40.

[13] Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.

[14] Апелляционное определение Московского городского суда от 19.05.2026 по делу N 10-8287/2026 (УИД 77RS0010-02-2025-007312-52). URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=SOCN&n=1985756&req=doc&utm_source=chatgpt.com#pg6EvUV4kizir8Zo.

References:

[1] Obrazhiev K.V. Criminal encroachments on digital financial assets and digital currency: problems of qualification and legislative regulation // Journal of Russian Law. 2022. T. 26. № 2. S. 71-87. DOI: 10.12737/jrl.2022.018.

[2] Popova E. M. Digital rights as a subject of theft: discussion issues in criminal law doctrine and ways to resolve them // Rule of law: theory and practice. 2026. VOL. 22. № 2 (84). S. 207-216. DOI: 10.33184/pravgos-2026.2.23..

[3] Bykova E.G., Kazakov A.A. Cryptocurrency as a subject of crimes against property: are there any qualification problems? // Russian judge. 2026. № 3. S. 33-37. DOI: 10.18572/1812-3791-2026-3-33-37..

[4] Stepanenko D.A., Garmyshev Y.V. Cryptocurrencies as an object and means of committing crimes: problems of qualification and

investigation // Russian investigator. 2025. № 1. S. 18-23.

[5] Serebrennikova A. V., Trefilov A. A. On some criminal law aspects of the characteristics of digital rights // Legislation. 2022. № 11. S. 51-57.

[6] Russkevich E.A., Malygin I.I. Crimes related to the circulation of cryptocurrencies: qualification features // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 3. S. 106-125.

[7] Ivanov N.G., Mirzoyan M.E. Virtual currency as a subject of theft // Problems of economics and legal practice. 2021. VOL. 17. № 4. S. 169-174.

[8] Root A. A., Tydykova N. V. Cryptocurrency as an object and means of committing crimes // All-Russian Criminological Journal. 2019. T. 13. № 3. S. 408-415.

[9] Knyazkov A. A., Pukhov A. A. Digital financial assets as a subject of crime: concept, types, features of illegal trafficking // Agrarian and land law. 2025. № 3. S. 352-355. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_3_352..

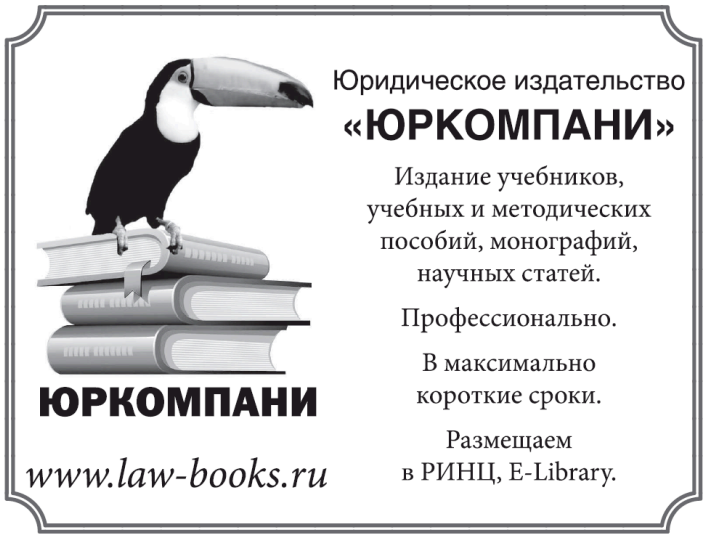
[10] Mochalkina I. S. Digital rights and digital currency as the subject of crimes in the economic sphere: dis.... cand. jurid. Sciences: 5.1.4. M., 2022. 240 s.

[11] Shanko V.V., Svetlichny E.G. Conceptual and methodological approaches to the problems of modern legal understanding // Philosophy of law. 2021. № 3 (98). S. 64-67. EDN: UQHBBU.

[12] Serebrennikova A. V. Specifics of digital rights as a subject of crime // Colloquium-journal. 2021. № 20 (107). S. 38-40.

[13] Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 31.07.2020 N 259-FZ (latest edition). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/.

[14] Appeal ruling of the Moscow City Court of 19.05.2026 in case No. 10-8287/2026 (UID 77RS0010-02-2025-007312-52). URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=SOCN&n=1985756&req=doc&utm_source=chatgpt.com#pg6EvUV4kizir8Zo.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-337-340

ЕФРЕМОВА Ольга Сергеевна,
старший преподаватель
кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета Университета ФСИН
России, кандидат юридических наук,
e-mail: efremova.o.s@fsin.gov.ru

ЦИФРОВАЯ КРИМИНОЛОГИЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье исследуется цифровая криминология как развивающееся междисциплинарное направление криминологической науки. Анализируются предпосылки ее формирования, предметное поле, методологические основы и ключевые исследовательские задачи. Особое внимание уделено специфике киберпреступности, новым типам криминальных практик в цифровой среде, а также возможностям применения современных технологий для прогнозирования и предупреждения преступлений. В заключении обозначены перспективные направления развития цифровой криминологии в контексте трансформации криминальной и правоохранительной деятельности в условиях цифровизации общества.*

Ключевые слова: *цифровая криминология, киберпреступность, цифровые следы, прогнозирование преступности, криминологическое моделирование.*

EFREMOVA Olga Sergeevna,
senior lecturer at the department of state and legal
disciplines faculty of law University of the Federal
Penitentiary Service of Russia

DIGITAL CRIMINOLOGY: PRECURSORS OF FORMATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. *The article examines digital criminology as an emerging interdisciplinary field of criminological science. The article analyzes the prerequisites for its formation, the subject field, the methodological foundations, and the key research tasks. Special attention is paid to the specifics of cybercrime, new types of criminal practices in the digital environment, as well as the possibilities of using modern technologies to predict and prevent crimes. In conclusion, promising directions for the development of digital criminology are identified in the context of the transformation of criminal and law enforcement activities in the context of the digitalization of society.*

Key words: *digital criminology, cybercrime, digital traces, crime prediction, criminological modeling.*

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни сопровождается не только социально-экономическими преимуществами, но и новыми криминальными вызовами и угрозами. Например, как отмечается в зарубежной научной криминологической литературе, цифровые технологии становятся не только инструментом, но и средой совершения преступлений, трансформируя традиционные формы криминального поведения и порождая принципиально новые виды противоправных деяний. В указанных условиях возникает необходимость в формировании специализированного научного направления, способного системно изучать преступность в цифровой среде и разрабатывать адекватные меры противодействия ей [1, p. 638]. Таким направлением, несомненно, является цифровая криминология.

В изучаемом аспекте ученые говорят о процессе цифровой трансформации и эволюции системы уголовно-правовых наук в условиях циф-

ровой реальности. В рамках новой парадигмы криминология сталкивается с задачей концептуального переосмысления и методологической реконфигурации предметной области. Трансформация криминогенной среды сопровождается смещением детерминирующих факторов из социально-экономического контекста в цифровое пространство.

К числу современных криминогенных детерминант относятся алгоритмические смещения, деструктивные паттерны взаимодействия в онлайн-сообществах, а также доступность инструментальных средств для осуществления кибератак. Традиционные методы криминологического прогнозирования, базирующиеся на ретроспективном статистическом анализе, в данной реальности демонстрируют снижение прогностической валидности применительно к упомянутым динамично развивающимся формам киберпреступности. В связи с вышеизложенным, как указывают Шутов К.А. и Осипов В.А., формируется методологический запрос на становление «цифровой криминологии» – междисциплинарного направления, интегрирующего методы анализа больших данных, сетевого анализа и прогнозной аналитики, функционирующей в режиме реального времени [2, с. 155].

На современном этапе развития криминологической научной мысли цифровой криминологии уделяется достаточно большое внимание по различным аспектам указанного направления [3,4,5]. Не умаляя достоинства и результатов проведенных научных исследований, в настоящей статье хотелось бы сконцентрировать внимание на анализе базовых аспектов цифровой криминологии: предпосылках ее формирования, предмете, объекте, методологии и задачах, практической значимости, а также перспективах развития. Более подробно рассматривая и анализируя предпосылки формирования цифровой криминологии необходимо связывать их с рядом факторов.

В первую очередь, это рост масштабов киберпреступности. По данным международных и национальных правоохранительных органов, ущерб от преступлений в цифровой среде ежегодно увеличивается, несмотря на то, что их количественные показатели могут снижаться. В частности, за последние два года отмечается тенденция на снижение количественных показателей рассматриваемого вида преступности в РФ. Так, например, согласно официальным статистическим данным МВД России за первое полугодие 2026 года было зарегистрировано 252,9 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 31,9% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес снизился с 39,5% до 32,1% [11].

Вторым основополагающим фактором формирования цифровой криминологии, по нашему мнению, является динамичная трансформация криминальных практик соответствующего вида.

Как справедливо отмечает Бажанов С.А. цифровые технологии используются для совершения традиционных преступлений новыми («неклассическими») способами, а также для создания принципиально новых форм противоправной деятельности [6, с. 852].

Указанная динамичная трансформация заставляет криминологию не просто фиксировать факты преступлений, а прогнозировать новые угрозы, изучать цифровую среду как пространство криминальной активности и разрабатывать превентивные меры, учитывающие современные технологические особенности.

Следующим важнейшим фактором возникновения цифровой криминологии выступает появление цифровых следов. В криминологической науке под цифровым следом понимают любую информацию в цифровой форме, которая причинно связана с событием преступления и позволяет установить обстоятельства дела и личность преступника. Это не только очевидные вещи вроде переписки или истории браузера, но и «невидимые» данные [7, с. 336]. Практически любое действие в цифровой среде оставляет следы, которые могут быть использованы как для раскрытия преступлений, так и для их предупреждения.

Также среди факторов формирования цифровой криминологии необходимо отдельно выделить развитие технологий анализа данных. Методы больших данных, машинного обучения и сетевого анализа позволяют выявлять закономерности криминального поведения, недоступные традиционным криминологическим методам. Перечисленные нами факторы требуют адаптации криминологического знания к новым реалиям, что и обусловливает процесс становления цифровой криминологии. На основании проведенного анализа предпосылок формирования цифровой криминологии мы можем обозначить ее объект и предмет.

Объект цифровой криминологии составляют общественные отношения, связанные с совершением, выявлением, расследованием и предупреждением преступлений в цифровой среде.

Предмет цифровой криминологии включает закономерности возникновения, развития и распространения преступности в цифровой среде, а также механизмы ее предупреждения с использованием современных технологий. В предметное поле цифровой криминологии, по мнению ряда ученых криминологов также входят следующие элементы:

изучение специфики личности цифрового преступника;

анализ детерминант киберпреступности;

исследование виктимологических аспектов цифровой преступности;

разработка методов прогнозирования и моделирования криминальных процессов в цифровой среде;

оценка эффективности мер предупреждения и противодействия киберпреступности [8,9].

В научной литературе справедливо отмечается, что цифровая криминология опирается на междисциплинарный подход, интегрируя методы криминологии, социологии, информатики, статистики и кибербезопасности [10].

Ключевыми методологическими инструментами в изучаемом аспекте являются: сетевой анализ (для изучения структуры криминальных сообществ в цифровой среде); анализ больших данных (для выявления закономерностей криминального поведения на основе массивов цифровых следов); машинное обучение и искусственный интеллект (для прогнозирования преступности, выявления аномалий и автоматизированного анализа криминальных паттернов); криминологическое моделирование (для построения сценариев развития криминальных процессов и оценки эффективности профилактических мер). В связи с изложенным среди основных исследовательских задач цифровой криминологии можно выделить следующие: систематизация и классификация видов киберпреступлений с учетом их специфики и степени общественной опасности; разработка типологии цифровых преступников и виктимологических профилей жертв; выявление детерминант цифровой преступности на макро-, мезо- и микроуровнях; создание моделей прогнозирования криминальных рисков в цифровой среде; оценка эффективности существующих мер противодействия киберпреступности и разработку рекомендаций по их совершенствованию.

Выявленные предмет и объект, задачи и особенности цифровой криминологии определяют ее практическое применение и значимость при организации деятельности в сфере предупреждения преступности.

Практическая значимость цифровой криминологии выражается в возможности:

повышения эффективности правоохранительной деятельности за счет использования современных технологий анализа данных;

разработки целевых профилактических программ, ориентированных на наиболее уязвимые группы населения;

формирования научно-обоснованной политики в области кибербезопасности и противодействия цифровой преступности.

По нашему мнению, перспективными направлениями развития цифровой криминологии на современном этапе являются:

интеграция криминологических и технических подходов к изучению цифровой преступности;

развитие международного сотрудничества в области обмена данными и координации усилий по противодействию транснациональной киберпреступности;

внедрение этических стандартов и правовых норм, регулирующих использование технологий анализа данных в криминологических исследованиях.

Таким образом, проведенный в научной статье анализ позволил сделать вывод о том, что цифровая криминология представляет собой актуальное и перспективное направление криминологической науки, отвечающее вызовам современного цифрового общества. Ее становление обусловлено трансформацией криминальной деятельности под влиянием цифровых технологий и необходимостью адаптации криминологического знания к новым условиям. Развитие цифровой криминологии позволит не только глубже понять природу цифровой преступности, но и разработать эффективные меры ее предупреждения и противодействия, что имеет важное значение для обеспечения общественной безопасности в цифровую эпоху.

Список литературы:

[1] Spyropoulos F. New approaches to researching AI crime: Institutionalization of Digital Criminology // Journal of Digital Technologies and Law, 2024, no. 2(3), pp. 636-656.

[2] Шутов К.А., Осипов В.А. Цифровая трансформация и системные вызовы современным уголовно-правовым наукам. Во Всероссийском сборнике научных трудов: Правосозерцание. Липецк, 2026. С. 154-156.

[3] Овчинникова Ю.С. Перспективы цифровой трансформации криминологии: от реактивной науки к предиктивной парадигме // Флагман науки. 2026. № 1 (36). С. 660-662.

[4] Пилюгин И.П. Особенности личности преступника в эпоху цифровых технологий // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 1 (48). С. 97-101.

[5] Аглямова Г.М., Холлиева Д.Н. Роль искусственного интеллекта в совершении и раскрытии преступлений // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2026. № 1 (103). С. 168-176.

[6] Бажанов С.А. Цифровая трансформация преступности и эволюция российской криминологической политики: виктимологические и информационно-аналитические аспекты // Образование и право. 2026. № 2. С. 851-856.

[7] Егорова А.А. Цифровые следы преступника и потенциал их использования в расследовании преступления // Молодой ученый. 2024. № 15 (514). С. 335-338.

[8] Стаценко В.Г. Киберкриминология как область криминологического знания: объект исследования и перпективы развития // Право. Экономика. Психология. 2020. № 3 (19). С. 29-34.

[9] Боталов Н.М. Криминалистическая характеристика личности преступника в цифровой среде: проблемы типологизации. В сборнике: Криминалистический профайлинг в современных реалиях. Материалы Всероссийского круглого стола студентов и молодых учёных. Екатеринбург, 2026. С. 33-46.

[10] Алексеева А.П., Бугера Н.Н. Междисциплинарный подход к изучению цифровых преступлений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. №. 1. С. 47-54.

[11] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июнь 2026 года. Официальный сайт МВД России. Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/91991192/, свободный (дата обращения 24.08.2026).

References:

[1] Spyropoulos F. New approaches to researching AI crime: Institutionalization of Digital Criminology // Journal of Digital Technologies and Law, 2024, no. 2(3), pp. 636-656.

[2] Shutov K.A., Osipov V.A. Digital transformation and systemic challenges to modern criminal law sciences. In the All Russian collection of scientific works: Legal Consciousness. Lipetsk, 2026. pp. 154-156.

[3] Ovchinnikova Y.S. Prospects for the Digital Transformation of Criminology: From Reactive Science to Predictive Paradigm // Flagman of Science. 2026. no. 1 (36). pp. 660-662.

[4] Pilyugin I.P. Features of the Criminal's Personality in the Era of Digital Technologies // Law and Order: History, Theory, Practice. 2026. no. 1 (48). pp. 97-101.

[5] Aglyamova G.M., Khollieva D.N. The Role of Artificial Intelligence in the Commission and Detection of Crimes // Socio Economic and Technical Systems: Research, Design, Optimization. 2026. no. 1 (103). pp. 168-176.

[6] Bazhanov S.A. Digital Transformation of Crime and the Evolution of Russian Criminological Policy: Victimological and Information Analytical Aspects // Education and Law. 2026. No. 2. pp. 851-856.

[7] Egorova A.A. Digital Traces of a Criminal and the Potential for Their Use in Crime Investigation // Young Scientist. 2024. no. 15 (514). pp. 335–338.

[8] Statsenko V.G. Cybercriminology as a field of criminological knowledge: the object of research and prospects for development // Right. Economy. Psychology. 2020. no. 3 (19). pp. 29-34.

[9] Botalov N.M. Forensic Characteristics of the Criminal's Personality in the Digital Environment: Problems of Typologization. In the collection: Forensic Profiling in Modern Realities. Materials of the All Russian Round Table for Students and Young Scientists. Yekaterinburg, 2026. pp. 33-46.

[10] Alekseeva A.P., Bugera N.N. An interdisciplinary approach to the study of digital crimes // Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. no. 1. pp. 47-54.

[11] Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-June 2026. Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Access mode: https://мвд.рф/reports/item/91991192/, free (access date 24.08.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-341-347

ТАРАСОВ Александр Анатольевич,
старший преподаватель Департамента уголовного права, процесса и криминалистики Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ORCID:0000-0078-9276-5211, ResearcherID: T-8912-2023, Scopus AuthorID: 82640173651, e-mail: tarasov.aa@hse.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В ЦИФРОВОЙ СФЕРЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *В статье приведены результаты исследования актуальных проблем уголовно-правового противодействия экономическому обеспечению террористической деятельности в условиях цифровизации и масштабного реформирования отечественного законодательства о виртуальных активах. Автор подвергает критическому анализу положения Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» и смежных законов. Особое внимание уделено вопросам квалификации высокотехнологичных хищений крипто-активов, проблемам преодоления конкуренции имущественных составов преступлений и неправомерного доступа к компьютерной информации в блокчейн-среде. На основе позиций Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ автором предложена научно-теоретическая модель дифференциации режимов обращения цифровых валют и сформулированы конструктивные рекомендации по устранению «серых зон» в переходный период правового регулирования.*

Ключевые слова: *уголовное право, киберпространство, финансирование терроризма, цифровая валюта, Закон № 282-ФЗ, блокчейн, конкуренция составов, методика оценки ущерба.*

TARASOV Aleksandr Anatolyevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Procedure and Criminology, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University)

ECONOMIC FOUNDATIONS OF MODERN TERRORISM IN THE DIGITAL SPHERE: THE CRIMINAL-LEGAL ASPECT OF COUNTERACTION

Annotation. *The article presents the results of a study of current issues related to the criminal-legal counteraction against the economic support of terrorist activities in the context of digitalization and large-scale reform of domestic legislation on virtual assets. The author conducts a critical analysis of the provisions of Federal Law No. 282-FZ dated August 4, 2026, "On Digital Currencies and Digital Rights" and related laws. Special attention is paid to the issues of classifying high-tech thefts of crypto-assets, the problems of overcoming the competition between property-based crime elements, and unlawful access to computer information in a blockchain environment. Based on the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, the author proposes a scientific and theoretical model for differentiating the regimes governing the circulation of digital currencies and formulates constructive recommendations for eliminating "gray zones" during the transitional period of legal regulation.*

Key words: *criminal law, cyberspace, terrorism financing, digital currency, Law No. 282-FZ, blockchain, competition of elements, damage assessment methodology.*

На фоне современных цифровых трансформаций современная уголовно-правовая наука не успевает за темпами развития технологического прогресса и находится в состоянии перманентного системного кризиса. Так, М. А. Кауфман отмечает, что наука "варится в собственном соку" [1]. Кроме того, А. В. Наумов, описывая доктринальный системный кризис, подчеркивал, что "подавляющее большинство публикаций сводится к критике УК РФ, тогда как теоретическая разработка предмета, метода, системы и задач уголовного права остается на обочине" [2, с. 35].

Указанная проблема приобретает ключевое значение в контексте следующих выявленных исследованием современных тенденций: масштабная цифровизация преступности; модификация экономических основ современного терроризма (за счет активного использования децентрализованных крипто-валютных платформ, пришедшего на смену классических банковских инструментов); применение систем искусственного интеллекта при совершении преступлений.

По данным МВД России, за первое полугодие 2026 г. число киберпреступлений сократилось на 30% — до 252,9 тыс. (в 2025 г. составляло 371,4 тыс.), что, по мнению экспертов Минцифры, обусловлено реализацией разработанного ими комплекса превентивных мер «Антифрод 1.0». В основе данного проекта лежит реализация превентивных мер автоматизированной верификации операторами связи трафика, исключающего подменные номерные емкости. Дополнительным барьером для киберпреступников является введение нормативного закрепления права граждан на самозапрет финансовых операций.

По его данным исследователя В. Н. Воронина, в 2025 г. раскрываемость преступлений в сфере цифровых технологий составила 28,9 процентов, что значительно ниже средних показателей по другим категориям противоправных деяний. То есть превентивные технологические барьеры пока не решают фундаментальных проблем уголовно-правового преследования и раскрытия цифровых угроз [4, 5].

По мнению автора, общая криминологическая ситуация осложняется вступлением в силу Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» (далее — Закон № 282-ФЗ) [1]. Данный закон существенно изменил правовой режим цифровых активов. При этом его влияние на уголовно-правовую сферу и квалификацию преступлений еще не осмыслено юридической наукой в полном объеме.

Противодействие финансированию терроризма традиционно рассматривается как элемент единой международной и национальной системы, направленной на противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (ПОД/ФТ). При этом выявление и блокирование финансовых потоков террористических структур осуществляется с помощью тех же правовых и технических механизмов финансового мониторинга, которые применяются для борьбы с легализацией любых преступных капиталов.

Е. А. Милосердова в монографическом исследовании государств БРИКС показывает, что противодействие финансированию терроризма обладает спецификой, требующей выделения в самостоятельную систему мер: криминализацию, профилактику и борьбу, направленную на выявление, пресечение и расследование. Тем не менее наука до сих пор не выработала целостной концепции экономических основ терроризма как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны — не просто финансирования в смысле ст. 205.1 УК РФ, а всей совокупности экономических механизмов, обеспечивающих функционирование террористических структур [7].

Анализ введения законодательных инициатив показывает, что Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 522-ФЗ расширил понятийный аппарат антитеррористического законодательства, включив финансирование экстремистской деятельности и уточнив перечень преступлений террористической направленности [8].

Институциональное развитие контура ПОД/ФТ продолжилось с вступлением в силу Федерального закона от 15 декабря 2025 г. № 462-ФЗ, который расширил основания для замораживания активов лиц, вовлеченных в экстремистскую деятельность, и усовершенствовал процедуру приостановления операций по банковским счетам. Однако подобные регуляторные новеллы носят точечный характер, что не позволяет сформировать целостный межотраслевой механизм противодействия современным высокотехнологичным угрозам [9].

Серьезным вызовом для правоохранительной системы выступает использование криптовалют в целях финансирования террористической деятельности. Такие имманентные свойства криптоактивов, как анонимность (псевдонимность), децентрализация и трансграничный характер, превращают их в эффективный инструмент обхода традиционных институтов финансового мониторинга.

Данная тенденция находит отражение в следственно-судебной практике. Так, в рамках уголовного дела № 1-706/2021, рассмотренного Ленинским районным судом г. Краснодара, был установлен факт использования виртуальных активов для обеспечения деятельности террористической организации, что повлекло квалификацию

содеянного по ст. 205.1 УК РФ.

Дополнительную сложность для правоприменителя представляет последующий оборот криминальных доходов. Долгое время в доктрине и практике дискутировался вопрос о том, образует ли конвертация полученной криптовалюты в фиатные деньги самостоятельный состав легализации (отмывания) денежных средств, поскольку суды неохотно признавали виртуальные токены предметом преступлений против государственной власти и общественной безопасности [10, с. 33]. Перелом наступил в 2025 г., когда Верховный Суд РФ впервые разрешил считать такую конвертацию легализацией (отмыванием) денежных средств, указав, что предметом легализации по ст. 174 и 174.1 УК РФ могут выступать «денежные средства, преобразованные из криптовалюты» [5].

С вступлением в силу Закона № 282-ФЗ цифровая валюта окончательно признана имуществом для всех отраслей законодательства — гражданского, налогового, исполнительного производства и уголовного процесса (ст. 2 Закона № 282-ФЗ; ФЗ № 283-ФЗ, синхронизировавший 16 смежных законов). Это позволяет распространить на крипто-активы механизмы ареста и конфискации в уголовном судопроизводстве, а также признавать их предметом хищения — что Пленум Верховного Суда РФ подтвердил 16 июня 2026 г., включив цифровую валюту в перечень предметов кражи, грабежа и разбоя [11].

По мнению автора, реализуемые шаги важны, но недостаточны. Ключевая проблема состоит в отсутствии концепции «экономической инфраструктуры терроризма» как системы легальных и нелегальных финансовых потоков, обеспечивающих террористическую деятельность. Так, ст. 205.1 УК РФ охватывает лишь финансирование в узком смысле (предоставление или сбор средств), но не адресует сложные многоуровневые схемы: использование крипто-миксеров, децентрализованных бирж, «серых» обменников, благотворительных фондов-прокси. Так, Е. А. Милосердова отмечает, что в декларациях БРИКС прямо указывается на необходимость противодействия использованию криптовалют в террористических целях, но соответствующие составы в УК РФ не конкретизированы. Закон № 282-ФЗ, хотя и создает лицензируемую инфраструктуру обращения цифровых валют, не содержит специальных норм о квалификации использования этой инфраструктуры для целей финансирования терроризма [7].

В этой связи требуется разработка уголовно-правовой модели «экономической инфраструктуры терроризма», включающей криминализацию создания и администрирования цифровых платформ, заведомо предназначенных для перевода средств террористическим организациям; конкретизацию понятия «финансирование» в ст. 205.1 УК РФ с учетом крипто-валютных транзакций; введение ответственности за использование ИИ для автоматизации сбора и распределения средств в интересах террористических структур.

Вступивший в силу 1 сентября 2026 г. (отдельные положения — с 1 июля и 1 сентября 2027 г.) Федеральный закон № 282-ФЗ, создает принципиально новую архитектуру регулирования цифровых активов в России. Можно выделить следующие ключевые изменения, имеющих прямое уголовно-правовое значение.

Так, произошло окончательное признание цифровой валюты имуществом. Ранее криптовалюта признавалась имуществом лишь фрагментарно: для целей банкротства (ст. 213.25 ФЗ № 127-ФЗ) [12], налогообложения (ст. 282.3 НК РФ) и антиотмывочного законодательства (ФЗ № 115-ФЗ) [13]. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 20.01.2026 № 2-П [14] указал, что цифровая валюта обладает имущественным содержанием и может рассматриваться как «иное имущество» по смыслу ст. 128 ГК РФ. Закон № 282-ФЗ устраняет неопределенность: цифровая валюта — имущество для всех отраслей права. При этом в уголовно-процессуальном кодексе закреплен алгоритм ареста криптовалюты (ч. 7.1, 7.2 ст. 115 УПК РФ; ФЗ № 283-ФЗ) [15, 16].

Новый закон юридически закрепил создание лицензируемой инфраструктуры. Все сделки с цифровыми валютами резиденты обязаны совершать через подотчетных Банку России операторов: брокеров, доверительных управляющих и цифровые депозитарии. Прямые P2P-сделки между резидентами внутри страны в соответствии с ч. 1 ст. 30, ст. 31 Закона № 282-ФЗ фактически выводятся в нелегальное поле, за исключением расчетов по внешнеторговым контрактам и распределения результатов майнинга [17].

Нормативно закреплен запрет использования криптовалюты как средства платежа внутри России с ограниченными исключениями: внешнеторговые договоры, майнинг, оплата комиссий внутри блокчейн-сетей, расчеты за ценные бумаги и иные цифровые валюты (ч. 6–7 ст. 1 Закона № 282-ФЗ).

В-четвертых, сформирован правовой институт блокировок транзакций (ст. 21 Закона № 282-ФЗ). Соответствующая норма, вступающая в силу с 1 июля 2027 г., накладывает на кредитные организации императивную обязанность отказывать в проведении платежей в пользу «неуполномоченных получателей» — физических и юридических лиц, осуществляющих оборот цифровых валют без лицензии (разрешения) Банка России. Реестр таких субъектов формируется регулятором в рам-

ках осуществления надзорных функций. Кроме того, блокировке подлежат трансграничные переводы денежных средств, содержащие идентификаторы (маркеры), указывающие на их связь с крипто-валютной деятельностью.

Еще одной ключевой новеллой стало установление правил контроля за использованием автономных цифровых кошельков. Законодательство не вводит запрет на хранение активов на личных счетах пользователей, однако существенно ограничивает возможности трансграничного вывода капитала и совершения операций вне регулируемого отечественного контура. Так, с 1 сентября 2027 г. операции физлиц на сумму свыше 100 тыс. руб. подлежат временной задержке (на 48 часов) для проверки по базе данных о переводах без добровольного согласия (ст. 45 Закона № 282-ФЗ). Дополнительно со 2 мая 2027 г. вводится обязанность резидентов отчитываться перед ФНС РФ о движении средств по иностранным крипто-кошелькам (ч. 2–3 ст. 12.1 ФЗ № 173-ФЗ).

Состоялось закрепление дифференцированной ответственности. В соответствии с положениями смежного Федерального закона № 283-ФЗ предусматривается введение ст. 15.50 КоАП России «административные штрафы» и статьи 171.7 УК России «незаконная организация обращения цифровой валюты» (с санкцией до 7 лет лишения свободы при особо крупном размере от 13,5 млн руб.). Данные нормы вступят в силу с 1 июля 2027 г. Одновременно криминализируется незаконный майнинг, повлекший крупный ущерб (от 3,5 млн руб.).

Несмотря на масштаб проводимой реформы, Федеральный закон «О цифровых валютах и цифровых правах» сохраняет ряд дефектов, порождающих неопределенность в следственно-судебной практике [6].

В числе недостатков следует отметить очевидный разрыв между гражданским и уголовно-правовым статусом "цифровой валюты". Признание ее имуществом при одновременном запрете использования в качестве средства платежа внутри страны порождает парадокс квалификации (противоправное изъятие токенов признается хищением, при этом их оборот в качестве эквивалента стоимости товаров образует состав правонарушения) [14].

Следующим аспектом является неразрешенная конкуренция кибер- и имущественных составов преступлений при несанкционированном завладении закрытым ключом доступа. В частности, существуют противоречия между позицией Пленума Верховного Суда РФ, ориентирующей на исключение ст. 272 УК РФ при отсутствии непосредственного взлома программного обеспечения серверов [11], и особенностями функционирования технического алгоритма работы крипто-валютных сетей. С точки зрения высшей судебной инстанции, если злоумышленник не взламывал программный код и не обходил систему защиты серверов, а просто завладел чужим паролем или закрытым ключом путем обмана, то состава компьютерного преступления по статье 272 УК РФ здесь нет, а имеет место лишь обычное хищение имущества. Однако в архитектуре блокчейна децентрализованная база данных функционирует иначе. У нее в принципе отсутствуют единые сервера. Любая транзакция, совершенная скомпрометированным ключом, мгновенно и необратимо перезаписывает информацию на множестве компьютеров по всей глобальной сети. Возникает правовой тупик, когда формального взлома программного обеспечения не произошло, но само действие по отправке криптовалюты технически привело к несанкционированной модификации компьютерных данных в распределенном реестре, что напрямую подпадает под признаки киберпреступления.

Наряду с этим, отсутствие юридически закрепленной отечественной методологии и признаваемых следствием официальных источников котировок для большинства токенов затрудняет проведение расчета ущерба, вынуждая правоприменителей опираться на вариативные экспертные заключения [4].

К числу оставшихся пробелов следует отнести неурегулированность смарт-контрактов. Так, упоминая алгоритмическое исполнение обязательств, новый закон не определяет правовую природу данных институтов [18]. На фоне отсутствия запретов на использование автоматически создаваемых программ, нет четкого понимания, как наказывать за преступления, совершенные с их помощью. Таким образом, остается открытым вопрос о том, признается ли автоматическое создание кода "деянием" в смысле уголовного закона, и кто подлежит ответственности, если уязвимость в коде использована для хищения или легализации.

Остаются неурегулированными сложности, связанные с субъективностью критериев блокировок транзакций. Так, обязанностью кредитных организаций является блокировка переводов в пользу "неуполномоченных получателей" на основе внутренних, зачастую произвольных комплаенс-процедур банков. Проблемой также выступает существующая временная "серая зона" (10 – месячный разрыв между вступлением в силу материальных запретов и процессуальных санкций по ст. 171.7 УК России), что исключает своевременное привлечение к ответственности лиц, организующих нелегальное обращение криптовалют в этот переходный период [16].

Сохраняются пробелы в процедуре принудительного исполнения. Так, императивный

запрет внутренних P2P-сделок не подкреплен техническими механизмами контроля, а банковский мониторинг фиатных переводов не позволяет идентифицировать прямую передачу активов между некастодиальными кошельками.

Попытка концептуального разрешения выявленных противоречий, равно как и иных смежных пробелов регулирования, предпринята в рамках настоящей работы. Сформулированный по результатам исследования комплекс теоретических положений и практических рекомендаций направлен на преодоление выявленных правоприменительных пробелов.

В целях минимизации межотраслевых коллизий, порожденных принятием Федерального закона от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ, автором предлагается к обсуждению концепция создания научно-теоретической модели, разграничивающей три правовых режима обращения цифровой валюты: легальный (осуществляемый исключительно в рамках верифицированной Банком России инфраструктуры), ограниченно легальный (подразумевающий хранение активов на личных кошельках при условии их декларирования) и противоправный.

Уголовно-правовое преследование в данном контексте должно выступать крайней мерой и связываться исключительно с третьим режимом при обязательном доказывании прямого умысла субъекта на обход установленных запретов. В этой связи обоснованной представляется исследовательская позиция, указывающая на «необходимость синхронизации предупредительных мер и уголовно-правовых барьеров для минимизации рисков использования теневого сегмента цифрового оборота в целях посягательства на общественную безопасность» [19].

Особого внимания требует модернизация подходов к квалификации хищений виртуальных активов, где главным критерием разграничения составов преступлений должен выступать способ завладения имуществом. Представляется целесообразным нормативно закрепить дифференцированный подход, согласно которому неправомерный доступ к средствам управления криптокошельком путем обмана или злоупотребления доверием, т.е. без технического вмешательства в информационную систему, надлежит квалифицировать по ст. 158 либо ст. 159 УК России. Использование вредоносных программ или взлом систем компьютерной защиты требует вменения совокупности преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ и соответствующими нормами об имущественных посягательствах.

Для решения проблемы исчисления размера причиненного ущерба необходима нормативная фиксация межведомственной методологии оценки волатильных активов. Приоритетным источником котировок должны признаваться данные национальных лицензированных операторов. При их отсутствии возможно учитывать усредненные показатели крупнейших международных платформ на момент совершения деяния с автоматической конвертацией по курсу Банка России.

Трансформация преступности актуализировала необходимость нормативно-правового регулирования режима смарт-контрактов. Следует сформировать концепцию уголовной ответственности за использование автономных программных кодов как специфических средств совершения преступлений. При этом объективно определить критерии отнесения транзакций к категории "неуполномоченных получателей" в рамках диспозиции ст. 21 Закона № 282-ФЗ. Т.е. исключить субъективность внутрибанковского контроля за счет нормативного закрепления четких признаков подозрительных операций.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что при высокой эффективности выявления новых технологических вызовов современная уголовно-правовая доктрина зачастую ограничивается фиксацией пробелов законодательства. Это наглядно иллюстрирует обоснованность суждений А. В. Наумова о сужении исследовательского поля до рамок поверхностного комментирования действующих правовых норм [2]. В сложившихся условиях уголовно-правовая наука должна перейти от пассивной фиксации пробелов к конструктивному моделированию опережающих межотраслевых институтов, поскольку в условиях тотальной цифровизации временной ресурс для формирования эффективного контура национальной безопасности объективно ограничен.

Список литературы:

[1] Кауфман М. А. Уголовно-правовая политика и уголовно-правовая доктрина: вместе или порознь? / М. А. Кауфман // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIX Международной научно-практической конференции / под ред. А. И. Рарога. — Москва : Проспект, 2022. — С. 12–17.

[2] Наумов А. В. Вектор современных направлений отечественной доктрины уголовного права (как законодательства, так и его применения) / А. В. Наумов // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 16, № 3. — С. 34–55. — DOI: 10.17323/2072-8166.2023.2.34.55..

[3] Число киберпреступлений за полгода снизилось почти на 120 тыс. : актуальные данные МВД : [официальный сайт] / Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – Москва : Минцифры России, 2026. – URL: https://digital.gov.ru/news/chislo-kiberprestuplenij-za-polgoda-snizilos-pochti-na-120-tys (дата обращения: 11.09.2026).

[4] Воронин В. Н. Актуальные проблемы уголовного права в контексте современных доктринальных поисков / В. Н. Воронин // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21, № 6. — С. 96–106. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.187.6.096-106..

[5] Воронин В. Н. Использование искусственного интеллекта при назначении наказания в зарубежных странах и принцип справедливости / В. Н. Воронин // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2025. — № 5 (129). — С. 137–147. — DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.137-147..

[6] О цифровых валютах и цифровых правах: Федеральный закон от 4 августа 2026 г. № 282-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040007 (дата обращения: 11.09.2026).

[7] Милосердова Е. А. Правовое регулирование противодействия финансированию терроризма в государствах БРИКС : дис. … канд. юрид. наук / Е. А. Милосердова. — Москва : МГИМО, 2026.

[8] Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2024 № 522-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 11.09.2026).

[9] Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и статьи 4.1 и 5.1 Федерального закона «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» : Федеральный закон от 15.12.2025 № 462-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512150027 (дата обращения: 11.09.2026).

[10] Степаненко Д. А. Криптовалюты как предмет и средство совершения преступлений: проблемы квалификации и расследования / Д. А. Степаненко, Я. В. Гармашев // Российский следователь. — 2025. — № 1. — С. 32–35.

[11] О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.06.2026 № 19 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://www.vsrf.ru (дата обращения: 11.09.2026).

[12] Российская Федерация. Законы. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

[13] Российская Федерация. Законы. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма : Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3418.

[14] По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича [Электронный ресурс] : Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601210002 (дата обращения: 11.09.2026).

[15] Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[16] Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 04.08.2026 № 283-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : [сайт]. – URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.09.2026).

[17] Юрков С. А. Уголовная ответственность за использование искусственного интеллекта в преступных целях / С. А. Юрков, С. А. Опалева // Вестник социальных наук и педагогики. — 2025. — № 1 (12). — С. 54–60.

[18] Русскевич Е. А. Цифровизация уголовного законодательства: непростые последствия простых решений / Е. А. Русскевич // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2025. — № 5 (129). — С. 26–33. — DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.026-033..

[19] Тарасов А. А. Противодействие цифровому мошенничеству и вовлечению в терроризм: уголовно-правовые и криминологические проблемы и перспективы / А. А. Тарасов // Право и управление. — 2026. — № 8. — С. 28–35.

References:

[1] Kaufman M.A. Criminal law policy and criminal law doctrine: together or separately? / M.A. Kaufman // Criminal law: development strategy in the XXI century: materials of the XIX International Scientific and Practical Conference / ed. A.I. Raroga. - Moscow: Prospect, 2022. - S. 12-17.

[2] Naumov A. V. Vector of modern directions of the domestic doctrine of criminal law (both legislation and its application) / A.V. Naumov // Law. Journal of

the Higher School of Economics. — 2023. - T. 16, NO. 3. - S. 34-55. — DOI: 10.17323/2072-8166.2023.2.34.55..

[3] The number of cybercrimes in six months decreased by almost 120 thousand: current data from the Ministry of Internal Affairs: [official website] / Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. - Moscow: Ministry of Digital Industry of Russia, 2026. – URL: https://digital.gov.ru/news/chislo-kiberprestuplenij-za-polgoda-snizilos-pochtina-120-tys (дата обращения: 11.09.2026).

[4] Voronin V.N. Actual problems of criminal law in the context of modern doctrinal searches / V.N. Voronin // Actual problems of Russian law. — 2026. - T. 21, NO. 6. - S. 96-106. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.187.6.096-106..

[5] Voronin V.N. The use of artificial intelligence in sentencing in foreign countries and the principle of justice/V.N. Voronin // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). — 2025. — № 5 (129). - S. 137-147. — DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.137-147..

[6] On digital currencies and digital rights: Federal Law No. 282-FZ of August 4, 2026 // Official Internet portal of legal information. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040007 (access date: 11.09.2026).

[7] Miloserdova E. A. Legal regulation of countering the financing of terrorism in the BRICS states: dis.... cand. jurid. Sciences / E. A. Miloserdova. - Moscow: MGIMO, 2026.

[8] Russian Federation. Laws. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 28.12.2024 No. 522-FZ // Official Internet portal of legal information: [website]. - URL: pravo.gov.ru (access date: 11.09.2026).

[9] Russian Federation. Laws. On amendments to the Federal Law "On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" and Articles 4.1 and 5.1 of the Federal Law "On Special Economic Measures and Coercive Measures": Federal Law No. 15.12.2025 of 462-FZ // Official Internet portal of legal information: [website]. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202512150027 (access date: 11.09.2026).

[10] Stepanenko D.A. Cryptocurrencies as an object and means of committing crimes: problems of qualification and investigation / D.A. Stepanenko, Y. V. Garmashev // Russian investigator. — 2025. — № 1. - S. 32-35.

[11] On amendments to the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 "On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery": Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.06.2026 No. 19 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. - URL: https://www.vsrf.ru (access date: 11.09.2026).

[12] Russian Federation. Laws. On insolvency (bankruptcy): Federal Law of 26.10.2002 No. 127-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 43. - Art. 4190.

[13] Russian Federation. Laws. On combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Federal Law No. 07.08.2001 of 115-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. - No. 33 (part I). - Art. 3418.

[14] In the case of checking the constitutionality of Part 6 of Article 14 of the Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen Timchenko Dmitry Igorevich [Electronic Resource]: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.01.2026 No. 2-P // Official Internet portal of legal information: [website]. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601210002 (accessed on: 11.09.2026).

[15] Russian Federation. Laws. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of 18.12.2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. - No. 52 (part I). - Art. 4921.

[16] Russian Federation. Laws. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 04.08.2026 No. 283-FZ // Official Internet portal of legal information: [website]. - URL: http://publication.pravo.gov.ru (access date: 11.09.2026).

[17] Yurkov S. A. Criminal liability for the use of artificial intelligence for criminal purposes / S. A. Yurkov, S. A. Opaleva // Bulletin of Social Sciences and Pedagogy. — 2025. — № 1 (12). - S. 54-60.

[18] Russkevich E. A. Digitalization of criminal legislation: the difficult consequences of simple decisions / E. A. Russkevich // Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (MSLA). — 2025. — № 5 (129). - S. 26-33. — DOI: 10.17803/2311-5998.2025.129.5.026-033..

[19] Tarasov A. A. Countering digital fraud and involvement in terrorism: criminal law and criminological problems and prospects / A. A. Tarasov // Law and management. — 2026. — № 8. - S. 28-35.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-348-353

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ФКУ научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Вадимовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Псковский филиал Университета ФСИН России,
e-mail: olga-leshh@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ И ОСОБЕННОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИСПРАВИТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Аннотация. *Целью исследования выбраны цифровые права осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и способы их реализации в условиях трансформации деятельности уголовно-исполнительной системы России. Современная цифровая эпоха стремительно меняет способы взаимодействия человека с информацией, государством и обществом в целом. В таких условиях защита цифровых прав граждан становится одной из ключевых задач как национальных правовых систем, так и международного сообщества. Изучение цифровых прав осужденных имеет свои особенности, в том числе отдельные самостоятельные направления реализации. Национальное законодательство и международные стандарты, регулирующие цифровые права, направлены не только на обеспечение баланса между свободой использования цифровых технологий, но и на необходимость защиты личных данных, информационной безопасности, противодействием злоупотреблениям в цифровой среде. Базовым нормативным документом в сфере реализации цифровых прав осужденных, в том числе несовершеннолетних, является Конституция Российской Федерации. Среди специализированных законов применяются федеральные законы от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Кроме того, права и ограничения, установленные Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, а также правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, установленные приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110. Для достижения указанной цели использовались основы диалектики, всесторонности, методы логического познания (общеправовые и частноправовые): анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение, аналогия, обобщение. Авторами рассматриваются основные категории цифровых прав осужденных, структурировать которые стало возможным на основе действующих законов, указанных выше. Исследуемая тема является недостаточно изученной учеными и практиками несмотря на ее актуальность в современных условиях развития информационных технологий и их реализации в деятельности уголовно-исполнительной системы России. На национальном уровне наша страна принимает законы, направленные на регулирование вопросов цифровых прав граждан, исходя из сложившихся юридических традиций и технологий развития. При этом в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации не содержатся нормы, регламентирующие доступ осужденных к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Авторы приходят к умозаключению о том, что целесообразно повышать цифровую грамотность, которая позволяет осужденным не только качественно пользоваться информационными технологиями, но и защищать свои права с их применением. Также предлагается дополнить уголовно-исполнительное законодательство, в частности Уголовно-исполнительный кодекс РФ и приказ Министерства юстиции РФ от 04.07.2022 № 110 положениями, расширяющие права осужденных в области доступа в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».*

Ключевые слова: *информационные технологии, информационное пространство, цифровая грамотность, осужденные, несовершеннолетние, цифровая среда, цифровое право, уголовно-исполнительная система, ФСИН России.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences, Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research Institute Federal Penitentiary Service of Russia

MELNIKOVA Olga Vadimovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia

MAIN CATEGORIES OF DIGITAL RIGHTS OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT AND PECULIARITIES OF THEIR IMPLEMENTATION IN A CORRECTIONAL INSTITUTION

Annotation. *The purpose of the study was to select the digital rights of convicts serving sentences in places of deprivation of liberty, and ways to implement them in the context of the transformation of the activities of the penitentiary system of Russia. The modern digital age is rapidly changing the way people interact with information, the state and society as a whole. In such conditions, the protection of the digital rights of citizens is becoming one of the key tasks of both national legal systems and the international community. The study of the digital rights of convicts has its own characteristics, including separate independent areas of implementation.*

National legislation and international standards governing digital rights are aimed not only at balancing the freedom to use digital technologies, but also at the need to protect personal data, information security, and counter abuse in the digital environment. The basic regulatory document in the field of the implementation of the digital rights of convicts, including minors, is the Constitution of the Russian Federation. Among specialized laws, federal laws of July 27, 2006 № 152-FZ "On Personal Data," dated December 29, 2010 № 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development" are applied. In addition, the rights and restrictions established by the Criminal Executive Code of the Russian Federation, as well as the internal regulations of correctional institutions, established by order of the Ministry of Justice of Russia of 04.07.2022 № 110. To achieve this goal, the foundations of dialectics, comprehensiveness, methods of logical cognition (general and private law) were used: analysis, synthesis, deduction, induction, comparison, analogy, generalization. The authors consider the main categories of digital rights of convicts, which have become possible to structure on the basis of the current laws mentioned above. Note that the topic under study is insufficiently studied by scientists and practitioners despite its relevance in modern conditions of the development of information technologies and their implementation in the activities of the penitentiary system of Russia. At the national level, our country adopts laws aimed at regulating the issues of digital rights of citizens, based on the prevailing legal traditions and development technologies. At the same time, the Criminal Executive Code of the Russian Federation does not contain norms governing the access of convicts to the information and telecommunication network "Internet."The authors come to the conclusion that it is advisable to increase digital literacy, which allows convicts not only to use information technologies with high quality, but also to protect their rights with their use. It is also proposed to supplement the penal legislation, in particular the Criminal Executive Code of the Russian Federation and the order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of 04.07.2022 No. 110, with provisions expanding the rights of convicts in the field of access to the Internet information and telecommunication network.

Key words: *information technology, information space, digital literacy, convicts, minors, digital environment, digital law, penal system, Federal Penitentiary Service of Russia.*

Введение. В современном мире цифровые технологии не только трансформируют экономику и социальные отношения, но и становятся неотъемлемой частью повседневной жизни каждого человека. В связи с этим возрастает значимость понятия цифровых прав граждан, в том числе осужденных к лишению свободы [1, с. 155].

Под цифровыми правами авторами будет пониматься комплекс прав и свобод, которые обеспечивают пользователям возможность свободно и безопасно взаимодействовать в цифровом пространстве.

Цифровые права охватывают широкий спектр вопросов: от защиты персональных данных и приватности до доступа к интернету, свободы выражения мнений в сети и безопасности информационных систем. Понимание и соблюдение этих прав становится ключевым фактором, определяющим уровень цифровой грамотности общества и качество жизни в эпоху информационного общества [2, с. 250].

Цифровые права осужденных могут рассматриваться как развитие традиционных прав человека с учетом соблюдения режима содержания в исправительном учреждении, а также новых вызовов и возможностей, появившихся с распространением интернета и цифровых технологий в современном мире.

Если ранее права и свободы ограничивались физическим пространством, то сегодня они распространяются и на виртуальное пространство, открывая новые формы взаимодействия и коммуникации, но одновременно ставя перед людьми новые риски и вызовы [3, с. 13]. Это требует разработки специальных законодательных норм и технологий для обеспечения надежной защиты цифровой приватности, а также полноценной реализации цифровых прав осужденных в условиях изоляции от общества.

Методы и принципы исследования. Методологическую основу изучения основных категорий цифровых прав осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, а также особенностей их реализации в условиях исправительного учреждения, составили основы диалектики, всесторонности, методы логического познания (общеправовые и частноправовые): анализ, синтез, дедукция, индукция, сравнение, аналогия, обобщение.

Основные результаты. В современных условиях развития и трансформации деятельности уголовно-исполнительной системы Российского государства понятие «цифровые права осужденных» приобретает особую значимость, поскольку информационные технологии проникают в деятельность Федеральной службы исполнения наказаний уже достаточно давно и требуют пересмотра существующих подходов к пониманию их сущности и правоприменению [4, с. 14].

Цифровые права осужденных - это совокупность прав и свобод, которые обеспечивают лицам, отбывающим наказания в виде лишения свободы, возможность защищенно, свободно и эффективно пользоваться цифровыми технологиями и интернет-пространством. В этом контексте рассмотрим несколько основных категорий цифровых прав, обеспечивающих баланс между свободой, безопасностью и ответственностью осужденных [5, с. 26]. При этом основой предлагаемых авторами характеристик категорий цифровых прав осужденных будут являться цифровые права, присущие всем гражданам нашей страны.

Первая и основная категория охватывает право на доступ к цифровым технологиям и интернету.

В современном мире доступ к сети является необходимым условием для участия в экономической, социальной и культурной жизни. Это право подразумевает не только физический доступ, то есть наличие необходимого оборудования и подключения, но и равные возможности использования интернет-ресурсов без дискриминации и необоснованных ограничений. Государство и институты гражданского общества должны стремиться обеспечивать инфраструктуру, минимизировать цифровое неравенство и создавать условия для инклюзивного доступа, учитывая социально-экономические, географические и культурные особенности.

Вторая категория связана с правом на информационную безопасность и защиту персональных данных. В эпоху повсеместного сбора, обработки и хранения цифровой информации критически важным становится право граждан сохранять конфиденциальность своих данных и контролировать их использование [6, с. 78; 7, с. 25]. Это включает возможность ознакомления с тем, какие данные собираются, с какой целью они используются, а также право на исправление или удаление личной информации. Защита от несанкционированного доступа, кибератак, мошенничества и злоупотреблений - неотъемлемая часть данного права. Законодательство в этой сфере направлено на установление строгих правил обработки персональных данных и обеспечение прозрачности деятельности организаций и государственных структур.

Третьей значимой категорией является право на свободу выражения в цифровом пространстве. Интернет стал мощным инструментом для обмена мнениями, творческого самовыражения и участия в общественно-политической жизни. Гарантия свободы слова в цифровой среде предполагает возможность выражать свои убеждения, получать и распространять информацию без цензуры или необоснованных ограничений. Однако

это право требует сбалансированного регулирования с учетом необходимости предотвращения распространения дезинформации, кибербуллинга, разжигания ненависти и иных форм вредоносного контента. Вызов заключается в том, чтобы защитить свободу слова, не ущемляя права других пользователей и соблюдая нормы права.

Четвертая категория - право на цифровое образование и повышение цифровой грамотности. Понимание основ работы с информационными технологиями, навыки критического мышления при использовании интернета и умение защищать себя от угроз в сети становятся жизненно необходимыми компетенциями. Государство и образовательные учреждения должны обеспечивать обучение осужденных навыкам безопасного и эффективного использования цифровых ресурсов, а также содействовать развитию инфраструктуры для получения цифровых знаний [8, с. 257]. Это право связано с концепцией всеобъемлющего участия в цифровой экономике и культурном обмене.

Пятая категория касается права на цифровую идентичность и управление ею. В цифровом пространстве пользователь представлен своими цифровыми профилями, учетными записями и онлайн-персонами, которые требуют защиты от подделок, кражи или злоупотребления. Право на управление собственной цифровой идентичностью включает возможность контролировать, каким образом пользователь представлен в сети, кто и как может использовать эту информацию, а также обеспечение безопасности онлайн-коммуникаций и транзакций. Развитие технологий блокчейн и систем аутентификации способствует усилению этого права, предоставляя гражданам инструменты для безопасного взаимодействия в интернете.

Наконец, важной категорией является право на участие в цифровом управлении и принятии решений, касающихся цифровой среды. Современные технологии открывают новые возможности для взаимодействия граждан с органами власти через электронное правительство, платформы обратной связи, общественные инициативы и голосования [9, с. 260]. Это право означает возможность влиять на формирование правил и политик в области информационных технологий, участвовать в обсуждении вопросов цифровой этики, безопасности и развития инфраструктуры. Активное гражданское участие способствует устойчивому развитию цифрового общества и учитывает интересы различных групп населения.

Таким образом, основные категории цифровых прав граждан должны формировать комплексную систему, способствующую обеспечению безопасности, свободного доступа, равноправия и развития личности в информационном пространстве. При этом они должны отражать многогранные аспекты цифровой жизни и требуют постоянного внимания со стороны государства, общества и самих пользователей для адекватного реагирования на вызовы, возникающие с развитием технологий. Только путем гармоничного сочетания этих прав возможно создание инклюзивного, справедливого и безопасного цифрового общества, отвечающего потребностям каждого гражданина.

Однако, в условиях изоляции от общества осужденные не могут в полной мере реализовать свои цифровые права, которые гарантированы Конституцией Российской Федерации (ст. 29).

Во-первых, их специальные цифровые права ограничены уголовно-исполнительными запретами на использование технических средств (ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса РФ). За исключением технических устройств для чтения электронных книг (для слабовидящих и слепых осужденных, а также устройств для прослушивания аудиокниг). При этом данные устройства не должны иметь функции аудио-, видеозаписи и видеовоспроизведения, а также функции выхода в интернет.

Во-вторых, установленные запреты, в том числе в части использования технических устройств для выхода в информационно-коммуникационную сеть «Интернет», согласно позиции Конституционного суда, являются допустимыми и обоснованными, так как они связаны с необходимостью обеспечения безопасности лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и способствуют предупреждению совершения новых преступлений.

Отсутствие доступа осужденных к Интернету в современном мире воспринимается как очень серьезное ограничение. Однако, Верховный суд Российской Федерации не поддержал наделение осужденных ограниченным и контролируемым доступом к интернету. Послаблений режима содержания лиц, осужденных к лишению свободы, в ближайшее время не ожидается [10].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах:

«Право, общество, государство: системные основы взаимодействия и развития» (2024 г.) и «Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук» (2025 г.), проведенных в Московском областном филиале Московского университета МВД России с докладами на темы: «Профилактика противоправного поведения среди несовершеннолетних, осужденным к лишению свободы и без изоляции от общества» (2024 г.), «К вопросу подростковой преступности и особенностях ее профилактики в современных условиях» (2024 г.), «Правосознание и возможные формы его

деформации в условиях развития информационного пространства» (2025 г.) ;

«Уголовно-исполнительная система: история и современность», проведенного в Псковском филиале Университета ФСИН России (г. Псков, 17-18 апреля 2025 г.) с докладом на тему: «Информационные технологии в профилактике повторных преступлений среди осужденных к наказаниям без изоляции от общества».

Заключение. Проведенное исследование позволило прийти к выводам о том, что важным аспектом реализации цифровых прав осужденных в условиях развития уголовно-исполнительной системы нашего государства является обеспечение доступа к интернету как базового условия для реализации многих других прав и свобод.

Сегодня информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» выступает как платформа для получения информации, образования, участия в общественной и политической жизни, а значит, ограничение доступа к ней может привести не только к социальной изоляции, но и нарушению фундаментальных прав человека. В этом контексте цифровая грамотность осужденных становится неотъемлемой составляющей образования, позволяющей им не только пользоваться цифровыми технологиями, но и защищать свои права с использованием информационных ресурсов, критически воспринимать информацию, а также грамотно управлять своими данными.

Для реализации цифровых прав осужденных к лишению свободы в условиях изоляции от общества предлагаем дополнить уголовно-исполнительное законодательство, в частности Уголовно-исполнительный кодекс РФ и приказ Министерства юстиции РФ от 04.07.2022 № 110 положениями, содержащими права осужденных на доступ в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», в том числе с использованием технических устройств.

Для реализации данного предложения считаем целесообразным Федеральной службе исполнения наказаний создать единый сервер для доступа осужденных к сайтам федеральных органов государственной власти, правовых систем, образовательных платформ, библиотек, центров занятости населения в виде закрытой сети, используя для входа в интернет индивидуальных логина и пароля. При этом администрацией исправительного учреждения необходимо обеспечить надлежащий контроль всех действий осужденного в сети [11]. Перечень информации, которая будет доступна осужденным предварительно согласовывается ФСИН России с уполномоченным органом в сфере образования [12].

Список литературы:

[1] Ковалев О.Г. Применение современных информационных и цифровых технологий при исполнении наказаний без изоляции осужденных от общества // Российский научный вестник. 2025. № 3. С. 155-160.

[2] Ковалев О.Г. Использование современных цифровых и информационных технологий при осуществлении пробации учреждениями и органами УИС: опыт и перспективы // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 249-255.

[3] Соколова С.А., Олейник Д.А., Ратушняк А.Л. Цифровые права осужденных: доступ к информации и защита персональных данных в условиях пенитенциарных учреждений // Полицейская и следственная деятельность. 2026. № 1. С. 12-23.

[4] Ковалев О.Г., Багнычев М.Ю. Особенности реализации цифровой трансформации в уголовно-исполнительной системе на современном этапе ее развития // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 4. С. 13-17.

[5] Ковалев О.Г., Вилкова А.В., Швырев Б.А. Методология формирования знаний об информационной и компьютерной безопасности учреждений УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 4. С. 25-27.

[6] Ковалев О.Г. Обеспечение информационной и компьютерной безопасности учреждений и органов УИС в условиях цифровой трансформации и научно-технического развития уголовно-исполнительной системы // В сборнике: Актуальные вопросы информатизации Федеральной службы исполнения наказаний. Сборник материалов IV круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения Владимира Савельевича Харичева. Тверь, 2022. С. 78-84.

[7] Ковалев О.Г. Современные проблемы использования цифровых технологий и инноваций при обеспечении пенитенциарной безопасности // Право и образование. 2024. № 5. С. 22-28.

[8] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Влияние цифровых технологий на противоправное поведение осужденных молодежного возраста // Российский научный вестник. 2025. № 4. С. 255-261.

[9] Мельникова О.В. Искусственный интеллект и цифровая трансформация деятельности уголовно-исполнительной системы // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия: Материалы научно-практической конференции с международным участием, Псков, 11–12 ноября 2021 года. Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2022. С. 260-265.

[10] ВС не усмотрел дискриминации в запрете заключенным пользоваться Интернетом // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-ne-usmotrel-diskriminatsii-v-zaprete-zaklyuchennym-polzovatsya-internetom/ (дата об-

ращения: 02.05.2026).

[11] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[12] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

References:

[1] Kovalev O.G. The use of modern information and digital technologies in the execution of sentences without isolating convicts from society // Russian Scientific Bulletin. 2025. № 3. pp. 155-160.

[2] Kovalev O.G. The use of modern digital and information technologies in the implementation of probation by institutions and bodies of the penal system: experience and prospects // Russian Scientific Bulletin. 2025. № 1. pp. 249-255.

[3] Sokolova S.A., Oleinik D.A., Ratushnyak A.L. Digital rights of convicts: access to information and protection of personal data in prison settings // Police and investigative activities. 2026. № 1. pp. 12-23.

[4] Kovalev O.G., Bagnychev M.Yu. Features of the implementation of digital transformation in the penal system at the present stage of its development // Penal system: law, economics, management. 2023. № 4. pp. 13-17.

[5] Kovalev O.G., Vilkova A.V., Shvyrev B.A. Methodology for the formation of knowledge about the information and computer security of penal institutions // Penal system: law, economics, management. 2022. № 4. pp. 25-27.

[6] Kovalev O.G. Ensuring information and computer security of institutions and bodies of the penal system in the context of digital transformation and scientific and technical development of the penal system // In the collection: Actual issues of informatization of the Federal Penitentiary Service. Collection of materials of the IV round table dedicated to the 100th anniversary of the birth of Vladimir Savelyevich Kharichev. Tver, 2022. pp. 78-84.

[7] Kovalev O.G. Modern problems of using digital technologies and innovations in ensuring penitentiary security // Law and education. 2024. № 5. pp. 22-28.

[8] Kovalev O.G., Melnikova O.V. The influence of digital technologies on the unlawful behavior of convicts of youth age // Russian Scientific Bulletin. 2025. № 4. pp. 255-261.

[9] Melnikova O.V. Artificial intelligence and digital transformation of the activities of the penitentiary system // Law enforcement agencies of Russia: problems of formation and interaction: Materials of a scientific and practical conference with international participation, Pskov, November 11-12, 2021. Pskov: Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. pp. 260-265.

[10] The Supreme Court did not see discrimination in the prohibition of prisoners to use the Internet // Lawyer newspaper. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-ne-usmotrel-diskriminatsii-v-zaprete-zaklyuchennym-polzovatsya-internetom/ (access date: 02.05.2026).

[11] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[12] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-354-360

СТАРИКОВА Мария Константиновна,
старший преподаватель кафедры трудового и экологического права, Юридический институт Сибирский федеральный университет, г. Красноярск,
e-mail: mstarikova@sfu-kras.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГИБРИДНОЙ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *Предметом исследования является гибридная занятость и возникающие в связи с данным форматом работы проблемы. В статье анализируются доктринальные источники, подтверждающие правовые проблемы, возникающие у работников, в связи с выполнением своей трудовой функцией. В статье исследуются актуальные вопросы по совершенствованию правового регулирования гибридной формы занятости в Российской Федерации, которая предполагает чередование периодов выполнения трудовой функции дистанционно и на стационарном рабочем месте в офисе работодателя. Автор аргументирует возможность данного формата работы, но также указывает на правовые проблемы, которые могут возникать. Таковыми являются сложность учета рабочего времени и фиксации переработок; недостаточную урегулированность вопросов охраны труда при выполнении работы вне офиса; -риски дискриминации работников, осуществляющих трудовую деятельность в дистанционном формате; отсутствие единых требований к оформлению условий гибридной занятости. Проведен анализ действующего трудового законодательства РФ, проанализированы классификации видов дистанционной работы, а также приведена концепция Дж. Ниллеса, которая заложила основу для регулирования дистанционной работы. Особое внимание уделено выявлению ключевых проблем правового регулирования, включая вопросы учета рабочего времени, разграничения рабочего и нерабочего времени, порядка взаимодействия работодателя и работника. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования гибридной занятости. В частности, закрепление минимальных стандартов организации гибридной работы; -развитие механизмов цифрового учета рабочего времени; -введение дополнительных гарантий работников, в том числе права на отключение; уточнение порядка компенсации расходов работников. Кроме того, автором обоснована необходимость закрепления дополнительных гарантий работников, развития цифровых механизмов учета рабочего времени и уточнения порядка взаимодействия сторон трудовых отношений.*

Ключевые слова: *дистанционная работа, гибридная занятость, цифровизация трудовых отношений, режим рабочего времени.*

STARIKOVA Mariia Konstantinovna,
Senior lecturer of the Department of Labor and Environmental Law, Law institute Siberian federal university, Krasnoyarsk

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE HYBRID FORM OF EMPLOYMENT IN THE CONTEXT OF THE DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

Annotation. *The subject of the study is hybrid employment and the problems that arise in connection with this format of work. The article analyzes the doctrinal sources confirming the legal problems that arise among employees in connection with the performance of their work function. The article examines current issues of improving the legal regulation of hybrid forms of employment in the Russian Federation, which involves alternating periods of performing a work function remotely and at a stationary workplace in the*

employer's office. The author argues for the possibility of this format of work, but also points out the legal problems that may arise. These include the difficulty of accounting for working hours and recording overwork; insufficient regulation of labor protection issues when working outside the office; -risks of discrimination against employees who work remotely; lack of uniform requirements for the design of hybrid employment conditions. The analysis of the current labor legislation of the Russian Federation is carried out, classifications of types of remote work are analyzed, and the concept of J. P. Blavatsky is presented. Niles, who laid the foundation for regulating remote work. Special attention is paid to identifying key issues of legal regulation, including issues of accounting for working hours, the distinction between working and non-working hours, and the order of interaction between an employer and an employee. Proposals have been formulated to improve the legal regulation of hybrid employment. In particular, the consolidation of minimum standards for the organization of hybrid work; -development of digital time tracking mechanisms; -introduction of additional guarantees for employees, including the right to disconnect; clarification of the procedure for compensation of employees' expenses. In addition, the author substantiates the need to consolidate additional guarantees for employees, develop digital mechanisms for recording working hours and clarify the procedure for interaction between the parties to an employment relationship.

Key words: *remote work, hybrid employment, digitalization of labor relations, working hours.*

Введение

Современный этап развития экономики характеризуется активным внедрением цифровых технологий во все сферы общественной жизни, включая сферу труда. Цифровизация способствует трансформации традиционных форм занятости и формированию новых моделей организации трудовых отношений. Одной из таких моделей является гибридная форма занятости, подразумевающая чередование периодов выполнения трудовой функции дистанционно и на стационарном рабочем месте работодателя.

В последние годы гибридная занятость получила широкое распространение как в Российской Федерации, так и за рубежом. Данный формат работы позволяет работодателям оптимизировать производственные процессы, а работникам более гибко организовывать свое рабочее время. Вместе с тем, стремительное развитие гибридной занятости опережает темпы ее нормативного регулирования, что приводит к возникновению правовой и практических трудностей в сфере применения трудового законодательства.

В настоящее время в ТК РФ введена глава 49.1, посвященная некоторым особенностям регулирования дистанционной работы в РФ, однако вопросы, связанные с сочетанием дистанционного и очного труда, остаются недостаточно урегулированными. Так, появляются вопросы, регулирующие рабочее время работника, работающего при гибридной форме, время выхода на стационарное рабочее место, а также в сложностях разграничения рабочего и нерабочего времени при использовании цифровых средств коммуникации, поскольку такой работник не тратит время на дорогу до офиса и обратно. Тем самым, он может больше времени уделять выполнению своих трудовых обязанностей. Указанные обстоятельства нередко становятся причиной возникновения трудовых споров и снижения уровня правовой защищенности участников трудовых отношений, поскольку гибридная занятость уже стала устойчивым элементом современного рынка труда.

Основное исследование

В связи с цифровизацией, а также стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий на сфере занятости, многие ученые, а также исследователи отразили в своих научных трудах основные проблемы, которые проявляются при трудоустройстве на дистанционный трудовой договор. Различные аспекты механизма работы виртуального рынка труда были рассмотрены такими российскими учеными как Васильева Ю. В., Касьянова Г. Ю., Орловский Ю. П., а также американским ученым Джеком Ниллесом.

Динамичное развитие цифровых технологий, внедрение и активное использование гражданами сети-Интернет, позволяют круглосуточно получать актуальные вакансии на современном рынке труда, путем использования общероссийской базы вакансий «Работа России», а также возможности трудоустройства работника, проживающего в другом городе и не появляющегося на территории работодателя, обусловили необходимость урегулирования дистанционной (удалённой) занятости, а также привели к предпосылке возникновения такой формы занятости, как дистанционная работа.

Все эти факторы существенно упростили возможность дистанционного общения между работодателем и работниками в различных сферах деятельности, а также доказали, что с помощью средств телекоммуникаций трудовые отношения представляются возможными [1].

Так, в законодательстве о внесении изменений в Трудовой кодекс цитируется понятие, предложенное А.В. Слеповым: «под удаленной

работой понимается выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), а также вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя» [2].

Теперь, следует детально рассмотреть дистанционную работу как нетипичную форму занятости, которая в своё время появилась относительно недавно. Многие исследователи связывают активное внедрение и закрепление дистанционного формата труда, в связи с пандемией 2020 года-Covid-19. Так, Логинов М.Д. и Лопатина М.Д. в своей работе отражают, что важной практикой адаптации рынка труда в условиях активного распространения коронавирусной инфекции, выступил массовый перевод большинства работников на дистанционную работу, который до введения карантина действовал лишь в некоторых компаниях [3]. Определение «удаленной работы» введено в ТК РФ 1 января 2021 года в связи с внесением изменений в вопросе регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода сотрудника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях. Термин удаленной работы закреплен в гл. 49.1 ТК РФ. Данная глава подробно регулирует особенности работы дистанционных работников.

Дистанционный труд как нетипичная форма занятости в Российской Федерации появилась относительно недавно вместе с динамичным развитием информационно-коммуникационных технологий.

В зарубежных странах используется понятие телеработа или теледоступ (telework, telecommuting), который обозначает удаленную занятость.

Впервые понятие телеработа (дистанционная работа) зародилось еще в 1972 году в США. Основоположником термина - удаленная работа или дистанционная работа, является физик-инженер Джек Мэирс Ниллес. Смысл его концепции такова, что «сотрудникам не требуется находиться весь день в офисе, поскольку связь с ними можно держать с помощью современных средств коммуникации». В своей одноименной книге «Управление удаленной работой» Дж. Ниллес проиллюстрировал, что удаленная работа, несомненно, является корпоративной волной будущего на глобальном уровне, а также провел эксперимент, на базе университета Южной Калифорнии, доказывающие преимущества работы вне офиса, как правило дома.

По мнению автора А. А. Малышева, эволюция практики удаленной работы заключается в постепенном переходе от разрозненных теоретических экспериментов и вынужденных мер к массовому, законодательно урегулированному и экономически выгодному формату занятости, который становится полноценной альтернативой офисной работе [4].

В отличие от дистанционной (удаленной) работы, которая в российском законодательстве легально закреплена в главе 49.1 ТК РФ и предполагает выполнение трудовой функции вне стационарного рабочего места, которое определено и оборудовано работодателем, гибридная занятость не отменяет офисного присутствия, а предполагает его осознанное чередование с удаленными форматами. Если удаленная работа в ее «чистом» виде является альтернативой офисной работы, то гибридная — это синтез того и другого.

В отличие от фриланса, который, как отмечал А. А. Малышев, характеризуется отсутствием трудового договора, самостоятельной организацией труда и выполнением работ индивидуально без привлечения наемного труда, гибридная занятость предполагает сохранение трудовых отношений с работодателем, включенность в организационную иерархию и подчинение корпоративным регламентам.

В отличие от смешанной занятости, под которой в литературе понимается сочетание различных форм трудовой деятельности (например, наемного труда и предпринимательства), гибридная занятость относится к организационному формату выполнения работы в рамках единых трудовых отношений.

Проведённое исследование, опирающееся на разработанные концептологические основания, позволяет сформулировать ряд теоретических выводов и обозначить практические ориентиры для организаций, внедряющих гибридную форму занятости.

Значительное развитие правового регулирования дистанционной (удалённой) работы в Российской Федерации связано с принятием Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ, которым были внесены комплексные изменения в трудовое законодательство, ориентированные на адаптацию правовых норм к условиям цифровизации экономики и трансформации трудовых отношений.

Так, анализ теоретических положений концепта «дистанционной работы» позволяет акцентировать, что с точки зрения социологии, труд представляет собой целенаправленную деятельность человека, направленную на создание материальных и духовных благ, а также оказание услуг, необходимых для удовлетворения потребностей общества [5].

Стремительное развитие дистанционной занятости началось в начале 2020 года, в связи

с масштабным введением ограничений, которое вызвано пандемией коронавирусной инфекции Covid-19. Именно, в данный период времени масштабная часть работников различных организаций была переведена на дистанционный режим работы.

После завершения пандемии многие работодатели вернулись к традиционным формам занятости, что было обусловлено сложностями перестройки производственных процессов и контроля за выполнением трудовых функций [6].

Собственно, дистанционная работа – это форма занятости, при которой работник, осуществляет свои трудовые обязанности за пределами офиса организации, используя информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть–Интернет, а также другие сети связи общего пользования для коммуникации со своим непосредственным руководителем. В трудовом законодательстве не закреплено, чтобы дистанционная работа занимала какой-то определенный процент рабочего времени, в течение которого работник должен выполнять свою трудовую функцию.

Следовательно, при гибридном формате работы, работник чередует следующие периоды рабочего времени: часть рабочей недели он находится на удаленной работе, осуществляя свою трудовую функцию из любой локации, где есть подключение к сети Интернет (дома, на даче, в кафе, парке, коворкинге), а оставшуюся часть рабочей недели находится на работе в офисе, т.е. на стационарном рабочем месте.

Появление дистанционной занятости в Российской Федерации связано с цифровой трансформацией, а также развитием трансграничных трудовых отношений.

В своих исследованиях М. В. Луданик, описывает, что первой сферой применения дистанционной работы был перевод специальных документов. Изначально, дистанционная занятость распространяла небольшое количество работников, поскольку в основном проявлялась именно в ИТ-сфере. Собственно, в 2014-2019 гг. количество работников в Российской Федерации, занятых на удаленной работе, не превышало и 2 % населения, тогда как в странах Европейского союза число дистанционных работников составляло - 17%, а в США количество работников уже достигло 37%.

Введение карантинных ограничений в 2020 г. привело к массовому переходу работников на удаленный режим работы, что дало возможность многим работодателям значительно снизить издержки, которые были связаны с организацией труда. К ним следует относить расходы на аренду, оплату коммунальных услуг, содержание офисной техники, а также оборудования и инфраструктуры [7].

Согласно данным Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ, количество дистанционных работников в Российской Федерации достигает 1,5 млн. человек. Так, 35-45% работают полностью на удалённом формате, а 55-65% продолжают работать в смешанном режиме. Дистанционная занятость основывается на гибких социально-трудовых отношениях. Ключевая особенность состоит в том в том, что связь между работником и работодателем строится иначе, чем в классическом офисе. Стороны договариваются о формате: это может быть постоянная удалённая работа, временная (например, на полгода) или гибридная (чередование дистанционной работы и работой в офисе). При этом гибкость может проявляться и в других моментах: работник сам может определять режим рабочего времени (если это не предусмотрено в трудовом договоре), а взаимодействие с работодателем происходит через сеть-Интернет и другие телекоммуникационные сети [8].

Дистанционная работа является такой формой осуществления трудовой деятельности, при которой выполнение профессиональных обязанностей осуществляется вне территории работодателя при сохранении трудовых отношений. Следует отметить, что дистанционная занятость может охватывать как работников, работающих по основному месту работы, так и на работников, трудоустроенных по внутреннему или внешнему совместительству. Так, в классификации видов дистанционной работы, предложенной А. М. Лушниковым и М. В. Лушниковой с учётом современных условий, следует выделить такие формы, как постоянная дистанционная работа, временная (в том числе непрерывная в течение определённого периода), а также комбинированные формы, предполагающие чередование дистанционной и стационарной занятости.

Анализ преимуществ и недостатков дистанционной работы показывает её противоречивый характер. По мнению А. В. Плотникова и Д. С. Брагиной, к числу преимуществ дистанционной занятости относятся экономия времени и финансовых ресурсов работников, повышение гибкости организации труда, возможность совмещения профессиональной деятельности с личной жизнью, а также расширение возможностей трудоустройства независимо от географического положения [9]. В то же время дистанционная работа имеет ряд недостатков, включая снижение уровня коммуникации между сотрудниками, ограниченные возможности обмена профессиональным опытом, трудности самоконтроля и организации рабочего времени, наличие отвлекающих факторов, а также замедление карьерного роста и профессионального развития. Таким образом,

дистанционная занятость является устойчивым и динамично развивающимся элементом на социально-экономические процессы. Вышеперечисленное обстоятельство обуславливает необходимость дальнейшего исследования данного концепта, а также совершенствования механизмов его правового регулирования, в том числе в контексте развития гибридных форм занятости.

Гибридная форма занятости, предполагающая сочетание дистанционной работы, в последние годы получила широкое распространение, однако её правовое регулирование в Российской Федерации остаётся недостаточно проработанным. Несмотря, на закрепление возможности дистанционной работы в Трудовом кодексе Российской Федерации, в частности, в ст. 312.1, многие аспекты гибридной занятости остаются в зоне правовой неопределенности, что обуславливает возникновение практических трудностей в правоприменении и повышает риск трудовых споров. На практике часто возникает проблема взаимодействия дистанционного работника и работодателя, поскольку такой работник не всегда может получить полный объем информации и не всегда имеет возможность принимать личное участие в корпоративной жизни организации.

Следовательно, по-прежнему частой проблемой остается налаживание эффективного взаимодействия между гибридными работниками и работодателем, а также недопущение дискриминации таким работников. Совмещение удаленной работы с присутствием в офисе порождает разницу в доступе к информации, вовлеченности в корпоративную жизнь организации, а также дальнейшей перспективы карьерного роста, что на практике нередко отражается в неравном при распределении премий. Кроме того, необходимо конкретно закреплять условия гибридной работы в трудовом договоре или дополнительном соглашении к нему, так как на практике могут встречаться такие трудности, как неопределенность точного режима рабочего времени, оснащение всей необходимой компьютерной техникой, связанной с выполнением трудовой деятельности вне офиса организации, а также вопросы связанные с компенсацией затрат, понесенных работником при выполнении данной работы. Таким образом, несмотря на введение гл. 49.1 в ТК РФ, закрепляющую дистанционную работу, правовое регулирование гибридной занятости практически отсутствует. Наличие указанных проблем свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования гибридной занятости.

В целях устранения выявленных проблем правового регулирования гибридной формы занятости в Российской Федерации необходимо уточнить особенности выполнения трудовой функции в условиях сочетания дистанционной и стационарной работы. По нашему мнению, следует дополнить ст. 312.1 ТК РФ следующей нормой, предусматривающей возможность выполнения трудовой функции в смешанном формате, через чередование периодов дистанционной работы и работы на стационарном рабочем месте в офисе, находящемся под контролем работодателя. Кроме того, данный режим выполнения работы должен быть прописан в трудовом договоре или дополнительном соглашении к нему. Также, следует закрепить статью в главе 49.1 ТК РФ, направленную на совершенствование гибридного режима работы. Так, данная статья должна регламентировать особенности выполнения трудовой функции при гибридной занятости. В соответствии с данной нормой стороны трудового договора обязаны определить продолжительность и (или) периодичность дистанционной работы, условия чередования дистанционного и стационарного форматов, а также особенности взаимодействия работника и работодателя при выполнении трудовой функции дистанционно.

Также, необходимо дополнить главу 49.1 ТК РФ статьей, посвященной особенностям учета рабочего времени при гибридной занятости. При этом взаимодействие работодателя с работником вне установленного рабочего времени, закрепленного в трудовом договоре, не может признаваться привлечением к сверхурочной работе. Однако, фактическое выполнение трудовой функции по инициативе работодателя за пределами установленной продолжительности рабочего времени необходимо учитывать, а также выплачивать компенсацию. Регистрация и оплата данного времени должны определяться коллективным договором организации, локальным нормативным актом или трудовым договором.

ТК РФ предусматривает случаи, когда взаимодействие работодателя и дистанционного работника, поступающего на дистанционную работу, может осуществляться путем обмена электронными документами. При этом необходимо соблюдать требования законодательства к видам электронной подписи и порядку её применения согласно ст. 5 Закона № 63-ФЗ. Обеспечение работников электронными подписями является обязанностью работодателя. В зависимости от организации можно выделить следующие виды: простая электронная подпись, усиленная неквалифицированная электронная подпись, усиленная квалифицированная электронная подпись.

Одной из ключевых проблем является учет рабочего времени работников, осуществляющих трудовую функцию в гибридном режиме. В условиях дистанционной занятости существенно усложняется разграничение рабочего времени и нерабочего времени, что связано с исполь-

зованием цифровых средств коммуникации и отсутствием физического контроля со стороны работодателя. На практике работодатели нередко применяют электронные системы учета рабочего времени, однако судебная практика свидетельствует о том, что такие системы не всегда позволяют объективно оценить фактический объем выполненной работы. Так, суды учитывают не только формальные показатели активности, но и содержание выполняемых задач, а также факты взаимодействия работника с работодателем вне установленного рабочего времени (Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2020 по делу № 88-19758/2020). В частности, в судебной практике имеются случаи признания сверхурочной работы на основании переписки работника с работодателем в вечернее время при отсутствии четко закрепленного режима рабочего времени в трудовом договоре (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.09.2025 по делу № 88-00221/2025).

Серьёзные сложности возникают и в сфере охраны труда. В соответствии с действующим законодательством работодатель несёт ответственность за обеспечение безопасных условий труда, в том числе при выполнении работником трудовой функции вне территории работодателя. Однако в условиях дистанционной и гибридной занятости осуществление фактического контроля за состоянием рабочего места работника затруднено.

Закрепление положения о том, что взаимодействие работодателя с работником вне рабочего времени само по себе не означает привлечение к сверхурочной работе, одновременно с обязанностью учитывать фактическое выполнение трудовой функции по инициативе работодателя, способствует формированию более сбалансированного подхода к оценке трудовой деятельности работников. Это, в свою очередь может существенно снизить количество трудовых споров, связанных с переработками. Соответственно, следует отметить, что в гл. 49.1 ТК РФ не закреплено так называемое «право на отключение», предусматривающее возможность работника не осуществлять трудовую деятельность и не отвечать на сообщения работодателя, полученные на корпоративную рабочую почту и рабочий телефон вне установленного трудовых договором рабочего времени. В условиях цифровизации данное право приобретает особое значение и уже активно обсуждается в зарубежной правовой практике [10]. Следовательно, дополнительного внимания требует вопрос компенсации расходов работников, связанных с использованием личного оборудования, средств связи и иных ресурсов при выполнении трудовой функции дистанционно.

Заключение

Проведённое исследование позволило комплексно проанализировать правовое регулирование гибридной формы занятости в Российской Федерации и выявить ключевые тенденции его развития в условиях цифровой трансформации экономики. В ходе исследования установлено, что гибридная занятость представляет собой закономерный этап эволюции трудовых отношений, обусловленный развитием информационно-коммуникационных технологий, изменением характера труда и потребностей участников трудовых отношений. Данная форма занятости сочетает в себе преимущества дистанционной и традиционной (стационарной) работы, однако требует более детального и системного правового регулирования. Анализ действующего трудового законодательства показал, что, несмотря на наличие норм, регулирующих дистанционную работу, гибридная занятость не получила самостоятельного и комплексного нормативного закрепления. Это приводит к возникновению правовой неопределенности, выражающейся в отсутствии единых подходов к определению режима рабочего времени, порядка взаимодействия сторон, условий вызова работника на рабочее место, а также в сложности разграничения рабочего и нерабочего времени.

В результате исследования выявлены основные проблемы правового регулирования гибридной занятости, включая:

сложность учета рабочего времени и фиксации переработок;

недостаточную урегулированность вопросов охраны труда при выполнении работы вне офиса;

риски дискриминации работников, осуществляющих трудовую деятельность в дистанционном формате;

отсутствие единых требований к оформлению условий гибридной занятости.

В ходе проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования гибридной занятости, включающие:

закрепление минимальных стандартов организации гибридной работы;

развитие механизмов цифрового учета рабочего времени;

введение дополнительных гарантий работников, в том числе права на отключение;

уточнение порядка компенсации расходов работников.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что гибридная занятость является устойчивым элементом современного рынка труда, требующим дальнейшего нормативного развития. Реализация предложенных мер позволит повысить уровень правовой определенности, обеспечить баланс интересов работников и работодателей, а также адаптировать трудовое зако-

нодательство к условиям цифровой экономики.

Список литературы:

[1] Полякова М.В. Влияние цифровой трансформации на рынок труда в Российской Федерации // Прогрессивная экономика. 2025. № 5. С. 266–279. DOI: 10.54861/27131211_2025_5_266..

[2] Янков К. В. Подходы к измерению и прогнозированию удаленной занятости // Проблемы прогнозирования. 2021. № 4(187). С. 89-99. DOI: 10.47711/0868-6351-187-89-99/.

[3] Логинов Д. М., Лопатина М. В. Дистанционная занятость в период коронакризиса: масштабы распространения и результативность внедрения // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 107 121. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.8..

[4] Ефимов В.А. Дистанционная работа: понятие и особенности регулирования труда // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 6. С. 56–60. https://doi.org/10.24158/spp.2023.6.7..

[5] Закалюжная Н .В . Новая концепция занятости и развитие тру довых отношений в цифровую эпоху // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т.16. № 2. С. 139–164. DOI:10 17323/2072-8166 .2023 .2 .139 .164.

[6] Сайфутдинова В.М. Трудовой договор с дистанционным работником // Право и государство: теория и практика. 2024. № 9(237). С. 385-388.

[7] Балабанова Е.С., Молчанова Д.А. Труд в условиях удаленной и гибридной занятости (на примере работников IT-компаний) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 3–25.

[8] Вашаломидзе Е.В. Передовые практики организации и внедрения дистанционных форм занятости. Социально-трудовые исследования. 2023;52(3):122-129. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-122-129..

[9] Цхададзе Н. В. Дистанционная занятость в России: преимущества, недостатки и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 2. С. 224–231.

[10] Колесов Д.И. Проблема «права на отключение»: европейский опыт // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 6. С. 85-96. DOI: 10.15211/vestnikieran620228596..

References:

[1] Polyakova M.V. Impact of digital transformation on the labor market in the Russian Federation // Progressive economy. 2025. № 5. S. 266-279. DOI: 10.54861/27131211_2025_5_266..

[2] Yankov K.V. Approaches to measuring and predicting remote employment // Forecasting problems. 2021. № 4(187). S. 89-99. DOI: 10.47711/0868-6351-187-89-99/.

[3] Loginov D.M., Lopatina M.V. Remote employment during the coronavirus crisis: the scale of distribution and the effectiveness of implementation // Population. — 2021. - T. 24. — № 4. - S. 107 121. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.8..

[4] Efimov V.A. Remote work: the concept and features of labor regulation // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2023. № 6. S. 56-60. https://doi.org/10.24158/spp.2023.6.7..

[5] Hardened N.V. A new concept of employment and the development of tru business relations in the digital age // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2023. T.16. № 2. S. 139-164. DOI:10 17323/2072-8166 .2023 .2 .139 .164.

[6] Sayfutdinova V.M. Labor contract with a remote worker // Law and state: theory and practice. 2024. № 9(237). S. 385-388.

[7] Balabanova E.S., Molchanova D.A. Labor in conditions of remote and hybrid employment (on the example of employees of IT companies) // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2022. VOL. 15. No. 1. S. 3-25.

[8] Vashalomidze E.V. Best practices of organization and implementation of remote forms of employment. Social and labor studies. 2023;52(3):122-129. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-122-129..

[9] Tskhadadze N.V. Remote employment in Russia: advantages, disadvantages and development prospects // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2. S. 224-231.

[10] Kolesov D.I. The problem of the "right to disconnect": European experience // Scientific and Analytical Bulletin of IE RAS. 2022. № 6. S. 85-96. DOI: 10.15211/vestnikieran620228596..

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-361-369

ОСТАШЕВ Алексей Анатольевич,
аспирант, АНО ВО «Российский новый университет», Москва, Россия,
e-mail: ostashev.lesha@yandex.ru

Научный руководитель:
КУЧИН Олег Стасьевич,
д.ю.н, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

ДОКТРИНА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИКТ-ПРАВОНАРУШЕНИЯМ 2026 ГОДА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *21 июля 2026 года на портале Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ был опубликован проект Доктрины развития системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (далее – Доктрина). Доктрина декларирует приоритет совершенствования уголовно-процессуального законодательства в части цифровых доказательств и экспертного обеспечения, однако конкретные правовые механизмы реализации остаются нераскрытыми. В статье анализируются следующие правовые проблемы: отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ) самостоятельного института цифровых доказательств; системные нарушения требований допустимости при изъятии и исследовании цифровых следов; процессуальная неурегулированность легализации сведений из открытых источников. На основе анализа судебной практики делается вывод о «доктринальном разрыве» между стратегическими декларациями и процессуальными возможностями их реализации, а также предлагаются конкретные направления совершенствования УПК РФ.*

Ключевые слова: *цифровые доказательства, доктринальный разрыв, хеширование, доказательства, допустимость доказательств, ИКТ-преступления, уголовный процесс, метаданные.*

OSTASHEV Aleksei Anatolyevich,
postgraduate Student Russian New University (RosNOU); Moscow, Russia

Academic Supervisor:
KUCHIN Oleg Stasievich,
Doctor of Law, Professor

THE 2026 DOCTRINE ON COUNTERING ICT-RELATED OFFENSES: ISSUES REGARDING THE LEGAL REGULATION OF DIGITAL EVIDENCE AND SOLUTIONS

Annotation. *On July 21, 2026, the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation published a draft Doctrine for the development of a system to counter offenses committed using information and communication technologies (ICT) (hereinafter referred to as the Doctrine). The Doctrine declares that improving criminal procedural legislation regarding digital evidence and expert support is a priority; however, specific legal mechanisms for implementation remain unelaborated. This article analyzes the following legal issues: the absence of a distinct legal category for digital evidence in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC RF); systemic violations of admissibility requirements during the seizure and examination of digital traces; and the lack of procedural regulation regarding the formal*

admission of information from open sources. Based on an analysis of judicial practice, the article identifies a "doctrinal gap" between strategic declarations and the procedural capabilities for their implementation, and proposes specific avenues for improving the CPC RF.

Key words: *digital evidence, doctrinal gap, hashing, evidence, admissibility of evidence, ICT crimes, criminal procedure, metadata.*

Введение

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни, наблюдаемая в Российской Федерации на протяжении последнего десятилетия, имеет очевидную обратную сторону – высокий уровень преступности, сопряжённой с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Предлагаемая для общественного обсуждения Доктрина определяет приоритеты, цели, задачи и основные направления развития системы противодействия ИКТ-правонарушениям на период до 2035 года.

Необходимо подчеркнуть, что на момент написания настоящей статьи Доктрина имеет статус проекта, вынесенного на общественное обсуждение; её текст может быть изменён до подписания Указа Президента РФ. Однако даже после утверждения Доктрина, по сложившейся в российской правовой системе традиции, останется стратегическим (доктринальным) документом, а не нормативным правовым актом прямого действия. Тем самым её положения не устанавливают прав и обязанностей участников правоотношений, а подлежат дальнейшему регулированию, уточнению и закреплению через последующие федеральные законы и подзаконные акты. Это порождает феномен так называемого «доктринального разрыва» – хронологического и содержательного отрыва деклараций от механизмов их реализации.

Цель настоящей статьи – выявить правовые пробелы в уголовно-процессуальном обеспечении положений Доктрины, относящихся к цифровым доказательствам и судебной компьютерно-технической экспертизе, и предложить конкретные направления совершенствования законодательства. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

проследить эволюцию нормативной базы противодействия ИКТ-правонарушениям;

проанализировать правовой статус Доктрины и феномен «доктринального разрыва»;

исследовать проблему отсутствия института цифровых доказательств в систематике УПК РФ;

выявить системные процессуальные нарушения при работе с цифровыми следами с опорой на судебную практику.

Методологическую основу исследования составляет специфика экспертно-криминалистического подхода, что обусловлено профилем образования Автора по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» по профилю СКТЭ. Это позволяет рассмотреть заявленные Доктриной направления не только в плоскости догматического толкования норм, но и с позиции практических требований к изъятию, исследованию и процессуальному закреплению цифровых следов.

Нормативно-правовые предпосылки появления Доктрины

Правовое регулирование противодействия ИКТ-правонарушениям в России представляется последовательным движением от конкретных банковских мер к межведомственной системе и далее – к долгосрочной стратегической Доктрине:

Федеральный закон от 24.07.2023 года № 369-ФЗ, получивший неофициальное название «Антифрод 1.0», установил базовые обязанности банков по проверке переводов на признаки мошенничества до списания средств.

Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2024 года № 4154-р была утверждена Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (Далее – Концепция). Концепция ввела классификацию таких противоправных деяний, а также заложила основы специализированной цифровой платформы для оперативного обмена данными между участниками и механизма быстрой приостановки операций с денежными средствами.

Федеральный закон от 01.04.2025 года № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий». Данный закон создал ГИС «Антифрод» и определил порядок обмена информацией между участниками (ГИС «Антифрод» – это межведомственный контур, объединяющий банки, операторов связи, цифровые платформы и силовые органы).

Федеральный закон от 26 июня 2026 года № 210-ФЗ, неофициально «Антифрод 2.0» развил положения 41-ФЗ и расширил круг обязанных участников.

Доктрина 2026 года. Если Концепция 2024 года заложила концептуальные основы, далее 41-ФЗ создал инфраструктуру, а 210-ФЗ расширил её, то Доктрина 2026 года представляется объединяющим документом, который определяет развитие всей системы до 2035 года.

Вместе с тем, как показывает обзор предшествующей базы, между стратегическими доку-

ментами и их нормативным воплощением существует хронологический и содержательный разрыв: Концепция 2024 года была утверждена в декабре, закон 41-ФЗ – через четыре месяца, а его ключевые положения вступили в силу лишь через год. Предполагается, что аналогичная динамика ожидает и Доктрину 2026 года, что делает особенно актуальным анализ тех её положений, которые потребуют скорейшего нормативного закрепления – в первую очередь в уголовно-процессуальном законодательстве и экспертной практике.

Правовой статус Доктрины и проблема «доктринального разрыва»

Для правильной оценки перспектив реализации перечисленных направлений необходимо определить правовую природу анализируемого документа. В российской правовой теории вопрос о статусе доктринальных (стратегических) актов является дискуссионным. Как отмечают А.В. Малько и Я.В. Гайворонская, доктринальные правовые акты «не предоставляют субъективных прав, не налагают юридических обязанностей и не определяют мер юридической ответственности...» [7, с. 5]. В то же время авторы подчёркивают, что такие документы являются «правообразующими: предшествуют принятию серии правовых актов различных видов, предназначенных для реализации перспективных преобразований» [7, с. 16].

Согласно ст. 11 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», доктрины относятся к документам стратегического планирования, разрабатываемым в рамках целеполагания в сфере обеспечения национальной безопасности. Применительно к анализируемой Доктрине это означает, что даже после подписания Указа Президента РФ (предположительно – в 2026 или 2027 году) её положения не станут нормами прямого действия. Для этого потребуются самостоятельные нормативные правовые акты – федеральные законы, вносящие изменения в УПК РФ, УК РФ, ФЗ «Об ОРД», ФЗ «О ГСЭД» и иные акты.

Среди ключевых новаций, имеющих прямое отношение к предмету настоящего исследования, следует выделить следующие.

Во-первых, концепция цифрового токена (ЦТ) – криптографического объекта, верифицируемого цифрового отпечатка совокупности данных о физическом лице, распределённых между участниками экосистемы цифровой экономики. Сценарий опережающего развития, построенный вокруг ЦТ, предполагает отказ от централизованного хранения персональных данных в пользу криптографических производных – производных, уникальных, неотчуждаемых, динамичных и регенерируемых.

Во-вторых, приоритет «совершенствования уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-разыскного законодательства в части развития института цифровых (электронных) доказательств, новых форм и средств доказывания, а также фиксации и легализации цифровых следов». Это положение – единственное в Доктрине, которое прямо адресует проблемы доказательственного права, и именно оно составляет предметный фокус настоящей статьи.

В-третьих, нормативное закрепление использования сведений из разведки по открытым источникам (OSINT) в качестве доказательственной базы, а также развитие системы криминалистического учёта на основе цифрового следа устройства.

В-четвертых, развитие специализированных аналитических программных продуктов для проведения исследований и судебных компьютерно-технических экспертиз, а также введение новой специальности «Антифрод-специалист».

В-пятых, механизм «обратного взыскания» – наделение кредитных организаций полномочиями по совместному принятию решений о возврате денежных средств отправителям при переводах без добровольного согласия клиента путём взыскания сумм со счетов получателей. Правового основания для этого механизма в действующем законодательстве нет.

Сказанное позволяет выделить феномен, который в настоящей статье обозначается как «доктринальный разрыв» – хронологический и содержательный отрыв стратегических деклараций от процессуальных механизмов их реализации.

Доктрина декларирует развитие института цифровых доказательств, но не предлагает процессуальной модели их закрепления в УПК РФ. Она провозглашает легализацию цифровых следов, но не определяет, какой режим применим к данным на изъятом устройстве – режим осмотра (ст. 176 УПК) или режим получения сведений о сообщениях (ст. 186.1 УПК). Она указывает на необходимость развития экспертного обеспечения, но не конкретизирует требований к квалификации экспертов или к обязательности назначения компьютерно-технической экспертизы.

Между каждой из этих деклараций и её нормативным воплощением лежит цепочка: Доктрина → проект федерального закона → принятие закона → вступление в силу → формирование правоприменительной практики. Каждый этап требует времени, а результат не гарантирован. Более того, это означает, что технологические новации (цифровой токен, OSINT-доказательства и т.д.) будут опережать процессуальную базу их использования в уголовном процессе.

С учетом изложенного, предложения, формулируемые в настоящей статье, адресуются не столько тексту Доктрины (который на момент

написания является проектом и может быть скорректирован), сколько будущим нормативным правовым актам, которые будут приниматься на её основе.

Институт цифровых доказательств: пробел в систематике УПК РФ

Центральное противоречие, создаваемое положениями Доктрины, заключается в следующем: документ провозглашает «развитие института цифровых (электронных) доказательств» как приоритетное направление совершенствования законодательства, однако в действующем УПК РФ этот институт отсутствует. Часть 1 ст. 74 УПК РФ определяет доказательства как «любые сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь, дознаватель могут установить обстоятельства, подлежащие доказыванию», – формулировку предельно широкую, не ограничивающую форму представления сведений. Однако ч. 2 той же статьи содержит исчерпывающий перечень источников доказательств – «цифровые»/«электронные» доказательства в этом перечне не названы. При этом в дальнейшем будет использоваться термин именно «цифровые данные», поскольку именно такое определение, равно как и его производные (например, цифровой носитель информации) отражает современное понимание сущности и специфики данных [13, с. 120].

В научной литературе сложились две позиции. Одни авторы (В.Г. Голубцов [3, с. 385], Л.В. Головко [4, с. 22–24], П.С. Пастухов [8, с. 703–705]) считают, что введение самостоятельного вида не требуется: действующее определение доказательств как «любых сведений» достаточно широко, чтобы включать электронные данные, а отдельная категория лишь усложнит процесс. Другие (В.В. Платонов [9, с. 11–13], А.А. Поддубняк [10, с. 217–218]) настаивают на выделении цифровых доказательств в самостоятельный вид, указывая на качественные отличия: нематериальность, зависимость от среды воспроизведения, невозможность восприятия без аппаратно-программных средств. В результате цифровые данные классифицируются как традиционные. В одном случае носитель (телефон, ноутбук, сервер) признаётся вещественным доказательством по ч. 4 ст. 81 и п. 5 ч. 2 ст. 82 УПК РФ – со всеми вытекающими правилами хранения, опечатывания и возврата владельцу. Во втором – сама информация (текст переписки, скриншот, файл) приобщается как иной документ по ч. 2 ст. 84 УПК РФ, допускающей фиксацию сведений на электронных носителях. В противовес к традиционной точке зрения, рассматривающей цифровые доказательства как разновидность традиционных существует иная точка зрения, базирующаяся на том, что цифровые данные обладают собственными уникальными характеристиками, такими как способность к мгновенному изменению без следов и копированию без утраты качеств, зависимость от программной среды, возможность существования одновременно в нескольких локациях и т.д. [12, с. 73]. Как отмечается в публикации 2026 года, отнесение цифровых доказательств к «иным документам» «игнорирует их уникальную природу, которая принципиально отличается от традиционных доказательств» [11, с. 294].

Доктрина, провозглашая приоритет развития института цифровых доказательств, фактически встаёт на сторону второй группы авторов – но не предлагает процессуальной модели. В этом проявляется рассмотренный выше «доктринальный разрыв»: декларация зафиксирована, а норма – нет.

Следует обратить внимание на одно из самых важных отличий цифровых доказательств от традиционных – одна и та же информация может одновременно существовать на физическом устройстве и в электронной форме. Для традиционного вещественного доказательства оригинальность – это физическая уникальность: физический предмет с отпечатками пальцев существует в единственном экземпляре. Для цифрового – оригинальность переходит из материального измерения в измерение происхождения и целостности: значим не носитель, а то, можно ли подтвердить, откуда получены данные и что они не изменены с момента фиксации. В понимании автора представляется очевидным, что сущностная природа цифровых данных существенно отличается от традиционной формы данных (информации).

Процессуальные последствия очевидны: если следователь изъял телефон (вещественное доказательство), скопировал с него данные (документ) и параллельно получил те же данные от оператора связи по запросу (иной документ) – три процессуально оформленных экземпляра одной и той же информации оказываются в деле под разными процессуальными названиями. Ни УПК РФ, ни разъяснения Пленума ВС РФ не предлагают правил разрешения этой коллизии.

Особого внимания заслуживает проблема метаданных – структурированной информации, описывающей характеристики цифрового объекта: дату и время создания, автора, модель устройства, геолокацию, историю правок, маршрут прохождения электронного письма через серверы. Доказательственное значение метаданных может превышать значимость самого содержания файла. Например, текст переписки в мессенджере может быть реконструирован и без оригинального устройства, но метаданные EXIF-фотографии (геокоординаты, модель камеры, временная метка) способны установить место и время совершения преступления, когда все иные следы утраче-

ны. Серверные логи фиксируют IP-адреса, время запросов, используемые браузеры – позволяя реконструировать поведение пользователя в сети.

Однако УПК РФ не содержит процедур работы с метаданными: ни порядка их фиксации при изъятии, ни требований к проверке их неизменности, ни норм об их процессуальной оценке. На практике следователь, приобщая к делу скриншот переписки или распечатку текстового файла, в большинстве случаев не фиксирует метаданные – они просто утрачиваются.

С позиции специалиста, обладающего образованием по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза», следует отметить следующее. В рамках компьютерно-технической экспертизы метаданные являются одним из первичных объектов исследования. Эксперт-криминалист извлекает их с использованием специализированных программных комплексов («Мобильный криминалист», FTK, Oxygen Forensic Detective, Cellebrite UFED и пр.) и анализирует для установления целостности, аутентичности и хронологии событий. Однако если на стадии предварительного расследования метаданные не были процессуально зафиксированы (не отражены в протоколе следственного действия, не сохранены в исходной структуре файла), эксперт работает с уже обезличенным материалом – восстановить утраченные метаданные технически невозможно, а сформулировать категорический вывод об аутентичности такого объекта он не вправе. Таким образом, процессуальная «невидимость» метаданных на стадии собирания доказательств напрямую снижает доказательственный потенциал экспертизы на стадии исследования – разрыв, который Доктрина не устраняет.

С учётом изложенного представляется обоснованным дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ самостоятельным видом доказательств – «цифровые доказательства», – определив в ст. 5 УПК РФ их понятие с учётом двух составляющих: содержания (цифровой информации) и формы (электронного носителя или среды, в которой информация сохранена).

Необходимо также закрепить особенности оценки цифровых доказательств с точки зрения:

целостности и аутентичности как критериев достоверности (возможность подтвердить неизменность данных с момента фиксации);

возможности и обязательности фиксации метаданных при приобщении цифрового объекта к материалам дела;

многоресурсности (при наличии идентичных копий на нескольких носителях процессуально значимым установление происхождения и цепочки сохранения данных).

Доктрина создаёт основы для такого закрепления, но, как было показано ранее, между декларацией и принятием соответствующих поправок в УПК РФ лежит как минимум два-три года. На протяжении этого периода правоприменитель будет продолжать работать с цифровыми данными по правилам, для этих данных не предназначенным, – со всеми вытекающими рисками, анализ которых продолжен в следующем разделе.

Допустимость цифровых доказательств: системные процессуальные нарушения

В рамках действующих норм правоприменитель сталкивается с системными нарушениями требований допустимости (ст. 75 УПК РФ) при работе с цифровыми следами. Анализ судебной практики показывает, что эти нарушения носят не единичный, а массовый характер, и доктринальная декларация «легализации цифровых следов» не предлагает механизмов их устранения.

Ч. 3.1 ст. 164.1 УПК РФ устанавливает: при изъятии электронных носителей информации обязательно участие специалиста. Часть 3 ст. 177 УПК РФ требует упаковки, опечатывания и заверения подписью следователя. Цель этих требований очевидна: обеспечить неизменность данных и исключить возможность их модификации в интервале между изъятием и осмотром. Однако судебная практика демонстрирует принципиально разные подходы к оценке нарушений этих требований.

В Определении Конституционного Суда РФ от 31 мая 2022 г. № 1385-О по жалобе Н.Е. Щулепова осуждённый оспаривал конституционность ст. 164.1 и ч. 3 ст. 177 УПК РФ, указывая, что ноутбук и телефон были изъяты без участия специалиста и без надлежащей упаковки, а осмотр произведён спустя длительное время. КС РФ отказал в принятии жалобы, но – что принципиально важно – подтвердил обязательность требований, прямо указав: ст. 164.1 предписывает изымать электронные носители с участием специалиста, а ч. 3 ст. 177 – упаковывать и опечатывать. Вопрос о соблюдении этих требований в конкретном деле КС РФ отнёс к компетенции судов общей юрисдикции. Таким образом, КС РФ не санкционировал послабление – он подтвердил, что норма действует как обязывающая.

Однако суды общей юрисдикции на практике фактически нейтрализуют это требование. Показательно Определение Верховного Суда РФ от 21 мая 2025 г. по делу № 2-45/2024: телефоны по делу были изъяты в нарушение ст. 164.1 УПК РФ – без участия специалиста, а информация о соединениях зафиксирована при осмотре без судебного решения. Тем не менее ВС РФ не признал это основанием для недопустимости, указав, что телефоны изымались «как обычные предметы бытового назначения, при которых участия специалиста, применения специальных познаний и технологических процедур не требовалось».

С позиции специалиста, приведённая аргументация вызывает принципиальные возражения. Мобильный телефон – не «предмет бытового назначения», а сложный цифровой носитель, функционирование которого зависит от множества факторов: состояния операционной системы, активных сетевых подключений, процессов синхронизации с облачными сервисами, наличия шифрования и удалённого управления. Изъятие такого устройства без специалиста влечёт риски, которые невозможно компенсировать последующим осмотром:

при активной синхронизации с облачным хранилищем данные могут быть удалены дистанционно (функция «Найти устройство», технология «remote wipe»);

при отсутствии экранирующей упаковки устройство остаётся доступным для сетевых подключений, что позволяет изменить или уничтожить данные;

при некорректном выключении возможна утрата данных, хранящихся в оперативной памяти (volatile data) – журналов сессий, открытых вкладок, расшифрованных ключей.

Таким образом, позиция ВС РФ по факту нейтрализовала требование ст. 164.1: если телефон признаётся «бытовым предметом», участие специалиста никогда не потребуется. Доктрина же не определяет критериев, при которых участие специалиста является обязательным, – что оставляет правоприменителю возможность действовать по логике ВС РФ, а не КС РФ. Как отмечает А.А. Балашова со ссылкой на Апелляционное постановление Владимирского областной суда от 9 сентября 2021 г., «суд, рассматривая жалобы адвокатов о признании следственных действий выполненными в нарушение норм ст. 164.1 УПК РФ, чаще всего выносит постановление об отказе в удовлетворении ходатайств, аргументируя своё решение тем, что для изъятия электронных носителей информации специальных познаний не требуется» [1, с. 70].

Одной из наиболее острых процессуальных коллизий, оставленных Доктриной без внимания, является соотношение режима осмотра электронного устройства (ст. 176–177 УПК РФ) и режима получения сведений о соединениях и содержании сообщений (ст. 185, 186, 186.1 УПК РФ). Суть проблемы: доступ к переписке, передаваемой по каналам связи, требует судебного решения; доступ к той же переписке, сохранённой в памяти изъятого устройства, – не требует. Содержание охраняемой тайны от места хранения не зависит, но процессуальная логика этот факт игнорирует.

Согласно приговору Курганского городского суда Курганской области от 25 июня 2014 г. по делу № 1-230/2014 суд признал недопустимыми протоколы осмотра сотовых телефонов в части сведений о входящих и исходящих соединениях и текстах СМС-сообщений. Основание: следователь самостоятельно, без судебного решения, получил сведения, для которых ст. 186.1 УПК РФ требует санкции суда. Суд приравнял осмотр содержимого телефона к перехвату сообщений и применил режим тайны связи в соответствии со ст. 23 Конституции РФ.

Противоположная позиция – в Кассационном определении Верховного Суда РФ от 30 сентября 2014 года № 2-18/08 рассматривался довод осуждённого Колобова В. Г., который утверждал, что осмотр его мобильного телефона проведён незаконно – якобы без судебного решения, а значит, нарушает конституционные права. Суд с этим доводом не согласился. Он указал, что осмотр телефона был проведён следователем в соответствии со статьёй 176 УПК РФ. А эта норма регулирует осмотр предметов (в том числе изъятых вещей) в целом. Верховный Суд разъяснил: для осмотра содержимого телефона (фото, сообщения, контакты) не требуется выносить отдельное судебное решение.

Таким образом, на сегодняшний день сосуществуют две взаимоисключающие позиции: одни суды исключают данные, полученные при осмотре телефона без судебного решения (Курганский горсуд), другие – допускают (ВС РФ, КС РФ). Кравцова А.Н. выделила три типичные ошибки правоприменительной практики: «подмена судебного порядка получения охраняемых законом сведений направлением запроса..., формальная фиксация факта изъятия электронного носителя без описания его состояния и без обеспечения неизменности данных..., обоснование атрибуции единственным техническим признаком, чаще всего IP-адресом» [6, 413]. Сторона защиты использует этот разрыв: в зависимости от состава суда и конкретных обстоятельств, одно и то же доказательство может быть признано допустимым или недопустимым.

Доктрина, провозглашая «легализацию цифровых следов», не разрешает эту коллизию. Представляется обоснованным предложение, уже сформулированное в научной литературе: дополнить УПК РФ статьёй 185.1 «Осмотр информации, содержащейся в электронном устройстве или на электронном носителе», предусмотрев необходимость судебного решения для доступа к сведениям о сообщениях и соединениях, хранящимся в памяти устройства, – по аналогии с режимом ст. 186.1 УПК РФ.

Третьим системным нарушением является отсутствие в УПК РФ требования об обязательной фиксации хеш-значений (контрольных сумм) при изъятии и копировании цифровых данных. Хеш-функция – криптографический алгоритм, преобразующий массив данных произвольного

объёма в строку фиксированной длины; изменение хотя бы одного бита исходных данных приводит к радикальному изменению хеш-значения, что позволяет однозначно подтвердить неизменность информации с момента фиксации. С позиции экспертной методики компьютерно-технической экспертизы, вычисление хеш-сумм (MD5, SHA-256) является базовым требованием криминалистической работы с цифровыми следами – оно зафиксировано в международных стандартах (ISO/IEC 27037:2012, руководства IOCE) и применяется во всех сертифицированных программных комплексах (EnCase, FTK, Cellebrite). Однако в отсутствие процессуальной обязанности следователь не обязан, а эксперт не вправе требовать – и хеш-фиксация остаётся на усмотрение правоприменителя. Результат: заключение эксперта, проведённое на материале без зафиксированной хеш-суммы, уязвимо для оспаривания по критерию достоверности исходных данных – эксперт не может категорически утверждать, что исследуемый материал идентичен тому, который был изъят. Беппаев Р.Ж. еще в конце 2025 года аналогичным образом отмечал, что формирования «цифровой процессуальной формы» необходимо «законодательное закрепление... механизмов обеспечения неизменности цифровых доказательств – использование хеш-функций для верификации, технологии блокчейн для создания неизменяемых журналов учёта доказательств, квалифицированных электронных подписей для удостоверения подлинности...» [2, с. 53].

Поскольку Доктрина не закрепляет процессуального механизма фиксации. Представляется необходимым дополнить ст. 164.1 УПК РФ положением об обязательном вычислении и фиксации хеш-значений изымаемых электронных данных в протоколе следственного действия – с указанием алгоритма (SHA-256 или эквивалентного) и значения контрольной суммы. В таком случае ч. 2-3 данной статьи могли бы быть дополнены следующим абзацем:

«При изъятии электронных носителей информации специалист в присутствии следователя и понятых вычисляет контрольную сумму (хеш-значение) изымаемых электронных данных с использованием криптографического алгоритма. Вычисленное хеш-значение, наименование и версия применённого алгоритма указываются в протоколе следственного действия».

Кроме того, для разъяснения данных положений может быть введена ч. 4 следующего содержания:

«Контрольная сумма (хеш-значение) электронных данных, указанная в частях второй и третьей настоящей статьи, вычисляется до и после любого копирования, перемещения или иного процессуального действия с электронными носителями информации. Несовпадение контрольных сумм, выявленное при последующем исследовании, является основанием для проверки сохранности и неизменности соответствующих электронных доказательств. Порядок вычисления и фиксации контрольных сумм (хеш-значений) устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел».

В то же время стоит оговориться – функция хеширования служит для подтверждения или опровержения самого факта, что после конкретного момента цифровой объект не изменялся; т.е. не устанавливает автора сообщения, не отвечает на вопрос о законности получения информации и не заменяет процессуальной оценки доказательств судом [5, с. 146].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, значимых для уголовно-процессуальной науки и практики расследования ИКТ-преступлений.

Во-первых, Доктрина развития системы противодействия правонарушениям в сфере ИКТ задаёт принципиально новый вектор развития нормативной базы: акцент смещается с точечных антифрод-мер на системное формирование института цифровых доказательств и экспертного обеспечения. При этом документ носит стратегический характер и не содержит норм прямого действия – его положения должны быть имплементированы через изменения в УПК РФ и иные нормативные акты.

Во-вторых, феномен «доктринального разрыва» – хронологического и содержательного отрыва стратегических деклараций от процессуальных механизмов их реализации – подтверждается как теоретическими аргументами, так и эмпирическими данными. История реализации предшествующей Концепции (2024–2026 гг.) показывает, что между принятием стратегического документа и вступлением в силу конкретных норм, обеспечивающих его положения, проходит не менее полутора-двух лет, а в случае сложных процессуальных изменений – значительно больше. Для положений Доктрины, затрагивающих институт цифровых доказательств, этот разрыв может составить два-три года и более, в течение которых правоприменитель вынужден работать по устаревшим правилам.

В-третьих, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве выявлен структурный пробел: цифровые доказательства не выделены в самостоятельный вид доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), а их уникальные свойства (многоресурсность, копируемость, зависимость от ме-

таданных) не учтены в процессуальных правилах собирания и оценки. Это приводит к тому, что цифровые данные искусственно «встраиваются» в традиционные категории («вещественные доказательства» либо «иные документы»), что порождает внутренние противоречия и снижает доказательственную ценность материалов дела.

В-четвертых, анализ судебной практики выявил системные нарушения требований допустимости доказательств (ст. 75 УПК РФ) при работе с цифровыми следами. Наиболее острыми проблемами являются: изъятие электронных носителей без участия специалиста вопреки ст. 164.1 УПК РФ; коллизия между осмотром устройства (ст. 176 УПК РФ) и режимом тайны сообщений (ст. 186.1 УПК РФ); отсутствие обязательного требования о хеш-фиксации данных, без которой невозможно подтвердить их неизменность. Эти нарушения носят массовый характер и подтверждаются противоречивой судебной практикой, где одни и те же действия в одних случаях признаются допустимыми, а в других – служат основанием для признания доказательств недопустимыми.

С учётом изложенного, в статье предложены конкретные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства:

закрепить в ч. 2 ст. 74 УПК РФ самостоятельный вид доказательств – «цифровые доказательства»;

ввести в ст. 5 УПК РФ дефиницию цифровых доказательств, включающую содержание информации и форму её фиксации;

дополнить ст. 164.1 УПК РФ требованием об обязательной хеш-фиксации изымаемых данных с указанием алгоритма и значения контрольной суммы;

ввести специальную норму (например, ст. 185.1 УПК РФ), устанавливающую необходимость судебного решения для доступа к сведениям о сообщениях и соединениях, хранящимся в памяти изъятого устройства.

Реализация этих предложений позволит устранить наиболее острые процессуальные пробелы и создать правовую основу для эффективного использования цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве. При этом отдельные аспекты темы – в частности, вопросы квалификации экспертов, стандартизации методик КТЭ и процессуальных механизмов работы с распределёнными криптографическими данными (включая концепцию цифрового токена) – требуют дальнейшего исследования.

Список литературы:

[1] Балашова А.А. Особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник Уральского Юридического Института МВД России. 2025. № 3 (47). С. 68–71.

[2] Беппаев Р.Ж. Цифровой след как доказательство в уголовном процессе: проблемы допустимости и достоверности // Вопросы права. 2025. № 4. С. 51–54.

[3] Голубцов В.Г. Цифровизация и электронные доказательства в гражданском судопроизводстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. С. 379–386.

[4] Головко Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

[5] Демидченко Ю. В. Обеспечение целостности электронных доказательств в уголовном процессе: возможности криптографического хеширования // Право и практика. 2026. № 2. С. 142–147.

[6] Кравцова А.Н. Цифровые следы криминальной деятельности в виртуальном пространстве как основа формирования доказательств: проблемы допустимости и достоверности // Право и управление. 2026. № 8. С. 407–415.

[7] Малько А.В., Гайворонская Я.В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 4–25.

[8] Пастухов П.С. Электронные доказательства в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. 2019. № 1. С. 695–707.

[9] Платонов В.В. Теоретико-правовая модель электронных доказательств в уголовном судопроизводстве : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 5.1.4. / Платонов Валентин Васильевич; [Место защиты: «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» ; Диссовет 24.2.336.03 (Д 212.123.ХХ)]. – Москва, 2026. – 31 с.

[10] Поддубняк А.А., Алиева А.А. Специфика доказательственного значения отдельных видов электронных носителей информации // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72), № 4. С. 213–219.

[11] Торбин Ю.Г. Трансформация оценки доказательств в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Право и управление. 2026. № 8. С. 293–298.

[12] Федорова М.Д. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: правовое регулирование и перспективы развития // Социальное управление. 2026. Т. 8, № 1. С. 71–77.

[13] Яковлева Н.Г. Использование цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 117–126.

References:

[1] A.A. Balashova. Features of withdrawal of electronic media // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3 (47). S. 68-71.

[2] Beppaev R.Zh. Digital footprint as evidence in criminal proceedings: problems of admissibility and reliability // Legal issues. 2025. № 4. S. 51-54.

[3] Golubtsov V.G. Digitalization and electronic evidence in civil proceedings // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2019. S. 379-386.

[4] Golovko L.V. Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution? // Bulletin of Economic Security. 2019. № 1. S. 15-25.

[5] Demidchenko Yu. V. Ensuring the integrity of electronic evidence in criminal proceedings: the possibilities of cryptographic hashing // Law and practice. 2026. № 2. S. 142-147.

[6] Kravtsova A.N. Digital traces of criminal activity in the virtual space as the basis for the formation of evidence: problems of admissibility and reliability // Law and management. 2026. № 8. S. 407-415.

[7] Malko A.V., Gayvoronskaya Y.V. Doctrinal acts as the main instrument of legal policy // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. № 1. S. 4-25.

[8] Pastukhov P.S. Electronic evidence in the regulatory system of criminal procedural evidence // Perm legal almanac. 2019. № 1. S. 695-707.

[9] Platonov V.V. Theoretical and legal model of electronic evidence in criminal proceedings: abstract dis.... Candidate of Legal Sciences: 5.1.4 / Platonov Valentin Vasilievich; [Place of defense: "O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)"; Dissertation Council 24.2.336.03 (D 212.123.XX)]. - Moscow, 2026. - 31 s.

[10] Poddubnyak A.A., Aliyeva A.A. Specifics of the evidentiary significance of certain types of electronic media // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2020. T. 6 (72), NO. 4. S. 213-219.

[11] Torbin Yu. G. Transformation of evidence assessment in the context of digitalization of criminal proceedings // Law and management. 2026. № 8. S. 293-298.

[12] Fedorova M.D. Electronic evidence in criminal proceedings: legal regulation and development prospects // Social management. 2026. T. 8, NO. 1. S. 71-77.

[13] Yakovleva N.G. Use of digital evidence in criminal proceedings of the Russian Federation // Bulletin of Tver State University. Series: Right. 2024. № 4 (80). S. 117-126.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-370-375

НИКУЛИНА Алевтина Викторовна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского юридического института МВД России, соискатель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
e-mail: alik-112@yandex.ru

Научный руководитель:
ШАРОНОВ Сергей Александрович,
профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации,
e-mail: sharonov345@mail.ru

ЧАСТНОПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В работе исследуется частноправовая модель предпринимательской охранной деятельности. На основе анализа сложившихся доктринальных подходов и законодательных положений раскрывается правовая природа охранной деятельности как вида предпринимательства, устанавливаются ее квалифицирующие признаки и моделируется частноправовая конструкция, включающая содержательные компоненты предпринимательской охранной деятельности и системные связи между ними.*

Обосновывается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования частноправовых средств регулирования предпринимательских отношений в охранной сфере.

Ключевые слова: *частноправовая модель, предпринимательская охранная деятельность, охранная организация, объект охраны, охранные услуги, охранные работы, частноправовые средства, договор на оказание охранных услуг.*

NIKULINA Alevtina Viktorovna,
is a senior lecturer at the Department of Civil Law Disciplines at the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and a postgraduate student at the Department of Civil and Labour Law and Civil Procedure at the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Scientific Supervisor:
SHARONOV Sergey Aleksandrovich,
Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation

PRIVATE LAW MODEL OF ENTREPRENEURIAL SECURITY ACTIVITY

Annotation. *The paper examines the private law model of entrepreneurial security activities. Based on the analysis of existing doctrinal approaches and legislative provisions, the legal nature of security activities as a type of entrepreneurship is revealed, its qualifying features are established, and a private law structure is modeled that includes the substantive components of entrepreneurial security activities and the system connections between them.*

The paper substantiates the need for further improvement of private law means of regulating entrepreneurial relations in the security sector.

Key words: *private law model, entrepreneurial security activities, security organization, security object, security services, security works, private law means, contract for the provision of security services.*

Введение. Современные условия развития рыночных механизмов, характеризующиеся перманентным усложнением системы общественных отношений, обусловливают возрастание потребности в охране законных интересов субъектов гражданского оборота. Одним из эффективных инструментов удовлетворения этой потребности выступает предпринимательская охранная деятельность, которая, будучи по своей природе частноправовой, в недостаточной степени изучена средствами цивилистики.

Цель настоящей статьи состоит в формировании целостной частноправовой модели предпринимательской охранной деятельности, позволяющей системно представить ее правовую природу, компоненты и их взаимосвязи. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

Раскрыть правовую природу охранной деятельности как разновидности предпринимательства.

Установить ее квалифицирующие признаки.

Разработать модель предпринимательской охранной деятельности.

Методология исследования. Автором использован системный подход, а также такие общенаучные методы познания, как анализ, синтез и моделирование.

В рамках решения первой задачи следует обратить внимание на то, что охранная деятельность как разновидность предпринимательства должна осуществляться строго в границах правового поля. В этой связи автор предлагает анализировать ее сущность сквозь призму понятия «правовая деятельность». Такой подход обусловлен еще и тем, что в доктрине правовая деятельность рассматривается не только как властная деятельность специальных субъектов в сфере правотворчества и применения права, но и как «деятельность иных (невластных) субъектов, реализующих собственные права и обязанности с помощью и при активном использовании правовых средств» [1, с. 11]. Таким образом, охранная деятельность в правовом аспекте есть активность субъектов правоотношений, которая имеет определенную цель, реализуется в определенной форме посредством легитимных средств.

Правовая природа охранной деятельности как разновидности предпринимательства выражается через сущностное содержание, т.е. через анализ ее содержательных компонентов, среди которых автор предлагает выделять субъектный (субъект деятельности), целевой (цель деятельности), объектный (объект) и вспомогательный (форма деятельности, правовые средства), синтезировав их с признаками предпринимательства, закрепленными в его легальном определении [2].

Во-первых, субъектами предпринимательской охранной деятельности выступают специализированные участники гражданского оборота, а именно коммерческие охранные организации, обладающие имущественной и организационной самостоятельностью: частные охранные организации, выступающие в предпринимательских отношениях в организационно-правовой форме общество с ограниченной ответственностью, а также организации ведомственной охраны и вневедомственной охраны, представленные федеральными государственными унитарными предприятиями. Их правовое положение обусловлено спе-

циальной правоспособностью, связанной с целевым характером охранной деятельности, а легитимация в качестве субъектов предпринимательства обеспечивается процедурой государственной регистрации в порядке, установленном действующим законодательством.

Вместе с тем, субъектный компонент рассматриваемой сферы характеризуется рядом правовых коллизий, наиболее значимой из которых выступает противоречивость правового положения организаций ведомственной и вневедомственной охраны. Данное противоречие обусловлено дуализмом их правовой природы: с одной стороны, указанные субъекты функционируют в качестве коммерческих унитарных юридических лиц в рамках гражданско-правовых отношений, с другой они «позиционируют» себя в качестве элементов системы государственной охраны, что порождает расхождения в определении их места в структуре охранной деятельности и в объеме реализуемых полномочий. Такое «двоякое» правовое положение противоречит фундаментальным принципам гражданского законодательства, в частности, принципам равенства участников гражданских правоотношений, автономии воли и имущественной самостоятельности. Обозначенная проблема обусловливает возникновение существенных затруднений в правоприменительной практике и дестабилизирует регулятивный механизм в сфере предпринимательской охранной деятельности.

Отдельного внимания заслуживает сложившийся подход, связанный с необоснованным исключением органов местного самоуправления из круга субъектов, уполномоченных на осуществление охранной деятельности, несмотря на их право «заниматься предпринимательством (ст. 124 ГК РФ) через созданных ими юридических лиц» [3, с. 149].

Во-вторых, цель предпринимательской охранной деятельности характеризуется комплексной природой. Ее сущностную основу составляет частный интерес (получение прибыли), детерминированный фундаментальными началами цивилистического правопорядка, при этом указанный интерес не существует изолированно, а находится в диалектической взаимосвязи с публичными интересами общества, обеспечивая их взаимную корреляцию и сбалансированность в рамках правового регулирования соответствующей сферы. Именно комплексный характер цели охранной деятельности как разновидности предпринимательства дифференцирует ее от государственной охраны.

В-третьих, предпринимательская активность охранных организаций направлена на объект охраны. Вместе с тем представляется необходимым акцентировать внимание на «теоретическом разграничении категорий «объект охранного правоотношения» и «объект охраны», которые не являются тождественными по своему содержанию и функциональному назначению в структуре соответствующих правоотношений» [4].

Объект охранного правоотношения характеризуется полиструктурностью и охватывает совокупность объектов гражданских прав в том числе материальные и нематериальные блага, а также оказание охранных услуг (результаты охранных работ) в качестве самостоятельных объектов. Данная совокупность образует предмет юридического взаимодействия сторон и предопределяет содержание взаимных прав и обязанностей в рамках договорных отношений.

Анализ статьи 2 Закона о частной охранной деятельности позволяет включить в категорию «объект охраны» несколько составляющих: охраняемое лицо, охраняемый объект, внутриобъектовый и пропускной режим [5]. По мнению автора, такой законодательный подход приводит к правовым коллизиям. В частности, понятие «охраняемое лицо» трактуется законодателем как физическое лицо, защита жизни и здоровья которого от противоправных посягательств осуществляется телохранителем. Однако само физическое лицо представляется участником предпринимательской охранной деятельности и «субъектом соответствующего правоотношения» [6, с. 162]. Следовательно, в качестве объекта охраны в данном контексте должно рассматриваться не физическое лицо, а физическое тело человека.

Следующий проблемный аспект связан с законодательной трактовкой понятия «охраняемый объект», которая включает здания, строения, сооружения, территории или акватории, транспортные средства, груз, в том числе при его транспортировке, денежные средства либо иное имущество. В рамках гражданско-правового регулирования категория «иное имущество» традиционно трактуется расширительно и охватывает не только материальные объекты, но и различные формы имущественных прав, в частности, безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также цифровые права, признаваемые объектами гражданских прав в соответствии с действующим законодательством. Вместе с тем при углубленном анализе сущностных и функциональных признаков объектов, потенциально подлежащих охранной деятельности, в том числе с учетом их физической природы, выявляется неоднозначность квалификации указанной категории в качестве объекта охраны. Вследствие этого понятие «иное имущество» в гражданско-правовом контексте не может быть однозначно квалифицировано в качестве объекта охраны [4], поскольку его защита требует применения не столько традиционных охранных мер (физическая охрана, про-

пускной режим и пр.), сколько специальных правовых, технических и организационных механизмов, соответствующих природе данных объектов.

В-четвертых, вспомогательный компонент предпринимательской охранной деятельности представляет собой форму ее реализации оказание охранных услуг либо выполнение охранных работ, выступающих одновременно объектами гражданских прав («оказание услуг», «результаты работ»)), а также совокупность средств, обеспечивающих достижение цели. Данный компонент охватывает как правовые средства осуществления деятельности (в том числе договорные конструкции, локальные акты), так и материально-технические, трудовые ресурсы, функционально направленные на исполнение охранных обязательств и реализацию предпринимательских целей.

Основным правовым средством выступает гражданско-правовой договор. Однако в настоящее время договор оказания охранных услуг (выполнения охранных работ) характеризуется как непоименованный в системе гражданско-правовых договоров, что выступает причиной существования правовой неопределенности при разрешении возникающих в процессе его исполнения спорных ситуаций. Данная особенность обусловливает отсутствие единообразной судебной практики по делам, связанным с ненадлежащим исполнением договорных обязательств, а также снижает эффективность правового регулирования соответствующих отношений. Кроме того, отсутствие нормативно закрепленной конструкции договора нередко приводит к расхождениям в интерпретации его ключевых положений сторонами правоотношения. В наибольшей степени это проявляется в отношении существенных условий договора, в частности, его предмета, который в контексте оказания охранных услуг требует четкой регламентации объекта охраны, объема и характера предоставляемых услуг, а также критериев надлежащего исполнения обязательства.

Имеющиеся проблемы по большей части обусловлены «… отсутствием учета динамики договорных отношений» [7, с. 263]. Анализ имеющихся цивилистических работ свидетельствует о том, что договор охраны не рассматривался в них в качестве инструмента правового регулирования отношений в сфере охранной деятельности с учетом ее предпринимательского характера, не учитывалась полиаспектная природа договора охраны, который может квалифицироваться как разновидность договора подряда, а также как смешанный договор [7].

В доктринальном аспекте проблема правового регулирования договора оказания охранных услуг получила освещение в работах С. А. Шаронова. Согласно позиции указанного автора, оптимальным способом преодоления обозначенных проблем выступает официальное закрепление договора оказания охранных услуг в качестве самостоятельного в одном из актов гражданского законодательства, что позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики и повысить степень правовой определенности в сфере предпринимательской охранной деятельности [3, с. 156].

В рамках решения второй задачи представляется необходимым выделить совокупность квалифицирующих признаков предпринимательской охранной деятельности, позволяющих отграничить ее от иных видов охраны. К числу таких признаков надлежит отнести следующие:

Специальный субъектный состав. Субъектом предпринимательской охранной деятельности выступает специализированный участник гражданского оборота – коммерческая охранная организация, зарегистрированная в установленном законом порядке. Наличие специальной правоспособности, обусловленной целевым характером деятельности и подтвержденной легитимацией в рамках нормативно установленного порядка, выступает необходимым юридическим условием осуществления данного вида деятельности.

Комплексный характер цели. Цель предпринимательской охранной деятельности носит дуалистический характер и объединяет две взаимосвязанные составляющие: во-первых, направленность на систематическое извлечение прибыли как сущностный признак предпринимательской деятельности; во-вторых, обеспечение защищенности законных прав и интересов участников гражданского оборота, а также содействие защите общества и государства от противоправных посягательств. Данная целевая конструкция принципиально отличает предпринимательскую охранную деятельность от деятельности субъектов государственной охраны, приоритетной целью которых является обеспечение государственной безопасности в целом.

Специфика объектов предпринимательской охранной деятельности. Объектами выступают объекты охраны, включающие, в том числе, объекты гражданских прав. Это обусловливает непосредственную связь рассматриваемого вида деятельности с реализацией и защитой субъективных гражданских прав, а также предопределяет гражданско-правовую природу соответствующих правоотношений. Таким образом, предпринимательская охранная деятельность не только «закрывает» потребности гражданского оборота, но и функционально способствует осуществлению гражданских прав его участников.

Особая форма осуществления деятельности. Предпринимательская охранная деятельность реализуется посредством осуществления

охранных работ и предоставления охранных услуг, выступающих в качестве объектов гражданских прав в рамках гражданско-правовой квалификации «оказание услуг» и «результаты работ». Указанная форма отражает специфику результата деятельности субъекта в случае оказания им охранных услуг: он имеет нематериальный характер и выражается в совершении определенных действий либо в обеспечении заданного уровня защищенности объекта охраны.

Частноправовой характер средств осуществления деятельности. Инструментарий реализации предпринимательской охранной деятельности базируется на частноправовых механизмах, основным из которых выступает гражданско-правовой договор. Именно договорная форма опосредует возникновение, исполнение и прекращение обязательств в сфере оказания охранных услуг, обеспечивая автономию воли сторон, диспозитивность регулирования и имущественную ответственность субъектов. Иные средства (например, локальные акты) носят вспомогательный характер.

Использование источников повышенной опасности. Как уже было отмечено выше, в процессе осуществления охранной деятельности помимо правовых средств применяются иные средства, в частности, материально-технические, например, огнестрельное оружие, средства принудительной остановки транспорта и т.д. Следовательно, «эти средства в процессе их использования могут нести угрозу жизни и здоровью граждан, т.е. представлять собой повышенную опасность для окружающих» [8, с. 92].

Сказанное выше позволяет решить третью задачу и представить частноправовую модель предпринимательской охранной деятельности, которая складывается из ее содержательных компонентов (субъектного (субъект деятельности), целевого (цель деятельности), объектного (объект) и вспомогательного (форма деятельности, правовые средства)), а также системных связей между данными компонентами, выраженных совокупностью квалифицирующих признаков.

Заключение. Подводя итоги исследования, представляется возможным сделать следующие выводы.

Предпринимательская охранная деятельность представляет собой социально значимую активность коммерческих охранных организаций, зарегистрированных в данном качестве в установленном законом порядке, которая осуществляется в форме выполнения охранных работ, оказания охранных услуг и направлена на обеспечение состояния защищенности законных прав и интересов участников гражданского оборота, а также защиту общества и государства от противоправных посягательств с помощью частноправовых средств.

Частноправовая конструкция предпринимательской охранной деятельности представляет собой сложную модель, представленную ее содержательными компонентами, а также системными связями между ними. Такая структура позволяет рассматривать исследуемый вид деятельности в качестве самостоятельного вида предпринимательства и проводить четкое ее отграничение от иных видов охраны, в том числе государственной. Вместе с тем, проведенный анализ содержательных компонентов предпринимательской охранной деятельности показал наличие концептуальных проблем, связанных с недостатками правового регулирования.

Список литературы:

[1] Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Нижегор. акад. МВД России. Нижний Новгород, 2002. 49 с.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Шаронов, С. А. Проблемы правового регулирования охранной деятельности как разновидности предпринимательства / С. А. Шаронов // Власть Закона. – 2019. – № 4(40). – С. 137 159.

[4] Никулина, А. В. Проблемы правового регулирования предпринимательской охранной деятельности в Российской Федерации / А. В. Никулина // Стратегия развития гражданского права в поисках ответов на вызовы XXI века (ориентиры и защита прав человека) : коллективная монография по результатам IV Международной научно-практической конференции, г. Волжский, 5 декабря 2025 г. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Сфера», 2026. – С. 221-242.

[5] О частной охранной деятельности: федеральный закон от 30.11.2024 № 427-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Шаронов, С. А. Стратегия законодательного регулирования частной охранной деятельности в контексте фундаментальных основ гражданского и трудового права России: состояние и проблемы / С. А. Шаронов // Вестник Московского университета МВД России. – 2026. – № 3. – С. 157-165.

[7] Шаронов, С. А. Динамика договора охраны / С. А. Шаронов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3. С. 263 265.

[8] Шаронов, С. А. Источники повышенной опасности, используемые в охранной деятельности: понятие и классификация / С. А. Шаронов // Современное право. 2012. № 12. С. 90 94.

References:

[1] Sapun V. A. Theory of legal means and mechanism of realization of law: abstract of the dissertation of Dr. Yurid. Sciences: 12.00.01 / Nizhegorod. akad. The Ministry of Internal Affairs of Russia. Nizhny Novgorod, 2002. 49 p.

[2] The Civil Code of the Russian Federation (Part one): Feder. the law of 11/30/1994 No. 51-FZ // SPS "ConsultantPlus".

[3] Sharonov, S. A. Problems of Legal Regulation of Security Activities as a Type of Entrepreneurship / S. A. Sharonov // Vlast' Zakona. – 2019. – No. 4(40). – P. 137–159.

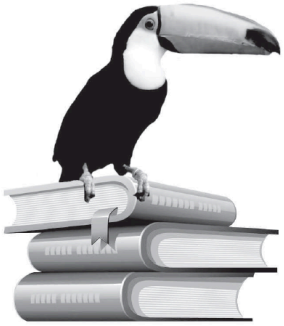
[4] Nikulina, A. V. Problems of Legal Regulation of Entrepreneurial Security Activities in the Russian Federation / A. V. Nikulina // Strategy for the Development of Civil Law in Search of Answers to the Challenges of the 21st Century (Guidelines and Protection of Human Rights): a collective monograph based on the results of the IV International Scientific and Practical Conference, Volzhsky, December 5, 2025. – Moscow: Limited Liability Company "Sfera", 2026. – P. 221–242.

[5] On Private Security Activities: Federal Law No. 427 FZ dated November 30, 2024 // SPS "ConsultantPlus".

[6] Sharonov, S. A. Strategy of legislative regulation of private security activities in the context of the fundamental foundations of civil and labour law in Russia: state and problems / S. A. Sharonov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2026. – No. 3. – P. 157–165.

[7] Sharonov, S. A. Dynamics of the security agreement / S. A. Sharonov // Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. 2014. No. 3. P. 263–265.

[8] Sharonov, S. A. Sources of increased danger used in security activities: concept and classification / S. A. Sharonov // Modern Law. 2012. No. 12. P. 90–94.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-376-379

ПИВНЕНКО Денис Леонидович,
заместитель председателя комитета государственной охраны объектов культурного наследия Волгоградской области, старший преподаватель кафедры юриспруденции и психологии ВФ ВолГУ, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Волгоградский государственный университет,
e-mail: denispiv.2022@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ РАЗРАБОТЧИКОВ ПРОЕКТОВ РЕЖИМОВ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. *Работа посвящена исследованию некоторых дискуссионных аспектов требований, предъявляемых к субъектам, выступающим разработчиками проектов предметов охраны, границ территорий, защитных зон и зон охраны объектов культурного наследия. Обосновано, что законодательство Российской Федерации не предусматривает наличия у названных субъектов специальной правоспособности, в то время как изготавливаемая ими документация в ряде случаев подлежит государственной историко-культурной экспертизе и, фактически, определяет пределы реализации гражданских прав в сфере охраны объектов культурного наследия. По итогам исследования предложены корректировки законодательства, направленные на устранение выявленных противоречий и уточнение требований, предъявляемых к указанным субъектам.*

Ключевые слова: *объекты культурного наследия, правовые режимы, разработчики проектов, требования, специальная гражданская правоспособность, баланс интересов и правового положения.*

PIVNENKO Denis Leonidovich,
Deputy Chairman of the Committee for the State Protection of Cultural Heritage Sites of the Volgograd Region, Senior lecturer at the Department of Law and Psychology Volzhsky Branch of Volgograd State University, Candidate of the academic degree of Candidate of Legal Sciences Volgograd State University

CERTAIN DISCUSSED ASPECTS OF THE CIVIL LEGAL CAPACITY OF DEVELOPERS OF PROJECTS REGARDING THE TREATMENT OF CULTURAL HERITAGE SITES

Annotation. *The work is devoted to the study of certain controversial aspects of the requirements imposed on entities acting as developers of projects for objects of protection, territory boundaries, protective zones, and zones for the protection of cultural heritage sites. It has been substantiated that the legislation of the Russian Federation does not provide for the existence of special legal capacity in the aforementioned entities, while the documentation they produce in some cases is subject to state historical and cultural expertise and, in fact, determines the limits of the exercise of civil rights in the field of protection of cultural heritage sites. Based on the study's findings, amendments to the legislation have been proposed to eliminate the identified contradictions and clarify the requirements imposed on the specified entities.*

Key words: *Cultural heritage objects, legal regimes, project developers, requirements, special civil legal capacity, balance of interests and legal provisions.*

Актуальность темы исследования обоснована нормами Конституции РФ, Гражданского кодекса РФ и Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Закон об ОКН), согласно которым взаимообусловленным действиям частных и публичных субъектов в области охраны объектов культурного наследия (далее – ОКН) корреспондирует легально ограничиваемая в ряде случаев свобода предпринимательской деятельности, в том числе посредством введения требований о наличии у субъектов такой деятельности специальной гражданской правоспособности.

В контексте настоящего исследования под указанной правоспособностью понимается обязанность субъекта обладать предусмотренным законодательством РФ специальным разрешением, легализующим его вступление в правоотношение по поводу охраны ОКН.

Законом об ОКН предусмотрены следующие специальные разрешения, требуемые в определенных данным нормативным правовым актом (далее – НПА) случаях: лицензия, аттестация, открытый лист.

В частности, наличие специального разрешения – лицензии [1] требуется при разработке проектной документации по сохранению ОКН, а также при осуществлении определенных работ по сохранению ОКН.

Надлежит отметить, что НПА, которыми бы утверждались требования к составу проектной документации по сохранению ОКН отсутствуют. Соответствующие требования находят свое отражение только лишь в ГОСТе [2], который хотя и не носит характера документа обязательной регламентации, что, концептуально, было подтверждено Верховным Судом РФ [3], однако, являет собой ориентир для разработки указанной документации.

Согласно ГОСТу, проектные решения, содержащие меры по сохранению ОКН, должны учитывать утвержденные правовые режимы ОКН (например, его предмет охраны, зоны охраны и пр.).

Сказанное, соотносится как с имеющимся правовым регулированием (например, статья 42 Закона об ОКН предусматривает, что ремонт объекта может осуществляться исключительно способами, не затрагивающими его предмет охраны), так и с общей логикой аргументации, выстраиваемой по тому основанию, что охрана ОКН безусловно нацелена на обеспечение сохранности их уникальных свойств [4].

В то же время, оказывается, что по отношению к субъектам, выступающим разработчиками проектов правовых режимов ОКН (предметы охраны, границы территорий, защитные зоны, зоны охраны), то есть документации, на основании которой, уполномоченными органами власти, собственно, утверждаются данные режимы, и, впоследствии, осуществляется разработка проектной документации, определяющей способы и приемы непосредственных работ по сохранению ОКН, текущая регламентация не содержит требований о наличии специального разрешения, в чем бы оно не выражалось.

Доказательством приведенного выше тезиса служат Закон об ОКН и принятые в его развитие НПА Правительства РФ и Минкультуры России: постановления Правительства РФ от 12 сентября 2015 г. № 972 «Об утверждении Положения о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации» (далее – Постановление № 972) и от 14 декабря 2016 г. № 1357 «Об утверждении Положения о принятии региональным органом охраны объектов культурного наследия решения, предусматривающего установление границ защитной зоны объекта культурного наследия на расстоянии, отличном от расстояний, предусмотренных пунктами 3 и 4 статьи 34.1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», на основании заключения государственной историко-культурной экспертизы с учетом историко-градостроительного и ландшафтного окружения такого объекта культурного наследия и о внесении изменений в Положение о государственной историко-культурной экспертизе» (далее – Постановление № 1357), приказы Минкультуры России от 04 июня 2015 г. № 1745 «Об утверждении требований к составлению проектов границ территорий объектов культурного наследия» (далее – Приказ № 1745) и от 13 января 2016 г. № 28 «Об утверждении Порядка определения предмета охраны объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в соответствии со статьей 64 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее – Приказ № 28).

Одновременно с этим, в ряде случаев указанные НПА фиксируют дополнительную проблематику, обнаруживающуюся в том, что разработчик проектов изменения границ территорий ОКН (Приказ № 1745), защитных зон ОКН (Постановление № 1357) и зон охраны ОКН (Постановление № 972) специальной правоспособностью обла-

дать не должен, в то время как изготавливаемая им документация подлежит осуществляемой аттестованными экспертами государственной историко-культурной экспертизе или, иными словами, лицами, допускаемыми к деятельности по охране ОКН на основании специального разрешения (аттестация).

Порядок же разработки предметов охраны ОКН (Приказ № 28) не содержит требований о наличии специального разрешения у какого-либо субъекта, в принципе.

В связи с этим, представляется, что имеющееся правовое регулирование, во-первых, не отвечает задачам охраны ОКН, в целом, поскольку законодатель, определяя такие объекты как в каждом конкретном случае имеющие общенациональное значение уникальные вещи, очевидно, должен предъявить и особые требования к субъектам, осуществляющим любую деятельность в отношении ОКН.

Во-вторых, поскольку вышеуказанные проекты режимов ОКН, впоследствии, оказывают прямое воздействие на объем и пределы реализации гражданских прав, в первую очередь, правообладателями ОКН либо вещей, осложняемых данными режимами, которые, тем самым, также участвуют в охране ОКН в силу двойственности самого понятия «охрана» [5], постольку от разработчика ожидается и наличие особых квалификационных свойств, подтверждаемых специальным разрешением.

И, наконец, в-третьих, по мнению автора, текущая регламентация легализует диспропорцию правового положения субъектов, концептуально осуществляющих одну и ту же деятельность – разработку проектов режимов ОКН (разработчик и аттестованный (обладающий специальной правоспособностью) эксперт).

Таким образом, существующее положение не в полной мере отвечает как целям охраны ОКН, так и приводит к неравноправному положению частных субъектов: разработчиков проектов режимов ОКН, не обладающих специальной правоспособностью; аттестованных экспертов, осуществляющих государственную историко-культурную экспертизу ряда проектов; разработчиков проектной документации по сохранению ОКН и субъектов, выполняющих непосредственные работы по сохранению ОКН, требующих наличие соответствующей лицензии; правообладателей ОКН и вещей, осложняемых режимами ОКН, чьи права и обязанности изменяются согласно утверждаемым режимами ОКН, чему сопутствует ранее выявленная автором проблематика по их соблюдению [6, 7].

В связи с этим, представляется обоснованным изменение предъявляемых к правоспособности разработчиков проектов режимов ОКН требований, а точнее их принципиальное формирование, ввиду, как это было показано выше, полного отсутствия.

Видится, что предполагаемая регламентация может: а) исключить любые требования о специальной правоспособности субъектов, участвующих в разработке и рассмотрении проектов режимов ОКН (отмена положений о государственной историко-культурной экспертизе ряда проектов) – простейший, однако, не отвечающий целям охраны ОКН подход; б) по аналогии с Приказом № 1745, предусмотреть необходимость наличия у разработчиков проектов специальной правоспособности только лишь в случае изменения уже существующих режимов ОКН – дискуссионный подход, фиксирующий неравномерность требований к субъектам, выполняющим, по существу, одни и те же виды работ; в) закрепить в качестве обязательного условия наличие у разработчиков проектов режимов ОКН специальной правоспособности во всех случаях, в чем бы она не выражалась (например, аттестация или лицензия) – наиболее оптимальный путь решения исследуемой проблематики.

Очевидно, что форма и условия подтверждения правоспособности указанных субъектов – предмет отдельного научного труда. Вместе с тем, по мнению автора, намеченное правовое регулирование, несмотря на ограничение общей правоспособности разработчиков проектов режимов ОКН, во-первых, соответствует целям охраны ОКН, во-вторых, в большей мере отвечает балансу публичных и частных интересов и, в-третьих, способствует установлению баланса интересов между частными субъектами, а также их справедливому правовому положению относительно друг друга – разработчиков проектов режимов ОКН, аттестованных экспертов, осуществляющих государственную историко-культурную экспертизу, обладателей лицензии на работы по сохранению ОКН, правообладателей ОКН или вещей, осложняемых их режимами.

Подводя итоги публикации, автор приходит к выводу об отсутствии в законодательстве РФ требований о наличии специальной гражданской правоспособности у разработчиков проектов режимов ОКН, что не соответствует целям охраны ОКН, балансу интересов и правового положения участников деятельности по охране ОКН. По итогам исследования предложены изменения законодательства РФ, направленные на устранение выявленной проблематики посредством введения соответствующих требований относительно правоспособности вышеуказанных разработчиков.

Список литературы:

[1] Упоров И.В. Взаимосвязь лицензирования и правоспособности юридических лиц (теоре-

тико-практический аспект) // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 3-2 (73). С. 193-198.

[2] ГОСТ Р 55528-2013 Состав и содержание научно-проектной документации по сохранению объектов культурного наследия. Памятники истории и культуры. Общие требования (Издание с Поправкой) (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 августа 2013 г. № 593-ст) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200104243?ysclid=mtl7ohpfmn163995423 &section=text (дата обращения: 03.09.2026).

[3] Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 12 марта 2024 г. № АПЛ24-32 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Ивин А.А. Логика для юристов: учебник и практикум для вузов / А.А. Ивин. – М.: Издательство Юрайт, 2026. 262 с.

[5] Шаронов С.А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015. 445 с.

[6] Пивненко Д.Л. Правовой режим защитных зон объектов культурного наследия в условиях цифровизации // Цивилист. 2023. № 4 (44). С. 10-16.

[7] Пивненко Д.Л. Проблемы утверждения границ территорий объектов культурного наследия как исходной предпосылки их государственной регистрации // Цивилист. 2024. № 3 (49). С. 46-53.

References:

[1] Uporov I.V. The Relationship between Licensing and the Legal Capacity of Legal Entities (Theoretical and Practical Aspect) // Economics and Business: Theory and Practice. 2021. № 3-2 (73). S. 193-198.

[2] GOST R 55528-2013 Composition and Content of Scientific and Design Documentation for the Preservation of Cultural Heritage Objects. Historical and Cultural Monuments. General Requirements (Edition with Amendment) (approved and put into effect by Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated August 28, 2013, № 593 st) // Electronic Fund of Legal and Regulatory Technical Documents [Electronic resource] URL: https://docs.cntd.ru/document/1200104243?ysclid=mtl7ohpfmn163995423&secti on=text (date of access: 03.09.2026).

[3] Appellate ruling of the Appellate Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 12, 2024, № APL24-32 // SPS «ConsultantPlus».

[4] Ivin A.A. Logic for Lawyers: a textbook and workshop for universities / A.A. Ivin. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2026. 262 s.

[5] Sharonov S.A. Civil-Legal Regulation of Security Activities in the Russian Federation: dis. … Dr. of Law. sciences. Volgograd, 2015. 445 s.

[6] Pivnenko D.L. The legal regime of protective zones of cultural heritage sites in the context of digitalization // Civilist. 2023. № 4 (44). S. 10-16.

[7] Pivnenko D.L. Problems of approving the boundaries of territories of cultural heritage objects as an initial prerequisite for their state registration // Civilist. 2024. № 3 (49). S. 46-53.

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-380-387

КАЛИНИНА Елена Владимировна,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: kalinina_ev@lspu-lipetsk.ru

СМАРТ-КОНТРАКТ В МЕХАНИЗМЕ ЦИФРОВОГО ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. *Исследуется место смарт-контракта в механизме исполнения договорных обязательств по российскому гражданскому праву. Цель работы состоит в определении условий признания автоматизированной операции надлежащим исполнением и оснований распределения правовых последствий нарушений при ее совершении. Предложено разграничивать договорное основание автоматизации, юридически значимое обстоятельство, программную операцию и гражданско-правовой результат. Обоснована необходимость самостоятельной оценки соблюдения порядка автоматизированного исполнения и удовлетворения требования кредитора, предложен подход к распределению ответственности участников.*

Ключевые слова: *смарт-контракт, цифровизация, договорное обязательство, автоматизированное исполнение, надлежащее исполнение, программный код, гражданско-правовая ответственность, защита гражданских прав.*

KALININA Elena V.,
Head of the Department of State and Legal Disciplines, Lipetsk State Pedagogical P. Semyonov-Tyan-Shansky University, PhD in Law, Associate Professor

THE SMART CONTRACT IN THE MECHANISM OF DIGITAL PERFORMANCE OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS

Annotation. *The article examines the place of smart contracts in the performance of contractual obligations under Russian civil law. The study aims to determine when an automated operation may constitute proper performance and how the legal consequences of defects in its execution should be allocated. The proposed approach distinguishes the contractual basis for automation, the legally relevant circumstance, the software operation and the civil-law result. Separate assessment of compliance with the agreed procedure and satisfaction of the creditor's claim is substantiated, and an approach to the allocation of civil liability is proposed.*

Key words: *smart contract, digitalization, contractual obligation, automated performance, proper performance, program code, civil liability, protection of civil rights.*

Введение

Цифровизация договорных отношений ставит вопрос о соотношении согласованного сторонами порядка исполнения обязательства и гражданско-правового результата, достигаемого посредством программных операций. При автоматизации решение о совершении отдельных действий фактически переносится на стадию определения сторонами порядка исполнения обязательства, однако сохраняется необходимость установить, соответствует ли предоставленное кредитору исполнение содержанию возникшей обязанности. В связи с этим исследование смарт-контракта приобретает самостоятельное значение для определения гражданско-правовых последствий автоматизированного исполнения, особенно в случаях, когда совершение программной операции зависит от сведений об обстоятельствах,

возникающих за пределами соответствующей информационной системы.

Нормативную основу исследования составляет положение абзаца второго статьи 309 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (далее – ГК РФ), допускающее исполнение возникающих из сделки обязательств при наступлении определенных обстоятельств без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки. Данное положение применяется во взаимосвязи с общим требованием надлежащего исполнения обязательств и правилами статьи 408 ГК РФ о прекращении обязательства надлежащим исполнением. Отмеченное подтверждает тот факт, что гражданско-правовая оценка автоматизированного исполнения предполагает установление связи совершенной программной операции с конкретной обязанностью должника и тем предоставлением, которое в соответствии с условиями обязательства причитается кредитору.

В юридической литературе сложности применения смарт-контрактов связываются с недостаточностью специального правового регулирования и необходимостью законодательного закрепления соответствующего понятия [1, с. 50–51]. Вместе с тем гражданско-правовая проблематика смарт-контракта требует исследования последствий использования автоматизированного механизма при исполнении уже возникшего обязательства. Цель статьи состоит в определении места смарт-контракта в механизме исполнения договорных обязательств и условий признания результата автоматизированной операции надлежащим исполнением. В связи с этим рассматриваются значение предварительно выраженной воли сторон, использование внешних данных и распределение правовых последствий ошибок, возникающих при автоматизированном исполнении. Предмет исследования ограничен российским гражданским правом и охватывает преимущественно отношения, возникающие из предпринимательских договоров. Использованы формально-юридический метод, системное толкование и правовое моделирование. Судебные акты и сведения о практическом применении смарт-контрактов анализируются в пределах содержащейся в открытых источниках информации, а гипотетические ситуации используются для проверки сформулированных в статье выводов.

Договорное основание автоматизированного исполнения

В юридической литературе разграничиваются полностью автономные смарт-контракты и отдельные автоматизированные операции, дополняющие обычные договоры и обеспечивающие исполнение отдельных обязательств сторон [2]. Такое разграничение имеет значение для определения степени зависимости договорного отношения от функционирования соответствующей информационной системы. Автоматизированное формирование платежного распоряжения и программное осуществление всех взаимных предоставлений предполагают различный объем действий, которые сохраняются за участниками договора и должны быть совершены ими самостоятельно.

В другом исследовании обоснована необходимость разграничивать программу и договорное правоотношение. Смарт-контракт рассматривается как способ исполнения обычного договора либо как несамостоятельная конструкция, применяемая совместно с определенным договорным типом [3, с. 99]. Согласно иной позиции, смарт-контракт представляет собой договорную конструкцию, выраженную в программном коде, которая заключается и исполняется в специальной информационной системе и не требует обязательного существования дополнительного договора [4, с. 144]. Представляется обоснованным исходить из юридической функции программного кода в конкретном договорном отношении. Код может выражать согласованные сторонами условия либо обеспечивать исполнение обязательства, содержание которого определено иным способом. Юридическая квалификация соответствующего соглашения в таком случае зависит от содержания принятой сторонами обязанности и соблюдения установленных законом требований к сделке.

Для целей настоящего исследования смарт-контракт понимается как программный механизм совершения операций, направленных на исполнение договорного обязательства при наступлении согласованных сторонами обстоятельств без отдельного дополнительного распоряжения на совершение каждой операции. Такое определение отражает исполнительную функцию смарт-контракта, которая отсутствует при обычном электронном оформлении договора. Понятие цифрового исполнения используется как исследовательская категория, обозначающая организацию исполнения договорного обязательства с применением информационной системы. При этом абзац второй статьи 309 ГК РФ не связывает возможность такой автоматизации исключительно с использованием технологии блокчейна.

Следует разграничивать автоматизацию исполнения и способы обеспечения исполнения обязательств. В литературе отмечается, что признание смарт-контракта самостоятельным способом обеспечения лишь на основании возникающего обеспечительного эффекта затрудняет применение статьи 329 ГК РФ и определение

соотношения основного и обеспечительного обязательств [5, с. 57]. Применение технических средств действительно способно снизить вероятность уклонения стороны от исполнения, однако само по себе это обстоятельство не определяет содержание обеспечительного правоотношения. Программный механизм может использоваться при реализации конкретного способа обеспечения исполнения обязательства, правовые последствия которого определяются его юридической природой и согласованными сторонами условиями.

Основанием автоматизации выступает соглашение сторон об охватываемой ею обязанности, условиях совершения соответствующих операций и применяемых информационных технологиях. Предварительно выраженная воля сторон относится к определенному порядку исполнения обязательства и не означает согласия с любым результатом функционирования программы. Требования статей 160 и 434 ГК РФ предполагают возможность воспроизведения содержания сделки и достоверного определения лица, выразившего волю. В связи с этим доказательственное значение приобретает фиксация согласованной сторонами версии программы и установление ее связи с договором. Возникающее расхождение между программным кодом и текстовым изложением условий договора подлежит оценке с учетом правил статьи 431 ГК РФ, включая установление действительной общей воли сторон в случаях, когда буквального и системного толкования условий договора недостаточно. Сведения о функционировании алгоритма могут использоваться для установления технических обстоятельств и оцениваются судом в совокупности с другими доказательствами, тогда как правовая квалификация соглашения и определение его юридических последствий относятся к компетенции суда.

В деле № А55-7445/2022 ООО «Компания Визит» требовало понудить ООО «Премьера» к исполнению договора купли-продажи автомобиля, ссылаясь на оформление отношений с использованием платформы «Смарт-Контракт». Суды признали факт заключения договора недоказанным. Отказ в удовлетворении требований был оставлен без изменения постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 18 мая 2023 г. Данное дело связано с установлением волеизъявления сторон и доказанностью возникновения договорных отношений, а не с ошибкой при автоматизированном исполнении обязательства. Вместе с тем оно показывает необходимость установления самого соглашения сторон независимо от наименования использованного ими цифрового сервиса.

В решении Арбитражного суда Омской области от 27 мая 2019 г. по делу № А46-4990/2019 исследовалось соглашение ООО «Петролеум Трейдинг» и ООО «Ликом» об электронном заключении приложений к договору поставки, обозначенных как блокчейн-контракты. Суд учел согласованный сторонами порядок обмена сообщениями, использования простой электронной подписи и признания молчания акцептом и удовлетворил требования о взыскании задолженности и неустойки. Судебный акт подтверждает юридическое значение соглашения сторон о порядке электронного взаимодействия, однако не свидетельствует об автономном совершении платежей посредством программного кода. Поэтому вывод о надлежащем автоматизированном исполнении обязательства выходил бы за пределы вопросов, разрешенных судом в данном деле.

Юридическая оценка результата цифрового исполнения

Предлагаемый подход предполагает разграничение договорного основания автоматизации, юридически значимого обстоятельства, программной операции и гражданско-правового результата. Эти элементы позволяют определить пределы применения информационной технологии, обстоятельства, влекущие совершение автоматизированной операции, содержание работы программного механизма и изменения обязательственного правоотношения, наступающие вследствие предоставления исполнения. Такое разграничение позволяет установить, на каком этапе возникло несоответствие согласованному порядку исполнения и какие правовые последствия оно влечет. Корректность функционирования программы характеризует техническую сторону автоматизированного исполнения, тогда как прекращение обязательства требует самостоятельной гражданско-правовой оценки достигнутого результата.

В исследованиях, посвященных классификации смарт-контрактов, разграничиваются полностью и частично автоматизированные механизмы, учитываются особенности используемой программной среды и возможность обращения к внешним источникам сведений [6, с. 65]. Для обязательственного права такая дифференциация имеет значение при определении действий, которые сохраняются в качестве обязанностей участников договора. Так, при поставке материального товара автоматизация расчетов сама по себе не свидетельствует о совершении всех действий, необходимых для надлежащего исполнения обязанности поставщика. Поэтому правовая оценка исполнения должна распространяться и на ту часть предоставления, которая осуществляется без применения автоматизированного механизма.

В описании системы Smart Fuel (AFSC), размещенном на сайте ее разработчика АО

«ПроКСи», указывается на использование частной блокчейн-сети, взаимодействие с банковскими автоматизированными системами и применение планшетов пилотом и водителем заправочной техники. Представленные сведения характеризуют порядок организации расчетов за авиационное топливо, однако не позволяют в полном объеме установить содержание договорных отношений между их участниками. Вместе с тем данный пример позволяет рассмотреть вопрос о юридическом значении сведений, вводимых лицами, участвующими в заправке воздушного судна, и об обязанностях по обеспечению соответствия таких сведений фактическим обстоятельствам.

Представляется, что в правоприменительной практике существенное значение имеет разграничение самого юридически значимого обстоятельства и сообщения о его наступлении. Передача товара и поступление в информационную систему сведений о его передаче представляют собой самостоятельные фактические обстоятельства. Стороны вправе связать обязанность по оплате с передачей товара, установив определенный порядок подтверждения этого факта. Возможна и иная конструкция, при которой расчетная операция совершается после получения предусмотренного договором подтверждения. В каждом случае необходимо установить, определяет ли такое подтверждение исключительно порядок осуществления расчета либо его получение имеет значение для возникновения или наступления срока исполнения соответствующей обязанности. Техническая настройка программного механизма сама по себе не является достаточным основанием для отождествления поступления соответствующей записи с наступлением предусмотренного договором обстоятельства.

Статья 327.1 ГК РФ допускает обусловленное исполнение обязательства при наступлении согласованных сторонами обстоятельств, в том числе зависящих от воли одной из сторон. При этом условие, с которым связано исполнение обязательства, следует разграничивать с техническим способом установления факта его наступления. Если срок платежа связан с состоявшейся поставкой, не поступление сообщения о ее совершении само по себе не изменяет установленный договором срок исполнения денежных обязательств. Если же стороны непосредственно обусловили совершение платежа получением определенного подтверждения, правовой оценке подлежат содержание соответствующего условия и действия лиц, на которых возложены обязанности по формированию, передаче или подтверждению необходимых сведений. В связи с этим при согласовании автоматизированного порядка исполнения обязательства, целесообразно определять последствия непоступления сведений, наличия противоречий между ними, последующего исправления данных и использования иного способа подтверждения исполнения.

Самостоятельной правовой оценки требует результат совершенной операции. Согласно пункту 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» при безналичных расчетах денежное обязательство по общему правилу считается исполненным с момента зачисления денежных средств на корреспондентский счет банка, обслуживающего кредитора, либо банка, являющегося кредитором. Применительно к обычному межбанковскому переводу формирование платежного распоряжения еще не свидетельствует о прекращении денежного обязательства. Выполнение программой предусмотренной для нее операции может завершиться до наступления гражданско-правового результата, который определяется нормами об исполнении соответствующего обязательства и условиями договора.

В доктрине подчеркивается, что особенности исполнения смарт-контракта не исключают возможности правовой оценки возникших отношений и применения способов защиты нарушенных прав сторон [7, с. 105]. Развивая данное положение, представляется необходимым самостоятельно оценивать соблюдение согласованного порядка автоматизации и фактическое удовлетворение требования кредитора. Нарушение установленного сторонами порядка автоматизированного исполнения способно повлечь предусмотренные законом или договором правовые последствия, однако наличие такого нарушения само по себе не свидетельствует о сохранении основного долга. Если кредитор получил и принял причитающееся ему предоставление, повторное взыскание соответствующей суммы не может основываться исключительно на использовании несогласованной версии программы. Возможные убытки, причиненные нарушением установленного порядка автоматизации, в этом случае подлежат самостоятельной оценке.

Признание результата цифрового исполнения надлежащим предполагает установление связи совершенной операции с конкретным обязательством, юридического значения обстоятельства, с которым стороны связали ее совершение, надлежащего адресата и объема предоставления, соблюдения иных требований к исполнению, а также наличия правового основания для его осуществления. Проверка соответствия программного механизма достигнутому сторонами соглашению дополняет такую оценку и позволяет выявить нарушения, имеющие самостоятельное юридическое значение. Следует разграничивать

ошибочное предоставление при исполнении обязательства и недействительность сделки. Если условия договора были надлежащим образом согласованы, а отклонение от них возникло при функционировании программного механизма, признание сделки совершенной с пороком воли требует самостоятельных правовых оснований.

В зависимости от источника возникшего несоответствия представляется возможным различать недостатки согласования условий автоматизации, ошибки программной реализации, использование недостоверных сведений, технические сбои информационной системы и продолжение автоматизированных операций после изменения или прекращения правового основания исполнения. Такая классификация позволяет установить источник нарушения, не предрешая вопрос о возложении гражданско-правовой ответственности. Ошибка в расчете при использовании достоверных исходных данных свидетельствует о ненадлежащей реализации предусмотренного алгоритма, тогда как совершение формально корректной операции на основании недостоверных сведений требует установления содержания обязанностей лиц, отвечающих за их предоставление или проверку. Если автоматизированные перечисления продолжаются после прекращения соответствующей обязанности, правовая оценка должна охватывать момент ее прекращения и определение лиц, на которых договором или законом возложена обязанность обеспечить своевременное изменение либо прекращение программных операций.

Распределение рисков и защита участников обязательства

Концепция платформы коммерческих смарт-контрактов, опубликованная Банком России в июне 2026 г., предусматривает участие оператора, разработчиков, проверяющих организаций и поставщиков доверенных внешних данных, а также содержит положения об описании логики исполнения и проверке программных решений. Документ посвящен проектированию будущего механизма и сам по себе не устанавливает специальных оснований гражданско-правовой ответственности его участников. Его значение для настоящего исследования состоит в том, что предусмотренное в нем распределение технических функций позволяет определить круг обязанностей, которые могут подлежать согласованию в соответствующих договорных отношениях.

Распределение гражданско-правовой ответственности должно определяться с учетом содержания принятой каждым участником обязанности и причинной связи между ее нарушением и наступившими неблагоприятными последствиями. Разработчик может нести ответственность перед заказчиком за несоответствие программного продукта условиям задания, оператор – за нарушение согласованных требований к функционированию информационной системы, поставщик внешних данных – за ненадлежащее исполнение принятой обязанности по обеспечению достоверности сведений либо их передаче из определенного источника. Само по себе участие лица в технологическом процессе не влечет возникновения одинакового объема ответственности перед сторонами основного договора. Наличие нескольких связанных между собой договоров также не является достаточным основанием для возложения солидарной ответственности на всех участников за любое нарушение, возникшее при автоматизированном исполнении.

Применение статьи 403 ГК РФ предполагает установление того, было ли исполнение конкретной обязанности должника возложено на третье лицо. По общему правилу за действия такого лица перед кредитором отвечает должник, если законом непосредственно не установлена ответственность лица, являющегося непосредственным исполнителем. Разработка программного обеспечения сама по себе не означает принятия разработчиком обязанности произвести исполнение в пользу кредитора по основному договору. Вместе с тем использование должником приобретенного программного обеспечения не прекращает его обязанности предоставить кредитору причитающееся по договору исполнение. Поэтому ответственность должника перед кредитором и возможные требования должника к разработчику программного обеспечения подлежат самостоятельной оценке исходя из содержания соответствующих договорных отношений.

В предпринимательских отношениях применяется правило пункта 3 статьи 401 ГК РФ, в соответствии с которым лицо несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, если законом или договором не предусмотрены иные основания ответственности. Техническая природа ошибки либо сбоя сама по себе не позволяет квалифицировать соответствующее обстоятельство в качестве непреодолимой силы. Такая оценка требует установления причины нарушения, ее характера и влияния на возможность надлежащего исполнения обязательства. При согласовании договорных ограничений ответственности необходимо также учитывать недействительность заранее заключенного соглашения об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства. Условие договора с разработчиком об отсутствии гарантии полной безошибочности программного обеспечения само по себе не

освобождает должника от ответственности перед кредитором по основному обязательству.

Предоставление кредитором ошибочных реквизитов требует оценки с учетом статьи 404 ГК РФ, а несовершение кредитором действий, необходимых для исполнения обязательства должником, при наличии предусмотренных законом условий может повлечь последствия просрочки кредитора в соответствии со статьей 406 ГК РФ. Последствия непредоставления встречного исполнения определяются с учетом статьи 328 ГК РФ. Одно и то же цифровое сообщение может использоваться для подтверждения различных юридически значимых действий, поэтому его техническое наименование само по себе не позволяет установить, свидетельствует ли оно об исполнении обязанности по содействию, предоставлении встречного исполнения либо совершении иной необходимой для исполнения операции.

В исследованиях, посвященных изменению и расторжению смарт-контрактов, предлагается параллельное закрепление условий на естественном языке и в программном коде, предварительное определение изменяемых параметров и использование внешней проверки исполнения [8, с. 91–92]. Развивая указанные положения, следует разграничивать изменение самого обязательственного правоотношения и последующее изменение обеспечивающего его исполнение программного механизма. Юридические последствия соглашения сторон или вступившего в законную силу судебного акта не могут ставиться исключительно в зависимость от наличия технического доступа к программе. Вместе с тем возможность такого доступа непосредственно влияет на своевременность изменения или прекращения автоматизированных операций, вследствие чего обязанности по совершению соответствующих действий должны быть определены в отношениях между участниками заранее.

Полагаем, что предварительно выраженное согласие сторон на автоматизацию распространяется на совершение операций в пределах существующего правового основания исполнения. Последствия изменения или расторжения договора определяются статьей 453 ГК РФ, при этом отдельные обязанности могут сохраняться в силу закона, соглашения сторон или существа соответствующих отношений, в частности обязанность произвести расчеты за исполнение, предоставленное до изменения или прекращения договора. Использование автоматизированного механизма само по себе не свидетельствует об отказе стороны от права приостановить встречное исполнение при наличии оснований, предусмотренных статьей 328 ГК РФ, с учетом диспозитивного характера содержащихся в ней положений. Возможность прекращения или приостановления программных операций должна быть связана с соответствующими юридическими основаниями и не может использоваться для произвольного отказа от исполнения обязательства под предлогом устранения технического сбоя.

После совершения ошибочной операции выбор способа защиты зависит от правового основания произведенного предоставления. Статьи 1102 и 1103 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ определяют основания возврата неосновательного обогащения и соотношение соответствующих требований с иными способами защиты гражданских прав, тогда как статья 1109 ГК РФ устанавливает случаи, в которых неосновательное обогащение возврату не подлежит. При перечислении суммы, превышающей предусмотренный обязательством размер платежа, необходимо установить наличие либо отсутствие правового основания для удержания получателем соответствующего превышения. В то же время досрочное исполнение существующего обязательства по общему правилу не образует неосновательного обогащения. Последствия недействительности сделки, предусмотренные статьей 167 ГК РФ, применяются только при наличии самостоятельных оснований для признания сделки недействительной. Поэтому квалификация любой ошибочной автоматизированной операции в качестве реституции является юридически неточной.

В договорном условии об автоматизированном исполнении целесообразно определять обязательство, на которое распространяется автоматизация, согласованную версию программы и порядок ее изменения, а также юридическое значение сведений, поступающих из определенных сторонами источников. Самостоятельного согласования требуют обязанности по уведомлению об обнаруженных ошибках, предоставлению информации о совершенных операциях и переходу к резервному способу исполнения. Документирование результатов автоматизированных операций способствует установлению фактических обстоятельств исполнения, однако признание сторонами соответствующей записи доказательством не исключает необходимости установить, было ли в действительности предоставлено надлежащее исполнение.

Для предпринимательского договора может быть предложено следующее общее условие: «Автоматизированные операции совершаются в пределах соответствующего договорного обязательства с использованием согласованной сторонами версии программы. Юридическое значение сведений, поступающих из определенных договором источников, устанавливается его условиями. При изменении или прекращении обязательства

либо при возникновении предусмотренного законом или договором основания для приостановления исполнения сторона, на которую возложена соответствующая обязанность, обеспечивает в согласованном порядке изменение, прекращение или приостановление предстоящих автоматизированных операций. Если обязанность по предоставлению исполнения сохраняется, невозможность дальнейшего использования автоматизированного механизма влечет переход к предусмотренному договором резервному способу исполнения. Совершение автоматизированной операции не исключает последующей оценки надлежащего исполнения обязательства и применения предусмотренных законом или договором способов защиты гражданских прав». Такое условие требует конкретизации функций участников, сроков уведомления, порядка обмена сведениями и разрешения возникающих разногласий. Использование резервного способа исполнения должно исключать повторное предоставление того, что уже было надлежащим образом получено кредитором.

Заключение

Гражданско-правовое значение смарт-контракта определяется характером связи совершаемых программных операций с конкретным договорным обязательством. Разграничение договорного основания автоматизации, юридически значимого обстоятельства, программной операции и возникающего гражданско-правового результата позволяет установить источник несоответствия согласованному порядку исполнения и определить его правовые последствия. Самостоятельная оценка самого обстоятельства и поступивших сведений о нем позволяет избежать подмены установления факта надлежащего исполнения техническим подтверждением корректного функционирования программы.

Раздельная оценка соблюдения согласованного порядка автоматизированного исполнения и фактического удовлетворения требования кредитора позволяет учитывать последствия нарушения соглашения сторон об использовании цифрового механизма, не допуская повторного взыскания уже предоставленного исполнения. Гражданско-правовая ответственность участников соответствующих отношений должна определяться с учетом содержания принятых ими обязанностей и причинной связи между их нарушением и наступившими последствиями. Предварительное согласование юридического значения внешних данных, порядка изменения программного механизма и резервного способа исполнения позволяет использовать автоматизацию без снижения правовой определенности обязательства и без ограничения предусмотренных гражданским законодательством способов защиты.

Список литературы:

[1] Кирсанов А.Н., Кузьмин А.В. Смарт-контракт как особая договорная конструкция в российском законодательстве // Право и управление. XXI век. 2023. № 3. С. 45–52. DOI: 10.24833/2073-8420-2023-3-68-45-52..

[2] Савельев А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94–117.

[3] Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 78–105. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.78.105..

[4] Зайнутдинова Е.В. Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 126–147. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.126.147..

[5] Гринь О.С., Гринь Е.С., Соловьев А.В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. 2019. № 8. С. 51–62. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.051-062..

[6] Павлюк А.В., Кириллова Е.А. К вопросу о гражданско-правовой классификации смарт-контрактов // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 1. С. 62–68. DOI: 10.34076/2410-2709-2025-145-1-62-68..

[7] Ахмедов А.Я. Правовая природа смарт-контракта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5. С. 103–106.

[8] Шатковская Т.В., Евстафьева А.А. Правовое регулирование изменения и расторжения смарт-контракта по законодательству РФ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 85–94. DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-2-85-94..

References:

[1] Kirsanov A.N., Kuzmin A.V. Smart contract as a special contractual structure in Russian legislation // Law and management. XXI century. 2023. № 3. S. 45-52. DOI: 10.24833/2073-8420-2023-3-68-45-52..

[2] Savelyev A.I. Some legal aspects of the use of smart contracts and blockchain technologies under Russian law // Law. 2017. № 5. S. 94-117.

[3] Efimova L.G., Mikheeva IE, Chub D.V. Comparative analysis of doctrinal concepts of legal regulation of smart contracts in Russia and foreign countries // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2020. № 4. S. 78-105. DOI: 10.17323/

2072-8166.2020.4.78.105..

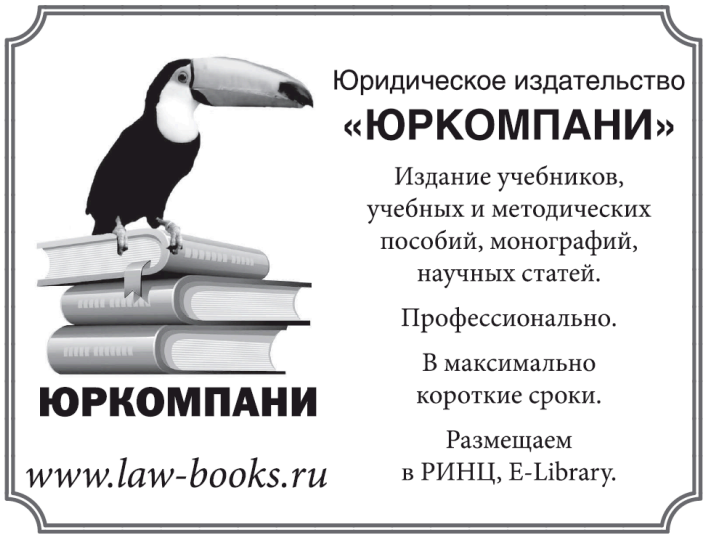
[4] Zainutdinova E.V. Models of legal regulation of a smart contract: general and special // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 3. S. 126-147. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.3.126.147..

[5] Grin OS, Grin ES, Soloviev A.V. Legal construction of a smart contract: legal nature and scope // Lex russica. 2019. № 8. S. 51-62. DOI: 10. 17803/1729-5920.2019.153.8.051-062..

[6] Pavlyuk A.V., Kirillova E.A. On the civil law classification of smart contracts // Russian law: education, practice, science. 2025. № 1. S. 62-68. DOI: 10.34076/2410-2709-2025-145-1-62-68..

[7] Akhmedov A.Ya. Legal nature of a smart contract // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. № 5. S. 103-106.

[8] Shatkovskaya T.V., Evstafieva A.A. Legal regulation due to the change and termination of the smart contract under the legislation of the Russian Federation // Severo-Caucasian Legal Bulletin. 2023. № 2. S. 85-94. DOI: 10.22394/2074-7306-2023-1-2-85-94..

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-388-393

ЧЕРДАКОВА Л.А.,
Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Иркутск, Россия, e-mail: mail@law-books.ru

РЕПИНА В.В.,
Студентка 3 курса, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, Иркутск, Россия, e-mail: mail@law-books.ru

НАСЛЕДОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА (НА ПРИМЕРЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАН АНГЛО-САКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ)

Аннотация. *Исследование посвящено наследованию цифровых активов на примере гражданского законодательства Российской Федерации и стран англосаксонской системы. В статье проведен сравнительно-правовой анализ квалификации цифровых активов, в частности, криптовалюты, как объекта наследственного правопреемства, исследованы механизмы доступа наследников к цифровым активам. Авторами проведен анализ действующего гражданского законодательства Российской Федерации и стран англосаксонской системы с целью выявления проблем реализации института наследования цифровых активов. На основе проведенного сравнительного анализа формулируются некоторые предложения по совершенствованию российского гражданского законодательства. Так, авторами поддерживается идея о необходимости введения в российское законодательство понятия «цифровое наследство». Представленная научная работа будет полезна обучающимся по юридической специальности, практикующим юристам и адвокатам, потенциальным наследникам.*

Ключевые слова: *цифровые активы, цифровые финансовые активы, правопреемство, наследование, англосаксонская правовая система, гражданское законодательство Российской Федерации, сравнительно-правовой анализ.*

CHERDAKOVA L.A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law at the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Irkutsk, Russia

REPINA V.V.,
Third-Year Student, East Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Irkutsk, Russia

INHERITANCE OF DIGITAL ASSETS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE

(BASED ON THE NORMS OF THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE COUNTRIES OF THE ANGLO-SAXON LEGAL SYSTEM)

Annotation. *This study focuses on the inheritance of digital assets in the Russian Federation and the countries of the Anglo-Saxon system. The article provides a comparative legal analysis of the qualification of digital assets, particularly cryptocurrencies, as objects of inheritance, as well as the mechanisms for access to digital assets by heirs. The study also analyzes the current legislation in Russia and abroad and identifies some challenges in the inheritance of digital assets. Based on the comparative analysis, the article formulates suggestions for improving Russian legislation. For example, it is necessary to introduce the concept of "digital inheritance" into Russian legislation. Our research will be useful for students studying law, practicing lawyers and attorneys, and potential heirs.*

Key words: *digital assets, digital financial assets, succession, inheritance, Anglo-Saxon legal system, Russian Federation, comparative legal analysis.*

В XXI веке сложно представить современного человека без доступа к сети «Интернет», процесс цифровизации проник во все сферы нашего общества, что привело к формированию новой, виртуальной среды, в которой создаются и обращаются принципиально новые виды активов и прав. В этой связи особое значение приобретают цифровые финансовые активы, легализованные в правовом поле многих стран, в том числе Российской Федерации, в качестве объекта гражданских прав [8]. Вместе с тем, характерные особенности цифровых финансовых активов порождают целый ряд правовых вопросов, среди которых ключевое место занимает проблема их наследования.

Определение правовой природы цифровых активов является необходимым условием для включения их в наследственную массу. На законодательном уровне не закреплено понятие «цифровой актив», однако в Российской Федерации основным нормативным актом, который регулирует цифровые активы является Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259 – ФЗ [11] (далее – ФЗ от 31.07.2020 N 259), в котором закреплено понятие цифровых финансовых активов (один из видов цифровых активов). «Цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» [3].

С 01 сентября 2026 года за исключением отдельных положений, вступил в силу Федеральный закон от 04.08.2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» [12]. Данный нормативный акт в статье второй говорит о том, что цифровые финансовые активы — это цифровые права, удостоверяющие денежные требования, права из эмиссионных ценных бумаг, права участия в уставном капитале непубличного акционерного общества, право требовать предоставления эмиссионных ценных бумаг. Также упомянутый закон предусматривает определение долговых цифровых финансовых активов, ключа доступа к адресу-идентификатору, что имеет важное значение для института наследования.

Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) позволяет нам отнести к объектам гражданских прав «иное имущество», в которое входят цифровые активы [13]. Судебная практика последовательно развивает подход, согласно которому криптовалюта признается «иным имуществом». Так, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 года № 09АП-16416/2018 по делу №А40-124668/2017 [14] - первое в России решение, в котором криптовалюту признали имуществом. Кировский районный суд г. Саратова в деле № 2-24/2025 от 24.04.2025 - о взыскании в доход государства денежных средств, эквивалентных стоимости цифровой валюты также отнес криптовалюту к категории «иного имущества», отметив, что она используется как средство платежа, инвестиций и накопления сбережений, а значит, обладает материальной ценностью. Суды признают криптовалюту имуществом, однако на практике ее невозможно конфисковать/изъять. Как отмечает д.ю.н., О.Н. Тисен: «установить ключи к электронным кошелькам на практике проблематично», а фактическая конфискация криптовалюты возможна лишь при добровольном

сотрудничестве владельца или обнаружении носителей с ключами в ходе обыска [10].

В доктрине отсутствует единство мнений относительно правовой природы цифровых активов. Одни авторы относят ее к «иному имуществу» или цифровым правам. К примеру, Михайлов А.А. отмечает, что «гражданское законодательство не содержит исчерпывающей дефиниции категории «иное имущество» [5], но логический анализ ст. 128 ГК РФ позволяет отнести к ней объекты гражданских прав, которые не являются вещами. Криптовалюта, не имеющая материального воплощения в реальном мире, может быть отнесена к этой категории». Другие – к обязательственным правам. К примеру, Новоселова Л.А. выдвигала концепцию биткоина как обязательственного права, однако данное мнение подверглось критике [6]. Третьи криптовалюту определяют, как уникальный объект, занимающий промежуточное положение между вещью и имущественным правом.

Однако, в Постановлении Конституционного суда Российской Федерации № 2-П/2026 сказано, что, несмотря на специфику цифровой валюты, обладание ею наполняется конкретным имущественным содержанием. Конституционный суд отметил, что гражданское законодательство принципиально не препятствует тому, чтобы рассматривать цифровую валюту как объект гражданских прав — в качестве «иного имущества» по смыслу ст. 128 ГК РФ [15]. Мы придерживаемся такого же мнения.

Несмотря на дискуссии относительно данного вопроса, вывод заключается в том, что виртуальная валюта (криптовалюта) включается в наследственную массу в силу статьи 1112 ГК РФ, согласно которой в состав наследства входят принадлежавшие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности [16]. При этом законодатель исключает из наследственной массы личные неимущественные права и другие нематериальные блага. Квалификация цифровых активов, к которым относятся социальные сети, электронные кошельки, цифровые права, вызывает определенную сложность- они отнесены к иному имуществу, в силу отсутствия у них материальных свойств. И так, наследодатель обладает правом включения цифровых активов в наследственную массу наравне с иным имуществом при условии уведомления о данном факте правопреемника. Однако специфика цифровых активов, в частности, анонимность владельца, создает на практики правовые коллизии. Нередки ситуации, когда наследники лишены возможности подтвердить свои правомочия в отношении таких активов в рамках наследования, поэтому наследодателю лучше передавать свои цифровые активы по завещанию. В качестве примера обратимся к решению Московского городского суда по делу № 33-14798/2022 [17], в котором наследник доказывал свое право на криптовалюту умершего, но суд отказал из-за того, что не было документов, подтверждающих владение и доступ к активу.

Для устранения подобных проблем предлагается ввести нормы о цифровом наследстве в российское законодательство, установить порядок передачи доступа к цифровым активам через нотариальные процедуры, а также установить приоритет норм наследственного права над условиями пользовательских соглашений. В 2025 году группа депутатов от фракции «Новые люди» предложили ввести в российское законодательство понятие «цифровое наследство». Было предложено разработать и внести изменения в ГК РФ, которые бы ввели понятие "цифрового наследства". По мнению инициаторов, необходимо определить статус цифровых активов и закрепить право граждан завещать доступ к ним.

Таким образом, несмотря на то, что цифровые активы признаны в Российской Федерации имуществом, без приватных ключей и паролей, наследник ничего не получит.

В российском законодательстве на сегодняшний день нет четкого закрепления передачи цифровых активов по наследству и это создает правовую неопределенность, в связи с чем возникают проблемы с наследованием цифровых активов.

Подход к квалификации цифровых активов в странах англо-саксонской системы также эволюционирует. В законодательстве стран англосаксонской правовой системы (США, Канада, Великобритания, Австралия) применяются иные походы к гражданско-правовому, финансовому, налоговому регулированию цифровых активов, нежели в России. Так, в Канаде и в Австралии криптовалюта оценивается как биржевой товар при оплате товаров и услуг, такая сделка представляет собой бартер [2]. Уже на этом этапе мы можем увидеть значительное отличие в правовом регулировании Российской Федерации от правового регулирования в странах с англосаксонской правовой системой. В Российской Федерации криптовалюта признается имуществом, а в Канаде и Австралии - биржевым товаром. С 2020 года в Канаде наблюдается усиление законодательного внимания к защите персональных данных в электронном пространстве. Ярким примером данной тенденции стало внесение в июне 2022 года в парламент законопроекта Bill C-27: Digital Charter Implementation Act [6]. Представленный законодательный акт объединяет три нормативных положения: Закон «О защите конфиденциальности пользователей», Закон «Об искусственном интеллекте».

В марте 2014 года Служба внутренних дохо-

дов США опубликовала нормативный правовой акт, установивший правовой статус виртуальных валют, включая криптовалюту в качестве объекта собственности, что повлекло за собой их подчинение общему налоговому режиму. При этом, несмотря на формальное признание криптовалют имуществом, базовые принципы налогообложения собственности и сделок с ней оказались не полностью применимы к специфике виртуальных активов, но сделку по обмену виртуальной валюты в отдельных случаях можно было бы определить инвестицией, а в соответствие с Налоговым кодексом США, транзакции с инвестициями освобождаются от налогообложения. Разрешение указанной коллизии было достигнуто в 2017 году путем внесения определенных изменений в налоговое законодательство [9].

Несмотря на проведенный анализ Законов федерального уровня США, необходимо также затронуть Законы отдельных Штатов. Так, согласно законодательству штата Вирджиния, к категории цифровых активов относится любая информация, представленная в виде текста, изображения или мультимедийных данных, а также иные формы личного имущества, сохраненные в аналоговом или цифровом виде на электронных носителях, включая серверы, компьютеры и иные устройства.

Также в штате 4 марта 2025 года был принят Палатой делегатов законопроект № 339. Данный законопроект предполагает создание рабочей группы для изучения криптовалюты и блокчейн. Также данный законопроект освобождает физических и юридических лиц, занимающихся майнингом цифровых активов, от необходимости получать лицензию на осуществление денежных переводов [9]. Он также защищает майнеров от дискриминации. В Великобритании, исторической родины англосаксонская правовой семьи, правовое регулирование цифровых активов осуществляется в рамках законодательства о финансовых услугах. В Великобритании, как и в России и в других, рассматриваемых нами странах, криптовалюта не является официальным средством платежа, а признается как имуществом. На уровне штатов приняты законы, регулирующие наследование цифровых активов. Наиболее показателен Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act (UFADAA), принятый Единообразным законом комиссией США в 2015 году и впоследствии имплементированный более чем 40 штатами [9]. Данный акт устанавливает, что цифровые активы включают в себя «электронную информацию, права на цифровые активы и учетные записи пользователей»

Основным законом Великобритании является, принятый в 2000 году, Закон о финансовых услугах и рынках (Financial Services and Markets Act), а в 2023 году закон был существенно изменен. Согласно данному закону криптоактивы - цифровое представление стоимости или договорных прав, которое можно передавать, хранить или торговать в электронном виде и использовать технологии записи или хранения данных. Также данный закон регулирует стейблкоины (криптовалюта, которая привязана к стабильному активу) [8]. В полномочия Министерства финансов Великобритании входит создание системы авторизации и надзора в отношении стейблкоинов. В Англии специального законодательства относительно наследования цифровых активов не существует, однако судебная практика и доктрина исходят из того, что криптовалюта может рассматриваться как имущество (property) в соответствии с классификацией, выработанной в деле National Provincial Bank v Ainsworth [1965].

Ключевой проблемой наследования цифровых активов, общей для всех правовых систем, является техническая особенность их хранения. Доступ к криптовалюте осуществляется с помощью закрытого (приватного) ключа — уникальной последовательности символов. Как справедливо отмечает И. Джафаров, «владение криптовалютой фактически приравнивается к владению ключом» [1]. В отсутствие ключа криптовалюта становится недоступной даже при наличии формальных наследственных прав.

Обладатель цифровых активов имеет охраняемый законом интерес в их посмертной передаче. Специфика таких активов обусловлена не столько их правовой природой, сколько уникальной формой существования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что прогрессирующая цифровизация общества и технологическое развитие актуализируют потребность в совершенствовании действующего законодательства и разработке специальных правовых механизмов, регулирующих порядок приобретения наследственных прав на цифровые активы. Так, например, мы поддерживаем предложение о введении в российское законодательство понятие «цифровое наследство». На данный период развития гражданского законодательства Российской Федерации в нем отсутствуют четкие правила, которые бы урегулировали механизм передачи прав по наследству отдельных видов цифровых активов: токенов, стейблкоинов.

В рамках проведенного анализа законодательства отдельных стран англосаксонской правовой системы следует сформулировать вывод о том, что в этих странах уровень правовой регламентации носит аналогичный российскому характер. На фоне всех прочих стран, выделяются США и Канада, поскольку в этих странах сформирована достаточно разветвленная и систематизированная нормативная база, которая выступает

регулятором наследственных отношений, объектом которых выступают цифровые активы.

Список литературы:

[1] Джафаров И. Криптовалюта в разделе имущества и наследстве / И. Джафаров // Банковское обозрение. — 2025.

[2] Гирич М.Г., Ермохин И.С., Левашенко А.Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций, 2022, Т. 17. № 4. С. 176–192.

[3] Жанабилова А.Б. Наследование цифровых активов: дис. …канд.юрид.наук: 5.1.3 /Жанабилова Асель Булатказыевна –СПб., 2024., -174с.

[4] Лосева О.В. Виды и классификация цифровых активов для целей стоимостной оценки / О.В. Лосева // Имущественные отношения в Российской Федерации. -2022. -№ 2. С.13.

[5] Михайлов А. А. Криптовалюта как объект российского гражданского права (к вопросу о конкретизации категории «иное имущество»)/ А.А. Михайлов // Право – 2017. № 8. С.146-149.

[6] Новоселова Л. А. О правовой природе биткоина / Л. А. Новоселова // Хозяйство и право. — 2017. — № 9. — С. 3–16.

[7] Осадчая А.А. Наследование цифровых активов: сравнительный анализ правового регулирования в Российской Федерации и за рубежом // Вестник науки, 2024-Севастополь, Т.5. № 12. 12с.

[8] Раздрожный К.Б. Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах: дис… канд.юр.наук: 12.00.04 /Раздрожный Константин Борисович –М., -221с.

[9] Савицкая К.Д. Институт цифрового наследования: особенности правового регулирования на примере Соединенных Штатов Америки // Вестник Полоцкого государственного университета, 2015 –Полоцк, с. 154-158.

[10] Тисен О.Н. Доказывание преступлений, совершенных с использованием криптовалют: следственная и судебная практика в условиях пробелов в законодательстве // криминологический журнал, 2023. № 2. С.152-157.

[11] Федеральный закон "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 31.07.2020 N 259 – ФЗ.

[12] Федеральный закон от 04.08.2026 г. № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах».

[13] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. (ред. от 30.12.2008).

[14] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 года № 09АП-16416/2018 по делу №А40-124668/2017 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.06.2026 г.).

[15] Постановление Конституционного суда Российской Федерации № 2-П/2026 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.06.2026 г.).

[16] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26 ноября 2001 г. (ред. от 30.12.2008).

[17] Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 20 апреля 2022 года по делу № 33-14798/2022. // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 11.06.2026 г.).

References:

[1] Jafarov I. Cryptocurrency in the property and inheritance section/I. Jafarov // Banking Review. — 2025.

[2] Girich M.G., Ermokhin I.S., Levashenko A.D. Comparative analysis of the legal regulation of digital financial assets in Russia and other countries // Bulletin of International Organizations, 2022, T. 17. № 4. S. 176-192.

[3] Zhanabilova A.B. Inheritance of digital assets: dis.... cand.yurid.nauk: 5.1.3 / Zhanabilova Asel Bulatkazyevna -SPb., 2024., -174s.

[4] Loseva O.V. Types and classification of digital assets for valuation purposes / O.V. Loseva // Property relations in the Russian Federation. -2022. -№ 2. S.13.

[5] Mikhailov A. A. Cryptocurrency as an object of Russian civil law (on the issue of specifying the category "other property") / A.A. Mikhailov // Law - 2017. № 8. P.146-149.

[6] Novoselova L. A. On the legal nature of bitcoin/L. A. Novoselova // Economy and law. — 2017. — № 9. - S. 3-16.

[7] Osadchaya A.A. Inheritance of digital assets: a comparative analysis of legal regulation in the Russian Federation and abroad // Bulletin of Science, 2024-Sevastopol, T.5. № 12. 12s.

[8] Razdrozhny K.B. Financial and legal regulation of digital financial assets in the Russian Federation and in foreign countries: dis... Candidate of Legal Science: 12.00.04 / Razdrozhny Konstantin Borisovich -M., -221s.

[9] Savitskaya K.D. Institute of Digital Inheritance: Features of Legal Regulation on the Example of the United States of America // Bulletin of Polotsk State University, 2015 -Polotsk, p. 154-158.

[10] Tisen O.N. Proving crimes committed using cryptocurrencies: investigative and judicial practice in the face of gaps in legislation // criminological journal, 2023. № 2. P.152-157.

[11] Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 31.07.2020

No. 259-FZ.

[12] Federal Law No. 04.08.2026 of 282-FZ "On Digital Currencies and Digital Rights".

[13] Civil Code of the Russian Federation. Part One dated November 30, 1994 (as amended 30.12.2008).

[14] Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of May 15, 2018 No. 09AP-16416/2018 in case No. A40-124668/2017 // SPS ConsultantPlus (date of appeal: 10.06.2026).

[15] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2-P/2026 // SPS ConsultantPlus (date of appeal: 10.06.2026).

[16] Civil Code of the Russian Federation. Part Three dated 26 November 2001 (rev. dated 30.12.2008).

[17] Appeal ruling of the Investigative Committee in civil cases of the Moscow City Court dated April 20, 2022 in case No. 33-14798 / 2022 // SPS ConsultantPlus (date of appeal: 11.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-394-399

ПАНОВ Алексей Евгеньевич,
Магистрант, Северо-Западный институт (филиал)
Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: aleksej.panov.02@inbox.ru

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОШЛИНЫ, УПЛАЧЕННОЙ ЗАЛОГОВЫМ КРЕДИТОРОМ В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ, В РЕЕСТРЕ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ

Аннотация. *В статье анализируется вопрос о том, необходимо ли государственную пошлину, уплаченную кредитором при включении в реестр требований кредиторов, признавать обеспеченной залогом наряду с иными залоговыми требованиями. Отсутствие соответствующих разъяснений и некорректность формулировок в законе обозначены в качестве причин разрозненности судебной практики по исследуемому вопросу. Делается обоснованный вывод о вхождении указанной государственной пошлины в объем залогового обеспечения, на основании чего предлагаются конкретные меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *государственная пошлина, залог, реестр требований кредиторов, залоговое обеспечение, полное обеспечение, банкротство.*

PANOV Aleksei Evgen´evich,
Master's student at the Northwestern Institute
(branch) O.E. Kutafin University (MGUA)

REGARDING THE ISSUE OF THE STATUS OF THE STATE FEE PAID BY THE SECURED CREDITOR IN THE BANKRUPTCY CASE IN THE REGISTER OF CREDITORS' CLAIMS

Annotation. *The article analyzes the question of whether the state fee paid by the creditor when including a claim in the register of creditors' claims should be recognized as secured by a pledge along with other secured claims. The lack of appropriate clarifications and the incorrect wording in the law are identified as the reasons for the inconsistency of judicial practice on the issue under consideration. A well-founded conclusion is drawn that the said state fee is included in the scope of the collateral security, on the basis of which specific measures are proposed to improve the legislation and law enforcement practice.*

Key words: *state duty, collateral, register of creditors' claims, security pledge, full security, bankruptcy.*

Введение

Залоговый приоритет имеет важное значение в деле о банкротстве, когда денежных средств для погашения всех требований кредиторов объективно недостаточно. Обеспечение обязательства залогом имущества должника позволяет кредитору получить удовлетворение требований в первоочередном порядке.

С учетом установления обязанности уплачивать государственную пошлину по каждому обособленному спору [5] и кратного увеличения размера этой пошлины [6], ответ на вопрос о ее месте в реестре требований кредиторов существенно влияет на имущественную сферу залогового кредитора.

В.А. Кочелаевский уже обратил внимание юридического сообщества на использование судами некорректной формулировки, которая необоснованно отделяет государственную пошлину от иных требований залогового кредитора в части порядка ее погашения [1].

Подобные упущения можно было бы списать на различия формулировок в заявлениях кредиторов. Однако на настоящий момент имеется очевидная разрозненность судебной практики, что подтверждается результатами сравнительного анализа новейших судебных актов.

Так, требования одного и того же заявите-

ля, который, вероятно, предъявляет их одинаковым образом, оцениваются судами по-разному. В одном случае все требования, включая государственную пошлину, признаются обеспеченными залогом имущества должника [7]. В другом – государственная пошлина, по мнению суда, не входит в объем залогового обеспечения [8]. Важно отметить, что во всех случаях речь идет о непросуженной государственной пошлине, которая уплачивается непосредственно при подаче кредитором заявления в рамках дела о банкротстве.

Очевидный правовой пробел объясняется, на наш взгляд, тем, что к настоящему времени не все институты банкротства адаптированы под изменившиеся правоотношения.

Целью работы является формулирование основанного на нормах права и судебной практике предположения о том, как должна учитываться государственная пошлина, присужденная в пользу залогового кредитора в рамках дела о банкротстве, в реестре требований кредиторов.

Достичь поставленной цели можно путем решения следующих задач:

На основании общих положений банкротного законодательства определить место исследуемой государственной пошлины в реестре требований кредиторов.

Выявить предпосылки существования противоречивой практики и установить проблемные аспекты, нуждающиеся в корректировке.

Определить объем залогового обеспечения в рамках дела о банкротстве и необходимость признания исследуемой государственной пошлины обеспеченной залогом.

Место государственной пошлины в реестре требований кредиторов безотносительно залогового обеспечения

Как следует из статей 7, 40, 71, 100 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [9], судебный акт не всегда является необходимым условием для инициирования банкротства, а в случае уже имеющейся процедуры его наличие никогда не предъявляется в качестве обязательного предписания.

Указанное обуславливает наличие нескольких возможных вариантов развития дела о банкротстве. Во-первых, требование кредитора к моменту его заявления может быть подтверждено вступившим в законную силу судебным актом с распределением в нем судебных расходов. Во-вторых, кредитор может понести судебные расходы, в том числе, на уплату государственной пошлины, непосредственно в деле о банкротстве. Указанные судебные расходы в каждом из случаев имеют особый порядок их учета в реестре требований кредиторов.

Определение обоснованности требования кредитора в рамках дела о банкротстве является разновидностью обособленного спора [2, с. 85], за рассмотрение которого, в отсутствие судебного акта, предусмотрена уплата государственной пошлины.

На нее распространяется правовой режим финансовых санкций, что подразумевает отдельный ее учет в реестре требований кредиторов и погашение после удовлетворения всех требований по основному долгу [10].

Некоторые исследователи ошибочно полагают, что любые судебные расходы кредиторов надлежит учитывать аналогичным образом [3]. Однако описанный ранее порядок применим лишь к расходам по обособленным спорам, то есть издержкам, понесенным непосредственно в деле о банкротстве. На основании прямого указания, содержащегося в подпункте 5 пункта 1 статьи 333.37 Налогового кодекса Российской Федерации [11], кредиторы по просуженным требованиям освобождаются от уплаты государственной пошлины, то есть не имеют связанных с ней расходов в обособленном споре.

Таким образом, вариативность обособленных споров, связанных с установлением требований кредиторов, обуславливает необходимость учета в каждом конкретном случае специфики возникновения требования.

Поскольку по поводу взысканной в общеисковом порядке государственной пошлины спорные вопросы не возникают, в настоящей статье речь пойдет исключительно о государственной пошлине, уплачиваемой в рамках дела о банкротстве по непросуженному ранее требованию.

Предпосылки формирования разрозненной практики

В рамках дела о банкротстве не только основной долг, но и любые финансовые санкции имеют залоговый приоритет в соответствующей очереди реестра. Указанное распространяется как на мораторные проценты [12], так и на пени и штрафы [13].

Однако государственная пошлина, уплачиваемая кредитором при включении в реестр требований кредиторов, по правовой природе не является санкцией, хоть и относится в ординарной ситуации к такой же очередности. При этом отдельные разъяснения на счет нее применительно к залоговому обеспечению отсутствуют. В связи с этим суды лишены четкого ориентира при вынесении судебных актов.

Как показал анализ судебной практики, упоминавшейся ранее, суды в принципе не анализируют вопрос о том, следует ли государственную пошлину также считать обеспеченной залогом. Мотивировочная часть содержит, как правило, лишь обоснование невозможности ее отнесения к текущим платежам. То есть фактическое лишение

части требования залогового приоритета никак не обосновывается.

Представляется, что может осложнять ситуацию то, что в пунктах 1 и 2 статьи 138 Закона о банкротстве содержится указание на исчерпывающий перечень требований, погашаемых при реализации предмета залога: не более основного долга и процентов (санкций). Смысл указанной нормы состоит в том, чтобы залоговый кредитор не получил удовлетворение в размере, превышающем размер его требования.

Вместе с тем, буквальное толкование этих предписаний излишне ограничивает сферу их применения по виду требований без какой-либо на то необходимости. А именно, о каком залоговом приоритете государственной пошлины может идти речь

Возможно, обычно уплачиваемая государственная пошлина составляет слишком малый процент от общего размера требований залоговых кредиторов, чтобы инициировать пересмотр таких судебных актов. Или же несение дополнительных расходов на обжалование видится им нецелесообразным. Поэтому залоговые кредиторы вынуждены соглашаться со сложившейся правоприменительной практикой.

Думается, что с точки зрения необходимости обеспечения законности и единообразия судебной практики игнорирование вопроса о месте государственной пошлины, уплаченной кредитором при включении в реестр требований кредиторов, недопустимо.

Правовое обоснование необходимости совершенствования законодательства

Из статьи 337 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что залогом обеспечивается все требование кредитора, включая связанные с ним расходы на реализацию предмета залога [14]. И.И. Зикун полагает, что в указанном правиле проявляется принцип полного обеспечения, а также его единство [4, с.49-50].

Верховный Суд Российской Федерации акцентировал внимание на том, что общегражданские положения об объеме залогового обеспечения применяются и в банкротстве [15].

Конечно, при несостоятельности залогодателя обеспечение имеет некоторую усеченность, по сравнению с ординарными гражданскими правоотношениями, что проявляется, например, в невозможности для залогового кредитора претендовать на весь объем выручки от реализации предмета залога [16]. Вместе с тем, пределы ограничений приоритета залогового кредитора строго регламентированы законом и вопрос о реестровой государственной пошлине к ним не относится.

Банкротство является одним из вариантов реализации предмета залога на случай неплатежеспособности должника. Соответственно, все связанные с такой реализацией расходы должны быть обеспечены залогом.

К их числу следует отнести и государственную пошлину за рассмотрение требования кредитора, поскольку такой обособленный спор является необходимой предпосылкой для определения правового режима имущества должника и правового статуса кредитора. Правильность этого подхода подтверждается тем, что схожая государственная пошлина, уплаченная в общеисковом порядке за оценку обоснованности требований залогодержателя, признается обеспеченной залогом [17].

Таким образом, имеются все правовые основания для признания государственной пошлины, уплаченной залоговым кредитором при включении в реестр требований кредиторов, как обеспеченной залогом имущества должника.

Руководящая роль разъяснений Верховного Суда Российской Федерации [18], а также наличие у него полномочий вносить изменения в позиции упраздненного Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации [19] позволяют предложить вариант совершенствования актов правоприменительного характера.

Так, необходимо дополнить пункт 17 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» указанием на то, что государственная пошлина, уплаченная кредитором по обособленному спору о признании обоснованными его требования, приравнивается по своей природе к задолженности по финансовым санкциям, обеспеченной залогом.

Также для устранения любых противоречий, связанных с дальнейшим удовлетворением залоговых требований, следует в пунктах 1 и 2 статьи 138 Закона о банкротстве слова «не более чем основная сумма задолженности по обеспеченному залогом обязательству и причитающихся процентов» заменить на «не более чем общий размер требований по обеспеченному залогом обязательству».

Заключение

Таким образом, в целях совершенствования и гармонизации законодательства, касающегося состава требований залогового кредитора в реестре требований кредиторов в деле о банкротстве, предлагается следующее.

Прежде всего, необходимо из пунктов 1 и 2 статьи 138 Закона о банкротстве исключить излишнюю конкретизацию обязательств, на погашение которых могут быть потрачены денежные средства, полученные от реализации предмета залога. Достаточно лишь указания на то, что кредитору причитается сумма, не превышающая размер обеспеченных залогом требований. Это

будет соответствовать общим положениям гражданского законодательства об объеме залогового обеспечения, а также актуальному механизму рассмотрения требований кредиторов.

Однако такие нововведения, хоть они и необходимы для устранения противоречий, будут явно недостаточны для изменения практики включения требований залогового кредитора в реестр требований кредиторов должника, поскольку напрямую не регламентируют этот вопрос. В связи с этим необходимы разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о том, что все требования, возникшие в связи с судебной защитой залогового кредитора, считаются обеспеченными залогом имущества должника наряду с основным долгом, финансовыми санкциями и мораторными процентами.

Список литературы:

[1] Кочелаевский, В.А. Госпошлина, уплачиваемая залоговым кредитором, в рамках дела о банкротстве: обеспеченное ли требование? / В.А. Кочелаевский. – Текст : электронный // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2025/9/28/gosposhlina_uplachivaemaya_zalogovym_kreditorom_v_ramkah_dela_o_bankrotstve_obespechennoe_li_trebova?ysclid=mtbdoif28a417541785& (дата обращения: 19.08.2026).

[2] Аверина, А.В. Обособленный спор в деле о несостоятельности (банкротстве): понятие, виды / А.В. Аверина. – Текст : непосредственный // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2024. № 3(61). С. 83-88.

[3] Колосова И., Подгорная А. Госпошлина в банкротстве: новая практика – новые вопросы / И. Колосова, А. Подгорная. – Текст : электронный // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/03/gosposhlina_v_bankrotstve_novaya_praktika__novye_voprosy (дата обращения: 20.08.2026).

[4] Зикун, И.И. Совокупный залог. Часть I: Обеспечительные доли / И.И. Зикун. – Текст : непосредственный // Вестник гражданского права. 2025. № 3. С. 9-68.

[5] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024 : ред. от 27.11.2024 // Справочно-правовая система Консультантплюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.08.2026).

[6] О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах : Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ : ред. от 28.11.2025 // Справочно-правовая система Консультантплюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.08.2026).

[7] Например, Определение Арбитражного суда г. Москвы от 02.07.2026 по делу № А40-17633/2026 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 19.08.2026).

[8] Например, Определение Арбитражного суда г. Москвы от 23.04.2026 по делу № А40-16925/2026 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 19.08.2026); Определение Арбитражного суда г. Москвы от 30.07.2026 по делу № А40-13231/2026 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 19.08.2026). Также указанное справедливо для банкротства юридических лиц, например, Определение Арбитражного суда г. Москвы от 26.08.2026 по делу № А40-99256/2025 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 26.08.2026).

[9] О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ : ред. от 10.06.2026 // Справочно-правовая система Консультантплюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.08.2026).

[10] П. 18 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» : ред. от 23.12.2025 // Справочно-правовая система Консультантплюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.08.2026).

[11] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ : ред. от 20.02.2026 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026 // Справочно-правовая система Консультантплюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.08.2026).

[12] П. 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 06.12.2013 № 88 «О начислении и уплате процентов по требованиям кредиторов при банкротстве» // Справочно-правовая система Консультантплюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.08.2026).

[13] Например, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.03.2017 № 301-ЭС16-17271 по делу № А79-7479/2014 // Справочно-правовая система Консультантплюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.08.2026).

[14] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ : ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025 : с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025 // // Справочно-правовая система Консультантплюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.08.2026).

[15] П. 3 Обзора судебной практики по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей : утв.

Президиумом Верховного Суда РФ 21.12.2022 // Справочно-правовая система Консультантплюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.08.2026).

[16] П. 14 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021 // Справочно-правовая система Консультантплюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.08.2026).

[17] П. 17 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // Справочно-правовая система Консультантплюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.08.2026).

[18] О внесении изменений в статью 19 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и статью 5 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» : Федеральный конституционный закон от 04.08.2026 № 3-ФКЗ // Справочно-правовая система Консультантплюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 26.08.2026).

[19] О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статью 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» : Федеральный конституционный закон от 04.06.2014 № 8-ФКЗ // Справочно-правовая система Консультантплюс. URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 26.08.2026).

References:

[1] Kochelaevsky, V.A. Gosposhlina, paid by the collateral creditor, in the framework of the bankruptcy case: is there a secured claim? V.A. Kochelaevsky. - Text: electronic // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2025/9/28/gosposhlina_uplachivaemaya_zalogovym_kreditorom_v_ramkah_dela_o_bankrotstve_obespechennoe_li_trebova?ysclid=mtbdoif28a417541785& (дата обращения: 19.08.2026).

[2] Averina, A.V. Separate dispute in insolvency (bankruptcy) case: concept, types/A.V. Averina. - Text: direct // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. 2024. № 3(61). S. 83-88.

[3] Kolosova I., Podgornaya A. Gosposhlina in bankruptcy: new practice - new questions/ I. Kolosova, A. Podgornaya. - Text: electronic // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2025/04/03/gosposhlina_v_bankrotstve_novaya_praktika__novye_voprosy (дата обращения: 20.08.2026).

[4] Zikun, I.I. Aggregate collateral. Part I: Security Interests/I.I. Zikun. - Text: direct // Civil Law Bulletin. 2025. № 3. S. 9-68.

[5] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2024): approved The Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 29.05.2024: ed. From 27.11.2024 // Reference and legal system Consultantplus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 19.08.2026).

[6] On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Taxes and Duties: Federal Law of 08.08.2024 No. 259-FZ: rev. of 28.11.2025 // Reference and Legal System Consultantplus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 19.08.2026).

[7] For example, the Ruling of the Arbitration Court of Moscow of 02.07.2026 in case No. A40-17633/2026 // File of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/ (access date: 19.08.2026).

[8] For example, the Ruling of the Arbitration Court of Moscow of 23.04.2026 in case No. A40-16925/2026 // File of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/ (access date: 19.08.2026); Determination of the Arbitration Court of Moscow dated 30.07.2026 in case No. A40-13231/2026 // File of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/ (access date: 19.08.2026). Also, this is true for the bankruptcy of legal entities, for example, the Ruling of the Moscow Arbitration Court of 26.08.2026 in case No. A40-99256/2025 // File of arbitration cases. URL: https://kad.arbitr.ru/ (access date: 26.08.2026).

[9] Insolvency (bankruptcy): Federal Law No. 26.10.2002 dated 127-FZ: rev. dated 10.06.2026 // Legal and Reference System Consultantplus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 20.08.2026).

[10] Clause 18 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 22.06.2012 No. 35 "On certain procedural issues related to the consideration of bankruptcy cases": ed. 23.12.2025 // Reference and legal system Consultantplus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 20.08.2026).

[11] Tax Code of the Russian Federation (Part Two) dated 05.08.2000 No. 117-FZ: rev. dated 20.02.2026: with amendments and additions, entry. by virtue of 01.03.2026 // Legal Reference System Consultantplus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 20.08.2026).

[12] Clause 8 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 06.12.2013 No. 88 "On the Accrual and Payment of Interest on Creditors' Claims in Bankruptcy" // Reference and Legal System Consultantplus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 21.08.2026).

[13] For example, Determination of the

Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.03.2017 No. 301-ES16-17271 in case No. A79-7479/2014 // Reference and Legal System Consultantplus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 21.08.2026).

[14] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ: rev. dated 31.07.2025, with rev. dated 25.11.2025: with rev. and addendum, entry. by virtue of 01.08.2025 // // Legal Reference System Consultantplus. URL: https: //www.consultant.ru/ (access date: 25.08.2026).

[15] Clause 3 of the Review of Judicial Practice on Disputes on the Establishment of Claims of Pledgees in Case of Bankruptcy of Pledgers: approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 21.12.2022 // Reference and legal system Consultantplus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 25.08.2026).

[16] Clause 14 of the Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2021): approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 10.11.2021 // Reference and legal system Consultantplus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 25.08.2026).

[17] Clause 17 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 23.07.2009 No. 58 "On Certain Issues Related to Satisfying the Claims of the Pledgee in Case of Bankruptcy of the Pledgor" // Reference and Legal System Consultantplus. URL: https://www.consultant.ru/ (access date: 25.08.2026).

[18] On amending Article 19 of the Federal Constitutional Law "On the Judicial System of the Russian Federation" and Article 5 of the Federal Constitutional Law "On the Supreme Court of the Russian Federation": Federal Constitutional Law of 04.08.2026.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-400-405

ПЛЕХОДАНОВ Владислав Дмитриевич,
аспирант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
e-mail: vladan13.kursk@yandex.ru

БАЛАШОВ Константин Геннадьевич,
аспирант ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»,
e-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

ОРГАНИЗОВАННЫЕ ФОРМЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА В НЕЗАКОННЫХ ФИНАНСОВЫХ ОПЕРАЦИЯХ (ДРОППЕРСТВО): ДЕТЕРМИНАНТЫ, МЕХАНИЗМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере функционирования и предупреждения теневого рынка дроп-услуг, обеспечивающего транзит и обналичивание преступно полученных денежных средств. Предмет исследования образуют нормы Уголовного кодекса Российской Федерации об ответственности за неправомерный оборот средств платежей и смежные деяния (ст. 159, 187 УК РФ), доктринальные разработки понятий «дроп», «дроповод», «биодроп», эмпирические данные о структуре и ценообразовании рынка дроп-услуг.*

Научная новизна работы состоит в обосновании четырех взаимосвязанных положений, ранее не получавших освещения в отечественной криминологии. Во-первых, дропперство концептуализировано как криминальная гиг-экономика: рынок разовых криминальных микроуслуг, воспроизводящий организационные формы легальных цифровых платформ занятости и заимствующий у них механизмы найма, тарификации, рейтингования и ротации исполнителей. Во-вторых, введено понятие коммодификации финансовой правосубъектности: предметом теневой сделки выступают не деньги и не труд дропа, а доверие финансовой системы к его личности, конвертируемое в товар. В-третьих, описан эффект транзакционного дробления вины: расщепление преступления на цепочку внешне нейтральных микродействий, каждое из которых в отдельности не воспринимается исполнителем как преступное, что блокирует действие общей превенции. В-четвертых, предложена рыночная модель предупреждения, смещающая вектор воздействия с личности дропа на экономические параметры рынка дроп-услуг: издержки входа, цену услуги, скорость ротации и инфраструктуру сделки.

Ключевые слова: *дропперство; дроп; дроповод; криминальная гиг-экономика; коммодификация правосубъектности; неправомерный оборот средств платежей; ст. 187 УК РФ; теневой рынок; транзакционное дробление вины; рыночная модель предупреждения.*

PLEKHODANOV Vladislav Dmitrievich,
graduate student of FSBEI HE "Southwest State University"

BALASHOV Konstantin Gennadievich,
graduate student of FSBEI HE "Ugra State University"

ORGANIZED FORMS OF MEDIATION IN ILLICIT FINANCIAL TRANSACTIONS (DROPPERY): DETERMINANTS, MECHANISM AND COUNTERMEASURES

Annotation. *The object of the study is public relations developing in the field of functioning and prevention of the shadow market for drop services, which provides transit and cashing of criminally received funds. The subject of the study is formed by the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on liability for illegal circulation of means of payment and related acts (Articles 159, 187 of the Criminal Code of the Russian Federation), doctrinal developments of the concepts of "drop," "dropovod," "biodrop," empirical data on the structure and pricing of the drop services market.*

The scientific novelty of the work is the justification of four interrelated provisions that have not previously received coverage in domestic criminology. First, droppery is conceptualized as a criminal gig economy: a market for one-time criminal micro-services that reproduces organizational forms of legal digital employment platforms and borrows from them mechanisms for hiring, charging, rating and rotating performers. Secondly, the concept of commodification of financial legal personality was introduced: the subject of a shadow transaction is not money or the work of a drop, but the trust of the financial system in its personality, convertible into goods. Thirdly, the effect of transactional splitting of guilt is described: splitting the crime into a chain of externally neutral microactions, each of which is not individually perceived by the performer as criminal, which blocks the action of general prevention. Fourth, a market warning model has been proposed that shifts the impact vector from the personality of the drop to the economic parameters of the drop services market: entry costs, service price, rotation rate and transaction infrastructure.

Key words: *droppery; drop; dropovod; the criminal gig economy; commodification of legal personality; illegal circulation of payment means; Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation; shadow market; transactional blame-splitting; market warning model.*

Введение

Криминология привыкла описывать соучастие языком ролей: организатор, подстрекатель, пособник, исполнитель. Этот язык складывался в эпоху, когда преступная группа была именно группой, то есть совокупностью людей, знающих друг друга и связанных устойчивыми отношениями. Дропперство в эту рамку не помещается. Дроп не знаком ни с организатором, ни с другими участниками схемы, не осведомлен о конечной цели операций, получает задание от анонимного аккаунта и исчезает из схемы через несколько недель, будучи заменен следующим. Перед нами не группа, а рынок, и описывать его следует языком экономики, а не только языком института соучастия.

Литература последних лет заметно продвинулась в осмыслении феномена. Дропперство охарактеризовано как элемент теневой инфраструктуры цифровой экономики [1, с. 97], как новый вид соучастия в хищении [3, с. 380], как новое преступное явление, требующее самостоятельной квалификации [9, с. 162]; поставлен вопрос об обоснованности и пределах уголовной ответственности дропов, включая специфическую фигуру биодропа [2, с. 54; 4, с. 85], предложены модели специального регулирования ответственности посредников в незаконных финансовых операциях [6, с. 121]. Однако все эти работы, при их несомненной ценности, объединяет общая черта: они смотрят на дропперство сквозь призму отдельного деяния и отдельного деятеля. Вопрос о том, как устроен сам рынок, на котором деяние и деятель встречаются, почему этот рынок столь устойчив к репрессии и в каких его точках предупредительное воздействие дало бы максимальный эффект, остается открытым. Настоящая статья представляет собой попытку этот вопрос поставить и предложить на него ответ.

Обсуждение и результаты исследования

Начнем с наблюдения, которое кажется нам ключом ко всему дальнейшему. Организационная форма современного дропперства не изобретена преступниками. Она заимствована, причем заимствована у вполне легального сектора: у платформенной гиг-экономики, экономики разовых заданий, курьерских сервисов и фриланс-бирж. Сходство здесь не метафорическое, а структурное, и его можно проследить поэлементно.

Легальная гиг-платформа предлагает исполнителю разовое задание без трудового договора, с оплатой за результат и без вопросов о квалификации. Вербовщик дропов предлагает ровно то же самое: разовое «задание» с фиксированным тарифом за карту или за проведенную операцию. Гиг-платформа не знает своих курьеров в лицо и легко их заменяет; дроповод не знает своих дропов и закладывает их выбытие в бизнес-модель как плановую ротацию. Гиг-платформа использует рейтинги и реферальные бонусы; дроп-сообщества в мессенджерах используют внутренние рейтинги надежности исполнителей и премии за приведенного новичка. Наконец, и это самое важное, гиг-экономика приучила целое поколение к мысли, что подработка есть нечто разовое, дистанционное, анонимное и не требующее оформления. Вербовщику остается лишь встроить свое предложение в этот привычный формат, и оно перестает восприниматься как криминальное. Эмпирические данные о причинах

вовлечения молодежи в дроп-схемы это подтверждают: доминируют мотивы быстрой подработки при системной недооценке рисков и правовой неосведомленности [11, с. 351]. Молодой человек, откликающийся на объявление «оформи карту, получи пять тысяч», субъективно совершает то же действие, что и при отклике на вакансию курьера. Разница между легальным и криминальным гигом стерта на уровне пользовательского опыта, и в этой стертости заключается главный воспроизводственный механизм рынка.

Отсюда первое положение, выносимое нами на обсуждение: дропперство целесообразно концептуализировать как криминальную гиг-экономику, то есть теневой рынок разовых криминальных микроуслуг, организованный по платформенному принципу. Такая концептуализация не игра в термины. Она меняет предмет анализа: изучать следует не дропа и даже не дроповода, а рынок с его спросом, предложением, ценой и инфраструктурой сделки.

Что же продается на этом рынке? Ответ на этот вопрос образует второе и, полагаем, центральное положение статьи. На первый взгляд дроп продает услугу по транзиту денег либо сдает в аренду кусок пластика. Но пластик сам по себе ничего не стоит, а услуга по переводу средств доступна любому. Действительным предметом сделки является иное: доверие финансовой системы к конкретной личности. Банковский счет физического лица есть овеществленная презумпция добросовестности: система исходит из того, что операции по счету совершает его законный владелец в собственных правомерных целях, и именно поэтому такие операции проходят антифрод-фильтры, которые немедленно остановили бы аналогичную активность анонима. Дроп, передавая карту, отчуждает не вещь, а эту презумпцию. Он конвертирует в товар собственную финансовую правосубъектность, то есть признанную государством и банковской системой способность быть добросовестным участником платежного оборота.

Этот процесс мы предлагаем именовать коммодификацией финансовой правосубъектности. Категория, на наш взгляд, обладает объяснительной силой сразу в нескольких отношениях. Она объясняет, почему рынок дроп-услуг структурно неистребим точечной репрессией: пока каждый обладатель паспорта и счета является потенциальным носителем товара, предложение на рынке практически неисчерпаемо. Она объясняет феномен биодропа, поставленный У.И. Богацкой [2, с. 54]: биодроп потому и выпадает из привычных квалификационных схем, что не подделывает ничего и не похищает ничего, а продает подлинное, но продает то, что по замыслу правопорядка продаже не подлежит. Она, наконец, точнее определяет объект посягательства при дропперстве: страдают не только имущественные интересы конкретных потерпевших от мошенничества, но и само институциональное доверие, на котором держится розничный платежный оборот. Каждая проданная карта делает антифрод-системы чуть более слепыми, а значит, удорожает финансовые услуги для всех добросовестных участников. В этом смысле дропперство ближе к фальшивомонетничеству, чем к пособничеству в краже: как фальшивомонетчик подрывает доверие к денежному знаку, так дроп подрывает доверие к банковской идентичности. Показательно, что законодатель интуитивно поместил ст. 187 УК РФ [12] именно в главу о преступлениях в сфере экономической деятельности, а не среди посягательств на собственность, однако доктринального обоснования этому размещению применительно к обороту подлинных платежных средств до сих пор не предложено. Категория коммодификации правосубъектности такое обоснование дает.

Третье положение касается механизма нейтрализации вины, встроенного в архитектуру рынка. Классическая преступная группа вынуждена преодолевать моральные барьеры участников: убеждать, запугивать, индоктринировать. Криминальная гиг-экономика решает ту же задачу элегантнее, а именно конструктивно, самим способом организации деятельности. Преступление расщепляется на цепочку микродействий, каждое из которых, взятое изолированно, выглядит юридически и морально нейтральным. Оформить карту законно. Передать свою вещь другому лицу внешне законно. Перевести деньги по просьбе знакомого обыденно. Снять наличные в банкомате рутинно. Ни одно звено цепочки не содержит для исполнителя очевидного маркера преступности, и лишь сборка звеньев воедино, доступная только организатору, образует хищение и его легализацию. Этот эффект мы предлагаем именовать транзакционным дроблением вины.

Криминологическое значение эффекта трудно переоценить. Общая превенция работает лишь тогда, когда адресат нормы способен опознать свое действие как запрещенное. Транзакционное дробление эту способность разрушает: исследования фиксируют, что вовлекаемые лица в массе своей не осознают преступного характера предоставления карты третьим лицам [7, с. 182]. Угроза наказания не удерживает того, кто не видит, от чего его удерживают. Одновременно дробление порождает и доказательственную проблему, отмеченную М.А. Желудковым: умысел дропа относительно основного преступления приходится реконструировать из фрагмента, который сам по себе умысла не обнаруживает [3, с. 383]. Добавим, что дробление объясняет и подвижность границы между дропом и жертвой: посредник, вве-

денный в заблуждение относительно смысла своих операций, по механизму вовлечения неотличим от потерпевшего от мошенничества, и криминалистика недаром рассматривает фигуру посредника как самостоятельный, внутренне неоднородный элемент характеристики дистанционных хищений [8, с. 390]. Многообразие самих мошеннических схем, паразитирующих на дроп-инфраструктуре [10, с. 125], лишь умножает вариации этого дробления.

Если предложенная диагностика верна, то из нее с необходимостью следует вывод о пределах традиционной стратегии противодействия. Стратегия эта, назовем ее персональной, состоит в изобличении и наказании максимального числа дропов. Применительно к рынку с неисчерпаемым предложением, плановой ротацией исполнителей и нейтрализованной превенцией персональная стратегия дает эффект, известный экономистам как эффект вычерпывания моря ложкой: выбытие любого числа исполнителей мгновенно компенсируется рынком, а издержки правосудия растут пропорционально числу дел. Более того, персональная стратегия содержит порочный побочный эффект: она снабжает судимостью наименее опасное звено схемы, ухудшая его социальные перспективы и тем самым подталкивая к закреплению в криминальной среде. Сомнения в обоснованности недифференцированной ответственности за дропперство, высказываемые в доктрине [4, с. 86; 6, с. 124], получают, таким образом, не только этическое, но и строго функциональное подтверждение.

Взамен нами предлагается рыночная модель предупреждения. Ее исходный постулат прост: если дропперство есть рынок, то подавлять следует не участников, а рыночные механизмы, воздействуя на четыре экономических параметра.

Первый параметр составляет цена входа продавца на рынок. Сегодня она близка к нулю: оформление карты бесплатно, передача ее мгновенна, риск субъективно не воспринимается. Повышение цены входа достигается мерами, обсуждаемыми в литературе [7, с. 184]: лимитированием числа карт на одно лицо, периодом охлаждения при выпуске, обязательным информированием клиента о правовых последствиях передачи платежных средств под подпись. Существенно, что информирование должно быть сконструировано с учетом эффекта транзакционного дробления, то есть описывать запрет не абстрактно, а на языке конкретных микродействий: «передача карты другому лицу», «проведение перевода по просьбе постороннего». Только так нейтрализованная превенция восстанавливается.

Второй параметр образует издержки сделки. Сделка дропа и дроповода нуждается в площадке, канале коммуникации и способе расчета. Нормативное возложение на операторов платформ и мессенджеров обязанности выявлять и блокировать типовые вербовочные объявления, в сочетании с усиленным антифрод-мониторингом транзитных паттернов по счетам физических лиц [1, с. 99], удорожает каждую сделку и снижает пропускную способность рынка в целом. Публично-правовой механизм судебной защиты в сфере цифровых финансовых сервисов, разрабатываемый в литературе [5, с. 41], образует здесь необходимое процессуальное дополнение, позволяя оперативно замораживать выявленную транзитную инфраструктуру.

Третий параметр представляет собой скорость ротации исполнителей, главный ресурс устойчивости рынка. Парадоксальным образом снижать ее следует не ужесточением, а дифференциацией ответственности: дроп, добровольно вышедший из схемы, сообщивший о канале вербовки и возместивший ущерб, должен получать реальную перспективу освобождения от ответственности. Каждый такой выход не только выводит исполнителя с рынка, но и раскрывает вербовочную инфраструктуру, то есть работает против рынка, а не против отдельного лица. Персональная стратегия видит в снисхождении слабость; рыночная видит в нем инструмент повышения издержек дроповода, вынужденного заново отстраивать скомпрометированные каналы.

Четвертый параметр составляет цена организаторской позиции. Именно здесь, и только здесь, уместно ужесточение. Дроповод извлекает основную ренту рынка и несет наименьший риск; экономическая логика требует инверсии этого соотношения. Поддерживая предложения о специальной регламентации ответственности посредников и организаторов незаконных финансовых операций [6, с. 124], полагаем необходимым сместить акцент конструкции ст. 187 УК РФ с оборота предмета на организацию оборота: повышенной репрессии заслуживает не факт передачи средства платежа, а систематическая деятельность по приобретению, аккумулированию и использованию чужих платежных инструментов, то есть само содержание рыночной инфраструктуры.

Завершая, обозначим и более общую теоретическую перспективу. Дропперство, на наш взгляд, есть лишь первый отчетливо проявившийся представитель класса явлений, который можно назвать инфраструктурной преступностью: деятельности, общественная опасность которой заключена не в причинении вреда конкретному благу, а в поддержании работоспособности криминального рынка как такового. К тому же классу тяготеют торговля учетными записями, аренда абонентских номеров для мошеннических обзвонов, предоставление вычислительных мощностей

теневым сервисам. Криминология, продолжающая описывать эти явления языком пособничества, рискует повторить судьбу картографа, наносящего океан на карту суши. Категории криминальной гиг-экономики, коммодификации правосубъектности и транзакционного дробления вины предлагаются нами как элементы языка, соразмерного новому предмету.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Дропперство представляет собой не форму соучастия и не сумму индивидуальных деяний, а теневой рынок, организованный по образцу платформенной гиг-экономики и заимствующий у нее механизмы найма, тарификации и ротации исполнителей. Предметом оборота на этом рынке выступает коммодифицированная финансовая правосубъектность: доверие платежной системы к личности, отчуждаемое вместе с картой и счетом. Устойчивость рынка обеспечивается транзакционным дроблением вины, при котором преступление расщепляется на внешне нейтральные микродействия, что нейтрализует общую превенцию и порождает доказательственные трудности при установлении умысла исполнителей.

Персональная стратегия противодействия, ориентированная на изобличение максимального числа дропов, в отношении такого рынка функционально бесперспективна и криминологически контрпродуктивна. Взамен предложена рыночная модель предупреждения, воздействующая на четыре параметра: цену входа продавца (лимитирование карт, период охлаждения, адресное информирование, построенное с учетом эффекта дробления), издержки сделки (платформенный и банковский мониторинг вербовочных и транзитных паттернов), скорость ротации исполнителей (дифференциация ответственности и стимулирование добровольного выхода из схем) и цену организаторской позиции (перенос центра тяжести ст. 187 УК РФ с оборота предмета на организацию оборота).

Обоснована также перспективность выделения в криминологической теории самостоятельного класса инфраструктурных преступлений, опасность которых состоит в поддержании работоспособности криминальных рынков. Разработка этого класса, включая его отграничение от института соучастия и построение адекватных ему моделей предупреждения, видится нам приоритетным направлением дальнейших исследований.

Список литературы:

[1] Романова А.В., Бойко А.В. Дропперство как элемент теневой инфраструктуры цифровой экономики // Симбирский научный вестник. 2025. № 2(52). С. 96-101.

[2] Богацкая У.И. Судить нельзя, простить: к вопросу об уголовной ответственности биодропов // Полицейская деятельность. 2026. № 1. С. 50-67.

[3] Желудков М.А. Дропперство как новый вид соучастия в хищении денежных средств // Право: история и современность. 2025. Т. 9. № 3. С. 378-388.

[4] Волчкова Э.А. Обоснованность уголовной ответственности за дропперство и пути ее совершенствования // Наука. Образование. Современность. 2025. № 4. С. 84-87.

[5] Казак Б.Б., Смирнова И.Н., Гуров Р.А. Публично-правовой механизм судебной защиты интересов личности и государства в сфере цифрового кредитования (на материалах уголовного судопроизводства): электронное сетевое издание. Псков: Псковский государственный университет, 2026. 122 с.

[6] Петрикова С.В., Подтергера Н.С. Уголовно-правовое регулирование ответственности за преступления, совершенные дропперами (посредниками в сфере незаконных финансовых операций) // Проблемы экономики и юридической практики. 2026. Т. 22. № 1. С. 119-126.

[7] Самсина Е.Е. Мошенничество с использованием дропперов, меры противодействия // Вестник Национального Института Бизнеса. 2025. № 1(57). С. 180-185.

[8] Машлякевич В.А. Посредник преступления как элемент криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи // Евразийский юридический журнал. 2024. № 3(190). С. 389-391.

[9] Шаршов Д.С. Сущность и уголовно-правовая квалификация дроперства как нового преступного явления // Уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические проблемы обеспечения безопасности человека, общества и государства: сборник научных статей. СПб.: Астерион, 2025. С. 161-167.

[10] Миронов Г.Ю. Виды мошеннических действий, осуществляемые посредством информационно-коммуникационной сети Интернет // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2022. С. 124-129.

[11] Бабанская А.С., Зитанишвили А.Б., Сахута А.И. Причины и факторы вовлечения молодежи в противоправные дроп-схемы // Креативная экономика. 2026. Т. 20. № 2. С. 345-367.

[12] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

References:

[1] Romanova A.V., Boyko A.V. Droppery as an element of the shadow infrastructure of the digital economy // Simbirsk Scientific Bulletin. 2025. № 2(52). S. 96-101.

[2] Bogatskaya U.I. It is impossible to judge, forgive: to the question of the criminal liability of biodrops // Police activity. 2026. № 1. S. 50-67.

[3] Zheludkov M.A. Droppery as a new type of complicity in the theft of funds // Law: history and modernity. 2025. VOL. 9. № 3. S. 378-388.

[4] Volchkova E.A. Validity of criminal liability for droppery and ways to improve it // Science. Education. Modernity. 2025. № 4. S. 84-87.

[5] Kazak B.B., Smirnova I.N., Gurov R.A. The public legal mechanism of judicial protection of the interests of the individual and the state in the field of digital lending (on the materials of criminal proceedings): an electronic online publication. Pskov: Pskov State University, 2026. 122 s.

[6] Petrikova S.V., Podtergera N.S. Criminal law regulation of liability for crimes committed by droppers (intermediaries in the field of illegal financial transactions) // Problems of economics and legal practice. 2026. VOL. 22. № 1. S. 119-126.

[7] Samsina E.E. Fraud using droppers, countermeasures // Bulletin of the National Institute of Business. 2025. № 1(57). S. 180-185.

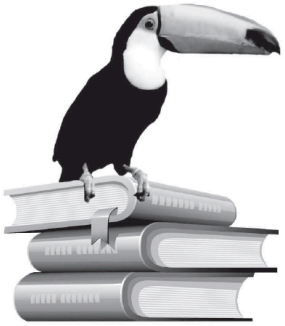
[8] Mashlyakevich V.A. The mediator of the crime as an element of the forensic characterization of frauds committed using telephone communications // Eurasian Legal Journal. 2024. № 3(190). S. 389-391.

[9] Sharshov D.S. Essence and criminal legal qualification of dropping as a new criminal phenomenon // Criminal law, criminal executive and criminological problems of ensuring the safety of man, society and the state: a collection of scientific articles. St. Petersburg: Asterion, 2025. S. 161-167.

[10] Mironov G.Yu. Types of fraudulent actions carried out through the information and communication network Internet // Forensics: current issues of theory and practice: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: RUE of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. S. 124-129.

[11] Babanskaya A.S., Zitanishvili A.B., Sakhuta A.I. Reasons and factors of youth involvement in illegal drop schemes // Creative economy. 2026. T. 20. № 2. S. 345-367.

[12] Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (from the last rev. and addendum) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-406-414

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, ORCID -0000-0001-5668-615X,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИИ XVI-XVIII ВЕКОВ: ОТ ПУБЛИЧНОГО УСТРАШЕНИЯ К ГОСУДАРСТВЕННО-УТИЛИТАРНОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. *В статье исследуется эволюция уголовного наказания в России XVI-XVIII вв. как процесс изменения не только перечня карательных мер, но и их политико-правового назначения. На основе Судебника 1550 г., Соборного уложения 1649 г., Артикула воинского 1715 г., указного законодательства и «Наказа» Екатерины II выявлены основные этапы перехода от сословно-репрессивной модели к государственно-утилитарной системе наказаний. Обосновано, что в XVI в. наказание преимущественно обеспечивало централизацию власти, публичное устрашение и устранение «лихих людей», а тюремное заключение лишь начинало приобретать самостоятельное значение. В XVII в. произошло расширение и дифференциация смертных, телесных, позорящих, имущественных наказаний, ссылки и лишения свободы; одновременно наказание стало инструментом защиты государева порядка и закрепления сословной иерархии. Петровское законодательство придало репрессии дисциплинарный и мобилизационный характер, связав каторгу и ссылку с потребностями армии, флота, строительства и колонизации. Во второй половине XVIII в. возникло противоречие между гуманистической доктриной ограничения пытки и смертной казни и сохранением жестких телесных и сословно обусловленных практик. Сделан вывод о нелинейности гуманизации: сокращение физического уничтожения сопровождалось институционализацией принудительного труда, административной изоляции и поражения прав.*

Ключевые слова: *уголовное наказание, Судебник 1550 г., Соборное уложение, Артикул воинский, смертная казнь, телесные наказания, тюрьма, ссылка, каторга, гуманизация.*

MAISTRENKO Grigory Aleksandrovich,
Candidate of Law, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

THE EVOLUTION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN RUSSIA IN THE SIXTEENTH-EIGHTEENTH CENTURIES: FROM PUBLIC DETERRENCE TO A STATE-UTILITARIAN MODEL

Annotation. *The article examines the evolution of criminal punishment in Russia from the sixteenth to the eighteenth century as a transformation of both sanctions and their political and legal functions. Drawing on the 1550 Sudebnik, the 1649 Sobornoye Ulozhenie, the 1715 Military Article, imperial decrees, and Catherine II's Instruction, the study identifies the transition from an estate-based repressive model to a state-utilitarian penal system. In the sixteenth century, punishment supported political centralization, public deterrence, and the removal of "dashing people," while imprisonment only began to develop as an independent sanction. During the seventeenth century, capital, corporal, dishonouring, property, custodial, and exile penalties were expanded and differentiated; punishment protected the sovereign's order and reproduced estate hierarchy. Petrine legislation gave repression a disciplinary and mobilizational function by linking penal servitude and*

exile to the needs of the army, navy, construction projects, and territorial colonization. In the second half of the eighteenth century, a conflict emerged between doctrines restricting torture and capital punishment and the continued use of harsh corporal and estate-dependent practices. The article concludes that humanization was nonlinear: reduced physical destruction was accompanied by institutionalized forced labour, administrative isolation, and deprivation of legal status.

Key words: *criminal punishment, Sudebnik of 1550, Sobornoye Ulozhenie, Military Article, death penalty, corporal punishment, imprisonment, exile, penal servitude, humanization.*

Введение

История уголовного наказания в России XVI-XVIII вв. обычно описывается как последовательное движение от жестоких средневековых казней к более рациональным формам государственного принуждения. Подобная схема отражает лишь часть происходивших изменений. На протяжении трех столетий новые санкции не вытесняли прежние, а наслаивались на них: публичная смертная казнь сосуществовала с денежными взысканиями, торговая казнь - с тюремным заключением, членовредительство - со ссылкой, а просветительская критика пытки - с расширением каторжного труда. Поэтому развитие наказания следует понимать не как прямую гуманизацию, а как перестройку карательного механизма в связи с централизацией Московского государства, утверждением самодержавия и формированием имперской административной системы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что именно в рассматриваемый период сложились устойчивые свойства отечественной пенальной политики: зависимость строгости наказания от политической значимости охраняемого интереса; сочетание судебной репрессии с административным усмотрением; сословная дифференциация правовых последствий; использование осужденных для решения хозяйственных и территориальных задач. Эти исторические конструкции позднее были преобразованы, но не исчезли бесследно. Их анализ позволяет точнее определить происхождение тюремного заключения, ссылки, каторги, лишения чести и прав, а также понять, почему отказ от смертной казни не всегда означал уменьшение фактической жестокости принуждения.

Цель статьи состоит в выявлении закономерностей эволюции целей, системы и практики уголовных наказаний в России XVI-XVIII вв. Для ее достижения решаются следующие задачи: раскрывается роль Судебника 1550 г. в формировании государственного монополизма на наказание; анализируется систематизация санкций в Соборном уложении 1649 г.; определяется дисциплинарно-мобилизационный смысл петровской репрессии; исследуется противоречивое влияние идей Просвещения на законодательство середины и второй половины XVIII в.; формулируется периодизация развития наказания. Методологическую основу составили историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Научная новизна заключается в интерпретации указанного периода через смену трех моделей: централизационно-устрашительной, сословно-полицейской и государственно-утилитарной, с последующим появлением гуманистического корректива.

1. Судебник 1550 г.: наказание как средство централизации и публичного устрашения

Судебник 1550 г. был принят в условиях укрепления единой государевой юрисдикции и ограничения судебно-административного произвола наместников. Его уголовно-правовые положения не образовывали самостоятельной отраслевой кодификации, однако демонстрировали качественное изменение понимания преступления. «Лихое дело» все отчетливее воспринималось не только как частная обида, требующая возмещения потерпевшему, но и как нарушение установленного порядка, которое затрагивает интерес государя и всего управляемого сообщества [1, ст. 8-14; 14]. Тем самым наказание становилось публичной реакцией власти, а потерпевший постепенно утрачивал возможность единолично определять судьбу виновного.

Система санкций Судебника включала смертную казнь, торговую казнь, битье кнутом или батогами, тюремное заключение, денежные взыскания, возмещение ущерба, отстранение от должности и государеву опалу. Ее характерной чертой было сочетание нескольких мер в одной санкции. Так, торговая казнь могла дополняться взысканием стоимости похищенного, продажей имущества, отрешением от должности либо помещением в тюрьму [1, ст. 10-13, 32, 42]. Публичное битье на торгу имело двойное содержание: причиняло физическую боль и демонстративно разрушало социальную репутацию осужденного. Наказание обращалось не только к телу виновного, но и к аудитории, перед которой государство подтверждало способность поддерживать порядок [15].

Смертная казнь применялась к «ведомым лихим людям», государственным изменникам, разбойникам, рецидивистам и некоторым категориям воров. При этом Судебник не всегда устанавливал конкретный способ лишения жизни, оставляя его практике и государеву усмотрению.

Неопределенность санкции усиливала устрашающее действие: адресат нормы знал о предельной строгости возможной кары, но не мог заранее вычислить ее точную форму. Такая техника была функциональна для раннецентрализованного государства, поскольку позволяла приспосабливать репрессию к личности виновного, его сословному положению, повторности деяния и политической ситуации: наказание назначалось «смотря по человеку» и «смотря по вине» [1, ст. 25, 70, 87].

Особое значение Судебника 1550 г. связано с тюремным заключением. В предшествующей правовой традиции изоляция чаще выступала способом удержания обвиняемого, заложника или политического противника. В Судебнике помещение «в тюрму» стало регулярно использоваться и как самостоятельная санкция, и как дополнение к телесному наказанию. Закон предусматривал заключение до представления поручительства, до государева указа и, в отдельных случаях, «до смерти» [1, ст. 4, 6-13, 33-34, 42, 52-56, 67, 71; 13]. Это еще не означало возникновения пенитенциарной идеи исправления: государство не создавало режима воспитательного воздействия, не обеспечивало единообразных сроков и условий содержания. Тем не менее изоляция приобрела собственную карательную ценность и стала важным индикатором институционального усиления власти.

Появление тюрьмы не отменило преобладания телесных и имущественных мер. Содержание заключенных было организационно слабым; обеспечение нередко зависело от родственников, милостыни и местной администрации. Поэтому длительная изоляция была дорога и не всегда эффективна. Напротив, штраф, торговая казнь или смертная казнь исполнялись быстро, наглядно и не требовали постоянного финансирования. Этим объясняется, почему в XVI в. лишение свободы еще не стало центральным наказанием, хотя нормативные предпосылки для его развития уже сложились. Основной целью оставалось устрашение, а также физическое или социальное удаление лица, признанного устойчивым источником опасности.

Таким образом, модель наказания XVI в. можно определить как централизационно-устрашительную. Ее содержание формировали государственная монополизация кары, публичность исполнения, множественность дополнительных последствий и широкое усмотрение верховной власти. В этой модели уже присутствовали элементы индивидуализации, поскольку учитывались повторность, служебное положение и обстоятельства деяния, однако они не были связаны с принципом равенства. Напротив, правовой статус виновного определял вид и интенсивность репрессии: опала и лишение должности были значимы для служилой элиты, тогда как телесные меры преимущественно воздействовали на податные и зависимые слои.

2. Соборное уложение 1649 г.: систематизация репрессии и защита государева порядка

Соборное уложение 1649 г. стало первым печатным общегосударственным сводом, в котором уголовно-правовые запреты и санкции были представлены значительно шире и последовательнее, чем в Судебниках. Особая часть карательных предписаний была распределена по главам о преступлениях против веры, государевой чести и здоровья, порядка управления, суда, собственности, личности и нравственности [2]. Уже структура Уложения показывает изменение объекта уголовно-правовой охраны: на первом месте находились церковь, монарх и государственный аппарат, а затем - частные интересы. Иерархия наказаний воспроизводила иерархию защищаемых ценностей.

Главной функцией суровых санкций оставалось «примерное» наказание, то есть воздействие на неопределенный круг наблюдателей. Формулы «казнити смертию безо всякия пощады», «чтобы иным неповадно было» и указания исполнять кару «при многих людях» раскрывают превенцию через зрелище физического уничтожения или страдания. Смертная казнь могла быть простой и квалифицированной; применялись повешение, отсечение головы, сожжение и иные способы. Наряду с ней действовали членовредительные наказания - отсечение частей тела, урезание ушей, вырывание ноздрей, клеймение, а также болезненные наказания кнутом и батогами. Повреждение тела выполняло функцию долговременного знака судимости: клеймо и увечье облегчали распознавание рецидивиста и одновременно исключали его из полноценных социальных отношений.

Уложение усилило нормативную дифференциацию ответственности за имущественные преступления. В главе XXI «О разбойных и о татиных делех» наказание зависело от повторности, характера насилия, признания лица «ведомым лихим человеком» и последствий деяния. Первая кража могла повлечь торговую казнь, возмещение и тюремное заключение; повторные эпизоды резко повышали строгость, вплоть до смертной казни [2, гл. XXI, ст. 9-17]. В этой конструкции рецидив понимался не только как повторное нарушение, но и как доказательство устойчивой опасности личности. Система стремилась не столько соразмерить кару с единичным вредом, сколько распознать и устранить профессионального преступника.

Важной тенденцией стало расширение тюремного заключения. Уложение предусматривало сроки от нескольких дней и месяцев до

нескольких лет, бессрочное содержание и заключение «до государева указу». Однако тюрьма по-прежнему не имела единой правовой природы. Она могла быть мерой пресечения, самостоятельным наказанием, способом принудить к исполнению обязанности, местом ожидания телесной кары или этапом перед ссылкой. Эта многофункциональность объяснялась отсутствием специализированной системы исполнения наказаний. Государство развивало саму возможность длительного удержания человека, но еще не отделяло процессуальную изоляцию от карательного лишения свободы.

Одновременно Уложение и последующее указное право расширяли ссылку. В XVII в. она использовалась для удаления политически и уголовно неблагонадежных лиц, заселения окраин и обеспечения служебных потребностей. Ссылка в Сибирь постепенно превращалась из исключительной государевой опалы в массовую меру уголовной и административной политики. Ее адресат мог направляться «на вечное житье», на службу, в острог или на работы; иногда вместе с ним высылалась семья. Последнее демонстрирует неполную реализацию принципа личной ответственности: государство воспринимало дворохозяйство как единицу переселения и контроля, а семейное сопровождение - как средство закрепления населения на новых территориях [20; 21].

Имущественные наказания также приобрели более сложное содержание. Штрафы, взыскание в кратном размере, конфискация и обращение имущества в пользу государя или потерпевшего сочетались с должностными и телесными мерами. Конфискация особенно активно применялась при государственных преступлениях, коррупционных злоупотреблениях и некоторых посягательствах на собственность. Для представителя служилого сословия лишение поместья, чина или чести могло быть не менее разрушительным, чем телесная кара, поскольку уничтожало его юридическое положение и экономическую основу службы. Тем самым система наказаний воздействовала на разные «носители» личности - жизнь, тело, свободу, честь, имущество и сословный статус.

Сословность была не побочным недостатком, а конструктивным принципом Уложения. Закон защищал честь и имущество лиц неодинаково и допускал различные последствия для субъектов разного положения. Привилегированные лица чаще подвергались опале, лишению чести, должности и имущества; низшие сословия - телесным и позорящим наказаниям. Вместе с тем государственные преступления могли преодолевать сословные различия: посягательство на монарха ставило виновного вне обычной системы привилегий. В этом проявлялся приоритет политической лояльности над сословной солидарностью.

Следовательно, в XVII в. наказание приобрело черты сословно-полицейской модели. Репрессия стала более системной, охватила широкий круг отношений и соединила судебное возмездие с профилактическим контролем населения. Ее жестокость объяснялась не только архаическими представлениями о талионе, но и задачей сделать власть видимой в условиях ограниченных коммуникаций и слабого административного аппарата. Публичная казнь компенсировала недостаточность постоянного полицейского присутствия: единичное зрелище должно было производить длительный дисциплинирующий эффект.

3. Петровская эпоха: дисциплина, каторга и мобилизация осужденного труда

Реформы Петра I изменили функциональное назначение наказания. Государство, строившее регулярную армию, флот и новую систему управления, нуждалось не только в устрашении, но и в дисциплине, стандартизации службы и мобилизации ресурсов. Артикул воинский 1715 г. формально предназначался для военнослужащих, однако его нормы применялись шире и влияли на общую судебную практику. Документ содержал 209 артикулов, сопровождался толкованиями и более последовательно описывал преступления, формы вины, соучастие, покушение и обстоятельства ответственности [3; 10].

Система наказаний Артикула отличалась чрезвычайной суровостью. Смертная казнь предусматривалась за широкий круг религиозных, государственных, воинских и общеуголовных деяний. Исследователи по-разному подсчитывают число таких санкций, поскольку часть из них была альтернативной или зависела от толкования, однако общая тенденция несомненна: законодатель демонстрировал готовность уничтожить нарушителя, если его поведение подрывало воинскую дисциплину и государеву службу [17]. Применялись расстрел, повешение, отсечение головы, колесование, четвертование, сожжение и иные квалифицированные формы. Выбор способа зависел от символического смысла преступления и статуса осужденного.

Телесные наказания были приспособлены к военной организации. Шпицрутены, кнут, батоги, заковывание в железо, пробитие руки, отсечение пальцев, ушей или носа одновременно причиняли боль, клеймили нарушителя и восстанавливали дисциплинарную иерархию. Для офицера особое значение имели лишение чина, разжалование, увольнение со службы, лишение чести и «шельмование». Последнее означало гражданско-правовую и символическую смерть: лицо объявлялось бесчестным, исключалось из корпоративной среды и утрачивало способность пользоваться рядом прав. Петровская модель тем самым четко различала телесную репрессию нижних чинов

и статусную репрессию служилой элиты, хотя при тяжких преступлениях это различие сокращалось.

Наиболее значимым новшеством стала институционализация каторги. Сам термин был связан с галерным трудом, но быстро распространился на работы в крепостях, гаванях, на заводах, рудниках и строительстве. В отличие от прежних «государевых работ», каторга стала системно соединять лишение свободы, удаление от места жительства, поражение прав и принудительный труд. Наказание назначалось на срок или пожизненно; место его отбывания могло изменяться в соответствии с хозяйственными потребностями государства [18]. Осужденный превращался в управляемый трудовой ресурс, а репрессия приобретала прямую экономическую полезность.

Ссылка и каторга решали сразу несколько задач. Во-первых, они изолировали опасное лицо от прежней социальной среды. Во-вторых, обеспечивали заселение и удержание удаленных территорий. В-третьих, давали дешевую рабочую силу для проектов, которые трудно было обеспечить свободным наймом. В-четвертых, создавали резерв наказаний, способных заменить смертную казнь, если физическое уничтожение преступника противоречило интересу государства в рабочей силе. Поэтому рост каторги нельзя однозначно считать гуманизацией. Сохранение жизни сопровождалось крайне тяжелыми условиями, высокой смертностью, семейным разрывом и фактическим превращением человека в объект хозяйственного распоряжения [11; 20].

Петровская политика усилила взаимопроникновение уголовного и административного принуждения. На работы и в ссылку направлялись не только лица, осужденные судом за преступления, но и бродяги, неплательщики, нарушители паспортно-полицейских требований, несостоятельные должники и иные категории, признанные «непотребными» или социально бесполезными. Граница между наказанием за виновное деяние и мобилизационной мерой была подвижной. Именно поэтому уголовное наказание XVIII в. следует исследовать в контексте полицейского государства, где безопасность, дисциплина, фискальный интерес и трудовая повинность образовывали единый комплекс.

При всем ужесточении Артикул способствовал рационализации наказания. Толкования разъясняли основания ответственности, различали умысел и неосторожность, оконченное деяние и покушение, исполнителя и соучастника. В отдельных случаях допускались альтернативные санкции и учет обстоятельств. Но эта рационализация не была гуманистической в современном смысле. Ее задачей являлось предсказуемое управление служилым коллективом: наказание должно было быть понятным, быстрым и полезным для поддержания боеспособности. Формальная определенность сочеталась с широкой властью суда и монарха заменять, усиливать или смягчать кару.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. сформировалась государственно-утилитарная модель наказания. В ней возмездие и публичное устрашение не исчезли, но были подчинены логике регулярного государства. Тело преступника стало не только объектом боли и позора, но и источником труда; ссылка - не только удалением, но и инструментом колонизации; лишение чести - не только моральным осуждением, но и механизмом исключения из служебной корпорации. Это был переход от эпизодической репрессии к управляемому использованию наказанного человека.

4. Середина и вторая половина XVIII в.: мораторий, «политическая смерть» и просветительская критика наказания

После Петра I жесткая система наказаний продолжала действовать, однако в середине XVIII в. возник важный прецедент ограничения смертной казни. При Елизавете Петровне исполнение смертных приговоров было приостановлено; формально соответствующие санкции сохранялись, но дела направлялись на высочайшее рассмотрение, а лишение жизни заменялось телесным наказанием, клеймением, вырыванием ноздрей, каторгой или ссылкой. Поэтому елизаветинскую практику точнее характеризовать как мораторий, а не законодательную отмену смертной казни [19].

Этот опыт имел двойственное содержание. С одной стороны, государство в течение длительного времени отказалось от физического уничтожения осужденных, что стало заметным европейским явлением и создало аргумент в пользу возможности поддерживать порядок без регулярных казней. С другой стороны, заменяющие меры были чрезвычайно жестокими и нередко означали «медленную смерть» на каторге. Понятие «политической смерти» также не было однозначным: оно могло обозначать инсценировку казни, лишение состояния, чести и прав либо комплекс телесных и ссыльных мер. Следовательно, сокращение смертных экзекуций сопровождалось переносом репрессии с момента казни на длительное поражение телесной, социальной и правовой личности.

В правление Екатерины II вопрос о наказании получил доктринальное оформление в «Наказе» Комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г. Под влиянием Монтескье и Беккариа в нем были сформулированы идеи законности, соразмерности, предупреждения преступлений, ограничения смертной казни и недопустимости пытки как средства получения достоверного признания [4, ст. 79-210]. Наказание должно было

быть необходимым, умеренным и направленным на предотвращение нового вреда, а не на демонстрацию неограниченной жестокости. Особенно важна мысль о том, что лучше предупреждать преступления, чем наказывать их: она переносила центр уголовной политики с возмездия на организацию законного порядка.

Однако «Наказ» не стал уголовным кодексом, а его гуманистические положения реализовывались непоследовательно. Сословная структура империи сохранялась; помещичья власть над крестьянами расширялась указами 1760 и 1765 гг., позволявшими отправлять зависимых людей в Сибирь на поселение или в каторжные работы. Такая ссылка могла назначаться не государственным судом, а владельцем, который фактически участвовал в отправлении карательной власти [18]. Здесь просветительский принцип равенства перед законом вступал в прямое противоречие с крепостным правом. Юридическая гуманизация центра сопровождалась децентрализацией репрессии в помещичьей вотчине.

Во второй половине XVIII в. продолжалось расширение принудительного труда и административной ссылки. Осужденных направляли на горные предприятия, строительство, крепостные работы и поселение. После восстания Е. И. Пугачева государство продемонстрировало, что готово возвращаться к показательной смертной казни при угрозе основам политического строя. Это подтверждает условность гуманистического поворота: умеренность действовала до тех пор, пока власть не воспринимала преступление как экзистенциальный вызов. Государственные преступления сохраняли особый режим, в котором политическая целесообразность преобладала над общими рассуждениями о мягкости наказаний.

К концу XVIII в. законодатель стремился упорядочить распределение осужденных между каторгой, поселением, крепостными работами и другими формами изоляции. При Павле I указ 1797 г. дифференцировал направления в зависимости от тяжести деяния, что свидетельствовало о постепенном формировании административной классификации наказанных [20]. Но общей системы сроков, единых учреждений и устойчивых гарантий прав осужденных еще не существовало. Переход от телесной кары к лишению свободы и труду был организационно незавершенным: тюрьма, этап, каторга, ссылка и поселение образовывали взаимосвязанный, но неоднородный комплекс.

Итак, гуманизация второй половины XVIII в. имела главным образом доктринальный и селективный характер. Она ограничивала наиболее демонстративные формы физического уничтожения, критиковала пытку и вводила язык соразмерности, но не устраняла сословность и хозяйственную эксплуатацию осужденных. Более того, отказ от казни способствовал росту длительных наказаний, связанных с изоляцией, принудительным трудом и поражением прав. В исторической перспективе это стало важным шагом к пенитенциарной системе XIX в., однако ценой нового типа государственного контроля над временем, перемещением и трудом человека.

5. Основные закономерности развития системы наказаний в XVI-XVIII вв.

Проведенный анализ позволяет выделить несколько сквозных закономерностей. Первая - последовательное усиление публичного характера уголовной репрессии. В XVI в. государство оттесняло частное возмещение и общинные формы реагирования; в XVII в. закрепило развернутую систему преступлений против государя и порядка управления; в XVIII в. подчинило наказание задачам регулярной администрации. Монополия государства проявлялась не только в праве лишать жизни или свободы, но и в праве определять общественную полезность осужденного.

Вторая закономерность - изменение основного объекта карательного воздействия. Ранние санкции были ориентированы прежде всего на имущество, тело и публичную честь. Затем возрастало значение свободы перемещения, места жительства, служебного состояния и трудоспособности. Каторга и ссылка создавали комплексное наказание, одновременно затрагивавшее тело, свободу, семью, имущество, права и труд. Именно комплексность, а не формальная мягкость отдельной меры, определяла реальную тяжесть репрессии.

Третья закономерность - сохранение сословной асимметрии при усложнении юридической техники. Законодатель все точнее описывал составы преступлений и варианты наказаний, но не стремился к равенству субъектов. Разжалование, шельмование и конфискация были рассчитаны на служилого человека; кнут, батоги, клеймение и рвание ноздрей - преимущественно на низшие сословия; помещичья ссылка крестьян вообще выводила карательное решение за пределы полноценного государственного суда. Поэтому рационализация уголовного права могла сосуществовать с институциональным неравенством.

Четвертая закономерность - возрастание экономической функции наказания. В XVI в. штраф и продажа имущества пополняли казну и возмещали вред. В XVII в. ссылка содействовала освоению территорий. В XVIII в. каторга превратила принудительный труд в существенный ресурс имперского строительства. В результате государство стало заинтересовано не только в устрашении преступника, но и в сохранении его как рабочей силы. Эта мотивация частично огра-

ничивала смертную казнь, однако не обязательно уменьшала страдание осужденного.

Пятая закономерность - расширение административного усмотрения. Неопределенные санкции Судебника, государев указ в Уложении, военно-судебное усмотрение по Артикулу, высочайшее утверждение смертных приговоров и помещичья отправка крестьян в ссылку представляли разные формы персонализированного решения. При слабой институциональной специализации именно усмотрение обеспечивало гибкость системы. Но оно же создавало зависимость наказания от статуса, связей и политической конъюнктуры, препятствуя устойчивой законности.

Шестая закономерность - нелинейная гуманизация. Ограничение смертной казни и критика пытки были значимыми достижениями правовой мысли. Вместе с тем они не означали немедленного перехода к уважению человеческого достоинства. Жестокость перемещалась из публичного пространства казни в длительность этапа, каторжного труда, бессрочной ссылки и гражданской смерти. Историко-правовая оценка должна учитывать не только формальное название санкции, но и совокупность ее фактических последствий.

Предложенная периодизация не исключает преемственности. Централизационно-устрашительная модель XVI в. сохранилась в публичных казнях XVII-XVIII вв.; сословно-полицейская модель Уложения продолжала действовать параллельно с Артикулом; государственно-утилитарная логика Петра I определяла ссыльно-каторжную практику до конца столетия. Гуманистический корректив не заменил прежние модели, а наложился на них, ограничивая отдельные формы и постепенно изменяя язык легитимации наказания.

Заключение

Развитие уголовного наказания в России XVI-XVIII вв. представляло собой переход от преимущественно публичной и телесной репрессии к сложной системе, сочетавшей смертную казнь, телесные и позорящие меры, имущественные взыскания, лишение статуса, тюрьму, ссылку, каторгу и принудительные работы. Судебник 1550 г. закрепил государственную направленность наказания и расширил применение тюремного заключения. Соборное уложение 1649 г. систематизировало сословно организованную репрессию и связало тяжесть санкции с иерархией охраняемых интересов. Артикул воинский 1715 г. придал наказанию дисциплинарный и мобилизационный смысл, превратив осужденного в ресурс регулярного государства.

В середине XVIII в. мораторий Елизаветы Петровны показал возможность длительного отказа от исполнения смертных приговоров, но одновременно расширил практику жестких заменяющих наказаний. «Наказ» Екатерины II ввел в российский правовой дискурс идеи соразмерности, предупреждения, ограничения пытки и смертной казни. Однако эти положения не преодолели сословность, крепостническую карательную власть и хозяйственное использование осужденных. Поэтому гуманизация была противоречивой: физическое уничтожение постепенно уступало место длительному контролю над свободой, статусом и трудом.

Исторический итог рассматриваемого периода состоит в формировании предпосылок будущей пенитенциарной системы. Наказание перестало быть только актом возмездия и устрашающим зрелищем; оно стало продолжительным процессом административного управления человеком. Одновременно возникла потребность в кодификации, классификации осужденных, определении сроков и организации мест содержания. Именно эта двойственность - развитие юридической рациональности при сохранении сословного неравенства и жесткой государственной целесообразности - определила дальнейшую эволюцию российского уголовного и уголовно-исполнительного права в XIX столетии.

Список литературы:

[1] Судебник 1550 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский; под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. 520 с.

[2] Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов / отв. ред. А. Г. Маньков; под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1985. 511 с.

[3] Артикул воинский 1715 г. // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков; под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1986. 512 с.

[4] Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е. И. Индова; под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1987. 528 с.

[5] Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. 640 с.

[6] Исаев И. А. История государства и права России: учебник. М.: Проспект, 2012. 800 с.

[7] Маньков А. Г. Уложение 1649 года - кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980. 271 с.

[8] Соборное уложение 1649 года / подгот.

текста Л. И. Ивиной; отв. ред. А. Г. Маньков. Л.: Наука, 1987. 448 с.

[9] Филиппов А. Н. О наказаниях по законодательству Петра Великого в связи с реформою. М.: Университетская типография, 1891. 469 с.

[10] Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. Артикул воинский. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1882. Вып. 1.

[11] Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. Тула: Автограф, 2000. 272 с.

[12] Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1923. 342 с.

[13] Кораблин К. К. Эволюция наказания в виде тюремного заключения в Судебнике 1550 года // Образование и право. 2020. № 11. С. 281-288. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-11147..

[14] Лоба В. Е. Понимание преступления и наказания по Судебникам XV-XVI веков // Философия права. 2015. № 3 (70). С. 93-98.

[15] Размахов К. Е. Телесные наказания в Российском государстве допетровского периода // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). С. 103-108.

[16] Абдулханнянов И. А. Ретроспективное исследование уголовно-правовой фикции в нормах Соборного уложения 1649 года // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 172-176. DOI: 10.36511/2078-5356-2022-2-172-176..

[17] Егошин О. А. Виды наказаний в отношении военнослужащих и их применение в эпоху Петра I // Марийский юридический вестник. 2009. Вып. 7. С. 45-52.

[18] Медведев А. А. Правовое закрепление и практика применения наказаний, связанных с ограничением свободы, в период правления Петра I // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 1 (33). С. 50-53.

[19] Марасинова Е. Н. Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII века // Российская история. 2014. № 4. С. 53-70.

[20] Михайлова Н. В., Яцкова А. П. Эволюция целей и форм ссылки в российском законодательстве XVI-XVIII вв. // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 4. С. 105-109. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-4-105-109..

[21] Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л. Сибирская ссылка и ее реформирование в период правления Петра Великого (XVII-XVIII вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 24-31.

[22] Черехович М. М. Развитие системы наказаний без изоляции от общества в российском уголовном праве до 1917 г. // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4 (41). С. 105-113.

References:

[1] Judicial Code of 1550 // Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state / resp. ed. A. D. Gorsky; under the general. ed. O. I. Chistyakova. M.: Legal literature, 1985. 520 s.

[2] Cathedral Code of 1649 // Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 vols. T. 3: Acts of Zemsky Cathedrals / rev. ed. A. G. Mankov; under the general. ed. O. I. Chistyakova. M.: Legal literature, 1985. 511 p.

[3] Military article 1715 // Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. 4: Legislation of the period of the formation of absolutism / rev. ed. A. G. Mankov; under the general. ed. O. I. Chistyakova. M.: Legal literature, 1986. 512 s.

[4] Order of Catherine II of the Commission on the drafting of a new Code // Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. 5: Legislation of the heyday of absolutism/rev. ed. E.I. Indova; under the general. ed. O. I. Chistyakova. M.: Legal literature, 1987. 528 pp.

[5] Vladimirsky-Budanov M.F. Review of the history of Russian law. Rostov n/a: Phoenix, 1995. 640 p.

[6] Isaev I. A. History of the state and law of Russia: textbook. M.: Prospect, 2012. 800 s.

[7] Mankov A. G. Code of 1649 - the code of feudal law of Russia. L.: Science, 1980. 271 pp.

[8] Cathedral Code of 1649 / podgot. text by L. I. Ivina; resp. ed. A. G. Mankov. L.: Science, 1987. 448 p.

[9] Filippov A.N. On punishments under the legislation of Peter the Great in connection with the reform. M.: University Printing House, 1891. 469 pp.

[10] Bobrovsky P.O. Military law in Russia under Peter the Great. Article military. St. Petersburg: Printing house of V. S. Balashev, 1882. No. 1.

[11] Kistyakovsky A.F. Study on the death penalty. Tula: Autograph, 2000. 272 pp.

[12] Poznyshev S.V. Fundamentals of penitentiary science. M.: Legal publishing house of the NKU of the RSFSR, 1923. 342 pp.

[13] Korablin K.K. Evolution of punishment in the form of imprisonment in the Judicial Code of 1550 // Education and law. 2020. № 11. PP. 281-288. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-11147..

[14] Loba V.E. Understanding the crime and punishment according to the Judicial Code of the XV-XVI centuries // Philosophy of law. 2015. № 3 (70). S. 93-98.

[15] Scope K.E. Corporal punishment in the Russian state of the pre-Petrine period // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 4 (48). S. 103-108.

[16] Abdulkhannyanov I. A. Retrospective study of criminal law fiction in the norms of the Cathedral Code of 1649 // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (58). S. 172-176. DOI: 10.36511/2078-5356-2022-2-172-176..

[17] Egoshin O. A. Types of punishments against military personnel and their application in the era of Peter I // Mari Legal Bulletin. 2009. No. 7. S. 45-52.

[18] Medvedev A. A. Legal consolidation and practice of the use of punishments related to the restriction of freedom during the reign of Peter I // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2016. № 1 (33). S. 50-53.

[19] Marasinova E.N. The death penalty and political death in Russia in the middle of the 18th century // Russian history. 2014. № 4. S. 53-70.

[20] Mikhailova N.V., Yatskova A.P. Evolution of goals and forms of reference in Russian legislation of the 16th-18th centuries // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 4. S. 105-109. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-4-105-109..

[21] Ivanov A. A., Kuras S. L., Kuras T. L. Siberian exile and its reform during the reign of Peter the Great (XVII-XVIII centuries) // Bulletin of Tomsk State University. History. 2023. № 84. S. 24-31.

[22] Cherekhovich M. M. Development of a system of punishments without isolation from society in Russian criminal law until 1917 // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2019. № 4 (41). S. 105-113.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-415-418

НАЗАРЛИ Магамед Арчил оглы,
аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ОмГУ им. Ф.М. Достоевского,
e-mail: m.nazarli@mail.ru

Научный руководитель:
ЯЩУК Татьяна Федоровна,
д.ю.н., профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского,
e-mail: yashukomsu@mail.ru

МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ В СССР И РСФСР СЕРЕДИНЫ 1980-Х ГГ.: ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ПРЕДПОСЫЛКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается состояние системы местного управления в СССР и РСФСР к середине 1980-х гг. и выявляются причины, обусловившие необходимость ее последующего реформирования. Анализируются конституционный статус местных Советов народных депутатов, их место в единой системе государственной власти, соотношение Советов и исполнительных комитетов, зависимость территориального управления от отраслевых министерств и централизованного распределения ресурсов. Особое внимание уделено противоречию между широкой нормативно закрепленной компетенцией Советов и ограниченными возможностями ее самостоятельной реализации, а также состоянию местных финансов и форм участия населения. Показано, что к концу 1980-х гг. проблема местной власти приобрела системный характер: речь шла уже не только о недостатках отдельных органов, а о несоответствии территориальной ответственности Советов организационным и экономическим условиям их деятельности. Реформы рубежа 1980-1990-х гг. рассматриваются лишь как следствие накопившихся ранее противоречий.*

Ключевые слова: *местные Советы народных депутатов, местное управление, перестройка, демократический централизм, социалистическое самоуправление, местное хозяйство, реформа местной власти.*

NAZARLI Magamed Archil ogly,
Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law Omsk State University named after F.M. Dostoevsky
Scientific director:

YASCHUK Tatyana Fedorovna,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Faculty of Law, Dostoevsky Omsk State University

LOCAL SOVIETS OF PEOPLE'S DEPUTIES IN THE USSR AND THE RSFSR IN THE MID-1980S: CONTRADICTIONS OF LEGAL STATUS AND PREREQUISITES FOR REFORMING LOCAL GOVERNMENT

Annotation. *The article examines the state of local government in the USSR and the RSFSR by the mid-1980s and identifies the reasons that made its subsequent reform necessary. It analyzes the constitutional status of local Soviets of People's Deputies, their place within the unified system of state power, the relationship between Soviets and executive committees, and the dependence of territorial administration on sectoral ministries and centralized allocation of resources. Particular attention is paid to the contradiction between the broad legally established competence of local Soviets and their limited ability to exercise it independently, as well as to local finances and public participation. The study shows that by the end of the 1980s the problem had become systemic: the issue was not merely the shortcomings of individual bodies, but the mismatch between the territorial responsibility of local Soviets and the organizational and economic conditions of their activity. The reforms of 1990-1991 are considered only as a consequence of contradictions accumulated earlier.*

Key words: *local self-government, local Soviets of People's Deputies, local administration, perestroika, democratic centralism, socialist self-government, local economy, reform of local government.*

К середине 1980-х гг. местные Советы народных депутатов формально обладали значительным объемом властных полномочий. Конституция СССР 1977 г. определяла Советы как политическую основу государства, а местные Советы - как органы государственной власти на соответствующей территории. Они утверждали планы экономического и социального развития и местные бюджеты, руководили подчиненными предприятиями и учреждениями, решали вопросы социально-культурного и хозяйственного строительства [1]. Конституция РСФСР 1978 г. воспроизводила эту модель [2]. Поэтому кризис местного управления нельзя объяснить отсутствием у Советов компетенции как таковой. Проблема состояла в расхождении между широтой юридически закрепленных полномочий и реальными условиями их осуществления.

Основным ограничителем самостоятельности выступала сама организация советской государственной власти. Принцип демократического централизма сочетал выборность и подотчетность органов с обязательностью решений вышестоящих звеньев. Местный Совет решал вопросы территории, но одновременно являлся частью единой государственной вертикали и должен был проводить решения вышестоящих органов [1; 2]. В результате наличие собственного предмета деятельности не означало наличия самостоятельного политического и хозяйственного усмотрения. Особенно заметно это проявлялось в планировании и распределении ресурсов: местные потребности включались в общегосударственные и республиканские планы, а возможность изменить приоритеты на уровне территории была ограничена.

Внутри местного аппарата существовало и другое противоречие - между формальным положением Совета как органа власти и фактической ролью постоянно действующего исполнительного аппарата. Исполнительный комитет избирался Советом и был ему подотчетен, однако одновременно отчитывался перед вышестоящим исполнительным органом. Отделы и управления исполкомов включались также в отраслевые вертикали [1; 2]. Сессии Совета проводились периодически, тогда как исполком и его профессиональный аппарат ежедневно готовили решения, располагали основной управленческой информацией и организовывали их исполнение. Такая конструкция не устраняла представительный характер Советов, но объективно усиливала административное начало и затрудняла постоянный депутатский контроль.

Наиболее остро противоречия проявлялись в хозяйственной сфере. Совет отвечал за комплексное развитие территории, состояние коммунального хозяйства, торговли, бытового обслуживания, жилищного строительства и социальной инфраструктуры. При этом значительная часть предприятий, расположенных на территории, могла находиться в союзном или республиканском подчинении. Их основные производственные планы, капитальные вложения и ресурсы определялись отраслевыми министерствами и ведомствами. Местные Советы могли контролировать отдельные вопросы и координировать деятельность таких предприятий, но не распоряжались ими как собственник [1; 3; 4]. Возникало устойчивое несоответствие: ответственность носила территориальный характер, а реальные хозяйственные рычаги были распределены между различными ведомственными центрами.

Финансовая зависимость усиливала указанную проблему. Местный бюджет утверждался Советом, но его доходная база и возможности расходования были тесно связаны с централизованной системой планирования и межбюджетного распределения. Самостоятельная муниципальная собственность как особая экономическая основа местной власти в действовавшей конституционной модели отсутствовала. Поэтому расширение перечня полномочий само по себе не обеспечивало реального усиления Советов: для исполнения решений требовались ресурсы, которыми местные органы не всегда могли распоряжаться. Именно это противоречие между обязанностью отвечать за состояние территории и ограничен-

ностью собственной материальной базы стало одной из ключевых предпосылок последующего пересмотра всей модели местного управления.

Показательно, что необходимость исправления такого положения была официально признана еще до появления законодательства о местном самоуправлении. Постановление от 25 июля 1986 г. № 876 ставило задачу повысить роль и ответственность Советов, расширить их воздействие на предприятия независимо от ведомственной подчиненности, усилить координацию планов и укрепить доходную базу местных бюджетов [6]. Этот акт важен не столько как этап будущей реформы, сколько как источник, характеризующий состояние системы в середине десятилетия. Если потребовалось специально усиливать влияние Советов на хозяйство собственной территории и передавать им дополнительные финансовые возможности, значит ранее закрепленная компетенция не обеспечивала достаточных инструментов ее реализации.

Формы участия населения также существовали задолго до реформ. Депутаты работали с избирателями, действовали собрания и сходы граждан, общественные организации, домовые, уличные и иные формы общественной самодеятельности. Положение 1985 г. об общих собраниях и сходах прямо рассматривало их как форму участия населения в решении вопросов местного и общегосударственного значения [5]. Однако наличие процедур участия не гарантировало сопоставимого влияния на содержание решений. Возможности граждан были связаны с возможностями самого Совета, а они ограничивались централизованным планированием, отраслевой системой управления и политической организацией советского государства. Поэтому проблема заключалась не в отсутствии участия, а в его ограниченной результативности.

Юридическая литература второй половины 1980-х гг. показывает, что недостатки местного управления воспринимались современниками уже как взаимосвязанная проблема. В работах Г. В. Барабашева, Н. Г. Старовойтова, К. Ф. Шеремета, В. И. Васильева вопрос ставился через повышение реальной роли Советов, совершенствование их отношений с исполнительными органами и хозяйственными структурами [7; 8]. Одновременно обсуждение социалистического самоуправления народа расширяло представления о непосредственном участии граждан и ответственности выборных органов [9; 10]. При этом социалистическое самоуправление не тождественно современному местному самоуправлению: оно охватывало более широкий круг государственных и общественных форм. Значение этой дискуссии состояло прежде всего в том, что она позволяла поставить вопрос о пределах административной централизации и о необходимости большей самостоятельности низовых звеньев.

Таким образом, к концу 1980-х гг. накопился комплекс противоречий, которые уже трудно было устранить отдельными организационными мерами. Местные Советы обладали широкой юридической компетенцией, но действовали внутри жесткой иерархии; отвечали за комплексное развитие территории, но не контролировали значительную часть ее хозяйственных ресурсов; формально руководили исполнительными органами, но зависели от постоянно действующего аппарата; имели развитые формы связи с населением, однако реальное влияние граждан на распределение ресурсов и приоритетов оставалось ограниченным. На этом фоне демократизация и гласность второй половины 1980-х гг. не создали проблему местной власти заново, а сделали более заметными уже существовавшие несоответствия.

Поэтому последующее обращение законодателя к категории местного самоуправления следует понимать прежде всего как реакцию на кризис прежней модели. Закон СССР от 9 апреля 1990 г. закрепил иной подход к решению вопросов местного значения и материально-финансовой основе местной власти [11], однако подробное содержание этой реформы выходит за пределы настоящего исследования. Для оценки предшествующего периода важнее другое: к рубежу десятилетий потребность в реформировании возникла не из одного политического решения, а из длительного несоответствия между нормативным статусом Советов и организационными, финансовыми и хозяйственными возможностями их деятельности. Именно это несоответствие определило историческую логику перехода от попыток «усилить Советы» к поиску иной модели местного управления.

Список литературы:

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

[2] Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики: принята Верховным Советом РСФСР 12 апреля 1978 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.

[3] О городском, районном в городе Совете народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 29 июля 1971 г. в ред. Закона РСФСР от 3 августа 1979 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1979. № 32.

[4] О краевом, областном Совете народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 20 ноября

1980 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1980. № 48. Ст. 1593.

[5] Об утверждении Положения об общих собраниях, сходах граждан по месту их жительства в РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 августа 1985 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 36. Ст. 1269.

[6] О мерах по дальнейшему повышению роли и усилению ответственности Советов народных депутатов за ускорение социально-экономического развития в свете решений XXVII съезда КПСС: постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР от 25 июля 1986 г. № 876 // Собрание постановлений Правительства СССР. 1986. № 27. Ст. 151.

[7] Барабашев Г. В., Старовойтов Н. Г., Шеремет К. Ф. Советы народных депутатов на этапе совершенствования социализма. М.: Юридическая литература, 1987. 368 с.

[8] Барабашев Г. В., Васильев В. И., Шеремет К. Ф. Советы народных депутатов: время перемен // Советское государство и право. 1988. № 5. С. 3-13.

[9] Гулиев В. Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Советское государство и право. 1986. № 2. С. 3-11.

[10] Тихомиров Ю. А. Проблемы активизации политических институтов // Советское государство и право. 1986. № 6. С. 14-21.

[11] Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР: Закон СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-I.

References:

[1] Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: adopted by the Supreme Soviet of the USSR on October 7, 1977 // Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR. 1977. No. 41. Art. 617.

[2] Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic: adopted by the Supreme Soviet of the RSFSR on April 12, 1978 // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1978. No. 15. Art. 407.

[3] On the City and City-District Soviet of People's Deputies of the RSFSR: Law of the RSFSR of July 29, 1971, as amended by the Law of the RSFSR of August 3, 1979 // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1979. No. 32.

[4] On the Territorial and Regional Soviet of People's Deputies of the RSFSR: Law of the RSFSR of November 20, 1980 // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1980. No. 48. Art. 1593.

[5] On Approval of the Regulations on General Meetings and Gatherings of Citizens at Their Place of Residence in the RSFSR: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of August 27, 1985 // Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1985. No. 36. Art. 1269.

[6] On Measures to Further Enhance the Role and Strengthen the Responsibility of Soviets of People's Deputies for Accelerating Socio-Economic Development in Light of the Decisions of the XXVII Congress of the CPSU: Resolution of the Central Committee of the CPSU, the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR and the Council of Ministers of the USSR of July 25, 1986, No. 876 // Collection of Resolutions of the Government of the USSR. 1986. No. 27. Art. 151.

[7] Barabashev G. V., Starovoitov N. G., Sheremet K. F. Soviets of People's Deputies at the Stage of Improving Socialism. Moscow: Legal Literature, 1987. 368 p.

[8] Barabashev G. V., Vasiliev V. I., Sheremet K. F. Soviets of People's Deputies: A Time of Change // Soviet State and Law. 1988. No. 5. Pp. 3–13.

[9] Guliev V. E. Theoretical Issues of Socialist Self-Government // Soviet State and Law. 1986. No. 2. Pp. 3–11.

[10] Tikhomirov Yu. A. Problems of Activating Political Institutions // Soviet State and Law. 1986. No. 6. Pp. 14–21.

[11] On the General Principles of Local Self-Government and Local Economy in the USSR: Law of the USSR of April 9, 1990, No. 1417-I.

ПРАВО и УПРАВЛЕНИЕ

научно-правовой журнал

(№ 9 сентябрь)
2026 год

Подписано в печать 02.10.2026.
Формат 60x90/8. Печ. л. 21,5. Тираж 100 экз. Заказ № 89.

Отпечатано в типографии ООО «Юркомпани»
г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3.